

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ
XX ВЕКА

«СВЕТЕ ТИХИЙ»

Жизнеописание
и труды
епископа
Серпуховского
Арсения
(Жадановского)

ТОМ
2

МОСКВА ·ПАЛОМНИКЪ· 2002

‡

По благословению архиепископа
Тернопольского и Кременецкого Сергия

Составил
Сергей Фомин.

Составитель благодарит
протоиерея Валериана Кречетова;
Александру, Надежду и Елену Кориных
за предоставление для издания в настоящем томе
ряда ценных материалов, а также
Марию Шипунову,
оказавшую помощь при сборе некоторых публикаций.

В книге использованы материалы из личного архива

Елены Владимировны Апушкиной ‡ 25.1/7.12.1999.

Во втором томе трудов епископа Арсения (Жадановского, ‡ 1937) публикуются такие его (ныне малоизвестные) труды, как: «Преподобный Макарий Египетский», «Древнехристианская практика причащения Св.Таин», «Граф Толстой и наше неверие», слова и проповеди, сказанные им в годы Германской войны 1914–1917 гг. Особый интерес, несомненно, вызовет публикация весьма редких ныне изданий, рассказывающих о создании Владыкой близ Зарайска (в то время Рязанской губернии) женской общины «Гефсимания», о святынях Московского Кремля, а также печатающиеся нами впервые по рукописи его «Воспоминания о поездке на Восток и в святую Землю Палестину» и духовные стихи. В обширном приложении изданы статьи из выходившего в 1912–1917 гг. под редакцией епископа Арсения журнала «Голос Церкви», считавшегося «одним из наиболее живых и содержательных богословских ежемесячников». Среди авторов печатающихся нами материалов – преподобный Гавриил (Зырянов), священномученик Владимир, митрополит Киевский; владыки Антоний (Храповицкий), Никон (Рождественский), Феодор (Поздеевский) и др. Том снабжен обширными комментариями и иллюстрирован редкими снимками.

© Публикация, составление, редакция,
комментарии и фотографии – С. В. Фомин.

© «Паломник»

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ЕПИСКОПА АРСЕНИЯ (ЖАДАНОВСКОГО)

Родитель

11-го ноября 1906 года в 4 часа дня на 71-м году своей жизни скончался добрый, кроткий и смиренный пастырь нашей Харьковской епархии протоиерей о. Иоанн Жадановский, священствовавший 47 лет. За несколько поколений восходит происхождение его из духовного звания. Прадед о. Афанасий, дед о. Стефан и отец его о. Андрей Жадановский были священниками и, что замечательно, род Жадановских священствует на одном и том же приходе, именно при Рождество-Богородичной церкви г. Чугуева, более 100 лет.

Профессор Харьковского университета Багалей в своих исторических заметках о Харьковской губернии (приложение к Харьковскому календарю), между прочим, замечает, что в начале XIX столетия в г. Чугуев был прислан епархиальным начальством ученый священник Жадановский для борьбы с расколом. По сохранившимся метрическим книгам этой церкви значится сначала старший священник Чугуевского военного поселения о. Стефан Жадановский, он же и благочинный церквей округа, затем протоиерей Андрей Жадановский, далее покойный протоиерей Иоанн Жадановский и, наконец, в настоящее время сын покойного священник Алексий Жадановский.

О. Иоанн родился в 1836 году сентября 13 дня – в слободе Дмитровке Изюмского уезда, где отец его в то время священствовал. По окончании полного курса наук в 1857 году в Харьковской Духовной семинарии о. Иоанн в 1859 году определен был Преосвященным Епископом Макарием священником к Писаревской Введенской церкви Волчанского уезда, где пробыл на приходе около 18 лет – по 1877 год, когда переведен был в г. Чугуев к Рождество-Богородичной церкви на место скончавшегося отца своего протоиерея Андрея Жадановского. На этом приходе о. Иоанн пробыл около 28 лет. За два года до своей кончины он передал место своему сыну священнику о. Алексию Жадановскому.

Много потрудился покойный о. Иоанн на своем веку. Он состоял законоучителем в Писаревском начальном училище, в Осиновском земском народном училище, в Осиновской церковно-приходской шко-

ле и 27 лет в Чугуевском городском училище, где за 25 лет выслужил пенсию. Далее о. Иоанн состоял катехизатором восемь лет, помощником благочинного пять лет, депутатом 11 лет, исправлял должность благочинного во 2-м округе Волчанского уезда, состоял членом благочиннического Совета в 1-м округе Змиевского уезда 23 года, состоял председателем Змиевского отделения Епархиального училищного совета около 3-х лет. Высшее епархиальное начальство за труды и пастырскую ревность не оставляло поощрять покойного наградами.

По своему направлению о. Иоанн был преданнейшим, покорным сыном св. Православной Церкви и отечества. Все установления Церкви он принимал с любовью и был совершено чужд так называемого свободомыслия. От отца своего он унаследовал серьезность и необыкновенное трудолюбие, а от матери кротость и смирение. Беззаветной преданностью своему долгу о. Иоанн поражал всех, кто его знал. Ни болезнь, ни усталость не останавливали его в исполнении возложенных на него обязанностей. По свидетельству сослуживцев его по городскому училищу, о. Иоанн за 27 лет не пропустил почти ни одного урока; если же болезнь или патырские обязанности вынуждали его к этому, он просил учителей поменяться с ним уроками или же восполнял их в свободное время. Литургию о. Иоанн служил почти каждый день. Сорокоусты в его церкви были обычным явлением. Преданность своему делу заставляла о. Иоанна постоянно быть дома. Никаких отпусков он никогда не брал и только по выходе в заштат, в первый раз в жизни, совершил большое путешествие в Москву к свому сыну архимандриту Арсению, наместнику Московского Кафедрального Чудова монастыря.

Та же любовь к труду заставляла его в свободное каникулярное время заниматься садоводством и пчеловодством. О. Иоанн был хороший столяр, токарь и переплетчик. Имел прекрасный сад и образцовую пасеку с различного рода разборными ульями. За пчеловодство удостоен награждения несколькими похвальными листами и медалями. Выносливость о. Иоанна в труде была необыкновенная – утром служба, далее занятия по школам, затем всякого рода приходские требы, наконец, домашние занятия по возлагаемым на него должностям наполняли все время дня и при этом никто никогда не слыхал, чтобы о. Иоанн жаловался на усталость. На первом плане у него было всегда дело, о здоровье же он как бы не думал. Будучи всегда занят, о. Иоанн был вполне свободен от каких-либо развлечений и только позволял себе иногда послушать игру на рояле кого-либо из домашних.

Музыку он очень любил; вино о. Иоанн употреблял только виноградное и то в самом ограниченном количестве; курения табаку не выносил, так что приходилось посетителям, имеющим эту привычку,

иной раз воздерживаться в его присутствии от курения или же выходить в другое помещение. Постник он был строгий; ещё с детства, с 8 лет и до 18-ти, он совсем не ел мяса. На восемнадцатом же году вследствие слабости организма, по совету докторов и родных, он стал употреблять мясную пищу; свинного же мяса не ел и до смерти. Он не считал возможным нарушить пост ни по каким причинам, даже по болезни.

Удивительный случай этому показал он во время своей болезни, бывшей с ним за 8 лет до кончины – следовательно, когда ему было 62 года. По обязанности председателя уездного Змиевского отделения, о. Иоанну однажды в дурную осеннюю пору пришлось быть в Харьковской Духовной семинарии. Поездка эта была для него роковою. Он простудился и заболел воспалением легких. Домашний уход, правда, быстро поднял его с одра болезни. Нужно было после этого хорошо оправиться и затем уже служить, тем более что церковь, где ему всю жизнь приходилось служить, была холодная и сырая, но пастырская ревность понуждала его скорее приняться за дело и он, едва просидев три недели дома, еще весьма слабый, начал выходить в церковь, выезжать на уроки и исполнять все требы. С ним повторилось воспаление легких. Казалось, что положение его было теперь безнадежно. О. Иоанн лежал еле живым. Дело было в Филипповский пост. Доктора приговорили его к смерти. Чтобы хотя немного подкрепить силы, они считали безусловно необходимым питать его мясным бульоном. О. Иоанн ни за что не соглашался на употребление скоромной пищи. Близкие приходили в отчаяние и считали дни и часы, когда настанет праздник Рождества Христова – время мясоеда. И, слава Богу, о. Иоанн дожил до праздника. С наступлением его, причастившись Св. Животворящих Таин Христовых, он почувствовал себя лучше и стал поправляться, чему немало способствовала также молитва о. Иоанна Кронштадтского, которому один из сыновей покойного писал письмо с просьбою помолиться о тяжко болящем протоиерее Иоанне. О. Иоанн Кронштадтский не замедлил ответить. Он писал: «Кланяюсь Вашему батюшке с матушкой и желаю ему скорейшего выздоровления».

О. Иоанн всегда пользовался любовью своих прихожан. Его любили прихожане деревни Пискаревки, где он прослужил 18 лет. Когда он подымался с этого прихода и переезжал в г. Чугуев, вышла вся деревня его провожать, при этом каждый старался в последний раз батюшке оказать свою услугу, хотя бы подводою для перевозки вещей. После перехода в Чугуева писаряне для дома о. Иоанна были как бы родными. Временами эти «родичи», так бывало шутил о. Иоанн со своей матушкой, считали долгом проведывать прежнего своего батюшку. И удивительную здесь можно было наблюдать привязанность. Все, что

касалось о. Иоанна и его семейства, писаряне близко принимали к сердцу, они радовались и плакали с ним. Ту же любовь питали к о. Иоанну и чугуевцы, и прежде всего они любили его за простое, доброе к ним отношение. Он не обременял своих прихожан платой за требоисправление, а довольствовался тем, что кто даст. Чрез это, действительно, наблюдалась пониженнная плата вознаграждения за его труды, так что вся окружность об этом знала. Но истинны слова Господа: *всякий делатель достоин мзды своея (Мф. 10, 10),* – прихожане о. Иоанна достаточно обезпечивали материально через частые требы, от которых о. Иоанн никогда не отказывался, напротив, усердно старался исполнять все их благочестивые желания. Так, он всегда взрослых покойников провожал пешком на приходское кладбище, несмотря на его отдаленность о церкви и весьма крутую гору.

И это усердие о. Иоанна было почтено прихожанами по его смерти. О. Иоанн умер в глубокую осень, во время самой дурной погоды. До городского Чугуевского кладбища, где надлежало хоронить о. Иоанна, было 3 версты от приходского храма. Путь туда по случаю дождя был невозможный. Несмотря на это, нашлось много охотников из прихожан нести гроб его на руках. И трогательно было слышать, как эти прихожане вместо недовольства на непогоду, с умилением говорили: «Наших покойников батюшка никогда не отказывался провожать, слава Богу, что и мы удостоились его нести на своих руках на место вечного упокоения».

Когда исполнилось о. Иоанну 40 лет служения в священническом сане, те же прихожане, движимые любовью к своему пастырю, решили поднести украшенный каменьями золотой крест. Об этом они подали прошение покойному архиепископу Харьковскому Амвросию, который резолюцией от 12-го мая 1901-го года разрешил это подношение. Во время подношения представитель от прихожан Григорий Фомин говорил о. Иоанну: «Дорогой и многоуважаемый наш пастырь! Около 25 лет ты усердно в этом храме возносишь перед престолом Господним за нас грешных свои святые молитвы, научаешь нас вере и добру. Скольких из нас за это время твоя благословенная рука крестила, скольких благословила на вечное упокоение... Ты наш добрый пастырь и отец! Просим тебя: до конца дней твоих не оставляй сей св. храм, а вместе с ним и нас, любящих тебя прихожан. В благодарность же за твои труды приими от нас сей св. крест, а вместе и земной поклон».

О. Иоанн весьма был растроган такой признательностью своих прихожан и мог им ответить волнующимся голосом только несколько слов: «Благодарю вас, дорогие мои, за такую любовь к своему пастырю».

Да, за простоту, смирение, кротость, о. Иоанна любили все прихожане, а сердобольные богомолки постоянно награждали его эпитетами: «Наша ягодка, красное солнышко».

В отношении к своему семейству, в частности, к детям, о. Иоанн был справедливо-строг. Какого бы то ни было баловства в детях он не допускал. В нем сыновья видели, пока учились, пока не выходили на свои хлеба, строгого отца, настойчиво требующего хорошего поведения и успехов в науках. После же окончания курса учения для детей он был мягкий, любящий родитель. И хвала о. Иоанну. Он воспитал в добром направлении 5 сыновей, дав почти всем им высшее образование. Старший из них, о. Алексий теперь состоит священником в городе Чугуеве, занимает должность благочинного и председателя Змиевского уездного отделения училищного совета; следующий, о. Андрей, священствует в г. Харькове при Святодуховской церкви; Антонин преподает в Белгородской мужской гимназии; Арсений – архимандрит и наместник Московского кафедрального Чудова монастыря; и Николай – преподаватель Изюмского реального училища.

Воспаление легких, которое случилось с о. Иоанном за 8 лет до смерти, слишком подорвало его здоровье; он стал слабеть и за два года до кончины решил передать приход сыну своему о. Алексию. 9-го мая 1904 года происходило прощание о. Иоанна с прихожанами. Прощание это было трогательное, умилительное; оно сопровождалось многими слезами. После Божественной литургии, которую о. Иоанн служил соборне, он обратился к прихожанам со следующим, последним, прощальным словом:

«Господь привел мою пастырскую службу окончить в вашем приходе. Двадцать семь лет я трудился у вас, насколько позволяли мои силы. За это время пришлось мне совершить в приходе множество христианских треб, крещений, браков, напутствований в загробную жизнь, погребений... Во всю мою службу мне утешительно было видеть и испытывать повсюду окружающую меня любовь моих прихожан. Я теперь оставляю приход, и мне радостно видеть, что за время пастырского моего служения храм наш оказался украшенным, обогащенным ризницей, так что посещающие храм наши архипастыри – Амвросий, Флавиан и Арсений высказывали свое удовольствие и благодарность. Радуюсь и на нашу церковно-приходскую школу; она считается лучшей во всем уезде. Вы знаете, как интересуются обучать в ней детей не только наши прихожане, но и прихожане других приходов. Похвалы на Всероссийской Нижегородской выставке за рукодельные работы и, затем, похвальный лист от Петербургского учреждения «Детский мір Императрицы Марии» говорят за нашу школу.

Оставляю я вас теперь, а сын мой о. Алексий, по милости Божией и по доброте нашего Архипастыря Арсения, назначается заместителем моим в ваш приход. Полюбите, дорогие мои, и его также, как вы любили меня. Он человек опытный и благовоспитанный; он будет для вас хорошим примером благочестия и доброй жизни. Сегодня было мое последнее служение в должности вашего приходского пастыря. Я прощаюсь с вами... Простите же меня во всех моих прегрешениях, соделанных мной во время долголетней моей службы у вас, кого чем оскорбил, обидел, нанес вред, простите вы меня все добродушно, я же вас прощаю, да простит и Господь всех нас. Умру, отойду от этой жизни в предел каждого человека, не оставьте, не забудьте молиться о мне, запишите и в поминания ваши меня многогрешного протоиерея Иоанна. Молю Господа, да хранит и благословит Он вашу жизнь долголетием, счастьем и всяким добром...»

По выходе в заштат о. Иоанн, пока позволяли силы, помогал по приходу своему сыну о. Алексию и не оставлял посещать храм Божий до последней возможности. В храме он и обезсилел. Дело было на Рождественских праздниках в 1905 году. О. Иоанн по обычаю сам направился в храм, но оттуда его уже принесли; у него вдруг от сильного ревматизма слабели связки ног. Он после этого перестал ходить. Болезнь приковала его к постели. Но и не владея ногами, о. Иоанн не оставлял храма; его туда носили на кресле. Терпеливый от природы, о. Иоанн в болезни не падал духом; тем более что за ним сначала усердно ухаживала возлюбленная его супруга Феодосия Алексеевна.

Но вслед за болезнью о. Иоанна постигла новая невыразимая скорбь. Супруга его, доселе здоровая и крепкая, вдруг сильно занемогла болезнью печени. Промучившись 6 месяцев, она 11-го октября 1906 года в 11 часов вечера скончалась, оставив безпомощного, слабого, скорбного своего старика. Смерть любимой супруги сильно опечалила немощного о. Иоанна, и эта печаль отлилась в нем в необыкновенную кротость и тихость.

Пережив лишь на один месяц свою супругу, о. Иоанн, неоднократно напутствуемый Св. Таинами, тихо, спокойно, незаметно для других отошел ко Господу 11 ноября 1906 года в 4 часа дня. За несколько минут до смерти сын покойного о. Алексий спрашивал о. Иоанна: «Как чувствуете себя?» О. Иоанн произнес: «Не безпокойся, ничего, хорошо»... И это были его последние слова.

Как только духовенство г. Чугуева узнало о кончине достоуважаемого протоиерея, оно не замедлило прибыть в дом его для совершения церковной панихиды. Когда возник вопрос о погребении, домашние пришли в недоумение, когда назначить его – 13-го ноября затрудни-

лись, так как родные к этому времени не могли съехаться; 14-го – Царский день; 15-го долгий срок – боялись разложения тела. Доложили Высокопреосвященному Арсению – он благословил 15-го, при этом заметил, что нечего бояться разложения, и действительно, о. Иоанн в течение всех 5 дней сохранился поразительно хорошо, так что впечатление от тела его при самой уже могиле было таково, что жаль было его зарывать в землю. По благословению благостного Харьковского Архипастыря Арсения, отпевание совершил Преосвященный Евгений, епископ Сумский, с многочисленным духовенством при большом стечении молящихся. В конце отпевания священник Покровской церкви г. Чугуева о. Николай Красин произнес надгробное слово. [...]

Б.

Послужной список наместника Московского кафедрального Чудова монастыря архимандрита Арсения за 1906 год

[18 января 1907 г.]

33 года.

Сын протоиерея Харьковской губернии, в міре именовался Александр Иванов Жадановский, холост; в монашество пострижен в Святогорской пустыни *17 июля 1899 года.*

Обучался в Харьковской Духовной семинарии, где и окончил курс с званием студента семинарии в *1894 году,* а в *1899 году* поступил в число студентов Московской Духовной академии, где и окончил курс с званием кандидата академии в *1903 году.*

1.9.1894-26.1.1896 – Состоял учителем Осиновской церковно-приходской школы в Харьковской губернии.

26.1.1896 – Состоял на должности надзирателя-репетитора при Сумском Духовном училище.

14.8.1899 – Рукоположен во иеродиакона.

1.10.1899 – За поступлением в число студентов Московской Духовной академии отчислен от должности надзирателя-репетитора.

9.5.1902 – Рукоположен во иеромонаха.

2.9.1903 – Резолюциею Высокопреосвященнейшего Владимира, Митрополита Московского и Коломенского назначен на должность казначея Чудова монастыря.

6.3.1904 – Состоит Председателем Высочайше учрежденного Комитета для принятия и хранения приношений на созидание в Москве храма во имя святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

6.3.1904 – Состоит председателем Комитета, учрежденного для принятия пожертвований на храмы, устрояемые в Сибирском крае.

26.3.1904 – Назначен наместником кафедрального Чудова монастыря с возведением в сан архимандрита.

27.3.1904 – Возведен Высокопреосвященнейшим Владимиром, митрополитом Московским в сан архимандрита.

Братия Московского кафедрального Чудова монастыря

Из Клирных ведомостей на 1906 г. узнаем, что в то время в Чудовом монастыре состояли:

Архиерейский дом

1. Казначей, игумен Феодосий (Иоанн Феодорович Ганицкий), 46 лет, сын священника, пострижен 17.4.1899.

2. Ризничий, иеромонах Евсигний (Андрей Трифонов), 50 лет, из крестьян, пострижен 5.8.1895.

3. Иеромонах Герасим (Анциферов), 72 лет, из духовного звания, пострижен 15.1.1866.

4. Иеромонах Никифор (Алексей Григорьев Уваров), 46 лет, из крестьян, пострижен 29.2.1892.

5. Иеромонах Арсений (Сергей Русинов), 46 лет, из духовного звания, пострижен 6.6.1892.

6. Иеродиакон Сергий (Виталий Баев), 39 лет, из крестьян, пострижен 25.9.1899.

7. Иеродиакон Иона (Иван Михайлов Шигаев), 33 лет, из крестьян, пострижен 24.6.1903.

8. Иеродиакон Леонид (Лаврентий Антошенко), 35 лет, из крестьян, пострижен 8.8.1905.

9. Монах Алексий (Антон Решетников), 43 лет, из крестьян, пострижен 28.8.1899.

10. Послушник Димитрий Савченко, 34 лет, из крестьян.

1. Благочинный, иеромонах Ферапонт (Петр Отрощенко), 39 лет, из крестьян, пострижен 12.12.1898.

2. Духовник, иеромонах Иоасаф (Иоанн Цветков), 66 лет, из духовного звания, пострижен 14.6.1870.

3. Иеромонах Платон (Евлампий Синадский), 39 лет, из духовного звания, пострижен в Высокогорской пустыни 6.3.1899.

4. Иеромонах Анастасий (Алексей Воскресенский), 68 лет, из духовного звания, пострижен 4.4.1870.

5. Иеромонах Кассиан (Павел Беляев), 54 лет, из мещан, пострижен 28.2.1896.

6. Иеромонах Елпидифор (Харитон Максименко), 37 лет, из казаков, пострижен 3.4.1900.

7. Иеромонах Серафим (Николай Орлов), 36 лет, сын псаломщика, пострижен 8.8.1904.

8. Иеродиакон Севастиан (Адриан Васильев), 39 лет, из крестьян, пострижен 18.12.1901.

9. Иеродиакон Михаил (Яков Яценко), 33 лет, из крестьян, пострижен 5.12.1903.

10. Иеродиакон Григорий (Ксенофонт Богомольцев), 32 лет, из крестьян, пострижен 8.8.1905.

11. Иеродиакон Василий (Иван Мартынов), 33 лет, из крестьян, пострижен 7.3.1905.

12. Монах Зосима (Феодор Иджилов), 31 год, из поселян Бессарабской губернии, пострижен 22.3.1906.

13. Послушник Феодор Бобков, 32 лет, из крестьян.

14. Послушник Алексий Сакулин, 33 лет, из крестьян.

15. Послушник Стефан Фендик, 30 лет, из крестьян.

16. Послушник Алексий Монаенко, 30 лет, из крестьян.

17. Послушник Димитрий Миронов, 66 лет, из крестьян.

Предсказание

Когда в 1904 году у [Императора] Николая II родился Наследник, Государь приехал в Чудов монастырь, чтобы у мощей святителя Алексия, где он вымолил себе Сына, отслужить благодарственный молебен. [...] В то время в Чудовом монастыре был прозорливый старец – игу-

мен Герасим*. Он и встречал Царя. Государь, целуя крест, сказал старцу: «Я приехал благодарить за рождение Сына», – на что отец Герасим, кропя Царя святой водой, прямо ему в глаза ответил: «Все равно ты последний в Роде», – а шедшей за Государем [Великой Княгине] Елизавете Феодоровне: «А тебя живой в колодец бросят». Государь побледнел, ничего не сказал. (Все это рассказала мне очевидица событий Евгения Леонидовна, в замужестве Четверухина [(1883 ‡ 1974)], бывшая в числе встречавших Царя. «На нас надели сарафан и кокошник, дали покрытое полотенцем резное блюдо с караваем хлеба и серебряной солонкой, – вспоминала Е. Л. – И когда мы услышали ответ старца Герасима, мы затряслись, чуть солонку не уронили».).

Монахиня СЕРГИЯ (Клименко)

---

* Подробнее о старце Герасиме, предрекшем епископство владыке Арсению, см. в 1-м т. наст. изд. на с. 357-378. В послужном списке, составленном в январе 1907 г., читаем:

«Иеромонах Герасим, 72 лет.

В низшем отделении Енисейского Духовного училища.

Из духовного звания, в міре именовался Георгий Анциферов; холост; в монашество пострижен в Чудове монастыре 15 января 1866 года.

30.11.1857 – Определен в Енисейский монастырь.

4.7.1860 – Переведен, согласно его прошению, в Чудов монастырь.

7.4.1862 – Посвящен в стихарь.

5.12.1870 – Рукоположен во иеродиакона.

17.5.1872 – Рукоположен во иеромонаха.

23.1.1885 – Перемещен в Московский Покровский монастырь

27.9.1885 – Перемещен в Московский Высоко-Петровский монастырь.

31.10.1888 – Переведен обратно в Чудов монастырь.

29.6.1878 – Награжден набедренником.

1.4.1883 – Преподано благословение Святейшего Синода.

20.3.1884 – Награжден наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым.

14.5.1896 – Пожалована Высочайше учрежденная в память священного коронования Государя Императора Николая II серебряная медаль для ношения на груди на Андреевской ленте.

1896 – Имеет серебряную медаль, Высочайше учрежденную в память в Бозе почившего Государя Императора Александра III, для ношения на груди на Александровской ленте.

Держит чреду хранения в Большом Успенском Соборе при мощах святителя Ионы, Митрополита Московского.

[Рукою архимандрита Арсения (Жадановского):] Поведения отлично хорошего. Состоит гробовым иеромонахом у мощей свят. Ионы в Успенском Соборе» (Клирные ведомости. Монашествующие по г. Москве и уездам за 1906 г. // ЦГИА. Ф. 203. Св. 760. № 2644. Оп. 744. Л. 11 об.-14). – *Сост.*

Храм-усыпальница Великого Князя Сергия Александровича

4 февраля 1905 года в Московском Кремле прогремел взрыв. Бомба, брошенная эсером И. П. Каляевым, во время проезда Великого Князя Сергия Александровича мимо Сенатской гауптвахты у Николаевских ворот, попала в карету. В результате Великий Князь был буквально разорван на куски. [...] Великая Княгиня Елизавета Феодоровна тотчас прибыла к месту гибели мужа. Она распорядилась положить останки Великого Князя на носилки и перенести в Алексеевский храм Чудова монастыря, где их поставили близ раки святителя Алексия. Затем останки были переложены в гроб и перенесены в Андреевский храм монастыря. Как отмечали современники, «кажется, насколько известно, это единственный случай, чтобы после кончины останки тела были прямо внесены в храм и затем, уже навсегда оставались в том же здании храма».

Начиная с Петровских времен местом погребения Членов Императорской Фамилии первоначально была Александро-Невская Лавра, затем Петропавловский собор. В отношении Сергия Александровича, который с 1891 по 1 января 1905 г. занимал пост Московского генерал-губернатора и вплоть до дня гибели командовал войсками Московского военного округа, было принято решение устроить при Чудовом монастыре для него усыпальницу. [...]

Великий Князь Константин Константинович, первым из Семьи Романовых прибывший в Москву проститься с Сергием Александровичем, записал в дневнике 7 февраля: «Под сводами храма, арками отделенного от церкви, где покоятся мощи святителя Алексия, посередине стоял на небольшом возвышении открытый гроб. Видна была только грудь мундира Киевского полка с золотыми эполетами и аксельбантами, на месте головы была положена вата, задернутая прозрачным покрывалом, и получалось впечатление, что голова есть, но только прикрыта. Сложенные накрест пониже груди руки, а также ноги были закрыты серебряным парчовым покрывалом».

Усыпальница для Великого Князя Сергия Александровича сооружалась в нижнем покое Чудова монастыря, под храмом Святого чудо-

творца Алексия, Митрополита Всероссийского. Проект усыпальницы разрабатывали архитектор Высочайшего Двора академик В. П. Загорский и сын поэта В. А. Жуковского – П. В. Жуковский, по рисункам которого в Кремле был построен памятник Императору Александру II.

Чтобы понять, какую огромную работу провели архитекторы и художники, необходимо отметить, что две палаты, предназначавшиеся для храма-усыпальницы, имели в 1905 году вид сараев с земляными насыпными полами, кирпичными стенами, где хранили дрова и доски. Для дневного освещения усыпальницы был сделан оконный пролет на Царскую площадь. Для входа в храм из Николаевского дворца пробит дверной проем. Могила-склеп была устроена под тем местом Алексеевского храма, где над сводом усыпальницы стояла рака с мощами Святителя Алексия.

Усыпальница была посвящена Преподобному Сергию Радонежскому, что связано с подаренной по случаю рождения Сергия Александровича 29 апреля 1857 года иконой Преподобного Сергия. После окончания строительных работ эта икона, как и другие, принадлежавшие Сергию Александровичу и Елизавете Феодоровне, были переданы в усыпальницу.

4 июля 1906 года состоялось освящение храма-усыпальницы. Гроб с останками Великого Князя оставался в Андреевском храме Чудова монастыря до этой даты. 4 июля в присуствии Членов Императорского Дома его перенесли через Николаевский дворец, Царскую площадь и ворота Чудова монастыря в усыпальницу. В торжественном шествии принял участие взвод Киевских гренадер, шефом которых был Великий Князь, певчие, духовенство.

Хотя полное завершение работ относится к апрелю 1908 года, в 1906-м уже были окончены иконостас, склеп, выложен мраморный пол, свод выкрашен в темную лазоревую краску и по нему изображены золотые звезды. В ризнице хранились переданные Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной реликвии, принадлежавшие ее мужу и свидетельствовавшие о духовной стороне жизни Сергия Александровича. Среди них благословение Святителя Филарета в 1865 году, когда Великому Князю было 8 лет; икона, брошенная в том же году в Москве в его карету из толпы; иконы по случаю его рождения и висевшие у изголовья его кровати; иконы в память его бракосочетания и перед которыми он молился в своей комнате; благословения при разных событиях его жизни; Евангелие его матери Императрицы Марии Александровны; книги, по которым он следил за церковной службой.

В храме-усыпальнице над одной из сторон алтарной стены был повешен покров с гроба Великого Князя в Андреевском храме. Рядом

стоял высокий дубовый крест с вложенными в него носилками, на которых перенесли останки Великого Князя с места гибели в храм. Перед крестом висела лампада в оправе из золотого браслета с сапфиром, подаренного Елизавете Феодоровне мужем в день их помолвки 6 ноября 1883 года.

Среди святынь, которыми Великий Князь особенно дорожил, – полумантия преподобного Серафима, Саровского чудотворца, и икона преподобной Великой Княгини Анны Кашинской. Полумантия перешла к Сергию Александровичу от матери и была известна в Семье Романовых как святыня, исцелившая Великую Княжну Марию, сестру Сергия Александровича. [...] До 1874 года, когда Великая Княжна Мария Александровна вышла замуж за герцога Эдинбургского, полумантия отца Серафима хранилась у нее. После ее отъезда из России полумантия хранилась у Императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, вплоть до ее кончины 22 мая 1880 года, после чего была передана их сыну Сергию Александровичу. По его желанию полумантия была выставлена 18 и 19 июля 1903 года в Успенском Соборе Москвы, когда в Сарове прославляли старца Серафима.

В храме-усыпальнице, с разрешения Елизаветы Феодоровны, для хранения полумантии был сооружен серебряный ковчег с драгоценными камнями, изготовленный в мастерской Шамординской женской общины, основанной [преподобным] отцом Амвросием, старцем Оптиной пустыни.

Упоминавшаяся выше икона Анны Кашинской письма 1676 года была подарена Императрице Марии Александровне княгиней Е. А. Голицыной, а затем перешла к Сергию Александровичу. [...] В 1908 году Император Николай II согласился с просьбой о восстановлении открытого прославления Великой Княгини Анны Кашинской. (Празднование памяти преподобной Великой Княгини Анны было установлено в 1650 г., а отменено Патриархом Иоакимом в 1677 г.). Это торжество было назначено на 12 июня 1909 года и происходило в Кашине, куда 10 июня с экстренным поездом из Москвы прибыла Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, взяв с собой икону преподобной Анны Кашинской. На торжествах во время всенощного бдения икона была возложена на святые мощи. Возвратившись в Москву, Елизавета Феодоровна передала в храм-усыпальницу вместе с иконой ковчежец с частицей мощей Анны Кашинской.

Полное окончание работ в храме-усыпальнице относится к апрелю 1908 года. К этому времени было сооружено надгробие из белого мрамора, на котором лежала икона Преподобного Сергия и был высечен осьмиконечный серебряно-вызолоченный крест, украшенный драго-

ценными камнями. Исполнение и украшение иконостаса усыпальницы было поручено академику Клавдию Петровичу Степанову. Он также руководил работами по росписи стен храма. При выполнении работ К. П. Степанов применил давно забытый «древний прием писания», который существовал до изобретения масляной краски. Для восстановления утраченной техники К. П. Степанов изучил лучшие образцы иконописания, в том числе иконы в церквах Рогожского кладбища старообрядцев. Современники считали, что красота красок икон в усыпальнице блестяще подтвердила достоинство этого приема.

2 апреля 1908 года прошло малое освящение храма, и в тот же день был освящен крест-памятник, воздвигнутый на месте убийства Сергия Александровича. Чугунный крест в древнерусском стиле, выполненный по проекту художника В. М. Васнецова, сооружался на средства Киевского гренадерского полка. По желанию Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, на кресте были высечены евангельские слова: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят»*.

Т. ЛОБАШКОВА

Освящение памятника и усыпальницы

1 апреля [1908 года] в Москву прибыл Великий Князь Владимир Александрович[2] для присутствия при освящении памятника-креста в Кремле на месте убиения Великого Князя Сергия Александровича. В 4 часа дня у места памятника отслужена была панихида от чинов Киев-

---

* Усыпальница Великого Князя Сергия Александровича была уничтожена вместе с Чудовым монастырем, Николаевским дворцом и Вознесенским монастырем в 1928-1932 годах. Однако с исчезновением храма-усыпальницы не заканчивается история захоронения останков Великого Князя Сергия Александровича. В 1985 году при перекладке перекрытия на Ивановской площади Кремля был обнаружен склеп Великого Князя[1], на месте которого размещалась кремлевская стоянка автомашин. Тогда же золотые кольца и орден Св. Георгия IV степени, найденные при вскрытии гроба, были переданы Музею Кремля. В 1993 году правительство России создало Комиссию по перезахоронению останков Великого Князя Сергия Александровича. И через 90 лет после гибели, 17 сентября 1995 года, состоялось торжественное перезахоронение родного брата Императора Александра III в Новоспасском монастыре, в родной усыпальнице боярского Рода Романовых.

ского полка в присутствии Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, а в 6 часов состоялось освящение храма-усыпальницы. На другой день совершено было торжественное богослужение в Чудовом монастыре, после чего под звуки «Коль славен» хоров музыки частей войск, построенных на Сенатской площади, из монастыря двинулся крестный ход к месту памятника. Во главе духовенства шли митрополит Владимир[3], епископы Трифон[4], Евдоким[5] и Анастасий[6], архимандрит Чудова монастыря Арсений и бывший духовник Великого Князя Зверев[7]. Затем следовали Августейшие Особы – Великий Князь Владимир Александрович, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великий герцог Гессенский с супругой[8], Великий Князь Димитрий Павлович[9] и Великая Княжна Мария Павловна[10], за ними лица Свиты.

Все приглашенные к этому времени уже разместились в особо устроенном павильоне. После молебствия и окропления памятника и знамени святой водой была провозглашена «вечная память» Великому Князю Сергию Александровичу и возложены были венки. Венки были следующие: «Своему командиру – преображенцы», «Незабвенному шефу – 5-й гренадерский Киевский», «От Свиты», «Незабвенному командующему войсками – чины штаба округа», «Августейшему командующему войсками – московские лейб-драгуны», «Незабвенному председателю – Императорский исторический музей», «Народный дом имени Великого Князя Сергия Александровича» и др.

Памятник был сооружен по эскизу художника В. М. Васнецова: бронзовый крест с эмалью с изображением Распятия и Скорбящей Божией Матери над ним. Крест укреплен был на постаменте из темно-зеленого лабрадора, положенного на гранитном основании. Внизу на кресте была надпись: «Отче, отпусти им – не ведят бо, что творят».

Владимир ДЖУНКОВСКИЙ

Воспоминания о Владыке

Родился епископ Арсений 6 марта и наречен Александром в честь одного из 40 мучеников, празднующихся 9 марта, в г. Чугуеве Изюмского уезда Харьковской губернии. Отец его был заслуженный протоиерей Рождество-Богородичной церкви г. Чугуева, мать имела 5 сыновей, в числе которых был и епископ Арсений.

После наместничества в сане архимандрита в Чудовом монастыре он был в 1914 г. хиротонисан во епископа, викария Московского, Митрополитом Макарием, бывшим алтайским миссионером. По благословению Святейшего Синода, он был оставлен на жительство в Чудовом монастыре к радости его самого, братии обители и всех духовных чад. Наместником монастыря был назначен архимандрит Серафим (Звездинский), который до этого был ректором Вифанской Духовной семинарии. Они оба были одного духа, духовные друзья и прожили в любви и согласии до 1918 г., когда Кремль был закрыт, а Чудов монастырь упразднен.

При воспоминании о епископе Арсении, которого я лично знала с 1903 г., была до последнего его дня преданною духовною дочерью, прежде всего остается в памяти, что он, начиная с первых дней служения в Чудовом монастыре ежедневно служил Литургию, чем привлек к себе много молящихся. При этом благодатном служении чувствовался такой подъем его религиозных чувств, что он заставлял и других также молиться. Он глубоко переживал Святую Евхаристию. Очень любил он и всенародное пение, и когда кончалось богослужение, обедня ли или вечерня, он благословлял весь народ и в это время организовывал общенародное пение. Пели ирмосы, тропари, кондаки Спасителю, Божией Матери и святым. А так как с течением времени паства увеличивалась, то и благословение народа и пение затягивались часа на полтора, а то и два. Особенно это замечалось после воскресных вечерен. Уже с 1908-1909 гг. образовалось братство святителя Алексия. Владыка заказал серебряные медальоны с изображением святителя Алексия и благословлял всем членам братства носить их открыто на груди.

Много потрудился Владыка, написав и издавая свои дневники, начиная с 1908-1909 гг. Он записал свои воспоминания об о. Иоанне Кронштадтском, которого очень чтил, а также об о. Германе и о. Алексии Зосимовских, митрополите Макарии и о многих других известных пастырях.

Во время пребывания в Чудовом монастыре он ежемесячно 1-го числа устраивал водосвятия, исповедывал народ общей исповедью. Часто по воскресеньям его приглашали в общества трезвости, например Варнавинское, и др., где собирались рабочие заводов и фабрик в большом количестве, чтобы помолиться за молебном, а после него прослушать проповедь Владыки. Проповеди его были от души, сердечные, и поэтому доступные простому люду.

Служба в Чудовом монастыре была уставная, без всяких пропусков. Пение протяжное, монашеское. Не любил он нотного, кричащего напева. Всенощные длились с 6 до 10 часов вечера. Особенно умилительны

были службы Великого поста. Канон Андрея Критского он всегда читал сам, на кафедре, в мантии, под умилительные припевы: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя» и ирмосы «Помощник и Покровитель». По четвергам после Литургии каждую неделю читался соборне акафист святителю Николаю пред чтимой иконой, а по субботам также святителю Алексию перед святыми его мощами. Особенно торжественно проходило празднование святителю Алексию три раза в год: 12 февраля, 20 мая и 5 октября при огромном стечении народа и духовенства*.

Паства была весьма многочисленная и с каждым годом увеличивалась. Особенно любил он совершать малые полиелейные всенощные среди недели, в небольшом Андреевском храме, где пели одни молящиеся под его руководством. Там же совершал он в памятные дни заупокойные всенощные с парастасом по о. Иоанне Кронштадтском и по своим родителям, на которых всегда присутствовали его присные духовные чада. Непрерывная связь с пасомыми продолжалась до 1918 года.

Владыка Арсений был очень кротким, смиренным, никогда ни на кого не повышал голоса, боялся кого огорчить. Очень любил детей, которых собралось у него в пастве до 30 человек. Мальчиков он привлекал к службе, ставил посошниками и прислужниками при богослужении. Девочки сами окружали его кафедру в первом ряду перед взрослыми. На Рождество, Пасху, в день его рождения и именин дети приходили к нему в архиерейские покои, поздравляли и обязательно хором пели. Он им устраивал елку, показывал туманные картины, особенно после своей поездки в Палестину в 1913 году.

В 1913 г. в Чудовом монастыре было большое торжество по случаю прославления мощей святителя Ермогена. Как известно, святитель Ермоген был замучен поляками в подземелье Чудова монастыря, и там покоились его останки.

Когда Святейшим Синодом было объявлено о прославлении святителя Ермогена, 40 дней ежедневно совершалась панихида. Кто только

---

* О некоторых других особенностях богослужения в Чудовском монастыре при владыке Арсении узнаем мы из письма преподавателя греческого языка Московского университета Алексея Николаевича Руднева († 16/29.1.1920) к Вере Ивановне Леоновой († 2/15.1.1940), датированного 9 января 1915 г.: «...Не пришлось послушать в Чудовом, на повечерии, под сочельник канона с ирмосами, видоизмененными из ирмосов Великой Субботы («Волною морскою»), а канон читал, по обычаю, владыка Арсений; будничные вечерни в Чудовом вообще хороши, а эта – в особенности» (В поисках Святой Руси. Из писем А. Н. Руднева к В. И. Леоновой // Надежда. Вып. 6. Франкфурт-на-Майне. 1981. С. 315). Некоторые изменения принесла война: «По распоряжению вл. Митрополита в Чудовом ежедневно служится всенощная и будет служиться до окончания войны» (Там же. С. 325). – *Сост.*

был свободен от работы и учебы, считали долгом помолиться у его гроба. Настало 12 мая и святые мощи торжественно были отнесены в Успенский Собор. Владыка принимал [в этом] самое деятельное участие.

1911 г. – устройство в келлиях наместника Чудова монастыря храма во имя Свят. Иоасафа Белгородского.

Освящение храма в Марфо-Мариинской обители

8 апреля [1912 года] при торжественной обстановке совершено было освящение нового храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Марфо-Мариинской обители. Освящал митрополит Владимир, после чего он отслужил обедню и молебствие в сослужении епископов Анастасия и архимандрита Чудова монастыря Арсения и местного духовенства. Присутствовала настоятельница обители Великая Княгиня Елизавета Феодоровна со всеми сестрами обители; среди приглашенных находились депутации от полков – Черниговского гусарского и Киевского гренадерского.

Храм был воздвигнут в парке Марфо-Мариинской обители по планам академика А. В. Щусева в старинном псковско-новгородском стиле. Он был хорошо виден с Большой Ордынки сквозь огромные деревянные ворота в древнерусском стиле. Внутри храм был расписан академиком М. В. Нестеровым, им же написаны были и иконы в иконостасе. Все они написаны с какой-то необыкновенной душевной чистотой, которая проглядывает в каждом штрихе; чувствуешь, как делаешься лучше и чище, смотря на них. Особенное впечатление производит «Святая Русь», которая невольно возбуждает столько дум и столько самых светлых мыслей.

Храм как снаружи, так и внутри поражает своей скромностью, простотой, цельностью. Все соответствует одно другому – и утварь, и одежды, и иконостас, и вся скульптура – все в одном стиле, все дополняет одно другое. Над центральной частью храма возвышается одна большая глава, а две меньших – над звонницами и еще одна, малая, рядом с большой, над ризницей.

Владимир ДЖУНКОВСКИЙ

«Всегда после вечерни»

**(Выписка из записной книги
князя Александра Михайловича Голицына (1838 ‡ 1919),
имеющая отношение к наместнику Чудова монастыря
архимандриту Арсению)**

...Бывая нередко по делам Петровской церкви у Преосвященного Трифона, просил его однажды указать мне духовника в Москве. Надвигалась старость и я предвидел, что, может быть, трудно станет мне часто ездить в Лавру. Он сказал, что вопрос мой ставит его в затруднение, перебрал несколько имен и не остановился ни на ком; так и ушел я ни с чем. Бывал на исповеди у двух иереев прихода, где жили, но...

В другой раз застаю у Преосвященного Трифона молодого монаха, по кресту архимандрита; они кончили разговор; по уходе его спрашиваю: – Кто это? – Это недавно назначенный в Чудов монастырь наместник – Арсений, – и с ударением добавил: – Подвижник. – Вот познакомиться бы с ним, – сказал я...

Весною Преосвященный Трифон говорит мне: 20 мая я служу в Чудове, приходите...

В следующий воскресный день пошел к обедне в Чудов с намерением по окончании доложить о себе наместнику: служил он и служение мне полюбилось...

По немощи своей оставаться не мог, но искренность и задушевность, с какою он удерживал, побудили меня просить позволения его посетить. – «Всегда после вечерни».

Дня два, три спустя иду; вечерня еще шла... По окончании подходит монах, ведет меня в келлии, говорит наместник сейчас будет. Приходит, уселись, и тут он мне не понравился, и разговор не клеился... Я собрался уйти, но тогда вот что случилось: он меня провожал, а в другой комнате, в той самой, где я после так часто живал, я остановился принять благословение и, скажу без преувеличения, он меня благословил так, как отец благословил бы нежно любимого сына. Никогда ни от кого я подобного себе не видел и это до того меня поразило, что я тут же попросился бывать у него еще. – «Всегда после вечерни».

И бывал, и беседовал, но об этом после.

В конце июля, по совету врача, собрался на Кавказские воды; хотелось проститься с ним и вместе отслужить молебен себе на путь. Пришел к концу вечерни. Он подходит, зовет к себе в келлии; извиняюсь, приду после молебна. Идет за мною к мощам, становится на место, на-

девает епитрахиль, приносит икону св. Алексия, возлагают на раку и сам служит молебен, и так хорошо читал Евангелие над моей головой и молитву и благословил иконой и я был тронут не менее, как при благословении в первое посещение.

Возвратившись из пути, ходил к обедне в Чудов, и он стал звать меня в алтарь, и я заметил, что призываюсь один и больше никто, и назначено мне место в южных дверях, и доселе всегда стою там, никем не видимый и благоденствую в одиночестве.

Да, бывал я у него и беседовал и до отъезда и по возвращении вечерами за чаем и наводил беседу на любимую свою думу – о причащении и о более частом причащении; и встретил полное созвучие (позднее это объяснилось – его сочинение в Академии было о причащении), и говорил много, и было мне отрадно, и уходил я всякий раз от него мирный, довольный, спокойный. И однажды, уходя после такой беседы, как всегда «с лучезарной думою», пришло мне вдруг на мысль, будто кто-то шепнул: ты просил себе человека «молитвою и слезами» – вот он. И все крепла во мне эта мысль.

Наступил Рождественский пост. Раз, сидя у него вечером, открываю ему свое желание говеть, [он,] конечно, одобрил и говорит: «Вам бы поговеть у нас в монастыре». – А кто же будет меня исповедывать? – спрашиваю. – Это мы найдем, – отвечает с какой-то усмешкой. – В ваши годы надо иметь кого-нибудь в Москве, нельзя все к Троице.

Ответ этот и особенно его усмешку я понял так, что он думает о себе. Каково же было мое изумление, когда на мою прямую просьбу – принять меня к исповеди – отвечает: – Этого я не могу без совета со своими старцами. – Скоро ли Вы их увидите? – Я им напишу, а Вы по-прежнему поговейте у Троицы.

Я повиновался, поехал, говорил, приобщался в день Введения и, вернувшись, помню за всенощной в алтаре, спрашиваю, есть ли ответ? – Да, не советуют мне. – Велико было мое смущение. Он заметил и говорит: «Не смущайтесь, может быть, я Вас исповедую».

Через несколько времени снова видимся, и он говорит мне: «Я спрашивал Преосвященного Трифона, и он благословил меня быть Вашим духовным отцом; архиерейское благословение решает все».

За три дня до сочельника, по приглашению о. Арсения, переехал к нему в келлии, говел, исповедывал он меня и приобщил 23-го декабря; и с той поры постоянно говею в Чудове, живя в его келлиях, и познал, какое великое счастье, когда Бог дает человека, кому можно доверяться и открываться вполне, как бы уходишь своею душою к нему в душу; благодарности моей Господу Спасителю словами не сказать.

(В записках кн. Александра Михайловича Голицына еще упоминается в отношении наместника Чудова монастыря архимандрита Арсения, что он приезжал вместе с владыкой Трифоном на освящение храма в родовом имении А. М. Голицына в 1909 году.)

ВЛАДЫКА АРСЕНИЙ – РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ГОЛОС ЦЕРКВИ» 1912-1917 гг.

УКАЗ
Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода

Синодальному Члену, Преосвященному Владимиру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Священно-Архимандриту.

По указу **Его Императорского Величества,** *Святейший Правительствующий Синод слушали:* представление Вашего Преосвященства от 7 сего декабря за № 513, в коем ходатайствует об утверждении «программы» имеющего выходить в Москве, при Чудовом монастыре, нового журнала под названием *«Голос Церкви»,* издателем какового журнала имеет быть Московский Чудов монастырь, и об утверждении редакторами сего журнала наместника того же Чудова монастыря архимандрита Арсения и Московского епархиального миссионера Ивана Айвазова. *Приказали:* Рассмотрев настоящее представление Вашего Преосвященства, Святейший Синод определяет: благословить издание при Московском Чудовом монастыре журнала под названием: *«Голос Церкви»* по представленной «программе» и редакторами сего журнала утвердить наместника названного монастыря архимандрита Арсения и Московского епархиального миссионера Ивана Айвазова; о чем и послать Вашему Преосвященству указ, присовокупив в оном, что о лице, которому имеет быть поручена цензура сего журнала, надлежит донести Святейшему Синоду. Декабря 7 дня 1911 г. Обер-Секретарь г. Левицкий.

От редакции

Волею Высокопреосвященнейшего **Владимира,** Митрополита Московского и Коломенского, Московский в Кремле Чудов монастырь приступил к изданию *нового* ежемесячного церковно-общественного журнала *«Голос Церкви».* Таким образом, православная духовная журналистика обогатилась еще одним собратом и соработником на ниве Христовой. Потребность в таких соработниках велика и ныне более, чем когда-либо. И редакция «Голоса Церкви», движимая желанием и множества своих, уже сплотившихся вокруг журнала, сотрудников и читателей, – да надеемся, что в этом случае к редакции примкнет и вся благомыслящая Православная Россия, – считает священным долгом принести Высокопреосвященнейшему **Владимиру,** Митрополиту Московскому, чувства горячей сыновней признательности за то, что он благовременно выслал нового делателя на ниву Господню.

‡

Редакция журнала *«Голос Церкви»* долгом своим считает заявить, что, – призванная благостною волею Высокопреосвященнейшего **Владимира,** Митрополита Московского, к редактированию *«Голоса Церкви»,* – она, по своему глубокому и непреклонному убеждению, полагает свою задачу в том, чтобы по всем вопросам современной церковной, государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли раздавался, с Божиею помощью, со страниц журнала **подлинный** голос Церкви, чуждый даже тени каких-либо компромиссов с любыми стихиями внецерковной человеческой мысли и жизни.

Редакция исповедует, что Православная Церковь есть Маяк, возженный Христом для спасения человечества. И этот Маяк всегда должен гореть в меру полноты Христова огня. Даже малейшее мигание огней этого Маяка явится роковым для человечества. А в наше время, полное смятений человеческого духа и бунта человеческой плоти против законов своего Творца, возженный Христом Маяк – святая Православная Церковь особенно должна стоять на той высоте, с которой она светила бы всему міру, с которой она охватила бы своим светом всего человека и прогнала бы тьму из самых затаенных уголков человеческого духа и плоти.

Обуреваемый морскими стихиями корабль не должен сбиваться с своего курса, не должен плыть по воле катящихся волн, – иначе он будет разбит о подводные камни и песчаные отмели и в грязной пене беснующихся волн щебнем будет выброшен на берег негодным даже для

топлива прибрежных рыбаков. Так и Православная Церковь *в России,* – этом ныне особенно мятущемся море должна неуклонно держаться **своего** курса, начертанного ей Кормчим Христом. Ее компас – это Воля Христа, это заветы Евангельских и Церковно-Вселенских скрижалей. Не голос подсинайского тельца, а голос высот Сиона, не чары искусителя с высокой горы в пустыне искушений, а крестную Голгофу здесь на земле за Господа Христа: вот что должен по нашему убеждению возвещать *«Голос Церкви»* в каждой иоте своих письмен.

Исполнит ли «Голос Церкви» начертанное нами? – это будет зависеть не только от нас, но не менее, если не более и от единомысленных с нами, к которым редакция и обращается с просьбою воинствовать за Церковь Христову на страницах «Голоса Церкви», дабы на нем почило благословение Святителей Московских, и над Русскою Православною Церковью сбылись слова Господа нашего Иисуса Христа: «созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей».

А[ЙВАЗО]В

Привет «Голосу Церкви»

«Голос Церкви»... О как нужен, как превожделен именно в наше смутное время голос матери нашей Церкви! Ведь это – голос пророков, голос апостолов, голос древних великих святителей и учителей, голос великих подвижников благочестия, голос древних Соборов Вселенских и поместных, голос Самого Главы Церкви Христа!.. *«На камени созижду Церковь Мою»,* – глаголет Он, – и *«аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь!»* Вот как должно повиноваться голосу Церкви!.. Вот как важен он, нужен он, каким авторитетом, какою угрозою огражден!..

От души приветствую новое издание и молитвенно желаю, чтобы его наименование вполне отвечало своему глубокому смыслу. Пусть каждое слово его будет глубоко продумано автором прежде, чем появится на его страницах: пусть авторы статей «Голоса Церкви» каждый раз прежде, чем посылать статьи в типографию, станут пред лицем Христа Господа в своей совести и вопросят Его со смирением: согласно ли с Его волею, с Его учением, с учением Его святой Церкви то, что они написали? Помилуй Бог, если в этом издании появится какая-либо

статья пререкаемая, недостаточно продуманная. Это будет уже не голос Церкви, а мнение того или другого автора...

Но тогда надобно требовать полной непогрешимости всех статей «Голоса Церкви»? Мыслимо ли это?

Нет и не было ни единого человека безгрешного, кроме Богочеловека Христа. И Апостолы, мужи Духоносные, иногда впадали в некие погрешности, как, например, апостол Петр, коему в лице противустал апостол Павел за то, что видел его погрешающим. Но все такие, по немощи человеческой, неизбежные погрешения должно покрывать со стороны самих авторов – смиренною готовностью выслушать слово братского вразумления, а со стороны братий-сотрудников и читателей – братским же, любовию согретым обличением, паче же вразумлением, дабы исполнялось слово Писания: *«обличай премудра и возлюбит тя»*.

Спаситель сказал: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». В духовном периодическом издании собираются во имя Христово люди, искренно преданные родной Церкви, любящие ее, желающие посвятить служению ей свои силы, свое время. К этой семье примыкают и читатели, поскольку они любят и чтут свою мать – Церковь. И если эта любовь к Церкви будет объединять их: и писателей, и читателей, – то и Христос будет посреди них. А где Христос, там не будет места искажению истины церковной: Господь Сам ее скажет и подскажет, когда сие будет благопотребно...

Итак, благослови, Господи, новое дело благое. Помоги служителям слова в их добром подвиге на пользу Твоей святой Церкви, ныне только угнетаемой от ее врагов; объедини их любовию к Тебе, любовию к Церкви Твоей, любовию друг к другу, да едиными усты и единым сердцем, во смирении, но и со дерзновением многим, исповедуют истину Церкви, и да будет глас их – гласом Церкви, собирающей яко кокош птенцы своя под криле!

НИКОН,
епископ Вологодский
и Тотемский.

25 декабря 1911 г.

Торжества в Московском Кремле

[28 мая 1912 года] у памятника на месте мученической кончины Великого Князя Сергия Александровича царские экипажи... останови-

лись. Их Величества и Их Высочества вышли из колясок к монументу-кресту. Здесь священник 5-го гренадерского Киевского полка, в котором почивший Великий Князь состоял шефом, А. Я. Климовский, совершил литию. Пел хор вольноопределяющихся Киевского полка.

Против памятника была выстроена 1-я рота Киевского полка с командиром полка полковником фон Эттером на правом фланге. Поздоровавшись с киевцами, Государь и Высочайшие особы проследовали в Чудов монастырь. У входа в храм Высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский, приветствовал Их Величества кратким словом, в котором сказал, что Чудов монастырь, храня в своих стенах мощи святителя Алексия, митрополита Московского, имя которого носит Наследник Цесаревич, стал особенно близким и родственным Царской Семье.

При пении хором Чудова монастыря святителю Алексию «Яко сокровище пребогатое» Государь, а за ним и вся Августейшая Семья прикладывалась к мощам святителя Алексия. Затем Высокопреосвященный Владимир, соборне с братиею Чудова монастыря, в золотистых облачениях, совершил молебствие. На наместнике Чудова монастыря архимандрите Арсении было облачение из фиолетового бархата, вышитое жемчугом, – дар Императрицы Александры Феодоровны.

Из Чудова монастыря все Высочайшие особы с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной проследовали внутренним ходом в храм-усыпальницу, к могиле почившего Великого Князя Сергия Александровича. В храм вошли также министр Двора, дворцовый комендант, дежурство, бывшая свита Великого Князя и прислуга Двора Его Величества, как бывшая, так и состоявшая в то время.

После литии у гробницы Государь и Государыня подробно осмотрели храм-усыпальницу и отбыли в Большой Кремлевский дворец. [...]

На другой день пребывания Их Величеств, в день рождения Великой Княжны Татьяны Николаевны, состоялся Высочайший выход в Успенский собор к Литургии. В 9 часов утра ударили в большой колокол Ивана Великого, и по всей столице поднялся «красный звон», не умолкавший до начала Царского выхода.

По площади от Красного крыльца к Успенскому собору и далее, до Чудова монастыря, сооружен был помост, обнесенный решеткой. Помост был устлан красным сукном, решетка окрашена в белый цвет. [...]

Войдя в Святые сени, Государь поздоровался с выстроенным там караулом Александровского военного училища и направился к вышедшему к нему с крестом и святой водой духовенству придворных соборов и церквей. Приложившись к кресту, Их Величества вышли на Красное крыльцо. Как только на Красном крыльце появился Государь,

то глубокая тишина, царившая на площади, дрогнула под звоном всех златоглавых церквей кремлевских. Потрясающее «ура», восторженно приветствовавшее Их Величества, как-то сразу вырвалось из груди народа, заполнявшего площадку и Царскую площадь. Под эти несмолкающие крики «ура» шествие медленно начало спускаться по красивой величественной лестнице, направляясь к Успенскому собору. [...]

У южных врат собора Их Величества были встречены митрополитом Владимиром, обратившимся к Государю со следующими словами:

«Благочестивейший Государь. Еще в древности один из великих мудрецов заметил, что Царь в своем Царстве то же, что солнце в природе. Солнце зайдет на западе за горизонтом, и всюду мрак и темнота, все живущее предается бездеятельности и сну. Солнце затмится луною, и у всей природы печальный вид. Среди дня наступает ночь, везде недоумение и страх... Солнце скроется за тучу, и уже не так ясно, не так отрадно, не то небо, не та земля, не те все вещи. Таково солнце по действию на природу; таков и Царь по действию на его верноподданных. Опытно изведала это за последние года наша первопрестольная Москва, когда после разразившейся над ней революционной тучи она, быть может, в наказание за то, что не сумела предотвратить ее, в течение 8 лет была лишена Твоего лицезрения. Невесело, тоскливо, сумрачно было за это время и в наших душах, как в природе без солнца, и чем тягостнее было это состояние, тем сильнее была жажда твоего лицезрения. Но вот, наказав нас «краткия печали посещением», милосердный Господь всеобильно наполнил сердца наши радостью и веселием, даровав нам утешение в виде Тебя на нашем патриотическом торжестве со всем Твоим Домом. Говорю «всеобильно», потому что всегда светлое Твое лицезрение ныне светит нам новым, особенно ярким лучом. Среди Твоего благословенного Семейства древняя столица первый раз видит Государя Наследника, эту светлую свою надежду, этот плод горячих своих молитв, это сокровище русского сердца. Видит она это и с чувством невыразимой радости усматривает здесь исполнение над Тобой древнего благословения: «Созижду в род и род Престол твой, и будут сынове и дщери твои яко новосаждения маслична, яко тако благословится царь, бояйся Бога».

Благочестивейший Государь. Взгляни на эти жаждущие взоры, коими объемлет народ Тебя и Твое Семейство, прислушайся к этому громогласному взрыву неудержимого восторга, коим он напутствует Тебя в этот храм Твоего Царского освящения, и утешься мыслью, что в этой Царской молитве Твоей Ты не будешь одинок, но всеобщая наша радость, воспламенив благочестивые сердца, устроит из них одно кадило перед Богом, чтобы вознести к Престолу Его благости фимиам Твоего сердца».

По окончании слова митрополит поднес древний животворящий крест для целования. Приложившись к святому кресту, Их Величества вошли в собор и встали впереди Патриаршего места.

После Литургии было отслужено молебствие, после чего, приложившись к чудотворной иконе Владимирской Божией Матери и мощам, Их Величества, в предшествии митрополита и придворных чинов, проследовали в Чудов монастырь приложиться к мощам святителя Алексия. Затем, пройдя внутренним ходом в Николаевский дворец, Высочайшие особы отбыли в экипажах в Большой Кремлевский дворец. Народ, наполнявший площадь, восторженно приветствовал Их Величества.

Владимир ДЖУНКОВСКИЙ

Призыв к жизни во Христе

На одной из вечерних бесед [в августе 1912 года] было сделано такое воззвание нашим богомольцам:

Возлюбленные о Христе братие и сестры! Ваше усердие в посещении храма свт. Алексия дает право предполагать, что вы стремитесь к доброму и святому, не ходите «по стезям мира сего, развращенного и гордого», что вы ищете себе утешение «в Законе Господнем», желаете жить по-христиански.

Давайте же, возлюбленные, дружно и серьезно начнем дело своего спасения, для чего, объединившись у раки свт. Алексия, мы должны будем исполнить следующее:

1) Быть твердыми, верными и непоколебимыми сынами и дщерями Святой Православной Церкви, помня, что Вера спасала наших предков, давала им счастье и утешение. Она сохранит нас, если мы останемся преданнейшими членами Церкви.

2) Свою любовь ко Христу Спасителю и вере мы обязаны доказывать жизнью, дабы и другие, видя наши добрые дела, прославляли Отца Небесного *(Мф. 5, 16)*.

Прежде же всего станем избегать праздности и безропотно нести те труды и подвиги, какими благословляет нас Господь. Ты, например, работаешь в мастерской – работай; шьешь дома одежду – шей; словом, не гнушайся никаким занятием, а с усердием выполняй его, никогда не забывая, что труд предохраняет от пороков, страстей, приближает к

Богу и располагает к нам людей. Кажется, нет ничего хуже и позорнее, как обременять ближних своей леностью и безпечностью.

3) Мы должны соблюдать безусловную трезвость. Всякий знает, – как пагубно вино. Быть хорошим христианином и в то же время «пить» невозможно. Вино пролагает путь ко греху и пороку, а воздержность ведет к телесному и душевному благополучию.

4) Противно доброму и курение табаку. Оно навевается духом злобы. Этим зельем враг старается выкурить благодать Божию, присущую всем нам, возрожденным в купели крещения и освященным другими Таинствами.

5) Само собой разумеется, каждый из нас должен проводить жизнь целомудренную. Душевная и телесная чистота есть основа для нравственного преуспеяния. Пока человек не согрешил, он стремится ко всему духовному, дорожит и утешается им, а как скоро пал, – вкус, любовь к святому у него притупляется, и он делается грубым, дерзким. Да оно и понятно: «Духовное духовным востязуется; т. е., чтобы воспринимать небесное, высокое, чистое, нужно и сосуд – наше сердце – иметь незагрязненным, светлым.

6) Укажу еще одно условие, благодаря которому спасение достигается скоро и успешно, это – смирение. Чувство самоуничижения никогда не должно покидать нас, а если оно, не дай Бог, станет угасать в душе, утрачиваться, будем тогда просить Господа попалить в нас гордость и всякую прелесть бесовскую.

Таковы наши пожелания вам, возлюбленные братия и сестры!

Но кто будет руководить, сдерживать, предохранять вас от соблазнов міра и содействовать нашему спасению?

А избранный же нами небесный покровитель, святитель Алексий. Начнем, поэтому, постоянно прибегать к честным его мощам и усердно искать здесь благодатной помощи в деле созидания нашего спасения. От угодника Божия в назидание потомкам остались заветы, которые мы также должны взять себе в руководство. Вот они:

а) Сыновняя преданность архипастырям и пастырям. «Священный сан, – говорил святитель Алексий, – имейте выше всего, со всякой покорностью и без всякого прекословия, ибо они день и ночь заботятся о душах ваших, как имеющие воздать ответ Богу о своей пастве, чтобы они, упасши и научивши людей Закону Божию, могли сказать во Второе пришествие Христа Бога нашего: «Господи, се мы и дети, яже дал еси нам». Архиереи и священники суть посредники между Богом и людьми. А как каждый из них обложен немощью, то и приносит Богу жертву, прежде всего, о себе, а потом и о людских прегрешениях» *(Евр. 5, 2-3)*.

б) Любовь к службам церковным и неленостное посещение их. «К церковному пению, – поучает тот же Угодник, – будьте, дети, тщательны, предваряя друг друга, как и Иоанн Богослов предварил Петра, спеша ко Гробу Христову. Оставя все свои дела, на церковную молитву сходитесь без лености и не говорите: отпоем себе дома. Не может эта молитва иметь никакого успеха без церковной. Как храмина не согревается от одного дыма без огня, так и недостаточна одна домашняя молитва».

в) Благоговейное стояние в храме Божием. «Ибо, – наставляет свят. Алексий, – храм есть земное небо, и здесь закалается Агнец – Сын и Слово Божие, во очищение грехов верных людей всего міра. Входя в храм, вострепещи душой и телом. С болезнью, благоговением и со страхом Божиим в храм входите, а с радостью из него выходите, получив прощение грехов. Стоя в храме, вспоминайте о своих согрешениях и на это время оставляйте позади себя, вне храма, все дела свои. Не могите прогневлять Бога и своим говорением в Церкви. Да престанет у вас это безстрашие, равно как и неблагоговейное стояние в дому Божием!»

г) Частое от души раскаяние в своих согрешениях и причащение Св. Таин Христовых; святитель Алексий заповедал это так: «Имейте, дети, знамение Христово в душах ваших, как и Григорий богослов пишет: «Овца, имеющая знамение, не легко бывает украдена». Знамением же для овец словесного стада Божия служит причащение Тела и Крови Христовых».

д) Взаимная друг к другу любовь и уважение. Никакой ссоры, грубости, ненависти, никаких препирательств не должно быть среди христиан. «Дети, – поучает свят. Алексий, – имейте между собою мир и любовь. Об этом и Павел апостол вопиет, говоря: весь закон заключается в одном только, чтобы любить друг друга, любить ближнего, как самого себя». Отсюда, и проходя мимо нищего, старайтесь хоть малую лепту подать ему по заповеди: «просящему у тебя дай» *(Мф. 5, 42)*.

е) Хранение себя по тем же запретам святителя Алексия «от худых дел, противных Закону Божию: от плотской нечистоты, пьянства, граблення, насилия, чароделаний, ворожбы и всякого рода колдовства*, от ненасытного собирания богатства, предосудительного имения, вредного для души** и проч.»

---

* Тут нужно также разуметь спиритизм, гностицизм и подобные современные нам чародейства. – *Архим. Арсений.*

** Смотри «Троицкую книжечку» «Заветы свят. Алексия». Они читались ежегодно в его обители в дни памяти Угодника на всенощном бдении, на кафизмах, вместо обычного поучения. – *Архим. Арсений.*

‡

Таким образом, было образовано Братство святителя Алексия.

Архимандрит АРСЕНИЙ (Жадановский)

Прославление священномученика Ермогена

Святейший Синод, с великою радостию встретив весть об утвердившейся в пастве Московской епархии общей уверенности в святости почивающего в Большом Успенском соборе Святейшего Патриарха Ермогена, поручил митрополиту Московскому приступить к собранию необходимых сведений, которые могли бы служить подтверждением заявлений лиц о полученных ими исцелениях по молитвам к Великому святителю [...] По получении указа Святейшего Синода, в Москве была организована комиссия, первое заседание которой происходило в покоях Преосвященного Трифона, епископа Дмитровского. В члены комиссии из духовных лиц вошли: Преосвященный викарий Московской Митрополии, наместник Чудова монастыря архимандрит Арсений, кафедральный протоиерей В. С. Марков, протоиерей И. И. Восторгов и другие, а также несколько светских лиц. Комиссия постановила немедленно приступить к тщательному и всестороннему обследованию наиболее выдающихся чудотворений, бывших у гробницы святителя Ермогена. [...] Затем комиссия постановила установить празднование по всей России святителю Ермогену в день его мученической кончины, то есть 17 февраля, и в день открытия его мощей, о чем сообщить во всеобщее сведение.

11 мая 1913 г., суббота

После Литургии началась последняя панихида по Святейшем Патриархе Ермогене. Все священнослужители во главе с Высокопреосвященнейшим Владимиром, митрополитом Санкт-Петербургским, вышли к гробнице Святейшего Патриарха Ермогена. Кроме служивших Божественную литургию, участвовали в служении панихиды и остальные

прибывшие архипастыри, архимандриты и священнослужители. Панихида служилась полная, с чтением 17-й кафизмы. Во время панихиды на Ивановской колокольне совершался похоронный перезвон.

Окончилась панихида... Последний раз протодиакон произносит: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Святейшему Патриарху Ермогену и сотвори ему вечную память». Хор поет: «Вечная память»... Молящиеся становятся на колени и усердно молятся... Служба окончилась в 1 час дня.

В Чудовом монастыре в Алексеевском храме совершал позднюю Литургию Преосвященнейший епископ Евфимий, член Московской Синодальной конторы, в сослужении четырех архимандритов и братии монастырской.

С 2-х часов дня особенно стало заметно в Кремле необычайное народное движение. Со всех концов безпрерывно густыми вереницами стекался народ в Кремль. [...]

Особенно людно в Чудовом монастыре. Непрерывной волной народ входит и выходит через широко раскрытые монастырские ворота. У ворот и во дворе монастыря повсюду книжные, иконные, просфорные и другие лавочки. Лавки бойко торгуют.

Богомольцев в Чудовом монастыре привлекает, главным образом, подземное место мученической кончины Святейшего Патриарха Ермогена. Подземелье ярко освещено сотнями горящих во всех нишах восковых свечей. Богомольцы также все со свечами в руках. У входа в нижнее подземелье надпись: «Древняя усыпальница святителей и других знаменитых людей. Здесь находится могила св. Алексия». В верхнем подземелье, в так называемой «темнице Патриарха Ермогена», безпрерывно служатся панихиды. Длинная очередь богомольцев, выходящаяя далеко на двор, тянется к темнице. Богомольцы, входя в темницу, быстро крестятся, прикладываются к нише, служившей ложем заключенному Святителю, и уступают место другим [...]

В Чудовом монастыре всенощное бдение совершено в 6 часов.

Всю ночь Кремль был переполнен народом. Всюду и везде слышалось пасхальное пение и величание Святителю, совершаемое группами богомольцев. На площадях по окончании всенощных бдений пред иконами святителя Ермогена служились всю ночь молебны монашествующими московских монастырей.

12 мая, воскресение

В Чудовом монастыре совершал Литургию Высокопреосвященный архиепископ Алексий в сослужении Преосвященных: Владимира, епи-

скопа Полоцкого и Витебского, Феодора, епископа Волоколамского, Сильвестра, епископа Рыбинского. [...]

Уже час дня. Начинается молебен. При пении тропаря Святителю, при торжественном звоне колоколов московских, крестный ход двинулся из собора, продолжая молебен по пути следования. Несут святыни: предносный крест, хоругви, хрустальные корсунские кресты, запрестольную икону Божией Матери, икону святителей Московских, икону преподобного Дионисия, икону Казанской Божией Матери из Казанского собора, большую икону святителя Ермогена. Архимандриты с протопресвитером Н. А. Любимовым несут также драгоценный покров с раки Святителя, изображающий его в мантии и с посохом. На носилках несут выносной, громадного размера фонарь, времен Царя Алексея Михайловича, с Российским Орлом наверху. Крестный ход сопровождал Его Блаженство Григорий IV, Патриарх Антиохийский и всего Востока, с Высокопреосвященнейшим Владимиром, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, Высокопреосвященнейшим Макарием, митрополитом Московским и Коломенским; Высокопреосвященными архиепископами: Алексием, Арсением, Парфением, Стефаном, Никоном и Кириллом; Преосвященными епископами: Владимиром, Анатолием, Трифоном, Анастасием, Сильвестром, Анастасием, Василием, Мисаилом, Владимиром и Евфимием; архимандритами: Товием, Макарием, Арсением, Сергием, Германом, Димитрием, Аристархом, Афанасием, Модестом, Феодосием, Никодимом, Григорием, Вениамином, Варлаамом, Виталием, Тимолаем, Игнатием; протопресвитером В. С. Марковым; игуменами Серафимом и Порфирием; протоиереями И. И. Восторговым, М. В. Сребрянским, Ястребовым, Субботиным, Пшеничниковым, всем прибывшим московским духовенством. Участвовали также, по желанию, приехавшие иногородние священники. Все духовенство было в белых облачениях. [...] За Патриархом следовали Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Его Высочество Князь Иоанн Константинович, Обер-прокурор Святейшего Синода статс-секретарь В. К. Саблер и другие начальствующие лица [...]

...В 7 часов вечера с Ивана Великого раздался звон, а за ним и во всех церквах первопрестольной Москвы, призывая ко всенощному бдению, совершаемому в честь святителя Ермогена. [...] В подземной церкви, устроенной монархическими организациями в честь святителя Ермогена, всенощную служил наместник Чудова монастыря в сослужении с председателем монархической организации протоиереем И. И. Восторговым и прочим духовенством. Этот храм напоминает XVII век, ибо оформлен в древнем стиле времен св. Патриарха Ермогена.

С 4-х часов утра началось служение Литургии во всех Кремлевских соборах и церквах. В 8 часов 30 минут утра из Успенского собора выходит крестный ход с преднесением тех же икон и крестов, которые участвовали во вчерашнем крестном ходе. Крестный ход направился к подземелью Михайло-Архангельской церкви Чудова монастыря. Крестный ход сопровождает Преосвященный Анастасий, епископ Серпуховский, с многочисленным сонмом духовенства, и безчисленное множество народа следует за ним. Из подземелья Михайло-Архангельской церкви выходит навстречу крестному ходу Преосвященный Владимир, настоятель Спасо-Андрониева монастыря, с готовящимся к служению в подземной церкви духовенством.

Хоругви, запрестольные иконы и большая икона святителя Ермогена были пронесены в Михайло-Архангельский собор, где на престоле, на дискосе, также положены святые мощи для вновь освящаемой первой церкви во имя св. Патриарха Ермогена.

Началось освящение храма Высокопреосвященнейшим Макарием, митрополитом Московским и Коломенским, в сослужении с Преосвященным Анастасием, епископом Серпуховским, Преосвященным Владимиром, настоятелем Спасо-Андрониева монастыря, Преосвященным Анатолием, епископом Елисаветградским, Новоспасским архимандритом Макарием, наместником Чудова кафедрального монастыря архимандритом Арсением, митрофорным протоиереем И. И. Восторговым и многими священнослужителями. Пел хор Чудова монастыря. На освящении присутствовала Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и многие высокопоставленные лица. Тут же были представители монархических организаций...

Игумен СЕРАФИМ (Кузнецов)

Паломничество в Святую Землю

Лето 1913 года – паломничество архимандрита Арсения вместе со своим другом иеромонахом Серафимом (Звездинским) в Святую Землю. *(См. публикуемые в наст. томе воспоминания владыки Арсения «Поездка на Ближний Восток и Палестину в 1913 году»).*

«Прощеное Воскресение»

После масленицы вскоре настало и «прощеное Воскресение». Этот день народом посвящался обряду «Прощения», который заведен еще при жизни Апостолов. Торжественно и свято чтили этот день «Прощения» в былые времена. Народ в этот день до вечерни все еще гуляет – кончает свою масленицу; но как только ударят в колокол к вечерне, то сейчас же спешит в церковь «прощаться с духовным отцем».

Вот в этот день и я, состоя на военной службе, задумал идти в церковь [...] Здесь, хотя и город, но в тихих углах еще хранятся эти святоотеческие заветы. Здесь еще находятся такие пастыри, которые всеми силами стараются поддержать в людях веру...

‡

Время стояло теплое, солнце уже садилось к горизонту. Я подходил уже к Кремлевским воротам; народ целыми толпами идет под стены Кремля. Думаю, куда идет столько народа? Все как будто спешат. Я решился спросить у самых ворот Кремля спешившую пожилую женщину: «Куда так спешите?» – Она мне ответила: «Разве не знаете, что сегодня прощеный день. – А затем, посмотрев на меня так пристально, как будто узнавая меня, сказала: – Да вы еще молоды, а молодость уже ныне забыла и церковь, даже и праздники христианские. Люди стали мудренее и ученее, а потому им как будто начинает надоедать смотреть на отеческие предания, а также и учения Церкви» – «Да, – я говорю, – что народ русский вообще с некоторого времени стал забывать Бога и Церковь, так как уже видно, что церкви православные стали превращать в концертные залы [...] Может быть будут и такие времена, что русский народ совсем отпадет от Церкви. Это видно из того, что стали слабо относиться к вере, стали допускаться противо-церковные обряды, то есть свобода религий, которая сильно отвращает своим нравоучением народ от Церкви и даже делает многих врагами Церкви».

С разговором я и не заметил, что мы подошли к самым Кремлевским соборам. Женщина пошла по направлению к Чудову монастырю, а я направился в Успенский собор, который важнее по своему значению.

Народом был наполнен собор, так что с трудом пришлось пробраться в него. Служил сонм иерархов; пели певчие синодальные. Служба совершалась Великопостная – торжественно, после которой совершался обряд «прощения».

Я здесь до конца службы не остался, а перешел в Чудов монастырь, где служил епископ, при участии всего монастырского духовенства. Народу было так много, что трудно было пробраться вперед. Все были в праздничной одежде, как будто в первый день Пасхи.

Вечерня прошла скоро, в конце которой архимандрит монастыря говорил проповедь «О значении настоящего дня и о прощении обид». [...] Каждый старался как можно ближе стать к нему, чтобы ловить его проповедные для народа слова.

«Этот день, – говорил он, – издревле почитался христианами и заслуживал особое внимание своим значением. Он провождался особенно... Народ прощался друг с другом; прощался Царь с своими подданными; хозяин с своими работниками и слугами; начальник с подвластными ему; старшие с младшими и, наконец, пастырь с своими пасомыми. Прощение совершалось не только сердцем, но, чтобы было и явно, исполнялся обряд «прощения».

Некоторые говорят – «прощение должно быть сердцем, а не обрядом». Но нет, если я на вас имею обиду, хотя сердцем я уже и простил ее, но вы-то не знаете, что я вас простил. [...]

Вы знаете, что не было ни одного человека от сотворения міра – без греха, кроме Богочеловека. Потому я вам советую не оставлять без внимания этот день и исполнять все, как исполняли издревле предшественники наши. Не верьте тем людям, которые говорят вам – «зачем вы пойдете в церковь прощаться, можно простить всякую обиду сердцем, а обрядность эта церковная ни к чему». Не обращайте на них никакого внимания, что бы они ни говорили вам и на вас. Вы знаете, что мы можем примириться с вами только посредством Церкви, которая как мать заботится о нас.

Совершенства в настоящем земном міре нет. В нем находятся две силы – добрая и злая, они-то всегда боролись и ныне борятся. Борьба между ними то усиливается, то ослабевает – покоя же нет, а если бы был покой, то и в народе не было бы несогласия. Когда зло и ложь усиливают борьбу на добро и правду, то все, кто больше относится и липнет сердцем к свету, то есть правде, – сильнее начинают жаждать истины; крепнуть в воле своей. Такие-то люди и стараются... заглушить языческое вероучение и разные восставшие против нашей Церкви ереси и расколы. В настоящее время и мы переживаем разногласия, споры и борьбу мнений. Люди стали стремиться только попить, поесть, повеселиться, а для всего этого – денег побольше наживать. Ослаб у людей интерес к духовной и даже мирной жизни и многих охватило настроение настоящего міра (следовать моде).

Церковь еще за три недели до настоящего дня предупреждает нас о наступлении настоящих дней. А чтобы более нас привлечь к себе, напоминает нам разными примерами, как «о мытаре и фарисее», «о блудном сыне», а перед самым уже входом Великого поста напоминает нам и о нашем смертном часе и важнее того о «Страшном суде». Есть в жизни человеческой один момент, когда по-видимому невозможно никакое счастье, никакое спокойствие, такой момент, когда мір – он даже сам подтверждает это – не может дать никакого мира и утешения, когда он совершенно оставляет своих последователей. Этот момент смерти, которая неизбежно наступит для всех нас, хотя мы и не знаем, когда, где и как скоро этот момент наступит. Вот этот момент нам сегодня Церковь и напоминает, а за этим моментом уже последнее слово Спасителя на «Страшном суде».

Станьте перед лицом своей совести и взвесьте себя: можете ли вы не посетить какое-либо веселое общество или зрелище, чтобы вместо этого пойти в церковь? Можете ли отбросить в сторону дурную безнравственного содержания книгу, чтобы вместо нее прочитать книгу более серьезного и поучительного характера? Можете ли утром несколько ранее обыкновенного встать с постели, чтобы пойти в церковь к богослужению? Счастливы вы, если откажетесь делать все, что делалось в народе в продолжение прошедшей недели? Если же нет – если каждая, даже самая малейшая трудность отделяет тебя от верования в Бога и от Церкви, и это настоящее малейшее служение в Церкви – тебе становится тягостным, тогда можно поверить, что душа твоя болеет и дурные навыки пустили в ней глубокие корни. Виной всему этому является наша молодость. В молодости ты успел уже погрузиться в чувственность и самолюбие, для тебя уже не существует ничего высшего, кроме так называемого желудочного удовольствия. Никакого интереса не имеешь ни к чему, кроме заботы о том, что тебе есть, что пить, во что бы понаряднее одеться и повеселее провести время, чем бы отличиться и обратить на себя внимание людей.

Не любим мы говорить о своих недостатках. Любопытны мы и любознательны поверять других. Мы мало обращаем внимания на себя, на свой характер и поведение... Всю жизнь хлопочем только для своего удовольствия, но за самим собой не посмотрим, что мы делаем и хорошо ли мы поступаем. Ничем мы так не занимаемся, как осуждением своих собратий. Вместо того, чтобы посмотреть на себя, мы судим и рядим, что только придет нам на ум о прочих людях. Мы видим грехи и ошибки других, но своих заметить не можем. Если ты желаешь, чтобы тебя не осуждали, то я советую, чтобы ты сам никого не осуждал. Тебе бывает неприятно, когда над тобой смеются, так и я советую тебе

не смеяться над другими, особенно над своими братьями. Тебе хочется, чтобы ты был у всех в почете и уважении и чтобы все тебя любили, то сначала ты сам отнесись к каждому человеку, окружающему тебя, с любовью и уважением. А потому я вам, собравшимся в настоящий день в церковной ограде, предлагаю исполнить священный обряд, который установлен святыми Отцами, а нам заповедан сохранять оный и исполнять в настоящий день».

О[тец] архимандрит проповедь закончил... После этого последовала молитва, которая читается после вечерни. Все пали ниц. О[тец] архимандрит с воодушевлением и в молитвенном настроении прочел молитву, по окончании которой все запели «Пасху» – по старинному обычаю. Какое настроение и одушевление в народе! Первый раз в жизни встречаю такого пастыря Церкви, который может настроить людей на молитвенный строй и своей красноречивой проповедью привлекать все более и более под кров церкви.

После пения «Пасхи» пели канун «Помощник и покровитель», во время которого все, как монахи, так и народ, прощались друг с другом – целованием, как и в святую Пасху. Прощались младшие со старшими, особенно народ жался и теснился ко всеми любимому архимандриту монастыря, который всех и каждого утешал своим приветствием и беседой.

Обряд «прощения» пастыря с народом продолжался до десяти часов вечера. Некоторые, уже простившись с пастырем, не уходили из церкви, а становились опять на свое место, и как будто дожидаясь конца службы. [...]

Прощание закончилось общим пением «Достойно», после которого священник, поклонившись всем, сказал: «Братие, довольно, уже поздно, теперь идите домой отдыхать». Народ стал расходиться, но и при уходе тебя как будто заманивают на будущее время – раздают поучительные книжки и листки, издаваемые самим монастырем. [...]

‡

Пришел в казарму; товарищи мои уже давно спят. Я тоже, исполнивши христианский долг, со спокойным сердцем лег на свою солдатскую койку и заснул...

И. ДЕМЕНТЬЕВ

Хиротония

‡

Государь Император, в 24-й день мая сего [1914] года, Высочайше утвердить соизволил всеподданнейший доклад Святейшего Синода о бытии наместнику Московского кафедрального Чудова монастыря архимандриту Арсению епископом Серпуховским, пятым викарием Московской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в Москве и с переименованием третьего викария Московской епархии епископа Волоколамского Феодора во второго викария той же епархии, четвертого викария помянутой епархии епископа Верейского Модеста в третьего викария оной и пятого викария Московской епархии епископа Можайского Димитрия в четвертого викария сей епархии[11].

‡

Определением Святейшего Синода от 24-27 мая 1914 года за № 4700 постановлено: 1) оставить наместника Московского кафедрального Чудова монастыря архимандрита Арсения, и по возведении его в сан епископа, наместником сего монастыря и 2) назначить в помощь архимандриту Арсению по управлению Чудовым монастырем преподавателя Московской Духовной семинарии иеромонаха Серафима (Звездинского), с наименованием его помощником наместника сего монастыря, с возведением в сан архимандрита и освобождением от должности преподавателя названной семинарии[12].

‡

Высочайше утвержденным 24 мая всеподданнейшим докладом Святейшего Синода на кафедру епископа Серпуховского, викария Московской епархии, освободившуюся за перемещением преосвященного Анастасия в Холм, назначен наместник Московского кафедрального Чудова монастыря архимандрит Арсений (Жадановский)[13].

Достопамятные сказания

В 1914 году, сорока лет от рождения, я, милостию Божиею, был поставлен во епископа. При восхождении по иерархическим степеням

мне, по благословению Господа, не пришлось нарушить канонических правил относительно времени рукоположения в тот или другой сан, а именно: 25-ти лет меня возвели во иеродиакона, около тридцати лет в иеромонаха и сорока лет – во епископа. Последнее посвящение произошло со мной неожиданно. В принятии монашества мне много содействовал [Обер-]пр[окурор] Св. Синода* В. К. С[аблер]. Долго я его потом не видал, как вдруг он снова появился на горизонте моей жизни. В мае 1914 года В. К. приехал в нашу обитель и объявил: «Приспе время быти вам архипастырем. Так решил Св. Синод, причем местом вашего местожительства остается по-прежнему Ч[удов] монастырь, на что изъявил свое согласие и Первосвятитель Московский М[акарий].

Вскоре мною был получен указ и назначено наречение на 24 мая, а хиротония на 1-е июня. Наречение прошло благополучно в Мvроваренной палате в Кремле в присутствии 13 епископов во главе с Митрополитом М[акарием] при большом собрании моих духовных чад.

Вот что было напечатано по этому поводу в местных газетах: «Вчера при торжественной обстановке в Мvроваренной палате состоялось наречение а[рхимандрита] А[рсения] во епископа, пятого викария Московской митрополии.

Нарекаемый был введен в палату синодальным ризничим арх. Арсением и благочинным столичных монастырей арх. Феодосием и поставлен пред зерцалом. За столом сидели в мантиях: владыка Митрополит Макарий, член Синода архиепископ Алексий, члены Синодальной конторы: епископы Мисаил, Евфимий, Иоанникий, викарии Московской митрополии: епископы Тр[ифон], Ф[еодор], М[одест] и Д[имитрий]; живущие в Москве на покое епископы Владимир и Антоний и прибывшие на торжество епископы: Палладий, Пермский и Борис, Балтский.

После объявления указа Синода Митрополит Макарий при пении епископов совершил краткое молебствие Св. Духу, а протодиакон Розов провозгласил многолетие, после которого нареченный во епископа произнес речь о трудности святительского служения и об обязанностях, возлагаемых на епископа, затем, испросив благословение у всех архиереев и получив окропление св. водой от Митрополита М[акария], о. А[рсений] был уведен в алтарь церкви Св. 12-ти Апостолов. На наречении присутствовали: братия, родственники, масса духовенства и богомольцев. В час дня в Алексеевской церкви Ч[удова] монастыря состоялось, затем, трогательное прощание о. А[рсения] с братией. О. казначей обители обратился к о. архимандриту с прочувствованной ре-

---

* Во время пострига в 1899 г.. – товарищ Обер-прокурора. – *Сост*

чью, в которой выразил ему глубокую благодарность за сердечное отношение и постоянную готовность подать добрый совет и помощь, и поднес посох с надписью: «Дорогому и мудрому наставнику иночества – благодарная братия Чудова монастыря». От духовных детей были подарены облачения и разные архиерейские вещи.

Но если наречение прошло гладко и без задержки, то при хиротонии встретились некоторые затруднения. Прежде всего, не сразу был решен вопрос о месте ее совершения. Обыкновенно посвящение во епископа в Москве, ради массы присутствующих на нем богомольцев, происходит в Успенском соборе или в храме Христа Спасителя. На этот раз администрация того и другого собора, по случаю ремонта, неохотно соглашалась на это духовное торжество. Оставался Ч[удов] монастырь, к моему великому утешению, ибо я искренно желал принять сан епископа, как бы от руки святителя Алексия, в его обители, к которой был привязан всем сердцем. Место, таким образом, само собой определилось, но оставалось еще не назначенным время хиротонии, так как митрополит Макарий, имевший, по указу Св. Синода, произвести ее, находясь в Сергиевой Лавре, неожиданно заболел. Пришлось пережить довольно томительные дни и часы. Но Господь, пославший мне небольшое испытание, скоро и утешил. Владыка быстро поправился, и 8 июня в Алексеевском храме, с тем же сонмом иерархов, возвел меня в сан епископа, викария Московской епархии. [...]

После хиротонии Митрополит Макарий вручил моему недостоинству посох, предварительно сказав краткую приветственную речь. [...]

На другой день, в Богоявленском монастыре я самостоятельно совершил первую архиерейскую службу под руководством Преосвященнейшего Тр[ифона], епископа Дмитровского, оказавшего мне поистине братский привет и сердечное расположение. На этом же богослужении возведен был мною в сан архимандрита иеромонах С[ерафим (Звездинский)], назначенный в наш монастырь. На третий день после хиротонии служба моя была в родной обители. Итак, по благоволению и милости Божией и по отеческому отношению ко мне Петербургского и Московского Первоиерархов, я был возведен в сан епископа 8-го июня 1914 года.

Епископ АРСЕНИЙ (Жадановский)

Новый викарий Московской епархии

На вакантную кафедру Серпуховского епископа, викария Московской митрополии, назначен архимандрит – наместник Чудова Кремлевского монастыря о. Арсений (Жадановский). Новый епископ – уроженец Харьковской епархии, где (в г. Харькове) и сейчас священствует его брат. По окончании высшей духовной школы (Московской Дух[овной] академии), молодой иеромонах скоро обратил на себя внимание Московского митрополита Владимира, который оценил строгую подвижнически-богомольную жизнь молодого иеромонаха и его недюжинный административный дар. Все свои духовные и административные дарования о. Арсений проявил в звании архимандрита-наместника Чудова монастыря. Здесь он скоро своею пастырскою любовью сделал из Чудова монастыря центр духовного просвещения Москвы и даже всей России. На богослужения в Чудов монастырь стали стекаться народные массы с целью духовного назидания от служения архимандрита Арсения и духовной трапезы от его *живого* проповеднического слова. Даже в обычное время Чудовский храм переполнялся богомольцами. Архим[андрит] Арсений, идя навстречу духовной жизни богомольцев, предпринял издание своих «Духовных дневников», которые быстро разбирались богомольцами и высоко ими ценились за свое духовное настроение, за свою отзывчивость на современные запросы духа и жизни, за свою редкую содержательность и умудренность. Помимо «дневников» архим[андрит] Арсений издавал множество брошюр религиозно-нравственного содержания, и за получением их народ с душевною усладою стекался к Чудовской обители. За последние три года, когда напор враждебных Церкви сил усилился, архим[андрит] Арсений с помощью б[ывшего] Московского, ныне Петерб[ургского] миссионера и и[справляющего] д[олжность] доц[ента] Дух[овной] Академии И. Г. Айвазова, с благословения ныне Петербургского митрополита Владимира, начал издание для простого народа специальной религиозно-просветительской литературы под названием «Лепта обители святителя Алексия». Эта «Лепта» вышла в десятках тысяч и разошлась по всему лицу Русской земли и даже, с благословения Московского митрополита Макария, в далекую Сибирь.

Идя навстречу более серьезным духовным запросам русского народа, архимандрит Арсений, с помощью И. Г. Айвазова, с благословения бывшего Московского митрополита Владимира, осуществил желание последнего и предпринял с 1912 г. издание от Чудовской обители журнала «Голос Церкви». Этот журнал уже за короткое время начал выгод-

но выделяться среди духовных журналов и ныне, по отзыву компетентных лиц, считается одним из наиболее живых и содержательных богословских ежемесячников. В нем сам архим[андрит] Арсений принимает деятельное, не только редакционное, но и литературное участие, не оставляя ни одного номера без своих произведений, особо излюбленных многочисленными читателями журнала.

Дороги сердцу архим[андрита] Арсения и нужды вообще русской православной миссии. Он открыл при Чудовом монастыре отдел Камчатского миссионерского братства и, сам состоя его руководителем, довел его до значения кормильца Камчатской миссии. Гостеприимно откликался архим[андрит] Арсений и на нужды известного Московского братства Святителей Московских, не раз пригревая его собрания под кровлею Чудова монастыря.

Но не в означенном только направлении развивалась деятельность архим[андрита] Арсения. Он проявил себя и как замечательный монастырский администратор. За немногие годы он довел Чудов монастырь до блестящего экономического состояния, так что скоро эта обитель будет одною из богатейших в России. Внутренняя дисциплина у насельников монастыря поражает своею строгостью и полным отсутствием малейшего на нее ропота. Здесь повинуются, любя, и подвизаются в добром житии по сердцу, а не из страха. Здесь вы видите тесную, духовно-сплоченную семью во главе с аввою о. Арсением.

Все это в наше время особенно ценно. Вот почему все ревнители Церкви и монастырского благолепия и все почитатели Чудовской обители с особою отрадою приветствуют богомудрое решение Московского владыки митрополита Макария и Св. Синода оставить в Чудовской обители и на дальнейшее служение архим[андрита] Арсения, но в новом, ущедренном епископской благодатью звании.

Чудовский богомолец

От редакции. Редакция, сотрудники и читатели «Голоса Церкви» сердечно приветствуют дорогого и глубокочтимого **епископа Серпуховского Арсения** с получением высшего дара священства – епископской благодати и просят его Святительских молитв и благословения.

Наречение и хиротония архимандрита Арсения во епископа

6 июня [1914 г.] в помещении Мvроваренной палаты под председательством Высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского, состоялось заседание Московской Синодальной конторы, в котором был совершен чин наречения наместника Чудова монастыря архимандрита Арсения во епископа Серпуховского, викария Московской митрополии. На заседании присутствовали: Высокопреосвященный архиепископ Алексий, управляющий Донским монастырем; Преосвященные – Трифон, епископ Дмитровский; Феодор, епископ Волоколамский; Модест. епископ Верейский; Димитрий, епископ Можайский; Палладий, епископ Пермский; Борис, епископ Сарапульский; Преосвященные – Владимир, Евфимий, Иоанникий и Антоний, прокурор Московской Синодальной конторы, камергер Высочайшего Двора Ф. П. Степанов и секретарь конторы В. Ф. Трелин.

По открытии заседания в Мvроваренную палату вошли синодальные певчие и посторонние лица, явившиеся на церемонию. В присутствие проследовали синодальный ризничий архимандрит Арсений, благочинный столичных монастырей архимандрит Феодосий, протопресвитер Успенского собора Н. А. Любимов, сакелларий Успенского собора В. Г. Субботин и протодиакон К. В. Розов, которые, получив благословение от Владыки-митрополита, отправились в синодальную церковь Двенадцати Апостолов, где находился избранный во епископа.

Из алтаря храма Двенадцати Апостолов избранный во епископа, поддерживаемый архимандритами Арсением и Феодосием, вышел через царские врата; впереди его шли в облачениях протопресвитер Н. А. Любимов с крестом на блюде, сакелларий Успенского собора В. Г. Субботин со св. водою в чаше и кропилом и протодиакон К. В. Розов.

При входе в зал заседания избранный во епископы архимандрит Арсений помолился перед св. иконой, сделав поклоны членам Синодальной конторы и всем присутствовавшим, принял благословение от Владыки-митрополита и прочих епископов по старшинству, а затем встал перед зерцалом между сопровождаемыми его архимандритами.

После этого секретарь конторы В. Ф. Трелин прочел следующий указ:

«Честный отец, архимандрит Арсений! По соизволению Всепресветлейшего и Самодержавнейшего Великого Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского, Святейший Правительствующий Всероссийский Синод благословляет вашу святы-

ню быть епископом Богоспасаемого града Серпухова, викарием Московской епархии».

На это архимандрит Арсений ответил словами:

«Благословение Святейшего Правительствующего Синода быть мне, по соизволению Его Величества Государя Императора Николая Александровича, епископом Богоспасаемого града Серпухова, викарием Московской епархии, приемлю с благодарением и нимало вопреки глаголю».

Затем было совершено краткое молебствие с провозглашением многолетий Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду и вновь нареченному епископу Арсению. Во время пения последнего многолетия нареченный, стоя перед зерцалом, поклонился Преосвященным членам конторы и всем присутствовавшим, а затем произнес речь, в которой, на основании событий своего прошлого, указал, что в призвании к епископскому служению он видит указание Промысла Божия.

По окончании слова вновь нареченный во епископа подошел к Владыке-митрополиту для целования св. креста и принятия окропления св. водой, а затем, снова получив благословение от архипастырей, отправился обратно в алтарь храма Двенадцати Апостолов в сопровождении тех же священнослужителей, с которыми вошел в зал заседания.

8 июня за Божественной литургией в Алексиевском храме Чудова монастыря состоялась хиротония вновь нареченного епископа Арсения.

Перед началом Литургии на архиерейский амвон посредине храма вышли: Высокопреосвященнейший Макарий, митрополит Московский и Коломенский, архиепископ Алексий, управляющий Донским монастырем, Преосвященные – Трифон, епископ Дмитровский; Феодор, епископ Волоколамский; Модест, епископ Верейский; Димитрий, епископ Можайский; Палладий, епископ Пермский; Борис, епископ Балтский, Преосвященные Владимир, Евфимий, Мисаил и Антоний.

К амвону был подведен нареченный во епископа архимандрит Арсений, который громко прочитал Символ веры, правила святых апостолов и архиерейскую присягу, скрепив ее своею подписью. По окончанию чина исповедания веры началось служение Литургии. После молитвы «Призри с небесе, Боже», Высокопреосвященнейший митрополит Макарий и прочие епископы вошли в алтарь. Хиротонисуемый был выведен из алтаря через северные двери и подведен к царским вратам. От царских врат Высокопреосвященнейший Макарий ввел его в алтарь. Здесь хиротонисуемый снял митру, сделал три земные поклона, стал на колени и положил голову на престол. Высокопреосвященней-

ший Макарий возложил на него св. Евангелие и руки. Затем Евангелие было снято и хиротонисуемый начал облачаться в архиерейские облачения. При этом Высокопреосвященнейший Макарий возгласил, а духовенство и хор пели *аксиос.* После этого Владыка-митрополит и все архиереи облобызали Преосвященного Арсения.

По окончании Литургии архиереи снова вышли на амвон. К Высокопреосвященнейшему Макарию был подведен Преосвященный Арсений. Вручая архирейский жезл, Владыка-митрополит обратился к нему с назидательным словом, в котором указал на трудность архипастырского служения вообще, а в наше время в особенности.

По окончании богослужения Преосвященный Арсений благословлял многочисленных богомольцев.

РЕЧЬ, сказанная наместником Чудова монастыря архимандритом Арсением, при наречении его во епископа Серпуховского, викария Московской епархии

Над каждым человеком бдит Промысл Божий, вся жизнь человека находится под непосредственным, хотя и незримым, водительством промышляющей и водящей десницы Вышнего. Обыкновенно же, когда человек живет в житейской суете изо дня в день, то не замечает и не вдумывается, почему и отчего именно так течет и складывается его жизнь, а не иначе. Но вот время проходит, человек оглядывается назад и видит, как все совершившееся над ним было чудесно, промыслительно, и в особенности он это чувствует, находясь среди важных и чрезвычайных перемен и моментов своей жизни, часто вконец изменяющих его внутренний и внешний жизненный строй. Тогда ему кажется, что все, что случилось и было с ним раньше, оно-то и вело и подготовляло его именно для этого последнего, решающего момента, и он готов бывает воскликнуть, что воистину *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23).

Так и теперь со мной. В жизни моей наступил важный момент – возведение меня в сан епископа. И вот, когда оглядываешься на прошедшее, вспоминаешь прожитое, то невольно замечаешь, что многое в моей жизни, обычно казавшееся вполне естественным, промыслитель-

но подготовляло настоящее мое положение, было как бы неким предуказанием свыше.

Десятилетним отроком родители отдали меня в Харьковское Духовное училище. Среди своих товарищей я оказался самым малым по росту. Приехал, вспоминаю, к нам однажды в училище приснопамятный Амвросий, архиепископ Харьковский. Нас – учеников – в актовом зале выстроили в ряды. Владыка-архиепископ, проходя по рядам, обратил внимание на меня, как на самого между всеми другими маленького ученика, вывел меня на средину зала и, обратившись к сопровождавшим его лицам, сказал: «Смотрите, вот теперь самый маленький ученик, а будет архиереем». Конечно, на эти слова, как это всегда бывает в нашей жизни, никто тогда не обратил никакого внимания. А вот теперь приходится вспоминать их, как слова, сказанные устами знаменитого церковного витии-святителя пророчески.

Благополучно окончив курс в Духовной семинарии, я поступил на должность надзирателя-репетитора в Духовное училище. Но служба эта оказалась непродолжительной. Вскорости отец мой, старец-протоиерей, безнадежно заболел воспалением легких. Доктора предрекли ему неминуемую смерть. Уже домашние все собрались у одра умиравшего моего отца и составили такой совет: просить нашего владыку Амвросия об определении меня священником на место отца. Родной кров, родные места, наш приходский уютный храм, наш дом и благоустроенное хозяйство, друзья детства и юности, любовь прихожан – все это манило меня, приковывало к себе, и я думал уже, что лучшего и более счастливого положения, как именно остаться на родине пастырем, не может и быть.

Но Господь судил иначе. В самые тяжелые минуты болезни моего отца посылаю я письмо Кронштадтскому о. Иоанну, в котором прошу молитвенника России помолиться за болящего протоиерея Иоанна и, вместе с этим, указывая на предлежащее мне служение, испрашиваю и совета его о том, какой мне лучше избрать жизненный путь. Велик был мой духовный восторг, когда я в скором времени получил ответ от о. Иоанна, в котором он выражал пожелания скорейшего выздоровления моему отцу, а мне советовал избрать путь жизни евангельский, монашеский, созерцательный. Результаты этого письма поистине были чудесны! Отец мой от болезни поправился и еще шесть лет продолжал быть служителем Св. Престола и приходским пастырем, а я, не колеблясь, подал прошение о пострижении в монашество. И удивительно, как скоро двинулось мое дело и затем пошло легко и свободно!

Тот же приснопамятный архиепископ Амвросий тогда же разрешил принять мне пострижение в Святогорской пустыни Харьковской губер-

нии, с условием поступления моего в Московскую Духовную академию. Проезжая через Москву, помню, посетил я священный Московский Кремль и, между прочим, зашел в Чудов монастырь. Подходя к раке святителя Алексия, я почувствовал необыкновенную отраду и утешение и показалось мне тогда, что самую раку окружает как бы некий лучезарный свет, – то, очевидно, любовь святителя Алексия уже тогда приняла и меня грешного в свое попечение. И вот этою любовию я пользуюсь 11 лет. Сердце мое сроднилось со святителем, который часто тайно обвеселяет меня. Сроднилось мое сердце и с братией Чудова монастыря, братией смиренной, кроткой, трудолюбивой и не по заслугам любящей меня. Сроднилось мое сердце и со всеми теми московскими обителями, которые окормляются у раки святителя Алексия. Любя Святителя, они и меня окружают тою же любовию и их любовь так бывает сильна, что умиляет меня, нередко исторгает слезы и заставляет невольно стремиться к Господу. Неудивительно поэтому, когда ходили слухи о моем возможном уходе из Чудова монастыря, то жутко делалось мне, и я в душе молился святителю Алексию. И Господь по его молитвам посылал мне утешение. Еще так недавно был у нас в монастыре святой жизни старец игумен Герасим, который не раз предрекал мне, что если возведут меня в сан епископа, то непременно оставят жить в Чудовом монастыре. Вот и это предуказание чтимого народом и братией старца сбылось. Определением Святейшего Правительствующего Синода, утвержденным Его Императорским Величеством, я возвожусь в епископский сан и остаюсь жительствовать в том же, родном для меня монастыре.

Я стою на пороге епископства. Душу мою в настоящее время охватывает, с одной стороны, – смущение, робость, а, с другой, – умиление и радость. Подобно тому, как хозяйка дома при внезапном и неожиданном приходе высокого гостя смущается, теряется и, стараясь уже при госте все привести в порядок, извиняется, что она не ожидала такого высокого посещения и потому не успела убрать жилища своего и в то же самое время от сознания того, что ее посетил такой высокий гость, радуется, ликует, приходит в восторг, так точно и моя бедная, немощствующая, многогрешная душа смущается. Она смущается от принятия епископского сана, она трепещет от сознания своего недостоинства, скверны и нечистоты. Куда Ты войдешь, Господи, как я Тебя приму: *Вем, яко несмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моея, занеже весь пуст, и пдлся есть, и не имаши во мне места достойна, еже главу подклонити* (2-я молитва ко Св. Причащению), – взывает голос души моей. Я должен бы сказать так же, как некогда сказал пораженный чудесным уловом рыбы апостол Петр Христу Спа-

сителю: *Выйди от меня, Господи потому что я человек грешный* (Лк. 5, 8).

Но, с другой стороны, какое-то духовное утешение, радость и умиление охватывают теперь и наполняют мою душу. И, в самом деле, как не радоваться, как не умиляться, когда Сам Господь призирает на меня Своею благодатию. Ведь все, что исходит от Господа, что сближает нас с Ним, все это должно быть приятно, любезно, даже больше – безценно нашему сердцу. Так на горе Преображения, когда светлый благодатный облик осенил свв. апостолов, им сделалось так легко и отрадно, что апостол Петр не мог удержаться и засвидетельствовал Преобразившемуся: *Господи, добро есть нам зде быти* (Мф. 17, 4). И меня ожидает снисшествие благодати епископского сана. И ко мне, грешному, грядет витати Сам Великий Архиерей, прошедый небеса, Он мне дарует высшую благодать священства, на меня приникает Своим милостивым взором. Как же мне не восторгаться духом и не радоваться о Господе. Дай только, Боже, мне эту благодать сохранять и не нерадеть о ней, как некогда поучал св. апостол Павел своего ученика Тимофея: *Не нерадй,* – писал он ему, – *о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства* (1 Тим. 4, 14).

И предносится моему сознанию, когда именно и при каких условиях даруемую мне благодать я мог бы сохранять, о ней ревновать и ее возгревать. Это, во-первых, при беззаветной преданности Святой Православной Церкви. Относительно Святой Церкви в отношении ее к переживаемому нами времени должно сказать следующее. С одной стороны, она, Церковь, в православно-христианском сознании представляется как явление неземное и потому учреждение твердое, незыблемое, несокрушимое, которое не могут одолеть никакие силы. Но, с другой, – в наше слабое время есть люди, не воспитавшие и не усвоившие в себе духа Церкви Вселенской, которые стараются найти в ней недочеты, думают ее преобразовать, усовершенствовать, исправить, не говоря уже о том, что явные враги Церкви стремятся даже ее сокрушить. Что же будет делать пастырь Церкви? Ведь в угоду людям, в угоду собственному благополучию пастырю легко не постоять за Церковь, изменить ей. Вот тут-то и нужна твердость и непоколебимая преданность Церкви[14]. Воспитываясь в лоне ее, под ее постоянным попечением, храня ее заветы и предания, вслушиваясь в ее голос, пастырь может вырабатывать в себе так называемую пастырскую совесть, которая и не допустит его уклоняться от устоев и основ церковных. Эту пастырскую совесть дай и мне, Господи, иметь всегда, чтобы при свете ее твердо стать на защиту Церкви и ее интересов.

Далее, необходима любовь к пастырству, такая любовь, при которой не должна погибнуть ни одна вверенная тебе словесная овца. Как там – Св. Церковь и современный ей мір, так и здесь опять будут выступать два начала: с одной стороны, – ты сам, твое настроение, твой характер, с другой, – паства, как весьма разнообразный и сложный материал. В пастырском деле ты будешь один, а твоих пасомых множество, с множеством различных характеров, настроений и требований. Как здесь быть пастырю? Пасомые ли к тебе должны приспособляться или ты к ним? Следуя примеру апостола Павла, который *всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9, 22), пастырь Церкви должен забыть себя, свое себялюбие, свое благополучие, свой покой и посвятить себя всецело служению ближним. Он должен одних спасать молитвой, других призывать к Господу терпением, третьих смирять кротостию, иных обличать, а иным и совсем запретить. Смотри на вверенных тебе словесных овец с одной истинно-пастырской точки зрения, которая часто будет ведома только тебе одному и никому иному. Люди со стороны будут не понимать твоего образа действий и говорить, зачем он ест с мытарями и грешниками, как некогда говорили иудеи Спасителю, будут осуждать тот или другой твой поступок, зачем он допускает это, почему он не обратит внимания на то, – недоумевать, зачем он позволяет к себе так относиться, будут недовольствовать, – почему он не поступит с такими-то строго, а иных не отстранит от себя совсем и т. д., и т. д. Все это, однако, будут суждения людей, не понимающих пастырского долга и дела. Ты же, пастырь, одно имей пред собою – спасение вверенных тебе душ. Молись Пастыреначальнику-Христу, чтобы Он давал тебе познание истины, озарял и просвещал твой ум, воспитывал в тебе пастырский долг и благоразумие, одушевлял тебя силою любви Своей.

Наконец, для епископа нужна чистота жизни, безстрастие... Правда, и всем христианам для спасения нужна чистота, но я хочу в данном случае поставить в связь это требование с благодатию священства, хочу сказать о том, что только на почве безстрастия могут возгреваться те дары, какие даются епископу Пастыреначальником-Господом. Вот почему для епископа по церковным правилам и требуется 40-летний возраст, когда человек нравственно и физически начинает устанавливаться. Епископ в Церкви Христовой должен и может быть только светильником. А так как дело светильника – гореть и светить, то и епископу надлежит и самому постоянно гореть и другим непрестанно светить, для чего, – как елей для светильника, – епископу нужна чистота жизни и помыслов или безстрастие и огонь любви, благодатной любви к людям.

Я позволил себе, богомудрые и святые отцы, кратко начертать, что требуется от приемлющего святительский сан и этим как бы наметил программу, которой я должен следовать при своем служении. Но кто мне поможет, не скажу выполнить, а хотя бы, при моей худости, отчасти ей следовать? Молюсь прежде всего Пастыреначальнику-Христу-Спасителю, Которому всецело себя вверяю, Ему Одному отдаю всего себя и посвящаю все свои силы, какие у меня есть; *Твой есмь аз, спаси мя* (17-я кафизма).

Усердно прошу и вас, богомудрые святители, когда будете возлагать на меня ваши святительские руки, помолитесь, дабы Господь помог мне невозбранно носить святительский сан.

Прошу и вас, братие мои родные, о том же. Епископ поставляется для народа (Евр. 5, 1). Для вас, братие, готовит меня Господь. Молитесь же о мне, дабы я был ваш, вам принадлежал, вам служил и вас к Господу приводил.

РЕЧЬ
Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского при вручении жезла Преосвященному Арсению, новопоставленному во епископа Серпуховского, пятого викария Московской епархии, 8 июня 1914 г.

Преосвященный епископ Арсений!

Я и многие со мною рады, что возведение тебя, возлюбленный брат, на иерархическую степень не соединяется с отнятием тебя от обители Святителя Алексия, где ты служил, будучи образом для верных словом, житием, любовию, духом; не отнят ты и у того сонма богомольцев, который собирался здесь во множестве. Не нужно много времени, чтобы узнать причину стремления богомольцев к Чудову монастырю. Чуткие души верующих узнают, где они могут найти удовлетворение их духовной жажды и стремятся туда. Они чувствуют родство с теми, кто может удовлетворять их жажду спасения. Приходящие

сюда и живущие здесь почуяли родство души своей с твоей душой, как и душа твоя сроднилась с ними духовным родством. Благочиние и уставность службы закрепили этот союз.

Все это увеличивало приток богомольцев, ищущих благодатной помощи здесь по молитвам Святителя Алексия.

Жаль было бы, если бы отнят был от обители столь нужный для нее радетель и душепастырь.

Разделяя радость братии и богомольцев обители, с истинным утешением приемлю в лице твоем, Преосвященнейший, сотрудника в архипастырском служении нашем по управлению епархиею.

Прими, возлюбленный брат, этот жезл – символ архиерейской власти и благослови народ.

‡

«Труды владыки Арсения с возведением в сан епископа умножились. Ведению его подлежало наблюдение за преподаванием Закона Божия в средних учебных заведениях Москвы, дела о назначении в них законоучителей, о присоединении к Православию, о пострижении в монашество и принятии в монастырь и другие; Владыка становится председателем миссионерского Братства во имя святого митрополита Петра, Комитета по устройству внебогослужебных собеседований с народом, Религиозно-философского кружка учащихся и других религиозных обществ и организаций»[15].

На архиерейской даче в Черкизове

О, день для сердца незабвенный:
Господь сподобил посетить
Нас уголок благословенный
И радость чистую вкусить.

Нас принял храм под сень святую,
Молитвой дух животворя,
Зовя, забывши жизнь земную,
На пир Небесного Царя;

Мы были здесь как будто дома,
И вызывал в уме моем
Владыки голос столь знакомый
Воспоминанья о родном.

Выходим в рощу. Воздух чудный,
Все тот же мир кругом царит,
И шумный город многолюдный
Хотя на время позабыт.

Уютна церковь небольшая,
Все тихим миром здесь полно,
Тепло и свет, храм наполняя,
Лились в открытое окно;

Объятый чувством умиленья
Я удивлялся простоте
Архиерейского служенья,
При всей духовной красоте;

С любовью, кротко улыбаясь,
Ведя нас следом за собой,
На легкий посох опираясь,
Шел наш Владыка Чудовской...

Всего сказать я не сумею:
Так хорошо нам было с ним,
Он грел нас ласкою своею,
Приветом нас дарил своим.

Вдаль белой лентой убегая,
На фоне зелени видна
Дорожка ровная, прямая, –
Невольно манит вглубь она...

Небесный свод синел над нами,
Чуть веял теплый ветерок,
Порхал над пестрыми цветами,
Кружася, белый мотылек;

И жаль нам было расставаться
С тем благодатным уголком,
Хотелось дольше там остаться –
Так чудно было все кругом.

Я сохраню воспоминанье
Об этом светлом летнем дне –
И отдых дал, и назиданье,
И радость чистую он мне.

[1914 г.]

В Главном Церковном доме Москвы

Среди церковных учреждений старой Москвы особое место занимает Епархиальный дом в Лиховом переулке [д. 6], служивший в начале XX века центром общественно-церковной жизни Московской епархии. Здесь размещались практически все редакции церковных изданий, православные общества и братства, научные подразделения Общества любителей духовного просвещения (музей, библиотека), регулярно устраивались заседания, на которых обсуждались доклады и рефераты по истории православных святынь Москвы и России. В Епархиальном доме проводились ежегодные епархиальные собрания, здесь же в Большой Соборной палате в 1917-1918 годах происходили заседания исторического Поместного собора. [...]

К концу XIX века в Москве было несколько очагов общественно-церковной жизни. В Кремлевском Чудовом монастыре находилась резиденция Московского Митрополита, а рядом с обителью в Патриарших палатах размещалась Московская контора Святейшего Синода. В Высокопетровском монастыре с 1863 года помещалась епархиальная библиотека и регулярно устраивались заседания Московского общества любителей духовного просвещения. В августе 1897 года на Мясницкой у Лубянской площади было освящено новое трехэтажное здание Московской духовной консистории. В обширном здании, построенном в русском стиле по проекту архитектора Сретенского, разместились экспедиции, зал заседаний, консисторский церковный архив. [...]

В 1898 году Московскую кафедру возглавил энергичный и просвещенный Митрополит [священномученик] Владимир (Богоявленский). [...] В первые же месяцы своего пребывания в Москве Святитель высказал мысль о необходимости объединения в одном месте всех благотворительных и просветительных учреждений епархии, устройства там храма и народной аудитории. [...]

Осенью 1900 года Владыкою был образован строительный комитет, в состав которого вошли наместник Чудова монастыря архимандрит Товия[16], прокурор Московской Синодальной конторы кн. А. А. Ширинский-Шихматов[17] и другие. Земляные работы на месте строительства Дома начались в марте 1901 года, а через месяц архимандрит Товия совершил молебствие с водоосвящением перед началом каменных работ. Дело двигалось споро. 14 июня 1901 года состоялось торжество закладки храма святого Владимира. [...] Главное торжество освящения Дома состоялось 5 ноября 1902 года. С этого времени в залах и помещениях безпрерывно проводились церковно-общественные мероприятия: встречи, заседания, лекции, собеседования. Владимирский храм освящали 30 декабря 1902 года. В торжестве участвовал и Владыка Владимир, ректор Духовной семинарии Анастасий, Преосвященные викарии, многочисленное духовенство. Во время Литургии в храм прибыли Великий Князь, Московский генерал-губернатор Сергий Александрович и Великая Княгиня [преподобномученица] Елизавета Феодоровна. [...]

Главный церковный дом Москвы стал духовным центром сопротивления бездуховности и революционному насилию. 25 апреля 1907 года во Владимирском храме состоялось освящение знамен организаций, прибывших на IV Всероссийский съезд объединенного Союза Русского народа. [...] В залах Дома регулярно проводились патриотические беседы, устроенные отделом Московского Союза Русского народа. Организатором этих собраний и проповедей, крестных ходов был известный проповедник отец Иоанн Восторгов. [...]

С началом войны с Германией Владимирский епархиальный дом стал центром патриотической деятельности московских священников и мірян. 20 июля 1914 года здесь состялось многолюдное религиозно-патриотическое собрание. Перед его началом у стен Дома епископ Арсений в сослужении протоиерея Иоанна Восторгова при всенародном пении совершил молебствие о ниспослании победы русскому оружию. Часть помещений Дома была приспособлена под военный лазарет. В 1915 году здесь читались лекции о русских галичанах, о православных святынях в Галиции. В декабре 1916 года в Епархиальном доме состоялось открытие Союза во имя Рождества Иисуса Христа, председателем которого стал Арсений, епископ Серпуховской.

Владимир КОЗЛОВ

Владыка Арсений и архимандрит Серафим (Звездинский)

Утешением о. Серафима (Звездинского) был Чудов монастырь с его кротким молитвенным настоятелем о. Арсением. Какая бывала неприятность, какая скорбь по службе, какое недоумение, поедет он к о. Арсению и все ему выскажет, во всем поделится, все недоумения разрешатся, станет тихо, ясно на душе и опять возвращается в шумный водоворот [Московской Духовной] семинарии. А в обители святителя Алексия так тихо, так мирно и спокойно...

Кремль со своими святителями так величественно высок, так близок к небу, к Престолу Вседержителя, так там хорошо. Много дивных проповедей изрек здесь юный вития. Молитвенное его благоговейное служение, постническая подвижническая жизнь не могли укрыться от молодых людей, от юношей, искавших высоких целей жизни, от готовившихся стать пастырями и служителями Святого Алтаря Господня. [...]

Недолго был столп благочестия и чистоты преподавателем в семинарии. 14 июня 1914 года он был возведен в архимандриты Чудовой обители и ушел добровольно под тихий кров ее в священный Кремль Московский, стал помощником владыки Арсения. [...]

Давно уже подвизавшийся под сенью обители святителя Алексия, посещая своего друга о. Арсения, о Серафим говорил по праздникам свои дивные проповеди; все привыкли к нему как к проповеднику чудовскому. Духовные же власти усмотрели, что о. Арсений достиг уже

избрания в высшую степень священства, причем назначение его во епископа не лишит обитель настоятеля, так как о. Серафим был уже готов к этой должности. Господь избрал о. Арсения во епископы богоспасаемого града Серпухова, а о. Серафима, давно нареченного через старца Герасима[18], – в настоятели. Так совершились избрания Божии. 8 июня 1914 г. о Арсений был посвящен в Чудове во епископы, а на другой день сам новопосвященный владыка Арсений возвел в Богоявленском монастыре на Никольской улице[19] в настоятели на место свое своего друга о. Серафима.

Трудно было ученому иноку стать на путь монастырского брата. Деятельность почти вся в стенах монастыря, в кругу братии под начальством владыки Арсения. Духовная жизнь владыки Арсения была любезна сердцу о. Серафима, кроткому и смиренному духом подвижнику, витии и светильнику Церкви. Владыка Арсений не имел столь дивного дара устного проповедания слова Божия, он поучал своих духовных чад через свои статьи, печатавшиеся в духовных журналах, а о. Серафим каждое воскресение после вечерни, а также во все праздники неопустительно проповедовал, согревая сердца людей силою своего слова, приводил их к любви Божией и ко всему святому.

«Чудовские» богомольцы любили своего архипастыря владыку Арсения, но и глубоко ценили своего пропопведника и учителя пламенного о. архимандрита Серафима. Толпясь за благословением у Владыки, они в то же время никогда не упускали возможности получить благословение от скрытно от них удалявшегося о. архимандрита.

Владыка Арсений никуда не выезжал без своего друга, а о. Серафим ничего не делал без совета и согласия своего старшего брата и отца владыки Арсения. Братия боялась взыскующего порядков монастырских о. архимандрита, строгого блюстителя и исполнителя всех правил монашеских. Отец архимандрит ввел некоторые строгости в обители. По завету самого святителя Алексия, вход в келлии монахов женщинам был окончательно возбранен. В передней части Алексеевского храма стояли лишь одни мужчины, женщинам нельзя было стоять впереди, но лишь в левой части храма. Ворота монастырские запирались в 9 часов и ключи от обители отдавались лично архимандриту, так что никто не мог после 9-ти часов оказаться за вратами. Но полное сияние даров духовных находилось как бы под покровом, светило еще неполным сиянием. Господь не давал до времени разгораться во всей силе пламенному Серафиму. Здесь в Чудовом монастыре он готовился на великий подвиг высшего звания архиерейского, готовился путем воспитания прежде всего себя самого, смиряясь во всем перед старшим своим по духу и плоти братом владыкой Арсением.

«Свете Тихий» – так именовал владыку Арсения наш отец. Голос владыки Арсения кротко звал народ к покаянию. Молитвою, постом, благоговением и любовию тихо сиял вл. Арсений – Святитель Московский. Каждое его служение привлекало к нему множество его духовных чад, старавшихся не отрываться от молитвенного с ним общения ни на одно богослужение. Владыка Арсений в храм Христа Спасителя – там и его стадо, владыка Арсений в Черкизове – там его чада. Владыка Арсений совершает богослужение в одном из храмов Москвы – там его паства. Часто оба светильника совершали праздничные богослужения вместе [...] Вл. Арсений вместе с о. Серафимом посещали для руководства и исповеди своих чудовских прихожан, вместе выезжали в Черкизово на дачу (как святитель Алексий говорил, «в Черкизово сельцо, которое я приобрел на свое сребрецо»). [...]

Братия Чудовской обители боялись строгого настоятеля, строгого как к себе, так и к другим. Некоторые, не желавшие смириться под крепкую руку его, даже перешли в другой московский Покровский монастырь[20]. Иноки пробовали высказывать свое недовольство, но не встречали поблажки от своего архимандрита. Он указывал им, что и міряне несут тяготу на фабриках и заводах, рано встают на свою работу, кольми паче монахам потребно со смирением являться на молитвенное бдение в свои часы.

Управлять братиею и делами обители надо было не вполне самостоятельно, необходимо было все согласовывать с волей и мнением владыки Арсения. В Чудове было особое положение настоятеля, не как в других монастырях, где настоятели сами управляют. Здесь присутствие наместника не давало ему всецело власти. Вот путь смирения, вот тот фундамент, на котором построился весь горний Иерусалим души пресветлого Светильника Церкви нашей Православной. Лично во всем о. Серафим отрекся от себя, не имел своей паствы, не имел своего управления, не распоряжался свободно самим собою, все было подчинено владыке Арсению, наконец, сам подчинялся. Во всем навык смиренный послушник в высоком сане говорить своему начальнику, близкому по любви во Христе: «Как папа, так и я». Эти слова были положены в основу всей жизни о. архимандрита в Чудовой обители. «Как папа, так и я», – и все было мирно, все было гладко и тихо, и сиял тихий свет любви и согласия. Не любил о. Серафим лишь лукавства и ропота, а все остальное покрывал своей любовью. [...]

Духовником Чудовской братии был иеромонах о. Никифор, простой, но мудрый старец. Когда приходил к нему исповедник, о. Никифор делал вид простоты, скрывая свои подвиги, начинал ставить самовар. Потом, поисповедовав, угощал приходившего чаем. Владыка,

вспоминая о. Никифора, говорил, что о. Никифор всегда располагал его к милости к подчиненным. «Одно слово милостивое, начальником сказанное, окрыляет подчиненного, – говорил он. – Одно немилостивое слово заставляет скорбеть». Так, зная, что братия боится о. Серафима, о. Никифор защищал ее, уча милости. «Бывало, принесешь ему фрукты в дар, как своему духовнику, а он их не замечает и не раскроет корзинку, сам ставит самовар, угли подкладывает, а внимает зорко тому, что ему открываешь: так прост был о. Никифор, но мудр и опытен, и мог смирить, научить и утешить мог».

Утешал его в скорбях и владыка Арсений.

В бытность о. Серафима в Чудовом монастыре, о. Алексий [Зосимовский старец] не давал ему благословения быть духовником и брать кого-либо на исповедь, и благословил его самому крепить в себе дух и готовил, видно, его для будущего. Один лишь был случай, когда архимандрит, с благословения о. Алексия, исповедовал. Старец Кирилл, единоверец, имел веру лишь к одному православному пастырю, к сыну о. Иоанна Звездинского и просил напустствовать его в вечную жизнь. Ему сделал о. Алексий исключение и о. Серафим исповедовал его и его умирающую от туберкулеза дочь, также с благословения старца Алексия. [...]

‡

В 1913 г. однажды вл. Арсений остановил о. Серафима. «Что, о. Серафим, поедите ли со мною, куда я вас приглашу?» – спросил он своего друга. «Поеду», – был кроткий ответ сердечного друга. «Я хочу вас просить спутешествовать мне в старый Иерусалим», – сказал вл. Арсений. Радостно принял приглашение о. Серафим. Вскоре он все оформил к отъезду и в сопровождении племянника вл. Арсения и чудовского повара они вчетвером выехали во святое путешествие.

В Одессе сели на пароход. Страшно было первое впечатление; когда отплыли, нигде не было видно берега, остались во власти воды, одно лишь небо и вода, солнце медленно скрылось, как бы погрузившись в воды. Страдали от сильной качки. Чтобы не упасть с дивана, прикрепили сетки, пароход качало из стороны в сторону.

В Константинополе обозревали достопримечательности, были во Св. Софии, обращенной в мечеть. Тяжелое впечатление осталось от вида кабаков близ святых храмов: пение певиц, шум бокалов, музыка так резко выделялись на фоне близлежащих храмов.

От Константинополя последовали пароходом до Александрии. Здесь пароход остановился далеко от берега, пришлось пересесть в

лодку. Гребцы стали требовать денег, в противном случае угрожали им, указывая на море. Только кроткие лица чудовских пастырей смягчили их нрав и они склонились, что это «муллы», как они их сами называли.

Из Александрии поехали поездом. Трогательно было слышать название станций: «Аримафея», «Лидда», «Иерусалим». Каждое словно пронзало сердце и душу. Евангельская история становилась действительностью, жизнью, событием дня.

Сойдя с поезда на землю св. Иерусалима, хотелось лобызать ее, кругом виднелись священные горы. В Иерусалиме наши паломники остановились на русском подворье, где были русские монахи и европейские удобства.

Сердце рвалось ко Гробу Господню, к страшной Голгофской горе, прошли страстной путь Господень и на Гробе Господнем совершили сами священнослужение – Божественную литургию. Много благодарных слез, слез умиления и покаяния здесь было пролито ими. Затем паломничали в Вифлеем, на Иордан, в Назарет, Елеон и другие священные места. Во Иордане трижды погружались. На Елеоне взяли камушков от того белого камня, на котором отпечаталась стопа возносящегося от земли на небо Господа. На Елеоне Кармелитский католический монастырь заставил больно сжаться русское сердце. Пожизненный затвор, молчание, неведомое никому житие, – все это тяжело легло на сердце – простое, открытое, ясное.

Путешествуя на осликах по святым местам, путники проходили суровые долины. В одной из таких долин росли кактусы. О. Серафим тронул рукою кактус, множество игл впилось в его руку. Местные жители говорили, что с иглами этого растения входит в организм малярийное заболевание. И вот о. Серафим заболел жестокой формой малярии. Открылся понос, поднялась температура до потери сознания. Врачи, измерив температуру, качали головами, говоря: «Дэнга». «Дэнга» – на нашем языке означает лихорадку, малярию. Малярия не прекращалась, организм постника был крайне истощен. Уже был заказан ящик на случай смерти о. Серафима для отправки тела на родину для погребения. Божественная помощь пришла по заступлению св. равноапостольной Марии Магдалины. Добравшись до Магдал, о. Серафим лежал неподвижно там, где останавливались русские паломники. «К моей койке подошла сердобольная старушка, обслуживающая путников. Увидав меня еле живого, она сказала: «Что это, батюшка, как ты заболел лихорадкой-то, не трудно тебе и поправиться, вот я сварю питья, попьешь и тут же поправишься». Она сварила какого-то бальзама и напоила меня густым ароматным питьем и на другой же день я, пропо-

тев, почувствовал себя совсем здоровым. Так помощь Божия меня не оставила по молитвам о. Арсения, который сильно горевал над страждущим своим спутником».

На обратном пути в Россию пароход шел мимо Св. горы Афон, но сойти на землю не пришлось, т. к. был карантин, и полюбоваться Святою Горою чудовские отцы смогли только с парохода.

‡

Но враг не терпел Света Христова, попущением Божиим воздвиг он лютую бурю не только на Чудов, но и на всю Православную Русскую Церковь. Первыми раскатами своего грома эта буря ударила именно по Чудовой обители. После объявления войны некоторых из братий святитель Алексий благословил положить жизнь свою за Веру, Царя и Отечество, а некоторых, укрыв от войны внешней, привел постригом ко брани духовной, на молитвенный подвиг о своих братиях.

Москва встречала Государя, молившегося за свое Отечество у Св. Алтарей Священного Кремля. Какая-то неуверенность, чувство страха, злой зависимости заставляли сердце ныть и тревожиться за грядущее Отчизны и ее Главы. [...]

Больной Цесаревич на руках служителя, его грустные ясные очи, вдовица Великая Княгиня, скорбящая у гроба убиенного ее мужа, легкомысленно веселящиеся Великие Князья – все это наводило на глубокие тяжелые думы.

В приезд Государя в Москву у раки Святителя Алексия стоял о. Серафим. Он читал тропарь Святителю, когда поднесли Цесаревича приложиться к его Небесному Покровителю. Наследник Престола ласково взглянул на о. архимандрита и взялся рукою за его бороду: не то проявил свое любопытство, не то еще ради какого доброго чувства, – запомнился лишь его детский ласковый взгляд.

Сам о. Серафим задумал понаблюдать, чем заняты Великие Князья в семейной обстановке. После молитвословия он зашел в смежный с Чудовым дворец и застал их веселящимися за играми у столиков с сигарами и картами. Больно отозвалась разница их с благоверными Князьями, описанными Карамзиным.

Редактор журнала «Душеполезное чтение» 1915-1917 гг.*

Печатавшийся в типографии Троице-Сергиевой Лавры журнал «Душеполезное чтение» с 1 января 1915 г. стал выходить при Чудовом монастыре двухмесячными книжками. Редакторами журнала значились: «Наместник Чудова монастыря епископ Серпуховский Арсений и и[справляющий] д[олжность] доцента Петроградской Духовной академии Петроградский епархиальный миссионер Иван Айвазов». «Весь литературный материал, – говорилось в редакционном объявлении, – посылать и за всеми справками обращаться по адресу: Петроград, Калашниковская набережная, 32, кв. 46... Ивану Георгиевичу Айвазову»[21].

Накануне перехода журнала под кров Чудовой обители редактирование журнала находилось в руках Преосвященного Василия (Преображенского, ‡ 6.10.1915), епископа Можайского, находившегося со 2 мая 1914 г. на покое. В некрологе Преосвященного, написанном И. Г. Айвазовым, читаем: «Когда Владыка принял в свои архипастырские руки наш журнал «Душеполезное чтение», то, казалось, что настает пора былого расцвета этого журнала. Но силы архипастыря уже были подломлены. Горя и пламенея духом, он все более и более немоществовал плотию и, наконец, сдал журнал в обитель Святителя Алексия – Чудов монастырь, радуясь, что журнал волею Московского Архипастыря митрополита Макария и любовию Преосвященного Арсения, наместника Чудова монастыря, принят под кров обители Святителя Алексия. И после этого Преосвященный Василий все справлялся о журнале и, когда узнавал об его успехах, – радовался отчею любовию...»[22]

В 1915-1917 гг. на страницах «Душеполезного чтения печатались «Духовные дневники» и другие труды владыки Арсения.

---

* Ежемесячный журнал «Душеполезное чтение» выходил в Москве с 1860 года. Основан он был священниками А. И. Ключаревым (впоследствии архиепископ Харьковский и Ахтырский, 1820 ‡ 1901), Василием Нечаевым и Василием Лебедевым. В 1866 г. о. Василий Нечаев принял монашество (впоследствии епископ Костромской и Галичский Виссарион, 1822 ‡ 1905) и передал журнал профессору Московской Духовной академии протоиерею Димитрию Касицыну (‡ 1901), после смерти которого издание вела жена покойного. Перед переходом в Чудов монастырь редактором-издателем журнала значился генерал-майор Н. Н. Касаткин. – *Сост.*

Детский привет Архипастырю

С прошедшим днем Ангела
Мы Вас, Владыка, поздравляем,
Радости духовной и счастья
На много лет Вам желаем.
Еще желаем Вам здоровья
В дни Вашей жизни дорогой,
И на веки утвержденья
В сей обители Святой.
Желаем Вам того,
Что Вам всего дороже,
К чему всегда стремитесь Вы...
Но... не одни же пожеланья
Мы должны Вам принести, –
Благодарить должны мы Вас
За Вашу ласку и любовь,
И за то, что нас созвали
Сюда, к Святителю, под кров.
За то, что Вы своей любовью
Заставили и нас сей храм любить,
И за священною в нем службой
Нашу юность проводить.
О, сколько надо бы сказать
О том, что Вы сделали для нас,
Но даже слов не подобрать,
Чтобы все это описать.
Мы никогда Вас не забудем,
И как отца будем любить,
И во все дни нашей жизни
За Вас Господа молить.
Мы пребываем все в надежде,
Что и нас Святитель защитит,
И, по Его Святой молитве,
Господь и Вас да сохранит!..

[1917 г.]

Мы не будем здесь повторять историю возникновения имяславия, споров вокруг него и решений, довольно подробно описанных в первом томе настоящего издания*. Отметим лишь некоторые новые факты, ставшие нам доступными в связи с выходом со времени напечатания 1-го тома большого числа новых, серьезно документированных изданий, прямо или косвенно посвященных имяславию[23].

Прежде всего, выясняется, что инициатором силового решения Афонского дела, оказывавшим сильное давление на Константинопольского Патриарха Германа для богословского обоснования изгнания русских иноков со Святой Горы был русский посол в Константинополе (1912-1915) М. Н. Гирс – масон, впоследствии ставший одним из руководителей русских масонских лож в эмиграции, организовавший и субсидировавший (в основном, из присвоенных им принадлежавших Российской Империи денег) парижский раскол митрополита Евлогия (Георгиевского) и парижскую богословскую школу, а также завладевший найденными во время следствия под Екатеринбургом мощами Свв. Царственных Мучеников и материалами самого следствия, и категорически отказавшийся впоследствии выдать их эмигрантам-монархистам[24].

На первом заседании Подотдела Собора об Имени Божием 1 декабря 1917 г. был заслушан рассказ П. Б. Мансурова о его поездке на Афон в 1913 году: «...Наше Константинопольское посольство всегда очень вовлекалось в церковные дела, считая себя представителем и церковных интересов России, тем более, что тогда наш Синод сносился с Православными Церквями через Министерство иностранных дел. Бывший во время Афонской смуты в Константинополе наш посол М. Н. Гирс привык вести церковные дела, но не интересовался их специально церковной сутью. Он и к Афонской смуте отнесся как к нарушению порядка и подрыва престижа русской власти и русских привилегий на Афоне. Принципиальным руководством в отношении к афонским спорам служил для него взгляд архиепископа Харьковского Антония (ныне митрополита), пользующегося в Константинополе авторитетом**. Посол потребовал [!] от Константинопольского Патриарха скорейшего прекращения афонского «бунта невежественных монахов». Патриарх Герман, который сам в этот вопрос не вникал [!] и основывался на взгля-

---

* См. комментарии 153, 187, 188 и 189 на стр. 458-459, 475-487 пер вого тома наст. изд.

** В немалой степени за его известное грекофильство. – *Сост.*

дах архиепископа Антония*, принялся торопить Халкинскую школу, чтобы она поскорее дала свое заключение об Афонской смуте. Посылая меня на Афон, посол указывал мне, что надо действовать решительно [!], и доставил в [мое] распоряжение свой военный стационер**. И все посольство наше в Константинополе было настроено подобным образом. Я не считал себя, однако, связанным этим указанием. Прибыв на Афон, я отослал стационер обратно [...] Вернувшись в Константинополь, я сделал соответствующий доклад Патриарху Герману, тот опять решил поторопить Халкинскую школу с ее заключением об Афонской смуте. Преподаватели школы вскоре и изложили свой отзыв (в котором, между прочим, говорят, что хотя не дочитали [!] книги «На горах Кавказа», но считают себя достаточно изучившими этот вопрос, чтобы сделать определенный отзыв)»[25].

Как установлено недавно, «Отзыв Халкинской богословской школы об учении имябожников» составили и подписали греческие богословы, получившие образование (кроме одного) в университетах Западной Европы и защитившие там диссертации. «Влияние протестантского богословия проявилось в подозрительном отношении к духу мистицизма, к живому религиозному чувству, к движениям сердца, столь свойственным книге «На горах Кавказа»...»[26]

Все было рассчитано точно: с противорусской масонской интригой сошлись всегдашнее стремление греков вытеснить иноков из оказывавшей им безчисленные благодеяния России***; западный позитивизм

---

* Монахиня Анна (Обухова, 1866 ‡ к. 1950-х гг.), духовная дочь архиепископа Феофана (Быстрова), а впоследствии митрополита Вениамина (Федченкова) оставила воспоминания об имяславцах, которые до сих пор не опубликованы. Приведем одну из записей, связанную с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной, с которой м. Анна была духовно близка: «Незадолго до революции В[еликая] К[нягиня] была в Киеве и там в Лавре встретилась с м[итрополитом] Антонием, обедала с ним. Оставшись наедине, В[еликая] К[нягиня] спросила м[итрополита] Антония – что он нашел в книге о. Илариона, что эту книгу он постарался запретить?.. И, к удивлению В[еликой] К[нягини], м[итрополит] Антоний отвечал ей так просто, как о малозначащей вещи, что сам-то он ее не читал, а доложил ему миссионер... Имя забыла... Он был на Волыни... В[еликая] К[нягиня] опомниться не могла долго... Когда я к ней приехала в последний раз, она мне это сказала – лишь только я вошла к ней...» (*Митрополит Вениамин (Федченков)*. Божьи люди. Мои духовные встречи. Сост. А. К. и Н. В. Светозарские. М. «Отчий дом». 1997. С. 390). Запись эту пересказал в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (см. т. 1 наст. изд. С. 476). – *Сост.*

** Военное судно. – *Сост.*

*** Нельзя сказать, чтобы этой опасности никто *тогда* не видел: «Греки «с удовольствием» признают учение о Божественности Имени Божия ересью. Тем самым они исполняют свое

греческих богословов; отрыв от православной мистики русского ученого монашества* [27]. Так *«недочитавшие»* греческие богословы, исполняя указания *«нечитавшего»* Константинопольского Патриарха, поверившего, в свою очередь, также *«нечитавшему»* русскому архиерею, и исполнившего указание *«не интересовавшегося* специальной церковной сутью» церковных дел русского посла-масона, – все вместе, – в преддверии мiровой войны, революции и гражданской войны в России разорили Русский Афон. Воистину, кого Бог хочет наказать, у того Он отнимает разум.

В отличие от П. Б. Мансурова, архиепископ Никон (Рождественский), столько писавший о происках масонства, не распознав в указаниях Гирса «действовать решительно» подвоха, не отослал военный стационер в Константинополь... Мы не будем здесь описывать отвратительных, позорных сцен ни в Уделе Матери Божией, ни по прибытии судна в Одессу, когда на некоторых из переодетых в мiрское платье афонских монахов надевали еврейские ермолки[28]. Отметим только резкие отзывы о нем Царицы-Мученицы («Никон (этот злодей с Афона)», «у него на душе грех Афона»)[29] и недоумение Царя-Мученика. «После

постоянное желание избавиться от русского элемента. Дипломатия должна наконец понять, на чью мельницу она льет в войне с русскими обитателями Афона. Торжество греков совершится в недалеком будущем, если не одумается посол» (*Иволгин С.* [*Цветков С. А.*] Наша дипломатия и Афон // Новое время. 10.5.1913).

* Хорошо знавший владыку Антония (Храповицкого) архимандрит Киприан (Керн) писал: «...Все критическое, все основанное на мистической интуиции, на внутреннем восприятии – все это подвергалось осуждению и неприятию. *Мистика и хлыстовство это были синонимы* [...] *Мистика для митрополита Антония почти то же, что хлыстовство.* Он не отличал подлинно-церковной мистики наших исихастов от неправославной аффектации крайних католических проявлений мистики. Любопытно ведь и то, что Владыка *очень осторожно относился к Иисусовой молитве.* «Лучше по молитвеннику молиться, чем четку тянуть и повторять одно и то же в ожидании небесного света». Этим объясняется его крайне непримиримое отношение к имяславию» (*Архимандрит Киприан (Керн).* Митрополит Антоний (Храповицкий) // Вестник русского христианского студенческого движения. № 91-92. Париж. 1969. С. 90, 95-96). Столь ходкое в начале века обвинение в хлыстовстве позволяло подозревать практически каждого и не давало при этом возможности выявить никого конкретно. Примечательно, что именно в хлыстовстве обвиняли и Г. Е. Распутина, симпатизировавшего, кстати, имяславцам. И не выявив ничего, оставили все же в подозрении. До сих пор... Сам Распутин так отвечал на эти обвинения: «Вот говорят, что я хлыст. Какой же я хлыст. Упаси, Господи. В церковь хожу, признаю все догматы, молюсь [...] Какой же я хлыст. Клевещут, милый, на меня» (*Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М. 1998. С. 601-602).

всех мероприятий архиепископа Никона, – вспоминал П. Б. Мансуров, – когда я был в Петрограде и представлялся Государю, он спросил моего мнения о действиях архиепископа Никона на Афоне. Я ответил в том смысле, что если судить с канонической точки зрения, требующей повиновения во имя авторитета Церкви, то действия его правильные. А если признать, что архиепископ Никон должен был главным образом убеждать, то надо признать, что он поторопился с крутыми мерами*. Государь сказал, что хотя он и не читал книги «На горах Кавказа», но Булатовича знает как лихого офицера**, и вообще говорил об имяславцах-афонцах сочувственно»[30].

Тем самым П. Б. Мансуров, будучи дипломатом да к тому же человеком глубоко духовным, признал (и на встрече с Государем, и после революции, на заседании Подотдела Собора), что и *тогда,* в 1913 году, альтернатива *таким* жестким действиям для угашения возникшей смуты была. Прежде всего, вспомним действия самого Мансурова на Афоне в марте 1913 года. Далее, приезд в августе 1912 г. на Афон владыки Трифона (Туркестанова), в то время епископа Дмитровского, викария Московской епархии вместе с братом. «Просвещенный» сначала имяборцами, после общения с имяславцами, в том числе и с иеромонахом Антонием (Булатовичем), епископ Трифон «отказался быть судьей в этих вопросах, но одобрил книгу «На горах Кавказа» и уговаривал [иеромонаха] Алексея (Киреевского) [активного имяборца] уехать с Афона для достижения мира церковного»[31].

О том, что Афонское дело могло пойти именно по этому пути, находим свидетельство опять-таки у П. Б. Мансурова: «В Министерстве иностранных дел я доносил тогда, что у афонитов [*нрзб.*] смута в умах и вряд ли спорящие стороны отдают себе отчет в том, о чем они спо-

---

* Характерно, что владыка Никон, оправдываясь печатно, сам глубоко переживал свою миссию на Афоне. «Может быть, – пишет епископ Варнава (Беляев, 1887 ‡ 1963), – не нужно бы посылать и архиепископа Никона туда, чтобы усмирять известным образом монахов, о чем он подробно рассказывал мне вскоре по приезде, при встрече за столом у о. Германа (Зосимовской пустыни), и о чем нет надобности говорить здесь» (*Епископ Варнава (Беляев).* Тернистым путем к небу. Сост. П. Г. Проценко. М. «Паломник». 1996. С. 410). В связи с этим особо хочется отметить, что разговор, о котором не стал рассказывать автор, сам придерживавшийся скорее имяборческих взглядов, происходил у старца Германа, отличавшегося, как известно, трезвым взглядом на имяславие и благословившего, как будет сказано позднее, издание книги «На горах Кавказа». – *Сост.*

** Сам П. Б. Мансуров на заседании Подотдела Собора в 1917 г. на вопрос о личности о. Антония (Булатовича) заявил, что «считает Булатовича искренним человеком, но по характеру авантюристом» (Богословские труды. Сб. 33. С. 162). – *Сост.*

рят, ссорятся и доносят друг на друга, что дисциплина расшатана чрезвычайно. Я предлагал поэтому послать на Афон авторитетное лицо из монахов, богословски образованное и опытное в монашеской жизни, которое осталось бы на некоторое время жить там, чтобы вразумить афонитов и водворить порядок в их жизни, и указывал архимандрита Арсения, настоятеля Чудова монастыря (ныне епископа), как на способного сделать это. [...] Вместо архимандрита Арсения на Афон был послан архиепископ Никон, который действовал под давлением указанной ему необходимости спасать русское положение на Афоне»[32]. Почему это назначение не состоялось: из-за предстоявшего ли прославления священномученика Патриарха Ермогена или торжеств в честь 300-летия Дома Романовых, центром которых должен был быть Чудов монастырь, или по другим каким-то, неведомым нам, причинам, – пока что, думается, обо всем этом трудно судить. Главное – назначение не состоялось и все пошло по другому пути.

Как бы то ни было, в 1913 г. со Св. Горы Афон с применением военной силы в Россию насильственно было вывезено 485 монахов из Пантелеимонова монастыря и 185 монахов из Андреевского скита. Впоследствии еще около тысячи русских имяславцев вынуждены были покинуть этот Удел Матери Божией, в обителях которого особо почитался Царский Род, о чем свидетельствовал тот факт, что на всех ектениях Императорский Дом поминался там весь, без узаконенных в России сокращений[33].

Говорят, что незадолго до афонских гонений одна бесноватая кричала у Иверской часовни в Москве: «Ого, какой столп повалили!»[34] По свидетельству известного русского философа А. Ф. Лосева (монаха Андроника), имяславцы «предупреждали, что если Россия перестанет почитать Имя Божие, то погибнет»[35]. В позднейшем документе «Большое имяславие» (Неделя о Страшном суде 6/19.2.1928) читаем: «Похулено и осквернено сладчайшее Имя Иисусово, и вот постигла Россию великая разрушительная война, падение и расслабление великого народа, безумие и окаянство жесточайшее сатанинского десятилетия, включая и распри церковные, разделение церковного общества на непримиримые партии и еретически-раскольнические блуждания»[36]. Однако последствия этого шага осознавалось в России тогда немногими. Мы уже приводили (см. т. 1) высказывания по этому поводу М. А. Новоселова и В. Ф. Эрна. Однако – самое главное – все это было открыто сердцу Цареву. В своей собственноручной записке от 15.4.1914 из Ливадии Обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру Император Николай II писал: «В этот Праздник Праздников, когда сердца верующих стремятся любовью к Богу и ближним, душа моя скорбит об афонских иноках, у

которых отнята радость приобщения Святых Таин и утешение пребывания в храме. Забудем распрю: не нам судить о величайшей святыне – Имени Божием, и тем навлекать гнев Господень на родину; суд следует отменить и всех иноков, по примеру митрополита [Киевского] Флавиана*, разместить по монастырям, возвратить им монашеский сан и разрешить священнослужение»[37].

Записке Государя предшествовала личная его встреча с афонскими изгнанниками, состоявшаяся в Царском Селе 13 февраля 1914 года, когда праздновалась память преп. Стефана, в иночестве Симеона († 1200), Царя Сербского, мироточивого, ктитора Хиландарского монастыря на Святой горе Афон. В дневнике Государя читаем: *«13-го февраля. Четверг.* Такой же солнечный день. Утро было занятое. Завтракал [...] Принял четырех афонских старцев из изгнанных оттуда»[38]. Этими старцами были: иеросхимонах Николай (Иванев), схимонах Исаакий (Грязев), схимонах Мартиниан (Белоконь), монах Манассия (Зенин)** (все из Пантелеимонова монастыря)[39]. По всей вероятности этой встрече способствовал Г. Е. Распутин, являвшийся «сторонником этого учения в монашеской среде»[40]. По воспоминаниям директора департамента полиции С. П. Белецкого, он пытался выяснить у Распутина, что «заставило его отвозить во Дворец на показ тайно приезжавших в Петроград монахов-имябожцев, в преклонном возрасте, – многие из них были в схиме, – с обрезанными бородами, в штатском платье...»[41] В Докладной записке 14 февраля 1914 г. экзекутора Канцелярии Обер-прокурора Св. Синода М. Шергина, сопровождавшего монахов в Царское Село, сообщается: «Монашествующие вернулись из Дворца в самом радостном настроении, глубоко растроганные оказанным им Высоким вниманием. По их словам, после получасового ожидания во Дворце, они были удостоены милостивой беседы с Государем Императором и Государыней Императрицей Александрой Феодоровной в продолжении приблизительно 40 мин[ут], причем в комнате, где велась беседа, из свиты никто не присутствовал. В конце аудиенции, на просьбу мо-

---

* Также, между прочим, поступили и в Глинской пустыни. По свидетельству одного из ее насельников, «отец Исаакий (в схиме Исаия), настоятель обители, охотно принимал их [имяславцев с Афона] в пустыни, построил им келлии в скиту во имя праведных Богоотец Иоакима и Анны, чтобы они могли жить во уединении» (*Свящ Александр Чесноков.* Глинская пустынь и ее старцы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1994. С. 145). – *Сост.*

** *О. Манассия* в начале 1920-х гг. уехал на Кавказ, где поддержал движение южных имяславцев против получения советских паспортов, как «антихристианских документов». Последний раз о. Манассия был в Москве в 1927 г.

нашествующих о даровании им высокой милости лицезреть Наследника Цесаревича, в комнату вошел Его Императорское Высочество и подал монашествующим руку, которую те поцеловали, а один из них, в благоговейном чувстве склонившись пред Царственным отроком, облобызал Его в голову. Затем Высокомилостивая аудиенция была закончена»[42]. Непосредственные впечатления от Высочайшего приема запечатлелись, по крайней мере, еще в двух документах. Прежде всего это литографированное письмо самих старцев, принятых Императором: «Господь сподобил нас быть принятыми нашим Батюшкой Государем и Государынею Императрицею и лицезреть Благословенное Чадо Их Наследника Цесаревича. Государь умудрил нас грешных во всех подробностях доложить Ему о гонении, Имени Христа ради, на нас «имяславцев», о лишении нас Св. причастия, обращении нас в мірское состояние и о всех тех муках, которые мы претерпели при аресте нас на Афоне и водворении в Россию, а также о тяжелом житии нашем в настоящее время без святой обители. Просили мы Батюшку Государя нашего повелеть по справедливости рассмотреть дело наше и дать всем нам, инокам афонским, насильственно выдворенным в Россию, вновь соединиться в одной общей обители для дальнейшего служения Господу Богу нашему. Наши смиренные слова были милостиво и умиленно выслушаны Государем и дал Он нам полную надежду на скорое [*2 нрзб.*] окончание дела и на предоставление нам, инокам Афонским, в недалеком будущем святой обители. Будем же мы и далее пребывать в смирении и уповании на милость Господа Бога и надеяться на доброе и всегда справедливое сердце Царское, внявшее нашему молению»[43]. Другой документ – рапорт Св. Синоду архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) от 1.7.1914 на основе впечатлений от встречи с имяславцами уездного миссионера священника Михаила Войк: «Живя в Санкт-Петербурге и почитая себя православными и обиженными, иноки... исходатайствовали Высочайшую аудиенцию и 13 февраля 1914 года имели счастье представляться Его Императорскому Величеству в Царскосельском Дворце в составе иеросхимонаха Николая, схимонаха Мартиниана и еще двух иноков. Государь Император, по словам представляющихся, принял их очень милостиво, выслушал всю историю их удаления с Афона и обещал им свое содействие к мирному разрешению их дела, а Ее Императорское Величество будто бы настолько была растрогана их печальной повестью, что не могла воздержаться от слез. Представлявшиеся имели дерзновение попросить у Их Величеств дозволения видеть Наследника Цесаревича, который и был приведен в приемную комнату. По словам схимонаха Мартиниана, он будто бы осмелился возложить свою руку на голову Его Высочества и

выразить ему молитвенное благопожелание здоровья и счастья на радость России. По окончании аудиенции Его Величество будто бы подал руку всем представлявшимся. Иноки находятся и теперь под впечатлением ласки Царской Семьи...»[44]

В упоминавшейся записке Государя Обер-Прокурору речь шла о суде над афонскими монахами-имяславцами, который Св. Синод поручил произвести Московской Синодальной конторе после Фоминой недели (Определение Св. Синода 14-18.2.1914). Согласно Инструкции Св. Синода 27.2–2.3.1914 первоприсутствующим на суде назначался митрополит Московский Макарий. Членами суда были: архиепископ Тверской Алексий, епископ Дмитровский Трифон, епископ Олонецкий Мисаил, епископ Архангельский Иоанникий, епископ Балахнинский Евфимий, епископ Серпуховской Анастасий, епископ Волоколамский Феодор, епископ Верейский Модест, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Товий и наместник Московского Чудова монастыря Арсений. Для келейного увещания подсудимых до начала суда по усмотрению Конторы должны были быть призваны «известные строгою иноческою жизнию духовной опытностью иноки-старцы»[45]. Примечателен в связи с этим отказ (под благовидным предлогом плохого состояния здоровья) от выезда в Москву «для келейного увещания подсудимых» преп. Анатолия (Потапова) Оптинского и архимандрита Агапита (Беловидова)[46].

Для последующего формирования мнения владыки Арсения большое значение, несомненно, имела позиция его духовника игумена Германа (Гомзина), настоятеля Смоленской Зосимовой пустыни. «Духовный опыт отца Германа, – писал впоследствии владыка Арсений, – ценил и Святейший Синод. При так называемых афонских спорах об имени Иисусовом Высшее Церковное Управление запрашивало письменно старца дать свое суждение, и он отвечал, что молитва Иисусова есть дело сокровенное, а потому возникшие разногласия следовало бы покрыть любовью, что и сделал митрополит Макарий»[47].

Известно о личном письме Государя митрополиту Макарию «с благоприятным мнением об имяславцах»[48], написанном в апреле 1914 года. Это, несомненно, укрепило Владыку в прежних его взглядах на пути возможного исправления допущенных ошибок: «Совесть владыки Макария не могла одобрить тех грубых, нетактичных действий, которые были допущены, как на Старом, так и на Новом Афоне против имяславцев, и Митрополит Макарий, по мере своих сил и возможностей, старался смягчить и отменить допущенные нарушения»[49].

Уже 1 мая определением Московской Синодальной конторы сношение с афонскими изгнанниками поручается епископу Модесту, Верейскому, викарию Московской епархии. Через два дня, 3 мая состоя-

лась встреча епископа Модеста с иеромонахом Антонием (Булатовичем), а 4 мая с группой иноков на даче близ станции Бабино Николаевской железной дороги[50]. Мнение епископа Модеста, вынесенное из этих встреч, документально зафиксировано. «...При простоте их книжного образования, – говорил Владыка в словесном докладе, – и недостаточном знакомстве с принятыми в церковной науке способами и формами выражения богословской мысли, они не всегда могут в своих словесных и письменных заявлениях точно выразить по предметам своих верований свои действительные мысли в соответствии с теми, кои почерпнуты ими из Святых и святоотеческих писаний [...], а об имени Божием, в частности, изъясняют, что «именуя имя Божие и имя Иисусово Богом и Самим Богом, они чужды как почитания имени Божия за сущность Его, так и почитания имени Божия отдельно от Самого Бога, как какое-то особое Божество, так и обожения самих букв и звуков и случайных мыслей о Боге»[51]. Собственно то же (отсутствие в имяславии признаков ереси) подтверждал и архимандрит Арсений: «Появились на Афоне мечтатели, которые святейшее Иисусово Имя стали толковать своим умом»[52].

Еще через несколько дней, 14 мая епископ Модест в письме издателю журнала «Дым Отечества» А. Л. Гарязину делился своей радостью: «Благодарение Господу Богу, все иноки имяславцы оказались истинными чадами Церкви. [...] О. Антоний и все виденные мною иноки афонские назначены в число братии Знаменского монастыря. Употреблю все усилия, чтобы они остались пребыванием своим в монастыре довольны. [...] Разность мнений не должна мешать единению в любви. Так было прежде (школы Антиохийская, Александрийская и др.), когда допускалось существование в Церкви мнений, которые потом Собором или объявлялись догматом или отвергались. [...] Когда Господь Бог вложит в Сердце Царево желание собрать очень нужный для Церкви собор, Он Один ведает. До собора же возможна литературная борьба, но хорошо было бы, если бы она не была остра»[53].

Речь шла об определении Московской Синодальной конторы от 7 мая 1914 года, в котором говорилось, что у иноков-имяславцев «нет оснований к отступлению ради учения об именах Божиих от Православной Церкви»[54]; этим же определением они были освобождены от последующего церковного суда[55]. 18 мая последовало заявление иноков афонских Митрополиту Макарию: «Благодарность за снятие обвинения в ереси. Берем обратно заявление об отложении. Архиепископы Антоний и Никон – главные виновники Афонской смуты. Просим поместить изгнанников афонских в скиту «Пицунда»»[56]. В августе митрополит Макарий получил официальную телеграмму от Обер-Прокурора

Св. Синода В. К. Саблера, в которой ему предоставлялись полномочия допустить к священнослужению тех из оправданных иноков, которых он найдет достойными. Владыка «разрешил немедленно около 20 человек и донес о сем телеграммой Обер-Прокурору, а потом разрешил и других»[57]. «Суд над афонскими монахами, – сообщала газета «Гроза» 31 мая 1914 года, – закончился тем, что прибывшие в Москву 6 афонцев были спрошены митрополитом об их веровании о Имени Божием и признаны исповедающими святость Имени Господня согласно учению святых Отцев Вселенской Церкви. После сего митрополит Макарий послал викарного епископа Модеста в Петербург к остальным преданным суду афонским монахам и объявил им, что трех архиепископов, восставших против Имени Божия, нельзя отожествлять с Святейшим Правительствующим Синодом и потому нет основания отказываться от Синода и вносить в Православную Церковь разделение. С этим вполне согласились иеросхимонах Антоний (Булатович) и все его единомышленники, целовали Святой Крест и Евангелие, и мир воцарился в Православной Церкви». «Из того же номера газеты следует, что еще до официально назначенного суда Московской Синодальной конторы рассмотрение их исповедания состоялось в Киевском епархиальном собрании епископов, где и было признано православным»[58].

Однако оставались и те, в чьи планы уврачевание смуты не входило по разным причинам: одним нужно было отстоять свою первоначальную «правоту», оправдать свои сомнительные поступки в прошлом; другие стремились использовать предоставившийся удобный случай уязвить Царскую власть; наконец, третьи, не сумев самостоятельно разобраться в хитросплетениях сетей князя міра сего, оказались просто втянутыми в противостояние. Святейший Синод, заслушав донесение Московской Синодальной конторы в своем заседании 10 мая 1914 г. не согласился утвердить его[59]. С тех пор началось немирное противостояние до конца. До самого конца Российской Империи. Продолжалось оно даже на развалинах ее – в 1918 году. Закономерным результатом дальнейшего развития событий было, с одной стороны, приветствие Св. Синодом февральского клятвопреступного бунта 1917 года; с другой, – задавленные в чекистских застенках, как участники «монархической повстанческой организации» (официальная советская квалификация «преступления»), остатки монахов-имяславцев, выловленных в горах Кавказа.

Но тогда, на Соборе 1917-1918 гг., митрополита Макария упрекали в «дряхлости», «недостатке канонического образования», «плохом сознании качеств своих действий». О епископе Модесте, может быть в силу его большей молодости, выражались гораздо резче: «...действовав-

ший в угоду Царю и к выгоде имябожников со всем усердием», «не обладал значительными богословскими сведениями», «хотел в то же время угодить своим начальникам». Все это говорил их собрат епископ Прилукский Василий (Зеленцов), который, впрочем, и Царя не пощадил: «Государево давление на церковную власть», «насилие Государевой власти над Синодом»[60]. (Той самой Царской власти, при которой он смог окончить юридический факультет Петербургского университета, Петербургскую Духовную академию, получить степень кандидата богословия, преподавать в Екатеринославской Духовной семинарии, а потом быть епархиальным миссионером. От новой, «народной» власти он получил три года Соловков, ссылку в Иркутскую область и расстрел.)

Справедливости ради, нужно отметить, что многих искушало поведение афонских иноков, вызванное насильственным выселением, нежеланием долгое время выслушать их, вникнуть в их доводы, настороженностью, безразличием или плохо скрываемой враждебностью после Постановления Св. Синода 1913 г., долголетней неопределенностью положения. Этим были вызваны и оценки владыки Арсения, сделанные им в «Духовном дневнике»: «Мне пришлось присуствовать в Московской Синодальной Конторе при допросе афонских иноков, по поводу их взгляда на сладчайшее Имя Господа нашего Иисуса Христа. Получилось тяжелое впечатление от их настроения: они обнаружили все признаки гордыни, духовной прелести. Ведь на собрании присутствовал целый сонм архипастырей Православной Русской Церкви (10) во главе с Митрополитом Московским Макарием, этим высокой духовной жизни старцем, который держал себя смиренно, кротко, как агнец. И что же, – афонские иноки не оказали должной чести этому сонму. Если бы они чтили и уважали авторитет и голос православных архипастырей, которым, собственно, Господь и вручил право учительства в Церкви, если бы они были смиренны сердцем, – они пали бы ниц пред святителями и умоляли бы их помочь им уяснить тот вопрос, который их так встревожил. И если бы и после данных разъяснений им казалось многое не ясным, не точным и даже ошибочным, то и тогда они не переставали бы просить молитв у святителей, чтобы Господь помог им пребывать в истине. Ничего этого не было. Чувствовалось, что афонские иноки в своем сердце давно уже произнесли суд не только над собравшимися здесь иерархами, но, как впоследствии оказалось, и над самим Святейшим Синодом. И нужно было видеть, с одной стороны – спокойное, кроткое обращение с афонскими иноками всех членов присутствия, а с другой – волнение афонских иноков, чтобы убедиться – кем руководит благодать Св. Духа, которая, по пророку, *«ни во огни, ни в трусе, ни в вихре, а в гласе хлада тонка – в веянии тихаго ветра»*.

Своим неспокойным настроением на собрании афонские иноки ясно показали, какою мудростию они проникнуты. *«Мудр ли и разумен кто из вас,* – говорит Апостол, – *докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою кротостию. Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская. Ибо, где зависть и сварливость, там неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, безпристрастна и нелицемерна»* (Иак. 3, 13-17)»[61].

Этими же причинами, вероятно, был продиктован пока что непонятный поступок наместника Чудова монастыря: «Донесение [Московской Синодальной] Конторы Синоду от 8 мая 1914 г., за № 1443, содержащее постановление Конторы от 7 мая, не подписано тремя членами Конторы: епископом Евфимием, управляющим монастырем, епископом Феодором Волоколамским (не бывшим на заседании 7 мая) и Чудовским архимандритом Арсением, на заседании 7 мая бывшим, но уехавшим из Москвы, не подписавши постановления»[62].

1 августа 1914 года грянула война.

В письме редактору народно-миссионерского журнала «Ревнитель» автор книги «На горах Кавказа» схимонах Иларион († 2.6.1916) пророчески писал в начале 1915 года: «Мнится нам, достопочтеннейший Л. З-ч, что эта ужасная «пря» с Богом, по преимуществу высших членов России Иерархов, есть верное предзнаменование близости времен, в кои имеет притти последний враг истины, всепагубный антихрист. Сатана, провидя скоро имеющий быть конец своего темного царства, поспешил выступить на борьбу предварительно со всесвятейшим именем державного Победителя своего – Христа Сына Божия, дабы потом вскорости вступить и в последнюю брань с царством Христовым»[63]. «Нельзя не обратить внимания на ужасную трагедию его жизни и книги, – писал опубликовавший это письмо редактор «Ревнителя». – Поэтому я счел своим долгом дать ему возможность оправдаться и примириться при отходе в вечность. По примеру Великого Государя нашего Императора Николая II-го и епископа Модеста, примирение это возможно чрез взаимное объяснение и уступки ради мира с той и другой стороны»[64].

Но все это опять-таки было лишь благим пожеланием. Весной 1916 г. до Государя доходит Прошение уполномоченных от всех афонских монахов, выбывших из Старого Афона: «Изъяснив наш неподдающийся описанию ужас духовно-нравственного бедствия, присоединенный к испытываемым нами столь же тяжким внешним бытовым бедствиям и

страданиям, покорнейше просим Ваше Императорское Величество не отказать сделать распоряжение об официальном извещении епархиальных Преосвященных о нашем праве – совершать священнослужение тем из нас, кто имеет священный сан, и всем нам, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин, и быть погребаемыми по обряду монашескому Православной Церкви, но никак не по мірскому обряду, как погребены были схимонах Ионафан, проживший на Афоне 60 лет, и схимонах Афиноген – 45, и другие»[65]. На Прошении Император Николай II 4 марта 1916 года собственноручно начертал: «Следует удовлетворить». Но Синод, не подчинившись, снова поступил по-своему*. Такова истинная цена многочисленным жалобам на соподчиненность церковных властей Императору.

Как могло *личное* оказывать влияние на решение *таких* дел, прекрасно видно на примере поведения некоторых синодалов в февралемарте 1917 года, т. е. всего через год после описываемых событий.

«Возвратясь в Петербург 24 февраля 1917 года (то есть еще *до* отречения, даже прежде всяких слухов о нем!), – вспоминал товарищ обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов, – я застал в столице необычайное возбуждение [...] Наскоро разложив свои вещи и успев лишь протелефонировать Обер-прокурору Н. П. Раеву о своем приезде, я отправился на заседание в Св. Синод. Настроение иерархов было бодрое и спокойное: никто из них не выражал тревоги, и только один митрополит Московский Макарий передал, что его карета была застигнута на Невском толпою хулиганов, не желавших ее пропустить на Сенатскую площадь; но подоспевшая полиция разогнала толпу, и он благополучно доехал в Синод. Этот рассказ вызвал лишь остроты со стороны прочих иерархов, увидевших в этом эпизоде указание на то, что пришла пора старцу уйти на покой»[66].

«На 26 февраля, – продолжает Н. Д. Жевахов, – было назначено заседание Св. Синода [...] С большим трудом я добрался до Сенатской

---

* Впрочем – пред лицом важности догматического вопроса об Имени Божием – нельзя и переоценивать значения этих Синодальных решений. Это признавал, между прочим, и один из их авторов. Обращаясь к иеросхимонаху Феодосию (1868 ‡ 2.10.1937) Карульскому, Афонскому старцу, митрополит Антоний (Храповицкий) писал 26 мая 1926 г.: «Вы готовы, по-видимому, и за Синодальными постановлениями признать непогрешимость общеобязательную. [...] Ведь Синод же оправдывал богопротивное упразднение Патриаршества (вопреки 34 пр. Апост. и 9 пр. Антиох. соб. и мн. др.), дозволил по нужде причащаться у пасторов (чего? – пищи демонов, как выразился преп. Феодор Студит)» (Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль. 1988. С. 169).

площади, к зданию Св. Синода. Из иерархов не все прибыли... Отсутствовал и Обер-прокурор Н. П. Раев. Перед началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем, чтобы таковое было не только прочитано в церквах, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае ослушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим. «Это всегда так, – ответил Митрополит. – Когда мы не нужны, тогда нас не замечают; а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью». Я знал, что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев; однако такое сведение личных счетов в этот момент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показался мне чудовищным. Я продолжал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели, и предложение было отвергнуто. Принесло бы оно пользу или нет, я не знаю, но характерно, что моя мысль нашла свое буквальное выражение у католической церкви, выпустившей краткое, но определенное обращение к своим чадам, заканчивавшееся угрозою отлучить от св. причастия каждого, кто примкнет к революционному движению. [...] Как ни ужасен был ответ митрополита Владимира, однако допустить, что Митрополит мог его дать в полном сознании происходившего, конечно, нельзя. Митрополит, подобно многим другим, не отдавал себе отчета в том, что в действительности происходило, и его ответ явился не отказом высшей церковной иерархии помочь государству в момент опасности, а самым заурядным явлением оппозиции Синода к Обер-Прокуратуре, с которым я, несмотря на кратковременность своего пребывания в должности товарища обер-прокурора, имел случаи часто встречаться»[67]. Характерно, что, по свидетельству того же Н. Д. Жевахова, назначенный временщиками обер-прокурор В. Львов «ознаменовал свое вступление в должность тем, что выбросил из залы заседания Св. Синода Царское кресло и что ему помогал в этом злодеянии и один из замученных впоследствии большевиками почтенных иерархов, член Св. Синода...»[68]

Оценим в связи с этим мудрость Государя, после долгих раздумий, отказавшего в назначении в 1912 году на Московскую Митрополию архиепископу Антонию (Храповицкому) и назначившему на нее митрополита Макария (Парвицкого). То же нужно сказать и о назначении на Петроградскую кафедру в конце 1915 г. митрополита Питирима (Ок-

нова). Оба они были истинными молитвенниками, терпением тяжких скорбей (в том числе и от своих собратий) впоследствии запечатлевшими свою приверженность Вере, Царю и Отечеству[69].

Между тем, события стремительно разворачивались. В архиве о. Павла Флоренского, как известно интересовавшегося афонскими спорами, сохранилась копия письма иеросхимонаха Антония (Булатовича) Императору Николаю II, написанного 7 октября 1916 года: «Вспомните, Ваше Величество, как щедро наградил Вас Господь, когда Вы сломили упорство Синода в нежелании его прославлять Св. Иоанна Тобольского: в тот самый миг, как Синод соизволил, Господь предал в руки Ваши совершенно неожиданно с малыми потерями неприступный Эрзерум, а весной, когда Св. Синод обнародовал чин прославления, начались наши неожиданно-необычайные успехи на Волыни и к югу. Вспомните и противоположные совпадения: поражение третьей армии совпало с тем моментом, когда Вы изволили удостоить особо милостивой грамотой архиепископа Антония Харьковского, и затем, дивное дело, противник остановился тогда, когда взял Почаевскую Лавру, ту самую Лавру, из которой раздались первые хулы архиепископа Антония Харьковского на Имя Господне, ибо там впервые были напечатаны в журнале «Русский инок» мерзкие о Имени Господнем слова, будто «верить во Имя Господне только на руку хлыстам», которые назовут какого-нибудь «чувственного мужика – Иисусом, а бабу – Богородицею, и потом будут сваливаться в свальном грехе»... Неужели же столь облагодатствованное место могло было быть Богом предано на осквернение врагу, если бы на нем не был особый гнев Божий? Ужели враг не мог быть остановлен, с помощию благодати Божией, хотя в нескольких верстах от Почаева? Но враг только взял Почаев и там остановился!.. Припомните еще гибель лодки «Донца»*: она первая погибла в Одесском рейде, потопленная турецким миноносцем, не успев сделать и выстрела!.. Нынешние люди не верят в эти знамения, но Ваша жизнь так полна этими чудесными предзнаменованиями, что Вы, Державный Государь, не можете не верить им. Смертельная рана, которую хотел Вам нанести сын диавола в Японии, не предуказывала ли Японскую войну и ужасный 1905 год? Но благодать Божия чудесно сохранила и Вас, и Россию. Кровопролитное празднество в день коронования не предуказывало ли и на эту страшную войну, которая должна утвердить Ваше воцарение над всем Православным Востоком? Ваше рождение в день праведного Иова не предзнаменовало ли это тот крест терпения, который Вам готовила судьба, и славный конец, которым Вы будете награ-

---

* Судно, вывозившее в 1913 г. иноков-имяславцев с Афона. – *Сост.*

ждены за Ваше терпение? Теперь Промысел Божий ЖДЕТ ТОГО, ЧТОБЫ предать Вам Царьград, но УДОВЛЕТВОРИТЕ ЖЕ ПРАВОСУДИЕ БОЖИЕ И ВОССТАНОВИТЕ ЖЕ ПОРУГАННУЮ ЧЕСТЬ ИМЕНИ ГОСПОДНЯ! *Предстоит еще упорнейшая, упорнейшая борьба, и не только с немцами, но и по взятии Царьграда – с союзниками. Потщитесь стяжать помощь Божию и благодать».*

Позже, уже после революции, о. Антоний приписал к этому письму: «Особенно знаменательно то, что переворот совершился именно в неделю Св. Григория Паламы, боровшегося против Варлаама, которого мнения повторяют ныне имяборцы и пресловутое Синодальное Послание. Знаменательно также, что и имя – «волынь», от первопастыря которой изошли первые хулы на Имя Господне, – и это имя оказалось первенствующим в перевороте, ибо весь этот стихийный переворот начат и произведен был – «Волынским» полком... Имеяй уши да слышит и о той страшной каре, которой подвергся митропол. Владимир, больше всех ответственный за все Афонское дело, как первопастырь, санкционировавший все преступнейшие действия арх. Никона на Афоне, согласившийся с совершенно неправославными мнениями арх. Антония, и упорно до самого последнего времени противившийся тому, чтобы Афонское дело было авторитетно пересмотрено и разобрано... И вот, подобно Иерусалиму, распявшему Иисуса, и в России, распявшей Имя Его, – камня на камне ныне не остается. Закрыты клеветавшие против нас и хулившие Имя Господне издания, и даже типографии их отняты!..»[70]

К этому остается прибавить, что попущением Господним, владыка Антоний (Храповицкий) сам стал изобретателем и распространителем ереси, пытаясь «доказать», что искупление произошло не Крестом, а в Гефсиманском саду. Вряд ли случайным обстоятельством его жизни было то, что он так и не сумел, как очень того желал, завершить свои дни на Св. Афонской горе, приняв схиму, будучи недопущенным в Удел Матери Божией. Перед Рождеством Христовым 1922 г. Протат Св. Горы отменил данное ему ранее разрешение на въезд, «ввиду некоторых местных протестов». В 1924 г., при посещении Владыкой Афона, Вселенским Патриархом ему было запрещено там совершать Пасхальную службу[71]. Какие бы причины *внешне* ни вызывали каждый из этих запретов, общий их смысл ясен для чуткого сердца.

Что касается владыки Арсения, то понимание существа дела, заслоненного не всегда верными поступками приверженцев имяславия, у него со временем пришло. Да и могло ли оно не прийти к делателю и поборнику Иисусовой молитвы? «Постоянное повторение молитвы Иисусовой и других, – читаем в «Духовном дневнике» Владыки, – с пережи-

ванием произносимых, необходимо потому, что этим обусловливается приобретение нами ровного, мирного, святого внутреннего устроения. И так как приобретение этого устроения должно быть идеалом для всякого христианина, то отсюда делание молитвы Иисусовой является задачей не одних только иноков, но и всякого доброго христианина, ревнующего о спасении своей души»[72].

Характерно, что именно в связи с молитвой Иисусовой в пореволюционных воспоминаниях вл. Арсения находится упоминание имяславия. Вспоминая известного московского протоиерея Василия Постникова (1865 ‡ 25.2.1927), он, в частности, пишет: «Борьба с обновленцами принесла отцу Василию много нравственных страданий и внешних лишений [...], но в то же время развила в нем чрезвычайное смирение, кротость, особенную ласковость и любовное отношение ко всем окружающим, а главное, выработала духовно-возвышенное настроение, которое, между прочим, выразилось у него в искании молитвы Иисусовой. С этой целью он познакомился с вождем имяславцев афонским отцом Давидом*. Не разделяя крайнего мнения последнего об имени Божием, отец Василий думал воспользоваться его опытом в деле усвоения молитвы Иисусовой»[73].

Были и другие, не менее значимые обстоятельства. Дело в том, что духовник вл. Арсения, уже упоминавшийся настоятель Зосимовой пустыни о. Герман был самым непосредственным образом причастен к выходу книги о. Илариона. «В 1907 г., – писал владыка Вениамин (Федченков), – «На горах Кавказа» появилась в печати. А напечатана была эта книга после просмотра ее и, следовательно, одобрения старцами Зосимовой пустыни (о. Германом, а это был человек высокодуховный, делатель молитвы Иисусовой, бывший в общении с епископом Феофаном Затворником) [...] Епископ Феофан (Быстров) (тогда еще архимандрит) прочитал ее разумеется основательно. И тоже не нашел ничего соблазнительного»[74].

Кроме того, как известно, первое и второе издания книги вышли на средства Великой Княгини Елизаветы Феодоровны[75], у которой с вл. Арсением были глубокие духовные связи. Сделала она это опять-таки с благословения старца Германа Зосимовского[76].

В последнем, дошедшем до нас в рукописи труде вл. Арсения – «Ответах пастыря на вопросы инокини», – на вопрос «Укажите, что

---

* *Архимандрит Давид* (Мухранов, ‡ 20.5/2.6.1930) – некогда строитель Андреевского подворья в Петербурге; ктитор и настоятель Русского на Афоне Свято-Андреевского скита. Перед насильственной высылкой много лет подвизался в безмолвии. Известный делатель Иисусовой молитвы. Во главе 185 братий вывезен в Россию.

мне читать из святоотеческих и аскетических писаний и в каком порядке?» – он отвечает: «Готов удовлетворить твою любознательность в надежде, что ты, прочитав здесь помещенное, приобретешь полное знание о монашеской жизни, и сама, с Божией помощью, станешь духовно опытной инокиней». В небольшом списке, среди прочих книг, значится: «На горах Кавказа» старца Илариона. Духовное богословие или же внутреннее любомудрие». Далее следует примечание: «На искателей и делателей молитвы Иисусовой книга «На горах Кавказа» производит глубокое впечатление, в ней ясно и подробно изложено, когда эта молитва имеет силу и спасительность, но тут же есть и весьма неудобопонятные выражения и мысли, требующие богословского разъяснения, а потому указанную книгу нужно читать под руководством духовного отца-старца»[77]. Эта позиция полностью совпадает с известными нам взглядами преп. Варсонофия Оптинского и приснопамятного валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева)[78].

Характерна близость в 1920-е годы владыке Арсению А. Ф и В. М. Лосевых, последователей имяславия, духовным отцом которых был упоминавшийся нами архимандрит Давид (Мухранов)[79].

В заключение хотелось бы привести отрывок из письма, написанного 6/19 января 1937 г. видным русским богословом Вл. Н. Лосским и адресованного владыке Вениамину (Федченкову): «Вы ждете от меня ответа по поводу имяславия. Постараюсь очень кратко, схематически ответить на ваш вопрос, вернее, – наметить только, что я хотел бы сказать (иначе пришлось бы писать томы: столь существенна эта тема). Вопрос (догматический) об Имени Божием, о словесно-мысленном выражении («символе») Божества, столь же важен, как и вопрос об иконах. Как тогда Православная формулировка Истины об иконах стала «торжеством Православия», так и теперь Православное учение об именах вместе со всеми, связанными с ним вопросами (забытое многими учение святого Григория Паламы, – благодать, молитва, подлинная «антропология», учение об уме и сердце, о «внутреннем человеке» и прочее), – должно привести к новому Торжеству Православия, к явлению новых благодатных сил и святости. Вопрос об «имяславстве» стоит где-то в глубине церковного сознания. *Ответа он еще не получил* (вернее формулировки: ответ у Церкви всегда есть, надо его услышать и выразить). Но «имяславские споры» наметили два тока в Русском Богословии, сознательно или безсознательно определившихся по отношению к «имяславству». Один ток – враждебный имяславцам, отрицающий самый вопрос о почитании имени: это только «иконоборцы», рационалисты, видящие в религии только волевые отношения и слепые к природе (Божественной благодати); таков митрополит Антоний, как

самый яркий пример. Другие течения, – не всегда прямо и открыто примыкающие к имяславию – представляют тем не менее, крайнее, «имябожное» его выражение, где самая звуковая материя, так сказать «плоть» имени уже становится Божественной по природе, некоторой естественной силой (все равно, как если бы противники иконоборства стали утверждать Божественную «нетварность» доски и краски икон). Этот последний ток – в широком смысле – развертывается как софианство, где смешивается Бог и тварь. *И то, и другое ложно.* Путь к Православному разумению имяславства лежит через осторожную, еще слишком бледную формулу архиепископа Феофана (Полтавского): «В Имени Божием ПОЧИЕТ Божество» (Божественная энергия). Когда будет ясная формула, исполненная духовного опыта и «очевидная» духовно – многие вопросы сами собой отпадут, и многие сложности представятся детски простыми»[80].

Постриг духовного отца

28 июля 1916 г. епископ Арсений совершил постриг в великую схиму своего духовного отца, настоятеля Смоленской Зосимовой пустыни игумена Германа (Гомзина, 1844 ‡ 1923). Владыка вспоминал: «Постригал я отца Германа в келлии, в глубокой тишине, вечером под 29 июля 1916 года, когда в обители совершалось всенощное бдение. Присутствовали три лица: духовный мой друг архимандрит Серафим [(Звездинский)] и два самых преданных ученика старца – иеромонахи Мелхиседек и И. Трогательная и вместе с тем торжественная была минута. Батюшка переживал высокий подъем духа; распростираясь на земле, он всего себя отдавал Богу. Тут были и слезы: плакал сам старец и мы с ним. Замечательное при этом произошло совпадение. Когда я начал пострижение, раздался третий звон, при окончании же – четвертый, торжественный, заключительный. Невольно тогда я подумал: может быть, братия не чувствовала сердцем, какое святое событие происходило с ее отцом, зато созданная им обитель отметила столь важный момент в жизни своего строителя».

Тихая молитва

Август 1916 года. Я приехал из Крыма и зашел как-то к отцу Иосифу [Фуделю][81]. В его кабинете мы оба заговорили о том, что приближается четвертьвековая годовщина кончины Леонтьева[82]. Как ее отметить? – Я отслужу обедню по нем у себя и сделаю объявление в газетах. А там, как хотят. – Я подал мысль, что должно устроить публичное заседание Религиозно-философского общества, посвященное Леонтьеву. Он согласился со мной... Пришла нам мысль привлечь к чествованию Леонтьева и Братство четырех святителей Московских... Братское заседание было простое, трогательное и, поистине, «леонтьевского» духа. Оно было в митрополичьих покоях Чудова монастыря. Был влад. Арсений [(Жадановский)], влад. Димитрий[83] и епископ Бельский Серафим[84]. Был Рачинский[85] и Булгаков[86]. Открыл заседание П. Б. Мансуров[87]. Затем прочел я свой доклад. Отец Иосиф не собирался говорить, я это знал, но вдруг он попросил слово. Он говорил очень тихо, но сразу же всех захватил, внутренно приблизил к Леонтьеву, ввел в самые христианские недра его многосложной и страдающей души. Перед нами была краткая, очень краткая повесть о великой душе, ищущей мира и правды о Христе, идущей в буре собственного душевного смятения, умственного метания, вселенских великих предчувствий и нашедшей его, этот мир и правду о Христе, в стенах монастыря... В голосе о. Иосифа было глубокое волнение. Я никогда не слышал, чтобы он так говорил. Он и закончил свое слово не так, как обычно заканчивают речи: «Леонтьеву ничего, ничего больше не нужно от нас, кроме молитвы. Если бы он сам мог говорить, он просил бы от всех только молитв. Я и прошу всех, кто хочет помолиться о упокоении души инока Климента, прийти завтра в мой храм, где мы помолимся о нем за обедней и панихидой».

В заседании не предполагалось ни панихиды, ни литии по Леонтьеву. Но после слова о. Иосифа нельзя было не молиться... Владыка Арсений молча встал и, обратившись к иконам, начал краткую литию. Первый ответил на его возгласы влад. Димитрий: он запел за псаломщика. И все стали петь. Эта молитва, внезапная, общая, тихая, исшедшая явно от тихих и простых слов о. Иосифа – мое лучшее воспоминание – я не знаю о ком: об отце ли Иосифе, или о Леонтьеве, – вернее, о них вместе...

Сергиев Посад.
1919 г.

Сергей ДУРЫЛИН

Обложка издания Чудова монастыря
«Лепта обители святителя Алексия»

Высочайшее повеление

Государь Император в 25-й день ноября сего [1916] года Высочайше утвердить соизволил всеподданнейший доклад Святейшего Синода о бытии настоятелю Коломенского Старо-Голутвина монастыря архимандриту Алексию епископом Дмитровским, пятым викарием Московской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в гор. Москве, и с переименованием второго викария Московской епархии – епископа Волоколамского Феодора первым викарием сей епархии, третьего викария – епископа Верейского Модеста вторым викарием, четвертого викария – епископа Можайского Димитрия третьим викарием и пятого викария – епископа Серпуховского Арсения четвертым викарием Московской епархии.

СЛУЖБА
И АКАФИСТЫ

СЛУЖБА
С АКАФИСТОМ
ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЕ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЕ
В ЧЕСТЬ И ПАМЯТЬ СВ. ИКОНЫ ЕЯ
«ПОКРЫВАЮЩАЯ»

На великой вечерне,
на **Господи воззвах** *поем:*

Стихиры на 8, глас 2-й.

Киими песнями восхвалим Тя, Пресвятая Дево! Ты от злых обстояний нас изъимаешь, от скорбей и печалей освобождаешь, советы лукавые и коварства врагов наших разоряеши, страх от злых духов и человеков прогоняеши и всесильною Твоею помощию от всякаго зла спасаешь. *(Дважды).*

Киими похвалами ублажим Тя, Пречистая, Ты бо прошения наша скоро во благо исполняешь, скорби, нужды и печали утоляешь, вражду, злобу и ненависть искореняешь, смертоносную язву прекращаешь и знамение милости Твоея неоскудно нам являешь. *(Дважды).*

Киими благодареньями воздадим Ти, Премилосердая Мати! Ты еси воистину Заступница усердная рода христианскаго, похвала Российской земли, всего міра утешение, Православной Церкви слава, святых храмов украшение, иноческих обителей покров и снабдение и всех верных рабов Твоих надежда, прибежище и вечное спасение. *(Дважды).*

Киими достохвальными словесы превознесем Тя, Богоблагодатная! Ты бо еси взыскание погибших и милосердая о грешных споручница. Ты от всякаго лица всяку слезу отъемлющая, не отвратися и моих покаянных слез, яко самых отчаянных грешников моления не отвергаешь, и о них к Сыну Твоему предстательствуешь.

Слава, и ныне, *глас 2-й.*

Прейде сень законная, благодати пришедши якоже бо купина несгораше опаляема, тако Дева родила еси и Дева пребыла еси; вместо столпа ог-

неннаго, праведное возсия солнце; вместо Моисея, Христос спасение душ наших.

На литии стихиры, глас 5-й.

Радуйся, пленных свобождение; радуйся, бедствующим в пути, на суше и на водах внезапное вспоможение; радуйся, утесняемым ослабу дарующая; радуйся, в бедах и напастях смирением и терпением снабдевающая; радуйся, невинных страдальцев дарами благодатными ущедряющая; радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякаго зла честным Твоим омофором.

Радуйся, окаменение сердечное умягчающая; радуйся, хладность души благодатно согревающая; радуйся, веру и любовь в нас укрепляющая; радуйся, миром и покоем верные рабы награждающая; радуйся, отрадо и утешение наше.

Слава, и ныне, *глас тойже.*

Радуйся, яко память смертную благочестивым людем посылаешь; радуйся, яко мирной кончины их сподобляеши; радуйся, в день судный наше защищение; радуйся, вечныя муки избавление; радуйся, благая вратарнице, двери райския нам отверзающая.

На стиховне стихиры.

О Богородице, Дево, Ты еси Свеща в молитве за нас пред Богом присно горящая; Ты еси Лампада, елей милости Божией на ны изливающая; Ты еси Светильник, путь спасения верным освещающий, и Луч, мрак греховный в душах разгоняющий.

Стих: Слыши, Дщи, и виждь и приклони ухо Твое.

О Всеблагая Мати, Ты еси теплота солнечная, всех оживотворяющая; Ты еси дождь благовременный, сердца, пораженныя духовным нечувствием, любовию напояющий; Ты еси ветер мерный, суету житейскую отметающий, и роса плодоносная, сердца наша благодатно орошающая.

Стих: Приведутся Царю девы в след Ея, искренния Ея приведутся Тебе.

О Владычице міра, Ты еси весна животворная, озимевших нас грехами пробуждающая; Ты еси лето благоуханное, здравием дух и тело укрепляющее; Ты еси осени житница, плодами духовными христиан снабдевающая, и зима бодрящая, хладом огнь страстей наших истывающая.

Слава, и ныне.

О Царице Небесная, Ты еси тихое утро, мир всему міру приносящая; Ты еси день благословенный, к благоденствию житие наше управляющий; Ты еси заря невечерняя, облак находящих на ны зол и болезней надеждою озаряющая, и ночь безмятежная, отягченным скорбями и печалями отдохновение дающая.

Тропарь, глас 3-й.

К Богородице притецем сущии в бедах и святей иконе Ея тако возопием: О Владычице міра, приими непрестанное и усердное благодарение наше, яко во дни лютых обстояний Ты, Всеблагая Мати, дивно верных рабов Твоих сохраняеш и от наветов злых духов и человек незримо покрываеш.

На утрени.

Канон, глас 4-й, его же краестрочие:

Радуйся, Владычице міра, покрывающая мя.

Песнь 1.

Ирмос: Отверзу уста моя и наполнятся духа и слово отрыгну Царице Матери и явлюся светло торжествуя и воспою, радуяся, Тоя чудеса.

Пресвятая Богородице, спаси нас.

Радостно воспети и восхвалити Тя, Богородице, подаждь ми, недостойному рабу Твоему, да познают вси, сколь великое заступление Ты являеш всем усердно молящимся пред чудотворным Твоим образом, Покрывающей.

Пресвятая Богородице, спаси нас.

«Адама воззвание» поет Тебе Св. Церковь, и мы с нею глаголем Ти: «Ты еси избранная от всех родов Отроковице, тайну воплощения Сына Божия от веков в Бозе сокровенную, нам открывшая».

Слава.

Духов нечистых и враждебных отжени от мене, Пренепорочная, да возмогу трезвенным умом и чистым сердцем славить Тя, Богоблагодатная.

И ныне.

Уйми и собери разсеянныя по міру мои помыслы, Пречистая, и чувства греховныя утиши и весь сосуд мой душевный и телесный дом Духа Святаго сотвори.

Песнь 3.

Ирмос: Твоя песнословцы, Богородице, живый и независтный источниче, лик себе совокупльшия духовно утверди в Божественной Твоей славе венцев славы сподоби.

Суди обидящие и побори борющие мя и от напраснаго оскорбления избави раба Твоего, яко Ты Судию Праведнаго родила еси, Милосердая Мати, Иже хощет судити комуждо по делом его.

Якоже луна светозарная явися Твоя, Владычице, икона, приводя чудесами своими, к свету истиннаго боговедения меня, духовным нечувствием одержимаго и в тину сластей греховных погруженнаго.

Виждь, Пресвятая Дева, воздвизаемые на мя клеветы, досаждения, укорения и измы от них да избавльшеся, славлю Тя, твердую Заступницу мою в злых обстояниях погибающую.

Любовь сей жизни страстную и плотскаго покоя рачение отложи от меня, молю Тя, Дева чистая, да суетных попечений избег, Тобою получу нетленное богатство на небеси, едина души моея Покровительнице.

Песнь 4.

Ирмос: Седяй во славе на престоле Божества во облаце легце, прииде Иисус Пребожественный нетленною дланию и спасе зовущие: слава, Христе, силе Твоей.

Ангельские силы Боголепно Тебе на небеси служат и весь лик святых с ними честне поклоняется, сподоби и нас, на земле сущих, непрестанно пети Твоя чудеса, явленные от иконы Твоея нам во вся дни многотруднаго и многомятежнаго жития нашего.

Души наши сохрани под кровом Твоим, Преблагословенная Богородице, и от различных находящих на ны бед и скорбей избави, да не порадуются враги о погибели нашей, но да присно славим Тя, всеблагую Божию Матерь.

Исхити мя, Всесвятая, от мрака душевнаго, туги, уныния и в час недоумения благую мысль на сердце положи, яко Ты еси Просветительнице душ наших.

Чистая Голубице, нескверная Агнице, о Девице Марие, всего мя освяти, люто омраченнаго житейскими сластьми.

Песнь 5.

Ирмос: Ужасошася всяческая о Божественной славе Твоей, Ты бо неискусобрачная Дево имела еси во утробе над всеми Бога и родила еси безлетнаго Сына, всем воспевающим Тя, мир подавающая.

Избави ны, Пренепорочная, от пагубных начинаний, несмысленных пожеланий и пламень страстей наших угаси.

Царице моя Преблагая, обидимых и всех гонимых Заступнице, зриши обдержащие мя злые обстояния, помози ми немощну, яко не имам иныя помощи, разве Тебе, Богомати, да сохраниши мя во веки под кровом Твоим.

Едину надежду на Тя имуще, Всепетая, к Тебе прибегаю спасения иский, о Мати Слова и Дево, от искушений и греховных падений мя спаси.

Молю, Дево, мир, отраду, радость в душе моей водвори, Ты бо Богоневестная, Начальника тишины Христа родила еси, Едина Пречистая.

Песнь 6.

Ирмос: Божественное сие и всечестное совершающе празднество, богомудрые, Богоматери, приидите руками восплещим, от Нея рождшагося Бога славим.

Икону Твою всечестную, Владычице, в залог благоволения Твоего даровала еси нам, покрывающую и сохраняющую на всех путях жизни нашей; сие со слезами умиления исповедающе, непрестанное благодарение приносим Ти, Преблагословенная Дево.

Раба Твоего, малодушием болезнующаго, оживи и, пораженнаго мя страхом злых духов и человеков, укрепи, яко Ты еси свет омраченных и Тя поет выну дух мой.

Апостолов похвала и Православия слава, Ты еси, Богородице Дево, буди же превознесенною славою всех рабов Христовых, под Твой покров всечестный прибегающих.

Помози нам, Богоблагодатная, с терпением, благодушием и благодарением переносить вся испытнания жизни сея, проразумевающе в них бдящий над нами Всеблагий Промысел Божий и Твое дивное о нас попечение.

АКАФИСТ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Кондак 1.

Взбранней Воеводе, Царице Небесе и земли, даровавшей нам пречудную икону «Покрывающую», благодарственное приносим пение, Ты же, яко благосердая Мати, не отрини нашего сего моления, но благоволи прияти е, сподобив вопити Тебе тако:

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Икос 1.

Ангельский глас услыша святая Анна, извествующ: «Ты зачнешь и родишь Дщерь преблагословенную Марию, о Ней же благословятся вся племена земная и приидет спасение всему міру». Сие ведуще, возопием Богородице:

Радуйся, Мати Сына Божия; радуйся, пренепорочная Дево.

Радуйся, Спаса душ наших рождшая; радуйся, грешных с Богом примирившая.

Радуйся Невместимаго вместилище; радуйся носило всего Божества.

Радуйся, Божие к смертным благоволение; радуйся, смертных к Богу дерзновение.

Радуйся, честнейшая херувим; радуйся, славнейшая без сравнения серафим.

Радуйся, ада и смерти попрание; радуйся, вечной жизни дарование.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 2.

Видяще святые Твои родители Иоаким и Анна, яко Ты еси Пречистая, плод Благословенный, возблагодариша Бога и пред дверьми храма положиша обет посвятить Тя Господу, поя Ему: Аллилуиа.

Икос 2.

Разум совершенный Ты Сама стяжала еси, Богородице, воспитавшись во Святая Святых, тако не перестаешь умудрять и просвещать светом благоразумия и всех христиан, вопиющих Тебе таковая:

Радуйся, к Богопознанию приводящая; радуйся, к Свету истины прельщенныя обращающая.

Радуйся, страх Божий в сердца вселяющая; радуйся, благоговеть пред святыней научающая.

Радуйся, ревностию ко спасению воодушевляющая; радуйся, духовное нечувствие в нас подавляющая.

Радуйся, храмы Божии почитать внушающая; радуйся, в них отраду находить вдохновляющая.

Радуйся, жажду Святаго Причащения возбуждающая; радуйся, веру и любовь к Богу воспламеняющая.

Радуйся, чистоты и целомудрия поборнице; радуйся, доброй христианской жизни споспешнице.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 3.

Сила Вышняго осени Тя, Благодатная, егда архангел Гавриил благовествоваше о безсеменном зачатии из Тебя Сына Божия, Спасителя міру. Прияв сию благую весть со смирением, яко раба Господня, возопила еси Богу: Аллилуиа.

Икос 3.

Имуще во утробе Христа Жизнодавца, востекла еси, Благословенная к южике Своей, праведной Елисавете и целовастася обе матери, радуяся о Боге Спасе нашем. Сего ради, яко источнику святой радости, вопием Ти сице:

Радуйся, лютые беды и напасти отгоняющая; радуйся, тяжкое житие наше облегчающая.

Радуйся, от душевныя туги и уныния спасающая; радуйся, безпомощным на помощь ускоряющая.

Радуйся, испытания Божия за благо принимать указующая; радуйся, в самых страданиях утешение подающая.

Радуйся, яко Тобою добрыя желания наша исполняются; радуйся, яко Тобою злыя начинания пресекаются.

Радуйся, огнем Матерней Твоей любви души согревающая; радуйся, благодатию Святаго Духа нас озаряющая.

Радуйся, всех скорбящих и угнетенных Мати благосердая; радуйся, всего рода христианскаго Заступнице усердная.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 4.

Буря недоумения смущает мне ум, како возмогу недостойными усты восхвалить Тебя, Пресвятая Дево, за Твое великое нам вспоможение. Тем же величая неисчетныя Твоя милости, смиренномудренно пою Вседержителю: Аллилуиа.

Икос 4.

Слышаша Вифлиемстии пастырие ангелов, поющих Христово рождество, текше в пещеру, обретоша тамо Богородительницу, на руках держащую Превечнаго Младенца. С ними в веселии духовном и мы Тебе, яко общей Матери, глаголем тако:

Радуйся, младенцев воспитание; радуйся, отроков смысла подательнице.

Радуйся, юношей руководительнице; радуйся, добрых дев величание.

Радуйся, возрастных и мужей премудростию обогащающая; радуйся, жен стыдением и кротостию наделяющая.

Радуйся, старцев благоговейных сладкое успокоение; радуйся, стариц боголюбивых тихое прибежище.

Радуйся, честных браков устроение; радуйся, вражды, ссоры между единокровных разрушение.

Радуйся, благочестивых семейств благословение; радуйся, девства похвало и возвышение.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 5.

Боготечною звездою являешися, Царице Небесная, всем под кров Твой всемощный прибегающим и непрестанно во умилении сердечнем вопиющим Богу: Аллилуиа.

Икос 5.

Видя праведный Симеон Тя, пришедшую с Младенцем Иисусом во храм преставитися Господеви, рече: «Тебе Самой душу пройдет оружие»,

проразумевая Матерния Твоя страдания о Сыне Твоем Божественнем и о всех гонимых за имя Его святое, сего ради зовем Ти:

Радуйся, пастырей Церкви от міра поносимых прославление; радуйся, рабов Божиих осмеиваемых ободрение.

Радуйся, стоящих за правду защищение; радуйся, томимых горькими работами облегчение.

Радуйся, яко невинно осужденных свобождаешь; радуйся, из изгнания скоро возвращаешь.

Радуйся, во узах сидящих благодатно посещающая; радуйся, терпеливых страдальцев предвкушением блаженства услаждающая.

Радуйся, сердца злых людей, враждующих против нас, смягчающая; радуйся, советы лукавые и коварства их разоряющая.

Радуйся, от разбойников на пути ны охраняющая; радуйся, татей и тайных убийц от домов наших отводящая.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 6.

Проповедницы Твоея благодатныя помощи суть все множество Тобою спасенных: страждущих, болящих, скорбящих и грехми обремененных благодарственно о Тебе поющих: Аллилуиа.

Икос 6.

Возсия Божественный свет во Египте и падоша тамо идоли, егда бежала еси Пречистая с Богомладенцем Иисусом, спасаяся от убийства Иродова. Ты убо озаряеш светом Боговидения умы всех удаляющихся прелестей суетнаго міра, исторгая из душ их кумиры, гнездящихся тамо губительных страстей. Тем же превозносим Тя словесы сими:

Радуйся, сумнящихся в вере вразумление; радуйся, гордым умам своим смирение.

Радуйся, озлобленных и гневом палимых укрощение; радуйся, ропщущих на Промысл Божий с тяготами жизни примирение.

Радуйся, яко дерзких ругателей Бога и Святыни Его незримо караеш; радуйся, яко заблудших на путь спасения наставляеш.

Радуйся, суеверных и гадателей посрамление; радуйся, развращенных и нечестивых обличение.

Радуйся, яко душевредныя учения низлагаеш; радуйся, яко истину познавать помогаеш.

Радуйся, мрак хулы и срамословия и всякой лжи рассеиваешь; радуйся, светом Святаго Евангелия люди просвещаешь.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 7.

Хотяще николи же отлучатися от рожденнаго Тобою Спасителя міра, Ты, Богоблаженная, пребыла еси с Ним неотлучно во граде Назарете, детоводя и питая Его, яко человека, и поя в сердце Своем, яко Богу: Аллилуиа.

Икос 7.

Новую показуя матернюю любовь к Сыну Твоему, со скорбию искала Его, двоюнадесятилетня Отрока, во граде Иерусалиме в праздник Пасхи, «мнеша Его в дружине суща». Ведуще таковое Твое сердоболие, со умилением вопием Ти:

Радуйся, обидимых и огорченных возвышающая; радуйся, ненавидимых и всеми отверженных честью венчающая.

Радуйся, убогих и нагих одеяние; радуйся, нищих и разоренных питание.

Радуйся, бездомных, странных, вдов и сирот призрение; радуйся, неимущих работы вспоможение.

Радуйся, путешествующим благополучное к дому возвращение; радуйся, заблудших в пути к жилищу приведение.

Радуйся, детям неудобоучащимся разум обновляющая; радуйся, умом и нравом простых Своею помощию не оставляющая.

Радуйся, ненадежных надеяние; радуйся, уповающих на волю Божию наслаждение.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 8.

Странное и предивное Твое попечение бысть о христианах на всех путях их жизни многомятежной и многотрудной. Имея в Тебе столь милосердую и независтную Помошницу, вси облагодетельствованныя Тобою велегласно поют Богу: Аллилуиа.

Икос 8.

Вся была еси со Христом при служении Его роду человеческому, како и божественный евангелист Лука повествует о Тебе, глаголя: «Мати Твоя и братия вне стоят видеть Тя хотяще»*. Мним, яко Ты, Всеблагая Мати, неотступно пребываеши и со всеми труждающимися, восхваляющими Тя тако:

Радуйся, правителей, яко слуг Божиих, поставляющая; радуйся, сущих во власти к торжеству добра направляющая.

Радуйся, святителей Правилом веры и образом благочестия украшающая; радуйся, пастырей ревностию о спасении чад духовных снабдевающая.

Радуйся, наставников совершенный разум; радуйся, учащихся в науках преуспеяние.

Радуйся, вождей и воинов к защите веры и родины побуждающая; радуйся, инокам и инокиням в борьбе с прилогами міра и плоти пособляющая.

Радуйся, судей святое зерцало правды; радуйся, врачей искусное больных врачевание.

Радуйся, земледельцев соработнице и благая помощнице; радуйся, всех честно трудящихся покой и надежное пристанище.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 9.

Вся возраст верных благопользуется Твоим попечением, Всемилостивая Мати, яко всегда к Тебе прибегающим душеполезное даруеши, потребная в житии доставляешь и усердно ходатайствуешь за ны немощные и грешные у Престола Господа славы, Ему же поем: Аллилуиа.

Икос 9.

Ветии многовещанныя не могут изглаголати Твоея матерния печали при Кресте Сына Твоего бывшей, егда видела еси Его страждуща за вся человеки мукою неизглаголаной. Тем же, яко искушенней по всяческому, и спострадати в самых тяжких скорбех и лишениях нам могущей, взываем Ти:

---

* Лк. 8, 20.

Радуйся, слепых прозрение; радуйся, глухих слышание.

Радуйся, хромых хождение; радуйся, расслабленных телом исцеление.

Радуйся, недужных здравие; радуйся, в злоключение впадших земныя суеты познание.

Радуйся, стужаемых от бесов избавление; радуйся, поврежденных умом просветление.

Радуйся, неисцельно больных на Свои всемощныя руцы приемлющая; радуйся, от злых навыков, опивства, брани, игралищ изъемлющая.

Радуйся, отчаянных грешников моления не отвергающая; радуйся, от пагубнаго безволия их исхищающая.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 10.

Спасти хотя мір, Иже всех Господь, сый на Кресте, даровал всему міру Пресвятую Премилосердную Матерь, егда изрек Пренепорочней и возлюбленному ученику: «Се сын Твой» и «се Мати твоя». Благодаряще за сие Бога, глаголем Ему: Аллилуиа.

Икос 10.

Стена крепка явилася еси по завету Господа, Преблагословенная, даруя всем благоденствие, мир, отраду, радость, яко Сама все сие первая получила еси от воскресшаго Христа Спасителя, услышав от Него приветственный глас: «Радуйтеся!» Сего ради ублажаем Тя тако:

Радуйся, всяку ненависть, злобу, вражду в нас укрощающая; радуйся, мир о Дусе Святе в сердце вселяющая.

Радуйся, зависть, клевету, ревность и злопамятство истребляющая; радуйся, братолюбием нас ущедряющая.

Радуйся, глада, хлада и труса, потопа, огня, меча ограждающая; радуйся, хлебом насущным нас питающая.

Радуйся, смертоносную язву прекращающая; радуйся, гнев Божий, праведно на ны движимый, утоляющая.

Радуйся, праведных дел наших поспешение; радуйся, на всех путях жизни нашей промышление.

Радуйся, родителей благонравием детей утешающая; радуйся, рабов Божиих тихим и безмолвным житием награждающая.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 11.

Пение наше смиренное, от полноты любви и усердия Тебе приносимое, не презри, Богоневесто, и не отвратись от нас грешных и недостойных, но помоги нам очиститься от всякой скверны плоти и духа, да возможем достойно и праведно пети Богу: Аллилуиа.

Икос 11.

Светом руководствующим являлась еси апостолам, Богородительнице, по вознесению Сына Твоего на небо. Таковою остаешься даже до сегодня всем хотящим спастися и в разум истины приити. Не лиши, о Всеблагая, Твоего святаго водительства и нас в житейском море треволнений обуреваемых, обаче от сердца приносящих Тебе благохваления таковая:

Радуйся, нечистые помыслы пожигающая; радуйся, от греховных чувств отрезвляющая.

Радуйся, искушения и соблазны от нас прогоняющая; радуйся, к покаянию и исправлению подвизающая.

Радуйся, слезами сокрушения бездну беззаконий наших омывающая; радуйся, духовно бодрствовать нам помогающая.

Радуйся, ум и сердце к горнему возносящая; радуйся, [...]*.

Радуйся, все земное презирати понуждающая; радуйся, блаженство духа тем уготовляющая.

Радуйся, подвижников благочестия явное подкрепление; радуйся, всех верных дивное спасение.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 12.

Благодать Божественную испроси нам у Сына Твоего и Бога, простри руку помощи, да не погибнем во гресех и лютых обстояниях находящих на нас от враг видимых и невидимых, умиротвори наши серд-

---

* В списке слова пропущены. – *Сост.*

ца, злобою и враждою исполненные, да, утешенные Тобою, радостно зовем Богу: Аллилуиа.

Икос 12.

Поюще честное Твое успение, прославляем и покров Твой святой, распростертый над всем міром, наипаче же над родом христианским, прославляющим Ти тако:

Радуйся, покаянием к исходу от сея жизни нас приуготовляющая; радуйся, болезнями от грехов очищающая.

Радуйся, яко последнего напутствия достойных сподобляешь; радуйся, смертный страх удаляющая.

Радуйся, скорое разрешение души от тела в предсмертных муках посылающая; радуйся, мирную кончину дарующая.

Радуйся, горьких мытарств избавляющая; радуйся, христианскаго погребения не лишающая.

Радуйся, ко Господу выну о нас предстательствующая; радуйся, [...]*.

Радуйся, в жизни по смерти с нами пребывающая; радуйся, Радосте наша, двери райския нам отверзающая.

Радуйся, Владычице міра, от наветов злых духов и человеков нас покрывающая.

Кондак 13.

О Владычице міра, приими сие малое благодарение наше, от всего сердца Тебе приносимое, и не попусти нам николиже охладевати в сем благодарном чувстве, но вразуми нас всегда помнить Твоя неисчетныя милости и со слезами умиления вопити о Тебе Богу: Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

(Сей кондак глаголи трижды и паки первый икос и паки первый кондак).

Песнь 7.

Ирмос: Непослужиша твари богомудрии паче Создавшаго, но огненное прещение мужески поправше, радовахуся, поюще: препетый отцев Господь и Бог, благословен еси.

Пресвятая Богородице, о благосердное Твое о нас промышление, Владычице! В годину бед и испытаний чудную Твою икону Ты посылаешь

---

* В списке слова пропущены. – *Сост.*

нам в помощь и защищение и ею укрощаешь свирепство врагов наших. Тем же велегласно поем: отцев Боже, благословен еси.

Кротким Твоим оком виждь смятение души моей, Пренепорочная, и приклони ухо Твое к молитве сердца моего, кротостию и незлобием благоукраси мя, да в тишине духа принимая вся находящия на ны злыя обстояния, радостно возглашаю: отцев Боже, благословен еси.

Радости суетныя и довольства, к преогорчению ближняго приводящия, чужда мя соделай, пречудная Царице, и даждь ми сочувствовать всегда искреннему моему в бедах и напастех, поя непрестанно: отцев Боже, благословен еси.

Исполнихся многих злых начинаний, тяготою слякохся безчисленных немощей душевных и телесных. О, Вдадычице, сними с меня тяжкое бремя греховное, еще на мне потерпи, обрадуй и спаси, да в веселии духовном пою: отцев Боже, благословен еси.

Песнь 8.

Ирмос: Отроки благочестивыя в пещи рождество Богородицы спасло есть, тогда убо образуемое, ныне же действуемое, вселенную всю воздвизаете пети Тебе: Господа пойте дела и превозносите Его во вся веки.

Возмущение души моея утоли, Всенепорочная, от клеветы наветуемых избави мя, вражду, злобу и всяку ненависть в нас укроти, да в братолюбии поживши, прославим Тя, Чистая, во веки.

Аще и зело грешен есмь, Богоблагодатная, аще всегда неисправлен пребываю, обаче спастися желаю и тихое житие получить чаю. Тем же вопию Ти: матерински помилуй мя, да величаю Тя во веки.

Южика Твоя Елисавета возопи Тебе, Всеблаженная, велиим гласом: «Откуду мне сие да прииде Мати Господа моего ко мне». И аз, поне и недостоин, но преиспещрен Твоими богатыми милостями, взываю Ти: Кто есмь, яко Ты николиже оставляешь мене?» Сего ради славлю Тя во веки.

Щит и стена крепкая явилась нам Твоя дивная икона «Покрывающая», ею охраняемые здравы бываем, благоденствие получаем, наветы вражии отражаем и поем Тебе хвалу и благодарение во веки.

Песнь 9.

Ирмос: Всяк земнородный да взыграется, Духом просвещаем, да торжествует же безплотных умов естество, почитающее священное торжество Богоматери, и да вопиет: радуйся, Богородице, чистая Приснодева.

Аще бы не Ты, Всеблагая, предстояла моляще, кто бы избавил от находящих на ны бед, кто же даровал нам свободу духа и веры? Не отступим, Владычице, от Тебя, Твои бо рабы присно спасаешь от всяких зол.

Яко необоримую стену и источник неистощимой благостыни имея в Тебе, Богородице Дево, все мы удобно побеждаем наветы злых духов и человек, тем же молим Тя: помози нам преодолети греховныя навыки, в нас живущие, да не затворишь двери милосердия Твоего за беззакония наша.

Мати Всеблагая, о Владычице міра, не престай покрывати и заступати рабы Твоя, дондеже приведеши ны в небесныя чертоги Божественнаго Сына Твоего.

Явлены будут на последнем судище Господнем сокровенныя мысли, намерения и дела коегоже, тогда Ты, Всемилостивая, оправдай, спаси и вечнаго неугасимаго огня мя исхити.

Светилен.

Добрые обеты приемлющая и благая намерения наша исполняющая, приими, Преблагословенная Богородице, и мое земное служение и помози мне непреткновенно пройти е, выну храня мою совесть в Истине, Правде, да и мною, недостойным, на земле святится имя Сына Твоего, Христа Бога нашего.

На хвалитех стихиры, **глас 2-й.**

Что Тя возименуем, о Богородице Дево, Ты еси храм невместимаго Божества, прекрасная и светоносная палато Святых Святейшаго Слова, приятелище Святаго Духа, благодати Божией реко, неистощимый источниче святыни, пресветлое украшение небеси и земли, дверь Царствия Небеснаго, Ты еси нетленная и неискусобрачная Мати Христа Бога нашего.

Кии восписуем Ти похвалы, о Богоневесто, Ты еси крине белоснежный, девства и чистоты маргарит, его же духовной красоты и светлости никакая тьма греховная обступить не может. Ты еси голубице тихая и кротчайшая, величием благолепия Своего превосходящая весь мір, неувядаемый цвете райский и прекрасный и драгий, мvро благовонное, всему міру благодать изливающее.

Кое принесем Ти благохваление, о Владычице міра! Ты еси златой ковчег, от потопа греховнаго весь род человеческий спасший; баня, слезами покаяния совесть нашу очищающая; немерцающий свет, блуждающим во тьме духовнаго неведения разумные очи просвещающий; тихое присга-

нище обуреваемым волнами моря житейскаго; неисчерпаемый кладезь милостей и щедрот. Ты еси сострадательная Мати всех скорбящих и грехами обремененных.

Кто Тебе не ублажит, о Пресвятая Дево, Тебе все силы небесныя смиренно служат; Тебе преславный апостольский собор, своего Творца и Спасителя Матерь, восхваляют; Тебе мучеников множество, Богородицу, величают; Тебе боголепный исповедников лик Святой Тройцы храм нарицают; Тебе девственнии полцы своего девства образ проповедуют; Тебе вси святии, яко Владычицу міра славят; Тебе по всей вселенней Святая Церковь от всего рода человеча, Богоизбранную Отроковицу, почитает.

Слава и ныне, глас тойже.

О Преславная и Преблагословенная Богородице! Паче меда и сота сладчайшая, паче солнца прекраснейшая, паче луны светлейшая, паче кипариса и всех аромат благовоннейшая, даждь ми: да ради памяти пречудной иконы Твоей «Покрывающей» вся суеты и утехи міра презрю и всем сердцем к небесным воскрилю.

Великое славословие.

МОЛИТВА

О Пресвятая Дево Богородице, Премилостивая Мати всех христиан, наипаче же скорбящих, гонимых и многоразличными недуги одержимых. Аз, яко нищ и убог душею и телом, предстою пред святым Твоим образом со слезами и умильно прошу Твоего благодатнаго подаяния. Ничто бо доброе и благое во мне есть, весь обложен немощами, нищетою и убожеством, нози мои не обувени, дабы поспешати мне на дела святыя и благоугодныя, руки мои загрязнены от множества содеянных мною беззаконий, очи мои потуплены от нечистой совести, зане возмогут взирать на благолепие красоты Твоея, явленной нам в чудотворном Твоем образе «Покрывающей», все лице мое потемнело и испещрено печатию безчисленных моих пороков и грехопадений. Нет во мне ни спасительной веры, ни утешительной надежды, ни благостной любви, аз есмь гнилостный сосуд, преисполненный всякой скверны, гордости, себялюбия, высокоумия, тщеславия, гнева, раздражительности, злобы, памятозлобия, недоброжелательности, зависти, ревности, осуждения, ропота, злословия, празднословия, лукавства, лести, обмана, лицеме-

рия, уныния, нетерпения, малодушия, невоздержания душевных и телесных чувств, пристрастия, плотоугодия, всякаго сладострастия и иных тмочисленных страстей. И каково мое убожество духовное, таково же и телесное. Болезни и напасти обдержали меня и все житие мое как трость, ветром колеблемая, полна непостоянства, страха и всякой опасности. По глаголу святаго апостола: «беды наидоша отовсюду на мя: беды от духов злобы поднебесных, беды от ненавидящих, обидящих и враждующих против меня человек, беды от зверей, скотов и гад земных, беды от стихий міра – молнии, огня, воды, тлетворнаго воздуха, хлада, глада; беды от многих немощей и болезней моего тела, беды на пути и в дому, беды во дни и нощи. Кто же меня поддержит, кто сохранит, кто меня от врагов избавит, кто к добродетели направит, кто болезни мои исцелит, кто утешит, упокоит, вразумит, наставит, спасет и помилует, если не Ты, Пресвятая Мати, Заступнице и Покровительнице моя Всеблагая. Ты рассеянный по міру ум мой собери, помыслы от всякия скверны очисти, чувства, отравленныя всяким злом, освежи; волю мою дряблую на все доброе укрепи и от пагубнаго безволия меня избави, сердце от страстей свободи и святою любовию к Богу и ближним наполни, всю внутреннюю храмину мою переустрой и удобным жилищем Духа Святаго соделай. Не остави мене, Премилосердная Владычице, в телесном моем многоскорбном житии, болезни потреби, враги видимыя и невидимыя отжени, злыя обстояния разруши, страх приходящий от духов злобы и человек, хотящих меня погубить, отжени, вся потребное и нужное мне даруй, бодрость духа пошли, да обновленный, да очищенный, да утешенный Тобою, Царице моя Пресвятая, прославлю Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа и Твое дивное о мне попечение ныне и присно и во веки веков. Аминь

ТРОПАРЬ
св. иконе Божией Матери
«Умягчение злых сердец»

Умягчи наши злыя сердца, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси и всякую тесноту души нашей разреши. На Твой бо святой образ взирающе, Твоим страданием и милосердием о нас умиляемся и раны Твои лобызаем, стрел же наших, Тя терзающих, ужасаемся. Не даждь нам, Мати Благосердия, в жестокосердии нашем и от жестокосердия ближних погибнути. Ты бо еси воистину злых сердец умягчение.

АКАФИСТ
ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ЗНАМЕНИЕ»

Кондак 1.

Взбранной Воеводе, Царице Небесе и земли, даровавшей нам пречудную икону «Знамения», благодарственное приносим пение. Ты же яко Благосердая Мати не отрини нашего сего моления, но благоволи прияти е, сподобив вопити Тебе тако: Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Икос 1.

Ангельский глас услыша св. Анна, извествующ: ты зачнеши и родиши Дщерь Преблагословенную Марию; о Ней благословятся вся племена земная и приидет спасение всему міру. Сие ведуще, возопием Богородице:

Радуйся, освященное селение Бога Слова; радуйся, благодатию Божиею и нас освящающая.

Радуйся, спасению падшаго рода человеческаго послужившая; радуйся, Матерним Твоим попечением всех нас объемлющая.

Радуйся, в бедах и напастях скорая нам Помощнице; радуйся, злыя страсти наша невидимо укрощающая.

Радуйся, в христианских добродетелях преуспевати нам помогающая; радуйся, недуги наша безмездно врачующая.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 2.

Видяще святыя Твоя родители Иоаким и Анна, яко Ты еси, Пречистая, плод благословенный, возблагодариша Бога и пред дверьми храма положиша и обет даша посвятити Тя Господу, поя Ему: Аллилуиа.

Икос 2.

Разум совершенный Ты Сама стяжала еси, Богородице, воспитавшися во Святая святых, тако не престаеши умудряти и просвещати светом богоразумия и вся христианы, вопиющия Ти таковая:

Радуйся, Дево, христиан похвало; радуйся, яко блажат Тя вси роди.

Радуйся, на стези покаяния нас премудро наставляющая; радуйся, Надеждо христиан ненадежных.

Радуйся, скорбящих радосте и заступление; радуйся, безпомощным скорую помощь Твою являющая.

Радуйся, обидящих всегрозная устрашительнице; радуйся, обидимых Всеблагая Заступнице.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 3.

Сила Вышняго осени Тя, Благодатная, егда архангел Гавриил благовествоваше о безсеменном зачатии из Тебе Сына Божия, Спасителя міру. Прияв сию благую весть со смирением, яко раба Господня, возопила еси Богу: Аллилуиа.

Икос 3.

Имущи во утробе Христа Жизнодавца, востекла еси Благословенная к южике Своей, праведней Елисавете и «целовастася обе матери», радуяся о Бозе Спасе нашем. Сего ради, яко источнику святыя радости, вопием Ти сице:

Радуйся, умирение міру Святым рождеством Твоим принесшая; радуйся, знаменьми и чудесы Твоими христолюбивыя люди утешающая.

Радуйся, неправедно враждующия наказующая; радуйся, утесняемым ослабу и свободу дарующая.

Радуйся, от стрелы вражия язву на лице иконы Твоея приемшая; радуйся, слезы благодатныя от нея дивно источившая.

Радуйся, во бранех крепкая помощнице; радуйся, врагов посрамление.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 4.

Буря недоумения смущает ми ум, како возмогу недостойными усты восхвалити Тя, Пресвятая Дево, за Твое великое нам вспоможение. Тем же величая неисчетныя Твоя милости, смиренномудренно пою Вседержителю Богу: Аллилуиа.

Икос 4.

Слышаша Вифлеемстии пастырие ангелов поющих Христово Рождество, текше в пещеру, обретоша тамо Богородительницу, на руках

держащую Превечнаго Младенца. С ними в веселии духовнем и мы Тебе, яко общей Матери, глаголем тако:

Радуйся, яко из Тебе в плоть облечеся, одеваяй небо облаки; радуйся, яко млеком питала еси Питателя вселенныя.

Радуйся, Живоначальныя и Единосущныя Троицы благодатию осененная; радуйся, ангельския соборы чистотою превозшедшая.

Радуйся, человеческаго рода возвышение; радуйся, непобедимая Воеводо вождей и воинств христианских.

Радуйся, Заступнице наша от Бога нам дарованная; радуйся, Радосте наша и спасение душ наших.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 5.

Боготечною звездою являешися, Царице Небесная, всем под кров Твой всемощный прибегающим и непрестанно во умилении сердечнем вопиющим: Аллилуиа.

Икос 5.

Видя праведный Симеон Тя, пришедшую с Младенцем Иисусом во храм преставитися Господеви, рече: «Тебе же Самой душу пройдет оружие», – проразумевая материя Твоя страдания о Сыне Твоем Божественнем и о всех гонимых за Имя Его Святое. Сего ради зовем Ти:

Радуйся, скорбящих Радосте и обидимых Заступнице; радуйся, печальных Утешение и бедствующих Помощнице.

Радуйся, болящих немздоприимная Целительнице; радуйся, нищих и убогих некрадомое богатство.

Радуйся, терпеливых страдальцев дарами благодатными ущедряющая; радуйся, отчаянных и безнадежных от рова погибели избавляющая.

Радуйся, вдовиц и сирых благосердая Попечительнице; радуйся, целомудрия и воздержания юных Наставнице.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 6.

Проповедницы Твоея благодатныя помощи суть все множество Тобою спасенных: страждущих, болящих, скорбящих и грехми обремененных, благодарственно о Тебе поющих Богу: Аллилуиа.

Икос 6.

Возсия Божественный Свет во Египте и падоша тамо идоли, егда бежала еси Пречистая с Богомладенцем Иисусом, спасаяся от убийства Иродова. Ты убо озаряеши светом боговидения умы всех удаляющихся прелестей суетнаго міра, исторгая из душ их кумиры гнездящихся тамо губительных страстей. Тем же превозносим Тя словесы сими:

Радуйся, Молитвеннице благоприятная за нас к Богу; радуйся, Предстательнице всемощная, гнев Божий на милость прелагающая.

Радуйся, руце Твои богоносне на умоление ко Творцу выну простирающая; радуйся, яко Мати Сына, Судию Праведнаго о всем міре умоляющая.

Радуйся, покровом Матерняго Твоего заступления всех нас покрывающая; радуйся, сущих в бедах и скорбях благодатию смирения и терпения снабдевающая.

Радуйся, старцев благоговейных сладкое успокоение; радуйся, стариц боголюбивых тихое прибежище.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 7.

Хотящи николиже отлучатися от Рожденнаго Тобою Спасителя міра, Ты, Богоблаженная, пребывала еси с Ним неотлучно во граде Назарете, детоводя и питая Его, яко человека и поя в сердце Своем, яко Богу: Аллилуиа.

Икос 7.

Новую показуя матернюю любовь к Сыну Твоему, со скорбию искала Его, двоюнадесятилетня Отрока во граде Иерусалиме в праздник Пасхи «мнеша Его в дружине суща». Ведуще таковое Твое сердоболие, со умилением вопием Ти:

Радуйся, страждущия и безпомощныя невидимо укрепляющая; радуйся, болящия и безнадежныя от одра болезни возставляющая.

Радуйся, кающихся грешников верная Споручнице; радуйся, даров духовных щедрая Подательнице.

Радуйся, верою молящимся Тебе великия милости являющая; радуйся, во благих прошения наша дивно исполняющая.

Радуйся, струи благодатных исцелений обильно нам источающая; радуйся, всем вся полезная дарующая.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 8.

Странное и предивное Твое попечение бысть о христианех на всех путех их жизни многомятежней и многотрудней. Имея в Тебе столь милосердую и независтную Помощницу, вси облагодетельствованнные Тобою велегласно поют Богу: Аллилуиа.

Икос 8.

Вся была еси со Христом при служении Его роду человеческому, како и божественный евангелист Лука повествует о Тебе, глаголя: «Мати Твоя, и братия вне стоят, видети Тя хотяще»*. Мним, яко Ты, Всеблагая Мати, неотступно пребываеши и со всеми труждающимися во славу Божию, восхваляющими Тя тако:

Радуйся, скоропредстательная Помощнице усердно к Тебе притекающим; радуйся, благосердая Услышительнице молений наших.

Радуйся, великий Новгород благословением Твоим осенившая; радуйся, многих мест и обителей сокровище неоскудное.

Радуйся, иноков и инокинь благоподвизающихся всемощная Покровительнице; радуйся, в міре благочестно живущих усердная Заступнице.

Радуйся, ведущим брань противу міра, плоти и диавола добрая Споспешнице; радуйся, за всех нас милостивая к Сыну Твоему и Богу Ходатаице.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 9.

Всяк возраст верных благопользуется Твоим попечением, Всемилостивая Мати, яко всегда, к Тебе прибегающим душеполезная даруеши, потребная в житии доставляеши и усердно ходатайствуеши за ны, немощныя и грешныя, у Престола Господа Славы, Емуже поем: Аллилуиа.

Икос 9.

Ветии многовещанныя не могут изглаголати Твоея матерния печали, при Кресте Сына Твоего бывшей, егда видела еси Его страждуща за вся человеки мукою неизглаголанною. Тем же, яко искушенней по всяческим и спострадати в самых тяжких скорбях и лишениях нам могущей, взываем Ти:

Радуйся, Славо небесных и упование земных; радуйся Надежо наша и Заступнице христиан.

---

* Лк. 8, 20.

Радуйся, любящия и чтущия Тя от всяких бед избавляеши; радуйся, подвижников благочестия к Горнему Сиону путеводствующая.

Радуйся, омраченныя сердца светом истиннаго Боговедения просвещающая; радуйся, освятившая землю Всесвятым Твоим Рождеством.

Радуйся, девство и рождество в Себе дивно сочетавшая; радуйся, велие вселенныя Чудо.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 10.

Спасти хотя мір, иже всех Господь, Сый на Кресте, дарова всему міру Пресвятую, Премилосердую Матерь, егда изрек Пренепорочней и возлюбленному ученику: «Се сын Твой» и «Се Мати твоя». Благодаряще за сие Всеблагаго Бога, глаголем Ему: Аллилуиа.

Икос 10.

Стена крепка явилася еси, по завету Господа, Преблагословенная, даруя всем благоденствие, мир, отраду, радость, яко и Сама все сие Первая получила еси от Воскресшаго Христа Спасителя, услышав от Него приветственный глас: «радуйтеся». Сего ради ублажаем Тя тако:

Радуйся, ангельских ликов удивление; радуйся, святых Божиих угодников радование.

Радуйся, міра горняго первейшее украшение; радуйся, міра дольняго благонадежное заступление.

Радуйся, демонов низложение; радуйся, ада попрание.

Радуйся, крепкое наше упование; радуйся, несумненная наша Надеждо.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 11.

Пение наше смиренное, от полноты любве и усердия Тебе приносимое, не презри, Богоневесто, и не отвратися от нас грешных и недостойных, но помози нам очиститися от всякия скверны плоти и духа, да возможем достойно и праведно пети: Аллилуиа.

Икос 11.

Светом руководствующим являлася еси апостолом, Богородительнице, по Вознесении Сына Твоего на небо. Таковою остаешися даже до сего дне всем хотящим спастися и в разум истины приити. Не лиши, о Всеблагая, Твоего святаго водительства и нас в житейском море обуреваемых, обаче от сердца приносящих Тебе благохваления таковая:

Радуйся, иноческих обителей покров и снабдение; радуйся, благочестивых домов и семейств благословение.

Радуйся, девства и чистоты поборнице; радуйся, обидимых и гонимых предстательнице.

Радуйся, нагих одеяние; радуйся, больных исцеление.

Радуйся, уповающия на Тя непосрамляющая; радуйся, просящия Твоея святыя помощи от бед избавляющая.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 12.

Благодать Божественную испроси нам у Сына Твоего и Бога, простри руку помощи, да не погибнем во гресех и лютых обстояниях, находящих на ны от враг видимых и невидимых, умиротвори наша сердца, злобою и враждою исполненных, да утешеннии Тобою, с радостью зовем Богу: Аллилуиа.

Икос 12.

Поюще честное Твое Успение, прославляем и Покров Твой святый, распростертый над всем міром, наипаче же родом христианским, прославляющим Тя тако:

Радуйся, Царице и Владычице Небесе и земли; радуйся, порфиро Царя царей.

Радуйся, столпе и утверждение девства; радуйся, щите и ограждение веры Православныя.

Радуйся, боголепное украшение святыя Христовы Церкве; радуйся, покрывающая всех нас матерним Своим покровом.

Радуйся, телес наших врачевание; радуйся, душ наших спасение.

Радуйся, страждущих от бед избавление; радуйся, взыскание погибших.

Радуйся, Владычице, знамение милости Твоея нам являющая.

Кондак 13.

О Всепетая Мати Сладчайшаго Спасителя нашего Иисуса Христа! нынешнее наше приемши приношение, от всякия избави нас напасти и скорби, и вечныя изми муки всех пред святою иконою Твоею с верою и любовию поклоняющихся и о Тебе благодарно зовущих Богу: Аллилуиа.

(Сей кондак глаголи трижды и паки первый икос и паки первый кондак).

МОЛИТВА

К кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой услышит и воздыхание приимет, аще не Ты, Пренепорочная, Надежда христиан и прибежище нам грешным? Кто паче Тебе в несчастиях защитит? Услыши стенание мое и приклони ухо Твое ко мне, Владычице и Мати Бога моего! Не презри ищущаго Твоея помощи и не отрини мене, грешнаго, Царице Небесная! Научи меня исполнять волю Сына Твоего и даруй желание всегда следовать Его святым заповедям. За мой ропот в болезнях, трудах и несчастиях не отступи от мене, но пребуди Материю и Покровительницей мене малодушнаго. Царице моя Преблагая, Заступнице усердная! Твоим ходатайством прегрешения моя покрый, от видимых и невидимых врагов защити; сердца враждующих против меня смягчи и Христовою любовию согрей. Мне, немощному, даруй Твою всесильную помощь победить мои греховныя привычки, дабы очищенный покаянием и последующею добродетельною жизнию, в общении со Св. Церковию, провел остальные дни земнаго странствия. Предстани мне, Надеждо всех христиан, в час кончины моея и подкрепи мою веру в смертный тяжкий час. Вознеси за меня, многогрешащаго в жизни сей, Твои всесильныя молитвы по отшествии моем, да оправдает меня Господь и соделает причастником Его безконечных радостей. Аминь.

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ АРСЕНИЮ ВЕЛИКОМУ

Кондак 1.

Изрядный подвижниче Христов, пустыни пресветлое украшение и монахов пречудное удобрение, преподобне отче наш Арсение! Со Ангелы предстоя ныне Триипостасному Богу, молися о спасении душ наших, да с любовию зовем ти: радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Икос 1.

Ангела во плоти и человека небеснаго вемы тя, преподобне отче Арсение. Ты бо, от знатнаго рода происходя, отринул еси мірское зна-

ние, богатство и честь и смиренным клириком восхотел быти, сего ради вопием ти:

Радуйся, благочестивых родителей отрасль пречестная; радуйся, приявый от них доброе воспитание.

Радуйся, наукам греческим и римским изрядно обученный; радуйся, премудростию небесной свыше одаренный.

Радуйся, во диакона церкви Римския поставленный; радуйся, иерейскаго сана недостойным себе считавый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 2.

Видя твое святое тщание ко спасению, призва тя Господь исперва общему благу послужити, ради отечества и славы Божией, сынов царевых воспитати и обучити. Послушный велению Божию, ты, отче Арсение, Рим древний оставил еси, в немже в простоте и неизвестности определил себе жити и ко дворцу Феодосия Великаго предстал, воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 2.

Разума Божественнаго исполненный, добре наставлял еси, отче Арсение, детей царя земнаго, сподобляем от него чести и величия, но душа твоя, воспаряя к небесному, помышляла токмо о жизни вечной. Темже и вопием ти:

Радуйся, яко сенаторским званием почтен был еси; радуйся, яко к славе сердца не прилагал еси.

Радуйся, вся красная міра презревый; радуйся, от соблазнов и искушений ангелом своим огражденный.

Радуйся, во дворце молитвы не оставлявый; радуйся, и тамо единое на потребу искавый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 3.

Силою Божиею водимый, свыше чаял еси вещания, отче преподобне, на кий спасительный путь вступити и был тебе глас во сне от Господа: «Арсение, бегай людей и спасешися». Сему Божественному зову последуя, ты царский двор оставил еси и в обиталище иноков стопы своя направил, воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 3.

Имея неопальное желание Господу служити, в пустыню Скитскую, блаженне отче, вселился еси и скоро в подвизех иноческих преуспел, от великаго Иоанна Колова наставляем; темже глаголем ти:

Радуйся, от царской чести и людей бежавый; радуйся, честнаго монашества просивый.

Радуйся, старцу и иноческому послушанию себе предавый; радуйся, на подвиги себе посвятивый.

Радуйся, до зела смиривыйся; радуйся, странником и человеком убогим объявивыйся.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 4.

Бурю страстей миновал еси, богомудре Арсение, оградив себе постом, бдением, молитвою и в пристань благодатнаго покоя души достиг, воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 4.

Слышав паки глас небесный: «Арсение, бежи от человек и в молчании буди: ибо сие есть корень безгрешия», – в глубочайшую пустыню удалился еси и тамо святому безмолвию совершенно предался, яко и приходити к себе возбранял и лица своего никому же показавал еси. Сего ради вопием ти:

Радуйся, спасительнаго безмолвия учителю; радуйся, иноческих обетов верный исполнителю.

Радуйся, о сказанных словесех каявыйся; радуйся, о молчании николиже жалевый.

Радуйся, пением птиц не хотевый развлекатися; радуйся, яко беседою с Богом любил еси присно наслаждатися.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 5.

Богоприятный источник радостотворнаго плача имел еси, преподобне, нося при поясе плат, да им отираеши молитвенныя слезы обильно истекавшия из твоих пресветлых очес, соделывая душу твою плодоносну ко всякому делу благому, подвизая пети тя Богу: Аллилуиа.

Икос 5.

Виден был некиим братом на молитве, яко во огни стоящим, ибо воистину пламенел еси любовию к Богу Живому, пришедшему грешныя спасти. Дивящеся убо сей твоей огнепальней любви ко Господу, ублажаем тя благохвалениями сими:

Радуйся, дар умиления стяжавый; радуйся, выну себе укорявый.

Радуйся, от захода до восхода солнца трезвивыйся; радуйся, с воздетыми руцеми в нощи моливыйся.

Радуйся, яко Бог в тебе и ты в Бозе пребывавый; радуйся, непрестанным богомыслием всего себе освящавый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 6.

Проповедник монашескаго делания был еси, преподобне, не словесы и речами, а великими подвиги твоими. Сего ради не оставил ни письменных книг, ни посланий, разве малыя изречения, в нихже отобразися твой лучезарный ум, яко в зерцале. Темже и вопием просвещему тя Богу: Аллилуиа.

Икос 6.

Возсиял еси великими добродетельми не токмо в пустыни Скитстей, но и далече за пределы ея и подражаху твоему богоугодному житию мнози отцы, якоже и Евфимий Великий в Палестине подвизавыйся. Прославляя болезни и труды твоя, вопием ти:

Радуйся, нищету духовную и телесную стяжавый; радуйся, от наследия и дани отказавыйся.

Радуйся, худою одеждою своею всех иноков превосшедый; радуйся, нужду и в срачице имевый.

Радуйся, вместо одра рогозину постилавый; радуйся, гнилую воду, яко ароматы обонявый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 7.

Хотя Господь явити отцам пустынным, отче Арсение, твоего безмолвнаго жития совершенство, показа единому от них в видении, како корабль твой в велицем безмолвии не человеки и не ангелы, а Самим

Господом управляется: и тако всем ведомо сотворися, яко бегая от человек с Богом соединился еси, зовый Ему: Аллилуиа.

Икос 7.

Ново и дивно бысть житие твое, преподобне отче Арсение, яко никто же от иноческаго сословия восходил на столь дивную степень безстрастия, на кую восшел еси ты, достигнув ангельския чистоты. Зряща тя во плоти, небеснаго человека, глаголим ти:

Радуйся, целомудрие души и тела невредимо сохранивый; радуйся, огнь похоти плотския погасивый.

Радуйся, взора жен избегавый; радуйся, образы их в ум николиже державый.

Радуйся, кроткое и незлобивое сердце имевый; радуйся, пустынное озлобление сладце претерпевый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 8.

Странником и пришельцем на земли, по слову святаго апостола, рекшаго: «не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем», – ты, преподобне, почитал еси себе, преходя от места на место, да ближае станеши ко Господу, взывая Ему: Аллилуиа.

Икос 8.

Весь ум свой к Богу возвысив, ты, отче святый, дремания веждом своим не дал еси, присно бодрствуя, моляся и трезвяся. Сего ради вопием ти:

Радуйся, со сном, яко со злым демоном боровыйся; радуйся, один час сна для себе довольным считавый.

Радуйся, да не впадеши в разслабление, – учеников своих назирати просивый; радуйся, над плетением корзин добре трудивыйся.

Радуйся, скудную пищу вкушавый; радуйся, овощи единожды в год принимавый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 9.

Вся заповеди верно исполнил еси, преподобне, и тако угодил Господеви, яко сословие монашеское нарекоша тя «Великим», воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 9.

Вития многовещанныя не могут сравнитися с тобою, отче Арсение, в познании души человеческия, яко не токмо иноцы искаху твоего наставления, но и святители к тебе прихождаху. Ты же, чужд быв человекоугодия, от всех двери келлии своея затворял еси, почитая у простецов учитися науке из наук – спасению души, неже самому учителем быти. Того ради вопием ти:

Радуйся, благодатными дары преукрашенный; радуйся, духом разсуждения обогащенный.

Радуйся, богомудренно учеников своих назидавый; радуйся, спящую совесть их искусно пробуждавый.

Радуйся, страхом Божиим яко щитом от злых приражений защищенный; радуйся, старче Божий, свыше просвещенный.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 10.

Спасения душевное стяжал еси, святче Божий, многими труды и поты, и образ преподобия и благочестия оставил всем иночествующим, да последуя стопам твоим, велегласно вопиют Богу: Аллилуиа.

Икос 10.

Стена крепка бысть произволение твое, отче наш Арсение, в делании духовнем, ибо николиже забывал еси речений Господа: «никтоже возлож руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии»*. Сего ради бодренно нес иго Христово, дондеже достиг Небеснаго Царствия, идеже и пребываеши со всеми святыми, подвизая нас пети тебе тако:

Радуйся, несокрушимую твердость в подвизех явивый; радуйся, всецело воле Божией себе предавый.

Радуйся, на всех путех жизни Промыслом водимый; радуйся, от варвар и злых обстояний многажды хранимый.

Радуйся, великим терпением от Господа наделенный; радуйся, мужеством, яко каменем укрепленный.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

---

* Лк. 6, 62.

Кондак 11.

Пение со безплотными чины горе ныне принося ко Пресвятей Троице, Арсение богомудре, ты уже зде на земли яко ангел пожил еси, любве Христовой быв исполнен, ибо вещал учеником своим: «всех любите и от всех ради любве ко Господу бегите». Тою же любовию распаляем ко ближнему своему, ты инока, одержимаго немощью крадения, на исправление в келлию принял еси, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 11.

Светоподательный светильник явился еси, отче Арсение, всему иноческому роду, сияя добродетельми, наипаче же спасительным смирением, имже стяжал еси в сердце своем Духа Святаго. Темже и величаем тя тако:

Радуйся, образ смиренномудрия показавый; радуйся, ниже всея твари себе считавый.

Радуйся, простоте иноков вельми подражавый; радуйся, яко не от себе, а от лица старцев ответы вопрошавшим тя дававый.

Радуйся, со смирением строгий нрав соединивый; радуйся, яко всего себе ни во что же вменивый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 12.

Благодать Христову приобрел еси, преподобне, помогати всем с любовию творящим память твою. Сего ради молимся ти: вразуми ны не міру, а Богови благоугождати, Ему Единому служити и Его святому водительству себе вручати, яко же и ты сие в житии своем исполнил еси, глаголя: «аще не Господь сохранит мя, то ми низачимже жити на земли». Поминая твоя сия святыя словеса, взываем Промыслителю Богу: Аллилуиа.

Икос 12.

Поюще твое безмолвное житие, отче наш Арсение, дивимся и всем подвигом твоим, адаманта веры, надежды и любве к Богу тя имуща. Темже и глаголем ти:

Радуйся, всех заповедей Христовых рачителю; радуйся, ведений Божественных тайнозрителю.

Радуйся, яко час смертный присно поминал еси; радуйся, яко не погребати, а низвергнути тело свое завещал еси.

Радуйся, в маститей старости умерый; радуйся, Безкровную жертву за себе совершати повелевый.

Радуйся, Арсение, великий угодниче Божий.

Кондак 13.

О, великий угодниче Божий, преподобне отче наш Арсение! Приими малое сие моление в похвалу тебе приносимое и умоли возлюбленнаго тобою и возлюбившаго тя Господа, да сподобит ны прочее время живота нашего в покаянии, без порока прейти и мирно о Бозе почити, воспевая Ему: Аллилуиа.

(Сей кондак глаголи трижды и паки первый икос и паки первый кондак).

МОЛИТВА преподобному и богоносному отцу нашему Арсению Великому

Кую похвалу принесем ти, преподобне и богоносне отче наш Арсение! Ты еси воистину ангел хранитель всем христианам, наипаче же иночествующим, кои имя твое святое на себе носят! Во время земнаго жития твоего, ты, преподобне, бегал еси людей, показуя сим не неприязнь к ближним, а наивящую к ним любовь, дабы в безмолвии, стяжав в сердце своем Единаго Бога, получити сугубое дерзновение ходатайствовати у престола Божия о духовнех чадех твоих! И, о, дивно сие твое предстательство!

Ты от искушений и падений спасаеши, от наветов злых духов и человеков сохраняеши, от уз и темниц свобождаеши, из изгнания возвращаеши, всякия беды и напасти от нас прогоняеши.

Чим же возблагодарим ти за твое велие нам вспоможение, святче Божий?!

Мним, яко лучшим тебе приношением будет исправление нашея греховныя жизни и подражание твоей богоугодней, святей.

Ты был еси украшен духовным разсуждением, твердой волею в отражении всякаго зла, процвел еси трудами и подвигами. Да поможет Господь и нам молитвами твоими все сие по силе нашей имети.

Ты, пресвятый отче, стяжал еси дар смирения, дар молитвы, дар умиления и благодатных слез: да даст Отец Небесный и нам хотя малую толику причаститися твоим великим сим дарованиям.

Ты, пречудный авво, возлюбив простоту и нищету телесную даже до убожества, приобрел еси Господа даже до богатства духа благодати; да с тобою и мы терпеливо понесем скудость, лишения, все невзгоды земныя и, уповая на небесное жительство, возлюбим нашего Сладчайшаго Спасителя, выну прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь

СЛОВА
И ПОУЧЕНИЯ

I.

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ 22 ИЮЛЯ 1914 г. ПРЕД МОЛЕБНОМ О ДАРОВАНИИ ПОБЕДЫ

Господь посылает нам, дорогие братия, великое испытание. Над нами нависла гроза, страшная гроза – война. Если в частной жизни каждого человека горе чувствуется им одним и немногие со стороны его замечают, то не это нужно сказать относительно общественного бедствия, особенно такого, как война. Здесь каждый из нас чувствует боль и боль тяжелую.

За что же нам такое испытание? Видно, мы виноваты пред родиной, что дается нам такая скорбь. Да, всякое общественное бедствие есть наказание Божие за грехи людские. Не станем говорить, какая наша вина пред родиной. Каждый из нас хорошо знает, если вспомнить последнее десятилетие, когда проявилось шатание умов, неуважение к заветам старины, Св. вере.

Не станем винить и судить друг друга. Не этому теперь место. Нам нужно теперь сознание своих прегрешений, нужно покаяние...

Прости же нам, дорогая наша отчизна, наш родной край, эти наши необозримые леса и широкие поля, дающие нам приволье и славу! Прости нам, наш родной Державный Царь-Батюшка! Мы и Тебя огорчали нестроениями и ссорами, а Ты, любвеобильный, любишь нас, как своих родных детей и печешься о благоустроении нашей отчизны. Прости нам, наша Св. вера и Церковь Православная, наша св. мать! И Тебя мы немало огорчали отступлением и неверием, тогда как Ты в союзе с державными нашими царями сделала из нас русских, то, что мы есть, сделала нашу Русь Святую сильной и славной.

Теперь в сторону должны отойти всякая гордость и самолюбие; покаянное же чувство пусть охватит наши сердца!.. В руце Творца Вселенной жизнь и дыхание всех живущих на земле, а покаяние есть путь примирения с Творцем...

Покаемся же, дорогие братия, и Творец міра простит, помилует и сторицею возвеличит нас! Аминь.

II.

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ 24 АВГУСТА 1914 г. ПРЕД ОТКРЫТИЕМ ЧТЕНИЙ ДЛЯ РАБОЧИХ

При тяжелых обстоятельствах, братие, приходится нам начинать круг наших чтений. Мы теперь с вами переживаем тяжелое испытание. Могущественные наши соседи-немцы, вместе с союзной Германии двуединой монархией Австро-Венгрией, объявили нам войну. Такое чрезвычайное в жизни нашей событие заставляет нас прежде всего остановить наше внимание на размышлении, что это за война и как на нее смотреть?

Борьба с немцами – наша исконная борьба. Уже Благоверный Князь Александр Невский воевал с ними. Однажды, готовясь вступить в бой с ливонскими немцами, он так воскликнул: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом», – и воины в порыве воодушевления сказали: «О, честный и дорогой наш Княже, приспел час сложить нам за тебя свои головы». И от того времени до наших дней немцы – этот высокомерный, по словам св. Александра Невского, народ не переставал нам – русским наносить вред, хотя часто-часто мы, по своей доброте, гостеприимству и смирению, и не замечали этого.

Какой причинялся нам немцами вред, – об этом говорила и еще скажет в подробности история, нам же хочется сейчас указать только на те опасности от немцев, какие настоящая война нам так рельефно уже выдвинула. Это, во-первых, – притеснение и угнетение наших братьев-славян германским народом, во-вторых, засилье Русской земли немцами, которые захватили у нас в свои руки промышленность, торговлю и даже повели незаметное для нас территориальное завоевание, основывая свои колонии и забирая в свои руки сельское хозяйство, и, в третьих, – немцы сделали подрыв нашей Св. вере Православной, посеяв у нас штундизм, баптизм и т. п. немецкие секты. Неверие, протестантское направление в церковно-религиозных взглядах – все это плоды насильственной культуры немцев. И в конце всего, они объявили нам братоубийственную войну.

Всякая война есть бедствие, но и война не бывает без Промысла Божия. Прочитайте в Библии историю еврейского народа и вы увидите,

что Сам Господь выводил на брань с язычниками избранный народ Свой. Кто знает, может быть, и сия война попущена Господом Богом не без цели для нас. Трудно человеку угадывать пути Промысла Божия. Но если мы распознаем свое призвание и посмотрим на нашу Русь, как на Русь Святую, на русский народ, как на народ Богоизбранный, то отчасти мы уразумеем и те задачи, какие нам предлежит выполнить чрез ниспосланную нам войну.

Вы знаете, что немцы все усилия употребили на изобретение и усовершенствование военных приспособлений, пока, наконец, не решили их применить на деле, направив на нас всю их смертоносность. А разве подобает христианскому народу проливать кровь? Мир, а не войну заповедал нам Христос. И что сказал бы Он нам, если бы был свидетелем настоящей братоубийственной войны? Есть такая картина: поле сражения; масса лежит на нем убитых воинов, еще больше раненых и в ранах мучащихся. В сиянии заходящего солнца изображен пришедшим на это страшное поле Христос Спаситель, Который с жалостию взирает на все это и кротко говорит: «Братие, разве не говорил Я вам: любите друг друга!»

Между христанскими народами, как это ни прискорбно, временами ведутся войны и это от того, что тот или другой народ чувствует собственную силу, возможность усилиться за счет другого. А что было бы, если бы какой-нибудь один миролюбивый христианский народ с помощию Божиею настолько усилился бы, что после ни один другой народ не дерзнул бы поднять руки на своего брата христианина? Страх пред могуществом этого народа не позволял бы и другим воевать друг с другом. И кто знает, может быть, миролюбивому русскому народу пришло время чрез настоящую войну усилиться настолько, чтобы потом поддерживать мир среди всех немирствующих христиан.

Далее, русскому народу дано хранение Веры Православной, но посмотрите, – она в гонении то в Галиции от тех же немцев, то на Балканах от турок-мусульман. Опять, кто знает, быть может Господь призывает Русь Святую поддержать, встать на защиту Веры Православной, высвободить наших братьев-славян из-под гнета враждебных Православной Вере народов и дать ей свободу, простор.

И еще, – немецкое засилье извратило наш русский коренной строй – подорвало и унизило национальное наше чувство, развило у нас гордость, задушило нашу русскую простоту, ко всему этому присоединились еще и наши собственные пороки, в особенности усилилась страсть к винопитию. И вот, как через огонь искушается золото, так мы через огонь войны призываемся к исправлению нашей жизни, к возвращению на прежний путь доброй христианской жизни, к переме-

не изнутри и снаружи самих себя. Дай же, Господи, чтобы мы уразумели пути Промысла Божия, являемого нам в настоящей войне! Дай, Господи, чтобы эта война послужила нам к вящей славе, чести и могуществу!

III.

РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ АЛЕКСЕЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ 22 ОКТЯБРЯ 1914 г. В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА

Еще так недавно, до начала войны, когда мы получали известия о том, что в Галиции наши русские братья православные терпят стеснения, возмущалось наше русское сердце и мы сознавали себя обязанными им помочь, их освободить; нас словно укоряла совесть, что мы, будучи сынами столь великой державы как Россия, допускаем порабощение наших братьев. Или, когда доходили до нас слухи, что Православный Восток угнетается мусульманами, когда видели мы Св. Софию Константинопольскую и другие святыни Востока попранными и поруганными, невольно рождалась мысль, до каких пор все это будет; казалось, что на нас лежит долг свергнуть с Православного Востока мусульманское иго, чувствовалось даже, что нам дана сила свершить это.

Или еще, когда развилось у нас засилье немецкое до больших размеров, так что стало вытравляться у нас все русское – родное, думалось, – долго продолжаться это не может, русский народ еще силен – он должен поднять свое самосознание, постоять за свои исконные русские права. Но выполнить надлежащие нам задачи мы не решались или, лучше [сказать], не могли. Не могли потому, что не пробил для нас этот час. Русский человек крепко верит в Промысел Божий, прислушивается к нему и всю свою жизнь направляет по тому пути, куда ведет его Господь. Он не дерзает предвосхищать то, что от Господа устрояется. Сам Промысел Божий не раз выводил Россию на выполнение своих судеб. Так и теперь. Настоящая вынужденная война ясно обрисовала нам, зачем она допущена для нас Господом.

И, вот, именно вам, теперешним воинам, выпала доля выполнить предлежащие нам задачи. Счастливы же вы, что ради высокой идеи вступили в

ряды христолюбивых воинов. Счастливы потому, что кто не ради чести, славы и корысти делается воином, а ради идеи святой, тот легко несет тяжелый воинский подвиг, легко не для тела, которое часто принуждено страдать, а для души, для сердца, ибо за святое дело легко и умирать.

Призри же с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей – сих христолюбивых воинов, и всели в их умы сознание великого дела, ими предпринимаемого, а сердца их исполни безстрашием, мужеством и легкостию. Призри с небесе, Боже, и виждь и посети виноград сей – сих христолюбивых воинов, и пошли им Ангелов-хранителей, которые бы и при их тяжелом воинском подвиге хранили их невредимыми, ибо писано есть: «Ангелом своим заповесть о тебе сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою» *(Пс. 90, 11–12)*.

IV.

РЕЧЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МОЛЕБНА НА ВВЕДЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

Когда бывает туман, трудно нам тогда различать предметы. Тогда легко упасть в яму, – наткнуться на предмет, если мы на суше, а корабль, например, во время тумана легко наскакивает на подводный камень. Таким туманом застилала нашу Русскую землю немецкая культура – именно она наводила на нас туман своим якобы полезным для нас влиянием. То обстоятельство, что немцы живут с нами по соседству, давало нам повод думать, – что они наши добрые соседи. То обстоятельство, что они приходили к нам и занимали у нас разные должности, строили фабрики и даже приобретали земли – наводило нас на мысль, что они подымают наше экономическое благосостояние, а то, что они у себя развивали якобы ученость – давало им место и у нас быть просветителями, и не только в светской научной области, но и религиозной, церковной.

Но вот, война, которую они с нами так незаконно повели, открыла нам глаза, рассеяла туман, какой немцы наводили на нас, обнаружила нам, кто такие эти немцы. И то, что они живут рядом с нами, теперь показывает, как нужно быть с ними осторожными, как нам всегда надо быть начеку, быть готовыми отразить натиск, если он будет сделан на нас дерзким нашим соседом. А экономическое благосостояние они по-

дымали не наше, а свое собственное, немецкое, ибо жили на счет России, выжимали из нее соки, все тащили в свою Германию. А просветителями они оказались для нас пагубными и, особенно, в религиозной области. Кто посеял у нас разные секты: штундизм, баптизм, адвентизм, как не немцы? Уже самые названия этих сект показывают, что они произведение немецкое. И руководители их первые были немцы. И как нам теперь стыдно. Мы пошли учиться у немцев даже вере, оставив в стороне нашу Св. Православную Церковь. Но это поистине было страшное недоразумение. Теперь этого не будет. Мы сознаем всю свою ошибку и, как один человек, должны объединиться под покровом нашей матери Православной Церкви.

Да, возлюбленные братия, нам нужно любить все наше русское, свое родное. Любите эту простоту, смирение, труд – свойства, от которых русский человек доселе считался Богоносцем. Любите Царя Самодержавного, Православного. Что у нас есть такой Царь, это наше счастие, наше величие и слава. Мы имеем Русского Православного Царя, значит у нас есть отец народа, есть его печальник, защитник, доброжелатель. Хорошо той семье, где жив отец, там ведется порядок, такая семья и материально обеспечена и часто расстройство в семье бывает с потерею отца. То же и в большой семье – Государстве. И как не может быть двух или более отцев, а только один, так и в Государстве, правильно поставленном, должен быть один Царь Самодержавный. Любите, далее, братие, Церковь Святую, ибо она привела нас к вере Христовой и уготовляет нам Царство Небесное. Любите эти Святыни русские, с которыми так много у нас связано воспоминаний как исторических, так и семейных. И такая любовь ко всему нашему родному привлечет к нам и любовь Божию, которая помилует нас в сии дни испытаний.

V.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ЛАЗАРЕТА ДЛЯ РАНЕНЫХ ВОИНОВ МОСКОВСКИМ ДВОРЯНСКИМ СОБРАНИЕМ

Некогда с берегов Галилейского озера раздавался призыв Господа Спасителя – любить ближних, сострадать несчастным, больным и страждущим, – при этом дело сострадания к ближним так высоко Господом по-

ставлялось, что даже чаша студеной воды, поданная страдающему, вменялась в великую заслугу. Ныне Господь Спаситель зовет нас к той же любви к ближним, но не с берегов Галилейского озера, а с полей брани, зовет нас в лице наших воинов, так мужественно отражающих нашего врага, защищающих своею грудью дорогое наше Отечество, Царя и Св. веру нашу и за них проливающих свою кровь. Там, к берегам Галилейского озера стекались на призыв Спасителя люди, нравственно перерождались и начинали творить добро, и – наше русское общество, как только услышало стоны христолюбивых воинов с полей брани, умягчилось сердцем и готово с нежною любовию перевязывать их раны.

Две черты можно отметить в настоящей войне. Это, во-первых, то, что война нам навязана, мы стали воевать только ради высокой цели защитить Отечество и наших братьев славян. Вторая черта та, что русское общество с любовию старается отнестись к нашим добрым воинам-братьям, обагрившим своею кровию поля брани. И эти две черты, две особенности настоящей войны, каждый скажет, суть явления высшего нравственного порядка. В самом деле, защищать Отечество, выручать единоверных и единокровных братьев – разве это не великое нравственное дело? А обвязывать раны, – ведь это евангельская добродетель милосердого Самарянина, коего так восхвалил Господь наш Спаситель. За нами, значит, братие, добрые начала настоящей войны, с нами поэтому и Господь Бог, ибо Он Бог добра, правды, любви и милосердия… Призываю Божие благословение на всех желающих потрудиться здесь ради наших дорогих братьев-воинов.

VI.

РЕЧЬ ВО II КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 8 НОЯБРЯ 1914 г.

Ваш храм, дорогие братие, посвящен небесных воинств Архистратигу Михаилу. Михаил – слово еврейское и означает: «кто яко Бог», т. е. нет выше Бога никого, Бог – Творец вселенной, Альфа и Омега, начаток и конец всего: небо и земля, видимый мір и невидимый – все существующее имеет конечную цель в Боге. А Архистратигу Михаилу усвоено это имя потому, что он является первым и главным ратоборцем за славу Божию.

Он низверг с неба Денницу – первого Ангела с его воинством, когда тот восстал против Бога, он в течение всей міровой истории ведет борьбу со всеми теми, кто воюет против Бога, и в конце всего победит антихриста – этого последнего и ужасного врага Царства Христова. Архистратиг Михаил вместе с этим является покровителем и помощником и во всех тех делах, когда вопрос касается той же славы Божией.

Общественное ли это дело или частное отдельного человека, коль скоро цель его – слава Божия – здесь и Архистратиг Михаил, как помощник и покровитель. В данном случае я имею в виду воинское дело, как близко к нам относящееся. Ведь и война может иметь в последней своей цели – ту же славу Божию. Возьмем историю еврейского народа. Как народ богоизбранный, он в Ветхом Завете вел войны, Промыслом Божиим допускаемые. И что же? Мы видим Архистратига Михаила, помогающего еврейскому народу в их воинском деле: то он является Иисусу Навину пред завоеванием обетованной земли и города Иерихона; причем при его покровительстве падают стены Иерихона: то он является еврейскому судии Гедеону и воодушевляет его на борьбу с врагами народа...

Перенесемся теперь к нашему воинству. Архистратиг Михаил, несомненно, является покровителем и нашего воинства, ибо наше воинство называется христолюбивым, т. е. оно носит меч не для иной какой цели, как только для прославления имени Христова на земле, для славы Божией. И посмотрите, как это назначение нашего воинства прекрасно наш Державный Царь выразил в первом манифесте пред настоящей войной: *«Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце»*, – для защиты наших братьев, дорогого нам Отечества и Веры святой. Цель войны ясна – слава Божия, а значит и наш помощник, и наш защитник – св. Архистратиг Михаил, этот ревнитель славы Божией. И с таким великим покровителем нам не страшна никакая война.

В святоотческих писаниях встречаются мысли, что те местности, те храмы, которые посвящены в честь св. Архистратига Михаила – несокрушимы, ибо они имеют великий оплот в Архистратиге небесных сил; эти места устоят и при последней борьбе антихриста с Царством Христовым. Счастливы и те лица, которые носят имена свои в честь Архистратига Михаила. И они также находятся в руках надежного покровителя. Запомните же, дорогие питомцы сего учебного заведения, что счастливы и вы, потому что воспитываетесь под небесным покровом Архистратига Михаила. Сохраняя вас здесь, он не оставит вас и в вашей жизни, как мирной, так и на бранном поле, если только вы его всегда будете помнить и в помощь себе его призывать.

VII.

РЕЧЬ В ЗЛАТОУСТОВСКОМ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ КРУЖКЕ УЧАЩИХСЯ г. МОСКВЫ, ПРЕД МОЛЕБНОМ НЕБЕСНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ КРУЖКА

Дорогие юноши и девицы и вся учащаяся молодежь! Я хочу вас спросить, почему человек в юношеском возрасте бывает привлекательным и симпатичным? Если мы в сообществе с добрым юношей, то так и хочется ему сказать: останься с нами, не уходи от нас, мы рады тебе, твое присутствие нас бодрит и успокаивает. Это происходит от того, что юношеский возраст, как неизломанный жизнию, бывает исполнен идеальных, добрых стремлений. Юношеский возраст таков, что человек начинает жить сознательною жизнию, когда он уже все оценивает, переживает. А то, что юность недалеко отошла от детства, дает ей черту непорочности и чистоты. Юноша – это расцветший цветок. Муж никогда не может быть таким симпатичным, приятным, как юноша.

Жизнь накладывает на человека свой отпечаток. У мужа уже на лице в складках и морщинах можно наблюдать пережитую им борьбу, да и усвоенные им привычки именно этими морщинами и ложатся на его лице. Здесь в складках можно усматривать ту или другую нажитую мужем страсть. И молитва мужа не такова, как юноши. Юноша молится радостною, светлою молитвою, муж же в молитве часто скорбит и льет слезы в покаянном чувстве о своих пережитых грехах, падениях и немощах.

Правда, настоящая жизнь все доброе старается сокрушить; она стремится и юность как можно скорее ввергнуть во все жизненные треволнения, развратить ее, испортить; но, однако, как не силен этот жизненный натиск, юность во многих своих представителях продолжает рваться к благородному, высокому, идеальному и, так как религия дает для этого основы, то вот мы и видим, как лучшее юношество начинает образовывать то христианское содружество учащейся молодежи в Петрограде, то религиозно-философский Златоустовский кружок в Москве. Есть еще «всемірный христианский студенческий союз», но мы о нем умалчиваем, потому что он, как порождение заграничное и чуждое истинного христианского направления, может быть только порицаем[88].

Но вот у нас Златоустовский кружок. Какое прекрасное название! Святитель Иоанн Златоуст – покровитель его. А если так, то этот Кружок должен от своего небесного покровителя брать и пример для подражания. Иоанн Златоуст в молодости был пылкий и весьма способный юноша; он сильно стремился к знанию и много увлекался искусствами и зрелищами. Но вот у него была благочестивая мать Моника и также друг Василий Амасейский. Мать своею молитвою, убеждением и любовию много сдерживала пылкого юношу Иоанна, а добрый друг Василий был для него примером, поддержкою и лучшим советником.

Пусть же и для вас – юношей Златоустовского кружка – Моникой будет Церковь наша Православная, добрая мать наша, а другом Василием – сам св. Иоанн Златоуст и все хорошо настроенные добрые ваши товарищи, как и весь наш религиозно-философский Златоустовский кружок.

Но пред нами Иоанн Златоуст не только как юноша, но и как святитель Христов, пастырь и учитель Церкви. Он, вспоминая свою бурно прожитую молодость, много потом писал о воспитании и постоянно повторял о том, как опасен юношеский возраст в смысле возможности удаления от истинного пути и советовал юношам быть крайне осторожными и осмотрительными. Запомним и этот урок нашего небесного покровителя и воспитателя под покровом св. Церкви и, имея содружество с добрыми людьми, – будем постоянно помнить слова св. ап. Павла: «Блюдите убо, како опасно ходите, не яко же немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дни лукави суть».

VIII.

РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ ПОДМОСКОВНОГО СЕЛА ЧЕРКИЗОВА 16 АВГУСТА 1914 г.

Русский человек часто своим горьким опытом доходит до сознания пагубности того, от чего предостерегают его и св. Церковь, и власть, и добрые благожелательные наставники наши. Кажется, сколько раз нам говорилось: любите все русское, родное, природное, национальное, остерегай-

тесь иностранцев, не доверяйте им, рассматривайте внимательно – действительно ли они ваши друзья, или же только стремятся пользоваться вашим добром, вашим имуществом, вашим трудом и силами. Но нет, всякий иностранец у нас в почете, своего же русского брата мы не жалеем, – готовы его при случае притеснить, унизить.

Пришлось нам однажды путешествовать в чужеземных водах на русском пароходе. Здесь были, кроме русских – греки, евреи, турки и люди разных национальностей. Все они чувствовали себя на пароходе, как дома, – смело заявляли свои требования, держали себя во всем развязно и свободно и наши пароходные власти, по-видимому, им старались угодить, оказать внимание, только русские пассажиры и особенно простые бедные паломники чувствовали себя приниженными и занимали последние места. Хорошо быть гостеприимным, любить странных и чужеземных, но нехорошо пренебрегать, унижать, забывать и стыдиться своего родного, природного, русского. За нами был этот грех и, вот, теперь пожинаем плоды его: наши гости – немцы – ведут с нами кровопролитную войну.

Далее, сколько писалось и говорилось проповедей о том, как пагубно пьянство, сколько погибло у нас от вина людей – пьянство так у нас усилилось, что мы на каждом шагу стали встречать алкоголиков – больных, несчастных, оборванных. Но нет! Затвердил себе русский человек, что «веселие Руси пити», – и пил без конца пагубную водку, пока, наконец, чуть было не пропил всю Россию, все ее духовное и материальное благосостояние. Ведь все последние несчастия Руси – бедность крестьян, забастовки рабочих, нестроения в обществе, оскудение веры и нравственности – все это тесно связано с пагубным вином. Русский человек через вино был накануне духовного и материального краха, но Господь милостив к нам! Через голос Державного нашего Царя-Батюшки объявлена нам трезвость, и народ внял этому голосу. Русский народ, ты должен быть трезвым, а иначе погибнешь! – пронеслось по всему лицу земли Русской и вот повсюду послышался отклик – на этот призыв: везде стали закрывать винные лавки и объявлять трезвость. Несомненно, что горький опыт пагубности вина привел нас к сознанию необходимости трезвости.

И еще... всегда св. наша Церковь через своих пастырей предохраняла и предохраняет нас от ересей и расколов. Мы, русские люди, коль скоро называемся православными, должны принадлежать единой Св. Церкви, должны находиться в духовном единении и со всем Православным Востоком. Но не внимали мы и этому голосу Св. Церкви. И что же получилось? Появился у нас раскол, распавшийся на безчисленное множество отдельных согласий. Появились у нас самые разнооб-

разные секты: баптисты, штундисты, адвентисты, хлыстовщина и т. п. и, что ужаснее всего, стали учить нас вере те же немцы. От них и самые секты стали называться по-немецки. Что это – приятное и нормальное явление? Разве нам мало было единой, святой, Православной веры со множеством храмов, со множеством святынь, мощей, чудотворных икон? Ясно, что русский человек глубоко прегрешил пред Господом, когда пошел учиться вере у немцев и непризванных учителей, забыв свою родную мать – Церковь Православную. И неужели и впредь мы будем блуждать? Да не будет этого. Забудем всякие секты, покаемся в грехах и воссоединимся с Св. Церковью, ибо только в ней наше духовное благо, наше счастье и спасение! Итак мы научены горьким опытом, а потому будем и жить и веровать, как подобает православным христианам.

IX.

РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ, ЗА КРЕСТОВСКОЙ ЗАСТАВОЙ, В МОСКВЕ 9 НОЯБРЯ 1914 г.

В несчастиях, говорят, познается человек. Счастие часто затуманивает нашу голову. Мы тогда живем вне себя, внутреннее наше принижается, забывается. То же нужно сказать и относительно целого общества и даже народа.

Мы теперь переживаем великое несчастие – войну. И вот это несчастие выдвинуло многие добрые качества нашей русской души. И прежде всего любовь к родине. Про нас стали говорить, и не без основания, что скоро нами завладеют иностранцы, что мы потеряли национальное чувство, что русские готовы свое родное продать, своему родному изменить.

Но вот началась война и русские люди, как один, встали на защиту своей родины. Подъем духа произошел необычайный. Матери охотно посылают своих мужей, своих детей на войну.

Вот, например, что пишет одна русская мать своему сыну-воину: «Твой отец был убит далеко от нас за Ляояном, тебя я отдала святому

делу защиты нашей милой родины от близкого и страшного врага. Помни, что ты – сын героя. Мое сердце сжимается и глаза плачут, когда я говорю тебе: «Будь его достоин!» Ведь я знаю весь роковой ужас этих слов, и все-таки в муке за тебя повторяю их. Нас всех не будет. Что наша жизнь! Это – капля в океане прекрасной России. Нас всех не будет, но пусть цветет и радуется она. Я знаю, мы будем забыты, наши счастливые потомки и не вспомнят тех, кто истлеет в братских могилах... Целуя и благословляя тебя, я простилась с тобою. Когда тебя пошлют на подвиг, не помни моих слез, помни только мои благословения... Да хранит тебя Бог, мой дорогой, светлый, любимый!» *(«Армейский вестник»).*

Не далее, как вчера, подходит ко мне в церкви подросток лет 14 и со слезами говорит: «Благословите меня пойти на войну добровольцем». – «Ведь ты еще мал», – говорю я ему. – «Но мне жаль наших солдат, проливающих за нас кровь, мне жаль смотреть, как их, раненых, привозят к нам. Я сижу дома здоровым, а они там мучатся, я хочу также пострадать за Россию».

Выдвинула, далее, война русское милосердие, любовь к страждущему человечеству. В одной Москве открыто до 700 лазаретов. Все спешат в чем-нибудь проявить участие в общем, посетившем нашу родину, несчастьи. Кто записывается в сестры милосердия, кто ухаживает за больными и ранеными, кто шьет одежду, кто материально помогает... Открылись, как и у вас, между прочим, при многих церквах лазареты. Здесь приход, под покровом церкви и при благословении своих пастырей, объединился для благотворения. И замечено, что в этих приходских лазаретах дело идет хорошо, и главное, в них чувствуется какая-то благодатная атмосфера, а деятели вместе с пастырем переживают особый религиозный подъем духа, очевидно, Господь принимает жертву доброхотов и их духовно утешает. Вот истинная благотворительность. Она должна исходить и группироваться в приходе при храме. И дай Бог, чтобы примеры такой приходской благотворительности, данные войною, имели отклик и на будущее время.

Пробудила война и веру нашу Православную. Эта вера везде слышится в Царских словах. Эта вера охватила все русское общество. Теперь горячо молятся супруги о мужах, матери о детях, а все мы – о своих братьях-воинах. Горячо молятся и сами воины. Передают трогательные повествования о молитвах их на поле брани. И видимо Господь приемлет их молитвы. Было уже несколько случаев чудесных явлений. Видели на небе явление Божией Матери...

Или вот рассказ об иконе Спасителя (Тайной вечери) в одном доме, который подвергался бомбардировке неприятеля. Почти весь дом был разру-

шен, но икона оставалась невредимой и присутствующие здесь наши воины чувствовали от нее благодатную помощь. В одном месте раненых вздумали занимать веселыми рассказами и шутками, но они попросили читать им назидательное и душеспасительное. Св. Евангелия, крестики они принимают с любовию и радостию.

Вы, прихожане св. храма сего, во всех указанных добрых начинаниях, вызванных войною, проявляете горячее участие. Вы то отправляете на поле брани своих домашних, то спешите в свой храм, дабы здесь, пред Господом излить свои молитвы; то, наконец, устраиваете приходской лазарет и комитет для оказания пособия семействам воинов, ушедших на войну. Не ослабевайте же в ваших добрых чувствах и делах. Доброе дело тогда особенно приятно Господу Богу, когда оно делается не урывками и случайно, а регулярно и безостановочно. Божие благословение да будет с вами!

X.

РЕЧЬ В III КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ, В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 23 НОЯБРЯ 1914 г.

В христианском міре наблюдается такое явление. Святые небожители являются покровителями целых стран, местностей, городов, народов, семейств и отдельных людей. Подтверждение этому мы находим в священной книге Апокалипсисе, где говорится о семи ангелах, охраняющих семь отдельных Церквей. В Православной Сербии есть в каждой семье праздник славы. Этот праздник состоит в том, что каждая семья чтит своего небесного покровителя, каковым является тот святой, в день памяти которого предки той или другой семьи приняли христианскую веру. Например, такая-то семья была крещена 6 декабря, значит святитель Николай является и покровителем ее. Св. Кирилл и Мефодий – покровители всего славянства. А ныне празднуемый св. благоверный Князь Александр Невский является покровителем гражданской доблести русских. И это не произошло как-либо случайно, не создалось искусственно, а естественно и таинственно.

Почувствовал русский народ своим христианским сердцем, что св. Александр Невский и сам доблестный и любит доблесть, и подает ее просящим – и свою веру в это стал выражать в своем к нему почитании. Вот поэтому-то его честные мощи переносятся из г. Владимира в Царствующий град и полагаются как бы краеугольным камнем Петрова града, основанием могущества всей Русской земли. Вот почему и наши Державные Цари один за другим носят имена в честь св. благоверного Князя Александра.

Но вопрос: почему именно этот, а не другой святой является в том или другом случае покровителем? Здесь нужно усматривать соотношение между покровительствуемыми и покровителем, между людьми и святыми. Св. бл. Князь Александр Невский является покровителем доблести русского народа потому, что он воплотил в себе его идеалы. Из его жития мы узнаем, что он отличался физической силою, дородностию, внешней красотой.

Один немецкий рыцарь, Андриаш, путешественник того времени, свидетельствует: «Объехал я много стран и земель, видел многих царей и князей, но такого дородного и красивого, как Князь Александр, я не встречал». Современники св. благоверного Князя Александра Невского говорили о нем, что когда он говорил с народом или отдавал приказания, то голос его звучал, как труба. А ведь могущество, сила, дородность – свойства русского народа.

Далее, св. Александр соединил в себе религиозную настроенность и воинскую доблесть. Он был воспитан в древнем благочестии по св. книгам, он любил церковное пение, любил помогать нищим и убогим и в то же время умел прекрасно владеть мечем, чтобы защищать Отечество и веру Православную от врагов. Он считался современниками непобедимым. И вот опять идеал русского воинства – быть христолюбивым, т. е. соединять в себе воинскую доблесть и любовь ко Христу и через это быть непобедимым.

И еще одну замечательную черту из жизни св. благ. Князя Александра Невского следует указать, как подходящую к современным событиям. Он всю свою жизнь вел войны с немцами. Однажды, выступая на ратный подвиг с Ливонским орденом, он говорил: «Боже, Ты Сам рассуди мой спор с этим высокомерным народом!» И, действительно, немцы являются исконным врагом русских и всего славянства.

Ныне память св. бл. Князя Александра Невского. Здесь храм в честь его и училище под его небесным покровительством; помолимся же ему, дабы он не оставлял нас своею защитою и не только не оставлял, но и помогал нам осуществлять те заветы и идеалы, носителем и ратоборцем которых он был.

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА

‡

Поучение сестрам Филимоновского женского монастыря

Возлюбленные сестры! Вчера, при пострижении некоторых из вас в рясофор, вы все слышали краткое наставление, обращенное к вам, когда вручались вы рукотводству старице. Вот оно это наставление: «Вы же (сестры) повинуйтесь во всем старице, будьте терпеливы, послушны, смиренны, кротки, молчаливы и вы приобретете духа благодати и спасетесь». Кратко наставление, но оно так содержательно, что охватывает собою все иноческие добродетели.

Терпение – оно нужно во внешней и внутренней жизни. Во внешней оно спасает от ропота в тяжелых послушаниях, в скорбях и напастях, мирит нас со всяким положением. Во внутренней спасает от духовного расслабления, малодушия и окончательного падения. Трудно бывает человеку, когда его начнут обуревать искушения, борения, страсти, – легко пойти по течению своих дурных склонностей. И только терпение превозмогает все, дает мужество, крепость сил, стойкость.

Послушание. Нам, живущим в обителях, заповедано не иметь своей воли, которая бывает слаба, неустойчива, склонна к порокам; мы отдаем, подчиняем свою волю лучшей воле – воле наставников и наставниц, настоятелей и настоятельниц. При этом помните, что послушание для насельников обители вменяется в самый лучший, самый спасительный подвиг. Мы приходим в обитель спасаться. Спасение достигается подвигами. Одни налагают на себя пост, другие – поклоны, третьи изнуряют тело веригами – и все это для спасения. Так вот и помните, что самый лучший, самый спасительный подвиг, в этом отношении, и есть именно послушание. Кто несет послушание безропотно, исправно, терпеливо, для того в обители все другие чрезвычайные подвиги как бы отпадают. Уже самим послушанием мы спасаемся. И тот, кто само-

вольно налагает на себя подвиг, а от послушания отказывается, отклоняется, тот никогда не спасется.

Смирение. Великую ценность его всякий из нас знает. Смирение предохраняет нас от падений, привлекает к нам любовь ближних, вносит в наше сердце чистоту, вселяет в наше сердце мир и спокойствие.

Кротость – это тоже смирение, но только, когда оно обнаруживается в отношении к людям. Миролюбие, незлобие, обходительность – вот проявления кротости.

Молчание. Язык наш враг. Ап. Иаков говорит: «язык небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает: и язык – огонь, прикраса неправды. Язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи воспаляем от геенны... Им благословляем Бога и Отца и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию» *(Иак. 3, 5–10)*. Сколько огорчений ближним мы приносим через свой язык, когда осуждаем, оговариваем, клевещем! Как поэтому нужно нам молчание, как оно полезно и спасительно, а в духовной жизни в особенности. Молчание заставляет нас входить внутрь себя, ведет, таким образом, нас к духовному созерцанию, сосредоточенности в Боге, в чем и состоит цель нашей иноческой жизни – жить с Богом и в Боге. Всеми указанными добродетелями мы привлекаем в свое сердце благодать Божию, которая обвеселяет нас, дает нам духовную радость, дает нам духовное счастье уже в сей земной жизни, а в будущей готовит нам спасение души, готовит нам небесный чертог, которого да сподобит нас Господь молитвами преподобных отец наших. Аминь.

‡

Слово, сказанное в женской тюрьме

«В темнице был, и посетили Меня». – Это говорит Христос во св. Евангелии. Значит и находящиеся в темнице не лишены возможности быть со Христом. Христос может соприсутствовать вам и здесь, в узах ваших. Когда же Спаситель с вами, когда Он не оставляет вас Своею благодатью? Никто со стороны не может этого сказать, потому что все вы находитесь в равных внешних условиях, все вы – обитатели темницы, т. е. места отбывания наказания за разные повинности, но может знать это Сам Христос, да отчасти ваше сердце, ваша душа, приявшая в себя Христа.

Недавно один мой знакомый, в Петрограде, посетил женскую тюрьму, там он предложил заключенным назидательное слово, при этом об-

ратил он внимание на одну пожилую женщину, которая своим умиленным и молитвенным видом выделялась из ряда других; знакомый пожелал поговорить с нею, спросить ее, как она попала в тюрьму, и та поведала следующее. У меня был муж и сын Вася. Муж вел нетрезвую жизнь. Много горя я от него перенесла; возвращаясь домой нетрезвым, он меня бил, ругал и оскорблял. Мальчик Вася, когда был мал, видя это, обыкновенно плакал, хватался за меня, как бы защищая меня, и боялся отца. Но вот отец, после долгих лет пьянства, вдруг бросил пить, отрезвел, поступил на место и стал достаточно приносить заработанных денег домой. Тишина и мир водворились в моей семье. Я уже стала забывать о прежних своих страданиях. Вася сделался уже юношей... В один несчастный вечер, когда мы с Васей пили чай, мой муж снова нетрезвый возвращается домой, вдруг слышу неуверенные шаги, брань... Сначала мне представилось, что это сон, что это со стороны мужа – подделка под пьяного, но нет, это был не сон, а правда. Пьяный муж, как бы соскучившись за побоями, со всем зверством набросился на меня, стал немилосердно бить, ругать и поносить. Не выдержал этого сын мой, Вася, набросился он на мужа, а своего отца, и в порыве гнева убил его... Нас обоих повели на суд. Моему дорогому Васе грозила каторга, но здесь я всю вину приняла на себя, дабы Вася мой был на свободе. И вот теперь я здесь и моим единственным утешением является молитва и плач о своих грехах.

Скажите теперь, возлюбленные, не живет ли в темнице с этой женщиной Христос, не Он ли ее отрада и утешение? А покаяние? Как оно сближает нас со Христом. И для покаяния не требуется особенного места и времени. Оно возможно везде. Разбойник на кресте в одно мгновение покаялся и был принят в рай. А у вас проходят часы, дни, а может быть и месяцы. Сколько за это время может быть здесь внутреннего покаяния, раскаяния и слезных воздыханий?

Итак, возлюбленные, и с заключенными может быть Христос. А для христианина ведь дороже всего не потерять Христа, и если мы по своим грехам Его от себя отдаляем, снова можем Его привлечь к себе.

Преподобный Серафим, который стяжал в сердце своем великую благодать Божию, говорил, что быть со Христом – это такое великое благо, выше которого ничто не может быть на земле. Пусть, говорил он, меня ввергают в темницу, пусть мое тело покрывают всевозможные язвы, все это я рад потерпеть, только бы мне не лишиться духовного счастья – быть со Христом.

Итак, возлюбленные сестры, Христос да будет среди нас. Аминь.

‡

Поучение, при служении в храме Александровского коммерческого училища, по случаю годичного акта в религиозно-философском Златоустовском кружке учащихся

Позвольте мне, дорогие учащиеся, указать на некоторые недочеты в религиозной жизни среди современной учащейся молодежи. Прежде всего, наблюдается так называемый ложный стыд в деле веры – это когда человек еще не потерял совершенно веры, но он стыдится обнаруживать ее открыто пред другими.

Начало урока, экзамен – надо бы помолиться, но я этого не делаю или делаю тайно от других, вроде того, что прячусь под парту и там полагаю на себя крестное знамение. Я в вагоне трамвая или поезде – сейчас поезд будет двигаться, или проезжаем около храма, надо бы перекреститься, и не прочь я это сделать, но не делаю, ибо стыжусь посторонних людей. И таких примеров ложного стыда безконечное множество.

Второе, что наблюдается в жизни современной учащейся молодежь, среди которой не иссякли еще запросы духа, это увлечение какими хотите современными религиозными направлениями – теософией, спиритизмом, оккультизмом и т. п., только не учением св. Православной Церкви. Конечно, это происходит от того, что мы отошли от Церкви, не знаем ее существа и ценности. Ибо, если бы мы знали все это, знали, какая сила и красота заключена в Православии, – мы бросили бы всякие увлечения и всею силою души привязались бы к Церкви Православной.

В самом деле, кто дал нам самые высокие образцы в области разных искусств – пения, художества, скульптуры – как не Церковь, кто воспитывает гигантов духа, лучших людей – опять Церковь.

Тем и дорог наш Златоустовский кружок, что члены его, оставив в стороне всякий ложный стыд в деле веры, объединившись около имени славного учителя Церкви св. Иоанна Златоуста, ищут удовлетворения своим религиозным запросам в Церкви Православной.

Правда, еще как-то робко наш кружок выступает. Посмотрите, как противные Церкви течения действуют. У них организации, у них пропаганда, у них объединение и т. д. У нас все это слабо развито. А, между тем, как важен для нашего народа и общества пример религиозности, пре-

данности Церкви учащейся молодежи. Наше общество смотрит на учащихся, как на людей, которые изучают науки, узнают новое, узнают справедливое, и верят, и слушают их, когда они что-либо говорят.

Представьте же себе теперь, если наш народ видит в храме молящегося студента, разве приятно не поражает это его? Не только приятно поражает, но даже как бы подкрепляет его веру.

Были примеры, когда студенты, появляясь в селах и деревнях, как передовые люди, сильно увлекали народ своими безбожными, толстовскими и противогосударственными проповедями. Такой же успех и даже несравненно больший они имел бы, если бы, появляясь там же в деревнях, показывали пример преданности Церкви Православной и к ней влекли бы народ.

Пожелаем же от всей души нашему религиозно-философскому Златоустовскому кружку живой, смелой деятельности на пользу нашей св. Православной Церкви. Отбросим всякий стыд, воодушевимся тою высокою идеею, которая положена в основу этого кружа, – ценить нашу св. Православную Веру, черпать из нее силы для собственного нравственного усовершенствования и для назидания и наставления младшей нашей братии – нашего русского народа, в который мы, получив образование, пойдем служить и работать. Св. Иоанн Златоуст, наш небесный покровитель, да поможет нам в этом.

‡

Поучение в Прощеное Воскресенье

Если представить нашу повинность пред Богом и людьми, то нам останется только пасть ниц и вопиять ко Господу Богу: «Согрешил я пред Тобою, Господи, и несть достоин воззрети на высоту небесную от множества беззаконий моих»; а ближнему должен буду сказать: «Лицемерно я называл тебя братом своим; цель всей моей жизни – все для меня и ничего для тебя».

Но вот, и особенно предо мною, стоят грехи по отношению к Господу Богу и ближнему моему. Ко Господу Богу – это забвение, неуважение к св. Церкви и ее установлениям.

Посмотрите, как теперь легко произносить суд над нею, как теперь слабо мы держим знамя Православия. Мы считаемся православными христианами. Казалось бы, это звание должно обязывать нас защищать, любить св. Церковь нашу, но не так в действительности. Мы стыдимся обнаруживать это звание открыто и безбоязненно, мы стыдимся, когда следует

творить крестное знамение, стыдимся защищать св. Веру пред неверами, кощунниками, стыдимся выступать на защиту ее.

И как не ценить нам Церкви Православной, которая для нас – все! Ведь это ты – Церковь Православная – возродила нас в купели крещения, ведь это ты привела и приводишь нас в общение со Христом в св. Таинствах, ведь это ты даешь мне столько духовных утешений в храме, в молитве, в богослужениях, в праздничные дни, ведь это ты, Церковь, когда я грешный приду к тебе с покаянием, – примиряешь меня с Господом моим Творцом.

Прости же св. Мать моя Церковь – мою безпечность, забвение, нерадение, мое постоянное отступление от тебя. Умоли ты, Церковь, Пастыреначальника Христа, да подаст Он мне крепость, мужество, твердость всею душою, всем сердцем тебя любить и тебя исповедывать.

А вот мой постоянный грех пред ближним. Я оставил свое душевное состояние, свою собственную душу и свое внимание перенес на других. Вместо того, чтобы следить за собой, себя исправлять и о себе думать – я сделался судьею моего ближнего. Отсюда – укорение не себя, а брата моего, постоянное оговаривание, осуждение, клевета, пересуды. Что я сам плохой, этого я не замечаю, а что брат мой делает дурное, – этого я никогда не пропущу.

Судить других, а не себя исправлять – это наш современный грех, наш недостаток. И такое настроение охватило все слои общества, всех нас. В газетных писаниях, в думских речах, в частных наших отношениях – все одно и то же слышится и проводится – я не таков, как другие. Боже мой, ведь это грех гордого фарисея! Неужели всех нас охватил грех гордыни, себялюбия, превозношения? Да, это так! А между тем, Слово Божие говорит, что человеческая гордость не устоит, ибо Бог гордым противится, смиренным же дает благодать!

Но что я скажу про себя. Я – пастырь, а вы – чада мои духовные. Каждый раз мне в назидание возглашают: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя, и прославят Отца нашего, Иже есть на небесе». Я во всем добром должен подавать вам пример.

Но, о, горе мне! Глубоко я чувствую свое недостоинство, свою виновность пред вами, моими духовными чадами. В ответ на вашу ко мне любовь, которая бывает часто так велика, так безкорыстна, что приводит невольно меня в умиление, я должен был бы, не щадя ни здоровья, ни средств, – всего себя отдавать на служение пастве – я, однако, уклоняюсь от этого и свои собственные интересы ставлю часто выше интересов моих духовных чад.

Простите же меня за это, простим друг друга прощением святым. Аминь.

‡

Поучение в неделю воспоминания Страшного суда

Возлюбленная братия! Мы живем и не помним того, что всех нас ожидает последний страшный суд. Нас захватывает жизнь, мы суетимся, продаем, покупаем, женимся, умираем, забывая свою последнюю цель. Наша безпечность о будущей жизни – отодвигает от нас мысль о Страшном суде. Но находятся и такие умники, которые осмеливаются даже не верить, что этот суд будет и что настанет кончина міра сего. Я верю только тому, что вижу, что мне могут доказать, говорят они.

Но, возлюбленная братия, кто мы по своему званию? Скажете – христиане. А если так, то как же не быть последнему суду, когда он вытекает из всего дела нашего спасения Господом Иисусом Христом?

Земная жизнь для христианина лишь приготовление для жизни будущей, вечной, которую даровал нам наш Спаситель. Земная жизнь для христианина как бы ученическая задача, которую он должен выполнить и за которую должен дать отчет. И все человечество выполняет эту задачу – и вот настанет день и час, когда оно предстанет своему Творцу с ответом – и это будет последний Страшный суд. В Слове Божием говорится, что он будет сопровождаться катастрофой видимого міра. Звезды небесные спадут, земля и все, что на ней, сгорит. А среди людей предварительно пред этим появятся болезни, нестроения, войны, любовь совершенно иссякнет и, наконец, явится определенное лицо – антихрист, как страшный противник Христа.

Находятся люди, которые и этому не верят. Но не значит ли это закрывать глаза на действительность? Уже на наших глазах совершается в міре физическом и в жизни людей все то, что в последние времена приведет мір к погибели. При Страшном суде ожидается всеобщая катастрофа міра. И мы теперь бываем свидетелями частичных ужасных катастроф; от частного же мы умозаключаем и об общем.

Не так давно погиб от землетрясения целый остров Мартиника с 200 000 жителями. Или вот бедствие, бывшее у нас несколько лет тому назад в Москве. Все утром встали благополучно. Солнце взошло обычным порядком. Народ пошел на работу. Дневная жизнь была во всем разгаре. Кто шел пешком, кто ехал, одни работали во дворе, другие на улицах града, как вдруг небо заволокло тучами, поднялся ветер и пронесся страшный ураган, от которого пострадали и жилища, и деревья, и растения, и животные, и люди.

В конце міра среди людей иссякнет любовь и явится антихрист, который будет вербовать себе последователей и их как бы отмечать печатью.

Грозные признаки сего и теперь мы переживаем. Эта ужасная война, эти нестроения среди людей, эти забастовки, когда люди сговариваются прекращать работу, устраивают комитеты, члены которых только и могут иметь привилегии – ведь это напоминает печать антихристову, которая и будет состоять именно в том, что члены антихриста будут отмечать друг друга и только себе угождать, а не-членов – повергать в скорбь, печаль и несчастье.

Все малодушные, конечно, будут спешить заручиться этой печатью и такие отвергнут печать Христову, которая во внешнем своем проявлении есть истовое и частое изображение крестного знамения. Крестное знамение – поистине есть печать Христова. Кто из верных христиан не знает его силы и могущества в отражении всякого зла! И посмотрите, как этого знамения в настоящий век отступления от Христа начинают стыдиться, его избегать. Но знайте, кто дорожит этим знамением, того не коснется печать антихристова.

После всех бедствий, наконец, настанет Страшный суд. Явится Сын Человеческий во славе, и соберутся к Нему все народы, станут они пред лицом Христа, и откроются все дела и помышления человеческие, ничто не будет укрыто от сего суда. Но спросите – как сие возможно, как возможно, чтобы все было открыто? В природе есть такие вещества, такие предметы, которые отображают в себе все, что входит с нами в соприкосновение – например, чувствительные пластинки фотографии, граммофона и т. п. Почти также и душа человеческая отображает в себе все, что человек думает, чувствует, переживает – каждое слово, каждое чувство, каждое малейшее движение сердца – все это запечатлевается – и эта пластинка – душа человеческая все на всеобщем Суде и обнаружит.

Но вы еще спросите, как возможен Суд всех людей, когда иной раз для суда одного человека требуется столько времени, столько разбирательства. Но не забывайте, что Страшный суд будет суд Самого Творца времени и пространства. Как одним мгновением Он сотворил весь мір, так одно мгновение потребуется Творцу и для Всеобщего суда.

Итак, Страшный суд будет, и мы все предстанем пред Господом в ожидании Его определения о нас. Какой тогда будет страх, какой трепет, что изречет о нас тогда Господь! Услышим ли мы Сладчайший Его глас: «Приидите ко Мне благословеннии Отца Моего Небеснаго, наследуйте уготованное вам царствие от сложения міра» *(Мф. 25, 34)?* Или услышим грозный приговор: «Идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» *(Мф. 25, 41)?* И какое счастие будет нам услышать первый глас! И да будет сие со всеми вами!

†

Возлюбленные братие! Задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос, что можно только знать Христа и можно пребывать с Ним в единении, чувствовать Его сердцем, сливаться с Ним в один дух? Когда жил Господь на земле многие Его узнали, весть о Нем разнеслась по всей Палестине и далеко за пределы ее. Даже греческие философы свидетельствовали о Нем, но далеко не многие входили с Ним в духовное единение.

Сначала мы видим только одно святое семейство и родственное Ему семейство св. Иоанна Крестителя, затем 12 апостолов, позднее 70, затем за Ним следуют благочестивые жены, далее Его узнают целые семейства (благочестивого Лазаря). Как было при жизни Спасителя, так происходит и в течение всей последующей христианской истории даже до сего дня.

В настоящее время кто не слышал о Христе! Весь мір Его знает – не только христианский, но магометанский и языческий и, однако, как мало находится из людей, которые не только знали бы Его, но с Ним пребывали, с Ним жили одною жизнью! Но вы скажете, как возможно это, когда Христос не живет среди нас, когда прошло уже около 2000 лет по Его вознесении? Но, братие, временем и местом связаны только мы – несовершенные люди. «Христос же вчера, днесь, той же и во веки!» Это нас друг от друга отделяет время и место, а Христос «везде Сый и всегда Сущий» – всегда с нами, как Он был со св. Апостолами и благочестивыми людьми при Своей земной жизни.

Вчера, скажем, Он был в доме Апостола Петра и исцелил его тещу, огнем жегомую, а сегодня Он придет к нам и исцелит нас от одра болезни. Вчера Он в доме Марфы и Марии благословил их добрую жизнь, а сегодня Он может быть у нас, если мы также проводим семейную жизнь благочестно.

Итак, братие, не только будем знать, помнить о Христе, но и последуем за Ним, как последовали св. Апостолы, войдем с Ним в духовное единение, перенесемся всем своим существом в Святую Землю – Палестину, где жил, учил и пострадал наш Спаситель и не будем отходить от Него ни на шаг, ни на минуту!

Вот Он в начале Своего Божественного служения удаляется в пустыню, там проводит 40 дней и 40 ночей в посте и молитве и там побеждает искушение от диавола. Борьба с грехом предлежит и всякому христианину. Что же, пойдем ли по течению наших греховных склонностей и страстей? Нет, во время этой борьбы поставим себя рядом с нашим Христом, перенесемся в пустыню, где Он был, вооружим себя постом и молитвой и со Христом мы вынесем всякую борьбу, всякую напасть, находящую на нас от міра, плоти и диавола.

Господь выступил с проповедью благовестия. Вот Он на горе «Блаженств», Его окружили слушатели. Взойдем и мы на эту гору и присядем у ног Божественного Учителя, станем слушать св. Евангелие, как бы от Него Самого, и тогда оно пройдет в самую глубину нашего сердца, размягчит его и переродит нас.

Господь явился страждущему человечеству, как Чудотворец, Целитель, Врач и Благодетель. Вот Он насыщает 5000 человек пятью хлебами и 2 рыбами. Возлюбленные братие! Всем нам определено в труде и заботах изыскивать себе насущный кусок хлеба, иной раз не легко поддерживать семейство, добывать себе заработок. Но что мешает тогда присоединиться нам к этим 5000 человекам, стать с ними на равнине насыщения и воспринять от Самого Христа благословенный хлеб, который Он непременно подаст и нам, если мы его, находясь в нужде и заботах, испросим у Господа. Господи! Спаситель наш! Прииди же к нам, да всею душею, всем нашим существом мы восчувствуем, что Ты недалеко от нас, что Ты с нами, близ нас! Запиши нас в число Твоих учеников и да пребудем мы с Тобою неизменно, с нашим Спасителем, Благодетелем и Господом!

‡

Современное положение нашего отечества и, главное, современное настроение нашего общества заставляет нас доискиваться причин – откуда возникло все то дурное, тяжелое, с трудом нами переживаемое, чего свидетелями в настоящее время являемся мы? При всех лучших свойствах русской души нельзя, однако, не отметить и отрицательных, которые при своем развитии и создали ту тяжелую атмосферу, которую мы теперь переживаем.

В обыденной, семейной жизни мы отмечаем характеры, натуры застенчивые, несмелые, слабые, которые не могут постоять за себя, которые всегда уступают другим и через то много сами теряют, не обнаруживая во всей силе своих способностей, талантов. Так и в семье целых народов. Мы – русские, как-то стушевываемся пред иностранцами – вот они и берут над нами верх. Однажды нам пришлось путешествовать по морю на русском пароходе. И что же? Здесь только иностранцы чувствовали себя, как дома, держали себя свободно и развязно, требовали, что им нужно, и только русские пассажиры, особенно простые богомольцы были прижаты и несмелы.

Вторая отрицательная черта нашего характера это то, что мы часто своим родным, исконным не дорожим и даже пренебрегаем, а чужое,

нам несвойственное, хвалим, перенимаем. Отсюда неустойчивый взгляд, отсюда измена своему и излишнее доверие к чужеземному. И эта особенность в иных случаях бывает крайне несносна.

Как носящий священный сан, я укажу в данном случае на область религии. Посмотрите, до какого кощунства, поругания веры доходят наши, отставшие от Церкви русские люди. Вот, например, возьмем отношение их к лицам священного сана. Сколько они допускают насмешек, издевательств и грубых ругательств по адресу духовных лиц! Последним и особенно монахам невозможно стало спокойно ходить по улицам, путешествовать, ездить в вагонах и на пароходах – всегда они могут нарваться на издевательство. Отсюда появилось стремление духовных лиц скрывать себя от міра, а монахи, у которых одеяние должно быть несколько иное, чем белого духовенства – стараются не отличаться от этого последнего.

Нам пришлось быть в Константинополе, Египте, Палестине. В своих костюмах духовного звания мы везде спокойно ходили и ни разу не испытали насмешки, напротив, нам скорее оказывали почтение, привет. И мы поняли, почему это. Восточные люди уважают духовных лиц всех вероисповеданий. Но ты, русский православный христианин, скажешь – пусть духовные лица сумеют заслужить внимание и уважение к себе, но, говоря так, ты всех порицаешь, над всеми произносишь суд, забывая, что среди духовных лиц несомненно есть и люди достойные. Нет, ты не умеешь ценить идеи, не можешь стать выше будничных взглядов и отношений. Восточные люди почему с почтением относятся ко всякому духовному лицу? А потому что они видят в нем служителя Бога, Единого для всех людей, они видят в нем лицо, которое посвятило себя молитве, спасению человеческой души.

Я сказал относительно веры, но то же самое нужно сказать и относительно других исконных начал нашей жизни. Все они нам стали не любы, мы их готовы забыть, продать, уступить другим, забывая, что не основы жизни сами по себе плохи, а мы по своей слабости, упадку нравов и безпечности уклонились от них, и поэтому они нам стали тяжелы. А вот и еще отрицательная черта нашего характера – это большая склонность к порокам, развращению. Были периоды в истории русского народа страшного упадка нравов. Этот период, кажется, наступил и теперь. Страсть к наживе, воровству, хищничество, подкуп, недобросовестность в исполнении обязанностей – все эти пороки сильно развиты в нас. Было на Руси пьянство, но оно как будто с запрещением продажи вина уменьшилось, но вот на смену его стал развиваться разврат, особенно в столицах, который грозит большими бедствиями для всего населения.

Все вышесказанные стороны и создали то тяжелое общественное безотрадное положение, о котором мы так теперь скорбим. Что же, остается нам ждать погибели? Нет, у нас есть еще якорь, держась за который, мы можем всегда выйти из затруднительного положения. Якорь этот – наша Св. Православная вера, а кормчие – все истинно-православные люди.

Русская история свидетельствует, что Православная вера всегда нас спасала. Мы застенчивы, мы слабы, мы уступчивы, но это только до тех пор, пока не трогают, не рушат наше «Святое Святых» – нашу веру. В этом отношении истинно русские люди напоминают пр. Агафона. Однажды братия пришла к этому старцу и стала испытывать его. «Ты, авва, – говорили они ему, – гордец!» – «Да, правду вы говорите – поистине я гордый человек». – «Ты ленивец!» – «И не говорите мне – я не знаю, за что вы меня только кормите». И много еще братия приводила обвинений на старца, и во всех обвинениях он упрекал себя. Но вот братия продолжает: «Ты, авва, еретик!» – «Нет, позвольте, я с этим не соглашусь: я люблю Бога моего, люблю св. Православную веру и не хочу быть еретиком!»

Нашей родиной, по слабости и уступчивости русских людей, не раз овладевали враги, особенно так было в так называемое «лихолетье», когда поляки овладели Москвой, вздумали ввести на Руси католичество. Но они ошиблись. Как только они коснулись веры, тут воспрянул наш русский православный народ и ее мученик Патриарх Ермоген и постоял за Русь Святую, Православную.

Мы легко изменяем своим началам, часто не ценим свое дорогое, родное, но пока у нас крепка вера Православная, до тех пор она будет рождать у нас гигантов духа, рождать истинных сынов отечества, как Иван Сусанин, Минин и Пожарский и другие, которые и сами постоят за родную землю и своих соотечественников объединят, выведут их из спячки, пробудят в них русский дух Патриарха Ермогена...

Мы легко поддаемся порокам, но и опять – та же Св. Православная вера со своей благодатной силой – способна всегда расположить нас к покаянию, исправлению, способна обновлять, возрождать нас, обращать очи наши «во еже не видети суеты», а стремиться к вечности, к Богу, к спасению души.

Итак, перед нами современное общество со своим духовным расслаблением и Св. Православная вера, которую содержит это общество. Что же, нет уже нам спасения, нет надежды на лучшее? Как ни отдалились от Церкви и веры, ни развратились мы, однако, хочется думать, что все это только временно, ибо уж слишком жива и благодатна Православная Церковь. Мы только охладели к вере, сделались безчувст-

венными – но вот Господь пошлет Духа Своего и созиждется лице земли, и обновимся мы нравственно. Да будет же сие, Господи!

‡

Из Слов преподобного Симеона, Нового Богослова

‡

Что такое смиренномудрие? – То, чтобы познавать и сознавать свою человеческую немощь.

‡

Богомудрые отцы сказали: преспеяние души есть преспеяние ее в смирении.

‡

Кто не испытал искушения, тот не может понять и познать скрытой в них сладости и силы для жизни по Богу.

‡

Как смерть тела есть отделение от нее души, так смерть души есть отделение Святаго Духа.

‡

Крест есть знамение содружества человека с Богом.

‡

Печать Христова – осияние Духа Святаго.

‡

Обоженным бывает тот ум, который внутри себя имеет Бога.

‡

Что болезнь в теле, то грех в душе.

‡

Как в мертвом теле распложаются черви, так в душе, лишившейся благодати, будто черви расплодились: зависть, лукавство, ложь, ненависть, вражда, брань.

‡

Добродетель ни что иное есть, как исполнение воли Божией.

‡

Всякой душе богобоязненной великие предлежат подвиги: первый – чтобы получить благодать Св. Духа; второй более тяжелый – чтобы не лишиться сей благодати.

‡

Самовластие наше после грехопадения осталось лишь в том, что оно хранится лишь в нашем желании освободиться от греха.

‡

Как имеем мы чувство телесное, так надобно, чтобы и душа имела чувство духовное и чувствовала бы как болезнь свою, так и здравие.

‡

Кто властвует над пятью чувствами, тот властвует над всей вселенной и над всем, что в ней: ибо у нас все бывает от них и чрез них.

‡

Чтобы понимать читаемое (в Слове Божием) – есть дело благодати Божией. Но то, чтобы удерживать в уме и помнить понятое – есть дело единой благодати Божией.

‡

Много потребно времени и труда более мысленного, чем телесного на то, чтобы сначала научиться молиться как должно, а потом, научившись, продолжать молиться.

‡

Демоны ни за какие грехи не овладевают душой с таким тиранством, как за презорство к Богу. И нет большего греха, как молиться Богу с презорством и небрежением.

‡

Все добродетели хороши, но надобно, чтобы они имели и голову и ноги, подобно телу; и как телу нельзя быть без головы и ног, так и им. Ноги добродетели – смиренномудрие, а голова – любовь.

‡

Всякий человек, рождающийся в мір сей, трем бывает раб страстям: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию.

‡

Чудо неизъяснимое! Текут слезы вещественные из очей вещественных – и омывают душу невещественную от скверн греховных; падают на землю, но низвергают демонов и освобождают душу от невидимых уз греха.

‡

Душа, сподобившаяся стать причастницей Божественной благодати, будучи сама освящена по естественному, впоследствии освящает и все тело свое – отсюда голые и целые мощи святых источают исцеление и врачуют всякие болезни.

‡

Воскресение души есть соединение ее с жизнью, которая есть Христос.

‡

Хорошо веровать во Христа, но надобно веровать и Христу. Надобно веровать во Христа, что Он есть Бог Единосущный Богу Отцу, но надобно веровать и Христу, т. е. всем Его словесам, всему тому, что Он сделал.

‡

По мере гордыни бывает мера нечестия, так и по мере смирения бывает и мера спасения.

‡

Если успеем стяжать целомудрие, то избежим злого дня безсловесного похотения, которое воистину есть самый злой враг действенности Святаго Духа, избежим осквернения души, причиняемого того ради страстными движениями, избежим осуждения совести, нечистоты сердца, презрения и осуждения человеческого и самого отвержения и гнева Божия.

‡

Если услышишь, что кто-либо после явных христианских дел отпал от Христа, знай, что он был в то время без благодати Божией.

‡

Как увидеть Бога, Которого никто нигде не видел. Для этого надобно взыскать умного света Божия, чтобы ум, просветившись им, мог умно узреть и Бога.

‡

Если ты причащаешься Пречистых Таин без того, чтобы ощутить какую-либо благодать в душе своей, то причащаешься только по видимости.

‡

Плачь, являющийся тотчас, как родится человек, показывает, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни.

‡

Через причащение Пречистых Таин такое же имеем мы единение и жизнь со Христом, какое единение и жизнь имеет Он Сам со Отцем.

Ибо как Он Един есть с Богом и Отцем Своим по естеству, так, говорим, и мы едины бываем с Ним по благодати, когда вкушаем плоть Его и пьем кровь Его.

‡

Кто имеет в себе страсти, тот вместе является жилищем духов злобы.

‡

Не всякая добродетель ценна в очах Божиих, а только та, которая растворена и сопутствуется благодатью Духа Святаго.

‡

Творец столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженною свечею. Много ли, думаешь ты, увидишь из всего того безбрежного моря? Конечно малость некую или почти ничего. При всем том он хорошо видит воду ту и знает, что перед ним море, что море то безбрежно и что он не может его все объять взором своим. Так есть дело и в отношении к нашему Богопознанию.

‡

Свет есть Бог, и созерцание Его есть как свет.

Кто долгое время пробудет в плаче, то раздражительность души приходит в совершенную неподвижность – и душа тогда уже совсем не гневается.

Извлек Арсений, епископ Серпуховской.

ГРАФ ТОЛСТОЙ И НАШЕ НЕВЕРИЕ

Трудно понять, как это люди, именующие себя православными христианами, могут почитать и одобрять графа Толстого. Это можно объяснить полным незнанием воззрений Толстого и желанием следовать моде, быть передовыми людьми, неотсталыми, следовательно, одобрять все то, что современно, оригинально, ново, – или же сознательным отношением к его учению. Но в таком случае почитатели Толстого безчестно прикрываются именем православных христиан, ибо они не христиане, а безбожники, как и сам Толстой.

Вот, с одной стороны – наша вера, упование, а с другой – измышление Толстого. Мы, православные, веруем, что есть Бог, Творец всего міра, Бог живой, личное существо, что Он слышит наши нужды, что Он Отец и Промыслитель всех. По Толстому же такого Бога нет. В сущности, говорит Толстой, мы не имеем никакого основания предполагать Бога Творца и никакой нет в этом нужды. Бога Творца нет. Что же Богом называет Толстой (ибо в его сочинениях это слово также нередко употребляется)? Он употребляет слово Бог в своем собственном смысле; у него Бог – природа, вещество со своими силами и законами; вся природа Бог, а так как и я составляю часть природы, то и я часть Бога.

Мы, далее, православные христиане веруем в Святую Троицу; это главный пункт нашей веры. Он же ее отвергает. Я отвергаю, говорит Толстой, непонятную Троицу. Мы, православные, веруем в Сына Божия, Спасителя міра, вочеловечшегося ради нашего спасения, страдавшего и погребенного и в третий день воскресшего. Мы не можем себе представить, как это возможно отвергать Искупителя. По мнению же Толстого, Господь Спаситель не есть Бог, второе Лицо Святой Троицы, воплотившийся Сын Божий, а простой человек. Я отвергаю не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от Девы и искупляющим род человеческий. Слышите ли, православные? Главное наше упование о искуплении нас грешных Христом Спасителем Толстой считает баснею! Далее, для нас православных святое Евангелие есть священнейшая книга, где Духом Святым через

евангелистов записаны глаголы живота вечного. Ни одной йоты мы, православные, не дерзнем в ней изменить, исправить, помня заповедь апостола Павла, который говорит, что все потребное к нашему спасению сказано и записано, и если кто, даже ангел, стал бы иначе проповедовать, чем они, апостолы, да будет тому анафема.

Как же смотрит Толстой на св. Евангелие? Для него оно обыкновенная человеческая книга, которую можно исправлять, и вот он, Толстой, усмотрел в ней много ошибок. Вот что он говорит о своем первом чтении св. Евангелия. «Я находился, – читаем мы у него, – в положении человека, который бы получил мешок грязи». Можно ли дойти до большей дерзости! Какое кощунство! Толстой называет грязью все то, что не пришлось по вкусу ему, Толстому, в св. Евангелии! А это именно учение о Боге личном, Христе Спасителе, Его страдании и воскресении, загробной жизни, будущем суде и мздовоздаянии. Все это Толстой отвергает. Для нас, православных, далее, святые апостолы хотя и были простого звания, но они получили дар Духа Святаго, были носителями Его, были вдохновенными писателями, и все в их писаниях истинно. Толстой же апостолов называет людьми малообразованными и суеверными и осмеливается даже заявлять, что апостолы лгали, когда утверждали, что на них сошли огненные языки и что они видели воскресшего Христа.

Для нас, православных, неизмеримое значение имеют святые таинства и особенно таинство Тела и Крови Христовых. Толстой же над христианскими таинствами глумится и особенно над Святым Причащением. Стоит только прочитать в заграничном издании его роман «Воскресение», чтобы убедиться в ужаснейшем кощунстве неверующего графа. Для нас, православных, большое утешение составляют чудотворные иконы и особенно Божией Матери. Сколько милости Божией изливается через них на нас грешных. Возьмем, например, Иверскую икону Божией Матери. Толстой же все это отвергает и так ужасно выражается о Иверской, что даже нет возможности о сем сказать, а это каждый может узнать из его сочинений, изданных за границей.

Но довольно, – очень уж оскорблено наше христианское чувство неизмеримым кощунством Толстого[89]. Толстой – это в полном смысле безбожник. Но как смотреть на то, что в своих сочинениях он говорит о Боге, Евангелии, правде, любви и других христианских началах? Граф Толстой в этом отношении обольститель. Он воспитался и вырос среди христиан, которые живут указанными евангельскими началами, – как же можно было привлечь Толстому к себе внимание, как не проповедуя о правде и любви, но только правде и любви не истинных, а своеобразных, толстовских.

Уже Сам Христос Спаситель говорил и указывал на то, что не явно, не в своей одежде, будут приходить вредные люди, а прикрываясь ис-

тиною. «Берегитесь, – говорил Господь, – чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят» *(Мф. 24, 4-5)*. Посмотрите, не точное ли это предсказание о Толстом? Не он ли прикрылся словами: Бог, Христос, Евангелие, правда, любовь, не указывая, однако, истинного смысла их, – Толстой прикрылся Евангелием как, по слову Спасителя, волки прикрываются овечьей одеждой, чтобы не испугать сразу стада и не отвратить от себя? Не под именем ли Христовым пришел Толстой, называя себя христианином, объясняя Евангелие, проповедуя будто о Христе, и не прельстил ли он многих?

Сам антихрист, по верованию Церкви, употребит тот же способ обольщения, завлекая сначала христианскими началами, а потом открыто восстанет на Христа. А если так, если через обольщения будут действовать антихристовы слуги, то делается страшно, ибо этот способ весьма тонкий, хитрый и опасный; можно незаметно для себя отдалиться от истины Христовой через обольщение.

Но есть такие пункты нашей веры, держась которых враг нас не одолеет. Эти пункты следующие: 1) вера в Святую Троицу, 2) вера в Спасителя, как в Богочеловека, нашего Искупителя, 3) вера в святые таинства, через которые подается нам благодать Божия, 4) твердое пребывание в ограде Церкви. Держась этих пунктов, никакой слуга антихристов нас не обольстит!

‡

Граф Толстой умер. Болезнь и смерть его произвели необычайный шум в нашем неверующем обществе. Что же это за шум? Толстой слишком был известен и не столько по своим сочинениям, сколько по проповеди, в которой он отверг Христа, как Бога, отверг благодатные таинства, отверг все, что только дорого православному христианину. Толстой был безбожник. Это-то и создало ему почитание в нашем неверующем обществе и вызвало шум при конце его жизни. Это тот шум, создаваемый нечестивцем-богоотступником, о котором говорит Псалмопевец: «и погибе память его с шумом» (*Пс. 9, 7)*. И чем более человек отступает от Бога, тем более может быть сей шум. «И погибе память»... Память о нечестивце погибает, уничтожается на веки, хотя, правда, и «с шумом».

При жизни Толстого много о нем шумели, при болезни и смерти в особенности, но верим: пройдет немного времени и погибнет память о нем, как она погибла уже о многих подобных Толстому неверах и богоотступниках. Но что сказать о нашем обществе, которое создало сей шум? – Оно показало, насколько у нас пала вера, насколько мы удалились от Церкви

Святой. Скажи ты мне: дорог ли тебе Господь, Спаситель, Искупитель от греха, воскресший из мертвых и вознесшийся на небо? Скажи ты мне: дороги ли тебе таинства, в которых ты получаешь благодать, спасающую тебя? Скажи ты мне: дороги ли тебе чудотворные иконы, св. мощи и все святое, чем богата наша Православная Церковь? – Как же ты отнесешься к человеку, который все это ниспроверг, осмеял, поругал? Что-нибудь должно быть одно: или тебе дорога вера, тогда ты противника ее не будешь превозносить; или же ты потерял веру, она стала тебе не мила, – ну, тогда, конечно, ты сдружишься и с богоотступником.

Наше общество воздает необычайное почитание вероотступнику Толстому и этим самым показывает, как оно удалилось от веры и Церкви. Толстой и его почитание – это знамение времени: по этому почитанию мы можем судить, как и при последнем времени христиане легко станут переходить на сторону антихриста. Перед пришествием Христовым явится антихрист, который на свою сторону привлечет неимоверное количество христиан, прельстит, «аще возможно, и избранныя» *(Мф. 24, 14)*. Знаешь это верование Церкви и удивляешься: неужели это будет, неужели почти все оставят Христа Спасителя? А вот вам уже начало этого отступления – почитание Толстого. И какой стыд и позор нам русским, именуемым православными христианами! Мы начинаем устраивать похороны гражданские, служить панихи́ды не христианские, а какие-то языческие, ибо как, например, по Толстому во многих местах служили панихиды? – ставили посредине комнаты на столе его портрет и воздавали ему почести…

О, знамение времени, о, приближение последних христианских времен! Но, однако, как трудно умирать без Бога: богоотступника при конце жизни мучит безпокойство. Это самое случилось, по-видимому, с Толстым. Внезапное исчезновение его незадолго до смерти из дому, стремление к уединению, поездка в Оптину пустынь[90] и в Шамординский женский монастырь к сестре, – что все это значит? Несомненно у Толстого явилось желание отвести, как говорится, душу.

Вот что, например, сделалось известным о пребывании Толстого у своей сестры монахини Марии[91] в Шамордине. «Встреча Толстого с сестрой, – пишет один насельник[92] Оптиной пустыни, – была трогательная: он обнял сестру, поцеловал и на плече рыдал не меньше 5 минут. Потом долго сидели вдвоем, говорили много. Вот его слова: «Сестра! Я был в Оптиной, как там хорошо! С какою радостию я теперь надел бы подрясник и жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но поставил бы условие не принуждать меня молиться; этого я не могу». Сестра отвечала: «Это хорошо, брат, но с тебя взяли бы условие – ничего не проповедовать и не учить». – «Чему учить? Там надо учиться; в каждом встречном насельнике я видел только учителей. Да, сестра, тяжело мне теперь. А у вас – что как не

Эдем? Я и здесь бы затворился в своей хижине и готовился бы к смерти: ведь 80 лет и умирать надо», – сказал граф. Потом, наклонив голову, он задумался до тех пор, пока не напомнили ему, что он уже кончил обед. «Ну, а видел ты наших старцев?» – спросила сестра. – «Нет» – ответил граф. Это слово «нет» было сказано, по словам сестры, таким тоном, который ясно доказывал, что он сознает свою ошибку в жизни. «А почему же?» – спросила сестра. – «Да разве ты думаешь, что они меня примут; ты не забудь, что истинно православные, крестясь, отходят от меня; ты забыла, что я отлучен, что я – тот Толстой, о котором можно... Да что, сестра, – оборвал свою речь граф, – я взад не горюю; завтра же я еду в скит к отцам, только я надеюсь, как ты говоришь, что они меня примут» (Письмо Оптинского монаха Эраста. // «Колокол». № 1389).

Не ясно ли из всего этого, что Толстой перед смертью почувствовал безпокойство и к чему-то стремился, у него начинался в душе какой-то перелом? Но, очевидно, было уже поздно. Господь не принял его, и Толстой умер в разрыве с Церковию. Говорят, что этому, отчасти, причиной были родные и друзья, такие же неверы, каким был и он, которые, боясь, как бы граф и в самом деле не покаялся, поспешили явиться в Оптину пустынь, выхватили его оттуда, повезли его куда-то, но он на дороге умер...

Нам же кажется: Господь не принял уже Толстого, ибо слишком он удалился от Господа... В этом случае исполнилось предсказание Кронштадтского пастыря о. Иоанна, который не раз говорил, когда его спрашивали, может ли Толстой покаяться и соединиться с Церковью: «Нет, ибо он чрезмерно виновен хулою против Духа Святаго, а этот грех не прощается ни в сей век, ни в будущий», – и при этом батюшка о. Иоанн предсказывал Толстому особенную кончину, как в действительности и случилось[93].

Христос Спаситель однажды говорил неверующим иудеям: «различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете» *(Мф. 16, 3)*. То же сказал бы Спаситель и нам. Мы теперь умеем различать и ценить культуру, науку, сочинения, а что Божие – законы нашего духа – мы не понимаем и упускаем из виду. Мы ценим Толстого за его писания, а того, что он богоотступник, предтеча антихристов, мы не хотим понять[94].

‡

Господь сказал: «на камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолеют ей» *(Мф. 16, 1)* и Св. Православная Церковь непоколебимо стоит, всегда стояла и будет стоять по непреложному слову Господа до скончания века. Сколько было нападений на Св. Церковь! То ее думали сдвинуть с истинного пути навязыванием новых догматов (на Западе); то ее стара-

лись лишить богоучрежденной иерархии, таинств, через которые подается верующим благодать Божия (протестанты, наши раскольники); то кознями врага рода человеческого жизнь верующих доходила до крайнего развращения, так что готово было уже со стороны неверующих обвинение, будто бы Церковь не улучшает жизнь людей, и потому не истинна. Но никакие силы ада доселе не подвинули Св. Православной Церкви Христовой. Она продолжает строго содержать апостольское, подтвержденное и закрепленное Вселенскими соборами вероучение; она имеет таинства, в которых преподается богоучрежденной иерархией верующим благодать Божия, без которой невозможно нам спастись; она не перестает выдвигать со стороны своих членов необычайные образцы добродетельной жизни – признак, что Церковь не утратила своей правоспособности воспитывать верующих и доводить их до совершенства.

Свята, соборна и истинна Православная Церковь! Слава же Милосердному Господу, что Он сподобил и нас быть в ее ограде. Кажется нам остается только внимать учению Церкви, пользоваться подаваемою ею благодатию и спасаться. Но нет, много среди нас есть людей маловерующих, осуждающих Св. Церковь, а то и совсем ее оставляющих. Где же причины этому печальному явлению? Причины эти надо искать в нас самих, часто слабых умом и сердцем.

И прежде всего причиной неверия являются наше вольномыслие, невдумчивость, несерьезность. Кто не знает, как многие из нас, не имея основательных познаний в истинах веры, только следуя моде, по своему легкомыслию отрицают религию. Встретится невер, станет судить, глумиться над всем святым, и мы за ним. До этого времени мы довольствовались своею верою, но вот случай – и мы готовы продать ее.

В житии преп. Паисия Великого рассказывается следующее. Один из учеников преподобного отправился однажды из пустыни в город для продажи своих рукоделий. Дорогой случайно с ним встретился еврей и стал ему спутником. Видя простоту инока и вступив с ним в разговор, еврей начал отвергать божественное достоинство Спасителя. Слыша нечестивые слова, инок не только не отвратил слуха своего от них, но даже с любопытством и как бы с доверием внимал злохулению неверного. Вынужденный, наконец, к ответу, инок от неразумия сказал: «Может быть, это и справедливо, что ты говоришь», – так по легкомыслию он отрекся от Христа.

Не то же самое часто бывает с нами? Сколько у нас легкомыслия относительно веры! Стоит хорошему нашему знакомому, другу, важному какому человеку дурно отозваться о вере, и мы, в угоду ему, готовы его поддержать, боясь его обидеть, боясь показать себя отсталыми людьми, тогда как прогневать Бога своею изменою мы не боимся.

О, легкомыслие и неразумие наше! Как оно пагубно и неизвинительно в деле веры. Здесь нужна твердость, стойкость, непоколебимость, ибо вопрос веры – вопрос жизни и смерти, спасения или погибели нашей души.

Пришли однажды к преподобному Агафону искусители и стали ему говорить: «Ты, авва, блудник, гордец, пустослов, клеветник». – «Да, правда, братия, я таков». – «Ты, авва, – продолжали те же искусители, – еретик». – «Нет, подождите, с этим я не соглашусь, я не еретик». Удивились искусители этому ответу Преподобного и спросили: «Почему ты на все прежние вопросы соглашался, а с последним нет и даже, видимо, оскорбился?» – «Потому что первые пороки я признаю за собою, и это признание полезно душе моей, а еретиком я не согласен быть, ибо это значило бы находиться в отлучении от Бога, а отлученным от Него я быть не хочу, напротив, всегда желаю быть с моим Господом и от Него не отступлю». Вот нам пример для подражания. Нас постоянно искушают, кругом нас поводы, мотивы к отречению от Христа, от веры, но мы должны быть стойки, должны быть всегда готовы дать такой ответ соблазнителям: мы дорожим своею верою, мы не позволим глумиться над нею, наша вера свята и истинна!

Далее, второю причиною неверия является порочная, развращенная жизнь. Вера, религия – дело высокое, святое, небесное. Чтобы их понимать нужно иметь для этого условия. Слепой не поймет света, глухой звука, развращенный высоких нравственных истин. «Кое общение свету ко тме», – говорит слово Божие. Как может понять, оценить добро тот, у кого совесть заглушена, кто погружен в бездну страстей – ведь последние застилают духовные очи его. «В злополучную душу, не внидет премудрость». Нужен душевный переворот, нужно просветление, каким может явиться только покаяние, сокрушение, слезы умиления, чтобы духовно прозреть восчувствовать добро. Опыт говорит, что порочная жизнь и неверие находятся в связи. Развилось неверие в обществе – значит низко оно стоит в нравственном отношении; сильная вера – процветает и христианская жизнь.

Вот и теперь мы все жалуемся на упадок нравов, на развращение, – значит слаба у нас вера. И действительно, кто не знает, как у нас теперь осмеивается, попирается, отрицается все святое, все церковное. Люди, обратившиеся на путь покаяния, сознаются, что прежде в греховном своем состоянии они считали непредосудительным, негреховным, это самое, в просвещенном верою сознании их, при свете Евангелия, кажется дурным; чего раньше они не понимали в области нравственных истин, то, после исправления и покаяния, делается для них ясным. На очищении сердца основано и постепенное восхождение на пути высшего духовного ведения, духовного созерцания подвижников.

Наконец, причиною неверия является большое доверие силам разума, гордость ума. Ап. Павел говорит: «Разум кичит». Мы возгордились своими познаниями, своим умом, и готовы все истолковать разумом. Особенно часто впадают в гордость ума люди, от природы одаренные обширными способностями. При исследовании истин христианских они примают за правило советоваться только со своим собственным разумом, признавать истинным только то, что не превышает их понятий. Признавай, говорят они, только то, что внушает тебе здравый рассудок и собственное внутреннее чувство совести. Авторитета Церкви, мнения других людей, даже просиявших в вере и благочестии, они не признают, ибо они слишком горды своею ученостию, своими способностями, чтобы воспринимать что-либо со вне. А между тем забывают они ту истину, что как много значат в деле нашего міросозерцания – склад ума, настроение, воспитание, личные особенности характера. Иной раз не потому я так думаю, что это истинно и иначе думать нельзя, а потому, что моя натура, духовные особенности склоняют меня к тому или другому мышлению, – отсюда возможны собственные измышления.

Часто нам нужен высший авторитет, а в деле веры, если мы желаем быть непогрешимыми, безусловно необходимо братское общение в союзе со св. Церковию. Как важно для выяснения и правильного уразумения истин веры это общение, можно видеть из следующего примера, записанного в отечнике. Один старец провел семьдесят недель в посте, употребляя пищу только однажды в неделю. Он постился, ибо просил у Бога, чтобы открыто было ему лично значение некоторого изречения в Свящ. Писании, но Бог не открывал ему. Видя это, старец сказал сам в себе: «Вот я поднял не малый труд и ничего не успел; пойду лучше к брату моему и спрошу его». Когда он вышел из келлии и запер за собой дверь, послан был к нему от Господа ангел, который сказал ему: «Семьдесят недель, проведенные тобою в посте, не приблизили тебя к Богу, потому что ты горд был своим умом, своею праведностию, теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса и совета к брату своему, я послан к тебе истолковать значение изречения». Не то же ли самое можно применить к нашим неверующим мыслителям? Они, гордые своим умом, не хотят прислушиваться ни к голосу св. Церкви, ни к святоотеческим писаниям, толкуют веру самолично, не сознавая того, что истина часто бывает далеко сокрыта от них Господом. И в этом-то самоличном толковании они доходят до отрицания истин нашей св. веры, доходят до неверия – как граф Толстой и подобные ему гордые мыслители. От них-то и распространилось у нас повсюду неверие.

Но спросите самих неверующих, находят ли они успокоение, удовлетворение в своем неверии, – пусть они скажут нам по совести. Гордость,

конечно, многим воспрепятствует сознаться, открыть состояние своего духа, однако немало есть примеров, когда неверующие, большею частию под влиянием особенных, чрезвычайных обстоятельств жизни, прорывались и обнаруживали все свое душевное состояние. А душевное состояние неверующих бывает самое ужасное, самое тяжелое. Это часто люди мнительные. Потеряв истинную веру, они впадают в массу суеверий. Это часто люди, у которых стоит сломить гордость, и они готовы поступиться тем, что проповедовали. Про одного неверующего нам пришлось читать. Однажды был он неожиданно позван к одру умирающей любимой дочери. Неверующий подошел к смертному одру своей дочери, воспитанной матерью в духе св. Евангелия, и с глубокой горестью взял холодеющую руку своей любимицы. Тогда дочь еще раз приподнялась на своем ложе и сказала: «Отец! я умираю. Скажи же мне в последний раз, как я должна умереть: веруя ли в то, чему учил ты, или чему учила меня моя покойная мать?» Неверующий подумал с минуту и сказал: «Верь в то, чему научила тебя твоя мать».

В 29-м номере Синодальных «Церковных ведомостей» за 1905-й год, в извлечении из «Тульских епархиальных ведомостей», передаются следующие обстоятельства кончины графа Сергия Н[иколаевича] Толстого[95], родного брата Льва Н[иколаевича] Толстого. Будучи неверующим, как и брат, Сергий Н[иколаевич] перед кончиной мучим был страхом смерти. Местный священник увещевал его по-христиански приготовиться к смерти – поисповедаться и причаститься Св. Животворящих Таин Христовых. Граф долго не соглашался, видимо, стыдясь брата. Но вот пришел еще раз священник незадолго до смерти Сергия Н[иколаевича] и снова спрашивает его: «Ну что, граф, решили (причаститься)?» – «Да, батюшка, решил. И знаете ли что? Брат одобрил мое намерение: Что же? очень хорошо сделаешь, – сказал мне Лев». И затем, когда верующая сестра графа Льва Н[иколаевича] благодарила последнего за одобрение умершему брату причаститься, граф Лев Н[иколаевич] при этом разрыдался и поспешил удалиться в другую комнату. Что означают слова графа: «Что же, очень хорошо сделаешь», – и эти его рыдания? Оплакивал ли граф изменника брата, теперь безвозвратно погибшего для него, или, может быть, в тайнике души его заговорило что-то другое? – Быть может, даже блеснуло у него сознание, что он теперь чужой для Церкви, для русских, почувствовал, что в протекшей его жизни с ним произошло нечто особенное, что он что-то потерял, потерял то, чем пользуются для своего утешения другие... близкие даже ему люди.

Несомненно только то, что всякий неверующий в глубине своей души носит много нерешенных вопросов, много сомнений. Были случаи, когда у неверующих вдруг являлась мысль: а что если справедливо то, что гово-

рит Библия, а что если есть ад, вечные мучения, при чем я тогда останусь, и эти вопросы у иных вызывали тяжелое, угнетенное состояние духа. И в самом деле, отвергая Бога, вечную жизнь, они должны наследовать ад со всеми его ужасами! Покойный Митрополит Филарет Московский увещевал неверующих: веря вечному мучению и сообразно с сею верою располагая дела свои, мы ничего не теряем, если бы даже наша вера оказалась тщетною, но смеясь над верою и отвергая ее, мы подвергаем себя опасности наследовать вечное мучение, а каково нам тогда будет?

Да, не позавидуешь положению неверующих! Им готовится в загробной жизни осуждение, да и в сей жизни они уже получают некоторую долю мздовоздаяния, ибо часто их поражает ужасная душевная мука, тревога, убийственное изнеможение духа, недовольство всем окружающим, мучительное оцепение всех душевных сил, страшная предсмертная туга. Один известный неверующий (Вольтер), который при жизни хвалился, что он своими сочинениями, своим умом истребит христианство, на смертном одре испытывал ужасный страх. Он в отчаянии умолял врача продлить хоть немного ему жизнь, ибо он чувствует, что ему предлежит ад.

Да, тяжело неверие и, наоборот, как спасительна вера! Последняя и в сей жизни нас утешает, успокаивает и в будущей готовит нам небесный чертог. Пребудем же, братие, послушными, верующими чадами нашей Святой Соборной Апостольской Православной Церкви. А кто не хочет быть покорным сыном ее, тот выслушай грозное слово Самого Господа, Главы Церкви: «Аще Церковь преслушает брат твой, буди тебе якоже язычник и мытарь»!

Господь поручил Церкви дело нашего спасения и потому всякое самочиние в сем деле ведет прямо к погибели. «Кто Церковь не слушает, тот не есть сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца; кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни».

«Хочешь спастись, – поучает св. Иоанн Златоуст, – пребывай в Церкви и она не выдаст тебя; Церковь есть ограда, если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк; а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же Церкви: нет ничего в міре сильнее ее. Она твоя надежда, в ней твое спасение».

«Как без корабля, – говорит другой св. отец Киприан, – нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благотишного, так нельзя без повиновения учению Православной Церкви достигнуть спасения душевного. Ее возлюби как матерь, ей повинуйся и само Слово Божие бойся толковать по-своему. Ей даны ключи разумения, и она одна непогрешимая истолковательница его. Помни: кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Аминь.

ТРУДЫ
ПО ЛИТУРГИКЕ,
ПАТРОЛОГИИ,
РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ ПРАКТИКА ПРИЧАЩЕНИЯ СВ. ТАИН

По изображению евангелистов Матфея, Марка и Луки, Господь Иисус Христос на Тайной Вечери так сподобил св. апостолов вкусить Своего Тела и Крови:

«Когда они ели (по Матфею и Марку), Иисус взял хлеб, благословил, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое» *(Мф. 26, 26; Мк. 14, 22; Лк. 22, 19).* – «И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нея все» *(Мф. 22 ст.),* или, как повествует св. Лука, – приимите ее (чашу) и разделите между собою (Лк. 17 ст.) и пили от нее все *(Мк. 23 ст.).* Из этого повествования евангелистов открывается, во-первых, что апостолы вкусили Тела и Крови Господа во время трапезы и, можно думать, по окончании еды, так как вслед за причащением последовало благодарение и выход апостолов из горницы *(Мф. 30 ст.; Мк. 26 ст.).* Во-вторых, Господь взял хлеб, а не хлебы, и после благословения и преломления стал Сам раздавать (ἐδίδου – *Мф.*) его ученикам. В-третьих, Господь взял чашу (одну) и после благодарения подал (ἔδωκεν – *Мф. и Мк.*) апостолам и велел ее разделить (διαμερίσατε) – между собою *(Лк.).* Из глагольных форм «ἔδωκε» и «διαμερίσατε» можно заключить, что Господь уже не Сам каждому апостолу давал пить из чаши, как это было сделано с Телом, а вообще передал чашу апостолам и велел им самим разделить ее между собою. В четвертых, наконец, Господь причастил апостолов в горнице, нарочито пред этим приготовленной и убранной *(Мк. 15 ст.; Лк. 12 ст.).*

На основании некоторых указаний книги Деяний и посланий ап. Павла мы удостоверяемся, что и причащение первых христиан весьма походило на причащение апостолов Иисусом Христом. Прежде всего, хлеб евхаристический после благословения преломлялся – отсюда – самое таинство причащения Тела и Крови Господа называлось «преломлением хлеба» *(Деян. 2, 42, 46; 20, 7 и 11; Кор. 10, 17).* Все причащались от одного хлеба и чаши (Кор. 10, 17). Преломляли хлеб по домам в горницах *(Деян. 2, 46; 20, 8).* Наконец, преломление хлеба соединя-

лось с вечерею и причащение происходило после еды *(Кор. 11, 21 и 34)*. Но такое соединение уже во времена св. апостола Павла вызывало много злоупотреблений среди коринфских христиан, за что и обличает их апостол. Самое вкушение пищи пред причащением ап. Павел, однако, не считает явлением необычным, он заботится только о водворении благочиния на вечерях Господних и ради этого благочиния, советует голодным дома подкрепляться пищею, прежде чем идти на преломление хлеба *(Кор. 11, 20-34)*.

Апостольская практика причащения существовала до начала второго века, что подтверждается памятником в «Cappella greca»*; происхождение которого ученый исследователь Вильперт относит к первому десятилетию II столетия. Сюжет этого памятника следующий. Изображается вечеря. Участники вечери числом шесть возлежат за полукруглым столом. На правом конце стола, на каком-то отдельном предмете, восседает мужчина с бородой; он преломляет хлеб. Это, очевидно, предстоятель. Близко к нему стоит чаша, затем две тарелки с 2-мя рыбами и 5-ю хлебами и кроме того, по обеим сторонам, мы видим коробы до края наполненные хлебом: слева 4, справа 5. Что касается этих коробов, тарелок с хлебами и рыбами, то они несомненно указывают на чудо насыщения народа Христом, а в этом чуде вся христианская древность видела образ евхаристической вечери, что подтверждается как письменными свидетельствами, так и самими монументами. Ориген, например, в своем комментарии на евангелие Матфея, чудесное насыщение народа Спасителем ставит в связь с евхаристией[96].

Евхаристию древние христиане называли преломлением хлеба[97] и это потому, что акт преломления останавливал особенное внимание верующих. После мы еще некоторое время встречаем в письменных памятниках указание на преломление хлеба, – например, в творениях св. Иринея, Феофила Александрийского, Кирилла Александрийского, Златоуста, Григория Назианзина и др., а также в древних литургиях – Иакова[98], св. ап. Фаддея[99]. Но, если в первобытную эпоху христианской жизни преломление хлеба имело практический смысл – преломленные части раздавались верующим, то в последующее время преломление служило лишь воспоминанием преломления хлеба, совершенного Спасителем на Тайной Вечери, что так ясно открывается из чина древних литургий, где преломление хлеба различается уже от самого его дробления на части для причащения. Преломление хлеба есть форма причащения, исключительно принадлежащая перво-христианскому времени. Со II века практика причащения начинает осложняться и разнообразиться.

---

* Под «Cappella greca» известна открытая камера в катакомбах св. Прискиллы.

I.
Причащение в храме

Кто преподавал верующим св. Дары?

Не только епископы и пресвитеры, но и диаконы в начале христианской эры могли раздавать причастникам как св. хлеб, так и чашу, Такая практика существовала во времена св. Иустина мученика[100] и нужно думать долго после него. Так, в чине литургии Иакова Иерусалимского мы читаем: «Священник преподает причастие клиру, затем диаконы берут дискосы и чаши для преподавания народу»[101]. 18-е правило I-го Вселенского собора ограничивает право диаконов преподавать евхаристию только тем, что запрещает им причащать пресвитеров, а Лаодикийский собор правилом 25-м не позволяет лишь иподиакону раздавать хлеб или благословлять чашу. Значит, в IV веке, когда был Лаодикийский собор (364 г.), в некоторых местах даже иподиаконы преподавали причастие, не говоря уже о диаконах.

Указание на то, что диаконы вообще раздавали верующим евхаристические Дары, мы встречаем даже в начале VII века у Иоанна Мосха[102]. Но гораздо определеннее с III века выступает такая практика. Епископ или пресвитер раздавал хлеб, а чашу диакон. Так, в постановлениях апостольских повелевается: «Епископ преподает приношение (Тело Христово), диакон же пусть держит чашу и подает ее»[103]. По чинопоследованию эфиопской литургии, священник раздает причастие народу, говоря: «Сей есть хлеб... Диакон же преподает чашу»[104]. Тот же порядок мы встречаем в Галликанской литургии, господствовавшей в Галлии от IV до конца VII в. Мабилльон и за ним Даниель приводят нам чин причащения по этой литургии: «После благословения и причащения, верующие и женщины подходили к алтарю, брали частицу евхаристии от священника, а чаша преподавалась диаконом»[105]. Что чашу для приобщения подносили диаконы, указания относительно этого мы находим у св. отцев – Киприана[106], Иоанна Мосха[107] и у других.

Описанная нами практика, по всей вероятности, была вызвана тем обстоятельством, что Тело и Кровь преподавались верующим в раздельных видах и, вот, предстоятель раздавал св. хлеб, а диакон чашу. Впоследствии, когда причастие стали давать посредством лжицы, роль диаконов ограничивалась лишь тем, что они поддерживали чашу у священника. Так, по литургии св. Григория, просветителя Армении, а эта литургия окончательно сложилась около VII века, священник причащает желающих, диакон же берет с престола покров чаши и, поместив-

шись с левой стороны священника, поддерживает чашу, спустивши конец покрова[108]. Таким образом, со временем право преподавать причастие отошла от диаконов и осталось это право только за епископами и пресвитерами, каковое право всегда и прежде всего им принадлежало. Так, по Дионисию Ареопагиту, иерарх приобщившись сам, преподает богоначальное причастие другим[109]. Тертуллиан пишет: «Таинство евхаристии мы принимаем не иначе, как из руки председательствующих»[110].

По сирской литургии св. ап. Иакова предстоятель раздает евхаристию священникам, диаконам, затем мірянам[111]. Св. Василий Великий и другие отцы говорят о получении евхаристических даров из рук священника[112], тоже и др.

С VIII века, – точнее со времени Трулльского собора (691 г.), право преподавать св. Дары стало исключительно принадлежать епископам и пресвитерам, так что уже названный собор знает только епископов и пресвитеров, преподающих св. причастие, почему и узаконяет, «кто из епископов или пресвитеров требует за преподавание св. причастия денег или чего иного, тот должен быть извержен»[113].

Как древние христиане принимали Тело и Кровь Господа?

Мужчины получали Тело прямо в руки, крестообразно сложенные и обнаженные, т. е. так, как сейчас принимают священнослужители. Женщины же должны были подставлять чистые пелены[114]. Эти пелены носили название «dominicale». Шмидт в своем лексиконе говорит следующее о «dominicale»: это были пелены, в которые причащающиеся женщины полагали жертву (евхаристическую), так как им не было разрешено получать ее голою рукою, что однако позволялось мужам[115]. Но обычай принимать причастие в «dominicale» был, собственно, западный, так как ни у одного из отцев и учителей Церкви Востока мы не находим о нем упоминания[116].

Практика принимать Тело в руки на Востоке существовала, как можно проследить по письменным памятникам, до VIII века. Это явствует из писаний: *Климента* Александрийского[117], *Тертуллиана*[118], *Оригена*[119], *Киприана*[120], *Дионисия* Александрийского[121], *Кирилла* Иерусалимского[122], *Амвросия*[123], *Августина*[124], *Иоанна Златоустого*[125]. *Созомен* в 8-й кн[иге] рассказывает, как одна женщина из последователь-

ниц Македония, по уважению к своему мужу православному, получила в руки от Иоанна Златоустого евхаристическую частицу и как, затем, в руках этой женщины простой хлеб, которым она лукаво заменила полученные св. Дары, обратился в камень. *Бл. Феодорит,* изъясняя слова 27-го ст. XI гл. Коринф.: «повинен будет Телу и Крови», – говорит: (этими словами апостол) «дает разуметь, что как предал Его (Христа) Иуда и поругались над Ним иудеи, так безчестят Его и те, которые всесвятое Тело Его приемлют нечистыми руками и влагают в скверные уста»[126]. В 78-й главе Луга Духовного Иоанна Мосха мы встречаем выражение: «Как с такими руками (разумеется осквернеными преступлением) ты приступаешь к принятию святейших Таин Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа!» Наконец, 101-е правило шестого, так называемого Трулльского собора (691), повелевает приступать к причастию, сложив руки в образ креста и вместо руки ничего не иметь для принятия божественного дара.

Некоторые исследователи еще думают, что Иоанн Дамаскин также разумел практику принятию Тела в руки, когда писал: «Да приступим к нему (таинству евхаристии) со жгучею любовию и, сложив руки в форме креста (буквально крестовидно изобразив руки), примем в себя Тело Распятого»[127]. Но, однако, как понимать выражение Иоанна Дамаскина: крестовидно изобразить руки? Разумеется ли здесь последующая практика скрещивания рук на груди при причащении, или же та практика, о которой ясно говорит Кирилл Иерусалимский: «сделать левую руку престолом для правой»? Скорее можно предполагать, что Иоанн Дамаскин говорит о последующей практике – именно скрещивании рук на груди, так как он не говорит о том, что следует брать Тело скрещенными руками, дабы потом принять Его в себя – внутрь, а просто указывает, в каком положении должны находиться руки при принятии св. Тела в себя, а это положение может быть – скрещение рук на груди.

Можно указать и памятник искусства, говорящий о том, что Тело древние христиане принимали в руки. Мы разумеем Автунскую надпись, найденную в 1839 г. во Франции и относимую ко временам св. Иринея Лионского († 202). Она гласит: «Сын небесной Рыбы! Принимай медовую пищу Спасителя Святых; ешь, пей, имея в руках Рыбу». Чтобы понять смысл этой надписи, нужно знать, о какой здесь рыбе говорится. Рыбой древние христиане обозначали и называли Христа Спасителя. Это хорошо поясняется другой надгробной надписью, принадлежащей Аверкию, епископу Иераполя во Фригии, жившему во время Марка Аврелия (во Фригии). Аверкий написал: «Вера предложила в пищу Рыбу, превеликую, чистую, которую зачала непорочная Дева: эту Рыбу вера предложила в снедь верным, предложивши вино доб-

рое вместе с хлебом»[128]. Если Рыба означает Христа, то выражение Автунской надписи: «ешь, держи в руках Рыбу», можно передать другими словами: ешь, держа в руках Тело Христа Спасителя.

Практика принимать Тело в руки существовала до VIII века. С этого времени на Востоке утверждается обычай причащать мірян Тела и Крови посредством лжицы. Но, несомненно, лжица по местам употреблялась и в древности. Так Софроний († 636), Патриарх Иерусалимский, изъясняет символический смысл лжицы. «Лжица, – говорит он, – напоминает слова аророка Исаии: послан бысть ко мне един от серафимов (Ис. 6, 6), а также знаменуем и Деву»...[129]

Ученый исследователь Пассиод опубликовал очень древний греческий диптих, в котором изображен старец Зосима, приобщающий св. Марию Египетскую († 521) посредством лжицы[130]. Некоторые исследователи введение обычая на Востоке причащать посредством лжицы относят ко времени Ефесского собора на том основании, что неправославные общества, которые отделились от Церкви в эту эпоху, дают причастие лжицею[131]. О лжице мы встречаем, далее, указание в чинопоследовании сирской литургии ап. Иакова[132]. Здесь прямо говорится, что причащение совершается посредством лжицы. Герман († 740), Константинопольский Патриарх, в «Сказании о Церкви и рассмотрении таинств» также изъясняет смысл лжицы и, подобно Софронию, сравнивает ее с клещами серафима[133]. Наконец, Никифор († 818) в Церковной Истории[134] считает, изобретателем лжицы св. Златоуста, с чем, однако, трудно согласиться, так как Иоанн Златоуст в своих беседах не раз говорит о преподании Тела Христова в руки верующим. Во всяком случае, свидетельство Никифора важно для нас в том отношении, что оно нам дает возможность заключать, что в IX веке лжица пользовалась уже правом давности и была, следовательно, общеизвестным церковным предметом.

Из всего же сказанного о лжице можно сделать такой вывод: употребление лжицы древнего происхождения. До VIII века она употреблялась по местам, но VIII век был временем, когда лжица уже вводится во всеобщее употребление, так что с IX века, можно сказать, на Востоке повсюду стали причащать мірян посредством лжицы.

Но если в Греции лжица имела выше указанное употребление и назначение, то на Западе совершенно иное. Здесь, во-первых, лжица употреблялась для того, чтобы черпать из сосуда воду, которую нужно было наливать в потир. Подобное назначение лжицы и доселе существует в Италии, в Испании, в Бельгии, Эльзасе. Другое назначение лжицы на Западе было следующее: ею брали частицы хлеба и клали на дискос, вот почему мы встречаем в разных описях упоминание о лжицах рядом с упоминанием о дискосах[135]. И когда на Востоке причаща-

ли уже мірян посредством лжицы, на Западе продолжали преподавать Тело в руки верующим. О подобном способе причащения свидетельствует Беда Достопочтенный († 735), описывающий смерть инока Цельнона. Чувствуя приближение кончины, Цельнон просил принести ему евхаристию и, когда просьба была исполнена, он принял св. Дары своими руками[136]. Первая эпоха, в которой мы видим уклонение на Западе от порядка получить Тело в руки, – это собор Ровенский, созванный Императором Людовиком Кротким. Этот собор приказал всем священникам не полагать хлеба на руки, а прямо в рот как женщинам, так и мужчинам[137].

Что касается преподания Крови, то в начале приобщающиеся приближали прямо свои губы к краю чаши. Некоторые при этом высказывают мнение, что чаши, изображенные на стенах катакомб, суть памятники тех чаш, в которые диаконы капали несколько Крови для каждого верующего в отдельности. В древних литургиях мы также встречаем указание на много чаш. В литургии ап. и ев. Марка священник молится: «Обрати лице Твое на хлеб сей и на чаши сии»[138]. Быть может, существовала и такая практика. Части освященного Тела и Крови распределяли по многим чашам, по числу причастников, и таким образом, каждому верующему давали отдельную чашу. По крайней мере, некоторый намек на это можно усмотреть в чине литургии Иакова, где мы читаем: «(предстоятель) начинает раздроблять (хлеб) и прежде всего влагать в каждую чашу по частице»[139]. Смотри также литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста[140].

В Риме принимали Кровь из чаши с помощью особого рода трубки из золота или серебра. Кардинал Бона описывает самый ритуал, как происходило подобное причащение в торжественных мессах, заимствуя это из древнего римского правила, определяющего этот папский церемониал. «Взяв Тело, папа садился. Епископ кардинал приносил ему золотую трубку, которою он брал часть вина, оставляя также диакону и иподиакону. Народ приобщался таким же образом после служителей алтаря, как это можно видеть из некоторых правил[141].

Существовал на Западе в некоторых местах еще своего рода обычай, который, быть может, постепенно привел к причащению там под одним видом – это обычай причащать мірян в церкви посредством Тела, напоенного Кровию. Бургард основывает подобную практику на постановлении Турского собора. Но Турский собор говорил лишь о причащении больных. Уже 3-й Бракарский собор (675 г.) 1-м правилом своим запрещал священникам давать хлеб, напоенный вином. Но, несмотря на это запрещение, способ причащения указанным образом на Западе все более и более развивался, так что состоявшийся в 1095 году Клермонский собор должен был снова узаконить, чтобы каждый при-

чащался от алтаря, раздельно приемля Тело и Кровь; приобщение же под видом хлеба, напоенного вином, дозволено было лишь в случаях крайней необходимости, например, в болезни *(правило 28-е)*.

Однако, в последующее время, в XIII и XIV вв. на Западе не прекращался вышеобозначенный обычай причащения мірян, а вместе с тем пролагал себе путь новый обычай – причащать мірян под видом одного хлеба, несмотря на заявления и протест как ученых теологов, так и целых народных масс. В XV в. Константский собор одобрил этот новый обычай, Базельский – подтвердил, и, наконец, Тридентский окончательно узаконил и закрепил, предоставив, впрочем, римскому епископу право делать исключения в виду каких-либо уважительных обстоятельств[142].

Что произносили верующие, получая Тело и Кровь

Обыкновенно, принимая Тело и Кровь, древние христиане говорили «аминь». Намек на это мы находим уже у ап. Павла *(Кор. 14, 16)*. В чинопоследовании литургии постановлений апостольских мы читаем: «Епископ пусть преподает приношение, говоря – Тело Христово... Принимающий должен сказать: Аминь. Диакон же пусть держит чашу и, подавая ее, пусть говорит: Кровь Христова, чаша жизни. Пьющий также должен сказать: Аминь»[143]. О формуле: «аминь» говорят многие отцы и учители Церкви. Блаженный Августин, например, в своем сочинении против Фавста говорит следующее: «Кровь Иисуса Христа вызывает большой крик на земле, когда по получении ее отвечают: аминь, так как это употребляется во всех нациях»[144].

Преподающие причастие также произносили известную формулу

Сначала эта формула была весьма кратка. Преподающий говорил: Тело Христово... Кровь Христова[145]. Со времени Григория Великого стали употреблять такую формулу: «Тело Господа нашего Иисуса Христа да сохранит твою душу». С IX столетия формула выражалась: «Преподается тебе Тело... в отпущение грехов и в жизнь вечную». Во-

обще нужно сказать, что формула менялась и в различных местах была не одна и та же. Немало влияния в этом отношении имели частные обстоятельства и догматические взгляды. Новациан, например, преподавая Тело, говорил: «Клянись мне Телом и Кровию Господа нашего Иисуса Христа, что ты никогда меня не оставишь и не обратишься к Корнелию»[146].

На Западе, когда там еще не входило в употребление причащение под одним видом, а преподавалось Тело, напоенное Кровию, существовала следующая формула: «Corpus Domini nostri Iesu Christi sanguine suo intinctuni conservit animam tuam in vitam aeternam. Amen» («Тело Господа нашего Иисуса Христа, напоенное Его Кровию, да сохранит твою душу в жизнь вечную»)[147].

Причащение детей

Дети никогда в древноей Церкви не лишались причастия. В книге о церковной иерархии Дионисия Ареопагита[148] говорится, что дети также спободлялись после св. крещения св. причастия, на что некоторые смотрели с сомнением. По чинопоследованию литургии постановлений апостольских они приобщались прежде народа вслед за девственницами и вдовицами[149].

Что младенцы после крещения допускались к св. причащению, об этом говорит св. Киприан. В своей книге о падших он повествует об одной девочке, которая без ведома матери была кормилицей накормлена идоложертвенным. Когда, затем, мать принесла к Божественной службе свою маленькую дочь, последняя стала метаться, а когда диакон подал чашу и насильно ей влил в уста, девочка извергла принятую евхаристию[150].

О причащении детей мы находим также свидетельства у бл. Августина, Василия Киликийского, Евагрия, папы Инокентия I-го, Григория Великого, Геннадия Массалийского и др. отцев Церкви. Евагрий[151], между прочим, повествует о существовавшем в Константинополе обычае остатками св. Даров приобщать детей. «Издревле в Константинополе, – пишет он, – есть обычай останками от пречистого Тела Христа нашего Бога приобщать детей, ходящих в училище грамматиков, которые оттуда и приглашаются к причащению». И далее Евагрий повествует об одном мальчике иудее, который ходил в школу и, возвращаясь оттуда, вместе с другими мальчиками заходил в церковь причащаться. Отец еврей, узнавши об этом, бросил сына в раскаленную печь, но отрок остался невредим.

Почти такой же обычай причащения детей существовал во Франции, как это можно заключить из 6-го правила 2-го собора Масанского (585 г.). По этому правилу повелевалось по средам и пятницам приводить в церковь детей после предварительного их пощения и здесь давать им остатки св. хлеба, пропитанного вином. Этот обычай продолжал существовать на Западе до Карла Великого, так как 3-й Турский собор, собранный Карлом в 813 году, правилом 19-м постановил с особенною осторожностью относиться к подобному раздаянию евхаристии[152].

В церкви дети обыкновенно становились впереди пред святилищем (алтарем) и, так как некоторые священники имели обыкновение громко произносить молитвы св. возношения, то дети могли их постоянно слышать и легко заучивать наизусть. Этим хорошо объясняется то обстоятельство, что дети в играх нередко совершали литургию по установленному церковному чину. Иоанн Мосх в «Луге Духовном» повествует, как однажды мальчики-пастушки в поле совершали литургию и как после слов св. возношения, произнесенных над хлебом, ниспал с неба огонь и попалил вещество[153].

Обычай причащать детей никогда не прекращался на Востоке. Не так обстояло дело на Западе. К концу VIII века обычай приобщать младенцев здесь стал ослабляться, на что обратил внимание 3-й Турский собор (813 г.), который восстановил во всей силе древний обычай причащения детей[154]. Причащение детей после этого продолжало существовать в Церкви Римской в IX в.[155] и вплоть до XII в.[156]

С какими чувствами и в каком положении древние христиане приступали к св. причащению

Древние христиане принимали св. Дары с благоговением и осторожностью. Тертуллиан говорит: «Мы заботливо бережемся, как бы из чаши или хлеба нашего не обронить чего-нибудь наземь»[157]. О такой же осторожности говорит Ориген[158]. В постановлениях апостольских повелевается: «Когда будет вознесена жертва, тогда каждый разряд один за другим пусть причащается Тела Господня и драгоценной Крови, в порядке, с почтением и благоговением приступая к Телу Царя»[159].

Более подробно о внешнем поведении при приняти Св. Даров говорит св. Кирилл Иерусалимский в 5-м тайноводственном поучении. «Приступая к принятию евхаристии, – пишет он, – подходи не с протянутыми кистями рук и не с разведенными пальцами, но сделав левую

руку престолом для правой, как имеющий принять Царя, – и согнувши ладонь, прими Тело Христово. И так, с опасением, освятив очи твои прикосновением Святого Тела, причастися, остерегаясь, чтобы не обронить от него чего-нибудь... Затем подходи к чаше Крови, не поднимая вверх рук, но сложив их, как бы с видом поклона, почтительно говоря: аминь. Когда влага еще чувствуется на устах твоих коснись ее руками и освяти ею глаза, чело и прочие чувства».

После того, как перестали давать Тело в руки, верующие стали подходить за получением причастия, скрестивши руки на груди. Во французском издании литургии св. Григория, просветителя Армении мы читаем: «Верующие приближаются (к принятию св. Даров), скрестивши руки на груди, делая несколько земных поклонов»[160]. Такая практика продолжает существовать у нас на Руси и доселе.

Что касается вообще положения тела во время причастия, то древние христиане принимали св. Дары или стоя[161], или наклонившись[162], или, наконец, падая ниц[163].

Оттон Глюнийский свидетельствует еще, что древние для того, чтобы показать большее уважение к евхаристии, приближались к ней с босыми ногами. Но это был обычай исключительный; он употреблялся лишь в некоторых монастырях.

Папы в торжественных мессах причащались сидя. По словам Боны, этот обычай причащения папы утверждался на одном древнем римском правиле, которое Бона сам читал[164].

В каком месте храма древние христиане причащались и когда произошло отделение причащения священнослужителей от мірян

Определенным местом в церковном здании, где совершалась евхаристия был, вначале стол, позднее украшенный (престол). По свидетельству Евсевия[165], вначале весь народ без исключения, как мужчины, так и женщины, могли получать причастие при престоле. Это открывается также из послания Дионисия Александрийского к епископу Василиду *(прав. 21),* где мы читаем: «Я почитаю излишним вопрос о женах, находящихся в течении крови, должно ли им в этом состоянии входить в дом Божий; потому что, если они верны и благоговейны, то, я думаю, они в таком положении не могут дерзнуть *приступить к святой тра-*

пезе или прикоснуться к Телу и Крови Христовой». Тот же Дионисий († 264) в письме к Сиксту, епископу Римскому, повествуя о некоем человеке, принявшем крещение от еретиков, говорит, что он не решился другой раз крестить этого человека, так как он долгое время находился в общении с Церковию, вместе с другими приступал к трапезе, простирал руки для принятия св. пищи и приобщался Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа[166].

Практика причащать мірян у престола нужно думать существовала на Востоке до IV века, т. е. до того времени, пока алтарь не стали отделять от церкви. Евсевий, епископ Кесарии Палестинской[167] первый говорит о преградах в описании построенного в Тире епископом Павлином храма и эти преграды Евсевий именует деревянными сетями. С этого времени на Востоке постепенно утвердился обычай отделять алтарь от среднего храма. А вместе с устройством алтарей последовало правило о невхождении туда мірян для причащения. Правило 19-е Лаодикийского собора 364 г. Исключение в этом отношении было сделано лишь для Императора. Впоследствии Трулльский собор подтвердил эту привилегию Царской особы *(69 пр.)*.

Что касается Западной церкви, то здесь мы можем проследить следующую практику. Тогда как на Востоке стали отделять перегородкою алтарь от храма, на Западе престол и клироса начали устраивать довольно высоко и мірянами посещать эту часть храма запрещалось. Так было во времена св. Амвросия († 397)[168]. С этого-то возвышенного места и подавалось причастие верующим. Бл. Иероним († 419), в беседе против Люцифериан, говорит: «Епископ евхаристию с возвышенного места преподает людям»[169].

Ко времени Толедского собора (663 г.) в Испанской церкви у престола причащались исключительно священники и диаконы. Низшие клирики причащались во внутренностях хора, а народ вне хора *(пр. 17)*.

В Римской церкви* все верующие причащались на своих местах. Предстоятель раздавал им хлеб, а диакон вино и, таким образом, во время причащения не было никакого шума в собраниях.

В некоторых местах Запада верующие подходили получать св. Дары к решетке, которая отделяла алтарь от остальной части церкви. На это, нам кажется, указывают следующие слова бл. Августина: «Те, которые чувствуют, что я знаю их грехи, пусть не подходят для того, чтобы не быть изгнанными от решетки»[170].

Совершенно иной обычай относительно места причащения утвердился у галлов. Именно второй Турский собор (567 г.), запретивший

---

* Разумеем Церковь г. Рима.

народу причащаться на клиросе певчих, открыл мірянам и даже женщинам, по древнему обычаю, святая святых, т. е. алтарь для молитвы и причащения[171]. Этот самый обычай ясно выступает у Григория Турского в его 10-й книге истории Франции, когда он приводит рассказ об отлучении Котэном, епископом Овернским некоего Евлалия. Григорий Турский повествует: «Когда Евлалий приблизился к престолу, епископ ему сказал: молва обвиняет тебя в отцеубийстве. Я о нем не знаю и потому предоставляю суд над тобою Богу и св. Иулианию»[172].

Что касается священнослужителей, то они всегда причащались у престола и при этом прежде мірян. В книге о Церковной Иерархии Дионисия Ареопагита мы читаем: «Причащение (священника) предваряет преподание (даров другим), а принятие таинств (им самим) совершается прежде таинственного разделения (народу); потому что таков вселенский чин и порядок, чтобы прежде священноначальствующий приобщился и преисполнился (даров), а потом уже преподает другим». О таком же порядке причащения мы узнаем из чинопоследования литургии постановлений апостольских и из чина всех древних литургий.

Но вопрос, когда священнослужители стали особенным образом причащаться, сравнительно с мірянами? Почти во всех древних литургиях, а эти литургии образовались до VIII века, мы не можем заметить разницы между способом причащения священнослужителей и мірян[173]. Только в литургии св. Григория, просветителя Армении говорится: священник причащается отдельно Тела и Крови, а для мірян выносится чаша[174]. Отсюда, таким образом, можно сделать предположение, что до VIII века, т. е. до тех времен, пока міряне не стали получать причастие посредством лжицы – совместно Тела и Крови, способ с тою только разницею, что священнослужители причащались у престола, а мірянам, после устройства алтарей, причастие выносилось. Мы сказали до VIII века. Это подтверждается следующими словами Германа, Патриарха Константинопольского: «А что священник причащается сначала одного божественного Хлеба и потом уже приобщается и божественной Крови, – этим выражается то, что божественный Агнец после божественного и живоносного жрения и мысленного жертвоприношения, которое иерей совершил таинственно в предложении, еще проникнут Кровию»[175]. Из этих слов Германа († 740) видно, что способ раздельного причащения Тела и Крови являлся в его время как бы привилегией и особенностью причащения священников и что были, следовательно, лица, которые не таким способом причащались, а совместно Тела и Крови, – и это, конечно, – простые верующие.

В подтверждение того, что поначалу древние христиане причащались у престола и притом в раздельных видах Тела и Крови Господней, можно указать на следующие памятники искусства:

На кладбище св. Марцеллины и Петра де-Росси открыл усыпальницу, в которой изображена вечеря с особенной, таинственной обстановкой. Изображен стол продолговатой формы, покрытый скатерью, на котором положено три хлеба и три чашки. Пред столом сидит женщина в простой тунике и короне. Правою своею рукою она делает жест приглашения, а левою прикасается к краю подноса, указывая этим на питье в чашах. У каждого края стола стоит служитель. Первый служитель дает куб приближающемуся человеку, имеющему на плечах короткую одежду и посох в руках – два признака путешественника. Другой служитель своей рукой также призывает человека, совершенно похожего по одежде и телодвижениям на первого. Образ описанной вечери взят из 9-й гл. книги Премудрости Соломона: «Премудрость созда себе дом», в коих словах христианская древность усматривала предъизображение евхаристической вечери. Премудрость (женщина в короне) – это воплощенное Слово. Служители – суть священнослужители. Хлеб и вино – чудесная евхаристия под обоими видами. Наконец, – приглашаемые, которые на рисунке изображены как путешествующие по стезям этой земной жизни[176]. В этом памятнике, таким образом, выступают главные черты древней практики причащения, а именно – причащение происходит у престола и в раздельных видах.

А что священнослужащие всегда причащались в раздельных видах об этом свидетельствуют многие памятники искусства. Укажем на следующие: миниатюра Россанского кодекса VI в. По ту и другую сторону престола мы видим Иисуса Христа. С одной стороны Он подает шести подходящим к нему ученикам хлеб, с другой – чашу. Двукратное изображение Спасителя часто встречается в памятниках как византийских, так и русских, например, в парижском греческом четвероевангелии (XI в.), в Киево-Михайловском монастыре, в Спасо-Мирожском соборе в Пскове, в Успенском Владимирском соборе (XII в.). Апостолы подходят не группами, но один за другим. В их наклонном положении отражается древний обычай подходить к св. чаше в согбенном положении, с наклонением, сложив руки точно так, как слагают их православные христиане для благословения. Заметим при этом, что если художник думал в миниатюре Россанского кодекса изобразить образ причащения священнослужителей, то значит в его время (в VI в.) епископ сам преподавал служащим как хлеб, так и чашу. За получением св. Даров подходили один за другим и при этом с одной стороны престола получали Тело, а с другой – Кровь[177].

Укажем еще на миниатюру псалтири Лобкова (IX в.). Здесь Иисус Христос стоит под киворием престола. В левой руке Он держит св. Хлеб, а правой подает частицу апостолу, стоящему в группе наклонен-

ных апостолов. Направо, другая группа апостолов в таком же положении, при этом передний держит в руках чашу и пьет из нее. Подобное изображение мы находим во многих других псалтирях и лицевых изображениях евангелий. В рассматриваемом нами памятнике-миниатюре Лобкова выступает другая практика причащения священнослужителей, если действительно художник думал ее здесь в точности представить – именно, хлеб святый преподавался предстоятелем (епископом), а чашу каждый брал в руки и причащался, – иначе говоря, – чаша передавалась от одного к другому для причащения[178].

Как часто древние христиане причащались?

Господь установил таинство евхаристии, главный пункт которого был – причащение Тела и Крови, и велел св. апостолам, а в лице их всем верующим всегда совершать это таинство в Его воспоминание и вместе с тем всегда вкушать Его Тела и Крови. На первых порах так и было. Все сподобившиеся крещения не только допускались к причащению, но и обязаны были приступать к нему под опасением духовного наказания. Так в апостольских правилах *(пр. 10)* говорится: «Верные, не пребывающие во святом общении, должны быть отлучаемы, как вводящие безпорядок в церкви». Тертуллиан пишет: «Многие думают, что во дни стояний не следует ходить к обедне, потому что стояние (пост) будто бы уже должно быть прекращено с принятием Тела Господня... Но ты приими Тело Господне и прибереги Его до времени: тогда у тебя и то и другое исправно (будет): и участвовал в жертвоприношении и служебный долг исполнил»[179]. Из этих слов Тертуллиана ясно следует, что в его время присутствовавшие при совершении евхаристии каждый раз получали причастие.

Св. Киприан, объясняя слова: «хлеб наш насущный даждь нам днесь», – под хлебом разумеет прежде всего хлеб евхаристический. «И мы просим, – говорит он, – чтобы этот хлеб был подаваем нам ежедневно, – молясь, таким образом, чтобы нам, сущим во Христе и ежедневно принимающим евхаристию в пищу спасения, не совершить какого-либо тяжкого греха, за который мы должны бы были подвергнуться отлучению и лишению приобщения сего небесного хлеба и чрез то отделиться от Тела Христова»[180].

Св. Иоанн Златоуст говорит: кто не приобщается, присутствуя на литургии, тот этим самым обнаруживает свою принадлежность к разряду кающихся, ибо не причащающиеся – суть кающиеся[181]. И как по-

званный на пир безчестит пригласившего, если сядет за трапезу и не приобщится ее, так и присутствующий на литургии безчестит божественную трапезу, удаляясь от нее[182]. Ясно, что и во времена св. Златоуста всякий верующий, присутствуя на литургии, мог всякий раз приступать к причащению.

О ежедневном причащении говорят: бл. Августин[183], Иероним[184], св. Амвросий. Последний пишет: «Принимай всякий день (евхаристический хлеб), который всякий день тебя пользует. Так живи, чтобы всегда ты был достоин его принимать»[185]. Св. Василий Великий говорит: «Приобщаться каждый день и воспринимать Тело святое и Кровь Христову добро есть и полезно»[186]. Нил Синайский († 450) дает такой совет: «Воздерживайся от всякого растления и каждый день причащайся таинственной вечери; таким образом тело наше сделается телом Христовым»[187]. Из всех правил, запрещающих причащаться кающимся, также можно заключить, что все прочие верные в древнее время приступали к причащению[188]. Что касается, в частности, совершителей таинства евхаристии, – то они при совершении приношения должны были причащаться непременно под страхом отлучения от общения церковного. И только представившие благословную причину непричащения – извинялись[189].

Однако, нужно сказать, ежедневное причащение на практике существовало не долго. С IV века и даже ранее этого оно стало лишь идеалом христианской жизни. Уже у Иустина Философа мы читаем, что особенным днем, когда все верующие собирались для причащения, – был день воскресный или, как называет его св. Иустин, «день солнца»[190]. Еженедельное причащение в воскресные дни сделалось потом обычаем, имевшим место в продолжение многих последующих веков. Самый день воскресный назывался днем хлеба, ибо в сей день, изъясняет св. Иоанн Златоуст, во всем христианском міре был преломляем хлеб[191]. Из «Луга Духовного» Иоанна Моска († 622) можно усмотреть, что и в его время был еще в силе обычай причащаться в воскресные дни[192].

Кроме воскресного дня, временем, когда христиане все старались принять Св. Дары, – были дни памяти святых мучеников и день Пятидесятницы[193]. В Каппадокийской Церкви при Василии Великом христиане причащались 4 раза в неделю: в день воскресный, среду, пяток и субботу[194]. А из правила 49-го Лаодикийского собора видно, что верующие во время поста каждую неделю дважды приобщались св. Таин, во всякое же другое время чаще. Временем, когда древние христиане по преимуществу духовно наслаждались святыми Таинами, была также седмица Воскресения Христова. Во всю эту седмицу, как это можно

видеть из 66-го правила Шестого Собора, верующию каждодневно причащались.

Но и этого частого причащения, нужно думать, придерживались опять-таки не все христиане, а лишь лучшая часть их. По крайней мере, св. Иоанн Златоуст[195] и св. Амвросий[196] обличают тех, которые однажды в год причащались. К таинству евхаристии, впрочем говорит Златоуст, можно приступать недостойно, хотя бы и однажды в год. Чистота совести должна делать для нас время благоприятным к тому, чтобы приступать к св. Трапезе. Из этих слов Иоанна Златоуста можно заключить, что уже в его время христиане уклонялись от причастия под предлогом недостоинства.

Вопрос о достойном и недостойном принятии св. Таин выступил на первых же порах христианской эры. Св. ап. Павел писал: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет от чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. От того многие из вас немощны и больны и не мало умирает» *(Кор. 11, 28-30)*. Из этого наставления апостола, по всей вероятности, постепенно развилась в сознании верующих мысль, что не во всяком состоянии нравственном можно приступать к божественной трапезе – грех есть препятствие к этому.

Уже сама Церковь рано стала предоставлять право самим христианам испытывать свое достоинство и годность для причащения. Так, Климент Александрийский в «Строматах» *(кн. 1, гл. 1)* говорит: «Некоторые предлагают каждому брать частицу евхаристии, ибо каждому лучший судья его совесть – приступить ли к евхаристии или же уклониться». Или вот, например, правило: «Имевший нечистое сновидение, да испытывает свою совесть и, если искушение от сатаны, должен причаститься»[197].

С другой стороны, при развитии жизни Церкви и церковной дисциплины, появились церковные правила, запрещающие верующим в тех или других случаях приступать к причащению. За различные грехи полагались различные сроки отлучения от причащения – 2, 3, 6, 7, 10 и более лет[198]. Только умирающих никогда не лишали св. причастия, хотя бы они были величайшие грешники[199]. Клирики, согрешившие грехом смертным, низводились с своей степени, но не лишались причастия св. Таин[200]. Женам, находившимся в очищении, запрещалось причащаться[201]. Двоеженцы отлучались от св. причащения на один или два года[202]. Вышедшие замуж без согласия отца или господина отлучались на 3 года от причащения[203]. Вдовица 60-летняя, если бы захотела выйти замуж, должна была лишаться св. причастия, доколе не оставляла страстной нечистоты[204]. Верные, одержимые бесом, ежели не наруша-

ли тайны и не хулили, могли причащаться по временам[205]. Муж и жена, преспавшие ночью, по утру не должны были причащаться[206]. Готовящийся к причащению и нечаянно проглотивший воду мог причаститься[207]. Кто не ходил в Церковь три недели, тот лишался св. причастия[208].

Когда принимали древние христиане св. Дары: прежде пищи или после нее?

Относительно апостольского времени с несомненностью нужно сказать, что св. Дары принимались не натощак, как это можно заключить из речи ап. Павла к Коринфским христианам (*Кор. 11, 20-34).* Но уже со II века идут свидетельства другого рода. Так Тертуллиан, имея в виду причащение на дому, говорит к жене (*кн. 2):* «Не узнает ли супруг, что ты тайно прежде всякой пищи вкушаешь?» У св. Златоуста в беседе 27-й на 1 Кор. мы читаем: «Ты постишься пред причащением, дабы всячески быть оного достойным». Св. Киприан[209], Василий Великий[210], св. Григорий Назианзин[211] и другие отцы представляют эту практику, как результат традиции, сохраняемой везде. А блаженный Августин даже видит благодать Св. Духа в этом общем единении Церквей: «Угодно было Св. Духу, – пишет бл. Августин, – почтить великое таинство (евхаристии), чтобы Тело Господне входило в рот христианина прежде всякой пищи»[212].

Однако были и исключения из этого общего порядка. Так, например, из истории Сократа мы узнаем, что египтяне, соседи Александрии, жители Фиваиды собирались в субботу и вместо того, чтобы принимать св. Таины натощак, как другие христиане это делали, они приобщались только вечером, поевши. Но это был обычай, исключительно принадлежавший названным народам[213]. Кроме того, в некоторых Церквах было еще убеждение, что должно, по крайней мере в Великий Четверг, вечерять прежде причащения. Такой обычай нужно думать существовал в Африке, потому что Карфагенский собор (397 г.) правилом 43-м, запрещая вообще причащаться после еды, делает из этого правила исключение для Великого Четверга.

Вместе с установившейся практикой принимать св. Дары прежде принятия пищи, появились и церковные правила, касающиеся священнослужителей, дабы и они совершали Литургию не ядшими[214]. Но опять-таки в тех местах, где в Великий Четверг причащались после вечери, и священнослужители могли совершать в этот день Литургию по-

евши[215]. Рядом с этим, некоторые священники и епископы, основываясь, по всей вероятности, на обычае Великого Четверга, позволили себе служить Литургию после принятия пищи, когда им нужно было совершать похороны вечером. На такую своеобразную практику обратил внимание тот же Карфагенский собор и своими правилами 8-м и 58-м признал ее незаконною: «Аще память будет некиих в вечернее время скончавшихся епископов или прочих, то да совершится она молитвами токмо, когда совершающие оную окажутся обедавшими»[216].

Кроме Африканской Церкви, практика причащения после еды в Великий Четверг существовала еще в Галлии и, что замечательно – так это то, что здесь указанная практика долго подтверждалась и узаконялась соборами. Так 2-й собор в Массоне *(пр. 6-е – 585 г.),* запрещая во всякое другое время священнослужителям принимать св. Таины после еды под угрозою отлучения, исключил Великий Четверг. Собор Оксерский (578 г.), не позволяя священникам, диаконам и иподиаконам даже присутствовать на Литургии в той церкви, где совершалась Литургия после еды, опять делает исключение для Великого Четверга. Впоследствии обычай приобщаться в Великий Четверг после пищи был единодушно и совершенно уничтожен. Мы имеем постановление Шестого Вселенского собора, по которому отменялась вышеуказанная практика причащения. Значит, до этого собора причащение в Великий Четверг не натощак в некоторых местах продолжало существовать. Постановление 6-го Собора, на которое мы указали, читается так: «Правило отец Карфагенского собора повелевает, дабы священнодействие алтаря (разумеется Божественная литургия) совершалась не иначе, разве людьми не ядшими, кроме единого в году дня, в который вечеря Господня совершается. Св. отцы оные, *может быть по некоторым местным причинам,* полезным для Церкви, учинили такое распоряжение. А понеже нас ничто не побуждает оставити благоговейную строгость: то, последуя апостольским и отеческим преданиям, определяем, яко не подобает в четвородесятницу, в четверток последние седмицы разрешати пощение и тем всю четвородесятницу безчествовати»[217].

Для евхаристии употреблялся квасный хлеб, а не опресноки

Это прежде всего можно усмотреть из того обстоятельства, что Спаситель совершил первую евхаристию прежде иудейской пасхи, до наступления которой употреблялся обыкновенный хлеб. Св. еванге-

лист Иоанн повествует, что прежде праздника пасхи... вечери бывшей *(Ин. 13, 1-2)* и на другой день иудеи, ведшие Иисуса утром от Каиафы к Пилату не вошли в преторию, чтобы не осквернриться, но чтобы можно было есть пасху (*Ин. 17, 28).* Евангелист Марк обозначает время страданий и смерти Спасителя пятницей, то есть днем пред субботой (*Мк. 15, 42).* Господь Спаситель не нарушал ни на йоту закона еврейского, а потому и на Тайной Вечере не употреблял опресноков, так как не пришло для этого время. Тайная вечеря, правда, как повествует ев. Матфей, тоже была пасхой, но пасхой Новозаветной, на которой было предложено и новое вещество для пасхи, обыкновенный – квасный хлеб и вино, тогда как в Ветхозаветной употреблялись опресноки с горькими травами.

Новозаветная Пасха – это было новое установление. Здесь было предложено в снедь апостолам, а затем и всем верующим во Христа истинное Тело и истинная Кровь Его под видом обыкновенного хлеба и вина. Что на Тайной Вечере был употреблен обыкновенный хлеб, это видно и из наименования евангелистами сего хлеба ἄρτος (хлеб поднявшийся, вскисший), а не ἄζυμον (собственно хлеб пресный). И в книге Деяний Апостольских хлеб евхаристический также называется ἄρτος, значит и в первенствующей христианской Церкви для евхаристии употреблялся обыкновенный квасный хлеб.

Есть еще одно замечание в книге Деяния, которым опровергается возможность употребления на евхаристии в начале христианской эры опресноков – именно в XX главе повествуется о том, что апостолы вместе со своими учениками в Троаде преломляли хлеб (ἄρτος), т. е. совершали евхаристию, и это было спустя семь дней после дней опресночных, иначе по прошествии времени, когда по закону еврейскому полагалось вкушать опресноки. По оставшимся памятникам искусства мы также можем заключать, что для евхаристии употреблялись обыкновенные хлебы вскисшие, о чем говорит их форма – это хлебы круглые с поднявшимся тестом, а не плоские в виде лепешки опресноки. Смотрите, например, изображение совершения евхаристии в «Cappella greca» – камеры в катакомбах св. Прискиллы.

Вся христианская древность в насыщении Спасителем пятью хлебами 5000 народа видела также прообраз новозаветной евхаристии, а это насыщение опять было обыкновенными хлебами, а не опресноками. В период Вселенских соборов мы видим для евхаристии тоже употребление простого квасного хлеба (ἄρτος), каковым он всегда именуется и не встречается нигде упоминания об опресноках. И если, далее, за этот период мы не встречаем запрещения квасного хлеба, то, наоборот, против употребления опресноков встречается возражение. Так св. Епифа-

ний, свидетельствуя об еретиках евионитах, говорит, между прочим, о той их особенности, что они допускают в евхаристии опресноки и этим, таким образом, показывает, что евиониты допускают нечто необычное при совершении евхаристии в Церкви – и именно опресноки.

Итак, на Востоке всегда употреблялся квасный хлеб для евхаристии. Не так обстояло дело на Западе. Там по местам уже в довольно раннюю эпоху стали употреблять для евхаристии опресноки: в некоторых испанских церквах в VII в.[218], в английских VIII в., в германских IX в. Много содействовал укорению этого обычая на Западе папа Лев IX (в XI в.). Однако долго еще после него не было на Западе определенного на это узаконения. Например, Флорентийский собор, бывший в XV в., еще продолжает считать безразличным – совершается ли евхаристия на пресном или квасном хлебе. И только после Тридентского собора обычай совершать евхаристию на опресноках окончательно утвердился на Западе.

II.
Причащение вне храма

1) Св. Дары на первых порах посылались на дом всем тем христианам, которые не присутствовали в собрании. Так св. Иустин мученик свидетельствует: после приобщения всех верующих в собрании, диаконы относят причастие тем, которые не были[219]. Позднее стали посылать св. Дары, главным образом заключенным в темницах, исповедникам и больным. Таковы свидетельства об этом отцев – Киприана[220], Златоуста[221] и постановления соборов – Никейского (*пр. 13)* и Карфагенского *(пр. 76, 77, 78)*. И если в храме причастие преподавали только священнослужители, то, с другой стороны, миссию доставлять Св. Дары на дом верующим исполняли иногда низшие клирики и даже простые міряне. Так, известен рассказ о свещеносце Тарсиусе, который был замучен язычниками за то, что не хотел отдать Тело Спасителя, Которое нес[222]. А что Св. Дары пересылались на дом верующим в случае нужды через простых верующих, это видно из рассказа о причащении старца Серапиона. Серапион, отлученный от причащения, при кончине своей, просил внука позвать местного пресвитера. Пресвитер отказался идти по болезни, но дал мальчику маленькую частицу евхари-

стии, приказал ее по приходе домой размочить и положить в уста старцу[223].

2) Более того, самим верующим, присутствующим на Литургии, позволялось брать Св. Дары в домы и там ежедневно причащаться. На этот обычай указывает Тертуллиан[224], Киприан[225], Григорий Назианзин[226], Кирилл Александрийский[227], Иероним[228]. Общую же мысль всех этих свидетельств выражает Василий Великий в письме 81-м к Кесарии. «А что ни мало не опасно, – читаем мы здесь, – если кто во время гонений, за отсутствием священника или служащего, бывает в необходимости принимать причастие собственною своею рукою, излишним было это и доказывать; потому что долговременный обычай удовлетворяет в этом самим делом. Ибо все монахи, живущие в пустынях, где нет иерея, храня причастие в доме, сами себя приобщают. А в Александрии и Египте и каждый крещенный мірянин по большей части имеет причастие и у себя в доме и сам собою приобщается, когда хочет. Ибо, когда иерей единожды совершил и преподал Жертву, принявший его как всецелую, причащаясь ежедневно, справедливо должен веровать, что принимает и причащается от самого преподавшего. Ибо и в церкви иерей преподает часть, и приемлющий с полным правом держит ее, и таким образом собственною своею рукою подносит к устам. Потому одну имеет силу, приемлет ли кто от иерея одну часть, или вдруг многие части[229]. В житии св. Луки пустынника описывается самый церемониал домашнего причащения. Он состоял в следующем. Если в доме была молельня, то сосуд, содержащий в себе ерхаристию, клали на алтаре, если же не было молельни – на простом, но чистом столе. Далее развертывали чистый плат и клали св. частицы. После этого курили ладаном, пели символ, делали три земных поклона в знак благоговения и, наконец, брали св. Тело Иисуса Христа[230]. Но не всегда возможен был такой порядок. Часто верующие жили в одних домах с язычниками – женщины нередко имели язычников–мужей или наоборот. Тогда домашнее причащение совершалось в глубокой тайне без всяких внешних церемоний. Тертуллиан, например, преподает такой совет жене, у которой муж язычник: «Чтобы твой муж не знал того, что ты вкушаешь тайно раньше всякой пищи»[231]. В домах св. евхаристию хранили в особых сосудах, ценность которых была различна по состоянию верующих. Св. Киприан первый говорит о домашних дарохранительницах; он называет их «arca» – ковчег[232]. Этот св. Отец рассказывает историю одной женщины, которая желала открыть нечистыми руками свой ковчег, где находилось Тело Господне, но была удержана вышедшим из нее пламенем[233]. Как долго существовал обычай брать на дом св. Дары для причащения, мы не можем с точностью указать. Во вся-

ком случае он имел место в VI веке, ибо мы видим пустынника Зосиму причащающим преподобную Марию Египетскую (†521) – и даже в VII веке, о чем узнаем из «Луга Духовного» Иоанна Мосха (†622)[234].

3) Св. Дары, далее, верующие, нередко, брали с собою в путешествия. Об этом говорит св. Амвросий[235] и Григорий Великий[236]. При этом бывали случаи, когда путешественники имели евхаристические элементы под обоими видами[237].

4) Св. Дарами даже обменивались верующие в знак приветствия. В этом отношении особенно был распространен обычай такого рода: епископы в праздник Пасхи посылали св. Дары подчиненным обществам, дабы засвидетельствовать единение с ними. И хотя собор Лаодикийский (368) 14-м правилом запрещал подобную практику – словами: «В праздник Пасхи не должно посылать св. Таины в иные приходы для благословения» (*пр. 14),* однако из «Луга Духовного» Иоанна Мосха мы узнаем, что указанная практика существовала и в его время[238].

5) Еще оригинальнее был обычай преподавать в некоторых местах причастие умершим. Точно неизвестно, нужно ли понимать это в том смысле, что хлеб и вино действительно давались и вливались в уста умершим, или же только священные элементы евхаристии полагались во гроб. Можно принять первое, если обратить внимание на характер выражений соборных определений, запрещающих подобную практику[239]. «Никто телам умерших евхаристии да не преподает: Ибо писано есть: приимите, ядите. Но тела мертвых ни приимати, ни ясти не могут»[240]. Но, несомненно, был и другого рода обычай – полагать Св. Дары в особых ящичках с мертвыми во гробе. Blackmore в своих христианских древностях свидетельствует, что в епископской церкви в Зальцбурге было откопано несколько гробов, в которых возле мертвых тел найдены были еще элементы евхаристии[241].

Хранение св. Даров

Уже в глубокой христианской древности после каждой Литургии некоторая часть св. хлеба и вина отлагалась и сохранялась в церкви. Так, в постановлениях апостольских говорится: «После приобщения всех мужей и жен, диакона возмут остатки и отнесут в дарохранительницу»[242]. Собор Никейский в 64-м правиле предписывает иметь попечение о тех местах, где хранятся св. Дары. Св. Иоанн Златоуст, жалуясь Иннокентию на возмущение, происшедшее в его церкви, говорит, что воины ворвались в то место, где хранились св. Дары[243].

О сосудах, в которых хранились евхаристические элементы, мы можем составить себе понятие по одной коробке в форме маленького круга с голубем наверху, изображенном в одной молельне над саркофагом в Ватиканском кладбище[244]. Василий же Великий сохранял св. Дары в золотом изображении голубя, висевшем над престолом, как свидетельствует об этом Амфилогий[245].

Кроме церкви св. Дары могли сохраняться в домах простых верующих[246] и в келлиях иноков. Так, Палладий в жизнеописании св. Златоуста рассказывает, что Феофил Александрийский велел поджечь келлии Нитрийских пустынников и с жилищами их истребил хранившиеся там книги и св. евхаристию[247]. Наконец, св. Дары держали у себя на дому священники. Это можно заключить из рассказа о причащении старца Серапиона (см. выше). Священнослужители даже носили с собою евхаристические элементы и при первой же необходимости предлагали их христианам. Так в 36-й главе «Луга Духовного» Иоанн Мосх рассказывает, что Патриарх Антиохийский Ефрем обратил в Православие одного стольника, последователя Севера, вслед за этим причастил его Дарами, которые имел при себе.

Носили причастие обыкновенно привешанным к шеям шнурком, называемым св. Амвросием «oraria» или в сосудах из золота, серебра и глины. Следующие слова бл. Иеронима[248]: «Нет богаче того, кто носит Тело Господне в ивовой коробке и Его Кровь в стеклянном сосуде», – показывают, что иногда для несения Тела Господа пользовались маленькими ивовыми коробками и склянками для несения драгоценной Крови. И, быть может, носили с собою евхаристические элементы не только священнослужители, но и простые верующие. Иллюстрацией к словам бл. Иеронима могут служить найденные в Риме, в усыпальнице св. Калиста – изображения плетеных корзин с хлебами наверху; в середине этих корзин видны стеклянные сосуды с жидкостью красноватого цвета *(Бердников)*.

Нам остается сказать, как долго могли сохраняться св. Дары? В 79-й главе «Луга Духовного» Иоанн Мосх рассказывает следующее: один слуга антиохийского купца, державшегося ереси Севера, по обычаю страны получил в церкви в св. Четверток св. Дары. Завернув в чистое полотно, слуга положил их в свой шкаф. После Пасхи купцу понадобилось по торговым делам послать слугу в Константинополь. Тот отправился, позабыв про спрятанные в шкаф св. Дары. Между тем наступал новый великий Четверток, а слуги не было. Тогда хозяин, зная о существовании св. Даров слуги, решился пред указанным днем предать их огню. Но когда хозяин отворил шкаф, то увидал, что св. Дары произрастили стебли и колос. Из этого рассказа Иоанна Мосха можно заклю-

чить, что, во-первых, в его время еще существовал обычай причащаться на дому, во-вторых, верующие запасались св. Дарами в Великий Четверг и, в-третьих, наконец, что св. Дары могли храниться в продолжение года – от одного Великого Четверга до другого, и никак не долее этого.

‡

Мы изобразили древнехристианскую практику причащения Св. Таин в храме и вне храма. Эта практика, соответственно духовным нуждам древних христиан, варьировалась, но всегда в ней оставалось незыблемым, так сказать догматным, – это преподавание верующим св. Даров Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина.

Насколько древне-христианская практика причащения Св. Таин согласна с настоящею, – об этом каждый может судить сам. Но как бы ни разнилась современная практика от древнехристианской, – эта разница не касается самого существа таинства причащения, которое всегда и ныне является причащением всех верующих истинных Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина.

[7] Свете тихий. т.2

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ

Вступление

Свое исследование о преп. Макарии Египетском мы разделяем на три отдела. Первый отдел – жизнеописание преп. Макария. Второй – изложение в системе міросозерцания Макария по беседам и словам. Третье – разбор бесед его.

При составлении жизнеописания мы обратили особенное внимание на выяснение внутреннего міра, внутреннего настроения Преподобного, которое так или иначе отразилось и в его беседах. Анализ бесед, далее, старались представить полный. Можно немало встретить русских сочинений, где говорится об учении Макария. Но полного изложения всего міросозерцания его у нас нет.

Некоторое исключение в этом отношении представляет исследование Катанского «Учение о благодати Божией в творениях древних св. Отцев и учителей Церкви до бл. Августина». Здесь мы находим довольно подробное раскрытие вопроса о благодати по учению преп. Макария, но только о благодати. Между тем как у нашего отца есть и другие пункты учения. Правда, благодать – это центр, около которого вращается все міросозерцание его, но помимо действия благодати, он не мало говорит и о самодеятельности человека. Такая неполнота анализа бесед нашего отца объясняется тем, что каждый исследователь выделял из бесед его только то, что его интересовало. Один говорит о благодати по учению преп. Макария (Катанский), другой о воскресении тел и будущей жизни (Кратиров), третий о совести (Попов) и т. д.

Своею же задачею мы поставили в одном целом, в строгом порядке и определенной схеме представить все міросозерцание преп. Макария. При такой задаче для нас была дорога каждая страница, каждая строка его бесед. Мы боялись что-либо пропустить, ибо нам казалось, что в таком случае мы теряем драгоценные жемчужины...

Наконец, что касается III отдела, то здесь мы особое внимание старались обратить на разбор бесед преп. Макария с гомилетической точки зрения; эта сторона вопроса в русской духовной литературе почти не выясняется.

Преп. Макарию приписываются следующие творения:

1) 50 бесед и 7 слов.

2) Два послания. Оба послания впервые изданы Флоссом в 1850 году. Первое послание отыскано на латинском языке. Оно надписывается так: Incipit epistola sancti Macarii ad Filios Dei[249]. Это то послание, говорит прот Бронзов, о котором упоминает Геннадий Марсельский и затем Исаак Сирин[250]. Оно признается исследователями за подлинное. В русском переводе его нет. Второе послание надписывается: Τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Μακαρίου ἐπιστολὴ μεγάλη καὶ πάνυ ὠφέλιμος («Того же св. Макария послание великое и весьма полезное»)[251]. Это послание переведено на русский язык и помещено в издании творений преп. Макария за 1852 и 1880-й годы после бесед. Подлинность его также признается исследователями[252].

3) S. Serapionis, Macarii, Paphnutii et alterius Macarii regula ad monachos (Св. Серапиона, Макария, Пафнутия и другого Макария правила для монахов)[253]. Этот памятник имеет 16 глав, переведен на русский язык и напечатан в книге епископа Феофана «Древние иноческие уставы», стр. 194-200, издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1892 год. Правила преп. Макария Египетского, по мнению исследователей, излагаются в V-VIII главах. Памятник этот признается подлинным[254].

4) Различные изречения преп. Макария, собранные в апофегмах (apophegmata). В русском переводе апофегмы находятся в «Достопамятных сказаниях», «Древнем патерике, изложенном по главам», «Лавсаике», в «Новооткрытых сказаниях о преподобном Макарии Великом по коптскому сборнику» арх. Палладия, в «Христианском чтении» за 1821 год во 2-й ч[асти], стр. 60-83. У Миня собраны все апофегмы на стр. 250-263 34-го тома греческой серии

5) Macarii cuisdam abbatis visionis de sanctis angelis (Макария некоего аввы видения о святых ангелах)[255]. Памятник этот также приписывается преп. Макарию Египетскому, но заглавие «некоего аввы» делает его сомнительным. Макарий Египетский пользовался известностью, а потому странно было бы называть Макария некоторым аввою[256]. В русском переводе рассматриваемого памятника нет.

6) В славянских прологах преп. Макарию приписываются: 1) Поучение блаженного Макария (Пролог. Январь. 19-е число); 2) Слово Великого Макария (Пролог. Апрель. 14-е число). Тот и другой памятник напечатаны в книге проф. А. И. Пономарева «Памятники древнерусской церковно-учительской литературы». Выпуск 4-й. «Славяно-русский Пролог. Часть

вторая. Январь-апрель». СПб. 1898 год. Поучение представляет нечто новое, но подлинность его не установлена. Что же касается Слова, то оно составлено по 4-му Слову – о терпении и рассуждении – именно 18-й главы и первой части 19-й.

7) Наконец, именем Макария Великого надписываются следующие молитвы. *Утренние:* **«Боже, очисти мя грешнаго». «От сна восстав, полунощную песнь приношу Ти, Спасе». «К Тебе, Владыко Человеколюбче, от сна востав прибегаю». «Господи, иже многою Твоею благостию». «Святый Ангеле, предстояй окаянней моей души и страстней моей жизни».** *Вечерние:* **«Боже вечный и Царю всякаго создания». «Что Ти принесу, или что Ти воздам, великодаровитый безсмертный Царю».** Подлинность всех этих молитв не установлена. Только первая молитва **«Боже, очисти мя грешнаго»** в древних кодексах[257] и славянских рукописных памятниках надписывается или вообще именем св. Макария, или более точно Макария Великого[258]. У Миня напечатаны две молитвы: **«Боже, очисти мя грешнаго»** и **«Святый Ангеле, предстояй окаянней моей души»,** при этом последняя – как сомнительная, напечатана мелким шрифтом[259].

I.
Светоч Православной Церкви Христовой преподобный Макарий Египетский

Преподобный Макарий Египетский происходил от благочестивых, богобоязненных и довольно зажиточных родителей. Отец его был священником[260]. Уже родители Преподобного находились под особым водительством Промысла Божия[261]. Так, они были бездетны до старости. Это было сильным испытанием их веры. Другим не меньшим испытанием для них была потеря всего имущества, по происку злых людей[262]. Последнее обстоятельство, между прочим, заставило родителей Макария покинуть родину и переселиться в Пижижвир[263]. Здесь клирики просили Макариева отца причислиться к служителям местной церкви, но он не решался священнодействовать в чужой епархии, в силу канонических правил, и занялся земледелием.

В Пижижвире и родился Макарий. Об его рождении так повествуется: «Жена родила красивого и исполненого всякой прелести сына»[264]. Это было между 294–300 г. по Р. Хр. С раннего возраста Макарий стал обнаруживать добрые качества своего характера. Он любил подавать милостыню и

трудиться. Обычным занятием его было то же, что и отца – земледелие и, в частности, уход за скотом.

Передается в источниках еще одно обстоятельство из отроческой жизни преп. Макария, которое осталось потом в памяти у Преподобного на всю жизнь[265]. Однажды сверстники его пошли в чужой сад воровать смоквы. На возвратном пути юные воры торопились и по дороге уронили одну смокву. Макарий заметил ее, поднял ворованный плод и съел. Тяжелым камнем легло на чуткое сердце Преподобного это детское преступление. Он в продолжение всей своей жизни часто о нем вспоминал и каждый раз при этом плакал.

Доброе поведение юного Макария не могли не заметить однослеьчане. Они полюбили его. А местные клирики готовы были взять Макария к себе. Они однажды явились с ним к своему епископу и просили поставить добродетельного юношу Макария чтецом к их церкви. Епископ исполнил просьбу клириков. Макарий был назначен чтецом. Это было, однако, сделано помимо родителей Макария, так что когда они узнали о случившемся – смутились. Впрочем, благодаря религиозной настроенности, они скоро примирились с новым положением своего сына, усмотрев в совершившемся событии Промысл Божий[266].

Когда Макарий совершенно возмужал, родители и клирики просили его вступить в брак. Неизвестно, чем руководились в данном случае родители, клирики же желали его оставить у себя диаконом. Но преп. Макарий был далек от мысли когда-либо проводить семейную жизнь. Его сердце горело любовию к Богу, его ум жил постоянным памятованием о Творце міра. Высшим наслаждением для него было читать божественные книги и вдумываться в их содержание. Настроения Макария не хотели понять родители. Они имели свои планы, свои расчеты на сына. Хорошо понимал это преп. Макарий и не осмеливался резко противодействовать родителям. Он уступил просьбам их, согласился с одной девицею на брак, который и был заключен по установлению и обычаям того времени и места.

Благодать Божия, однако, хранила своего избранника, шла навстречу святым желаниям его. Она помогла Макарию и в браке сохранить девственность и чистоту. Макарий не прикоснулся к жене[267]... После женитьбы он был избран во диакона. С трудом переносил он жизнь среди мірской суеты. Сердце его продолжало стремиться к уединенной созерцательной жизни.

Недалеко от того места, где жил Макарий, находились залежи натра. Здесь был город Нитрия и гора Натрон. Сюда окрестные жители часто ходили добывать натр. И так как в горах обитали разбойники, то, обыкновенно, жители подымались в горы тогда, когда собиралось их довольно значительное число. Такая экспедиция однажды поднялась и с места роди-

ны преп. Макария. С нею отправился и Макарий[268]. Караван благополучно достиг подошвы Нитрийской скалы и остановился отдыхать. Все путники заснули. Заснул и преп. Макарий. Но не спокоен был его сон. Ему во сне казалось, что над ним стоит какой-то человек в блестящей одежде и приглашает его посмотреть на окружающую местность.

Макарий исполнил желание дивного собеседника – посмотрел, но ничего не видел пред собою, кроме долины (воды) с прилегающей к ней горою. Тогда собеседник объявил, что вся земля, которую охватывает око Макария, будет принадлежать ему, – что он здесь поселится и будет рождать духовных чад, над которыми почиет благословение Божие. «А теперь, – так закончил свою речь чудный муж, – отправляйся домой и размышляй о том, что здесь услышал: в последнее время я снова явлюсь тебе и если ты достигнешь совершенства, Господь будет беседовать с тобою уста к устом».

Сильное впечатление произвело на Макария это видение. Он переменился в лице, стал задумчив и на расспросы товарищей, что с ним случилось, не давал никакого ответа.

Через три дня Макарий оставил Нитрийскую гору и возвратился домой в Пижижвир. Дома его ожидало новое событие. Он застал свою супругу в сильной лихорадке. Болезнь приняла неблагоприятный исход и разрешилась смертию. Все это сильно отразилось на душевном настроении Макария. Теперь он начал еще ревностнее служить в церкви Божией, ко всем обнаруживал необыкновенную любовь и ласковость, а к родителям к тому же еще полную сыновнюю покорность. Он перестал посещать своих молодых сверстников и искал сообществ с седыми старцами. Обыкновенным же делом его стала – молитва, посещение больных и раздача милостыни.

Все увидели, что на молодом Макарии почила благодать Божия. Кажется не было ни одного человека, который бы мог отозваться с дурной стороны о нем. Все любили его и уподобляли ангелу. Видя его настроение, родители предоставили ему свободу в жизни. Макарий все же остался поддерживать своих родителей до конца их жизни. Отец его был уже дряхл, ничего не видел, и больше лежал на постели. Макарий не отходил от больного отца. Он ухаживал за ним, помогал ему и часто брал у него родительсткое благословение. А когда отец умер, то Макарий с честию похоронил его. По смерти отца, Макарий стал понемногу приготовляться к жизни в пустыне, – раздавать нищим свою собственность. Но старуха мать его, боясь, что сын останется нищим, не одобряла его щедрости. И здесь Макарий оказался послушным сыном. Он до времени скрыл свое намерение в сердце и продолжал утешать свою мать в ее последних днях земного существования.

Наконец, Макарий схоронил и свою мать. Свято храня память о своих родителях, Преподобный, однажды, в праздничный день позвал к себе нищих, хромых, больных – для раздачи им милостыни за упокой родителей. В числе приглашенных оказался один подвижник – анахорет. Последний жил в уединенной келлии вдали от селения и время от времени приходил в приходскую церковь для принятия Св. Таин. Пришлось быть старцу в церкви и в тот день, когда Макарий устраивал поминальную трапезу по родителям. Когда после церковной службы Макарий звал присутствующих в церкви нищих к себе в дом, он заметил анахорета и убедительно стал просить его зайти к нему разделить общую трапезу. Анахорет прозорливым оком усмотрел доброту души Макария и зашел к нему в дом.

Знакомство с этим отшельником и имело решающее значение в жизни Макария. Когда все насытились и стали расходиться, Макарий немного поудержал анахорета, припал к его ногам и со слезами просил дозволить ему прийти для беседы в его пустынную келлию. – Отшельник дал на это согласие. Макарий на другой же день поутру явился к старцу. В беседе с последним Макарий высказал свое заветное желание всецело посвятить себя на служение Богу в тиши и уединении от міра. Как же удивлялся св. отшельник благодатному настроению Макария, однако сразу же не решился дать ему совет. Он ожидал откровения свыше.

Целый день св. старец и юный Макарий провели в беседе и молитве, пока вечер не разлучил их. И вот ночью, когда Макарий спал, старец увидал около гостя целый сонм монахов и при этом как бы некий голос призывал его. Теперь отшельник понял, что Господь зовет его гостя к Себе.

На утро он посоветовал Макарию делать то, к чему влечет его сердце, а отпуская, дал ему наставление: не уходить сразу в пустыню, а поселиться сначала в келлии вблизи какого-нибудь селения. Так начинали монашескую жизнь, говорил анахорет, все великие подвижники: Павел Фивейский, Пахомий и др.

Преп. Макарий поступил согласно указаниям старца. Явившись домой, он роздал свое имущество бедным, покинул родину и поселился в одной уединенной келлии вблизи селения. Скоро о добродетелях Макария узнали жители этого места и так как у них не было священника, то они стали просить его быть у них пастырем. Макарий отказался. Тогда жители секретно переговорили со своим епископом. Последний якобы по делу вызвал к себе Макария и рукоположил его во священнический сан. Это случилось, замечается в житии нашего отца, не без Промысла Божия, дабы Преподобный впоследствии, находясь в пустыни, не имел нужды в услугах постороннего священника[269]. Макарию в это время было 30 лет.

В сане священника он приобрел себе еще большую известность. К нему теперь шли за советами и назиданием отовсюду. Слава Макария росла. Но, как известно, избранники Божии не могут обойтись без испытаний, огорчений, искушений и скорбей. В селении, близ которого подвизался Макарий, жила одна девица. С нею был знаком юноша, ее родственник. Молодые люди часто виделись, сошлись и не прочь были сочетаться законным браком, но встречалось препятствие со стороны родителей невесты, которые отказывали жениху вследствие его бедности. Это, однако, не помешало молодым людям по-прежнему часто видаться. И вот однажды в праздник, упившись вином, они потеряли свое девство. Девица оказалась скоро беременной. Преступным любодеям со стороны родителей угрожало строгое наказание. Желая оправдаться, молодые люди придумали сложить вину на живущего за селением священника – анахорета, соображая, что жители не станут долго расследовать дело, а сразу покончат с пришельцем-пустынником.

Когда родители заметили беременность дочери и стали спрашивать ее о виновнике, девица согласно принятому решению указала на Макария. От такого заявления родители пришли в сильное раздражение. Они собрали большую толпу односельчан, подошли с шумом к келлии мнимого виновника преступления, вытащили его наружу и стали наносить ему удары. Макарий недоумевал, за что его так немилосердно бьют. Но этого было мало. Рассвирепевшая толпа повела его в селение, повесила на его шею горшок с золою, толкала Преподобного с разных сторон и кричала: «Так его, так его! Потому что он растлил молодую девицу». Били его все.

Один только человек не принимал в этом участия. Он шел позади и со скорбию смотрел на совершающееся. Это был один благочестивый старец, который, из уважения к преп. Макарию, прислуживал ему в келлии и потому хорошо знал доброе, безукоризненное поведение его. От побоев Макарий был близок к смерти. И вот только тогда некотоые «верные» возвысили голос и потребовали расследовать дело. Эти люди стали громко заявлять, что знают отшельника за честного человека; они успели высвободить Макария от уз, разбили повешанные на него позорные горшки и взяли его под свое покровительство.

Родители девицы, однако, не успокоились. Они вынудили Макария дать им подписку в том, что он будет содержать их дочь и ее будущее дитя. Макарий согласился. Поручился за нашего отца и вышеназванный благоговейный старец. После столь великого безчестия, побоев и огорчений преп. Макарий, наконец, был отпущен в свою келлию. Теперь ему предлежала забота содержать не только себя, но и свою мнимую жену.

И Преподобный ревностно принялся за работу, при этом он часто сам себе говорил: «Макарий, вот ты нашел себе жену; отныне тебе

нужно трудиться день и ночь, чтобы прокормить себя, ее и дитя». И Преподобный трудился... Он в избытке изготовлял корзины и заработанные деньги отсылал девице. За такое терпеливое, безропотное перенесение столь великой обиды, правосудный Бог скоро дивно прославил Своего избранника.

Наступило время родить девице и она стала испытывать невероятные муки, так что по временам казалась мертвой. Страдания ее продолжались в течение четырех дней. Тогда, наконец, мать спросила у дочери, не виновата ли она в чем-нибудь, что так сильно мучится? И только тут девица раскаялась. Она созналась, что не Макарий сделал ее беременною, а тот молодой человек, с которым она так часто видалась. После этого, несчастная женщина, наконец, родила.

Прислуживающий Макарию старец поспешил с радостию объявить ему о случившемся. Все селение готово было подняться и принести повинную святому отшельнику. Но Макарий постарался избежать славы людской. Он вскоре оставил свою келлию и переселился на жительство в более пустынное место, в «Скит»[270]. Описанное событие таким образом подвинуло преп. Макария еще на один шаг по пути его шествия в уединенную пустыню для созерцательной жизни. Во всем этом он руководился, однако, указанием Божиим.

В житии его рассказывается следующее. После перенесенных огорчений преп. Макарий однажды совершал церковную службу. Он стоял у жертвенника и молился, как вдруг его облистал необыкновенный свет, от которого Макарий упал на землю. Вслед за этим послышался голос: «Востани, Макарий: я херувим, являвшийся тебе и раньше. В настоящий раз я послан дать тебе наставление и указать новое местожительство для тебя. По попущению Божию ты претерпел искушения, чтобы сделаться совершенным. Будет время, когда тебя станут искушать целые полки невидимых сил, искушения эти будут тяжки и многоразличны, но Божественная сила укрепит тебя и украсит терпением. Теперь ты оканчивай Божественную службу, причащайся Тела и Крови Христовой, которые да утвердят тебя в Божественной любви, и переходи на другое местожительство. Я буду твоим спутником и руководителем, при отыскании нового жилища».

Получив утешение и одобрение от херувима, преп. Макарий немедленно оставил свою келлию, и отправился по направлению к Нитрийской пустыни. Уходя, он ничего не взял с собою, кроме нужных одежд.

Несколько дней провел Макарий в обозрении Нитрии. Чистый *источник,* на который наткнулся наш отец, наконец, заставил его остановиться, выдолбить в соседней скале пещеру и поселиться. О святой жизни Макария скоро узнали окрестные селения. Его снова ожидала слава. Но Мака-

рий бегал ее, а потому и на этот раз покинул свою келлию, ища еще более уединенного места[271].

Макарий поднялся на верх каменной горы, лежавшей на юге от прежнего его местожительства, и поселился там. *Здесь* он в скале устроил себе новую пещеру. Вдали от людей – наш отец стал внимать Одному Богу. Обычным его ручным трудом было плетение корзинок из пальмовых листьев, которые он сбывал купцам, а эти последние взамен их приносили ему все необходимое. На первых порах преп. Макарий жил спокойно. Он не испытывал искушений от злых духов, ополчившихся на него впоследствии со всею силою. И это было не без Промысла Божия: Господь мудро руководит ходом нравственного преуспеяния Своих избранников. Искушения теперь не были бы полезны нашему отцу. Преп. Макарий был еще молодой монах, его воля была неокрепшая – и вот нападения демонские в пустыне могли его устрашить и привести в уныние. Сам Макарий сознавал свою неопытность и не раз сожалел, что вблизи нет старца, который бы руководил им в его духовной жизни.

Находясь однажды в таком раздумьи, он вспомнил, когда-то еще в родном доме он слышал о великом подвижнике Антонии, подвизавшемся где-то в пустыне. Быстро встал после этого наш отец, помолился Богу и отправился в путь к Антонию с целию получить от него руководственные правила отшельнической жизни. Не легок был переход по пустыни... Но стремление к добру все преодолело... Он скоро пришел к Антонию в «гору», и постучался в запертую дверь его келлии. Преп. Антоний подошел к двери и спросил, кто стучится, и когда узнал, что – Макарий, запер двери и оставил пришельца вне келлии. Наш отец не смутился этим, не ушел, а терпеливо остался ждать за дверями. Это было со стороны великого старца Антония испытанием молодого подвижника. И когда Макарий оказался незлобивым и терпеливым, Антоний отворил дверь. Теперь хозяин с радостию встретил Макария и оказал ему поистине братское гостеприимство.

Много беседовали преподобные отцы друг с другом. Макарий откровенно пересказал Антонию все свои мысли и сомнения. Великий старец со вниманием выслушивал молодого подвижника и где нужно утешал его. В разговоре преп. Антоний называл Макария блаженным, согласно его имени и говорил, что он уже давно ждет его прихода, ибо о нем ему – Антонию было откровение. Относительно же борьбы со злыми духами, о чем спрашивал Макарий, последний советовал быть стойким и всегда готовым на борьбу, ибо эта брань со врагом нашего спасения может продолжаться до самой смерти.

Понравилось Макарию у св. Антония. Его благодатное настроение духа несомненно передавалось всякому, кто входил с ним в общение, а мирная спокойная обстановка приковывала каждого к нему. И вот наш отец

просил Антония благословить ему остаться жить при нем. Но мудрый старец на это отвечал, что Господь Сам определяет Своим избранникам место жительства на земле.

Несколько дней жил Макарий у Антония. В это время они вместе молились, вместе занимались и физическим трудом, что тогда входило в круг непременных обязанностей отшельников. Раз преподобные отцы вечером намочили пальмовых ветвей, чтобы потом ночью заняться работой. На утро Антоний спустился в пещеру, куда Макарий складывал свои изготовленные корзины, и увидал их большое количество. И немало подивился Великий старец «силе, исходившей из рук» юного подвижника.

Время, наконец, заставило нашего отца возвратиться домой. Сильное впечатление произвела на Макария поистине ангельская жизнь св. Антония. По возвращении домой, Макарий усерднее занялся богословием и все упование теперь возложил на Господа. Скоро он показал себя строгим подвижником, так что по истечении десятилетнего пребывания в пустыне, заслужил к себе особое внимание близ живущих монахов, которые стали называть его *«отроком-старцем»*[272].

‡

Вместе с этим преп. Макарий подвергся теперь и брани со злыми духами. Пока ему надлежало перенести брань внутреннюю. Демоны, прежде всего старались навести на нашего отца страх, думая этим изгнать его из пустыни. Они принимали вид всадников и на глазах Макария готовились вступить в бой друг с другом. Другие демоны подходили к самой пещере Преподобного, заграждали ее вход, бросали в нее огненные шары и т.п. Но наш отец не поддавался страху. Он молился и непрестанно пел: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся, Господь защититель живота моего, от кого устрашуся?» Кроме страха злые духи влагали в сердце Макария нечистые мысли – блудодеяние, обжорство, тоску, грусть, гордость, тщеславие, почести и похвалы, неверие, богохульство, отчаяние... Но Преподобный с помощью Божией искусно отражал и эти все наветы злого духа.

Вот случаи искушений, которым подвергался наш отец. Однажды он по дороге из Скита в Терениф зашел в старое языческое капище отдохнуть. В капище находились остатки древних трупов. Преподобный взял один из них и положил себе под голову вместо подушки. Злые духи, видя такую неустрашимость Макария, позавидовали ему и стали соблазнять его блудными мыслями. Они звали как-будто бы женщину, называя ее по имени: «Такая-то, иди с нами в баню!» Наш отец не соблазнился. После этого демоны оставили Макария[273].

Другой раз злые духи старались вселить в сердце нашего отца дух корыстолюбия. Макарий собирал на болоте пальмы. По окончании работы, он стал ветви связывать в пучки. В это время к нему подошел демон в образе монаха и просил дать ему часть пальм. Макарий на просьбу отвечал: возьми, сколько хочешь. Демон, однако, добивался, чтобы старец сам разделил пальмы. Тогда Макарий повязал все пальмы в две пачки и при этом так, что одна пачка была больше другой. Окончив работу, Преподобный предложил демону брать любую из вязанок, но тот указывал, что старец подъял труд, а потому и первым должен брать. И когда наш отец выбрал себе малую долю, демон воскликнул: «О насилие, Макарий! Я побеждаю многих, но ты победил меня». – «А ты кто?» – спросил его Преподобный. – «Я демон корыстолюбия», – отвечал ему искуситель.

Находясь во внутренней брани с злым духом, преп. Макарий зорко следил за всеми своими помыслами и движениями сердца. Он испытывал каждый помысл, откуда он приходит и это тем более, что демоны, о чем хорошо знал отец, часто искушают человека под благовидными предлогами. Так, когда, например, у него явилось желание пойти в пустыню посмотреть монахов, то он долго сопротивлялся этому, говоря: «Не от демонов ли этот помысл?»

Изнемогая от брани с злыми духами, преп. Макарий снова решил посетить великого старца Антония, излить ему свою душу и укрепиться исходящею от него благодатною силою. Антоний еще издали заметил приближающегося к нему Макария. Указывая на последнего, Великий авва говорил близ стоявшим своим ученикам: «Вот идет истинный Израильтянин, в немже льсти несть» *(Ин. 1, 47)*. Встреча великих подвижников и на этот раз была поистине ангельская. Они облобызали друг друга, при этом Антоний, когда заметил изнеможенное лицо Макария, спросил: отчего это? – зная, впрочем, наперед все, что было с нашим отцом. Макарий молчал... Тогда Антоний стал ободрять пришельца и советовал ему мужаться и крепиться в борьбе с злыми духами, ибо ему надлежит стать впоследствии отцем многих людей, которые возлюбят мудрость монашескую.

В разговоре с Макарием Антоний обнаружил полную прозорливость. Он говорил о таких обстоятельствах из его жизни, которые никому не были известны. Наш отец только слушал и уже не дерзал говорить Великому старцу что-либо о себе, ибо это было излишне. Между прочим Антоний сообщил Макарию и о своей близкой кончине. Это сообщение опечалило нашего отца, и вот он стал умолять преп. Антония позволить ему остаться при нем, дабы получить его предсмертное благословение. Антоний разрешил.

Потекли опять светлые дни совместного пребывания великих подвижников. Макарий успел за это время принести Великому старцу полное по-

каяние, пересказать ему все свои помыслы. Антоний отечески наставлял Макария и предупреждал его, что, когда у него пройдет мысленная брань с злым духом, наступит открытая, о чем нужно всегда помнить и мужаться. Не имея разрешения присутствовать при самой кончине Антония, Макарий спустя некоторое время стал просить у старца благословения и на это, но не получил его. А как бы в утешение преп. Антоний вручил нашему отцу на память свою одежду и посох[274]. Преп. Макарий поцеловал подарок и с великою радостию и любовию взял его себе. Скоро, между тем, последовала и блаженная кончина Великого подвижника Божия св. Антония[275].

По возвращении от св. Антония, для Макария наступила новая эра его пустыннической жизни. Теперь он уже сам становится руководителем других в монашеской жизни.

К нему начинают с разных мест стекаться ищущие иноческого жития, с просьбой взять их под свое руководство. Макарий никого из приходящих не отвергал, а каждого принимал с любовию. Одних он поселял совместно с братиями; других посылал в отдаленные пещеры, а некоторых даже оставлял у себя. Всех же он учил жить по воле Божией, – быть назидательными и трудолюбивыми.

Вот пришли однажды к преп. Макарию два знатных молодых чужестранца. Они подошли к келлии Преподобного, и, не зная его, спрашивали у него: «Где келлия аввы Макария?» Когда преп. Макарий заявил им, что они видят пред собою того, кого ищут, пришельцы поклонились ему до земли и убедительно просили Макария поселить их близ себя. Молодость, заметная нега и знатность юношей заставила Старца отнестись к ним с осторожностью. Макарий стал указывать пришельцам на трудности иноческого жития. На это старший заметил: «Если мы не можем здесь жить, то пойдем в другое место». Тогда наш отец стал так рассуждать сам с собою: «Зачем я отстраняю их? Как бы они через это не впали с соблазн. Труд монашеской жизни будет лучшим пробным камнем для них. Они сами уйдут, если жизнь в пустыне окажется им не по силам». После этого преп. Макарий, снабдив их секирой, корзиной с хлебом и солью, велел им идти в гору и долбить себе там пещеру. «Я думал, – говорит Макарий, – что они не снесут этого труда».

Но юноши не смутились от предложенной работы; они даже спрашивали, что им потом в пещере делать? Наш отец указал им на обычное занятие монахов того места – плетение корзин и сам дал им при этом урок рукоделия.

Таинственные юноши ушли в гору, вырыли пещеру и оставались там безвыходно три года. Они не являлись даже к своему авве, а только время

от времени показывались в молчании в церкви, куда приходили для принятия Св. Таин. Такое поведение пришельцев заинтересовало преп. Макария и вот он, помолившись Богу, отправился к ним.

На стук его в дверь юноши отворили и молча приветствовали вошедшего авву. Сотворив обычную молитву, старец присел. Между тем старший юноша дал знак младшему выйти из пещеры, а сам, храня молчание, принялся за рукоделие. В девятом часу явился младший юноша, приготовил похлебку, и по знаку старшего поставил ее на стол, положил сюда и три хлеба. Юноши ожидали благословения трапезы от Макария. Макарий благословил и началась трапеза. Все трое покушали пищи и попили воды. Наступил вечер и юноши спросили преп. Макария, останется ли он у них на ночлег. Когда старец изъявил желание остаться, юноши постлали одну рогожу для него, другую же для себя. Все улеглись спать.

Св. авва Макарий при этом молился Богу открыть ему «делание» пришельцев. И вот когда прошло немного времени, отверзлась крыша и был свет как днем. В это время старший пробудил младшего, оба они встали, опоясались и воздали руки к небу... И я видел, передает Макарий, как демоны, подобно мухам, летели на младшего и старались сесть ему на уста и глаза, но ангел Господень отражал их. К старшему же они не могли приблизиться.

На утро, когда юноши стали петь псалмы, преп. Макарий заметил, что из уст старшего выходит как бы огненная веревка, которая касается неба, а из уст младшего – луч. Из всего этого наш старец понял, что старший брат совершен, а с младшим еще борется злой дух.

Уходя, Макарий просил у юношей святых молитв. Скоро потом юноши скончались. После смерти этих двух отроков авва Макарий часто водил приходящих к нему отцев в келлию их и при этом говаривал: «Смотрите, где мучились юные странники».

Были случаи, когда к преп. Макарию приходили даже жнещины с именем мужчин с целию подвизаться под его руководством. Известен следующий рассказ об Аполлинарии, дочери императора Антония[276].

Аполлинария сначала долго подвизалась в одной пустынной болотистой местности Египта и имела вид евнуха. Повстречавшись однажды с преп. Макарием, она просила отвести ей келлию в его скиту. Наш отец, не зная, кто она, разрешил незнакомке поступить в число братий, при этом Аполлинария назвалась Дорофеем. Дорофей-Аполллинария день и ночь проводила в молитве, усердно занималась обычным монашеским рукоделием и скоро за свои подвиги получила от Бога дар исцеления от болезней. Так, между прочим, она исцелила больную свою сестру, в которую вселился демон. Никто из братии не знал, что у них под именем Дорофея

подвизается женщина. Только после смерти Дорофея-Аполлинарии узнали, что это была женщина.

С течением времени около преп. Макария собралось довольно большое число иноков. Все они сплотились в одно тесное братство и построили для себя общую церковь. Вместе с этим не дремали злые духи. Они воздвигли теперь на преп. Макария *открытую* брань, о которой предсказывал великий Антоний.

Так, однажды, когда наш отец был один, к нему явились демоны, подобно собакам окружили его, стали плевать ему в лицо и терзать его тело, так что оно приняло темный цвет. Дня три потом Преподобный не мог оправиться от причиненных ему демонами терзаний.

Другой раз Макарий копал с братией колодезь. После обеда братия отправилась отдыхать. На месте работ остался один наш авва. Этим воспользовались демоны. Они бросили Преподобного в колодезь и до половины засыпали его тело. И только пришедшая братия высвободили своего старца. Когда выкопали колодезь, то назвали его именем аввы Макария.

Сильные нападения злых духов заставили Макария оставить место и переселиться на новое, где Преподобный прожил уже до самой смерти.

Чем больше демоны делали нападений на нашего авву, тем все более и более они теряли силу по отношению к нему. Макарий укреплялся и приобретал власть над ними. Однажды он вдали от братьев собирал пальмовые ветки. Явившийся демон взял у него косу и повесил ее над ним так, чтобы она упала на него. Но Макарий именем Господа заставил удалиться демона, который тут же сказал: «Много у тебя силы, Макарий! Я ничто против тебя».

Безсилие демонов по отношению к Преподобному проявлялось, далее, и в том, что они уже не скрывали пред ним своего лукавства, а обнаруживались в своем собственном виде. Смотрит раз наш Старец на дорогу и видит – по ней идет сатана в образе человеческом, в длинной дырявой льняной одежде, обвешенной сосудами. «Куда идешь?» – спрашивает сатану Великий авва. «Иду навестить братию», – отвечает тот. – «А для чего же у тебя эти сосуды?» – «Несу для братии разнообразную пищу. Если кому-либо одно одно не понравится, предложу другое, а если и это не прийдется по вкусу, дам третье, что-нибудь из кушаний да понравится...» С этими словами сатана ушел. Старец продолжал смотреть на дорогу, и когда демон возвращался, преп. Макарий его приветствовал: «Здравствуй». – «Как мне здравствовать, – говорит сатана. – Все обошлись со мною сурово – один только монах у меня приятель – он лишь слушается меня».

Но особенно безсилие демонов по отношению к Макарию и власть над ними последнего обнаруживались в том, что преп. Макарий уже

стал изгонять бесов из людей. Вот однажды привели к нему глухонемого, одержимого бесом. Четыре человека едва держали его; он рвался и кричал. Несмотря на это, Преподобный велел отпустить бесноватого. Последний, почувствовав свободу, начал еще сильнее неистовствовать, так что даже приведшие его выразили опасение, как бы он кого-нибудь не убил. Но преп. Макарий успокаивал всех, творя в сердце молитву об исцелении больного. «Как твое имя?» – спросил, наконец, авва бесноватого. – «Мое имя – сатана», – отвечал тот. «Именем Господа и от Лица Его повелеваю тебе выйти из этого человека и не входи в него до смерти». Вслед за этими словами Великого аввы бесноватый пал на землю и заснул. Старец полил водою лицо и уши больного, немного воды влил в его уста и ушел в свою пещеру на молитву. Возвратился Преподобный оттуда с маслом от светильника, горевшего в алтаре. Он помазал им больного, дал св. масла ему выпить и велел затем исцеленному идти домой.

Услышал о силе преп. Макария изгонять бесов Агафоник, епарх антиохийский, у которого была бесноватая дочь. Зная, как трудно пробраться с девицей к пустыннику, преданный слуга епарха, по наущению последнего, употребил следующую хитрость. Он переодел девицу, взял ее на руки и пришел к Макарию, выдавая больную за своего сына. Но Великий старец прозрел духом, кто были пришельцы. Он сообщил мнимому отцу, что это не его сын, а девица в мужском платье, – дочь Агафоника, и что ими оставлена на пути свита. Вы солгали, говорит преп. Макарий, но в этом вашем поступке есть и хорошая сторона. Благодаря переодевания, никто не узнал девицы и не соблазнился. Пришелец был поражен такою прозорливостию Старца. Он пал к ногам Преподобного и трепетал от страха. Но любвеобильный Старец успокоил преданного слугу. Он велел принести масла и после того, как оно было освящено, помазал им больную и тем ее исцелил. Отпуская пришельца домой, наш отец просил его не оставаться со свитой долго близ келлии, в виду того, что (в этой свите) было много женщин.

За описанное исцеление преп. Макарию было предложено 4000 золотых монет, но Старец отказался от них, заметив, что дар Господень не продается и что пустынники не нуждаются в подобного рода приношениях.

Другой раз к преп. Макарию был приведен бесноватый юноша. Его с двух сторон поддерживали два человека. За ним шла мать, которая горько плакала. Власть демона над этим юношей проявлялась в том, что он истреблял слишком много пищи. И если юноша не получал от матери достаточного количества хлеба и воды, то он в таком случае ел всякую падаль, всякий сор и нечистоту. Мать со слезами просила Преподобного исцелить ее сына. Макарий повел юношу к себе и долго о

нем молился. Через день или два демон оставил больного. Возвращая юношу матери, наш отец спросил, сколько она хочет, чтобы ее сын ел. Мать, имея в виду прежнюю страшную ненасытимость больного, просила Старца определить ему, по крайней мере, по десяти фунтов хлеба в день. Старец подивился столь большому количеству пищи, назначаемому исстрадавшейся матерью, и в утешение ей сказал, что достаточно теперь юноше давать три фунта хлеба. Таким образом и этот бесноватый Великим подвижником Божиим был исцелен[277].

Преподобный Макарий теперь разрушал и все чародейства и волхованья, которые производились людьми тою же силою бесовской.

Один распутный египтянин возымел страсть к замужней, благородной женщине. Последняя была верна своему мужу и не поддавалась обольщениям любодейца. Тогда египтянин прибег к помощи чародея, который за большую плату сделал так, что всякому эта женщина стала казаться лошадью. Она в продолжение трех дней ничего не ела, и если к ней обращались как к лошади, гневалась. Муж скорбел и недоумевал, что случилось с его женой. Но вот ему пришло на мысль отвести больную к пустыннику. Всем братиям приведенная женщина также казалась лошадью. Когда же братия объявила Святому, что кто-то привел к ним лошадь, Преподобный сказал: «Вы смотрите не своими глазами. Это не лошадь, а женщина. Она только глазам обольщенного кажется такою».

Затем Преподобный благословил воду, облил ею подведенную к нему больную, помолился над ее головою и все после этого увидали вместо прежней лошади женщину. Отпуская домой жену, наш отец дал ей такое наставление: «Никогда не оставляй посещать церковь и никогда не уклоняйся от приобщения Христовых Таин. Несчастие с тобою случилось от того, что ты уже пять недель не приступала к Пречистым Таинам Спасителя нашего».

Власть над злыми духами была особенным даром преп. Макария. Он получил этот дар от Бога как бы за те великие скорби, которые он так терпеливо перенес от духов злобы поднебесных. Вместе с этим Господь за святую ангельскую жизнь удостоил его и других своих даров. Преподобный повсюду прославился, как великий чудотворец. К нему стекалось множество больных из самых отдаленных стран. Осеняя крестным знамением во имя Господне, он тем очищал прокаженных и восстановлял силы паралитиков. К его келлии даже подбрасывали больных в надежде, что авва поможет им. Вот один человек принес своего расслабленного сына к келлии аввы Макария и оставил его у двери, а сам отошел далеко. Старец, когда нашел брошенного, плачущего больного мальчика, исцелил его, велел ему разыскать отца и идти домой.

Духовная сила преп. Макария настолько теперь возросла, что он поистине владел уже всеми силами природы. Он становился ее царем, по заповеди Господа, данной первому, безгрешному человеку. Ничего уж, кажется, не было в міре, что бы отказывало ему в подчинении. Он понимал голос животных, препобеждал стихии міра... Для него как бы уже не существовало пространственных расстояний. Однажды наш отец шел из Скита и нес корзины. В утомлении он сел и так молился: «Боже! Ты знаешь, что я изнемогаю». И тотчас он очутился у реки[278].

Загробный мір также уже не был для нашего отца чем-то неведомым и таинственным, Он не раз вел разговор с мертвецами. Проходя однажды пустынею, Макарий наткнулся на череп. Преподобный ударил череп палкою и спросил его, чей он? И послышался такой ответ: «Я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили на этом месте, – а ты Макарий духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начнешь молиться за них, они чувствуют некоторую отраду». – «А какая эта отрада и какое мучение?» – переспросил старец... – «Мы от ног до головы, – продолжал череп, – стоим среди огня. Лице одного обращено к спине другого, так что мы не можем видеть друг друга. Но когда ты помолишься о нас, каждый начинает несколько видеть лице другого. Вот в чем наша отрада». Старец от этих слов заплакал и сказал: «Несчастный день, в который родился человек». На дальнейший вопрос нашего аввы: «Нет ли еще больших мучений, чем какие терпит череп?» – последний отвечал: «Мы как не знавшие Бога еще несколько помилованы, но познавшие Бога и потом отвергшие Его, те находятся еще ниже нас». Окончив разговор, преп. Макарий зарыл череп в землю и удалился[279].

Другой раз наш отец с братией шел по полю. Позади них вдова собирала колосья и, не переставая, плакала. По расспросам оказалось, что муж этой вдовы умер, не сказав, где положил вещи своего хозяина. Последний взамен вещей готовился взять в рабство жену и ее детей. Старец был тронут слезами вдовы. Он вместе с братией пошел на то место, где был похоронен муж скорбящей женщины, помолился здесь и так воззвал к умершему: «Скажи, где ты положил чужие вещи?» И был ответ: «Вещи спрятаны в моем доме в ногах постели». Бедная вдова таким образом была спасена от рабства. Братия пришли в удивление от такой силы своего старца и готовы были его прославить. Но Преподобный им заметил[280]: «Не ради меня Господь это сделал, а ради вдовицы и сирот ее».

А вот сам мертвец взывал к преподобному Макарию. В одно время Великий старец три года жил в усыпальнице некоего мертвеца, и когда покидал это место, мертвец воззвал: «Не отпущу тебя, отец мой! До

твоего прихода я был в великих страданиях и скорби. С твоим приходом мое положение улучшилось. Мне ради тебя дали покой. Ты теперь уходишь и я боюсь, чтобы меня снова не ввергли в муку»[281].

О Макарии прошел даже слух, что он воскресил одного мертвеца[282]. Некий старец (постник) уклонился в секту отвергающих воскресение тел и считающих брак нечистым[283]. Он стал пропагандировать свое новое убеждение и склонил на свою сторону 500 человек. Местный епископ не знал, что делать. Наконец он решил обратиться за помощью к пустыннику Макарию, о котором было известно везде. Великий старец тронулся рассказами епископа о развитии ложного учения. Сделав несколько замечаний о том, что трудно бороться с заблуждениями и что слова убеждения безсильны в таких случаях, Преподобный отец изъявил согласие помочь епископу в деле обращения сектанта. Вместе они пришли к постнику.

Между обеими сторонами начался разговор. Епископ при этом произнес исповедание веры со словами: «Верую в воскресение мертвых». Диспут не удовлетворил иераклита. Последний соглашался оставить свое учение только в таком случае, если преп. Макарий воскресит какого-либо мертвеца и, в свою очередь, обещался вызвать безтелесную душу. Но старания в этом отношении сектанта остались напрасными. Тогда св. Макарий подошел к одной гробнице, склонился на колени и долго усердно молился. Он просил чуда, не искушая Бога, а по св. побуждениям – ради восстановления и торжества истины...

Вставши от долгой и усердной молитвы, Преподобный затем ударил посохом по гробнице со словами: «Господь наш Иисус Христос, воздвигнувый четырехдневного Лазаря, мною повелевает тебе воскреснуть, дабы уверовали отрицающие воскресение». Мертвый воскрес. Все удивились. Иераклит после этого упал к ногам Преподобного. Окружающая толпа хотела было убить сектанта, но любвеобильный авва защитил его и увел с собою в пустыню.

Что же касается воскресшего, то он оказался язычником, современником Фараонов... Преподобный Макарий облек его в ризу, взял его к себе, крестил, постриг в монахи и жил с ним в продолжение трех лет, после которых он снова скончался[284].

Чудодейственную силу наш отец проявлял и в отношении к животным. И эти неразумные твари были предметом его попечения. Так раз он исцелил трех уродливых птенцов горностая, подбородки которых приходились на их спинах. Мать этих птенцов подвела Преподобного к своему гнезду и тут бросила к его ногам детенышей. Наш отец понял заботу матери... Он помолился Господу об исцелении и этих неразумных Божиих созданий, сотворив над ними знамение и тем исправил их уродливость.

Другой раз он исцелил дракона, у которого в глазу застряла солома. Каждый раз, как исцелял преп. Макарий животных, он прославлял Господа, пекущегося даже о неразумных тварях.

Чудодейственную силу приобретали даже те вещи, которые находились в обращении у Великого аввы. Рассказывается, например, такой случай. Раз Макарий гостил в одном монастыре. По обычаю того времени все иноки должны были в известное время работать, не исключая и гостя. Тогда как иноки представляли каждый день по три готовых рогожи, наш отец – только одну. Это не понравилось братии. О ленивом госте донесли настоятелю монастыря. Начальник решил сам пойти посмотреть, что делает пришелец, но был оставлен при входе в келлию преп. Макария звуками, доносящимися от поклонов его. Начальник после этого не захотел нарушить покоя странника, а велел принести изготовленную Макарием одну рогожу, которая, когда была брошена в горящую печь, осталась невредимою. И заметил тогда авва монастыря братии: «Труд рук – ничто без подвигов»[285].

Между братиями было замечено, наконец, что даже одно воспоминание великого аввы Макария помогало выходить из затруднительных обстоятельств и особенно преодолевать искушения. Один инок, продавая в городе корзины, был увлечен блудницею. Ему угрожало падение, но он перенесся мыслию в свою пустынь, вспомнил своего Великого старца, призвал его молитвенно на помощь и тем избежал блуда[286].

Далеко не все передано в письменных памятниках о чудотворениях преп. Макария. Историк Сократ замечает, что Макарий Египетский столь много исцелил от болезней и столько изгнал бесов из бесноватых, что потребовалось бы особое сочинение для описания всех его чудотворений[287].

Итак, преп. Макарий был великий чудотворец. Далее, он имел дар прозорливости. Он, например, предсказал братии о запустении их Скита. «Когда у вас появятся келлии близ озера, т. е. близ воды, – говорил инокам св. Отец, – произведете посадку деревьев и допустите отрокам жить среди монахов, то знайте – что близко опустошение вашей обители»[288].

Но особенно удивительно свою прозорливость наш отец обнаружил по отношению к будущей судьбе своего ближайшего ученика Иоанна. «Мне открыто, – говорил авва этому ученику, – что тебя искушает дух сребролюбия. И вот если ты не примешь моего наставления и не уничтожишь порока, то с тобою будет то же, что и с Гиезием, недугом которого ты заражен». Св. авва умер и ученик забыл наставления своего отца. Он впал еще в больший грех сребролюбия. И как предсказывал преп. Макарий, так и случилось. – Злополучный ученик был поражен проказою в такой степени, что на теле его не было здорового места, где бы можно было бы положить и след[289].

Не менее удивителен был у преп. Макария дар учительства и старчества. – О том, что к нему стекались со всех сторон иноки, мы уже говорили[290].

У него было много духовных детей из братии. Некоторые из его учеников жили при нем, – один даже оставался с Преподобным неотлучно. Этот последний услуживал нашему отцу и помогал ему принимать людей, которые во множестве приходили и толпились у келлии св. аввы[291]. Ближайшие ученики находились под особым руководством Макария. Но он не оставлял и других иноков, обитавших в ближайших к его келлии местах. Мы видим его часто посещающим братию. Так он навещал нитрийских иноков[292], спешил к брату, который впадал в грех, дабы направить его на путь истины, проведывал больных и как любящий отец утешал их. Сами иноки к нему шли за разрешением различных недоуменных вопросов.

Один, например, спрашивает нашего отца: «Авва, как мне спастись?» Другой: «Авва, дай мне наставление» и т. д. С преп. Макарием беседует авва Агафоник – о вреде вольного обращения, – Захария о деле монаха, Феодор Фермейский – о нестяжательности и др.[293] Дает советы, далее, преп. Макарий – авве Моисею относительно жизни в безмолвии; авве Исаии – о неотлучном пребывании в келлии; авве Пафнутию – об обращении с людьми; авве Аио – о том же[294]; авве Евагрию – отвечает на вопрос, почему, помня оскорбление людей, мы ослабляем памятовательную силу души, а памятуя оскорбления демонов, не получаем вреда?[295]

От преп. Макария братия всегда жаждала услышать слово назидания. Его при встрече просили что-нибудь сказать. А если долго авва не показывался, братия скучала и даже за ним посылала. Сам Макарий считал долгом при каждом собрании сказать братии что-нибудь назидательное. Вот, например, он, распуская собрание, говорит: «Бегите, братия!» – «Куда же мы побежим дальше этой пустыни?» – переспрашивают его старцы. «Сего бегите», – продолжал авва, указывая на уста.

Духовная опытность нашего аввы была причиною того, что около его келлии толпилась братия и постороние люди. Это обстоятельство заставило даже преп. Макария от своей келлии сделать подземный ход в другую пещеру, находящуюся от первой на полстадии. Когда очень уж много его безпокоили, он тайно уходил из своей келлии в пещеру, где его уже никто не мог найти. По свидетельству одного его ученика, Преподобный, когда шел подземным ходом до пещеры, совершал 24 молитвы и столько же на возвратном пути[296].

При всех духовных дарованиях своих преп. Макарий был еще величайший аскет. Когда ему случалось быть с братией, он полагал себе за правило пить вино ради братии, но потом за каждый стакан вина не пил уже целый день воды. Было замечено при этом, что Преподобный с радостию всякий раз принимал приглашение выпить вина, чтобы потом целый день

томить себя жаждою. Один ближайший ученик Макария как-то узнал об этом и потом убедительно просил братию не угощать старца.

А вот пришли к авве Макарию в Скит братия и ничего не нашли в его келлии, кроме гнилой воды. «Авва! – сказали братия, – пойдем в деревню – подкрепимся едой?» – В ответ на это предложение наш богомудрый Старец повел такую речь: «Знаете ли вы, братия, в деревне такую-то хлебню?» – «Знаем», – отвечали те. – «И я знаю. А знаете ли такое поле, где течет ручей?» – «Знаем» – «И я знаю, – говорил старец. – И так, если чего захочу, сам достану себе того и без вас».

От поста и от внутренних подвигов тело преп. Макария было слишком сухо, так что даже монастырская братия, для которых худоба телесная была привычным явлением, невольно останавливала свое внимание на истощенном виде своего аввы. «Отчего это, – спрашивали они преп. Макария, – ешь ли ты или постишься, – тело твое всегда сухо?» Старец им отвечал: «Палка, которою ворочают горящее дерево, безпрестанно снедается огнем. То же бывает и с человеком, если он очищает ум свой страхом Божиим; а самый страх Божий снедает его тело».

Характеристику своего аскетического образа жизни преп. Макарий сам изобразил своему ученику Евагрию, когда тот вел с ним разговор о воздержании. «Целые двадцать лет, – говорил Преподобный, – я не вкушал до сытости хлеба, ни воды. Хлеб я ел весом, воду пил мерою, а минуту сна ловил, наклоняясь к стене»[297].

При таком строгом образе жизни для преп. Макария собственности не существовало. Он не знал, что ему принадлежит. Еще в детстве наш отец любил подавать милостыню, а когда он сделался самостоятельным, первым его делом была раздача всего своего имущества неимущим. Переходя с одного места на другое, Преподобный также с собою ничего не брал, а все оставлял.

Макарий всегда готов был отдать все, что имел. Вот рассказ, который хорошо подтверждает сказанное. В отсутствии Великого аввы, вошел в его келлию разбойник, который стал безцеремонно навьючивать на своего верблюда вещи Преподобного. Макарий застал разбойника за этим делом, и не только ничего ему не сказал, но даже сам начал помогать ему укладывать свои пожитки, а потом с совершенным безмолвием выпроводил его при следующих словах Божественного Писания: «Ничтоже внесохом в мір сей, яве, яко ниже изнести что можем» (*1 Тим. 6, 7).*

Говоря о строго аскетическом образе жизни преп. Макария, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Преподобный в своих беседах мало уделяет места изображениям видных подвигов благочестия. У него нет, например, речи ни о постах, ни о поклонах и т. д. Главным образом, он настаивает, что вся суть во внутреннем расположении человека,

в его духовных подвигах. Легко сделать вывод – можно не налагать на себя внешних подвигов и быть добродетельным. Но пусть сам преп. Макарий своею жизнию опровергнет мнение таковых. Внутреннее, искреннее очищение сердца само собой предполагает строгий образ жизни. Чем чище человек, тем строже он в своей жизни. Между тем как нельзя сказать наоборот. Можно быть великим постником и в то же время ничего не значущим, «солию обуявшею». Преп. Макарий постоянно говорил о внутреннем делании христианина и в то же время он был великий аскет. Это значит, что, с одной стороны, наставления его не были одними пустыми фразами, а они исходили от сердца, – а, с другой, его внешние подвиги не были лишь видимой красивой оболочкой, его аскетизм был одухотворен[298].

Если пожелаем, далее, охарактеризовать нашего отца, то мы должны назвать следующие черты его нравственного облика: *любовь и смирение.* Эти добродетели составляют как бы основной фон, на котором зиждется и вся его внутренняя физиономия. Любовию и смирением была проникнута и вся его внешняя деятельность; в каждом его поступке эти черты рельефно выступают наперед. Итак преп. Макарий был любвеобильный старец. Он никого не осуждал, никогда не говорил о грехах братии, никому никогда не делал выговора[299].

«Христиане, – читаем мы в его беседе, – должны все старание употребить к тому, чтобы никого не осуждать, ни явную блудницу, ни грешников, ни людей безчинных, но взирать на всех с простодушием, чистым оком, никем не гнушаться и не делать различия между людьми. Увидишь ли одноокого, – не осуждай его в сердце своем, но смотри на него, как на здорового; смотри на имеющего сухую руку, как не на сухорукого, на хромого, как на ходящего прямо и на расслабленного, как на здорового. Ибо в том и состоит чистота сердца, чтобы, видя грешников или немощных, иметь к ним сострадание и быть милосердным»[300].

Преп. Макарий, по отзыву современников, был как бог земной, потому что он, как Бог, прикрывал согрешения, которые он, и видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал. Но как возможно при таком отношении к людям – влиять на них, быть их руководителем и исправителем пороков? Как такая любовь, могла создать тот строгий монашеский строй, какой существовал при скитах, которые имели преп. Макария своим старцем?[301]

Любовь дает горячий материал той искре добра, которая теплится в каждом человеке, пока он живет на земле. Любовь – это как бы масло, подливаемое на эту искру…

Однажды преп. Макарий пришел к Феопемпту, который был подвержен порокам. После обычного братского приветствия наш отец спросил Феопемпта: «Как поживаешь брат?» – «Молитвами твоими хорошо», – отвечал тот. – «А не искушают ли тебя помыслы?» – «Пока еще нет», – гово-

рил брат, скрывая свои грехи. – «А относительно себя, – продолжал Старец, – я должен сказать, что, несмотря на мою многолетнюю жизнь в пустыни, несмотря на мою старость, несмотря на то, что меня все считают опытным, – меня, старика, еще до сих пор безпокоит дух блуда. И я, брат, каюсь тебе в этом». Тогда Феопемпт отвечал: «Поверь, авва, меня также безпокоит тот же дух». Наш богомудрый Старец после этого говорил о других греховных помыслах, будто они его искушают, и тем приводил немощного брата в сознание своих грехов. Затем, сделав отеческое вразумление Феопемпту, преп. Макарий возвратился в пустыню.

За ложь, обман, коварство, какие обнаружил инок по отношению к своему старцу, можно было бы ему сделать строгий выговор, устыдить его, но наш старец этого не делает. Он знает слабость человеческую, знает, что ложь находит себе пищу в греховной природе человека, а потому и не гневается на немощного брата. Но это не значит, что св. авва покрывал его грех. Ныне он для того и пришел к иноку, чтобы исцелить его от духовной болезни и с успехом этого достигает, благодаря любви. Любовь Старца расположила инока к доверию, откровенности, любовь умягчила его сердце, любовь, кратко сказать, была причиной чистосердечного раскаяния немощного брата.

Любовь, далее, заставляла преп. Макария посещать страждущих. Больше того, чтобы утешать, например, болящего, наш авва готов был удовлетворять его прихотям, хотя, правда, и невинным. Однажды пришел Преподобный к одному больному отшельнику и на вопрос, не желает ли последний что-нибудь поесть, тот отвечал: «Хочу пастилы». И старец не поленился сходить в Александрию, купить больному желаемого и тем его утешить.

Любовь, наполнявшая душу преп. Макария, во вне проявлялась, между прочим, и в том, что он был прост, обходителен и доступен для всех. Этому немало удивлялась даже братия. Для чего ты так ведешь себя (т. е. просто)? – спрашивали его некоторые. Авва Макарий на это отвечал: «Двенадцать лет служил я Господу моему, чтобы даровал Он мне благодать сию, а вы советуете мне ее оставить». Из этого рассказа видно, что простота не была только природным свойством нашего аввы. Нет, в ней он видел одну из существенно-важных сторон христанского благоповедения и о приобретении ее заботился многие годы...

Зная любвеобильность преп. Макария Египетского, к нему шли обиженные с жалобами на строгость и несправдливость людей в полной уверенности, что только любовь Великого аввы выслушает и утешит их. Рассказывали об одном брате, впавшем в искушение. Брат этот о своем грехе сообщил авве Макарию Александрийскому. Последний наложил на согрешившего строгие неудобоносимые узы, благодаря которым брат опеча-

лился и близок был к новому падению. Находясь в таком состоянии, названный брат отправился к Макарию Египетскому. Он рассказал ему все откровенно, искренно и наш любвеобильный Старец много его утешал, говоря: «Иди, сын мой, и делай только то, что тебе по силам. Всячески старайся не совершать греха, в котором ты повинен и это будет для тебя лучшим покаянием». Когда же брат смущался по поводу наложенных на него уз, наш Старец так ему говорил: «Эти узы не тебя связали, а авву Макария».

Узнал обо всем этом Макарий Александрийский. Любовь нашего аввы устыдила его. Он сознал свою строгость и убежал к одному болоту, где подверг тело свое искусанию мошек, при этом решил оставаться здесь столько дней, на сколько были наложены узы брату. Не предполагал такого исхода дела преп. Макарий. Последний, когда услышал о столь великом подвиге своего друга, поспешил к болоту, употребил много времени, чтобы отыскать подвижника, и когда увидал, стал так его умолять: «Добрый старец, я сказал это ради утешения брата, а ты, услышав его, подобно доброй невесте убежал во внутренний покой. Встань же, отец мой, и возвратись в свою келлию». Макарий Александрийский долго отказывался и наш любвеобильный авва не переставал его умолять: «Встань, иди со мною, я научу тебя, что тебе следует делать». Так относился наш отец к людям.

Любовь его одинаково всех обнимала. Несмотря на то, что друг его наложил на брата тяжелые узы, он, по разумном рассуждении, руководимый любовию, снимает их. И когда вслед за этим узнает, что результатом его поступка был сильный аскетический подвиг Макария Александрийского, он спешит и к этому, и умоляет его снять с себя бичевание.

Благорасположение, приветливость – наш отец проявлял по отношению к каждому. Он всякого встречал и провожал кротко, ласково. Это невольно привлекало к нему сердца людей и даже язычников.

Однажды наш отец шел из Скита в гору Нитрийскую. Дорогою он послал своего ученика идти впереди. Этот повстречался с языческим жрецом. Вместо того, чтобы или пройти спокойно, или же оказать приветствие встретившемуся, ученик стал так кричать на язычника: «Эй, эй, демон, куда идешь?» Жрец оскорбился, схватил дерево, которое нес – и сильно побил Макариева ученика. Вслед за этим тот же язычник попался навстречу нашему Старцу. «Будь здоров, будь здоров, человек трудолюбивый!» – так приветствовал его Макарий. Немало подивился такому ласковому привету жрец. «Что ты нашел во мне доброго, что так приветствуешь меня, – говорил язычник. – Твое приветствие поразило меня и я вижу, что ты человек Божий. Теперь я не отпущу тебя, пока не сделаешь меня таким, как ты сам, т. е. монахом». Следствием

всего этого было, что преп. Макарий повел жреца к себе, крестил его и присоединил к братии. Через новообращенного много потом язычников приняло христианство! Так, благодаря любви, преп. Макарий делался миссионером.

Любовь, которая наполняла сердце Великого аввы, отозвалась и во всех его беседах. Последние написаны в духе кротости, мира и любви. Он здесь говорил о простоте, искренности, взаимной услужливости, праводумии и неосуждении других. Говорит, далее, о том, что нужно быть милостивым, милосердным, добрым. Он ратует – против ненависти, зависти, коварства, лицемерия. К братии он также обращался в духе любви, называя их «возлбленными». Когда ему надлежало сказать о добродетелях, привести их для примера, то опять он перечисляет такие, как например: любовь, снисходительность, благость...

Очевидно сердце нашего аввы постоянно стремилось к этим добродетелям... Любовь, повторим еще раз, была отличительным свойством преп. Макария. Благодаря ей, он не покинул своих родителей во время их старости, а нашел возможным соединить любовь к Богу с любовию к родителям. Та же любовь заставила Преподобного взять на себя чужой грех прелюбодеяния и понести из-за него безчестие и осмеяние. С течением времени любовь нашего аввы достигла высшего своего развития. Она проявлялась у него уже по отношению к неразумным животным и природе. Преподобный не мог смотреть даже на страдания тварей и умоляет Творца облегчить их участь. По своему любвеобильному характеру наш отец хорошо напоминает евангелиста и возлюбленнейшего ученика Господа – Иоанна Богослова!

Вторым выдающимся свойством характера преп. Макария было его необычайное смирение. Вот факты, свидетельствующие об этом. Постоянным сознанием нашего Отца было то, что он плохой монах, о чем часто говорил и братии. Это обстоятельство заставляло его искать подвижников, дабы у них поучиться. С такою целию однажды Преподобный вышел в пустыню. По дороге ему встретилось озеро, около которого наш авва остановился. И вот он видит к озеру подходят разные звери пить воду и между ними два нагих человека. Преп. Макарий затрепетал, подумав, что появились духи. Но нагие ему говорили: «Не бойся, и мы такие же люди! Мы уже сорок лет живем в этой пустыне и не знаем, что делается в міре!» Наш отец был поражен их образом жизни и первым же долгом задал им вопрос, котороый всегда его безпокоил: «Как я могу сделаться монахом?» Неизвестные люди отвечали: «Кто не отречется от всего мірского, тот не может быть монахом». По поводу этих слов, наш отец поспешил высказать им свое недостоинство. «Слаб я, – говорил он, – и не могу жить, как вы». Этот случай необычной встречи в пустыни преп. Макарий любил рас-

сказывать братии, при этом каждый раз он заканчивал свою речь словами: «Я не сделался еще монахом, но видел монахов. Простите мне, братия!»

То же смирение заставило Преподобного два раза ходить к св. Антонию, прислушиваться к его наставлениям и благоговеть пред ним. Смирение, далее, побудило нашего Отца предпринять путешествие в одно селение, чтобы посмотреть как живут там две благочестивые женщины.

Однажды ему было откровение: «Макарий, ты не пришел еще в меру двух женщин, живущих в таком-то селении». Быстро после этого собрался наш старец в путь и скоро достиг цели своего путешествия. Он подошел к жилищу женщин и постучался в дверь. Те отворили с любовию и приветствовали Преподобного. «Ради вас я претерпел трудности путешествия, из пустыни пришел сюда, – говорил Старец, – скажите же мне, какое ваше делание, чем вы угодили Господу?» Женщины сначала во смирении отвечали, что они ничего доброго не сделали. Когда же Макарий сообщил им, что Сам Господь послал его сюда, благочестивые женщины повели такую речь: «Мы друг другу чужие. Мужья же наши родные братья. Вот уже 15 лет мы живем вместе. Сначала нам приходило на мысль перейти к жизни девственной, но мужья наши не согласились на это. Тогда мы положили себе за правило – никогда не говорить праздных слов, жить в мире и согласии, всегда памятовать о Боге, проводить время в молитвах, пощениях и делах милосердия».

Выслушав речь женщин, наш Старец воскликнул: «Поистине, не имени монаха, или мірянина, или девы, или жены с мужем, но правого произволения ищет Бог и Он им всем дает Своего Святаго Духа». Большую пользу извлек для себя преп. Макарий от описанного путешествия к благочестивым женщинам. Он после этого еще больше стал смиряться и часто повторял: «Я не достиг мира с братом моим, как эти женщины мірские».

Ради приобретения того же смирения наш отец никогда не слушал о себе похвалы. О нем рассказывали следующее. Когда какой-нибудь брат приходил к нему с благоговением как к святому и великому старцу, Преподобный старался с таким ничего не говорить. Если же кто из братии без всякого уважения к нему, спрашивал: «Авва! Когда ты смотрел за верблюдами, воровал селитру и продавал ее, не били ли тебя сторожа?» – Если кто в таком духе говорил с нашим Старцем, тому он с радостию отвечал, о чем бы тот ни спрашивал его.

Будучи сам смиренным, преп. Макарий советовал смиряться и братиям. Однажды один инок просил у него наставления. Старец сказал ему: «Пойди на кладбище и начни ругать мертвых». Брат пошел, ругал умер-

ших и бросал на их могилы камни. Возвратившегося с кладбища инока Старец спросил: «Говорили ли что-нибудь тебе мертвецы, когда ты их поносил?» – «Ничего не говорили», – отвечал тот. – «Завтра опять пойди к ним и уже хвали их». Брат пошел и так хвалил мертвых: апостолы, святые, праведные!.. Когда инок и после этого вернулся к Старцу, последний опять спросил: «Отвечали ли тебе мертвые при твоих похвалах?» – «Нет». – «Видишь, – закончил свое наставление богомудрый Старец, – сколько ты ни поносил мертвых, они ничего не отвечали тебе и сколько ни хвалил их, ничего не говорили тебе. Так и ты, если хочешь спастись, будь мертв, – подобно мертвым не думай ни об обидах от людей, ни о славе людской».

Благодаря смирению преп. Макарий восшел на высокую ступень совершенства. Смирением он поистине *«стяжал себе высокая»*. Смирением он победил злых духов. «Все, что ты делаешь, – говорил ему однажды злой дух, – и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». – «Чем же?» – спрашивает его авва. – «Смирением. Вот почему я не силен против тебя».

Смиренное сердце Макария не застилалось тьмою грехов, гордости, самомнения и т. п. Оно было у него всегда ясно, светло; всякое греховное пятнышко на нем делалось заметным. Смирение заставляло Макария всегда видеть свои грехи, а отсюда постоянно наш отец достигал нравственной чистоты. А так как он был преисполнен смирения, то отсюда и достижение им чистоты ангельской.

Смирение, далее, сделало нашего авву сотаинником небес, собеседником ангелов, сделало душу его – невестою Небесного Жениха-Христа. Смирением Преподобный ограничивал себя ради Господа. – Все доброе он приписывал Богу, себе же ничего. И Бог, по мере этого самоограничения, шел навстречу ему и то, что Преподобный приписывал Богу, Бог вменял ему в заслугу.

«Когда душа начинает говорить, – читаем мы в одной беседе нашего Отца, – все Твое – дом, в котором живу – Твой и одежды мои – Тебе принадлежат. Ты меня питаешь, Ты снабжаешь меня всем потребным». Тогда и Господь начинает говорить: «Делаю тебе милость; это имение – твоя собственность; эта добрая воля – твоя собственность. Так как ты прибег и ко Мне, вот даю тебе и то, чем не обладал ты доныне. Вместе с душою твоею приими и Меня, Господа, чтобы всегда тебе веселиться и радоваться со Мною». – Так смирение сподобляет человека богообщения, коего удостоился и наш Отец.

Для полноты характеристики личности преп. Макария нам остается сказать об его образовании. Этот вопрос для нас тем более важен, что мы будем иметь дело с его письменными творениями. Не сохранилось

никаких сведений, получил ли наш Отец школьное образование. Некоторые исследователи догадываются на основании его бесед и обстоятельств жизни, что он где-нибудь учился. Как известно, отец преп. Макария был священник – следовательно, человек более или менее просвещенный. Он-то, прежде всего, и мог передать сыну свои познания и позаботиться об его образовании. Не благодаря ли грамотности, нашего Отца рано избирают чтецом, а затем и диаконом? Но если бы преп. Макарий и не получил школьного систематического образования, то и в таком случае нет ничего удивительного в том, что он по письменным своим творениям является многосведущим и просвещенным. От природы Преподобный мог обладать великими дарованиями, на почве которых развился его ум и обогатился познаниями. А обогатиться ум его познаниями мог, благодаря чтению св. книг и книг мудрецов и затем через общение с людьми образованными. К нему, как известно, приходило множество людей, между которыми несомненно были и ученые. Преп. Макарий, например, был знаком с Макарием Александрийским, человеком образованным, стоявшим в продолжение 10-ти лет во главе Александрийского училища. Не надо также забывать того, где жил преп. Макарий и в какое время. Он жил близ Александрии – ученого центра и в IV золотом веке, когда наука греческая находилась в расцвете. Александрия – несомненно проливала свои лучи просвещения и на окрестности. Эти лучи могли коснуться и нашего Отца. Во всяком случае мы можем констатировать факт, что знания преп. Макария не заурядные; и надо согласиться с тем, что они иногда напоминают школу.

Так он знает, какие существуют школы и как там проходится курс наук.

«Кто хочет учиться словесным наукам, – говорит наш Отец, – тот идет и заучивает буквы, и когда будет там первым, поступает в латинскую школу, где бывает из всех последним. Когда же опять и там делается первым, поступает в грамматическую школу и опять бывает из всех последним и новоначальным; потом, когда сделается схоластиком, из всех правоведов бывает новоначальным и последним; а когда опять и там сделается первым, тогда становится правителем и когда сделается начальником, берет себе в помощники сотоварища».

Макарий знает, далее, что в школах пишут на пергаменте и что написанное стирают и снова на том же месте пишут. Ему известен и объем словесных наук – именно он выражается, что они неисчерпаемы, больше того он знает и разделение их по специальностям.

«Были, – читаем мы у него, – разные мудрецы в міре; одни из них показали свое превосходство в любомудрии, другие удивляли упражнениями в софистике, иные показали силу в витействе, иные были грамматиками и стихотворцами и писали по принятым правилам истории. Но были и раз-

ные художники, упражнявшиеся в мірских искусствах; одни из них, делая из дерева рыб и птиц и изображения людей, старались в этом показать свое превосходство; другие предприняли устроить из меди подобия истуканов и чего-либо иного; другие воздвигали огромные и красивые здания, иные, роя землю, извлекают из нее тленное серебро и золото или драгоценные камни»...

Далее наш Отец упоминает об Аристотеле, Платоне, Сократе, как о больших величинах в области мірской мудрости и говорит о других мудрецах міра равно как и об их изысканиях. «По сказанию мірских мудрецов, – замечает в одной своей беседе преп. Макарий, – есть горы огненные, потому в них огнь, и там есть животные, подобные овцам; и чтобы поймать их, делают железные кружки, забрасывают и отпусткают в огонь уды. И так как этим животным огонь доставляет пищу, питие, успокоение, возрастание, жизнь, – то если извлечешь их в другой воздух, они погибают».

Преп. Макарий осведомлен был и относительно еретических заблуждений, возникших на философской почве. Не безъизвестны нашему Преподобному и законы природы. Он, например, говорит, что ветер не отделим от солнечной теплоты. – «Когда светит солнце – дует какой-нибудь ветер, то и у солнца свое тело и своя природа и у ветра своя же природа и свое тело и никто не может отделить ветер от солнца, чтобы не дул он более». Или, например, он знает, что металлы расплавляются в огне, каждый – по соответствующей силе огненной теплоты.

А употребляемые во множестве преп. Макарием примеры из жизни природы, из области искусства, общежития и гражданственности свидетельствуют о том, что он был знаком с науками естественными, с условиями жизни политической, общественной, придворной и частной бытовой.

Он, наконец, прекрасный знаток Св. Писания. В его беседах, дошедших до нас, мы встречаем текст почти из всех свящ. книг Ветхого и Нового Завета. Ко всему этому нужно присоединить еще глубокомысленность его бесед. Его речи не простые, а по местам умозрительного характера. Впрочем, такими делала их духовная опытность преп. Макария. Образование здесь не могло иметь особенно важного значения. Оно не дает жизни для такой речи, а лишь помогает облекать эту речь в более высокий слог и форму.

Так преп. Макарий обладал обширными познаниями, которые, быть может, он приобрел в школе, но вернее всего путем чтения, общения с образованными людьми и через духовный свой опыт.

Сделав подробную характеристику личности преп. Макария, перейдем теперь к описанию последних лет его жизни. Почти на склоне лет нашему Отцу пришлось быть исповедником за Православие. – В царствование Валента (364–378) в Александрии возобладало арианство. Думая ослабить православную партию, арианский епископ Лукий подверг ссылке на один

остров начальников монашеских общин. Между изгнанными был наш Отец, преп. Макарий Александрийский и другие знаменитые аввы.

На острове – месте ссылки отцев – жили язычники, у которых было капище с знаменитым жрецом. Когда прибыли сюда св. подвижники, демоны пришли в страх, при этом один из них вселился в дочь жреца. Бесноватая девица неистовствовала... Удержать и успокоить ее не было никакой возможности. Она постоянно кричала: «Зачем вы, св. мужи, пришли и отсюда выгоняете нас». Св. отцы – узнав об этом, обратились к Господу с молитвою об исцелении больной. И по их молитве злой дух оставил девицу. Совершенное подвижниками чудо произвело сильное впечатление на обитателей острова. Они упали к ногам св. отцев, по их указанию разрушили языческое капище и охотно затем приняли св. крещение.

Весть обо всем этом скоро затем распростанилась в городе Александрии. Все стали осуждать еп. Лукия за его поступок с св. мужами. Боясь народного волнения, Лукий после этого поспешил вернуть св. отцев в их пещеру. Так за святое, крепкое исповедание Православной веры наш авва перенес гонение и посрамление!

Между тем, преп. Макарий с летами все более и более дряхлел. Он стал плохо видеть и дрожал всем телом. Братия, заметя, как силы их уважаемого Старца слабеют, просили последнего сложить с себя те великие труды, которые он нес. Но Преподобный обыкновенно отвечал, что пройдет еще немного времени и сам собой наступить конец его подвигам. Некоторые просили Старца дать им на память одежду и благословить и преп. Макарий с любовию исполнял просьбу таковых.

Около св. аввы теперь толпились иноки, желая услышать от него последнее слово назидания. Старец и в этом не отказывал им. Он их наставлял, ободрял, утешал, при этом не обходилось дело без слез. Слушающие предсмертные речи Великого подвижника нередко плакали. А один раз окружающая Старца братия от умилительных слов последнего подняла такой плач, что с трудом преп. Макарию удалось их успокоить.

Иноки понимали, что весьма трудно слабому авве принимать каждого отдельно и вот, однажды, старцы «из Горы» собрались и решили позвать к себе своего наставника, дабы порознь не безпокоить его. Через посланного они передали преп. Макарию: «Просим тебя, прииди ты сам к нам, чтобы нам видеть тебя прежде отшествия твоего к Господу». Когда Макарий пришел в «Гору», собралось к нему «все множество монахов». Старцы просили его дать им наставление.

Наш Отец, выслушав просьбу, стал так говорить: «Восплачем, братия! Очи наши да проливают слезы прежде нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши. И все зарыдали, пали на лица свои и сказали: «Отче! Помолись о нас!»

Незадолго до кончины преп. Макарию явилось два светозарных мужа. Сияние, окружающее этих мужей, не давало возможности нашему Старцу рассмотреть их. Впрочем, спустя некоторое время Макарий в одном собеседнике узнал преп. Антония. Что же касается другого, то сам Антоний назвал его – это был Пахомий, отец Товенских монахов. Явившиеся мужи объявили, что они посланы за ним – Макарием, что кончина его наступит через девять дней, в продолжение которых он должен выполнить все то, что его еще озабочивает на земле. Указав, где по смерти преп. Макарию уготовано место, святые мужи скрылись.

После этого Старец слег на циновку и с нее уже не вставал. На 9-й день болезни явился к нему херувим и объявил, чтобы он выходил из бренного тела. Со словами: «Мой Господь Иисус, весьма любимый моей душей, приими мой дух», – преп. Макарий почил. Это было около 391 года.

Скоро весть о кончине Великого старца разнеслась по всем скитам, где жила братия. Каждый, услышав о кончине своего наставника, пролил слезу. Все почувствовали великую утрату, почувствовали как бы некоторое безпомощное состояние.

К гробу почившего Св. старца стали стекаться иноки из самых отдаленных скитов и пустынь. На этот раз все оставили свои келлии и со скорбию и слезами потянулись к церкви, где теперь лежал прах Преподобного. Многие, при виде безмолвного, умершего Старца, долго горестно кричали.

Совершив погребение и принесши при этом безкровную жертву, братия похоронила затем тело преп. Макария в пещере близ церкви, которую он сам построил.

Между тем жители Пижижвира, родного селения преп. Макария, узнав о кончине и месте погребения последнего, однажды ночью тайно явились в Скит и перенесли тело Преподобного к себе. Для места успокоения своего святого они выстроили «martyrium» – небольшое здание, которое и было освящено епископом. Тело св. аввы положили в юго-восточной части новопостроенной церкви. Положение мощей сопровождалось пением «псалмов», «благословений» и «других духовных песнопений».

II.
Творения преподобного Макария Египетского в их систематическом изложении

Изучение творений преп. Макария показывает, что у него были излюбленные темы, на которые он готов был всегда говорить. У него был свой «религиозный интерес», наполнявший всегда его душу. Этот его интерес

касался возсоздания человеческой природы после крещения через действие благодати и при участии человеческой воли. Мысли относительно этого у Преподобного рассеяны без определенного порядка по всем беседам. Чтобы установить последовательность их, нужно сначала наметить план, схему всего міросозерцания преп. Макария. И в этом помогает нам сам наш отец. У него бывали моменты, когда он в нескольких словах, кратко, как бы в схеме высказывал приблизительно все свои задушевные взгляды[302].

Особенно в этом отношении заслуживает внимания его 47-я беседа, где мы находим более или менее подробный план всех его творений. Основываясь, главным образом, на этой беседе мы можем предложить следующий план систематического изложения творений преп. Макария.

I. Невинное состояние первых людей в раю.

II. Состояние человека после падения.

III. Падший человек не мог сам спастись. Потребовалось пришествие Господне. Величие христиан.

IV. Призвание людей ко Христу. Взаимоотношение в этом призвании благодати Божией и свободы человека. Остается ли грех в человеке после его духовного возрождения в крещении?

V. Греховное состояние немощных христиан.

VI. Процесс нравственного усовершенствования христианина. Трудничество.

VII. Плоды нравственного преуспеяния христианина.

VIII. Смерть и будущая жизнь.

а) Невинное состояние первых людей

Бог безпредельный, неприступный, несозданный, недомыслимый по Своей благости[303], безконечный и непостижимый[304], праведный[305], всеведущий[306], вездесущий[307], неописуемый и необъемлемый[308], Божественная Троица[309], Бог – безконечная Любовь[310], сотворил досточудные твари – небо, солнце, луну, землю, воду, разные растения и всякого рода животных. Но ни в одной из этих тварей Господь не утвердил Себе престола, не благоволил ни с кем из них вступить в общение и единение. Это счастие выпало лишь на долю человека[311].

Для него создан весь мір, все его красоты, сам же он предназначен быть жилищем Господа, дабы в теле и душе его Творцу можно было бы упокоиваться, как в Своем доме[312]. Такому назначению человека должна была соответствовать его природа. И вот он действительно создается по образу Божию[313], по образу добродетелей Духа[314]. Гос-

подь наделил его душею, которая поистине есть великое и чудное творение Божие[315]. Она есть весьма утонченное тело[316].

Душа – это умное, исполненное всякой лепоты творение, прекрасное подобие и образ Божий. Душа – это нечто удобоподвижное, легкокрылое, неутомимое, способное в одно мгновение перебегать мысленно большие пространства[317]. Душа – это безсмертная сущность, которая от Божества должна была почерпать себе духовную пищу[318]. Душа одна сама по себе много дороже целого міра и всякого мірского царства[319]. В нее Творец вложил рассудительность, ведение, благоразумие, веру, любовь и прочие все добродетели, но особенно в душе при ее единстве выделяются следующие царственные силы: воля, совесть, ум и сила любви (τὸ θέλημα, ἡ συνείδησις, ὁ νοῦς, ἡ 'αγαπητικὴ δύναμις). Ими управляется душевная колесница, в них-то и должен был почивать Бог[320].

Но при всем этом нужно помнить, что Он – Бог, а она (душа) не Бог; Он – Господь, а она– раба; Он – Творец, а она – тварь; Он – Создатель, а она – создание; ничего нет общего в ее и в Его существе[321]. Душа – не от Божия естества и не от естества лукавой тьмы; но есть тварь особого рода[322]. Она, хотя создана чистой, но не абсолютно совершенной. Ее задачей еще было преуспевать и совершенствоваться[323].

Кроме души, Творец наделил человека телом, которое есть подобие души (τὸ σῶμα ὁμοίωμα τυγχάνει τῆς ψυχῆς), тогда как душа – образ духа (ἡ δε ψυχὴ εικὼν τοῦ Πνεύματος ὑπάρχει[324]). Она была свободна от страданий и болезни[325], и также предназначалась для жилища Творца[326]. Кратко сказать: как муж тщательно собирает в дом свой великие блага, так и Господь в доме Своем – душе и теле – собрал и положил все небесное богатство духа[327].

Обладая такою природой, человек вполне был годен к общению со своим Творцом. И, действительно, Слово Божие постоянно в нем пребывало: Оно было его наследием. Адам действовал в согласии с Словом Божиим. Последнее для него было и одеждою, и славою, и учением. Нужно было Адаму дать имена земным тварям. И, вот, как научил его Господь, так он и нарекает[328]. Адам жил в Боге и для Бога – все его внутренние движения души – ведение, ощущение – были направлены на Всесвятого Творца. Какого-нибудь срамного плотского движения у него не было – отсюда понятна его нагота. Он ее не замечал, ибо не оставалось у него ни одного такого мгновения, когда бы мысль его отрешалась от Бога[329].

Первые люди знали только одно добро. Они только его излучали[330]. Ум их всегда созерцал своего Владыку Господа[331], украшался небесными красотами[332], был полным господином над всеми помыслами[333]. Он был чужд демонов, чист от греха, пороков и страстей[334]. Небесная жизнь, по-

черпаемая от Бога[335], небесные блага – вот что было достоянием первого человека! Его покрывала небесная слава, подобно той славе, которую имел Моисей на горе[336]. Как царь земли Адам, далее, владел всем міром, ему покорялась вся природа. Ни огонь не жег, ни вода не потопляла, ни зверь ему не вредил, ни ядоносное животное не могло оказать над ним своего действия[337]. В услугу Адаму даны были все твари[338]. Первый человек был владыкою всего, начиная с неба и кончая дольним міром.

Кратко сказать: первому человеку было уготовано великое богатство и великое наследие. Представь себе большое село и оно имеет много доходов; там цветущий виноградник, там плодоносные поля, там стада, там золото и серебро. Так и Адам до преслушания был дорогим селом[339]. Посмотри, человек, как необъятны: небо, земля, солнце, луна, не в них благоволил упокоиться Господь, а в тебе! Ты драгоценнее всех тварей и не только видимых, но и невидимых – ангелов. Ибо об архангелах Михаиле и Гаврииле не сказал Бог: сотворим по образу и подобию Нашему, но сказал это только об умной человеческой сущности (περὶ τῆς νοερᾶς οὐσίας τοῦ ἀνθρώπου) – безсмертной нашей душе[340].

Но все обилие благодати первого человека не имело, однако, ничего приневоливающего[341], Господь Сам, будучи свободным, создавая человека по Своему образу и подобию, даровал ту же свободу и ему[342]. На этой-то свободе и должно было основываться делание человеком добра и исполнение им райской заповеди.

Видимые твари от самого творения связаны каким-то неподвижным естеством. Они не могут выйти из того состояния, в каком созданы и не имеют воли. Но не таков человек. Он существо свободное, как Бог[343]. Ему дано самовластие свободы, благодаря которой человек мог устремляться к лучшему и удерживаться от худого[344]. Отсюда Адам как по собственной своей воле повиновался в раю своему Творцу, так, затем, по своей же воле он и преступил заповедь. Великое богатство было уготовано первому человеку! Но он не воспользовался им. Скорее он возымел худые помыслы и мысли; преступил заповедь Божию и через то погиб для Бога![345]

б) Состояние человека после падения

После грехопадения первых людей природа человека изменилась. Все царственные силы его души теперь потеряли свою крепость, свое совершенство. Прежде всего что произошло с умом? После падения на ум человека легли неудобоносимые горы, примешались к нему порочные помыслы и стали как бы его собственные[346]. Простое, доброе, небесное мудрова-

ние его теперь стало плотским, стремящимся долу[347]. Ум прежде тонкий, созерцавший Владыку, теперь сделался весьма ограниченным. Особенно сильно эта ограниченность обнаруживается, когда человек вздумает исследовать разум Божий. И что говорит разум Божий, человек не может всецело понять, – не может понять даже и все то, что ежедневно происходит в нем самом.

В самом деле, со дня рождения твоего и доныне сумел ли ты познать свою душу? Перескажи мне помыслы, возникшие в тебе с утра до вечера? Расскажи мне помышления трех дней? Но ты не в состоянии этого сделать[348]. Прежде ум видел и знал только добро, теперь очи его прозрели для пороков и страстей[349], и в то же время ослепли для созерцания той божественной славы, которая его до греха покрывала[350]. Ум его стал слаб, слаб в том смысле, что потерял энергию.

Его безсилие особенно ясно обнаруживается в том, что он не в состоянии владеть своими *помыслами. Помыслы – это суждения,* понятия или, лучше, мысли об известном предмете, которые образуются рассудком от созерцаний, представлений и чувственных восприятий. И вот со времени падения у человека стали возникать помыслы нечистые, греховные, непостоянные, обольстительные, мятущиеся, суетные[351], и ум не в силах часто бывает их подавить, вследствие чего помыслы приобретают силу, приводят в колебание все внутреннее существо человека и сквернять ум и совесть[352].

Что, далее, произошло с совестию? Совесть стала погрешительной, в виду чего нужно ежедневно разбирать ее[353]. Воля также ослабела. Человек теперь не может сколько желает молиться[354]. Какое-то «противление» (ἡ ἐναντιότης) явно и тайно во всем овладело нами[355], так что человек иной раз неудержимо понуждается делать худые дела[356]. Он стал нравственно не свободным. Его произволения одичали, запустели, поросли тернием[357].

Особенно извращено сердце человека. В сердце открылся источник и корень всякого зла. Зло живет и действует в сердце, внушая лукавые и нечистые помыслы[358]. «Сердце – малый сосуд, но там есть змии, там есть львы, там все сокровища порока»[359]... Сердце со своею способностию любить стало обращаться к дурному и продолжительная любовь чего-либо дурного образует страсть[360]. Грех и все нечистые помыслы струятся в сердце[361], которое облеглось вокруг покрывалом тьмы, застилающим для ума Бога и для сердца все доброе[362]. Сердце падшего человека исполнено зловония, нечистот и мерзости запустения[363]. Оно стало в каждом человеке как бы малым адом[364].

Вместе с душею изменилось после грехопадения первых людей и тело. Прежде здоровое, безболезненное, бодрое, оно теперь подверглось болезням и страданиям и смерти. Рай – жилище первого человека – заменен

юдолью земною. Человек, отступив от данной ему заповеди, – из райского наслаждения изгнан в этот мір, как бы в плен, как бы в какую рудокопню, подпал страданиям и болезням плоти, которых прежде не знал[365], и, затем, пожив 930 лет, как лишенный небесного и духовного услаждения, умер телесно[366].

Помимо этого извращения, к человеку после падения приобрел доступ злой дух. Если прежде он со вне смотрел на райскую жизнь Адама и мог только со стороны приближаться к нему, то теперь он овладел всем его внутренним существом, воцарился над человеком[367], и распоряжается им теперь как своим рабом, силясь всегда вовлечь его в грех. Он всячески старается, чтобы он уже не смотрел и не желал так, как желает, но чтобы он и видел лукавое и слышал лукавое и ноги его поспешали на злодеяние и руки его делали беззаконие и сердце помышляло лукавое[368]. После греха лукавый как бы облекся в душу, поэтому то душа и называется «телом лукавой тмы» (σῶμα τοῦ σκοτοῦς πονηρίας)[369]. Этою тмою лукавый так обложил душу, как облекают человека, чтобы сделать его царем и дать ему все царские одеяния и чтобы от головы до ногтей носил он на себе все царское. Так лукавый князь облек душу грехом, все естество ее, и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного члена ее, ни помыслов, ни ума, ни тела, но облек ее в порфиру тмы[370]. Он положил на сердце человека свою печать, посеял в душе его семена горечи[371].

Под влиянием двух указанных фактов, действующих в падшем человеке: греховного начала и затем диавола, – человечество, таким образом, пришло в безотрадное положение. Вот картина этого безотрадного положения. Как в темную и глубокую ночь дует какой-нибудь жестокий ветер и приводит в движение, смятение и сотрясение все растения и семена: так и человек, познав власти темной ночи диавола, страшно дующим ветром греха приводится в колебание, сотрясение и движение; у него в смятении вся природа: душа, помыслы и ум, в сотрясении и все телесные члены. Ни один член души и тела не свободен и не может не страдать от живущего в нас греха[372].

Состояние падшего человека похоже на пшеницу в решете. Как пшеница, просеваемая в решете, взбрасывается, переворачивается – одним словом движется в разные стороны, так что одно зернышко безчисленное количество раз перескакивает с одного места на другое, ворочается, взлетает, и, наконец, уже попадает в отверстие и просеивается, так и душа грешного человека мятется от различных земных дел, злых пожеланий, от постоянных помыслов и т. п.

Определение, сказанное Создателем Каину: «Стеня, трясыйся в тревоге будеши на земли» *(Быт. 4, 12)*, послужило образом и подобием для

всех людей. Диавол стал употреблять все усилия к тому, чтобы привести человека в такое мятущееся состояние. Он каким-то сокровенным и жестоким ветром обуревает и кружит человека, приводя его в колебание и уловляя мірскими обольщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями[373]. В таком смятении находится весь мір от царей до нищих. И люди часто сами не знают причины этого зла, потому что зло «как некая разумная сила» тайно действует во внутреннем человеке, а люди думают, что все, что они ни делают, делают естественно и по собственному своему рассуждению, а не по побуждению чуждой некой силы[374].

Так греховный человек потерял даже чутье различать свои поступки и стал действовать так, как подсказывает ему его греховная природа. Как иная богатая женщина, у которой много денег и великолепный дом, остается без защиты: многие приходят, делают ей вред, опустошают ее жилище, так и душа, по преступлении, весьма много утесняется сопротивною силою, доведена до великого запустения; за преступление заповеди вдовствует и в одиночестве остается; оставленная же Небесным Мужем, она стала игралищем всех сопротивных сил. Они вывели ее из ума (ἐξέστησαν αὐτὴν τῶν ἰδίων φρενῶν), подавив в ней небесное разумение[375].

Да, слишком грех после падения вкоренился в природу человека. Он живет во всех членах его души и тела, как бы облекается в душу и касается самых составов костей[376], он владеет всеми составами и пажитями сердца, всеми сердечными помышлениями[377]. Как в теле при болезни страждет не один его член, но все оно всецело подвержено страданиям, так и душа вся пострадала от греха. Какая-то сокровенная скверна и какая-то тма страстей чрез преступление Адама вошла во все человечество вопреки чистой природе человека и это-то потемняет и оскверняет вместе и тело и душу[378]. Человек в плену, в рабстве, он представляет из себя не что иное, как четырехдневного смердящего Лазаря[379]. Жалкое и скорбное положение падшего человека! Царь всей твари и чистое творение Господа стал рабом сопротивной и лукавой тмы! Сам Творец после падения сожалел о нем, ангелы, все силы небесные, земля и все твари оплакивали смерть и падение его[380].

Пал первый человек Адам и грех, затем, распространился на весь род человеческий. Каждый человек уже от материей утробы делается причастным греху. От одного человека происходят все люди и одна и та же какая-то страстная порча (μία τῆς κακία τῶν παθῶν), которой подвергся Адам, проникает на весь род человеческий[381]. Эта порча подобна закваске (ἡ ζύμη). Закваска небольшая часть замешанного теста. Но когда ее положить в известное количество муки, то она заквашивает все тесто, при этом, эта уже заквашенная часть может заквасить еще большее количество

муки и т. д. То же и со грехом Адама. Грех вошел в природу первого человека. От этого последнего путем естественного рождения стали являться люди, к которым и переходит греховная закваска Адамова. Там вскисает тесто через смешение закваски с мукой. – Здесь вскисает грехом человек через плотское смешение его с родоначальником. Так закваска греха в роде человеческом растет и распространяется на все человечество[382]. Все мы сыны омраченного рода, все причастны Адамова зловония. Какою немощию пострадал Адам, тою же пострадали и все мы, происходящие от Адамова семени[383]. Через Адама смерть воцарилась над всякою душей[384].

Вместе с человеком подверглась проклятию и вся тварь. И это так и должно было быть. Человек – царь, тварь – его достояние. Между тем и другим существует связь. Представь себе царя, у которого есть достояние и подвластные ему служители готовы к услугам; и случилось, что взяли и отвели его в плен враги. Как скоро он взят и уведен, необходимо служителям и приставникам его следовать за ним же. Так и Адам чистым создан от Бога на служение Ему, и в услугу даны твари сии, потому что поставлен он господином и царем всех тварей. Но коль скоро пленен Адам, пленена уже с ним вместе и служащая и покорствующая ему тварь[385].

Человек сам своим падением открыл себе доступ ко греху и ко власти диавола, но, с другой стороны, порабощение его духами злобы, демонами и страстями есть, вместе с этим, и наказание Божие за грех, есть как бы гнев Божий на человека. Бог предал Иерусалим на позор врагам и ненавидящие Израиля стали господствовать над ним; так, прогневавшись и на душу за преступление заповеди, предал Бог ее врагам, демонам и страстям[386]. Адам был в чести и в чистоте, а, преступив заповедь, изгнан из рая[387].

При всем своем глубоком падении человек, однако, окончательно не погиб. Не говорим, что человек всецело утратился, уничтожился, умер: он умер для Бога, живет же собственным своим естеством[388]. После греха природа человека стала только удобоприемлемой как для добра, так и для зла. Душа есть образ Духа (εἰκῶν τοῦ Πνεύματος) и после падения[389]. Главным же образом у человека и после падения осталась свобода[390].

Как же, спрашивается, в падшем человеке оставшееся добро относится ко злу?

Грех в падшем человеке стал жить как нечто самостоятельное, независимое от добрых свойств его души. Змий вошедший стал властелином дома и он отстается при душе, как другая душа[391]. В нас действует зло со всею силою и ощутительностию, внушая все нечистые пожелания, однакож сраствореno с нами не так, как иные говорят о смешении вина с водой, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе и

плевелы сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома[392]. Когда светит солнце и дует ветер, то у солнца свое тело и своя природа и у ветра – своя же природа и свое тело. Так и грех примешался к душе, но и у греха и у души своя особая природа[393].

Но грех и душа, существуя отдельно друг от друга, однако, могут соединиться и тогда получается нечто третее – нечистое, греховное, так что уже не остается места доброму. Источник изливает чистую воду, но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, – весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, сраствоpяется с пороком. И сатана чем-то одним делается с душею; оба духа, например, во время блуда или убийства составляют что-то одно[394].

Но душа, как сказали, может действовать независимо от зла и злого духа, так сказать самостоятельно, и тогда она способна творить добрые дела[395].

Что же сильнее в человеке: зло или же добро? Грех и остатки добра в падшем человеке живут в одинаковой степени. Нельзя сказать, чтобы грех осиливал человека, равно как и наоборот. Если говоришь, что порочная сила крепче и порок вполне царствует над человеком, то обвиняешь в несправедливости Бога, который осуждает человечество за то, что послушался сатаны. Ум есть борец и борец равносильный ἰσόῤῥοπον[396].

Представь себе стан персидский и стан римский; и вот вышли из них два окрыленные мужеством и равносильные юноши и ведут борьбу. Так сопротивная сила и ум равномощны между собою и равную имеют силу, как сатана преклонять и лестию вовлекать душу в волю свою, так опять и души прекословить греху и ни в чем не повиноваться ему; потому-то обе силы могут только побуждать, а не принуждать к злу и добру[397]. А утверждающие, что грех подобен сильному исполину, душа же подобна отроку, говорят худо[398]. Ибо, если бы действительно было такое несходство, то несправедлив был бы Законоположник, Который дал человеку закон вести брань с сатаною[399].

Еще одно замечание о живущем в человеке злом начале. Есть еретики, которые утверждают, что вещество безначально и что оно есть корень, коренная сила, равносильная Богу. Отсюда и зло, как произведение вещества, самостоятельно. Но утверждающие это, ничего не знают. Должен быть Творец всего существующего. Каким же Его нужно представлять? Несомненно, совершеннейшим, всемогущим, всесвятым. А если так, то Он и создать мог *только* существа чистые, простые[400]. Если же скажем, что Создатель сотворил и существа злые, то, во-первых, приписываем злое начало Ему, безстрастному Божеству, во-вторых, называем Бога несправедливым, Который сатану посылает в огонь.

Если существует зло в міре, то оно могло произойти только от самопроизвола тварей. Как богоподобные существа, ангелы, и душа были наделены свободой, которой они злоупотребили, уклонившись от Бога и Его святого закона[401]. Зло не самостоятельное, а случайное явление в міре.

в) Падший человек не мог сам спастись: потребовалось пришествие Господне. Величие христиан

Как богатого человека, который владеет великолепными и огромными домами, изобилует серебром и золотом, но одержимого страшною, неисцелимою болезнию не может избавить от болезни ни знатное его родство, ни богатство[402], или как кровоточивую, расточившую все свое имущество врачам, никто не мог исцелить[403], так и душу, зараженную грехом, ничто не могло спасти[404]. Прежде всего безсильны были в этом отношении собственные дела правды ветхого человека, ибо к этим естественным плодам (φυσίκοὶ καρποὶ) правды, которые он мог творить[405], всегда примешивался нечистый элемент, которого устранить своими собственными усилиями не мог[406]. Правда, человек всегда оставался свободным. Но свобода падшего лишь простиралась на то, чтобы противодействовать злу, но не искоренять и властвовать над ним[407].

Не могли указать средств ветхому человеку избавиться от греха и никакая мудрость человеческая – ни софистика, ни витийство, ни живопись, ни скульптура. Сколько было праздных мудрецов в міре: одни из них показали свое превосходство в любомудрии, другие удивляли упражнением в софистике, иные показали силу в витийстве, иные были грамматиками и стихотворцами и писали по принятым правилам истории. Были и разные художники, упражнявшиеся в мірских искусствах. Но все мудрецы и художники никакой не получили пользы от своего знания и искусства, напротив того, самими искусствами люди эти были нередко уловляемы сатаною и увлекаемы в грех[408].

Наконец, не мог исцелить падшего человека сам даже ветхозаветный закон[409]. Приходил Моисей, но он не мог подать совершенного исцеления. Были священники, дары, десятины, субботствования, новомесячия, омовения, жертвы, всесожжения и всякая прочая правда совершалась по Закону; а душа не могла исцелиться[410]. Прежние иереи, левиты и учители даже не способны были уврачевать себя самих, потому что и сами обложены были немощию[411]. Причина, почему Ветхий Завет не имел силы, та, что он был лишь *сенью* грядущих благ.

Как тень от тела производится самим телом, однако же не может заменить собою плоть в служении; но она есть произведение самого тела и наперед показывает его присутствие: так и Ветхий Закон есть тень Нового Завета. Но тень предуказывала истину, а не заменяла собою Духа; потому что облеченный плотию Моисей не мог бы войти в сердце и совлечь нечистые одежды тмы, но как тень не исправляет служения и не врачует немощей: так и Ветхий Закон не мог врачевать душевных язв и немощей, потому что не имел жизни[412].

Итак ветхий человек был безсилен в борьбе со грехом. Он не мог сам разлучить душу от греха, который вкоренился в его природу, сделался как бы его принадлежностию. Как иной видит летающую птицу и хочет сам летать, но, не имея крыльев, летать не может, так и у ветхого человека являлось желание быть чистым, но сил на это у него не было[413]. Или как никто не может переплыть море без корабля, так и душе само собой невозможно было преодолеть и переплыть горькое море греха[414].

Греховная человеческая природа подобна была птице с одним крылом. Как последняя не может летать по воздуху, так и грешная душа не могла возлететь в божественный воздух, в свободу Святаго Духа[415]. Род человеческий, в беззакониях зачавшись и во грехах родившись от матерней утробы, делался отчужденным от Бога. И таким бы он оставался навсегда, если бы Сын Божий не умилосердился и не пришел на землю ради нашего спасения.

Только Бог мог спасти погибавший род человеческий[416]. Как одни только пастух может вылечить *шелудивую* овцу и уберечь от волков: так истинный Пастырь Христос Один только мог, пришедши, погибшую и струпами покрытую овцу – человека – уврачевать от греховной нечистоты и проказы и возвратить Себе[417]. Как невозможно рыбе жить без воды, или человеку ходить без ног, видеть свет без глаз, говорить без языка, слышать без ушей, работать без рук, так без Господа Иисуса человеку невозможно было избавиться от греха[418].

Представь себе, что человек, в полноводие реки, в середине ее потонул в водах, и задохшись лежит мертвый среди страшных зверей; а другой человек, неопытный в плавании, хочет спасти ушедшего в воду, и сам гибнет и задыхается; поэтому потребен здесь опытный и искусный пловец, который бы, войдя в глубокое недро вод, погрузился там, и вынес оттуда потонувшего и лежащего среди зверей; тогда сама вода, как скоро видит человека опытного, умеющего плавать, поможет ему и выносит его на верх. Так и душа, погрузившись в бездну тмы и в глубину смерти, лишена дыхания и среди страшных зверей пребывает мертвою для Бога. Кто же может сойти в эти тайники и глубины ада и смерти, кроме Самого Художника, произведшего тело?[419]

Итак одно только пришествие Господне могло очистить душу и тело ветхого человека от греха[420]. И Господь Иисус Христос, Сын Божий, приходил на землю. Он взял на Себя грехи всего міра, возделал запустевшую душу, изъял из нее терния и волчцы, исторг плевелы греха и все былие грехов ее пожег огнем и насадил в душе прекраснейший духовный сад[421]. Христос дал душе истинное врачество, совлек с нее очерненные одежды и срамоту порока, омыл греховные язвы людей, исцелил их и ввел в небесный брачный чертог[422]. Христос изгнал духов злобы, которые после грехопадения – облеклись в человека[423], низложил их с престолов, т. е. понятий и помыслов, которыми они правили, очистил совесть и престолом Себе Самому сделал ум, помыслы и тело[424].

Христос уничтожил всякий безпорядок, произведенный лукавым, и разрушил все дела его[425]. Он обновил в человеке небесный образ, воссоздал душу, чтобы Адам снова стал царем смерти и господином тварей. Христос воскресил мертвых, оживотворил умерщвленных, просветил находящихся во тме, призвал нас в сыноположение во град святый, в жизнь никогда нестареющую, в славу нетленную[426], приобщил нас к царской Своей трапезе[427]. Христос возвратил естеству человеческому достоинство первозданного Адама; а сверх того даровал ему и небесное наследие[428]. Он делает верующих в Него новым умом, новою душею, новыми очами, новым слухом, новым языком духовным – одним словом, новыми людьми[429]. И этого достиг Спаситель через Свое воплощение, жизнь, крестные страдания, смерть и сошествие во ад.

Христос принял на Себя разумную человеческую природу, в частности от Девы Марии тело, и это имело следующую важность. Таким путем Господь непосредственно возглаголал людям, а если бы Он пришел непокровенным Божеством, γυμνῇ τῇ θεότητι, то кто мог бы вынести это?[430] Христос земную Свою плоть сраствoрил Божественным Своим Духом, чтобы и ты, перстный, приял в себя небесную душу[431].

Христос, далее, Своею святою жизнию предложил человеку образец, чтобы чрез сие возможно ему было достигать в меру возраста совершенна[432]. Христос заклан и кровь Его делает нас окрыленными[433]. Как железо посредством раскаления и кования очищается, или золото, смешанное с медью и железом, одним огнем только отделяется: так и душа посредством пречистых страданий Спасителя очищается от всякой страсти и от всякого греха[434].

Христос, наконец, снисходил во ад и извел оттуда души верных[435]. Господь приходит к смерти, беседует с нею и повелевает изринуть души из ада и смерти и возвратить Ему. И вот, смятенная этим смерть приходит к служителям своим, собирает все силы, и князь лукавый приносит рукописания и говорит: сии вот повиновались слову моему, и

вот как покланялись нам люди. Но Бог, Праведный Судия, и здесь показывает правду Свою и говорит ему: «Повиновался тебе Адам, и овладел ты всем сердцем его; повиновалось тебе человечество. Что же делает здесь тело Мое? Оно безгрешно. Тело первого Адама стало должным тебе и по праву ты удерживаешь его рукописание. О Мне же все свидетельствуют, что Я не согрешил; ничем тебе не должен. Все свидетельствуют о Мне, что Божий Я Сын... Посему, искупаю тело, проданное тебе первым Адамом тем, что распят и снисшел во ад. И повелеваю тебе, ад, тма и смерть, освободи заключенные от Адама души». И, таким образом, лукавые силы, вострепетав, отдают, наконец, заключенного Адама[436].

Но, может быть, кто-нибудь спросит, как Господь мог сходить во ад будучи чистым? Если в видимом міре солнце – тварь, проникая не только в жилища человеческие, более или менее чистые, но и в пещеры львов, гадов пресмыкающихся и других ядовитых животных, нисколько от этого не терпит вреда, то не тем ли более Владыка всех тварей не терпит оскорбления от смерти, когда входит в ее гнездилища и жилища[437].

Да, великое снисхождение к падшему человечеству проявил Господь Своим пришествием на землю! Представь себе, что кто-нибудь входит в царские чертоги, видит изображенные там истории и украшения, в ином месте разложенные сокровища, а в ином что-нибудь иное, и восседает с царем за трапезой и предложены ему самые сладкие яства и пития и вполне наслаждается он зрением и убранством; или представь, что какая-нибудь девица, превосходя всех красотою, мудростию и богатством, избирает себе мужем человека нищего, незнатного, некрасивого, одетого в рубища и снимает с него нечистые одежды и облекает его в царскую ризу и возлагает на него венец и делает его супругом; наконец, нищий начинает приходить в изумление и говорит: мне ли бедному, нищему, смиренному и уничиженному дана такая супруга?[438] Или, представь, что царь, нашедши какую-нибудь бедную отроковицу, одетую в рубища, не постыдился, но снял с нее нечистые одежды, омыл ее черноту, украсил ее светлыми ризами, сделал ее царскою сообщницею и участницею в трапезе и пиршестве[439]. Так и Господь поступил с бедным и уничиженным человеком. Дал ему вкусить иного века, иной сладчайшей пищи. Показал ему славу и царские неизреченные небесные красоты[440].

В видимом міре, если малочисленный народ восстал на брань с царем, то царь не трудится сам идти на войну, а посылает воинов с военачальниками и они ведут войну; если же восстал народ многочисленный, который может опустошить его царство, то царь сам с царедвор-

цами и воинством своим принужден бывает идти и распоряжаться военными делами. Посему приими во внимание свое достоинство. Бог с воинством Своим, т. е. с Ангелами и святыми духами, подвигся и сам пришел вступиться за тебя и избавить тебя от смерти![441]

Велика любовь Божия к человеку! Безсмертный благоволил быть за тебя распятым[442]. Великое богатство уготовано людям Христом Спасителем! Как в видимом міре никому невозможно объять числом все многоразличные растения, семена и цветы на земле, и никто не в состоянии измерить, или познать все земное богатство; или, как невозможно ни одному человеку объять умом все живые существа в море, или их число, или породы, или различия, или количество самой воды, или пространство моря; или пород их, или разнообразия, или, как нет возможности постигнуть величину неба, или положение звезд, или течение их, – так невозможно выразить или описать неизмеримое, безпредельное и непостижимое богатство христиан[443].

В самом деле, ты, христианин, призван в царское достоинство – ты род избран, священие язык свят *(1 Петр. 2, 9)*. Видимая слава и богатство царя суть нечто земное, тленное, преходящее; а то Царство и то богатство божественны, небесны, славны, никогда не преходят или никогда не прекращаются. Ибо в Небесной Церкви соцарствуют с Небесным Царем; и как Сам Он перворожден из мертвых *(Кол. 1, 18)*, так и соцарствующие с Ним первородны[444].

В древнее время великие праведные цари и пророки знали, что прийдет Избавитель, но не знали, не слыхали и на сердце им не всходило, что Он постраждет и будет распят, что прольет кровь на кресте, что будет крещение огнем и Св. Духом, что в Церкви будут приносимы хлеб и вино вместообразные Его плоти и крови, ἀντίτυπον τῆς σαρκὸς αὐτοῦ καὶ τοῦ αἵματος[445], что причащающиеся видимого хлеба будут вкушать плоть Господа, что Апостолы и христиане приимут Утешителя и облекутся силою свыше и исполнятся божества, что души сподобятся единения с Духом Святым. Этого не знали пророки и цари, это и на сердце им не всходило.

Ныне же христиане обогащаются и исполняются любовию к Божеству[446]. Кратко сказать: христиане принадлежат иному веку, они суть сыны Адама Небесного, новое рождение, чада Духа Святаго, Светозарные братия Христовы, подобные Отцу своему духовному и светоносному Адаму; из того они града; из того рода, той причастны силы, не этому принадлежат міру, но міру иному[447]. У них иная трапеза, иные одеяния, иное наслажденье, иное общение, иной образ мысли. Они отличаются от всех в міре людей[448]. Они рождены свыше и в самой действительности и силе сподобляются быть чадами Божиими[449].

г) Призвание людей ко Христу. Взаимоотношение в этом акте призвания благодати Божией и свободы человека. Остается ли грех в человеке после его духовного возрождения в крещении?

Господь Иисус Христос приходил на землю для спасения всех людей[450], вследствие этого и призывающая ко Христу благодать Божия распространяется на всех людей. Как земледелец всюду бросает семена и насаждающий виноградные лозы желает, чтобы все они принесли плод, так и Господь хочет, чтобы слово Его посеяно было во всех сердцах человеческих. Или как ветры дуют всюду по всей твари и как солнце освещает целую вселенную: так и Божество повсюду[451].

В Евангелии написано, что Господь послал рабов призвать желающих и объявить им: «Се обед Мой уготован» *(Мф. 22, 4)*, но сами званные отказались и говорили: один супруг волов купил, другой – жену поях *(Лк. 14, 19-20)*. Видишь ли, звавший готов, отреклись же званные и, конечно, сами для себя были виною[452].

Или, как в неводе попадаются многих пород рыбы и те, которые негодны, тотчас же выбрасываются в море, так и мрежа благодати распространяется на всех и для всех ищет успокоения[453].

Господь непрестанно ударяет в двери сердец наших, чтобы отверзли мы Ему и Он вошел и почил в душах наших и сотворил обитель у нас[454]. Со стороны человека требуется для этого только свободное произволение, желание.

Человек по природе имеет предначинание (τὴν ἐπιτήδεοσιν) и его-то взыскует Бог. И поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял, поняв – возлюбил и предначал волею. А чтобы мысль привести в действие или перенести труды или совершить дело, – сие благодать Господня дает возжелавшему и уверовавшему. Посему воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, – Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей[455]. Так высоко ценит Господь свободное желание. Он вменяет его человеку в заслугу и откликается на него Своею призывающею благодатию[456].

И, кажется, одно только это желание – искание Господа в падшем человеке и осталось. Собственной способности приблизиться ко Христу он не имеет. Младенец ничего не в силах делать, не может на своих ногах идти к матери, но он, ища матерь, движется, кричит, плачет. И матерь сжаливается над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее. И так как младенец не может приблизиться к ней, то сама мать преодолевается любовию к младенцу, за долгое его искание под-

ходит к нему и с великою нежностию берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душею, которая приходит и взыскует Его[457].

Душа, хотя изъязвлена язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмою, однако же имеет волю возопить ко Иисусу и призывать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление[458]. При этом самое искание Бога в человеке может явиться только тогда, когда он возымеет веру в возможность получить спасение. Отсюда искание человеком Господа то же, что зарождение в нем веры.

Господь готов всех спасти. Он ожидает от человека только по мере сил наших устремления к Нему воли нашей, благой от произволения веры и усердия, всякое же преспеяние производит в нас Сам[459].

Призывающая благодать, простираясь на всех, влияет на сердца людей многоразличными способами. Уловить все ее действия не в силах человек. Можно указать, однако, три способа этого благодатного воздействия. Прежде всего призывающая благодать действует на ум и сердце людей чрез Писания, чрез Слово Божие. Как Царь, написав послания к тем, кому хочет дать грамоты и дары свои, дает всем знать: старайтесь скореее придти ко мне и получить от меня царские дары. И если не придут и не получат, то не принесет им пользы чтение послания, скорее же сделаются они виновными смерти за то, что не захотели придти и из царских рук сподобиться чести: так и божественные писания Царь Бог, как послания, предложил людям, объявляя им, чтобы взывавшие к Богу и уверовавшие просили и получили небесный дар от ипостаси Божества Его[460].

Человек, однако, не тотчас, как услышит слово Божие, делается достойным благой части. Утверждая противное, отнимаешь у него волю и отрицаешь бытие сопротивной силы противоборствующей уму[461]. Но слушающий Слово Божие сначала приходит в сокрушение, потом начинает он упражняться и поучаться в брани, борется и подвизается против сатаны и после долгого состязания и борения одерживает победу и решается быть христианином[462].

Иногда благодать Божия непосредственно действует на человека и как бы силою захватывает его. Но и здесь благодать сообразуется с произволением самого человека. Пример этому ап. Павел. Господь призвал его, как известно, когда он гнал и расхищал Церковь. Но Павел делал это, по неведению, не из противления Богу, а как бы подвизался за истину, вот почему Господь не презирает, а уловляет его[463]. Значит у ап. Павла до обращения его ко Христу было сильное искание истины, только не в состоянии он был сего найти своими собственными силами. Это-то искание прозрел Промысл Божий и чрезвычайным образом призвал его в Церковь Христо-

ву. То же было с разбойником. Он во мгновение времени изменен *верою* и введен в рай[464].

Наконец, призывающая благодать Божия действует на человека посредственно, путем, например, постоянного воспитания в сознании человека мысли о необходимости изменить жизнь и обратиться ко Христу. С этой целию посылаются, например, скорби и страдания. Когда по домостроительству Божию бываешь в скорбях, в страданиях, в язвах, тогда что почитаешь для себя противным, то самое служит к пользе души твоей. Если посещают тебя несчастия, то начинаешь рассуждать сам с собою: несчастлив я в міре, пойду отрекусь от міра, буду служить Богу[465].

Приступающим к Господу необходимо, при этом, духовное рождение от Духа, которое и совершается в момент крещения. Господь хочет, чтобы все люди сподобились этого рождения, потому что за всех Он умер и всех призвал к жизни. Ибо без этого рождения душе невозможно жить, как говорит Господь: аще кто не родится свыше, не может видеть Царствия Божия *(Ин. 3, 3)*. А посему все те, которые уверовали в Господа и, приступив, сподобились этого рождения, радость и великое веселие на небесах доставляют родившим их родителям. Все Ангелы и святые силы радуются о душе рожденной от Духа[466].

Что же делается с душею во время этого духовного рождения, какие действия производит тогда на душу Божественная благодать? В душу, которая обращается ко Христу, Господь влагает закваску, которая очищает ее от грехов и делается потом залогом или условием постепенного нравственного преуспеяния и возрастания ее, пока весь человек не заквасится в добре[467]. Эта небесная закваска подобна той закваске порока, благодаря которой ветхий человек совратился совершенно в порок и лукавство. Там была закваска греха, здесь влагается в души обращенных ко Христу закваска добра – небесной благодати[468].

Ту благодатную силу, которая подается в крещении человеку, можно сравнить также с *солью*. Как мясо без соли загнивает, исполняется великим зловонием и по причине несносного смрада все отвращаются от него, – и в загнившем мясе пресмыкаются черви, находят там себе пищу, поедают его и гнездятся в нем; но как скоро посыпана соль, – питавшиеся мясом черви истребляются и гибнут, зловонный запах прекращается; потому что соль, по природе своей, истребляет червей и уничтожает зловоние; таким же образом и всякая душа, неосоленная Святым Духом, не причастная небесной соли, т. е. Божией силы, загнивает и наполняется великим зловонием лукавых помыслов... Но как скоро душа прибегнет к Богу, уверует и попросит себе соль жизни, благого и человеколюбивого Духа, снисшедшая небесная соль истреб-

ляет тогда страшных червей, уничтожает вредное зловоние, и очищает душу действием силы своей[469].

Или как если кто растворит муку, но не положит закваски, то сколько повидимому, не будет стараться месить и трудиться над тестом, остается оно невскисшим и непригодным в пищу; а когда положена закваска, – привлекает она к себе все смешение муки и все делает квасным, чему и Господь уподобил Царствие, сказав: подобно есть Царствие небесное квасу, его же вземши жена скры в сатех трех муки дондеже вскисоша вся *(Мф. 13, 33);* или как мясо, если кто приложит о нем попечение, но не осолится солию, истребляющею червей и уничтожающею смрад, делается зловонным, загнивает и бывает негодно для людского употребления, так, подобно сему, и все человечество представь себе как бы мясом и незаквашенным тестом и под солию и закваскою из иного века разумей божественное естество Святаго Духа.

Посему, если в уничиженное естество человеческое не будет вложена и примешана из этого века и из оного отечества небесная закваска Духа, также добрая и святая соль Божества, то душа не освободится от зловония и не вскиснет по тяжести и безквасию лукавства[470].

Возрождающую благодать, далее, можно сравнить с деревом, которое бросил Моисей в горький источник и тем сделал его годным для питья. Пришел народ в Мерру, где был источник, дающий воду горькую и негодную для питья. Почему Бог повелевает недоумевающему Моисею в горькую воду ввергнуть дерево; и как скоро ввергнуто дерево, – вода усладилась и, утратив горечь, сделалась сладкою и годною для питья народу Божию.

Так горька бывает и душа, пьющая вино змииное (диавола). Посему Бог влагает древо жизни в самый горький источник сердца, и душа услаждается, отложив свою горечь и срастворившись Духом Христовым; и таким образом, сделавшись благопотребною, употребляется на служение своему Владыке, потому что делается плотоносным духом. Слава переменяющему горечь нашу в сладость и доброту духа! Горе тому, в кого не вложено древо жизни! Он не может приобрести себе какой-либо доброй перемены.

Процесс духовного возрождения души в крещении силою Св. Духа хорошо еще пояснить аналогией с ветхозаветною жертвою. Там иерей сперва закалал жертву и она умирала, а потом рассекал жертву на части, осолял ее и возлагал на огонь. Здесь наша душа, после того, как приступит к истинному архиерею Христу, закалается Им и умирает для мудрования, худой жизни, иначе греха, каким прежде была заражена (закланиe[471]). Затем очищается от скверны солию Духа (осоление) и проникается небесным огнем благодати Христовой, ибо Христос есть божественный огонь (возложение на огонь[472]).

Из сказанного видно, что возрождающая благодать в крещении очищает человека от грехов и дает ему силы для дальнейшего нравственного усовершенствования, при этом, однако, грех, в смысле наклонности к нему, остается и у возрожденного. Прежде всего это доказывает опыт. Так, слишком всем известно, что и по крещении христиане впадают в грех[473].

Скажем, что Господь, пришедши, осудил грех крестом и нет уже его внутри человека. Напротив того, как воин, если в чьем-либо доме поставит колесницу свою, то имеет власть входить в этот дом и выходить из него, когда хочет: так и грех имеет власть разглагольствовать в сердце; ибо написано: вниде сатана в сердце Иуды *(Лк. 22, 3)*. А если говоришь, что пришествием Христовым грех осужден и по крещении зло не имеет уже себе дома, чтобы разглагольствовать в сердце, то не знаешь разве, что, с пришествием Господа и доныне, многие крестились и помышляли иногда лукавое. А иные из них, не совращались ли в тщеславие, или в блуд, или в чревоугодие? А и все міряне пребывающие в церкви имеют ли сердце неукоризненное и чистое? Или не находят ли, что после крещения много бывает грехов и многие грешат? Поэтому и после крещения разбойник имеет возможность входить и делать что хочет[474].

Ныне есть у нас крещение огнем и духом и обрезание, совершаемое в сердце. Но и совершенные, пока пребывают во плоти, не избавлены от забот по причине свободы и состоят под страхом, почему и попускаются на них искушения[475].

Общее состояние возрожденного, следовательно, таково: Если человек плотской решается приступить к изменению себя самого, сперва он умирает и делается безплодным для прежней лукавой жизни. Но как у одержимого болезнию, например, горячкою, хотя тело его лежит на постели и не в состоянии исправлять никакого земного дела, однако ж ум не остается в покое, развлекаемый попечением о работе, ищет врача, посылая к нему друзей своих: так и душа, преступлением заповеди подвергшая себя немощи страстей и сделавшаяся безсильною, когда приступит ко Господу и уверует в Него, получает от Него заступление и, отрекшись от прежней весьма худой жизни, хотя лежит еще расслабленная ветхою немощию и не имеет сил действительно совершить какое-либо дело жизни, однако же обязана, и может иметь усиленное попечение о жизни, умолять Господа, искать истинного Врача[476].

д) Порочная жизнь христиан

Христианину, которого благодать Божия призвала ко Христу, предлежит нравственно совершенствоваться. Но в жизни не так бывает. Одни из христиан после крещения даже и не думают вступать на путь этого нрав-

ственного усовершенствования, совершенно не заботятся об очищении своего сердца, об искоренении в себе пороков и страстей и остаются всю свою жизнь лишь по имени христианами[477].

Некоторые из этих людей, между прочим, думают, что можно получить Царство Небесное без трудов, без подвигов и пролития пота. Как в міре иные приходят к какому-нибудь богатому человеку поработать у него во время жатвы или во время другого дела, чтобы получить в чем сами имеют нужду для своего пропитания, и некоторые из них бывают люди праздные и не трудятся, а желают взять плату, и эти люди думают получить небесные награды, отлагая, однако, в сторону, подвиги[478].

Другие из указанного рода людей не начинают нравственного преуспеяния вследствие ложного убеждения, что нельзя освободиться никакими подвигами от возобладавших ими грехов. Но такая мысль есть внушение злобы. Не нужно забывать, что цель пришествия Спасителя состояла в том, чтобы взыскать и спасти погибающих не только телесно, но, главным образом, духовно. Если Господь так был благосерд, что целил тело, то тем более душе безсмертной, неразрушимой и нетленной, впадшей в недуг неведения, порока, неверия и прочих страстей, но покаявшейся, подаст врачующее избавление[479]. Не может быть, следовательно, извинения в множестве грехов.

Все указанные выше люди, называясь христианами, могут всю жизнь свою жить без Христа. Они не воспринимают спасительного Христова радования, не носят образа Небесного, не поклоняются Богу духом и истиною, не облекаются во оружие света, не преобразуются обновлением ума, не спрославляются храмом Божиим и обителию Духа Святаго, не приобретают простоты нравов и светлости ума, не проникаются они Солнцем правды, не воспринимают на себя подобия Господня, не становятся неподдельною царскою порфирою, неповрежденным образом Божиим, не уязвляются Божественною приверженностию, не уразумевают и не испытывают силы и мира во святыне.

Кратко сказать: такие люди ничем не отличаются от людей естественных, людей не призванных ко Христу[480]. И судьба их плачевна. Они преисполняются пороков и в конце погибают.

Горе душе, когда она не имеет в себе – Христа; потому что, находясь среди горького моря тьмы, волнуемая бурею страстей и обуреваемая лукавыми духами, доходит, наконец, до погибели. Горе душе, когда она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, потому что, запустев и став полною терний и волчцев, она плодоприносит, наконец, огненное себе попаление[481].

Но есть другой класс христиан, которые вступают на путь нравственного усовершенствования, но этот путь их бывает слишком шаток, не по-

стоянен, исполнен падений[482]. И причины этих падений следующие. *Излишняя привязанность к міру.* Невозможно в одно и то же время любить Бога и мір. Как, например, во время пожара один скорее выбегает из дому, оставляя все, и через то спасается, тогда как другой вбегает в дом, разыскивает там вещи, а тем временем огонь берет силу, захватывает весь дом и сожигает его; так и те христиане, которые остаются привязанными к земному, легко впадают в плен лукавых духов[483]. Или как при кораблекрушении, кто желает спастись, тот скорее раздевается до нага и без всяких вещей бросается в воду, чтобы, не будучи связанным ничем, удобнее и легче достичь берега, в противном случае, если он что-нибудь захватит с собою, например, одежду, то эта последняя потопит его в пучине морской, так и в духовном. Нельзя христианину привязываться к міру; он его втянет в свои сети и удалит от Бога[484].

Далее, причиною падений бывает недеятельность, безпечность, рассеянность, расслабление, нерадение[485]. Если ты нерадив и невнимателен к себе самому, то приходят лукавые духи, в ничто обращают и опустошают ум, рассевая помыслы в веке сем[486]. Безпечные христиане подобны тогда бывают юродивым девам. Как те по нерадению, недеятельности, безпечности, предались как бы сну – вследствие чего и не были допущены в чертог царства, так и души по тому же самому могут оставаться вне чертога Христова[487].

Далее легко падают те христиане, которые строят свое благочестие на наружном виде и образе. У таких христиан произволения всегда испытывают колебание и волнение; у них, затем, мысль непостоянна, ими овладевает боязнь и страх. При таком своем внутреннем состоянии они легко опутываются земными узами, сердцем и умом увлекаются к міру и падают[488].

Но самая главная причина падений христиан – это сасмолюбие, самомнение, гордость, превозношение[489]. Кто останавливается на своей только праведности, тот трудится напрасно. Ибо всякое самомнение о праведности своей в последний день сделается явным, якоже порт нечистыя, как говорит пророк Исаия *(Ис. 64, 6)*[490].

Представь себе человека по мірскому свободного и благородного, который, имея великое богатство, получает еще доходы, собирает плоды. Скоро он забывается, делается самонадеянным и для всех становится нестерпимым, ибо всякого попирает ногами и оскорбляет. Так бывает и с иными христианами. Не имея рассудительности, приобретши однако же несколько благодатного упокоения и дара молитвы, они начинают надмеваться, забываться, осуждать других и через это ниспадают «в преисподняя земли»[491].

Можно много указать случаев падения от самомнения и гордости. Вот некоторые из этих случаев. Некто из братий, молясь вместе с другими,

пленен был Божественною силою и, восхищенный, увидел горний град Иерусалим и светоносные изображения и безпредельный свет и слышал голос, который говорил: это есть место упокоения праведных. Вскоре же потом он, надмившись и подумав, что имел видение о самом себе, впал в самую бездну и глубину греха и в тысячи зол[492].

Другой человек благородный, отрекшись от міра, продал имение свое, дал свободу рабам; и как благоразумный прославился уже честною жизнию, а между тем, предавшись самомнению и надменности, впал в распутство. Третий, во время гонения, предал тело свое, сделался исповедником и по наступлении мира, освобожденный, он всеми почитался. У него были повреждены вежди, потому что его томили в сильном дыму. И этот, впоследствии, пришел в такое состояние, как будто бы он никогда не слыхал слова Божия. Четвертый также предал на мучение свое тело во время гонения, был повешен и строган, потом ввергнут в темницу. Ему по вере прислуживала одна инокиня и, сблизившись с нею, пока был в темнице, впал он в блуд. А пятый некто благоразумный подвижник, живя со мною в одном доме и молясь вместе со мною, так богат был благодатию, что, молясь подле меня, приходил в умиление, потому что кипела в нем благодать. Ему дано было дарование исцелений; и не только прогонял он бесов, но и связанных по рукам и ногам, имевших жестокие болезни, исцелял возложением рук. Потом, вознерадев, прославленный міром и услаждаясь сам собою, возгордился он и впал в самую глубину греха[493].

Так гордость и самомнение есть весьма существенные причины падений[494]. А посему, если увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати; то, хотя бы и знамения он творил и мертвых воскрешал, но если не признает души своей безчестною и уничиженною, и себя нищим по Духу и мерзким, окрадывается он злобою, и сам не знает того. Если и знамения он творит, – не должно ему верить. Таковый не христианин, а сосуд прелести и диавола[495].

Теперь вопрос в том, как относится благодать к немощным христианам, которые подвергаются частым падениям? Господь милосердствует к таким и долготерпит. Он долготерпит, когда мы, по великому неведению, по младенчеству и по причине укоренения в нас пороков, отвращаемся от жизни и сами себе полагаем много препятствий... Он пребывает к нам милостив, невидимо охраняя и упокоевая нас, и не попускает нам совершенно погибнуть в пороках, имея в виду, что мы обратимся к Нему когда-нибудь.

И если кто желает узнать долготерпение Божие, тот пусть обратится к богодуховенным Писаниям. Там всякий найдет безчисленное множество примеров долготерпения Божия. Посмотри на Израильтян, как много они грешили? Сколько раз совращались? И Бог не оставлял их в

конец; но на короткое время к их же пользе предавал наказаниям, скорбию желая смягчить их жестокосердие, обращал, побуждал их, посылал к ним пророков и сколько времени был долготерпелив к ним, когда они согрешали и оскорбляли Его. Так и ныне милостивый и благий к каждому из нас Бог являет Свое долготерпение; хотя многократные видит от каждого оскорбления, но безмолствует, ожидая, не отрезвится ли человек со временем и с великою любовию приемлет Он обращающегося от греха.

Но если кто, при великом милосердии и долготерпении Божием, сам дошедши до крайнего пренебрежения, начнет прилагать грехи ко грехам, присовокуплять безпечность к безпечности, на одном прегрешении созидать другое, то он впадет, наконец, в такой грех, из которого не в состоянии будет восстать и в конец погибнет. Так погибли Содомляне, так погибли люди во дни Ноя, так погибли Израильтяне. Так готовит себе осуждение и каждый христианин, который преумножает число грехов, не внемля долготерпению, благости и премудрости Божией[496].

е) Процесс нравственного усовершенствования христианина

Если обычно жизнь некоторых христиан после крещения протекает безпечно, то, с другой стороны, есть христиане, которые всю жизнь свою ведут борьбу с грехом и, при помощи благодати Божией, достигают спасения. И это потому, что в крещении благодать Божия возрождает человека, дает ему силы начать новую, святую жизнь, очищает человека от первородного греха, который делал невозможным для него приближение к Богу. Из купели крещения христианин выходит обновленным, выходит с новыми силами жить по завету Христову, жить свято.

Но нужно еще в жизни осуществить эту святость, нужно, чтобы эта святость была обнаружена при посредстве собственных сил человека, ибо только в таком случае не будет нарушена его свобода.

Безпрепятственно и легко, однако, человеку это сделать невозможно. Во-первых, в сердце и во всем его существе продолжает жить наклонность ко греху; к тому же, он не освобождается от уз греховного міра, который не перестает тянуть его к себе – к делам житейским, к плотским удовольствиям, к богатству и славе, к имению, к жене, детям, к родным, отечеству, к месту и одежде, одним словом, ко всему видимому мірскому[497].

Во-вторых, христианин не может сразу искоренить в себе грех потому, что он проистекает от диавола, также существа свободного. Уда-

лить грех из человека без борьбы силою божественною, это значило бы также нарушить свободу диавола. Он и христианина опутывает, стесняет... Отсюда необходимо и с ним вести борьбу.

Если бы без труда можно было преуспевать, то тогда человек являлся бы несвободным, неподвижным ни на добро, ни на зло. Тогда не имел бы смысла и закон, повелевающий делать добро. Тогда не могло быть речи ни о наградах, ни о наказаниях. Ибо как слава и честь, так вина и наказание возможны только для изменчивой природы, способной или избегать зла или же преклоняться на сторону его[498].

В процессе свободно-нравственного преуспеяния должны принимать, при этом, участие все естественные силы человека – ум, воля, совесть, сердце. Ум нужно признать главной естественной силой, помогающей христианину нравственно совершенствоваться. Ум, или рассудок, это внутренний глаз, который распознает, что в чистую человеческую природу привзошло несвойственного ей, рассудок различает доброе и худое и, подобно внешнему глазу, может являться путеводителем человека в его внутренней жизни.

Внешний глаз служит светом для целого тела; он указывает стремнины, воды, терния, встречающиеся на пути и, таким образом, предохраняет человека от опасности, так и рассудок дает направление всей душе с телом (ὅλην τήν ψυχὴν μετὰ τοῦ σὠματος), когда она проходит по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, т. е. вожделений и удовольствий и прочих несообразностей века сего[499].

Далее, второю естественною силою является воля человека. Недостаточно только видеть стремнины и воды, нужно еще употребить усилие и обойти их – нужна воля, которая во вне проявляется в том, что она дает такое или иное направление своему телу, а внутри – в душе воля также управляет движениями, например, отвращает внутреннее наше око от зла так, чтобы не слышать пересудов, не видеть лукавого и т. п.[500]

Человек находится среди двух сущесвтв. С одной строны, Бог и Ангелы Его хотят, чтобы он был с ними во Царствии; а, с другой, диавол и ангелы его хотят, чтобы он был с ними. И вот, на какую сторону приклонится душевная воля, сыном той стороны и делается человек[501].

Затем, важное значение в деле нравственного преуспеяния имеет совесть. Совесть συνείδησις – это оценщик, возница. От нее зависит соглашаться с теми или другими помыслами или нет... Совесть не дает своего согласия на помыслы, повинующиеся греху, но тотчас обличает их; ибо она не лжет, а всегда, обличая, свидетельствует, что будет говорить пред лицем Божиим в день суда[502]. И, если колесница, бразды, животные и все к тому нужное в руках у одного возничего, то уже, когда хочет, он носится на колеснице со всею быстротою, а когда хочет, сдерживает колесницу, и,

опять, куда хочет поворотить ее, там она и проходит, почему вся колесница во власти у возничего.

Что касается сердца, то оно является, главным образом, источником зла, но в нем остались и крупицы добра. В сердце есть какая-то безпредельная глубина; есть там и торжественные горницы и опочивальни, и двери, и преддверия, и многие службы, и выходы; есть там рабочая храмина дел правды и неправды; есть там смерть, есть там и жизнь, есть там добрая и противная ей купля. Во всяком случае, взятое само по себе, сердце не надежно, изменчиво, непостоянно, одно оно не может быть руководителем в духовной жизни христианина; напротив, само нуждается в руководителе, каковыми и являются для него ум и совесть. Что глаз для тела, то ум для сердца[503]. Или ум для сердца то же, что кормчий для корабля. Ум и совесть дают вразумления и направления сердцу и усыпляют естественные помыслы, возникающие в нем[504].

Однако, предоставленный только своим естественным силам, христианин весьма не далеко подвинулся бы вперед. Руководясь этими силами, человек, правда, может проявлять любовь, веру, молитву, кратко, все естественные плоды правды, но во всем этом будет много нечистого, несовершенного[505]. Нужна благодать, без которой никто не может служить Богу духом и истиною[506]. Та душа, которая, опираясь на собственную только силу, думает сама собой, без содействия Духа преуспеть в совершенной чистоте, много погрешает и неблагопотребна для небесных обителей[507].

Без благодати пять наших умственных душевных чувств всегда будут оставаться юродивыми, подобно евангельским юродивым девам, не будут в состоянии подняться и стать выше интересов міра, хотя по наружности и будут казаться невестами Христовыми[508]. Все труды напрасны, если человек лишен благодати Божией[509]. Пусть земледелец распахивает землю, пусть он проливает пот, усиливается, но если не явятся свыше небесное облако и благодатные дожди, ни в чем не успееет трудящийся земледелец, – так и в духовном. Пусть человек по собственному произволению возделывает землю сердца своего, пусть он употребляет труды, усилия, делания, но если ему не будет дана благодатная помощь, он не сможет принести Господу достойных плодов[510]. Ибо спасает человека не собственное его дело, но Даровавший силу[511].

Благодати Божией, собственно, принадлежит дело созидания нового человека. Благодать призывает[512], возбуждает[513], совершает и заканчивает нравственный рост христианина. Благодать – это особенная сила Божия, вспомоществующая человеку в усвоении спасения Христова. Эта сила есть вообще сила Божия, сила Божества, но, главным образом – сила Духа Святаго, совместно действующего с Христом Спасителем – иначе *сила Духа Христова.*

Не надеется человек на труды свои... пока Господь, пришедши, не будет обитать в нем во всяком ощущении и действии Духа. А когда вкусит он благодати Господней... и свет Христов воссияет и воздействует в неизреченной радости, тогда, имея с собою Господа, удостоверится во многой любви[514]. Имеющие небесное сокровище Духа – Самого Господа, воссиявающего в сердцах их, этим сокровищем, сущим в них Христом, приобретают всякую правду добродетелей[515].

Души святых носятся и путеводствуются Духом Христовым[516]. Достолюбезно то, если душа, всецело посвятив себя Господу, к Нему Единому прилепившись, без забвения пребывая в заповедях Его и достойно почтив нашедшего и приосенившего ее Христова Духа – (Πνεύματος τοῦ Χριστοῦ) сподоблена быть в единый со Христом дух[517]. Душе невозможно перейти море греха... если не приимет в себя удобоподвижного, небесного, легкокрылого Духа Христова[518].

Облечение во свет Христов и восприятие в себя Св. Духа – одно и то же[519]. Св. Дух, Которого принимают верные души, называется также Духом Господним (Πνεῦμα τοῦ Κυρίου)[520], Духом Его (Αὐτοῦ)[521], Духом Своим (ἑαυτοῦ)[522]. Что же это за Дух Христов? Это Дух Святый, ниспосылаемый Богом верующим, в силу заслуг Христа, – тем верующим, которые усваивают дело Христово. Кто принимает в себя Христа, тот принимает и Духа Святаго.

Ниспослание Духа Святаго христианам тесно связано с самим делом Христа. – Отсюда и выражения: «Дух Христов», «Дух Его», – отсюда и наименование самой новозаветной благодати Божией «благодатию Христовою» (χάριτος τοῦ Χριστοῦ)[523]. Но Св. Дух, как личность, однако, отличен от Христа Спасителя.

В деле спасения человека действовала вся Св. Троица. Так восхотела (спасти людей) безпредельная доброта Отчая, так благоволила недомыслимая любовь Христова, так обетовала неизреченная благодать Духа. Слава неизреченному милосердию Святыя Троицы![524] Прославим Отца и Сына и Святаго Духа во веки[525].

Итак, в деле своего нравственного усовершенствования христианин должен употреблять собственные усилия, приводить в действие естественные свои силы и способности души, которые подкрепляются и вспомоществуются благодатию Божиею. Такой образ шествия человека к Богу дал нам Сам Христос Спаситель. Он восстановил человеческую природу, с одной строны, человеческими силами, а, с другой, Своим Божеством, силою Божественною. Таким же путем должен восстановлять свое внутреннее существо и каждый христианин, и это восстановление теперь возможно, ибо Христос даровал нам для этого силы. Он нам образец.

Напоследок, Сам Он (Христос) пришел, отъял забвение, отъял и заблуждение, потом и врата адовы сокрушил, вошел к заблудшей душе, Себя Самого предложив ей в образец (ὑπόδεγμα), чтобы чрез сие возможно ей было достигать в меру возраста, в совершенство Духа[526].

Христос боролся с человеческим грехом и искушениями от диавола – то же надлежит и каждому христианину. Христос, после борьбы, достиг духовного субботствования, того же достигает путем постепенного усовершенствования и христианин. Христос есть высший образец, причина нравственного совершенства[527], но Он, вместе с этим, есть наш внутренний очиститель. Он вселяется в наши души и помогает нам бороться с греховной нашей природой. Как огнем зажигаются многие светильники и горящие свечи; и все свечи и светильники возжигаются и светят тем, что по природе одно и то же: так и христиане воспламеняются и светят одним и тем же по природе Божественным огнем Сына Божия[528].

Имея пред собою идеал и образец Христа, при помощи своих естественных сил и вспомоществуемый благодатию Божиею, христианин должен возобновить и перестроить свое внутреннее греховное существо, должен приготовить внутренние горницы (ταμεῖα) и ложницы (κουβούκλεια). Ибо Царь Христос с Ангелами, святыми духами идет упокоиться там, и пожить, и походить (ἐμπεριπατῆσαι), и основать Свое Царство[529].

Кто не по имени только хочет быть последователем Христа, тот должен радикально изменить свое прежнее греховное состояние и поведение, сделаться совершенно новым человеком, как и говорит св. апостол: «Аще кто во Христе, нова тварь» *(2 Кор. 5, 17)*[530].

Сердце человека – запустелый город, невозделанный сад. И как если кто захочет возобновить город, разрушает старое и начинает копать и полагать новое основание и, затем, выводить здания, или кто хочет развести сад в местах запустелых и зловонных, тот очищает место, обносит его оградой, делает водопроводы, а затем садит деревья и постепенно выращивает их, так и в деле нравственного восстановления предлежат христианину великие труды и подвиги[531].

Много есть средств каким образом христианин может противодействовать греху и входить с согласие с благодатию Божиею, действующею в нем с момента крещения, каким образом он может внутренно очищаться и приближаться к Богу. Все эти усилия христианина образуют так называемое трудничество.

Трудничество имеет свои законы, которые можно наметить следующие. Во-первых, в трудничестве должна быть постепенность. По частям, а не вдруг очищается и истончавается зло. Как зародыш в матерней утробе постепенно принимает человеческий образ, и когда родится человек, он не вдруг делается взрослым, но растет многие годы, так и в духовном – чело-

век постепенно приходит в мужа совершенна, в меру возраста *(Еф. 4, 13)*. Как не сразу проходятся науки, и как во всяком искусстве нужна постепенность, так и в духовном, только после долговременного упражнения, христианин делается совершенным[532].

Вторым общим свойством трудничества является одинаковость его для всех людей, будут ли то богатые или бедные, цари или свободные. Как при чадорождении и нищая, и царица чувствуют одинаковые мучения, или как земля у богатого и у бедного, если не получит надлежащего возделания, не может принести хороших плодов, так и в духовном делании: мудрый и богатый *воцаряются* благодатию одинаковыми трудами и подвигами[533].

Наконец, третьим свойством трудничества является его трудность; трудничество можно сравнить с актом рождения[534]. Человеку нужно много труда, чтобы чистою иметь совесть и искоренить в себе зло[535]. Преспеяние в добродетели приобретается с трудом и с великим усилием[536]. Как бы по умершей душе, ум должен проливать слезы, непрестанно предаваться скорби, сердечно сокрушаться, быть в страхе и заботе, всегда алкать и жаждать блага[537]. Как те, которым поручено главное управление областию или царское сокровище, во всякое время бывают озабочены, чтобы не оскорбить чем царя: так и те, которым вверено духовное дело, всегда озабочены и, имея покой, как-будто не имеют его[538].

1. Трудничество

В частности, что касается трудничества, то христианину, вступившему на этот путь, надлежит вести борьбу внутреннюю и внешнюю. Внутренняя борьба должна быть у него, с одной стороны, со грехом, как злым началом, гнездящимся в сердце человека и действующим в страстях и помыслах, а, с другой, – с диаволом, который также старается действовать на человека в помыслах и искушениях. Внешняя же борьба проявляется в противодействии греховному міру и, затем, в перенесении скорбей, посылаемых Богом, часто при посредстве диавола, с воспитательною целию.

Борьбу в трудничестве или, так называемое, «борение», нужно различать от «брани». Борение более широкое понятие. Им обозначается вообще борьба христианина с противными силами. Брань же, это только наступление, если так можно сказать, сопротивной силы на человека. Обыкновенно диавол воздвигает брань на человека. Но и человек должен воздвигать брань на сатану и на самого себя. Между прочим, брань на самого себя состоит в укорении и гневе на себя[539].

Наступление брани находится в руках Божиих. В брани Господь упражняет душу. В иной час душа упокоевается в молитве, а в другой – бывает в брани. Ибо так угодно Господу; поелику человек еще младенец, то и упражняет его Господь во бранех[540].

В брани действует прирожденный человеку грех. Наступление, или, лучше сказать, действие этого природного греха зависит опять-таки не от человека. Он сам собою является, помимо нашей воли, и задача человека состоит лишь в том, чтобы гневаться на самого себя, противоречить и противодействовать греху. Если же грех является по навету диавола, то этот грех возникает уже по произволению человека и в нем человек повинен[541]. В самый процесс борения сердце христианина представляет из себя целое зрелище. Там лукавые духи борются с душею, а Бог и Ангелы взирают на подвиг. И это зрелище похоже на ристалище, где люди, запрягши коней, правят колесницами и устремляются друг против друга, каждый старается низринуть и победить противника[542]. При этом, во время борения сперва внутри сердца бывает брань, затем, самое борение, которое продолжается равновесием и оканчивается склонением или перевесом то любви к Богу, то любви к міру.

Вот, например, как развивается спор с братом. Сначала человек сам в себе говорит: скажу ему; нет, не скажу. Заведу с ним речь; нет, не заведу. Помнит он о Боге, но и свою берет славу и не отрекается от себя. Это степень равновесия. А если любовь и наклонность к міру перетянуть несколько на весах сердца, тотчас лукавый помысл готов подвинуть и уста. Потом ум, как бы натянутою стрелою изнутри устреливает ближнего языком и в сбережение славы своей, без всякого уже принуждения воле, мечет стрелы непристойных слов. Это степень склонения, за которой уже следует полный перевес греха. Человек, после этого, начинает язвить ближнего непристойными словами, пока грех не разольется по членам. Дальнейшее развитие этого (греха) может дойти до ударов, ран и даже убийства. То же представляй и о каждом грехе, и худом начинании. Так развивается всякое порочное дело, прелюбодейство и татьба, любостяжательность и пьянство, сребролюбие и тщеславие, ревность и любоначалие, и какое бы то ни было порочное предначинание[543].

Но может склонение в борении со грехом перейти и на сторону любви к Богу. Общая же характеристическая особенность борения – это его шаткость, изменчивость и продолжительность. Усилия человека в борении то берут верх над грехом, то ослабевают. Сообразно с этим и грех, то усиливается, то уменьшается. В десяти, в двадцати борениях побеждает и низлагает душу грех. Но и душа, со временем, если стоит твердо и ни в чем не ослабевает, то начинает брать преимущество, решать дело и одерживать над грехом победу. Но если и при этом заглянуть внимательно в душу, то

и тогда можно усмотреть действия греха в ней, пока человек не достигнет в мужа совершенна.

Не по порядку следует даже уничтожать, либо бороть грехи, сначала один, затем другой и т. д., а нужно бороться со всеми грехами сразу. Не три только части греха, от которых человеку должно оградить себя, но их тысячи... Должно бороться и подвизаться во всем[544]. Без борьбы со всем греховным состоянием нельзя иметь успеха ни в чем добром. Это основано на тесной связи добродетелей, которые обнимают собою все прочие.

Эти добродетели суть следующие: молитва, воздержание, милостыня, нищета, долготерпение. С отсутствием первой уничтожаются все; а, подобным образом, со второю отъемлются за нею следующие, и так далее. Ибо, как будет человек молиться, если не воздействовал в нем Дух? А воздерживающийся без молитвы, как устоит без этой помощи? И кто не воздерживается во всем, тот как будет милостивым к алчущему или обиженному? А кто немилосерд, тот не согласится произвольно обнищать. И, обратно, раздражительность живет вместе с пристрастием к деньгам, хотя бы имел их человек, или нет[545]...

Или, вот, например, какая связь между добродетелями и пороками. Молитва зависит от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты. Так и с противной стороны, худые дела зависят одно от другого, ненависть от раздражительности, раздражительность от гордости, гордость от тщеславия, тщеславие от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от нерадения, нерадение от разленения, разленение от уныния, уныние от нетерпеливости, нетерпеливость от сластолюбия. Одним словом, как все добродетели, так и все пороки связаны между собой, как звенья в цепи[546]. Отсюда, если кто истинно борется с одним пороком, то он понижает и ослабевает тем все свое греховное состояние.

Следовательно, нельзя так думать, что сначала можно уничтожить порок сребролюбия, затем самолюбия и т. д. Борьба с сребролюбием и будет вместе борьбою и со всем греховным состоянием. Значение борения велико. Многие не знают его и это признак несовершенных. Борение возникает, лишь когда христианин ревнует о благочестии[547].

Борение есть признак шествующих ко Христу. И как семена, когда брошены в землю, терпят зло от инея, зимы и воздушной стужи, но в надлежащее время оживотворяется росток, так и души, чрез борения – оживотворяются[548].

Через сильную брань и терзание от греха, христиане приобретают опытность, так что для них уже не опасны делаются нападения сопротивной силы[549]. Напротив того, кто не испытал борения, тот не имеет страха Божия и сердце такого всегда открыто для действа силы сопротивной[550].

2. Внутренняя борьба

Итак, христианину предлежит борение и, прежде всего, внутреннее, это значит, что... христианин должен, прежде всего, бороться с греховной своей природой, которая сделалась таковою после грехопадения прародителей. Вследствие преслушания первого человека мы приняли в себя зло и привычкою, долговременным к нему склонением (προλήψει)[551] обратили его для себя как бы в природу[552].

Это зло есть, как бы некая разумная сила; она тайно действует на внутреннего человека и есть, как бы некий нечистый огнь, который воспламеняет сердце, пробегает по всем членам и побуждает людей к непотребству и к тысячам злых дел[553].

Особенно этот прирожденный грех действует в человеке в его помыслах – именно «грех борется с умом помыслами»[554]. Иначе сказать, проявление греховного начала в человеке особенно заметно бывает в движении помыслов. Господь создал помыслы чистыми, но грех их осквернил, рассеял. У человека теперь проносятся помышления греховные; они друг друга опережают, задерживают и подавляют деятельность чистого, светлого ума.

Задачи человека бороться с этими помыслами – противодействовать им, не соглашаться и не услаждаться ими[555]. Человеку нужно возжечь светильник в душе, чтобы при помощи его различать помыслы, и, при этом, дурные отражать[556]. Так как, далее, помыслы теперь рассеяны повсюду – по всем распутиям міра, то задача христианина также собирать воедино все эти помыслы и направлять их к Богу. Как купцы с земли сбирают прибытки: так и христиане, рассеянные в веке сем, помыслы сердца своего должны собирать со всей земли[557].

От живущего в человеке греха развиваются страсти. Кто услаждается, раздражается греховными движениями в сердце, тот дает пищу своему греху, питает его. Упитанный же в сердце человеческом грех – и есть уже страсть. Как, если кто позван на обед и предложено ему множество снедей, обременяет свой желудок, так и душа, когда грех, гнездящийся в ней, отведывает много и всего, – делается обремененной грехами, – которые, в таком виде, суть уже страсти. Так развивается в человеке сребролюбие, тщеславие, надменность, ревность, раздражительность и т. п.[558]

Особенность страстей – непоколебимая их твердость. Они нелегко поддаются искоренению. Страсти – это душевные язвы. И как язве на теле, пока она не совершенно залечена, невозможно, хотя сколько-нибудь, не покрываться гноем, даже при всем о ней попечении. Язва же,

оставленная в небрежени, производит гнилость и разрушение в целом иногда теле, так представляй себе и душевные страсти[559].

Страсти это суть неудобоносимые горы, среди них реки змий, ядовитых животных и пресмыкающихся. Представь, что кит поглощает в чрево свое человека, так и страсть поглощает души. Страсти суть горящий огненный пламень[560]. Несмотря, однако, на всю твердость страстей, возможно искоренение их при помощи благодати Божией и собственного продолжительного трудничества.

Кроме испорченной слабой греховной природы, с которой христианину приходится бороться, у него есть еще другой враг, не менее сильный и страшный – это диавол, исконный враг человека. Во внутренней брани диавол старается действовать на христианина, главным образом, через те же греховные помыслы. Ежечасно многие помыслы душею производятся, но они влагаются и злобою. Как сама душа имеет много помыслов и ежеминутно производит и рождает их, так и злоба постоянно порождает помыслы против души[561].

Если ум, хотя несколько легкомысленен и предается нечистым помыслам; то вот уже духи льсти нашли себе там пажить, ворвались и ниспровергли все красоты, в ничто обратили добрые помыслы и в запустение привели душу. Сила вражия движет и уносит помыслы, колеблет глубины сердца, к своей склоняя воле, и в служении ей рассеевает помыслы[562].

Диавол внушает христианину лукавое[563], советует ему то, что служит к удовольствию[564], иначе говоря, всячески его искушает. Сатана, например, говорит в сердце человеку: смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обременен ты грехами, что не можешь уже спастись. Так диавол искушает христианина, желающего покаяться в грехах. Он всячески старается отвратить его от покаяния, и, с этою целию, предносит в воображении христианина все множество грехов, стараясь чрез это ввергнуть в отчаяние[565].

Все усилие сопротивника состоит в том, чтобы отвлечь ум наш от памятования о Боге и от любви Божией; для этого он употребляет земные приманки и от действительного прекрасного отвращает нас к мнимому и недействительно прекрасному. Всякое доброе дело, какое сделал человек, лукавый старается очернить, осквернить и примешать к нему свое всеяние – тщеславие, самомнение и т. п.[566]

Больше того: сатана часто искушает человека благовидными предлогами[567]. Он и в добрых по-видимому делах видит себе услугу[568]. А именно, он с молящимися притворяется вместе молящимися, с тою целию, чтобы обольстить, под предлогом молитвы вринув в самомнение; с постящимися постится, намереваясь ввести их в обман самомнением; с имеющими ведение Писания предприемлет то же, желая, чтобы под

видом ведения впали они в заблуждение; сподобившимся света откровений и сам представляется таким же; ибо сказано, что и сатана преобразуется во ангела светла *(2 Кор. 11, 14)*, чтобы, обольстив видимостию подобного света, привлечь к себе – одним словом, для всех всякие принимает на себя виды, чтобы, подчиняя себе, сим уподоблением, под видом благословения, уготовить погибель[569].

Но если диавол имеет власть над христианином, то спрашивается: до какой степени эта власть его простирается? Это общий вопрос, который можно разграничить на следующие частные вопросы. Во-первых, диавол действует на человека-христианина самовольно, или же нет? Сатана не берет в свою власть человека насильно. Сам человек дает повод к господству над ним злой силы. А если бы не так обстояло дело, тогда бы человек не был для себя виновником того, что впадает в геену, или же получает царство[570]. За худые дела, какие человек делает по наущению сатаны, не сатана более, но человек подвергается наказанию[571].

С другой строны, диавол действует на человека по попущению Божию. Диавол, как раб и тварь Владыки, не сколько ему угодно искушает и не в какой мере сам хочет наводит скорби, но сколько попущением Своим дозволяет ему Владычнее мановение. Но зачем Господом попускаются искушения? Для утверждения человека в добре и для окончательного осуждения диавола.

По Божию смотрению, лукавый не тотчас послан в геену, но оставлен для искушения и испытания человека, чтобы ему, помимо всякого своего желания, через терпение святых делать более праведными и быть для них виновником большей славы, а себе, упорством своим во зле и своими умышлениями на святых, приуготовлять праведнейшее наказание. Он есть жезл вразумления и бич. Через него, подобно разжигаемым в огненной печи сосудам, христиане, выдержавшие искушения и испытания, оказываются твердыми, а невыдержавшие обличаются в своей ломкости[572], а вместе с этим сатана или берет верх над человеком, или же посрамляется.

И если человек претерпит до конца искушения, то Господь начинает так препираться с сатаною: видишь, сколько зол и скорбей причинил ты ему, и не послушался он тебя, но Мне служит, Меня боится. Вот в твою волю Я отдал его (человека), попускал тебе искушать; мог ли ты, однако, с ним что-нибудь сделать? Послушал ли он в чем-либо тебя? При всем этом диавол остается безответным и, таким образом, всецело посрамляется.

Когда искушения от диавола прекращаются? Стремление сатаны на человека безпрестанно, он хотел бы всех истребить. Но как скудельник, когда кладет сосуды в огонь, в меру разжигал печь, и не слишком много, и не слишком мало, чтобы обжигаемые сосуды не дали трещин от излишне-

го огня, или, как делающий серебрянные и золотые вещи, подкладывает огонь в меру, а если усилит огонь, то золото и серебро расплавляются, и, через то, пропадают, или, наконец, как ум человеческий умеет соразмерять тяжести с силами вьючного скота, так и Господь, Который знает крепость людей, в разных мерах попускает сопротивной силе действовать на них[573]. Однако нельзя указать момента в нравственном росте христианина, когда искушения начинаются и когда оканчиваются.

Некоторые неопытные христиане, получив ощущение благодати, например, в таинствах, вдруг подвергаются искушениям. И немало они удивляются этому. Но опытные христиане знают, что как за плодородием земли может наступать голод и скудость, так и в духовном – после Божия посещения души могут наступить искушения от диавола. В виду этого, они не дивятся и не отчаиваются при искушениях, и при своем внутреннем богатстве и покое никогда не остаются безпечными, но всегда ожидают перемены[574].

Кратко сказать: пока жив человек в веке сем и носит на себе плоть, до тех пор он может от диавола, по попущению Божию, терпеть нападения.

Сатана искушает человека через помыслы и намерения его. Спрашивается: неужели диавол знает все, что думает и желает человек? Если человек, обращаясь с человеком, знает, что касается до него, и ты, – прожив двадцать лет, знаешь все, что касается до твоего ближнего, – то как сатане, который от рождения твоего при тебе, не знать твоих помыслов, когда ему уже 6000 лет?

Не говорим, что прежде нежели искусить человека, знает он, что будет человек делать. Искуситель искушает, но не знает, послушается ли его или не послушается душа, пока не предаст она воли своей в рабство. Не говорим также, что диавол знает все помыслы и желания сердца. Как дерево имеет много ветвей и много членов; так есть несколько ветвей помыслов и намерений, которыми овладевает сатана; но есть другие помыслы и намерения, необладаемые сатаною[575]. Таким образом, сатана не обладает полным всеведением. Он знает больше человека, но не все.

Если, наконец, диавол иногда искушает человека благовидными предлогами, преобразуется как бы в светлого ангела и уподобляется якобы благодати (καὶ παρομοία τῆς Χάριστος)[576], то как можно различить козни диавольские от действий на человека благодати? Есть признаки истинных видений, которыми они отличаются от наветов диавола. Прежде всего, видения от сатаны не могут произвести доброго действия – ни любви к Богу и ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни духовного упокоения. А что от благодати, в том есть радость, мир, любовь, истина[577]. Во-вторых, сатанинские видения бывают вдали и они как бы совне заманивают к себе человека. Иное дело, когда действует на человека сила Бо-

жия. Тогда она входит внутрь человека, объемлет все члены и сердце его и пленяет ум в любовь Божию[578].

3. Внешняя борьба

Далее, христианину, кроме внутренней борьбы с грехом и диаволом, предлежит борьба внешняя, с греховным міром и внешними скорбями и несчастиями[579]. После грехопадения, человек опутывается видимыми в міре вещами, как бы узами. Все видимое раздражает человека, вызывает душу пристращаться к нему и услаждаться. Так, человек влечется к богатству и славе, к имению, к жене, к детям, к родным, к отечеству, к месту и одежде, одним словом, ко всему видимому[580]. От всего этого христианин, однако, должен быть свободен, если желает достигнуть нравственного преуспеяния, – ибо чем привязан кто к міру, малым ли, или великим, то и удерживает его и не позволяет ему собраться с силами, обратиться к Богу, благоугодить Ему, послужить Ему Единому, сделаться благопотребным для Царствия[581].

Отсюда возникает для христианина борьба с міром и его приманками. Это одна сторона внешней борьбы для христианина. Другая – это различного рода скорби и несчастия. Таков уж путь христианина. Где Дух Святый, там, как тень, следуют гонение и брань. Сам Господь, Который есть путь и истина, гоним был. То же было с апостолами и со всеми христианами. И не должно сему удивляться, истине необходимо быть гонимой[582].

Внешние скорби могут быть весьма различны – как то: телесные болезни, обиды, укоризны от людей и т. п. И те скорби, которые переносят христиане, подобны скорбям мучеников. Как мученики, подвергнутые многим истязаниям, и, показав твердость свою даже до смерти, сделались через это достойными венцев славы, и чем больше испытали самых тяжких трудов, тем большую славу и большее дерзновение приобрели пред Богом, так подобно сему и души, преданные различным скорбям, если до конца перенесут их, удостоятся одних с мучениками венцев и того же дерзновения[583].

И при этом скорби заметно посещают христианина, когда он ревностно начинает служить Господу. Одна из причин этого следующая. Христианин, по мере того, как нравственно совершенствуется, все более и более изгоняет из своего сердца приражения диавола, так что последний принужден бывает уже делать свои нападения на христианина со вне. Пример этому мы видим в искушении Господа Иисуса Христа в пустыни. Диавол не имел внутреннего доступа ко Христу, как к совершенному, а потому он приступил к Нему со стороны. То же бывает и с каждым совершенным

христианином. А кто не соврешенен, тот принужден внутренно вести брань с диаволом[584].

Кем насылаются христианину скорби и с какою целию? Они, прежде всего, посылаются Самим Господом с воспитательною целию и, затем, диавол, по попущению Божию, также ввергает человека в скорби. Господь знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится, делается несносным, надменным и даже нестерпимым, если дадут ему в один раз насытиться (ἐμπλησθῆναι) небесною пищею, а посему и посылает скорби, чтобы сделать человека смиренным и ревностным искателем Бога[585], и чтобы несомненно явными сделались души, искренно возлюбившие Господа[586].

Как стебль конопли, если недолго колотить его, не может быть годным к прядению самых тонких нитей; но чем далее его колотят и чем более вычесывают, тем чище делается он и пригоднее к делу; и как выделанный из глины сосуд, если не был в огне, негоден к употреблению, так и души, не испытанные различными скорбями, остаются не благопотребными для Небесного Царства.

Только скорби делают душу благоискусною и твердою, и если посылаются на христианина, то лишь к пользе его[587]. Внешние скорби и искушения имеют при этом сходство, именно те и другие воспитывают христианина[588]. Но есть между ними и различие, – источник скорбей и искушений различный.

Искушения бывают только от диавола по попущению Божию, скорби же посылаются как Господом с воспитательною целию, так ввергает в скорбь и диавол.

4. Какими же может располагать христианин средствами в борьбе с препятствиями на пути его шествия ко Христу?

Прежде всего, христианин должен возыметь веру, надежду и любовь к Богу. Эти добродетели необходимы прежде всякого трудничества. Они воодушевляют человека, являются как бы рычагом, двигающим все наше внутреннее существо. На них трудничество покоится, как на своих основаниях.

В частности, относительно веры нужно сказать следующее. Человек ни в чем не может преуспеть, если он не уверует в Господа всем сердцем[589]. Кто хочет приступить к Господу, тот должен начать тем, чтобы прежде всего крепко уверовать в Господа[590]. Если человек не уверует, что приимет некое необычайное для собственного его естества благо, т. е. Св. Духа, то он не пробудится от сна греховного; не отрезвится (ἐκ τῆς μέθης

τῆς ὕλης) от вещественного упоения[591]. Только твердо уверовавший будет сохранять заповеди Господни[592]. Вера предохраняет христианина от всякого греха[593]. Вера, наконец, делает человека совершенным. По мере веры каждого приосеняет душу и Божественная благодать[594].

Есть и признаки, по которым каждый христианин может испытать силу своей веры. Господь сказал: верный в мале и во мнозе верен есть *(Лк. 16, 10)*. И еще: ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам *(Мф. 6, 33)*. Малое – это все земное. Многое – небесные блага. О первом Господь повелевал вовсе не заботиться, а о втором прилагать все старание и усердие. И, вот, если христианин верен в малом, – т. е. не заботится о земном, то это верный признак того, что он ищет *большего* – небесного блага.

Испытай же себя, христианин, не занимают ли тебя земные попечения, великая забота о телесной пище и одежде, о прочих нуждах и о покое... если есть у тебя еще о всем этом попечение, то знай, что ты еще не уверился в получении вечных благ, т. е. Царства Небесного, и, почитая себя верующим, оказываешься неверным еще в малом и тленном.

Или вот тебя постигли плотские страдания. Снова испытай себя: не приводят ли они тебя к земным врачам? Если так, то ты опять себя обманываешь, почитая себя верующим. Ибо, если бы ты, действительно, веровал, что Христом врачуются неврачуемые язвы безсмертной души, то ты уверовал бы, что Он силен уврачевать и временные телесные немощи и болезни, и к Нему Единому прибег бы, презрев врачебные пособия и услуги. Ибо Кто создал душу, Тот может уврачевать и тело от временных страданий и болезней[595].

Итак, вот характеристика верующего человека. Он оставляет всякую заботу о земном и во всем полагается на Господа.

Но зачем же тогда Господь создал земные травы, лекарственные вещества и приуготовил врачебные пособия? Человек после падения сделался неверным, немощным, болезненным. Бог, по безконечному Своему человеколюбию, не оставил и падшего человека. Он явил и о нем Свое смотрение, не восхотел, чтобы совершенно погиб род человеческий. К уврачеванию тела этого немощного человека и дал Он врачебные пособия. Им дозволил пользоваться сими средствами, потому что они не в состоянии всецело вверить себя Богу. Что же касается, например, инока, который всецело вверил себя Христу, то не для него существуют эти врачебные пособия[596].

Весь ход развития веры и действия ее в процессе нравственного усовершенствования христианина можно кратко представить в следующих словах. Вначале вера возбуждает в христианине желание к доброделанию; на пути шествия ко Христу она поддерживает и укрепляет христианина, в

конце же вера является одним из свойств совершенной святости христианина, когда вера и совершенство как бы одно и то же.

Далее нужна надежда. Всякое видимое в міре дело делается в надежде получить пользу от трудов. И если кто не вполне уверен, что насладится трудами; то не полезны ему и труды. И земледелец – сеет в надежде собрать плоды. И купец, ради прибыли, пускается в море, отдает себя на готовую смерть. Так и в Царстве Небесном: человек, в надежде, что просветятся сердечные очи, отдаляет сам себя, убегает от житейского, проводит время в молитвах и прошениях, ожидая Господа, когда приидет и явит ему Себя и очистит его от живущего в нем греха[597].

Надежда, следовательно, заставляет человека-христианина вступать на путь нравстенного усовершенствования. Она является понудительным средством в этом отношении. На пути же шествия ко Христу, надежда, с одной стороны, способствует человеку переносить терпеливо все трудности, а, с другой, надежда, как и вера, привлекает к себе благодать. Если не будет у человека пред очами радости и надежды, что он приимет избавление и жизнь, то не возможет стерпеть скорбей и принять на себя бремя и шествие тесным путем. А сопровождающая его надежда и радость делают, что он трудится, терпит скорби и принимает на себя бремя, и идет тесным путем[598].

Когда кто в скорбях, или в треволнении страстей, не должен терять надежду; потому что отчаянием еще более вводится в душу грех. А когда имеет кто непрестанную надежду на Бога, зло как бы истончевается и разжижается в нем[599]. И Господь идет навстречу добрым чаяниям христианина, Он, по его надежде, подает ему то, что он ищет – истинную молитву, истинную любовь и другие добродетели[600]. Надежда, как и вера, также имеет свои степени. Она развивается по мере нравственного усовершенствования христианина, и, в конце концов, является безусловным свойством его святости, так что, можно сказать, совершенные христиане это те, которые надеются всегда на Единого Господа[601].

Что касается, наконец, любви, то и она нужна в продолжении всего трудничества. Только тогда христианин может неуклонно шествовать по пути добродетели, когда он имеет любовь к Богу, а как только он уделит хотя малую долю любви міру, тотчас уловляется этим немногим, которое и влечет его ко греху. Что возлюбил человек в міре, то и обременяет ум его, овладевает им и не позволяет ему собраться с силами.

И если человек возлюбит Господа, то в этой любви он будет находить себе пособие и облегчение[602]. Любовь приводит человека к добру, делает для него нетрудными всякую брань и всякую скорбь. Только те в состоянии будут пройти подвиг до конца, которые всегда имеют любовь к Богу. Любовь также имеет степени: всецелая любовь к Богу есть опять удел

лишь совершенных людей. Что же касается обыкновенных христиан, то они не могут совершенно отрешиться от любви к чему-нибудь мірскому[603].

Совершенная любовь приобретается великими подвигами, зато и достоинства ее велики. Она делает для христианина невозможным падения, тогда как, наоборот, можно получить все дарования, сделаться причастником Духа, но не достигнуть совершенной любви и при случае подвергнуться падению. А кто упоен (μεμέθυσται) любовию, тот делается уже связанным благодатию, делается пленником ее, тот как бы уже не чувствует своей собственной природы, живет только в Боге и для Бога – и для такого невозможен уже грех[604].

Как относится любовь к Богу к любви ближних? Христианин должен все силы свои всегда напрягать к тому, чтобы воспитывать в себе любовь к Богу, любовь же к ближним придет сама собой – она следует за любовию к Богу, как следует тень за человеком.

Любовь к Богу есть первое основание закона. Приобретя ее, удобно преуспеешь и в последующем, т. е. в любви к ближнему... Когда приложен первый и великий труд, тогда второе, как меньшее, с легчайшим трудом следует за первым. А без первого и второе не может быть чисто. Ибо кто не любит Бога от всей души – и от всего сердца, тот приложит ли *правильно* и *без лести* попечение о любви к братиям, не выполняя любви к Тому, ради чего прилагается попечение о любви к братиям? Кто не предал всей души Богу, не любит Его всем своим сердцем, тем, как невооруженным, удобно овладевает изобретатель греха, запиная его или лукавыми помыслами или же делая так, что заповеди Божии кажутся ему тяжкими и служение братиям несносным, или доводя его до высокомерия и кичливости через то, что он служит подобным ему рабам, и убеждая его, что, так как он исполнил заповеди Господни, то велик стал на небесах[605].

Когда же будет любовь Божия, то последует необходимо за нею и прочее: братолюбие, кротость, нелицемерие, продолжительность молитв, одним словом, всякая добродетель[606].

Итак, вера, надежда, любовь являются главными импульсами в деле трудничества.

В частности, в борьбе со грехом христианин располагает следующими средствами: прежде всего, христианин должен *отречься от міра.* Основываясь на словах Спасителя: где сокровище ваше, там будет и сердце ваше *(Мф. 6, 21),* невозможно в одно и тоже время любить мір и вместе служить Богу. Кто желает служить Господу, тот должен ум свой поставить вне всякого вещественного и земного развлечения, отказаться от плотской любви, «пристрастия» к родителям и родственникам, удаляться начальства, сла-

вы, почестей, плотской дружбы в міре, и других земных забот[607], ибо кто предан попечениям о славе, любоначалии и домогается всего этого, душа такого возмущается и омрачается земными помыслами, предается чему-либо в веке сем и овладевается тем[608].

Как идущие городом, желая увидеть любимых ими и знакомых своих, хотя со многими встречаются на площадях, однако же не задерживаются ими, потому что имеют намерение свидеться с друзьями; и когда снаружи постучат в дверь и назовут по имени, – любимые их с радостию отворяют; и если останавливаются и шутят на площадях, или задерживаются встречными, то дверь остается запертою, и никто не отворяет им: так и поспешающие придти к истинно возлюбленному Владыке нашему Христу должны пренебречь и презреть все прочее (т. е. все земное, преходящее)[609].

Кто желает иметь попечение о Христе, тот должен совершенно устраниться міра[610], и это потому, что видимый мір и вкушаемый в нем покой, в какой мере повидимому благоприятен телу, в такой же мере раздражает страсти души и увеличивает ее злострадание[611]. А потому христианин должен стараться отвращать око, чтобы не видеть лукавства, а также отвращать слух, чтобы не слышать пересудов, удерживать язык от суетных разговоров, руки и ноги от худых начинаний; потому что душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукавого и срамного, до непристойных слов, до занятий мірских и лукавых[612].

Удалившись от всего мірского, христианин, далее, должен «вперить» свой ум всецело к Богу, должен всегда памятовать о Нем[613], к Нему всегда возводить ум и помыслы и не иметь в мыслях ничего иного, как только желание узреть Бога[614]. Часто, по причине тела, мы не можем употребить должного радения об исполнении заповедей. Но ум наш всегда может быть обращен к Богу. Это нужно всегда иметь в виду и никогда не устранять нашего ума от памятования о Боге. С таким умом мы можем скоро пойти путем правды и сподобиться обетований Духа[615].

И в какой мере наш ум ищет Бога, в такой и еще большей мере Господь понуждается Собственным Своим благоутробием и благостию прийти к нам и упокоить нас. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, назирает, как ищешь Его, от всей ли души твоей, не с леностию ли и не с нерадением. И когда увидит наше стремление к Нему, откроется нам и подаст Свою помощь.

Памятуя непрестанно о Боге, христианин, с другой стороны, должен всегда вникать в самого себя, подвергать себя самоиспытанию. Нужно быть внимательным к себе, вникать в свои помыслы и действия: откуда они: от Бога ли, или от сопротивного? Кто подаст пищу сердцу: Господь

ли, или міродержатель века сего?[616] С кем в общении наш ум: с ангелами или с демонами? Чей он храм: Божие ли жилище или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце: благодатным или сатанинским?[617] И это самоиспытание приносит большую пользу христианину – оно открывает ему его внутреннее состояние, показывает ему, какие недостатки коренятся в его сердце, а познавать эти недостатки должен каждый христианин, если он желает приобрести душу свою[618], желает всецело предаться стремлению к добру.

Познав свои недостатки, христианин, далее, должен устыдиться их, почувствовав свою наготу духовную, подобно тому, как Адам, когда согрешил, устыдился наготы телесной[619]. Но этого мало. Христианин должен, затем, начать укорять свою греховную душу[620], разгневаться на самого себя[621], возненавидеть себя самого, сделаться врагом самого себя, ибо кто гневается на самого себя, тот, делаясь чем-то большим себя самого, покоряет душу свою, подобно тому как полководец покоряет град врагов[622].

А еще лучше, если христианин, познав скверну своей души, начнет проливать слезы о своих грехах, о своей нищете духовной, скорбеть и болезновать непрестанно[623]. Падший человек даже и не может возвратить себе потерянный горний Иерусалим, как если только не станет день и ночь проливать слезы. Если у матери был сын единородный, самый благообразный лицем, мудрый, украшенный всеми благами, и в этом сыне заключались все ее надежды, но она похоронила его, то остается уже ей одна непрестанная скорбь, один безутешный плач. Так, как бы по умершей для Бога душе, и ум должен плакать, проливать слезы, непрестанно предаваться скорби и сердечно сокрушаться. Кто таков, к тому приходит, наконец, благодать Божия и у него нет уже плача[624]. Слезы, проливаемые от великой скорби и сердечной тесноты, подлинно есть пища души, подаваемая от небесного хлеба, которого, седши у ног Господних и плача, причащалась Мария, по свидетельству Самого Спасителя *(Лк. 10, 42)*[625].

Все истинные христиане проливают слезы; они составляют для них наслаждение, при этом истинные христиане оплакивают грехи всего міра[626], а если так, то и нельзя указать меры слез для христианина[627].

Затем нужны для нравственного преуспеяния христианина и внешние подвиги: пост, бдение, молитва, подвижничество, странническая жизнь и т. п.![628] Что касается этих внешних подвигов, то все эти подвиги ценны лишь постольку, поскольку являются средствами для выработки доброго расположения сердца, приобретения духовных плодов. Сами же по себе они лишь начатки жития боголюбивого. Прекрасное дело – пост; прекрасное дело бдение; равно как прекрасное дело – подвижничество – странническая жизнь – но все это лишь начатки жития

боголюбивого. А потому совершенно неразумно полагаться на одни подобные сим дела[629].

Хорошо приносить Богу в дар что-либо из своего имущества, но не это главное. Главным и лучшим в имуществе называется самая душа и самый ум, чем и повелевается нам неоскудно возносить Богу хвалы и молитвы и не что-либо обыкновенное предлагать в дар Владыке, но со всею любовию и усердием посвящать ему что есть лучшего в душе, вернее же сказать, всецело самую душу[630]. Ибо как при возделывании виноградника все попечение прилагается для того, чтобы насладиться плодами, а как скоро не оказывается плодов в винограднике, – весь труд возделывания становится тщетным и напрасным, так и внешние добрые дела должны совершаться не ради самих себя, а ради духовных плодов[631].

А потому, если преуспел в посте, во бдении, в псалмопении, во всяком подвиге и во всякой добродетели, но на жертвеннике сердца не совершено еще благодатию таинственное действие Духа, то все таковое чинопоследование подвижничества далеко не совершенно[632]. Если видимо соблюдаешь тело свое от растления и блуда, внутренно же ты любодействуешь и творишь блуд в помыслах твоих, то прелюбодей ты пред Богом и не приносит тебе пользы девственное тело твое[633].

Все внешние дела благочестия могут легко уживаться с самолюбием... Даже тот, кто отрекся от міра, стал нестяжательным, безприютным, постником, бывает еще привязан к себе самому, или к мірским вещам, или к дому, или к родительской любви[634]. Можно иметь молитвенную наружность[635], воздерживаться от общения с женою[636], отказаться от всякого мірского наслаждения, от отца, матери, сделаться странником, нищим[637], отличаться всеми телесными подвигами[638], и в то же самое время быть ἅλας μῶρον – солию обуявшею. И такой человек жалок паче всех людей, ибо и здешнего лишен и божественным не насладился[639].

Многие, однако, считают за праведников тех, которые преисполнены внешних подвигов. Но как легко ложного подвижника принять за истинного! Многие, строго наблюдая за внешностию, упражняясь в науках и заботясь о жизни правильной, думают, что такой человек совершен, не вникая в сердце, не примечая там пороков, какие обладают душею[640]. Но это только христиане неискусные, духовно не опытные не могут дознать: имеют ли те или другие подвизающиеся действительно печать и образ Царя, не наложена ли поддельная печать на художническое дело?

Что же касается христиан искусных и духовно-опытных, то они легко различают ложных и действительных подвижников[641] и именно по плодам внешних подвигов. Истинное подвижничество проявляется

в обильных плодах любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, веры, долготерпения[642].

Отличие истинных христиан состоит не во внешнем виде и не в наружных образах, как многие думают, что в этом вся разность, и что самые христиане различаются между собою внешним видом и образом, но в лице Христовом и в любви Духа[643].

Но может возникнуть вопрос: неужели те, которые продают имения, отпускают на свободу рабов, исполняют все заповеди, но не имеют в себе Духа, так неужели те будут лишены Царствия Небесного? Это тонкий предмет для рассуждения. Имея, однако, в виду, с одной стороны, что Божество внемлет всем людям, а, с другой, то, что много степеней в Царстве Небесном, нужно думать, что и Господь премудро каждого вознаградит по мере веры его[644].

Итак, всякое внешнее доброделание ценно по своим духовным плодам, кажется не следует о них и много говорить, ибо внешние дела благочестия всем хорошо известны. Разве только скажем о некоторых, – например, о *нестяжательности.*

Не надобно ничего приобретать или называть своею собственностию, отделяя от общего, кроме одежды, покрывающей тело. Ибо кто ничего не будет своего иметь, тот с большим усердием станет исполнять общие потребности и усердно с удовольствием и надеждою станет выполнять приказанное начальствующими, как добродетельный и простодушный раб Христов, преданный тому, что служит к общей потребности братии[645].

Или вот, например, – об *услужливости* братии. Нужно услуживать братии и ни от кого не ожидать себе награды. Награды не полезны. Они располагают к человекоугодничеству, тогда как, что бы христианин ни работал, он должен работать как Самому Господу *(Еф. 6, 6).*

Если описание внешних подвигов не так важно, то гораздо для христианина важнее знать, как внешнее доброделание одухотворить, сделать его истинно угодным Богу и для этого прежде всего всякое добро нужно делать не на показ. Тех, которые делают добро на показ, Господь укоряет и, подтверждая слово решительным приговором, присовокупляет им: аминь, глаголю вам, восприемлют мзду свою *(Мф. 6, 5).*

Во-вторых, нет надобности заботиться о величине доброго дела – величине, конечно, количественной. Бог не повелевает рабам Своим чего-либо невозможного, но явил Свою благость, что каждому дает возможность по воле его делать что-либо доброе. Что удобоисполнимее, например, сей заповеди: за чашу студеной воды следует небесная награда? Господь не требует ничего сверх сил; но сделаешь ли что малое или великое, награда следует за тобою соразмерно твоему произволению.

В-третьих, что самое главное – нужно делать добро во славу Божию, а не ради собственной славы[646]. Враг часто внушает христианину мелочные расчеты добрых дел: тщеславие и т. п. Христианин должен это знать и не полагаться на свои дела, не думать, что он совершил нечто великое[647], и не вменять их себе в заслугу.

Но если преп. Макарий мало говорит о внешних подвигах, то зато он немало уделяет места рассуждениям о молитве, как подвиге внутреннем. Молитву можно совершать двояким образом. Во-первых, в безмолвии, мире, в великом благодушии и внимании к Господу, в томлении сердца и с трезвенными помыслами; во-вторых, в воплях, в смятении, безпокойстве.

Тот и другой род молитвы зависит отчасти от индивидуальных особенностей человека. Подобно тому, как один больной, когда подвергают его прижиганиям и другим хирургическим врачеваниям, весьма мужественно и терпеливо переносит причиняемую ему боль, а другой издает непристойные вопли, хотя боль и у того и у другого одинакова, так и молитву один совершает в безмолвии, другой же в воплях. Первый род молитвы превосходит второй. Но как та, так и другая молитва, однако, могут быть вполне искренни.

Есть и еще один род молитвы, так называемой «показной», в полном смысле несовершенной, которая только и может проявляться в безчинных воплях.

Рабу Божию приличествует молитва, совершаемая в безмолвии и мире. Основанием для этого может служить прежде всего то обстоятельство, что Сам Господь благоволит являться в покое и безмолвии, как, например, было при Моисее и Илии, хотя Его явление и сопровождалось в указанных случаях сильным движением природы.

Преимущества первого рода молитвы явны сами по себе. Так, молящийся в безмолвии назидает других на всяком месте. Молитва в безмолвии дает возможность углубляться в самого себя и познавать всю свою скверну, что весьма важно.

Человека, как известно, одолевают греховные помыслы, особенно когда он обращается к Богу. И вот безмолвие, сосредоточенность помогут ему кружащиеся помыслы собрать отовсюду воедино, разобраться с своими помыслами, проследить, что служит пищею для них и лукавые дурные отсечь, отразить.

Кто же молится с воплями, тот не назидает, а соблазняет других. Он походит на управляющего гребцами и не может молиться везде – в храме, в селении и т. п., а только где-нибудь в отдаленных пустынях. Затем, молящийся с воплями, как бы доверяется своей телесной крепости, как бы физическою силою старается противостать помыслам, не замечая в то же время их расхищения.

Нельзя, однако, сказать, чтобы и молитва второго рода была неугодна Богу. Господь человеколюбив. Он оказывает Свою помощь и молящимся с воплями. Но, во всяком случае, такого рода молитва есть дело невежд.

Помимо индивидуальных особенностей в способе так или иначе молиться имеет значение и привычка. Ко всему можно приобрести навык, – не исключая и молитвы. Вот почему нужно на первых же порах заботиться о лучшем роде молитвы. А если начнет кто совершать молитву громогласно и с смятением, то и до конца удержит сей навык.

Итак, лучший род молитвы – это тот, который совершается при глубоком внимании к своим помыслам, в великом безмолвии и мире[648].

Как же настроиться на такую молитву? Во время молитвы душа погружается в самую себя и видит как в зеркале все свое состояние. И вот ум молящегося должен внимать молитве, немало не обращая мысли на смущение лукавого духа, не обуреваясь его волнами, но прямо взирая к горней пристани и непорочную душу возвращая Богу, Который вверил ее тебе и требует ее обратно.

Лукавый строит всевозможные козни против молящегося. Он всячески старается отвлечь христианина от молитвы сном, тягостью тела, изнеженностью души, унынием, нерадением, нетерпеливостию и прочими немощами, и, вот, молящийся должен зорко следить за всеми кознями лукавого и не поддаваться им[649].

Кратко сказать, приступающий к молитве должен погрузиться в свое сердце и ум и затем посмотреть, нет ли там чего препятствующего молитве, занят ли ум его Одним только Господом так, как у земледельца – земледелием, у купца торговлею; и когда преклоняешь колена свои на молитву, – не расхищает ли помыслов твоих кто другой?[650]

Это одна сторона молитвенного настроения. Другая же, положительная, должна состоять в том, что молящийся должен все свои помыслы предать любви ко Христу[651]. Затем, при полном сознании своей греховности, своей нечистоты, безсилия, молящийся с верою[652], усиленно[653] должен просить Господа о помощи[654], просить, чтобы Господь, по благости Своей, озарил душу, пребывающую в нощи и во тме, чтобы Он дал нам небесную пищу[655], чтобы Он дал нам криле голубины Св. Духа возлететь в божественный воздух, в Св. Духа, чтобы Он уничтожил в нас грех, живущий в членах нашей души и тела[656], чтобы оживотворились наши души пока они еще во плоти[657].

Нужно при этом помнить, что достоинство и внутренняя сила молитвы не зависят от продолжительности. Иной, лишь только приклонит колено, и сердце его исполняется Божественной действенности. Иной, занятый целый день, на один час посвятит себя молитве и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние[658].

По Писанию, не та молитва хороша и благоугодна, чтобы падать на колена, распростираться на земле, но в то же время давать свободу мысли блуждать вдали от Бога, но чтобы, удалив от себя всякую леность помыслов и всякую неправедную мысль, вместе с тем и всю душу предать молитвам.

Истинность, святость, – иначе достижение цели молитвы узнается по ее плодам. Та молитва свята и принята Богом, от которой проистекают – простота, любовь, смиренномудрие, постоянство, незлобие. А если молитва не сопровождается этими духовными плодами, то напрасен молитвенный труд[659].

Что касается состояния духа истинно молящихся, то оно бывает разнообразно. У одного во время молитвы происходит в помыслах полное забвение о земном мудровании и ум такового бывает насыщен и пленен только Божественным, небесным, безпредельным, необъятным, и чем-то нужным, чего человеческими устами и изречь невозможно. И в этот час молящийся, находясь в описанном состоянии, готов сказать: о, если бы душа моя отошла вместе с молитвою. Другой, например, во время молитвы приходит как бы в исступление. Одному, например, во время молитвы казалось, что он стоит в церкви как бы пред жертвенником; и вот ему предложены три хлеба, как бы вскиснувшие с елеем, и в какой мере вкушал он их, в такой хлебы возрастали и поднимались. Иногда во время молитвы сердце охватывается некиим небесным светом и человек, в это время поглощенный Божественною сладостию и созерцанием, как бы уже не владеет собою и делается для міра буим и варваром, по причине преизобилующей любви и сладости и по причине сокровенных тайн; так что человек, получив в это время свободу, достигает совершенной меры, бывает чистым, свободным от греха[660].

Всякий христианин должен пребывать в молитве. Но есть еще дар молитвенный, который подается Богом избранным[661]. Этим даром могут обладать и люди простые, неученые, не сведущие в человеческих знаниях. И эти простецы, если имеют дар молитвенный, могут доходить до видения мудрецов, больше того, до таких видений, до которых не достигают сильные, мудрые и витии, ибо эти последние не в состоянии бывают постигнуть (τὴν λεπὸτητα ϛοῦ νοῦς) тонкости ума молитвенников, занятого Божественными тайнами[662].

Кто имеет молитвенный дар, тот не только приносит пользу себе самому, но бывает полезен и для других. Так он назидает младенствующих христиан и побуждает их подражать ему в молитве. Это нужно помнить и радоваться постоянству и твердости молитвенника[663]. Значение молитвы весьма велико. Молитва есть как бы (κορύφαιος) ликоначальница в лике добродетелей[664]. Ею можешь приобретать и все прочие добродетели. Ка-

ким же это образом? Молящийся входит (ἡ κοϊνωνία τῆς τοῦ Θεοῦ ἁγιὸτητος) в общение с Божией святостию[665], воспламеняется любовию к Богу и приемлет благодать духовного освящающего совершенства, что затем и начинает проявляться в делах милосердия и в других добродетелях: посещении братии, служении и т. п.[666] А если таково значение молитвы, то христианин должен самым главным делом считать пребывание в молитве; молиться непрестанно по слову апостола[667].

Но ни отречение от міра, ни слезы, ни молитва и никакие другие подвиги не достаются христианину легко. Недостаточно только пожелать слез, пожелать поста, пожелать молитвы и все это немедленно явится.

Нужно много и долго себя понуждать к тому или другому подвигу, чтобы возгорелась в нашем сердце любовь и склонность к нему. Живущий в человеке грех всегда тянет на свою сторону. Он отвлекает человека от всего доброго, а потому нужно употреблять усилия, чтобы сделать что-либо достойное Господа. Нужно понуждать себя к смиренномудрию, – считать себя низшим и худшим всякого. Нужно приучать также себя быть сколько можно милостивым, добрым, милосердным. Против воли сердца, далее, надлежит принуждать себя к любви, если не имеешь любви; к кротости, если не имеешь кротости; к терпению, когда пренебрегают тобой; к великодушию, когда уничижают и безчестят. Надлежит принуждать себя и к молитве, а также к тому, чтобы не беседовать ни о чем безполезном, не говорить ни о ком худо, но размышлять и сердцем и устами изрекать всегда то, что есть Божие, принуждать, чтобы не раздражаться – кратко сказать, принуждать себя ко всякому добродетельному подвигу, к доброму и прекрасному житию, к доброте в обращении, ко всему тому, что может уподобить нас Господу.

По тесной связи всех добродетелей между собой, нельзя при этом ограничиться понуждением себя к одной какой-нибудь добродетели. Нет, нужно приучать себя к исполнению всех заповедей одновременно, тогда только будет правильно идти нравственный рост христианина. А если, например, кто-нибудь принуждает себя к одной молитве, но не приневоливает, не нудит и не приучает себя таким же образом к прочим добродетелям, то, хотя он и получает отчасти благодать молитвенную, но эту благодать он легко утрачивает по приятии, падает от высокоумия, – не преуспевает и не возрастает в благодати, дарованной ему.

Словом, христианин должен принуждать себя ко всякой добродетели, ибо кто принуждает себя, у того всякое упражнение в добродетели обращается как бы в природу (ὡς φύσις). И что христианин сначала делает с принуждением непроизволяющего сердца (ἀκοὺσης τῆς καρδίας), то он потом будет делать произвольно[668].

Наконец, христианин, желающий шествовать ко Христу, должен обладать следующими душевными качествами: мужеством, рачительностию, внимательностию[669], быстротою, неотступностию[670], осторожностию, терпением[671], трезвенностию, благоразумием и рассудительностию[672]. В частности, внимательность ума христианину нужна, например, для того, чтобы отличать чуждые помыслы, внушаемые сопротивною силою[673]. Трезвенность и рассудительность нужны, чтобы те блага, какие имеем, не обратились нам во вред. Ибо и добрые по природе люди, если не остерегутся, постепенно завлекаются самою добротою и имеющие мудрость скрадываются самою мудростию.

Поэтому человеку должно быть умеренным во всех частях: благость сраствoрять строгостию, мудрость рассудительностию, слово делом, и все упование возлагать на Господа, а не на себя. Ибо добродетель приправляется многим, как и необходимая какая-нибудь снедь требует для своей приправы благовонного вина, или чего-нибудь другого, и не только меду, но и перцу, и в таком только случае делается годною к употреблению[674]. Но трудничество христианина, однако, само по себе без благодати Божией немыслимо.

5. В трудничестве христианина никогда не оставляет благодать Божия; напротив того, – она имеет особое попечение о таковом христианине и действует как бы по известным законам

Собственные усилия христианина сами по себе не делают его лучшим. Эти усилия лишь привлекают благодать, которая затем уже сама производит свои действия в сердце человека. Итак первый основной закон действования благодати тот, что она идет навстречу трудничеству христианина. Господь, как скоро видит, что кто-нибудь мужественно отвращается от житейских удовольствий, от вещественных развлечений и забот, от земных уз и от кружения суетных помыслов, – подает таковому благодатную Свою помощь и непреткновенно соблюдает эту душу, которая прекрасно совершает течение свое в настоящем лукавом веке[675].

Господь, видя доброе рачение, видя, как принуждает себя христианин к памятованию Господа и как сердце свое, даже против воли его, ведет непрестанно к добру со всем возможным для него усилием, Господь творит с ним милость Свою, избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Духом Святым[676].

Господь взирает также на веру[677], надежду[678], любовь[679], терпение[680] христианина и сообразно с ними подает ему Свою благодатную помощь.

Человек от собственных своих усилий служит Богу, а Бог в ответ на это уделяет душе больше и помогает человеку укрепляться в том, чем он служил Богу. На любовь человека Бог сообщает ему Свою любовь; в ответ на веру прилагает тому небесную веру и человек делается сугубым[681].

Мы только отступимся от худых предубеждений, по мере наших сил, возненавидим дурные свои предначинания и мірские обольщения, отвратимся от лукавых и суетных помыслов, а Он готов оказать нам помощь Свою[682]. Мы только отрезвимся, приобретая благую мысль, к Нему обратимся, и Он готов спасти нас; потому что ожидает горячего, по мере сил наших, стремления к Нему воли нашей, и Сам производит в нас благую от произволения веру и усердие и всякое преуспеяние[683].

Второй закон. Благодать Божия сама все производит в христианине. Когда Господь видит, что душа, по мере сил своих, собирает себя воедино, день и ночь ища Господа, тогда Он сотворит отмщение ее, как обещал *(Лк. 18, 7),* очистит ее от порока, какой есть в ней, Сам представит ее Себе, как непорочную и нескверную невесту[684]. Как пчела тайно выделывает сот в улье, так и благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие – в мягкосердие[685].

Благодать все сама совершает, от человека требуется только начаток, желание и усилие[686]. Без благодати человек не может принести достойных плодов Господу[687]. Без благодати не может он познать тайны и премудрость Божии[688]. Благодати огнь прогоняет бесов, истребляет грех; он есть сила воскресения, действенность безсмертия, просвещение святых душ, утверждение умных сил[689].

Третий закон действования благодати – это его постепенность. Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно и душа в этой постепенности находит себе пособие[690]. Как серебренник и резчик, производя резьбу на блюде, покрывает по частям различными животными, какие на них вырезывает, а когда кончит работу, тогда показывает блюдо в полном блеске; так и истинный Художник Господь украшает резьбою сердца наши и таинственно обновляет, пока не переселится из тела. Тогда эта резьба сделается видною красотою души[691].

Душа окончательно преисполняется благодати Божией только после долговременного борения, после обетов великого терпения и великодушия, после искушений и испытаний, когда душа уже при многих обстоятельствах окажется благоискусной[692].

Самую постепенность действования благодати Божией можно изобразить так: у души много членов и глубина ее велика и привзошедший в нее грех овладел уже всеми ее составами и пажитями сердца.

Потом, когда человек взыщет благодати, она приходит к нему и овладевает двумя, может быть, составами души. А неопытный, утешаемый благодатию думает, что пришедшая благодать овладела всеми составами души и грех искоренен. Но большая часть души во власти греха, одна же часть под благодатию[693]. И только со временем благодать овладевает всеми пажитями сердца; тогда царствует она над всеми членами и помыслами, ибо там ум и все помыслы и чаяния души. Почему благодать и проникает во все члены тела[694].

Четвертый закон. Благодать никогда не оставляет христианина без своего руководства. Благодать непрестанно сопребывает в человеке. Только она различно видоизменяет свои действия к пользе же человека. То она возгорается и воспламеняется сильнее, то слабее и тише[695]; то она наполняет все существо человека, то умаляется[696] и даже как бы отходит от человека. В последнем случае душа легко предается искушениям. Приходит диавол и наносит ей тысячи бедствий, – безнадежность, отчаяние, лукаые помышления и сокрушает душу, чтобы расслабить ее и сделать далекою от упования на Бога[697].

Но это только кажется человеку – будто его оставляет благодать. Благодать может удаляться из сердца христианина по домостроительству, но она совсем никогда не покидает и не забывает его. Хотя и удаляется Дух от тебя и бывает как бы вне тебя, однако же он и внутрь тебя пребывает и является вне тебя[698]. И это кажущееся отступление благодати полезно для христианина в том отношении, что он, почувствовав горечь греха, после сильнее и ревностнее станет искать Бога. А если бы не было сего, то как могла бы душа отличить горькое от сладкого, смерть от жизни[699].

В самых скорбях промышляет о христианине благодать, это может каждый понять, когда прийдет он после скорбей в упокоение. Как сыну богатого человека, у которого есть пестун, пока наставник наказывает его, и учение, и раны, и удары кажутся тяжкими и это бывает, пока не сделается мужем, и тогда начинает уже благодарить пестуна; так и благодать промыслительно обучает, пока не прийдет в совершенного мужа[700].

Кратко сказать: благодать Божия не перестает воспитывать христианина в продолжение всей его жизни, при этом ее действия совершаются в человеке с великим долготерпением, премудростию и таинственным смотрением (οἰκονομίας νοῦς μυστικῆς) ума[701]. И понять это «смотрение Божия ума» человек часто не в состоянии. В самом деле, как, например, понять, что иным Господь преимущественно пред всеми без их трудов и изнурений преподает дарования и дары Св. Духа, а иным, несмотря на труды, Бог не скоро подает блага? Все это, конечно, совершается не без причины, а по неизреченной и непостижимой для человека премудрости Божией[702].

Наконец, последний закон действования благодати следующий: *благодать в процессе нравственного усовершенствования христианина не подавляет его свободы, а сообразуется с произволением человека.*

Воля человеческая есть существенное условие для действования благодати. Если нет воли, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей[703]. В частности, распределение Богом дарований основано на свободном произволении человека. Бог знает, как может кто употребить данное ему и сообразно с тем дает различные дарования – одному служение слова, другому – рассудительность, третьему – дарование исцелений[704]. На свободном произволении человеческом основано и то, что Господь одному сразу подает дары Св. Духа, другому же не скоро[705].

В связи с свободой человеческой стоит и разнообразная деятельность св. Апостолов. В одном месте, как известно, они творили такие чудеса, в другом иные, иногда же они являлись немощными в творении чудес. Все это делалось для того, чтобы испытывалась человеческая свобода, чтобы через это делалось видимое различие веры в верных и неверных. А если бы Апостолы делали все на всяком месте, то знамениями и силою своею как бы насильно утверждали людей в благочестии и не было бы уже места ни вере, ни неверию[706].

На свободе человека основана и постепенность действия благодати Божией. Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение, сохраняет ли оно всецело любовь к Богу, не сдруживается ли с лукавым и всецело ли предает себя благодати[707]. И дело благодати тогда уже оказывается вполне совершенным в человеке, когда свободное произволение его, по многократным испытании, окажется благоугодным Духу и с течением времени покажет опытность и терпение[708].

Что христианин свободно шествует ко Христу, это видно также из тех усилий, с которыми он приобретает спасение. И если бы без труда можно было преуспевать, то тогда человек являлся бы несвободным, неподвижным ни на добро, ни на зло. Тогда бы не могло существовать ни славы, ни геены, ибо то и другое возможно только при существовании тварей – способных свободно преклоняться на сторону добра и зла[709]. На той свободе основано, наконец, и то, что Господь все дело нравственного усовершенствования приписывает нам[710].

Но теперь вопрос: не подавляется ли свобода в совершенных христианах? Ведь они *делают только добро и как бы не могут творить зла?* На это нужно сказать следующее: совершенный не привязан какою-либо необходимостию к добру. Упоенные Божеством, хотя исполнены и

связаны Духом Святым, однако же не удерживаются никакою необходимостию, но имеют свободу обратиться и делать в веке сем, что хотят[711]. И если делают они одно только добро, то это потому, что их «произволение» само, по мере преуспеяния и возрастания, делается духовным; совершенному самому делается свойственным только благое, доброе, так что в этом отношении его произволение, так сказать, совпадает, согласуется с благодатию, входит с ним в единение, «сраствореяется благою и святою действенностию благодати»[712].

При рассуждении о действии благодати Божией в христианине может возникнуть еще и такого рода вопрос: каким образом благодать Божия одновременно может сопребывать в человеке со грехом? Как в воздухе бывает сатана, и, там же соприсутствуя, Бог нимало не утесняется тем; так и в душе есть грех, а равно соприсутствует там, нимало не утесняясь, и Божия благодать[713]. И это отчасти делается понятным, принимая во внимание многосоставность души и глубину ее[714], частию непрекосновенность человеческой свободы[715], наконец, везде – присутствие Божие[716], неограниченность Божества и невозможность осквернения его сквернами греховными. Если солнце, которое есть тварь, через окна или двери входит всюду и не терпит ничуть от того вреда, то не тем ли более Бог входит в жилище, где пребывает смерть (ад), в душу, и не терпит от того оскорбления[717].

ж) Плоды нравственного преуспеяния христианина

Кто неуклонно шествует по пути нравственного преуспеяния, тот уже здесь, на земле начинает пожинать плоды своего доброделания. Такой христианин нравственно обновляться. Его уже не тянет к себе мір, он внутри уже не испытывает мучительной борьбы со страстями и искушениями, его сердце начинает исполняться радости, спокойствия и мира[718].

Как если, кто умирает в городе, не слышит ни голоса, ни речей, ни шума живущих там, но как скоро умер, переносится в другое место, где нет ни гласов, ни воплей того города, так и душа, как скоро предается на заклание и умирает в том граде вредных страстей, в котором жила и проводила время, не слышит уже в себе гласа беседы тьмы, не раздается в ней уже говор и вопль суетного беседования и мятежа духов тьмы, но преселяется она в град, исполненный благости и мира, во град Божества света, – и там живет и слышит, разглагольствует и беседует, там совершает дела духовные и достойные Бога[719].

Или как железо, свинец, золото, серебро, вложенные в огонь, теряют свойства жесткости, переменяясь в вещества мягкие и пока бывают в огне,

по силе огненной теплоты, расплавляются и изменяют естественную жесткость; таким же образом и душа, отрекшись от міра и возлюбив Единого Господа и прияв в себе небесный огнь Божества и любви Духа, действительно уже отрешается от всякой миірской любви, освобождается от всякой порчи страстей, все отлагает от себя, переменяет естественное свое качество и греховную свою жестокость[720].

И как там в обольщении ветхий человек совлек с себя человека совершенного и оделся в одежду хулы, неверия... так и здесь христианин облекается в нового небесного человека Иисуса Христа и в соответсвие греховным своим очам получает новые очи, в соответствие ушам – новые уши, в соответствие голове – новую голову, чтобы всецело быть чистым и совершенным[721].

Нравственное обновление есть общее свойство христиан, преуспевших в доброделании. В частности, эти христиане приобретают духовную опытность, которая проявляется в следующих чертах. Во-первых, по отношению к себе в том, что усовершаемые начинают понимать свою душу... Ни мудрые своею мудростию, ни разумные своим разумом не могли постигнуть душевной тонкости, или сказать о душе, что она такое; только при содействии Духа Святаго открывается и приобретается понятие и точное ведение о душе[722]. И в этой своей душе духовно-опытный тонко начинает различать все движения, как греховные, так и благодатные. Он всякий раз познает внутри водворяющуюся борьбу страстей и внутреннюю брань и лукавые помыслы[723], а, с другой стороны, чувствует все действия Божества, совершающиеся в нем и не только чувствует, но и понимает эти действия.

Есть земля сатанинская, где живут, покоятся темные силы и лукавые духи, и есть светоносная земля Божества, где ходят и упокоеваются полки Ангелов и св. духов. И как темная земля не может быть видима и осязаема очами телесно, так светоносная земля Божества и неосязаема и невидима плотскими очами; людям же духовным, сердечному оку их видимы и сатанинская земля тьмы и светоносная земля Божества[724].

Всякий должен знать, что есть очи, которые внутреннее сих очей, и есть слух, который внутреннее сего слуха. И как эти очи чувственно видят и распознают лице друга или любимого: так очи души достойной и верной, просвещенные Божественным светом, духовно видят и распознают истинного Друга, Сладчайшего и многовожделенного Жениха-Господа, как скоро душа озарена достопоклоняемым Духом[725]. И еще: как видимое око, будучи чисто, чисто всегда видит солнце, так и ум, совершенно очистившись, видит славу света Христа[726].

Нужно при этом сказать, что способности, с одной стороны, тонко различать греховные, а, с другой, благодатные проявления у духовно-опытных людей проявляются одновременно. Если же этого не замечается, то

это верный признак отсутствия духовного опыта. Кто сознает в себе греховный струп, страстями оскверняющий внутреннего человека, но не сознает в себе вспомоществования от Святаго Духа истины, укрепляющего немощь его и обновляющего душу сердечным веселием, тот остается без способности различия, не имея познания о многоразличном домостительстве Божией благодати и Божия мира[727].

Отличительная особенность духовноопытных людей, – это их рассудительность[728] и во всех обстоятельствах жизни непоколебимая твердость. Преуспевающие, в искушениях и скорбях, от которых ни один христианин никогда не свободен, не будут отчаиваться и приходить в удивление, ибо знают, что, по Божию попущению, дозволяется злобе испытывать душу и при своем богатстве и покое они не делаются безпечными, но всегда ожидают перемены[729], и при этом не боятся уже этих вражеских нападений.

Как тот, кто многократно попадал в руки разбойников, и, потерпев от них потери, затем с великим трудом избегал их и после того приобрел огромное имущество и большое достяние, не боится уже разорения по причине умножившегося богатства, так и духовно-опытные люди, прошедшие сначала множество искушений и страшных мест, потом, исполнившись благодати и преизобилуя благами, не боятся уже тех, которые хотят разграбить их, потому что богатство их немало[730].

Не удивляются эти люди и духовным благам и, в частности, тому, что будут царствовать со Христом, ибо они предварительно уже познали все тайны благодати[731].

Еще новая особенность внутренней жизни духовноопытных людей это та, что они начинают приобретать или лучше сказать преумножать в себе добродетели без особого труда, подобно тому, как в міре имеющие богатство без труда приобретают себе всякую вещь и на богатство приобретают себе еще большее богатство[732], и при этом в своих трудах они находят себе радость и отраду[733].

По отношению к другим духовная опытность проявляется прежде всего в том, что духовноопытный человек, по написанному *(1 Кор. 2, 14),* востязует всякого человека. Он начинает понимать людей. – О каждом знает он, из какого источника берет слово, где остановился и на какой находится степени; о нем же самом, т. е. духовноопытном, никто из людей, имеющих в себе дух міра, не может знать и судить. Кто только имеет в себе подобного небесного Божия Духа, тот и знает подобного ему, как говорит апостол: Духовная духовными сразсуждающие. Душевен же человек не приемлет, яже Духа Божия, юродство бо ему есть: духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется (*1 Кор. 2, 14)*[734].

Больше того, имеющие небесное богатство Духа не только понимают людей, но они могут на них влиять, ими руководить, им уделять из своего духовного сокровища и не оскудевать. Если кто богат и готовит дорогую вечерю, то тратит из своего богатства и из сокровища, какое имеет, и при великом богатстве не боится, чтобы у него был недостаток в чем-нибудь; и, таким образом, позванных им гостей увеселяет роскошно и пышно, предлагая им различные и необыкновенные снеди. А нищий и не имеющий богатства, если вздумает приготовить для кого ужин, все берет взаем и самые сосуды и платье и другие вещи и едва только поужинают позванные, как обыкновенно могут у нищего, отдает потом каждому, что у него занимал: или сосуд серебрянный, или одежду, или другую вещь. И когда, таким образом, раздаст все, что принадлежит каждому, сам остается и нищим и нагим, не имея у себя собственного богатства, которым бы мог увеселяться[735].

Так и обогащенные Духом Святым, поистине имея в себе небесное богатство и общение Духа, если скажут кому слово истины, и если сообщат кому духовное слово, и пожелают возвеселить души, то из собственного своего богатства и из собственного сокровища, каким обладают в себе, изрекают слово, им возвеселяют души слушающих духовное слово и не боятся оскудения у себя самих; потому что обладают в себе небесным сокровищем благостыни, из которого предлагают снеди и увеселяют угощаемых духовно.

А нищий и не приобретший себе богатства Христова, не имея в душе духовного богатства, источающего всякую благостыню слов и дел, и помышлений Божественных и неизглаголанных тайн, если и хочет изречь слово истины и увеселить некоторых из слушающих, то в действительности и по самой истине не стяжав себе слова Божия, а только припоминая и заимствуя слово из каждой книги Писания, или пересказывая и передавая, что выслушал у мужей духовных, услаждает повидимому других, и другие услаждаются его словами; но, как скоро окончит свою речь, каждое его слово возвращается в свое место, откуда взято, и сам он опять остается нагим и нищим; потому что не его собственность – то духовное сокровище, из которого он предлагает, пользует и увеселяет других, и сам он первый не возвеселен и не обрадован Духом[736].

Или, как одетый в убогую ризу, если видит себя во сне богачем, то, встав от сна, опять видит себя бедным и обнаженным; так и рассуждающие о духовном повидимому говорят последовательно; но так как то, о чем говорят, не подтверждено в уме каким-либо опытом, силою и удостоверением, то останавливаются они на какой-то мечте. Или, как если бы женщина, одетая вся в шелк и в жемчуги, явилась в непотреб-

ном доме: так и в подобных людях сердце их есть блудилище нечистых духов; хотят говорить они о праведности, не заглянув в дела.

Не трудно сказать кому-нибудь, что хлеб этот сделан из пшеницы; но надобно с подробностию объяснить, как именно хлеб приготовляется и печется. Рассуждать о безстрастии и совершенстве – можно немногим. Кто ведет речь о духовном, не вкусив того сам, тот уподобляется человеку, который, при наступлении дневного зноя, идет пустым полем, и, томясь жаждою, описывает источник, струящийся водою, изображая себя пьющим, тогда как засохли у него уста и язык от палящей их жажды, – или человеку, который говорит о меде, что он сладок, но не вкушал его сам и не знает силы сладости. Так, если ведут речь о совершенстве, о радовании, или о безстрастии, неощущавшие в себе их действенности и удостоверения в них; то на деле не всегда бывает так, как они говорят. Ибо, когда такой человек сподобится со временем, хотя отчасти, приступить к делу, тогда рассудит он сам с собою: не так оказалось, как предполагал я. Иначе рассуждал я, а иначе действует Дух[737].

Кто говорит, но не руководствуется небесным светом и премудростию, тот в уме не всякого может поселить убеждение[738]. Таково значение духовного опыта. Приобетение его возможно для каждого христианина – всякого звания, положения, всякого образования.

Он приобретается трудничеством. Отсюда в жизни можно встречать, с одной стороны, простецов – весьма опытных в духовной жизни и, наоборот, людей мудрых, знатных, и в то же время невежд в понимании духа Христова.

Еллинские философы учатся владеть словом, но есть другие философы, которые невежды в слове, радуются же и веселятся о Божией благодати, и это мужи благочестивые. Последние-то и есть истинные мудрецы, воители и Божии любомудрцы[739].

Как в міре, когда объявлена война, люди ученые и вельможи не отправляются туда, но, боясь смерти, остаются дома и вызываются на войну новонабранные, бедные и из простолюдинов, и случается, что они одерживают победу над неприятелями и прогоняют их от пределов, а за сие получают от царя награды и венцы, достигают почестей и достоинств, а те великие люди остаются позади их: так бывает и в духовном. Невежды, слушая в первый раз слово, исполняют его на деле и приемлют от Бога духовную благодать, а мудрые в этом не преуспевают и остаются позади простецов[740].

Преуспевающие в доброделании христиане, далее, исполняются заметно следующих духовных качеств: смирения, страха Божия и неутолимой жажды благодати.

Преуспевающие смиряются. – Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, хотя бы совершив тысячи праведных дел, по ненасытному

стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала; хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы еще не сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела[741].

Но возможен вопрос: «Как христианин, преуспевший в доброделании, может быть нищим по духу, когда он несомненно ощущает и сознает в себе дары благодати?» Истинный христианин, какими бы достоинствами ни обладал, никогда не станет себя считать ценным и что-нибудь значущим. А если этого сознания в христианине нет, то это верный признак того, что такой человек еще не преуспел.

Сама благодать учит совершенного христианина быть низшим по духу, – и хотя он праведник и Божий избранник, не почитает себя за что-либо, но признает душу свою малоценною и униженною, как будто ничего он не знает и не имеет, хотя и знает и имеет. И такая мысль делается в таком христианине как бы прирожденной и укорененной[742].

Но как возможно такое смирение? Не есть ли это фальшь? Как выработать *искреннее* смирение? Где источник его?

В сознании того, что все, что мы ни делаем доброго, все это дается нам благодатию Божиею; предоставленные же собственным силам мы являемся немощными. «Если царь положил свое сокровище у какого-нибудь нищего, то принявший на сохранение не считает этого сокровища своею собственностию, но везде признается в своей нищете, не смея расточать чужого сокровища, потому что всегда рассуждает сам с собою: «Это сокровище не только у меня чужое, но еще положено ко мне сильным царем и он, когда захочет, возьмет его у меня». Так и имеющие благодать Божию должны о себе думать, быть смиренномудрыми и исповедывать нищету свою. Если нищий, приняв от царя вверенное ему сокровище и понадеявшись на это чужое сокровище начинает превозноситься им, как собственным своим богатством и сердце его исполняется кичения, то царь берет у него свое сокровище и имевший оное на сохранении остается таким неимущим, каким был прежде.

Так, если и имеющие благодать превознесутся и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет от них благодать Свою и остаются они такими же, какими были до приятия благодати от Господа»[743].

А посему, если увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастился благодати, то хотя бы и знамения творил он, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей безчестною и обнаженною и себя нищим по духу и мерзким, окрадывается он злобою и сам не знает того[744].

Признак христианства и того, кто благоискусен пред Богом, – стараться таить свои достоинства, не выставлять напоказ сокровищ Небесного Царя, которыми владеешь, и говорить всегда: «Не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я нищий, и положивший, когда захочет возьмет его у меня». Если же кто говорит: «Богат я, довольно с меня и того, что приобрел, больше не нужно», то такой не христианин, а сосуд прелести и диавола.

И чем больше христианин входит в познанине Бога, тем больше он почитает себя невеждою, и чем больше учится, тем более признает он себя ничего не знающим. Такое сознание, такое смирение благодать производит в душе, как нечто естественное[745].

Результаты такого смирения велики. Прежде всего, Бог, видя, что человек сделанное естественными силами приписывает Богу, дарует ему собственное Свое – духовное, Божественное – плоды Духа – радость и веселие[746]. А, во-вторых, Господь все, что ни сделает христианин доброго в чувстве смирения и при помощи благодати, приписывает самому же человеку.

«Душа говорит: все Твое, дом, в котором живу, – Твой и одежды мои – Тебе принадлежат. Ты меня питаешь, Ты снабдеваешь меня всем потребным». Тогда Господь начинает говорить на это: «Делаю тебе милость; это имение твоя собственность; эта добрая воля – твоя же собственность. За любовь твою ко Мне, вот, даю тебе и то, чем не обладала ты доныне, чего не имеют люди на земле. Вместе с душею твоею приими и Меня, Господа, чтобы всегда тебе веселиться и радоваться со Мною»[747].

Вторым выдающимся свойством внутреннего настроения преуспевающих является *страх*. «Предстоящие Христу, пребывают в непрестанном страхе и трепете, чтобы не погрешить в чем-нибудь против святых Его Заповедей»[748] и через то не утратить небесного сокровища.

Но что это за страх? Есть ли он то гнетущее чувство, которое причиняло одно лишь страдание человеку и доводило его до отчаяния, или же этот страх сопровождается иными чувствами? Религиозный страх неотделим от радости и веселия, которое охватывает сердце христианина, вкусившего благодать[749]. Христианин боится, трепещет и этим самым подогревает чувство духовного восторга от исполнения заповедей Божиих.

«Представь, что иной имеет у себя сокровища и отправляется в такие места, где есть разбойники; радуется он на свое богатство и сокровище, но и боится, чтобы не напали и не ограбили его разбойники и в таком бывает состоянии, как будто собственное тело свое несет у себя в руках»[750].

Или «как плывущие морем купцы, хотя найдут и попутный ветер и тихое море, но пока не войдут в пристань, находятся всегда под страхом, что вдруг восстанет против ветер, взволнуется море и корабль подвергнется

опасности: так и христиане, хотя и ощущают в себе, что дышет благоприятный ветер Святаго Духа, однако же находятся еще под страхом, чтобы не нашел и не подул ветер сопротивной силы и не воздвиг в душах их какого мятежа и волнения»[751].

В-третьих, преуспевающие христиане исполняются неутолимой жаждой Божественной благодати. Они не удовлетворяются одним каким-нибудь приливом благодати, но ежедневно алкая и жаждая, не могут насытиться «благодатными тайнами», но все более и более *услаждаются* ими[752].

«Христианство есть пища и питие. И чем больше кто вкусит его, тем более привлекается сладостию ум, делаясь неудержимым и ненасытным, более и более требующим и вкушающим»[753].

«Представь себе источник и пусть там какой-нибудь жаждущий начинает пить, потом, когда он пьет, отвлекает его кто-нибудь и не дает напиться, сколько ему хочется; тогда, вкусив воды, еще более возгорается от жажды и сильнее ищет снова питья».

Или «как человек, находящийся в жару и одержимый огневицею, если подать ему самую сладкую снедь или сладкое питье, гнушается тем и отвергает; потому что жжет его и сильно действует в нем болезнь: так, подобно сему, распаляемые небесным, священным и честным духовным желанием, уязвленные в душе ревностью любви Божией – когда тот Божественный и небесный огнь, который Господь пришел воврещи на землю, и хощет, чтобы скорее он возгорелся (*Лк. 12, 49),* начнет сильно в них действовать, и разжжет их небесною приверженностию ко Христу, – по сказанному выше, все славное и высоко ценимое в веке сем признают достойным презрения и ненавистным; потому что огнь любви Христовой объемлет, разжигает и распаляет их преданностию к Богу и небесными благами любви, и ничто, небесное, земное и преисподнее, не в состоянии отлучить их от любви сей, как засвидетельствовал Апостол Павел: кто ны разлучит от любве Христовы, и так далее *(Рим. 8, 35)*?»[754]

На каких степенях не стояли бы преуспевающие, все в такой или иной мере преисполняются благодати Божией, что ими ощущается в различных формах. То они бывают обвеселены, как бы на царской вечери, и радуются радостию и веселием неизглаголанным. То в иной час бывают, как невеста, божественным покоем упокоеваемая в сообществе с женихом своим. Иногда же, как безплотные Ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упоеваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами. Но иногда как бы плачут и сетуют о роде человеческом, и, молясь за целого Адама, проливают слезы и плачут воспламеняемые духовною любовию к че-

ловечеству. Иногда такою радостию возжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злого от доброго. Иногда в смиренномудрии духа столько унижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда Дух постоянно содержит их в неизглаголанной радости. Иногда уподобляются сильному воителю, который, облекшись в царское всеоружие, выходит в небесные орудия Духа, наступает на врагов и ведет с ними брань, чтобы покорить их под ноги свои. Иногда душа упокоевается в некоем великом безмолвии, в тишине и мире, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Иногда умудряются благодатию в уразумении чего-либо в неизреченной мудрости, в ведении неиспытуемого Духа, чего невозможно изглаголать языком и устами. Иногда же человек делается, как один из обыкновенных»[755].

Кратко говоря, душа христианина, преуспевающего в добродетели, входит в общение, единение с Богом, Духом Святым, в единение со Христом, причем это единение, это общение преп. Макарий часто изображает под образом брачного союза жениха и невесты.

Душа, всецело посвятившая себя Господу, и прилепившаяся к Нему, делается способной входить в единение со Христом, в единое с Ним сращение[756]. И как жена по сопряжению с мужем едино с ним, но в иной час они разлучены между собой, потому что нередко один из них умирает, а другой остается жив, так бывает и при общении души с Духом Святым: душа делается с Ним единым духом[757]. Или как жена, обручаемая с мужем, все имение свое, все приданное свое, с великою любовию приносит и передает в руки мужу и говорит: «Ничего нет у меня своего; это имение мое стало твоим, это приданое – твоя собственность и душа моя, и тело мое тебе принадлежит»; так и целомудренная душа есть дева Господня, вступающая в общение со Святым Господином Духом[758].

Господь, будучи совершенным женихом, душу – совершенную невесту – приемлет в святое, таинственное и чистое общение брака[759]. В этом единении Бог, с одной стороны, приближается к душе, а, с другой, душа к Богу, так что Бог и душа становятся одним духом, одним смешением. *Бог приближается к душе.* «По снисхождению и человеколюбию преображаясь, Бог *плототворит* Себя, входит во единение, воскрешает святые, благоугодившие и верные души, по изречению Павлову, – бывает с ними в один Дух *(1 Кор. 6, 17),* душа, так сказать, в душу и ипостась в ипостась, чтобы душа, достойная Бога и благоугодившая Ему, могла жить в обновлении и ощущать безсмертную жизнь, и соделалась причастницею нетленной славы»[760].

Как хочет и чем хочет Сущий, по испытанной благости и по недомыслимой доброте, прелагает, умаляет, уподобляет Себя святым и достойным верным душам, плототворя Себя, по мере их удобоприменности, чтобы Невидимый был для нас видим и Неосязаемый, соразмерно свойству душевной тонкости, был осязаем, и чтобы души ощутили благость и святость Его, а на самом опыте усладились светом неизреченного наслаждения»[761].

Уподобив общение добродетельной души с Богом союзу брачному, преп. Макарий предусматривает возможность соблазна для немощных слушателей от подобного сравнения, и вот он, желая предотвратить всякую нечистую мысль, всякий соблазн, – говорит: «Когда случится тебе слышать об общении жениха и невесты (разумеется слышать в беседах аввы), не представляй ничего вещественного или земного, потому что берется сие применительно, только для примера.

Общение с Богом неизреченно духовно и неприкосновенно для плотских очей, но оно делается понятным для души верной и святой и самое общение Святаго Духа, и небесные сокровища, и лики и празднества святых Ангелов бывают видимы тому только, кто испытал это общение, и непосвященному совершенно невозможно и в уме того представить, а потому слушай сие об общении души с Богом (под образом союза жениха и невесты) благоговейно, пока и сам по вере не сподобишься достигнуть духовного видения – и тогда на самом опыте увидишь душевными очами, каких благ еще здесь на земле могут приобщаться христианские души[762].

Есть еще и более частные проявления добрых качеств преуспевающих христиан. Из всех этих качеств и составляется ценная добродетельная натура. Так, истинные христиане начинают удаляться родственных связей[763], приобретают простоту нравов и светлость ума[764], начинают питать ко всем доброе расположение[765], любить не только благодетелей, но и гонителей[766], никого не осуждать[767] и т. д.

Но теперь вопрос – христиане, достигшие преуспеяния, делаются ли одинаковыми? Ведь благодать одна и заповеди для всех одни и те же – отсюда можно было бы заключить, что все преуспевающие, под действием одной и той же благодати и, исполняя одни и те же заповеди, – приобетают одинаковые характеры, делаются одинаково мягкими, одинаково смиренными и т. п. – иначе во всех частях своего внутреннего существа становятся тождественными.

Этот вопрос преп. Макарий решает так: *«Естество* у преуспевающих остается прежним – человеку суровому оставляется его суровость, а уступчивому его уступчивость и т. п. Бывает же и то, что иной невежда разумом возрождается духовно, преобразуется в мудрого и известными делаются ему сокровенные тайны, а по естеству он невежда. Иной, по естеству

будучи суровым, предает волю свою благодати и приемлет его Бог – а естество пребывает в своей суровости, но Бог благоволил о нем. А иной добронравен, скромен, добр, посвящает себя Богу и приемлет его Господь»[768].

Словом, природная индивидуальность остается у каждого христианина в продолжение всей его жизни и на почве этой индивидуальности построяется каждым здание православного усовершенствования. И вот по этой-то природной индивидуальности и различаются между собой преуспевающие.

Затем нужно иметь в виду, что не все христиане приходят в одну меру возраста Христова. Степеней совершенства много[769]. Одни приобретают «духовное ощущение», другие «видение», а третьи «озарение». И кто имеет озарение, тот выше имеющего ощущение. У него озарен ум – и это значит то, что он получил некоторое преимущество пред имеющим ощущение, ибо сознал в себе некую несомненность видимо. Но иное есть откровение, когда душе бывают открыты дела великие и Божии тайны[770].

Преуспеяние в самом духе бывает по мере веры и один оказывается богаче другого. Как колосья бывают одни больше, а другие меньше, или как в городе много людей – одни из них малые дети, другие – мужи – или юноши, или как бывают различные светильники, так и в духовном бывает различие между людьми[771].

Степеней совершенства безчисленное множество[772]. Человеку предлежит безконечное совершенствование. «В иной час сын царев (христианин, приявший благодать) так твердо уповает на Сына Божия, как на отца. Отверзаются пред ним двери и входит он внутрь многих обителей – и по мере того, как входит, снова отверзаются пред ним двери в соразмерном числе, например, из ста обителей – в другие сто обителей и обогащается он; и в какой мере обогащается, такими же показываются ему новые чудеса»[773].

При этом, что касается земного существования, то здесь ни один христианин не достигает надлежащего усовершенствования. «Доныне я не знаю ни одного человека-христианина совершенного или свободного. И так как сам отчасти в иные времена доходил до оной меры, то изведал и знаю, почему нет совершенного человека»[774].

С другой стороны, душа стремится соединиться с Богом. Душа, на которую канула роса благодати, все более и более уязвляется любовью к Царю-Христу, все более и более прилепляется к небесному, вся отдается в плен Божественной любви, устремляясь ко Христу[775].

Результаты соединения души с Богом получаются неизреченны. Душа, удостоенная Духом приобщиться света Его, делается вся – светом, вся лицом, вся оком, нет у нее ни одной части неисполненной духовных очей света, т. е. нет в ней ничего омраченного; но вся она всецело делается светом и духом, вся исполнена очей и не имеет никакой последней или зад-

ней стороны, но отовсюду представляется лицом, потому что слетает на нее и восходит по ней неизреченная красота славы Света-Христа[776]. И как солнце везде себе подобно – нет у него ни одной последней или недостаточной части, но, состоя из частей одинаковых, все оно всецело блистает светом и все есть свет, или, как огонь, т. е. самый свет огня, весь сам себе подобен и не имеет в себе ни первого ни последнено, ни большего ни меньшего: так и душа, совершенно осененная неизреченною красотою славы света от лица Христова и совершенно вступившая в общение с Духом Святым и сподобившаяся быть жилищем и престолом Божиим, делается вся оком, вся светом, вся лицем, вся славою, вся духом[777]...

з) Смерть и будущая жизнь

Господь Иисус Христос Своими страданиями и смертию спас людей от греха, проклятий и смерти, которым подвергся Адам, а вместе с ним и весь род человеческий после грехопадения. Но почему же, спрашивается, христиане небезсмертны, почему они продожают умирать, хотя, как и ап. Павел говорит – смерть ими уже не обладает. Преп. Макарий и этого весьма интересного богословского вопроса не минует, а решает его весьма успокоительно для сердца христианского.

Для христиан, удостоившихся уже здесь на земле принять в себя Св. Духа, получивших силу высшего благодатного освящения своей природы, для христиан, вполне усвоивших дело Христово, для христиан, в которых «вообразился Христос», смерть не есть уже наказание за грех. Она является лишь «образом» смерти Иисуса Христа.

Иисус Христос умер, оставив нам образ. Его смерть является и для всех христиан тем же. Через смерть Господь достиг прославления Своего тела, так что смерть являлась для Него лишь одним из моментов перехода Его тела в более совершенное состояние; то же значение имеет смерть и для христиан.

Не смерть обладает христианином, разумеется христианином истинным, а он ею. Смерти в собственном, буквавльном смысле, в смысле уничтожения или духовной гибели, для него уже не существует. В смерти христианин возводит лишь свою природу в совершенство, путем сообщения ей нового вида. И если тела праведников разрушаются, то лишь на время, для лучшего потом изменения, ибо они будут снова воскрешены во славе. Поэтому и смерть христиан называется сном и успением[778]. Таково значение смерти для праведников. Они в подлинном смысле не умирают, а лишь переходят из земной жизни в небесную, через видимое – временное разрушение тела.

Не таково значение смерти для грешников. Эти последние не освобождаются от смерти. Для них смерть не переход к жизни новой, а лишь переход к вечному наказанию, вечной духовной смерти. И если воскресение умерщвленных телом душ у истинных христиан начинается уже здесь, на земле, а в будущем воспоследует и воскресение тела для прославления[779], то у грешников, наоборот, уже здесь на земле начинается смерть духовная, которая в будущем, с восстановлением греховного тела – продолжается навсегда[780].

Сообразно с таким значением смерти для праведников и грешников, неодинаков бывает и самый процесс смерти; иначе обстановка ее: когда умирает праведник, то присутствуют ангелы и святые духи. Они, по разлучении души с телом, берут душу в свою область и проводят ее ко Господу[781]. Когда же умирает грешник, то приходят толпы демонов – темных сил и также берут грешную душу в свою область[782]. И этому никто не должен удивляться; потому что если душа грешника еще в жизни земной была рабой злых духов, то не тем ли более она будет удерживаться ими, когда отходит от міра[783].

Души людей сейчас же после разлучения с телом определяются в ту или другую область – какого-либо безразличного, неопределенного состояния душ нет. Душа грешная овладевается демонами, праведника – св. ангелами. Отсюда делается для нас понятным прославление угодников Божиих. Они по смерти переходят в область св. духов, апостолов, пророков, Божией Матери, начинают предстоять Господу, а потому и являются сильными заступниками нашими.

Что касается тел, то они не принимают в это время участия в жизни души. Душа живет в разлучении с телом и так до всеобщего Воскресения.

Но вот будет время, когда Христос придет с небес и воскресит все племена Адамовы, всех почивших от века[784]. И тогда произойдет разделение людей на две половины – одних поставит одесную себя[785], а другая половина будет представлять из себя темное стадо, отходящее в огнь вечный[786].

Что же будет служить основанием для такого деления? То нравственное состояние, какое человек приобрел в продолжении земной жизни. «Как в месяце Ксанфик, закрытые землею корни износят плод свой, дают свои цветы и украшения и оплодотворяются; и тогда обнаруживаются добрые корни и явными делаются те, на которых есть терния, так и в день суда всякий покажет и обнаружит и доброе и худое, что сделал он при помощи собственного своего тела»[787]. И вот люди, которые в жизни земной оставались верными Христу, в которых еще на земле отпечатлелась печать Духа[788], будут поставлены одесную, при этом с душею их будет прославлено и тело и в такой мере, в какой они удостоились быть причастниками Духа еще на земле[789].

В чем же будет состоять прославление тела праведных? Образ этого прославления дан нам в Моисее. Лицо Моисея покрывала слава Духа, так что ни один человек не мог взирать на него; тою же славою в воскресение будут прославлены и тела святых[790]. Воскрешенные тела сделаются световидными[791], блистающими, подобно телу Спасителя в момент Преображения[792]. И эти прославленные тела не будут уже нуждаться в материальной пище и питии. Они станут питаться небесною снедию[793]. Для них Дух Святый будет и одеянием и питием[794].

В том же самом блаженном Моисее можно видеть образ и этого небесного питания. Моисей постился на горе сорок дней. Мы, однако, видим на себе, что тело наше, если не подкреплено снедями, расстраивается в несколько дней; но Моисей, постившись сорок дней, сошел гораздо сильнейшим всякого, потому что питаем был Богом и тело его снабжено было иною небесною пищею. Ему пищею было слово Божие. И воскрешенные тела будут питаться тою же небесною (ἐπουρανίῳ) снедию (βρώσει)[795].

И при этом прославление воскрешенных тел находится в тесной связи с земною жизнию. Поскольку душа была жилищем Св. Духа на земле, постольку будет и ее прославление[796]. В виду этого преп. Макарий часто убеждает своих слушателей подвизаться стараться в житии во всех отношениях добродетельном, чтобы тогда, по разрушении тел – иметь нам, что облекло и оживотворило бы нас, чем прикрыли бы мы свою срамоту[797].

Каким же образом возможно воскресение тел? «Тот небесный огнь Божества, который христиане еще ныне, в веке сем, приемлют внутрь себя, в сердце, действуя внутрь сердца их, когда разрушится тело, начнет действовать совне и снова сопряжет члены, совершит воскресение разрушенных членов. Как в Иерусалиме огнь, служивший на жертвеннике, во время пленения был зарыт во рву, а когда настал мир и возвратились плененные, тот же самый огнь как бы обновился и стал служить по-прежнему: так и ныне этого ближнего нашего – тело, которое по разрушении обращается в тину, воспроизведет и обновит небесный огнь; он воскресит истлевшие тела.

Внутренний, в сердце христиан ныне обитающий огнь тогда будет действовать совне и совершит воскресение тел». Это – огнь, обитавший в сердцах трех отроков, стал посреди их и препятствовал видимому огню жечь праведников[798].

Нечто подобное воскресению тел мы видим и в окружающей нас природе. «Дерева, когда по прошествии зимы согреет их невидимая сила солнца и ветров, подобно одеянию, производят и откидывают из себя наружу листья, цветы и плоды, а также в это время выходят из внутренних недр земли и полевые цветы и ими покрываются и облекаются земля и травы, так и для всех боголюбивых душ, т. е. для истинных христиан бу-

дет первый месяц Ксанфик, называемый еще Апрелем, когда силою Солнца правды изведется извнутри слава Святаго Духа, покрывающая и облекающая собою тела святых, которая и произведет восстановление разрушенных тел и облечет их славою, тою славою, какую святые имели сокровенно в душах еще здесь на земле»[799].

В воскресении все ли члены тела будут воскрешены? Богу все не трудно, отвечает на это преп. Макарий. «Только человеческой немощи и человеческому рассудку кажется это как бы невозможным. Подобно тому, как из земли и праха Господь устроил естество телесное неподобное земле и как игла, брошенная в огонь, переменяет цвет и превращается в огонь, между тем как естество железа не уничтожается, но остается тем же, так и в воскресении Бог может из праха воскресить все члены тела, при этом все тело станет световидным», все погрузится и преложится в свет и огонь, но не разрушится и не сделается огнем так, чтобы не стало уже прежнего естества.

Каждый человек в воскресении сохранит свое телесное естество, свою индивидуальность. Петр останется Петром. Павел – Павлом, Филипп – Филиппом. А если утверждать, говорит преп. Макарий, что в воскресении естество – разрушится, то, значит, не будет Петра и Павла, как отдельных личностей, но во всем и повсюду будет – Бог. Тогда нечего говорить об отходящих в геену, равно как и об идущих в царство[800].

По воскресении в загробной жизни начнется истинно-блаженная жизнь избранников Божиих. И прежде всего они уже не будут там испытывать зла от лукавых духов. Как золото или серебро, когда ввержено в огонь, делается чище и лучше и ничто, ни дерево, ни трава не могут изменить его, потому что само бывает как огонь и поядает все приближающееся к нему; так и душа по воскресении, пребывая в духовном огне и Божественном свете, не потерпит никакого зла ни от одного из лукавых духов.

Она – душа, воспаряя в небесных высотах, не будет тогда бояться лукавых духов, но будет над всем злым посмееваться, подобно тому, как птица, паря в воздухе высоко, не боится ли ловцов, ни хитрых зверей и над всеми ими посмеевается – καταγελᾷ[801].

Не будет, далее, по воскресении, для душ верных и места для какого бы то ни было греха. – Там не станут взирать друг на друга лукавым оком, потому что отъято лукавство; несть там ни мужеский пол, ни женский, ни раб, ни свободь *(Гал. 3, 28);* потому там все преложатся в Божественное естество, сделаются благими, *богами* и чадами Божиими. Там непостыдно брат сестре изречет мир, потому что все будут едино «о Христе»...

Там будут внимательны один к другому... Там увидят друг друга во многих видах, и во многих и различных божественных славах и каждый изумится и возрадуется радостию неизглаголанною, взирая на сла-

ву другого[802]... Там ни одна верная душа не будет испытывать ни заботы, ни скорби, ни труда, ни старости, ни сатаны, ни брани, но все будут наслаждаться покоем, радостию, миром и спасением. Там посреди их будет Господь, Который именуется Спасителем[803]...

Блаженство – общий удел святых душ за гробом, которое, однако, будет иметь свои степени. Святые будут различествовать друг от друга, подобно тому как различествуют на земле растения, птицы и животные[804]. Об этом преп. Макарий говорит: «Как птицы из тела своего производят свою одежду-перья, но между ними большая разность; одни летают по земле, а другие носятся высоко в воздухе; или – как небо одно, а звезд на нем много, те светлее, те больше, те меньше, но все утверждены на одном небе: так и святые на едином небе божества и на невидимой земле *укоренены* различно»[805].

При этом знать степень блаженства святых не дано человеку, равно как и знать число их. «Человек может видеть на небе звезды, дивиться им, – говорит преп. Макарий, – но узнать число их он не может; так и в небесную Церковь Святых войдут и наслаждаться в ней дано всем желающим, но узнать и объять число Святых, – это принадлежит Одному лишь Богу»[806].

Но что будет с теми людьми, которые окажутся на левой стороне Судии? Как праведники будут прославлены сообразно с тем – сколько они в земной жизни приобрели в свои сердца Божественного Духа, так и грешники, сообразно с своим греховным состоянием, к которому навыкли на земле, получат должное мздовоздаяние. Царство тмы и грех, говорит преп. Макарий, сокрыты в душе до дня воскресения, когда тмою, сокрытою ныне в душе, покроется и самое тело грешников[807]. Там для праведников прославление тела, здесь для грешников уничижение, исправление. Там наступление блаженства, здесь – наказания, муки.

Но, вот, может умереть христианин во время брани, когда в душе его действительны и грех и благодать; куда должен поступить таковой? Поступает туда, отвечает нам отец, где ум его имеет свою цель и любимое им. Если христианин борется, подвизается, Господь приемлет такого в Свое лоно и в свет: в одно мгновение Господь может исхитить человека из челюстей тмы и немедленно преставить его в царство Свое, только бы он имел любовь к Богу[808].

Или что, например, будет с теми христианами, которые продают имение, отпускают на свободу рабов, исполняют заповеди, но не стараются в міре этом изъять Духа, неужели они не войдут в Царство Небесное? Это тонкий предмет для рассуждения, говорит преп. Макарий. Некоторые утверждают, что и Царство одно и геена одна. Мы же, добавляет наш отец,

говорим, что много степеней, различий и мер в одном и том же Царстве и в одной и той же геене…

Бог, праведный Судия, награждает каждого по мере веры, равно как и наказывает по силе греха. «Одни в міре убийцы, другие любодеи, иные хищники, а некотоые раздают имение свое нищим. Господь взирает на тех и на других, и делающему добро дает упокоение и награду; есть меры избыточествующие и есть меры малые, в самом свете и в самой славе есть разность. В самой геене и в наказании есть отравители и разбойники и другие, прегрешившие в малом. А те, которые утверждают, что одно Царство, одна геена и степеней нет, говорят худо»[809].

Наконец, что будет с язычниками, которые лишены были возможности слышать Слово Божие? Где уготовано им место в будущей жизни? «Праведен Бог и правы суды Его, – говорит преп. Макарий, – и нет у него лицеприятия, но по мере *благодеяний* или телесных или духовных, или ведения, или рассудительности (каковые дары Бог различно вложил в человеческую природу), судя каждого, взыщет плодов добродетели, и в достойной мере воздаст каждому по делам его. *Ведение же* и разумение, поясняет наш отец, понимай различно, или то, которое дается по благодати и по небесному дару Духа, или то, которое бывает *естественным* следствием разума или рассудка и изучения Божественных Писаний. И вот от каждого потребуются плоды добродетели, по мере оказанных ему Богом *благодеяний,* или естественных, или дарованных Божиею благодатию.

Посему, в день суда безответен пред Богом всякий человек, потому что от каждого, слышал ли он, или никогда не слыхал слова Божия, потребуются плоды веры и любви и всякой соразмерной ему добродетели, как воздаяние от произволения и воли»[810].

III.
Обзор бесед преподобного Макария Египетского

Бывают разного рода проповедники. У одних исходным пунктом их проповеднического учения служат явления наблюдаемой ими современной действительнсоти. Другие проповедники черпают содержание для проповедей из своего сердца. Первые являются представителями практического направления проповеди, вторые – мистического. Поми-

мо этого у каждого в отдельности проповедника в его проповедях можно заметить особые, ему только свойственные типические черты.

Приступая к рассмотрению бесед преп. Макария, мы должны прежде всего указать, что он является представителем мистического типа проповеди, больше того он *первый* проповедник-мистик. Таким считают его и ученые исследователи[811]. Средневековые западные мистики у него почерпали дух и содержание. Особенно напоминает преп. Макария Фома Кемпийский. Разница между тем и другим усматривается, впрочем, в форме выражения мыслей, именно, преп. Макарий выражает свои мысли ясным и простым языком и затем, как человек Востока, облекает их в образы, картины, аллегории, сравнения и т. п.; у западных же мистиков эта сторона не выступает так рельефно.

Исходным пунктом мистического міросозерцания преп. Макария служит мысль о назначении человека. Назначение человека его богочеловечество. Для этой цели был создан Адам. Но грех удалил его от Бога, разлучил от Творца. Союз между Богом и человеком грехом был порван. И это разлучение продолжалось бы вечно, если бы Единородный Сын Божий не восстановил первозданной природы человека. Он сходил на землю, принимал плоть, боролся с греховной природой и осуществил в Своем Лице идеал Богочеловека. Его чистое человечество находилось в полном союзе и единении с Богом.

По этому образу теперь и каждый последователь Христа, каждый христианин может достигать единения с Богом. Бог, раз облекшись в члены тела, соединившись с человеком, теперь продолжает каждый раз преображаться, плототворить Себя (σωματοποιεῖ ἑαυτον), входит в единение с верными душами, становится с ними одним духом, единым смешением и растворением, так что Невидимый для них делается видимым и Неосязаемый, соразмерно свойствам душевной тонкости, – осязаемым[812].

Нужно при этом сказать, что соединение христианина с Богом по Макарию не есть только через ум, волю, чувство, или, как выражаются западные ученые, согласие настроений людей с настроением Бога[813], но оно есть в то же время и соединение как бы физическое (плототворение Бога) и это соединение как трудно понять, так трудно и словами высказать – оно есть мистическое[814].

Бог при таком соединении приближается к душе и, наоборот, душа приближается к Богу, так что она видит Его своим глазом, ощущает Его, живет в Нем и наслаждается Его благами. Божественная благодать, обитающая тогда в человеке, укореняется в нем, смешивается с полной природой человека, делается в нем естественной и постоянной субстанцией. Тогда уже получается не две, по своему направлению, воли, а одна – лучше сказать, одинаковая воля Божия и души человеческой, но одинаковая не в

том смысле, что объемы воли Божией совпадают с объемом воли души человеческой, а в том, что все то, что принадлежит воле души человеческой, свойственно воле Божией, так что ничего уже не остается в воле человеческой греховного, не согласного с волею Божиею.

Христос носит, водит, поддерживает и подъемлет тогда душу[815], т. е. все силы души, все существо ее во всем согласуется со Христом, так что можно сказать: Христос владеет тогда душею человеческою, но без насилия и подавления свободы человека, которая у него остается неподавленною, в виду чего можно и наоборот сказать: «Христос носим бывает душею».

Единение души со Христом происходит вследствие взаимного сближения. С одной стороны, Господь приближается к душе полною любовию и милосердием Своим и соединяется с нею, равно как и душа человека стремится к своему Творцу. Тогда тело души, хотя остается еще на земле, ее дух в это время всецело обитает в небесном Иерусалиме, подымается на третье небо и там пребывает с Господом и служит Ему. И Господь, хотя продолжает восседать в небесном граде на Престоле Божества, однако Он весь пребывает с душею в теле ее.

Господь образ души возносит и поставляет тогда в небесном городе Иерусалиме и взамен Свой собственный образ переносит в тело души, Господь служит душе в городе тела, а душа служит Ему в городе небесном. Душа получает Господа в качестве небесного наследства, Господь приемлет душу в качестве наследства земного. Господь наследует душу, душа наследует Господа[816].

И такое единение Господа с человеком распространяется не только на душу, но и на тело. И тело при таком единении делается причастным Божества. И это понятно почему. Душа есть образ Духа, а тело есть подобие души[817].

Между душею и телом существует тесная связь. Что переживает душа, то отражается и на теле. Чего сподобляется душа, того причастным делается и тело. Душа принимает Господа, а это так или иначе воздействует на тело. Оно от этого видоизменяется, делается одухотворенным, легким. Не отсюда ли светлый, благоухающий, светозарный лик угодников Божиих еще здесь на земле.

Самое тело боголюбивой души приемлет прославление от Божества Христова[818]. На этом основано прославление тел и по воскресении. Как душа еще здесь удостаивается общения с Господом и начинает испытывать блаженную сладость от этого общения, так и тело от того же общения еще здесь на земле причащается Божества и получает залог – безсмертия, вечной жизни[819], которое по воскресении тел окончится полным прославлением их[820].

Итак, выражение преп. Макария «плототворить себя» указывает на то, что Господь входит в единение с полным, целым человеком, состоящим из души и тела. Такое понимание указанного выражения подтверждается и филологическим смыслом слова σωματοποιεῖ. Не употреблено ни σάρξ (плоть), ни ψυχή (душа), а σῶμα, каковым понятием обыкновенно определяется вся природа человека с его душею и телом.

В беседах преп. Макария есть места, где он даже прямо и ясно говорит о том, что Господь вселяется не только в душу, но и в тело человека. «О, неизреченное Божие благоутробие!», – восклицает, например, он в одном месте 49-й своей беседы.

Бог туне даруют Себя верующим, в краткое время человек делается наследником Божиим, Бог вселяется в тело человека и Господь – имеет у Себя прекрасную обитель – человека. Как небо и землю сотворил Бог для обитания человеку; так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселиться и упокоеваться в теле его, как в доме Своем[821].

Сообразно с таким представлением единения Бога с целым человеком, преп. Макарий для уяснения слушателям этого единения не находит более подходящего образа, как союз жениха и невесты, мужа и жены. Как в этом союзе происходит тесное духовное и физическое общение, ибо сказано и «будета два в плоть едину», так и в общении христианина со Христом – вся природа человека делается единым смешением с Духом[822].

Единение христианина с Богом, Христом есть основная идея мистического міросозерцания преп. Макария; эта идея дает затем направление всем его рассуждениям и мыслям. То он говорит о природе души, ее внутренней жизни, о тех ее переменах, изменениях, какие должны в ней происходить, дабы сделаться достойной общения с Богом, то он трактует о Боге, идущем навстречу стремлениям и исканиям души. То, наконец, касается самого общения души со Христом, где речь идет уже о той сладости, отраде, какую испытывает душа, приявшая Господа.

Выходя из мистического міросозерцания, преп. Макарий, далее, заявляет, что первый человек Адам через грехопадение потерял образ и подобие Божие. Адам, преступив заповедь, погиб двояко, читаем мы у него, потому что утратил, во-первых, чистое, прекрасное по образу и подобию Божию созданное достояние природы своей, а, во-вторых, – самый образ, в котором по обетованию состояло все его небесное наследие[823].

Западные богословы любят указывать на это место в беседах преп. Макария. Наша православная догматика, однако, различает образ Божий в человеке и затем подобие. Под образом разумеется вся духовно-нравственная природа человека, все силы души и этот образ остался и в падшем человеке, хотя и в поврежденном виде. Под подобием же мыслится у нас усовершенствование и развитие духовных сил человека

до богоуподобления. Подобие человек должен сам приобретать, образ же есть дар Божий, данный каждому человеку, независимо от его свободы.

Нужно при этом сказать, что по православному учению на образе Божием основано приобретение подобия. Падший человек потерял подобие, но он не лишился образа Божия, следовательно, он еще может творить добро, приближаться к Богу, достигать хотя бы в некоторой степени подобия Божия.

Как же тогда понимать заявление преп. Макария, что человек потерял не только подобие, но и образ? Нельзя понимать в буквальном смысле это заявление, ибо мы должны были бы тогда встретиться у него со следующим міровоззрением. Человек потерял образ – т. е. потерял богоподобные силы души: ум, волю, сердце – отсюда он не может уже творить ничего доброго, не может достигать хотя бы в слабой степени подобия Божия. В действительности же мы встречаемся в беседах преп. Макария с иными мыслями. Не говорим, замечает он, что человек всецело утратился, уничтожился и умер[824]. У него (человека) остались остатки добра, он может творить и приносить плоды добродетели при помощи своего ума, воли и совести и т. п.

Как же после этого нужно понимать выражение преп. Макария, что человек «утратил и самый образ Божий»? Никто не будет возражать против того, что нужно выражения того или другого автора рассматривать не отдельно, а в связи с целым его міровоззрением. Только в таком случае возможно правильное их истолкование. И, вот, если мы этот прием применим к рассматриваемому нами выражению преп. Макария, то не иначе его истолкуем, как только в том смысле, что этим выражением наш отец, будучи мистически настроен, хотел лишь сильнее выразить порчу богоподобной природы человека, а не указать на совершенное ее уничтожение. Это, во-первых.

Во-вторых, не надо забывать, что преп. Макарий мог и не знать строгого различия между образом и подобием Божием в человеке, каковое различие догматика впоследствии установила. Он мог выражения: «образ и подобие» употреблять в одинаковых смыслах и значениях.

Некоторое подтверждение этому мы находим в следующей речи нашего отца. Враги, говорит он, обманом восхитили славу его (человека) и облекли его стыдом. Похищен свет его и обличен он во тму. Убили душу его, рассыпали и разделили помыслы его, совлекли ум его с высоты... *удалили от небесного образа* и низвели его к делам лукавым, – вещественным, земным, бренным, к словам, помышлениям и рассуждениям суетным[825]. Удалили его от небесного образа.

Под образом здесь преп. Макарий разумеет то высокое нравственное состояние, каким обладал первый человек до падения, иначе разу-

меет то, что в наших догматиках называется подобием. А что это так, – видно из последующих слов: низвели его к делам лукавым и т. п., сделали его нравственно нечистым, скверным, потерявшим всякое подобие Божие. Здесь противоположения – нравственного состояния до падения и после падения, нравственного состояния, – которое нужно было бы назвать подобием, но наш отец называет его «образом Божиим», показывая этим, что он безразлично употребляет выражения «образ и подобие».

Далее, преп. Макарий, как мистик, много говорит об уме, воле, совести, сердце, и нужно при этом сказать, что мы не можем по его беседам сделать строгого и точного разграничения деятельности каждой из указанной способностей души. Один раз он какое-нибудь движение души отнесет к деятельности рассудка, другой раз к воле и сердцу и т. п. И это понятно почему. Душа едина, о чем не раз заявляет наш отец[826], и все ее силы суть проявление жизни единой души. *Отсюда вся душа как единое начало* – участвует во всех наших внутренних движениях, во всей нашей внутренней жизни; где действует ум, там наверное можно проанализировать действия воли и сердца, т. е. действия и остальных частей единой души и т. д.

Только в отвлечении, пожалуй, еще можно указать основные черты или свойства ума, воли и сердца. На деле же, при анализе того или другого движения души, трудно бывает сказать, к обнаружению какой способности нужно отнести то или другое душевное явление.

Возьмем, для примера гнев. В этом психологическом акте можно проанализировать следующее: ум (рассудок) дает возможность заметить, сознать, обратить внимание на внешний факт, который потом вызывает раздражение, воля останавливает на этом факте наше внимание и своею энергиею усиливает неприятное впечатление, полученное от этого факта, наконец, сердце испытывает неприятное чувство, которое мы и называем гневом. Здесь очевидно больше всего находится в напряжении сердце – вот почему гнев и относят к движениям и проявлениям жизни сердца.

То же самое нужно сказать и относительно всех движений души. Такая связь и взаимоотношение способностей души не дает возможности, между прочим, точно классифицировать характеры людей. Психология не раз пыталась и пытается совершать подобную классификацию. Но ее опыты в этом отношении остаются слишком неудачными.

Как на самом деле классифицировать характеры? Обыкновенно исходною точкою для этого можно иметь лишь то, что в одном душевном движении больше действует ум, в другом воля, в третьем сердце. Отсюда производят такое деление характеров: рассудочные, волевые, чувствительные. Но всегда, например очень легко под категорию воле-

вых характеров подвести такие типы, которые думают относить к рассудочным характерам и т. п. (Смотри попытки классификации характеров у Полана, Фулье, Рибо и др.).

Преп. Макарий не был ученый психолог. Он говорил из своего внутреннего опыта, из глубокого знания своей души, а если так, то его заявление о душе и замечаемые у него переплетения деятельности сил имеют для нас то значение, что все это подтверждает ту психологическую истину, что душа едина.

Далее, по Макарию, всякий человек может усвоять Христово учение, при этом, по его взгляду, на естественном темпераменте строится все здание нравственного усовершенствования человека. Весьма интересно это заявление нашего отца. Оно отрадно и успокоительно для каждого сердца. У каждого есть природные особенности, от которых нельзя освободиться, иначе – всякий от природы имеет свой темперамент, свои индивидуальные особенности. Один от природы мягок, другой суров, иной подвижный, другой медлителен и т. п.

Природное различие характеров так велико, что иные готовы доказывать, что некоторые не могут усвоять всех заповедей Христовых. Говорят, например, что те, которые склонны к внешним подвигам благочестия, не в состоянии достигнуть духовных плодов и т. п. По заявлению же нашего отца, все могут идти по пути нравственного усовершенствования; все могут усвоять заповеди Христовы. И это, поистине, справедливо.

Возьмем пример. Евангелие, например, заповедует быть милосердным. Эту заповедь может усвоить и человек с мягким характером и суровый. Как же усвоит эту заповедь человек с мягким характером? Если последний имеет власть над другими, то он провинившегося станет умолять со слезами сознать свою виновность, покаяться и исправиться, станет вместе с этим молиться Господу, чтобы Господь вразумил впавшего в грех брата. Он его не лишит места, не удалит от себя, но проявит к нему полное свое милосердие и при этом наверное достигнет его исправления.

Начальник же по природе суровый, но также усвоивший евангельскую заповедь милосердия, поступит с провинившимся подчиненным иначе. Он подвергнет наказанию виновного и в тоже время, сообразуясь с силами последнего, будет зорко следить за внутренним настроением наказуемого, будет стараться, чтобы наказание исправило виновного, а не послужило бы ему во вред. И этот суровый начальник, не удаливший от себя виновного, но исправивший его, также обнаруживает к брату милосердие, но только по своему…

Так, на почве всякого рода природных темпераментов, может одинаково строиться здание совершенного во Христе человека. Природные особен-

ности служат лишь общим фоном, на котором, так или иначе, обрисовывается нравственная физиономия того или другого христианина. Отсюда-то мы и видим, что святые Божии человеки имели разнообразные характеры.

Говоря о мистическом направлении проповеди преп. Макария, нужно заметить, что когда наш отец начинает говорить о том, что душа переживает при приближении к Богу, под воздействием благодати Божией, то здесь мы иногда встречаемся с такими мыслями и сообщениями, которые затруднительны для обыкновенного понимания. Так преп. Макарий в одном месте своих бесед заявляет: тело есть подобие души, а душа образ Духа[827].

Но что указывает преп. Макарий этим выражением? Как понять его? Думают, что здесь Преподобный оттеняет высоту физической природы человека, именно указывает на то, что тело приспособлено к жизни души, что оно, хотя материально, но может подчиняться требованиям нашего духа.

В самом деле, как объяснить невероятный пост некоторых подвижников? Свойственно ли организму, оставаясь без нужного питания, жить и не только жить, но и приобретать живость и подвижность, не должен ли он погибнуть без пищи? В действительности мы так и наблюдаем, – где организм недостаточно питается, там он умирает. И только тело человека, у которого силен дух, живет и при дурных условиях.

Или свойственно организму истлевать и т. п. Но есть мощи, и это такие тела людей, которые ссыхаются, но не подлежат тлению. Помимо этих чрезвычайных явлений мы видим, что в теле человека все приспособлено к жизни души. Душа, будучи утонченной, говорит преп. Макарий, облеклась оком, которым смотрит, и ухом, которым слышит, и подобно сему, языком, которым говорит, и рукою, и, одним словом, всем телом и членами его облекшись, душа срастворяется с телом, вследствие чего и совершаются все жизненные отправления[828].

Принимая во внимание такую связь между душею и телом и приспособленность тела к жизни души, наш отец и выразился так, что тело есть подобие души. А если так, то оно не может быть всецело отнесено к материальной природе, оно выше ее. В человеческом организме лежит в потенции возможность безсмертия; тело одухотвореннее обыкновенной грубой материи.

Интересно также рассуждение преп. Макария о душе как теле: «Всякая тварь и Ангел и душа и демон, – говорит он, – по собственной природе своей, есть тело; потому что, хотя и утонченны они, однако ж в существенности своей, по отличительным своим чертам и по образу, соответственно утонченности своего естества, суть тела тонкие, тогда как это наше тело в существенности своей дебело»[829].

Нам кажется, что телом преп. Макарий называет душу человеческую в относительном смысле, по сравнении с существом Бога. Бог есть высочайший, непостижимый, неограниченный, чистейший дух. Духовность же сотворенных духов в сравнении с духовностию Божества не чиста, ограничена. Так, душа не вездесуща; она должна занимать какое-нибудь небесное пространство, она, далее, не всеведуща и т. п.

Желая дать понятие об этой ограниченности сотворенных духов, преп. Макарий и называет их телами. Иначе трудно было бы понять те места его бесед, где он души называет духами и безтелесными. Мысль о телесности души в указанном именно смысле мы встречаем и у других отцев Церкви.

Св. Кирилл Александрийский, например, Одного Бога называет безтелесным, потому что Он непостижим или неописан; а все другие существа называет телом, хотя и не таким, каково наше, а называет телами потому, что они постижимы или описуемы.

Затем св. Иоанн Дамаскин говорит следующее: Ангел есть существо безтелесное... безтелесным же и невещественным называется Ангел по сравнении с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, Единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в строгом смысле, невещественно и безтелесно[830].

Сообразно с указанным выше представлением преп. Макария о душе, как утонченном теле, мы встречаемся у него с следующими вопросами, которые ему, по всей вероятности, предлагали слушатели: а) видит (βλέπει) ли кто душу при помощи откровения и Божия света? Или еще: б) душа имеет ли зрак? (μορφὴν). На перый вопрос наш отец так отвечает: Как телесные очи видят солнце, так и озаренные Божиим светом видят образ (τὴν εἰκόν) души; но немногие христиане достигают этого видения[831]. На второй: Душа имеет образ и зрак уподобляющийся Ангелу. Ибо как Ангелы имеют образ и зрак и как внешний человек имеет образ, так и внутренний имеет образ подобный Ангелу и зрак подобный внешнему (τῶ ἔξω) человеку[832].

О каком здесь образе души идет речь? О том ли внутреннем состоянии, о той ли целостной, нравственной единице, какую представляет из себя душа каждого человека с своими индивидуальными особенностями, или же о каком-нибудь другом образе и зраке души? Имея в виду, во-первых, употребление таких слов как ἐικον, μορφὴ (внешний образ, очертание) и βλέπω (видеть во вне), во-вторых, сравнение внутреннего образа человека с внешним образом и, наконец, что главнее всего, в виду вышеуказанного взгляда преп. Макария на человеческую душу, как на утонченное тело, нужно думать, что здесь идет речь о том, что душа наша имеет определенную внешнюю форму, определенное очертание, конечно не материальное и вещественное, но весьма утонченное, кото-

рое можно видеть не обыкновенными, телесными глазами, а глазами духовными, озаренными Божиим светом.

И этого видения, говорит наш отец, достигают немногие христиане. Именно – только духовно-совершенные. Они только могут лицезреть свою душу, как это возможно, и из какого естества состоит внешний вид нашей души – понять трудно. Здесь остается верить духовному опыту нашего отца.

Когда Преподобный Макарий говорит о духовном ведении, он различает следующие степени: ощущение (αἴσθησις), видение (ὅραστις), озарение (φωτισμος) и, наконец, откровение (ἀποκάλυψις). «Есть ощущение, есть видение, и есть озарение. И кто имеет озарение, тот выше имеющего ощущение. У него озарен ум; а сие значит то, что получил он некоторое преимущество пред имеющим ощущение; ибо сознал в себе некую несомненность видений. Но иное есть откровение, когда душе бывают открыты дела великие и Божии тайны»[833].

Это рассуждение преподобного Макария можно так истолковать. Ощущение (αἴσθησις)=чувствование – когда душа еще неопределенно ощущает в себе благодатную силу, которая по временам охватывает сердце то радостию, то миром и любовию к Богу и к людям, то вообще каким-то неизъяснимым духовным восторгом.

Видение (ὅραστις) – на этой степени неясное чувствование благодатного воздействия приобретает большую определенность и интенсивность. Христианин начинает чувствовать, что в таком-то случае и в таком-то обстоятельстве его жизни действовала именно благодать.

Но, вот, христианин восходит на третью степень и достигает озарения (φωτισμὸς), когда он уже начинает сознавать действие благодати Божией; здесь он может уже дать себе отчет, почему в таком-то случае благодать так себя обнаружила, а в другом иначе. На этой степени христианин различает различные действия благодати Божией и в других людях.

Наконец, есть еще высшая, четвертая степень – откровение (ἀποκάλυψις), когда душе делаются явными «дела великие и Божии тайны».

Есть у преп. Макария в беседах и не совсем понятные мистические размышления. «Иным во свете являлось, – говорит он в одном месте, – знамение креста и напечатлевалось во внутреннем человеке». Здесь преподобный Макарий говорит об одном из видов благодатного состояния души. Можно так себе представить дело. Некоторые христиане начинают пред собою созерцать крест, тот самый крест, на котором был распят Господь Иисус Христос. Это созерцание креста сначала вовне отражается, затем на внутреннем состоянии души, душа начинает переживать страдания Спасителя, переживать крест Христов – что и выражено нашим отцем в

словах: «Знамение креста напечатлевается во внутреннем человеке». В таком состоянии христианин всегда уже в своем уме и сердце носит мысль о страданиях Спасителя.

Или, вот, например, выражение: «Душа, уязвленная небесною любовию Духа, созерцает Господа с откровенным лицем души»[834]. Здесь образ взят из восточного обычая – невесте быть закрытой. Только после заключения брака она открывает лицо свое пред женихом[835]. Преподобный Макарий единение души с Господом часто представляет, как мы говорили, под образом брачного союза. И, вот, выражаясь «с откровенным лицем души», наш отец этим указывает на ту близость к Богу, какой достигает верующая облагодатствованная душа. Она «услаждается зрением небесного Жениха лицем к лицу»[836].

В беседах преподобного Макария мы находим, затем, одно выражение, на основании которого можно заключить, что наш отец держался теории «традиционизма», которая объясняет происхождение душ путем их рождения от подобных себе душ, наподобие того, как и тела рождаются от подобных себе тел. Так, в одном месте он говорит: «Отцы на земле рождают чад от своего естества, тела своего и души своей».

Известны три теории происхождения душ: творения, рождения и предсуществования. Каждая из этих теорий имела сторонников среди отцев и учителей Церкви. В частности, теории рождения держались: Тертуллиан, который сильно восставал против теории предсуществования душ и подробно развивал теорию традиционизма, затем бл. Августин, Анастасий пресвитер и наш отец. В общем сторонников указанной теории очень мало. И хотя в Церкви нашей принята теория – творения душ Богом, но это нисколько не набрасывает тени на нашего отца, так как «происхождение» душ человеческих составляет тайну, ведомую Одному Богу, о которой только гадать может отчасти наш разум, но которой вполне разгадать он не в силах, потому что она стоит выше всякого опыта и неясно открыта в слове Божием[837].

А потому на заявление преподобного Макария, что наши души рождаются от души родителей, нужно смотреть как на личное его мнение, которое само по себе и не свято и не греховно. Нельзя не заметить при этом того, что это мнение находится в некоторой связи с его представлением о душе, как утонченном теле. Особенность тела, – форму, очертание, а также и рождение, наш отец перенес и на душу.

Обратим внимание, далее, на следующее место в одной из бесед преподобного Макария, трудное для истолкования: а) *Праведники ветхозаветные,* – говорит он, – не знали, что прийдет Избавитель, что Он будет распят за людей и, что в Церкви будут приносимы хлеб и вино вместообразные Его плоти и крови (ἀντίτοπον τῆς σαρκὸς αὐτοῦ καὶ

τοῦ αἵματος), что причащающиеся видимого хлеба, духовно будут вкушать плоть Господню (οἱ μεταλαμβάνοντες ἐκ τοῦ φαινομένου ἄρτου, πνευματικῶς τὴν σαρκα τοῦ Κυρίου εσθίουσι)[838].

Спрашивается, есть ли здесь мысль о пресуществлении Даров? Не говорил ли наш отец о духовном причащении в протестантском духе? Для правильного понимания этого места нужно прежде всего обратить внимание на то, что слово «ἀντίτοπον» указывает на замену одного другим; в данном случае на замену настоящей плоти и настоящей крови хлебом и вином. Здесь не одно только напоминание о плоти и крови, – но действительно плоть и кровь в виде, в образе хлеба и вина.

Затем ясно, что πνευματικῶς – духовно употреблено в рассматриваемом месте в противоположность τοῦ φαινομένου – видимо, зримо, а потому πνευματικῶς обозначает здесь не столько духовно, сколько незримо, т. е. незримо принимает под видом хлеба и вина плоть и кровь Господа. В противном случае, в первой половине разбираемого выражения стояло бы слово противоположное πνευματικῶς, именно слово, указывающее, что хлеб и вино принимаются вещественно, материально, физически.

Все разбираемое нами выражение преподобного Макария имеет, следовательно, такой смысл: под видом хлеба и вина в Церкви приносится истинная Плоть и Кровь Христовы, которые принимаются незримо для очей при видимом вкушении обыкновенного хлеба и вина.

Обратим, далее, свое внимание на то, что в различных местах своих бесед Преподобный Макарий намекает на существование в его время трех превратных мнений относительно нравственного состояния человека.

Первое мнение, которое можно назвать скептическим, считало недостижимым живой образ добродетели для человека, как существа изменчивого. Это мнение, по всей вероятности, держалось, с одной стороны, на том еретическом заблуждении, что зло в міре самостоятельно, в виду самостоятельности, безначальности злой материи[839], а, с другой стороны, – на лжеучении, что человек после греха совершенно умер и ничего уже не может делать доброго. – Это мнение наш отец называет «нелепым и юродивым».

И он опровергает его следующими доводами. Во-первых, фактом существования самовластия свободы. От человека зависит устремляться к лучшему и удерживаться от худого. Во-вторых, указанием на премудрость Создателя вселенной, Который есть Творец чистых и прекрасных пород *(Быт. 1, 31; Мф. 13, 27; 1 Тим. 4, 4)*. Признавать прирожденность в міре зла, по Макарию, это значит набрасывать тень на премудрого Создателя. Тогда бы Бог, говорит наш отец, являлся бы не-

справедливым, посылая, например, сатану в огонь[840]. Наконец, в-третьих, ложное мнение о невозможности для человека нравственного усовершенствования преподобный Макарий опровергает указанием на существование богооткровенного нравственного закона, который «вопиет о чистоте по внутреннему человеку»[841] *(Втор. 5, 11; 2 Кор. 7, 1; 1 Сол. 5, 23; Филип. 2, 15).*

Вместе с этим он указывает истинную причину зла и, в частности, человеческих страстей. Последние, говорит он, случайно вошли в человека через грехопадение Адама, от которого по преемству переходят на весь человеческий род.

Придерживающиеся мнения о прирожденности греха, по Макарию, причиняют себе вред тремя способами. Во-первых, оказываются неверующими Божественному писанию. Во-вторых, не поставляют себе совершенной цели христианского нравственного усовершенствования, а не усиливаясь достигнуть его, они не могут жаждать правды, не могут надлежащим образом и трудиться. Такие люди удовлетворяются малыми своими заслугами и не заботятся о совершенном внутреннем своем очищении. В-третьих, эти люди, думая, что достигли преуспеяния в малом и считая свое невысокое нравственное состояние нормальным, всего менее могут иметь смирение, нищету, сердечное сокрушение, кратко сказать, такие люди совершенно неспособны идти по пути нравственного усовершенствования[842].

Второе мнение, наоборот, признает утверждение человека в добре легким. По этому мнению человек сам без Божией благодати может достигнуть праведности. Относительно лиц, придерживающихся последнего міровоззрения, преподобный Макарий пишет: «Кто останавливается на своей только праведности и думает сам спасти себя, тот трудится напрасно и вотще»[843].

Неукрашенные Божиим словом, необученные Божественным законам, напрасно, надмеваясь, думают собственною своею свободою устранить от себя поводы ко греху, осужденному только таинством креста. Свобода, возможная для человека, простирается лишь на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы иметь власть над страстями[844].

Люди, придерживающиеся этого второго мнения, говорит преподобный Макарий, бывают также невысокого нравственного уровня. Они легко погрязают во грехах, теряют чуткость ко всему доброму и, что бы они ни совершали, думают, что все совершают законно, правильно, свято. Такие люди подобны тем, которые во время наводнения тонут во множестве вод и не признаются в этом, а говорят: «слыхали мы шум вод»[845].

Наконец, по третьему міровоззрению, человек есть сосуд благодати и лишь по слабому желанию его Дух вливает источники воды живой.

Разделяющие это мнение, все приписывают благодати, так что душе уже не о чем заботиться[846]. Это мнение преподобный Макарий опровергает на пространстве всех своих бесед указанием, с одной стороны, на те труды, посредством которых христианин достигает нравственного усовершенствования, а, с другой, указанием на существование в человеке свободы.

Далее, как новая особенность міросозерцания преподобного Макария это та, что он в своих беседах не отделяет догматических истин от нравственных. Всякую догматическую истину он рассматривает не саму по себе, а применительно к жизни души – иллюстрирует ее описаниями того, как эта истина переживается, воспринимается, чувствуется человеком. Он, например, развивает догмат о Св. Троице не в определенных объективных формулах и положениях, а в живом отношении каждого лица Св. Троицы к жизни человека.

Однако и при таком приеме мы можем по беседам преподобного Макария составить себе правильное представление о всех трех лицах Св. Троицы, их взаимных отношениях и действовании в міре. Именно он мыслит о Боге Отце, как Творце и Создателе всего, – Сыне Божием, Иисусе Христе, как Боге Спасителе и, наконец, о Духе Святом, как Боге Освятителе.

Связь между догматическими и нравственными истинами у нашего отца очень тесна, так что трудно даже проследить, о чем он прежде говорит, о догматах или нравственности. И такой способ раскрытия христианских истин вполне целесообразен.

Взятые сами по себе, как теоретико-познавательные формулы, догматы едва ли кого-нибудь могут убедить. Они в таком случае ничем не могут отличаться от философских положений, построяемых на логических доказательствах, шаткость которых всем известна, что принимали и считали за истину одни философы, то отвергали другие.

То же самое возможно и в области христианской догматики, взятой в отрешении от ее практического применения. В связи с нравоучением догматы лучше уясняются, освещаются, делаются близкими и сродными нашему сердцу, приобретают значение непоколебимых истин.

Нужно заметить еще, что преподобный Макарий не задавался целию искусственно связывать догматы с правоучением. Такой путь уяснения истин вышел у него сам собой, естественно, и это опять говорит в пользу того, что этот путь самый правильный, самый нормальный.

В самом деле, посмотрите какая точность, глубина и правильность догматического міровоззрения Макария. Возьмем ли вопрос о первородном грехе, о благодати Божией и т. п., везде мы найдем у него правильное раскрытие догматических христианских истин.

Отсюда вывод такой: догматические положения, если могут претендовать на истинность, точность, удобопонятность и жизненность непременно должны оправдывать себя нравоучением, своим применением к жизни человеческой души.

Отметим дальше следующее. По беседам преподобного Макария, блаженное состояние духа христианина начинается уже здесь на земле; что же касается загробной жизни, то там будет лишь продолжение того блаженного состояния, какое приобретает и стяжавает душа в жизни земной. Христиане, говорит наш отец, не дивятся тому, что будут царствовать в будущем веке, потому что предварительно уже познали тайны благодати[847].

Если сделался ты Божиим престолом и воссел в тебе небесный Браздодержец и душа твоя стала вся духовных оком и вся светла, если напитан ты оною небесною пищею Духа и напоен живою водою, если облекся в одежды неизреченного света, если внутренний человек твой опытно и несомненно изведал все сие, то, вот, живешь ты подлинно святою жизнию и душа твоя даже ныне упокоивается Господом[848].

Многие думают, что земная жизнь дана человеку исключительно лишь для будущей; что она имеет цену лишь постольку, поскольку приготовляет человека к загробной жизни. Что земная жизнь человека – это будто бы лишь томительная приготовительная работа к вечности – время плача, скорбей и воздыханий. Но, вот, по мнению Макария, христианин уже здесь может найти себе счастие, уже здесь он может ощущать блаженство. Можно свято пожить и получить, как награду – спокойную совесть, мир душевный и внутреннее успокоение духа.

Нельзя не обратить внимания и на то, что все беседы преподобного Макария написаны на основании духовного опыта их автора. Наш отец не имел под руками источников, из которых черпал содержание. Он говорил только то, что сам изведал, пережил, перечувствовал. А что это так, об этом свидетельствует сам преподобный Макарий.

Он не раз в своих беседах замечает, что он передает не одни слова, а самое дело[849]. Или, например, описывая в одном месте состояние души, находящейся под благодатию, наш отец говорит: «Я сам отчасти в иные времена доходил до оной меры, а потому изведал и знаю, почему нет на земле вполне совершенного человека»[850].

Помимо этих заявлений, во всех изучаемых нами беседах, сам собою сквозит духовный опыт их автора. Непредубежденному читателю ясно, что он выносил из своего собственного существа, из своего сердца все то, что передавал другим.

Отсюда его беседы достойны того, чтобы их читать и изучать. Здесь читатель найдет обильную пищу для своего сердца, найдет ответ на многие запросы своей внутренней жизни.

Преподобный Макарий прекрасно знал Св. Писание. В его беседах мы встречаем тексты почти из всех священных книг Ветхого и Нового Завета.

В частности, по мнению нашего аввы, весь Ветхий Завет был тенью, прообразом Нового. Обрезание прообразовало крещение. Первосвященник с двумя камнями на груди, на которых были начертаны имена 12-ти Апостолов, – Господа Иисуса Христа, пославшего 12 Своих апостолов в мір на проповедь[851].

Суббота ветхозаветная была образом – субботствования, покоя души христианской в Боге – Иисусе Христе[852]. Ибо как тогда Бог повелел, чтобы и самые безсловесные животные покоились в субботу, вола не влекли под ярмо необходимости, и на осла не возлагали бремени; потому что самые животные упокоевались от тяжелых работ: так и теперь Господь, пришедши и давая истинную и вечную субботу, упокоил душу, обремененную и отягченную бременами беззакония, нечистых помышлений и творящую дела неправды по нужде[853].

Далее, пребывание евреев в Египте и избавление их от египетского рабства есть, по Макарию, также сплошной прообраз состояния человечества до Христа и спасения его во Христе[854]. Моисей – это Христос, и заклание Агнца – крестная смерть Христа. Помазание кровью входных дверей – помазание Кровию Спасителя наших сердец. Вкушение агнца вечером – срединное состояние нашей души между светом и грехом. Опресноки, горькие травы – скорбь, горечи, которые должны претерпевать души при борьбе с грехом.

Препоясание чресл, надевание сапог и держание в руках дорожного жезла – постоянная готовность к борьбе с противниками нашего спасения. Фараон – диавол. Преследование Фараона – преследование души демонами. Сосуды золотые и серебрянные, взятые из скинии – добрые помыслы, которыми должна вооружаться душа. Столп огненный – Дух Святый, окружающий христиан.

Одним словом, во всем, говорит наш отец, ищи прообраз новозаветного времени. И обрезание, и скиния, и кивот, и стамна, и манна, и священство, фимиам, и омовения, и жертвы, все, что было у Израильтян и в законе Моисеевом, было ради сей души, по образу Божию созданной, но подпавшей игу рабства[855].

Считая Ветхий Завет сенью грядущих благ, преподобный Макарий нисколько, однако, не умаляет его значения. По его мнению, он составляет необходимую часть Нового. Как два сопряженные лица составляют нечто совершенное, так и два Завета составляют одно целое[856].

Кроме прообразовательного смысла во многих местах Ветхого Завета преподобный Макарий усматривает еще переносный, – аллегорический.

Так, у него выражения: «возсмердеша и согниша раны моя» *(Пс. 37, 6)* означают скверны греховные[857]. «Вино, веселящее сердце человека» *(Пс. 103, 15)*, и «елей радости» *(Пс. 44, 8)* – многообразную пищу Духа Святаго[858]. Стеня и трясыйся (в тревоге) будеши на земли *(Быт. 4, 12)* – есть образ всех грешников[859]. Полевые цветы, о которых говорит Соломон и о которых упоминает Господь: «ни Соломон во всей славе своей облечеся, яко един от сих» *(Мф. 6, 29)*, по Макарию, служат подобием христианина в день Воскресения[860]. Слова Господа к пророку Иезекиилю о граде Иерусалиме и о его удалении от Бога *(Иез. 16, 8-15)* преподобный Макарий, опять, переносит на всякую душу, удаляющуюся от Господа[861].

Слова: «вкусите и видите, яко благ Господь» (*Пс. 33, 9)*, по Макарию, указывают на вкушение христианином благодати Божией[862].

То обстоятельство, что преподобный Макарий многие места Ветхого Завета объясняет в прообразовательном или переносном смысле, дало повод некоторым исследователям делать заключение, что наш отец, как мистик, устраняет из Священного Писания буквальный и исторический смысл и объясняет все духовно[863]. Однако не совсем это справедливо. В беседах нашего отца мы встречаем также тексты из Ветхого Завета, которые он толкует в буквальном, подлинном их смысле. Например, «аз есмь червь, а не человек» (*Пс. 21, 7)* он относит исключительно к Давиду[864]. «Измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постель мою омочу» (*Пс. 6, 7)* также понимает буквально и т. д.[865]

А что наш отец оставляет историческое значение за событиями Ветхого Завета, об этом мы уже и не говорим[866]. Преподобный Макарий обнаруживает, правда, склонность толковать приводимые им места из Ветхого Завета в прообразовательном или переносном смысле, но у него нельзя усмотреть в этом отношении крайности.

Скажем, далее, как пользуется наш отец Новым Заветом. В Св. новозаветных книгах, как известно, немало есть образных, сокровенных выражений и притч. Приводя их в своих беседах, преподобный Макарий старается сейчас же раскрывать их смысл и значение. Так выражение: «ниже вжигают светильника и поставляют под спудом» – он объясняет[867]: «не скрывайте дара, какой прияли от Меня, но сообщайте всем желающим». Или, слова Господа: «вы есте соль земли» *(Мф. 5, 13)* – разъясняет: «соль предохраняет мясо от порчи. Так Дух Святый, небесная соль, уничтожает «зловоние страстей»[868].

Текст: «светильник телу есть око...» *(Мф. 6, 22-23)* сопровождает следующим толкованием: Как очи суть свет для тела, и когда очи здо-

ровы, – все тело освещено, а когда попадет что в очи и они омрачаются, тогда все тело бывает во тме: так апостолы были поставлены очами и светом для целого міра... Апостолы, став светом, послужили светом для веровавших, просветив сердца их тем небесным светом Духа, которым просвещены были сами[869].

Заявление Св. Апостола Павла: «в церкви хощу пять словес умом моим глаголати» *(1 Кор. 14, 19)*, наш отец объясняет так, что здесь под церковию можно разуметь или собрание верных, или же душевный состав. Когда берется духовно, в значении всего состава человека, тогда пять словес должны означать пять общих добродетелей, которые затем делятся на многие виды[870].

Приведя в одном месте слова Спасителя: «верный в мале и во мнозе верен есть» (*Лк. 16, 10)*, преподобный Макарий говорит, что под малым нужно разуметь обетования века сего – пищу, одежду и все то, чем Господь обещал снабжать верующих в Него и о чем Он повелел не заботиться. Многое же – это суть дары вечного и нетленного века. И, вот, каждый испытывается малым и временным, верует ли он в Бога. Кто верен в малом, тот будет верен и во многом[871].

Слова, сказанные Господом апостолам: «сядете на двоюнадесять престолу, судяще обеманадесяте коленома Исраилевома» (*Мф. 19, 28)*, – препободный Макарий решает в двояком смысле. Это пророчество, говорит он, исполнилось на апостолах уже на земле, когда после вознесения Спасителя воссел Дух Утешитель на престолах разумов их и они сделались проповедниками міру. Тогда им дана была власть воссесть и судит в этом міре. Во-вторых, апостолы, несомненно, будут восседать и творить суд в пришествие Господне[872].

На вопрос слушателей, что такое, по апостолу Павлу, значит жена, молящаяся с откровенною главою *(1 Кор. 11, 5)*, – отвечает: Господь и апостолы уцеломудривают жену, которая в древнее время показывалась народу с распущенными волосами; или же жена у апостола означает Церковь, которая облекает чад своих в божественные прославленные ризы[873].

Притчу о мудрых и юродивых девах наш отец понимает в смысле душ, с одной стороны, трезвящихся и старающихся в сосуде сердца своего принять свыше благодать Духа (мудрые девы), а, с другой, в смысле душ ленивых, безпечных, предавшихся греховному сну и чрез то лишившихся небесного чертога (юродивые девы). Елей радости – это Святый Дух, Которого не стяжали девы юродивые[874].

Слова Спасителя: «мний же во царствии небесном болий его есть» *(Мф. 11, 11)*, преподобный Макарий толкует: подлинно, из рожденных женами нет больше Иоанна Крестителя; он – полнота всех пророков. Мний

же – это апостолы, приявшие Духа Святаго, сподобившиеся быть судьями и сопрестольниками Христовыми и сделавшиеся избавителями людей[875].

Разъясняя трудные, непонятные, образные, приточные и прикровенные выражения Нового Завета, наш отец, помимо этого, массу приводит новозаветных текстов для подтверждения своих мыслей без всякого их перетолкования, в прямом, буквальном смысле.

Вообще же соотоношение между пользованием Ветхим и Новым Заветами у преподобного Макария можно проследить следующее. Тексты и различные места Ветхого Завета, по большей части, он прикрывает завесою таинственного, пророческого, будущего, с текстов же новозаветных он, наоборот, снимает завесу таинственного и старается представить их в действительном, имеющем для постоянного времени значении.

Приводя тексты, преподобный Макарий или указывает автора священной книги, из которой он берет тот или другой текст, или же выражается неопределенно, в таких словах: «сказано»[876], «как написано»[877], «по сказанному»[878], «дабы не исполнилось на нас апостольское изречение»[879], «ибо Писание говорит»[880], «свидетелем мне служит Писание, которое говорит» и т. д. При этом, он один раз точно приводит текст; другой – в свободной передаче, в перифразе[881].

Нередко также он свою речь продолжает словами Писания, например: будем умолять Бога, чтобы Он нам дал «криле голубине» Св. Духа[882]. Или же делает добавления к текстам, например: тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и в непорочную душу[883].

Много в беседах Макария можно, далее, встретить примеров из книг Ветхого и Нового Заветов, примеров, которые он приводит в доказательство своих мыслей[884]. Некоторые исследователи обращают при этом внимание на то, что наш отец неравномерно пользуется текстами. То у него на большом пространстве нельзя встретить ни одного текста, то, наоборот, в одном месте употребляет много текстов, так что получается скопление их[885]. Так, например, в 4-й беседе в параграфах от 1–го до 12-го можно встретить только два небольших текста, тогда как в пар[аграфе] 12-м той же беседы их приведено подряд пять.

Где причина этому? – Безыскуственность, простота и естественность бесед нашего отца. Беседуя со своими слушателями, преподобный Макарий при известной мысли своей легко вспоминал один текст Св. Писания, а за ним другой, третий и т. д. Так что большее или меньшее употребление текстов стояло в некоторой зависимости от памяти его. Это во-первых. Во-вторых, весьма возможно и то, что некоторые свои мысли наш авва считал нужным подтвердить непременно Св. Писанием, соображаясь в данном случае с душевым настроением своих слушателей, а другой раз он считал это лишним.

Внешняя форма бесед его. Все беседы преп. Макария имеют заглавия, но по ним мы не всегда можем составить представление о содержании той или другой его беседы. Есть заглавия, которые охватывают начало или только некоторые части беседы – таковы 1, 9, 17, 47 и др. Что касается расположения материала в них, то здесь мы можем отметить следующее.

Первое. В своих беседах преп. Макарий не придерживается раскрытия одной главной темы, а отдается естественному течению мыслей, таковы беседы 1, 3, 9, 24 и др.

Для образа рассмотрим первую. Сначала автор излагает видение пророка Иезекииля и истолковывает его в том смысле, что оно прообразовало собою состояние души, принявший в себя Господа Христа. Душа, приявшая Господа, делается вся светом. Таковы были души праведников и св. апостолов. Имея в себе Св. Духа, небесную соль, они послужили солию и для верующих. Назвав силу Св. Духа небесною солию, преп. Макарий, далее, выясняет посредством аналогии с обыкновенною солию действия Духа Святаго в душе человека. Припоминает при этом проповедник, что солию посыпалось в Ветхом Завете жертвенное животное после заколения. Это останавливает мысль его на ветхозаветной жертве и далее идет уяснение силы действия Св. Духа посредством сравнения с жертвою.

При всем этом преп. Макарий душу, исполненную греха, не раз называет *телом тмы.* Неизвестно, слушатели ли обратили внимание на это, или же сам автор беседы, но только, далее, ставится такой вопрос: но скажет кто-нибудь: почему душу называешь телом тмы, когда она не произведение тмы? Решив и этот вопрос, наш авва снова возвращается к мысли, которую в начале беседы развивал – именно к уяснению состояния души, приявшей Господа. Все содержание первой беседы и ход ее мыслей, таким образом, показывает, что ее автор хотел служителям изобразить облагодатствованное состояние христианской души. Но, вот, беседуя, проповедник был отвлекаем в сторону побочными мыслями, которые приходили ему в голову по поводу сказанного, при этом одна уясненная мысль наталкивала на другую и т. д., одна мысль рождала другую, но так, что каждая новая мысль все более отдаляла автора от главной мысли.

Впрочем, таково свойство всякой беседы – уклоняться от главного предмета речи. Когда проповедник это заметит, он часто старается возвратиться к выяснению основной мысли беседы, но от такого приема получается отрывистая речь. Это самое мы и замечаем в беседах преп. Макария.

Второе. Есть у преп. Макария беседы, которые следует назвать составными, ибо в них можно проследить как бы несколько бесед, соединенных в одну – таковы 4, 5, 18 и 20 беседы.

Остановим свое внимание на 5-й. В ней мы замечаем три беседы. Первая от 1–6 пункта, вторая от 7–16-го и третья от 17 до конца.

Третье. Есть беседы, которые представляют собою ряд вопросов и затем ответов на них – таковы 6, 7, 12, 26, 27, 32, 37, 40 беседы.

Свойство вопросов таково: одни из них стоят вне связи с предыдущими и последующими вопросами и ответами, другие же представляют собою цепь вопросов и ответов, раскрывающих одну и ту же мысль.

Появление таких бесед преп. Макария можно объяснить так. Наш авва вел беседы со своими слушателями без особой подготовки, естественно, при самодеятельном участии братии. Прийдет обыкновенно Преподобный к братии и начнет беседовать о душеспасительных предметах. При этом слушатели могли в начале или во время беседы предлагать авве для решения несколько вопросов, не связанных между собою одною мыслию. Авва давал им ответы на эти вопросы, которые тут же записывались как бы в одну беседу. Так получались беседы из ряда вопросов и ответов разнообразного содержания.

А могло происходить и так. Преподобный ставил определенную тему для беседы и также старался разъяснить ее посредством вопросов и ответов, при этом обыкновенно ставили вопросы слушатели, а авва отвечал. Но в каждом новом ответе слушатели могли находить или неполное разъяснеине или же такое новое сообщение, которое заинтересовывало слушателей и они снова и снова задавали авве вопросы, пока не исчерпывали поставленный вопрос для решения достаточно. Так получались беседы, разъясняющие одну основную мысль посредством ряда вопросов и ответов на них. Такова, например, 12-я беседа, в которой изображается состояние первозданного Адама.

Четвертое. Есть у преподобного Макария несколько бесед, если можно так сказать, неопределенных по содержанию, в которых нельзя уследить ни плана, ни связи между мыслями. Эти беседы представляют собою соединение или нагромождение в одну беседу множества мыслей или тем. Таковы беседы 12, 14, 15, 40.

Объясняют появление этих бесед историческою испорченностью их текста, соединением в одну беседу нескольких, соединением в одно место разных изречений, отдельных наставлений аввы, которые он предлагал слушателям в разное время и при разных обстоятельствах и, наконец, записью одних ответов без вопросов, которые предварительно авве предлагались.

В этом отношении особенно обращает внимание наше 15-я беседа, самая большая по объему из всех бесед преподобного Макария. В ней 51

пункт по русскому изданию и 53 по Миню. Она занимает 40 страниц. Трудно предположить, чтобы эта беседа была зараз произнесена. Анализ ее дает право предполагать, что она составлена именно из нескольких бесед, многих изречений и наставлений преп. аввы.

Пятое. Есть у преп. Макария беседы весьма краткие по объему, таковы 13, 22, 33, 34, 36, 38, 39, 41, 42 беседы. Как объяснить их краткость? Можно думать, что преп. Макарий при всяком удобном случае беседовал с братией. Отсюда могли быть такие моменты, когда он сообщал слушателям немного, отвечал, например, на один только предложенный вопрос и, затем, наступление службы или другое что прерывало беседу аввы с братией. Но и это немногое замечалось слушателями и записывалось. Отличительная особенность всех этих кратких бесед, однако, та, что в каждой из них проводится одна определенная мысль.

Шестое. Наконец, встречаются у преп. Макария беседы довольно стройные по изложению и по выдержанности одной главной мысли – это беседы 8, 10, 21, 23, 25, 31, 43, 44, 47, 48. Из указанных бесед особенного внимания заслуживают 25-я и 4-я. Двадцать пятая беседа отличается чисто ораторским изложением, стройностию плана и помазанием, а 43-я, к тому же еще, легкостию стиля и множеством сравнений. Весьма возможно, что эти беседы были заранее обдуманы Преподобным аввою.

Ни одна беседа нашего отца не начинается текстом. Проповедник сразу начинает свою речь без вступления и указания плана, зато все беседы имеют определенный конец. Все они оканчиваются прославлением Господа Христа или Св. Троицы! Окончания первого рода таковы: Ему слава и держава во веки. Аминь![886]; Богу слава[887]; Слава щедротам Божиим[888]; Слава Ему во веки[889]; Слава страданию и долготерпению Его во веки[890]; Во веки слава Тому, Кто дал Себя Самого и святое естество Свое приводить в единение с душами христианскими. Аминь[891]. Окончания второго рода: Прославим Отца и Сына и Святаго Духа во веки[892]; Во имя Отца и Сына и Св. Духа[893]; Воздадим славу Отцу и Сыну и Св. Духу во веки веков[894]; Слава щедротам Отца и Сына и Св. Духа во веки[895]; Слава и поклонение (иногда пречистому) Отцу и Сыну и Св. Духу во веки[896]; Слава благосердию и совершившемуся благоволению Отца и Сына и Св. Духа[897]; Слава Отцу и Сыну и Св. Духу во веки[898]; Слава Единородной Троице во веки[899]; Прославляем Имя Твое со Отцем и Святым Духом[900] Слава и велелепие Отцу и Сыну и Св. Духу во веки[901]; Ему слава и держава со Отцем и Св. Духом во веки[902]; Слава благоволившему так Отцу и Сыну и Святому Духу во веки[903]; Возблагодарим Животворящаго Отца и Сына и Св. Духа[904]; Ему слава и держава со Отцем и Животворящим Духом Его ныне и всегда и в безконечные веки веков[905].

Таковы окончания бесед преп. Макария, только немногие из них не имеют обычного славословия[906]. Несомненно, в его время было обычаем заканчивать проповедь славословием Господа Бога, но зато начало часто оставалось без молитвенного воззвания. В наше же время, наоборот, – в начале проповеди бывает молитвенное обращение к Господу, конец же часто остается без прославления Творца. Нельзя не обратить внимания на вышеприведенные славословия.

Прежде всего, по ним мы можем заключить, что в век преп. Макария именно IV-й, в Александрийской стране, где жил наш Авва, хорошо было уже выяснено учение о Святой Троице, выработалась определенная формулировка обращения ко Святой Троице, уяснилось отношение всех трех Лиц Божества. В наших так называемых «возгласах», произносимых во время церковных служб священнослужителями, прилагаются к лицам Св. Троицы те же эпитеты, какие мы встречаем и в конечных славословиях бесед преп. Макария, так что получается впечатление, будто бы эти «возгласы» составлены по вышеприведенным славословиям.

Что касается стиля бесед преп. Макария, то в них мы найдем все особенности восточной речи, и это, прежде всего, употребление фигуральных, образных слов и выражений. Вот они: соль Св. Духа[907], Небесный образ мыслей[908], Душевная колесница[909], Зловоние лукавых помыслов[910], Темная ночь – диавол[911], Тернистые стези жизни[912], Преображение души[913], Упоение божественными духовными тайнами[914], Небесное сокровище Духа[915] и многое др.

Далее, во множестве наш Авва употребляет сравнения. Ум его был так изощрен, так находчив, что все окружающее давало ему пищу для сравнения. Для него, поистине, как он сам выражается, вещи міра видимого были образами міра невидимого[916]. В частности, он берет сравнения из области светил небесных[917], из жизни и состава тела[918], из свойств минералов[919], из области религиозных обрядов[920], из повседневной домашней жизни – одежды, постройки дома, похоронной обстановки, супружеских отношений, обычая собирать наследство; из жизни птиц[921], из жизни животных[922], из придворной царской обстановки[923], из области медицины[924], из жизни пчел[925] и т. д. и т. д.

Солнце, лес, тростник, огонь, могила, гумно, воздух, свет, ученый софист, колесница с возницей, приправа к кушаньям, морской камень, дикий конь, гнилой мешок, наполненный жемчужинами, повапленные гробы, медь, свирель и т. п. – все это служило у преп. Макария источником для сравнения.

Не говоря уже о том, что сравнения имеют большое значение в проповеди для ее жизненности и действенности, мы, благодаря этим сравнени-

ям, отчасти, можем себе представить жизненную обстановку времени преп. Макария. При нем были цари, царские палаты, дворцы, были богачи и бедняки, происходили войны, при этом на войну посылались только простые люди[926], строились водопроводы, морские плотины, процветала городская жизнь – шумная, веселая; существовали законы гражданские, брачные, уголовные и т. п.; словом, общественная, государственная и домашняя жизнь находилась на довольно высоком уровне развития. Это мы сказали мимоходом.

Для нас важно употребление сравнений преп. Макарием в беседах в проповедническом смысле. Этими сравнениями достигается конкретность речи и, затем, благодаря им хорошо уясняется мысль проповедника. Когда мы думаем объяснить что-либо трудное, малоизвестное, недоступное, высокое, глубокое, таинственное, мы стараемся дойти до уразумения его постепенным путем, переходя от более известного к менее.

Область духа, нельзя сказать, чтобы была нам неизвестна. Она нам близка, сродна, но внешняя жизнь в условиях материального міра подавляет наш дух, заставляет нас уходить из своего внутреннего міра в мір внешний. Мы здесь, затем, свыкаемся, так что все нам здесь становится своим, понятным, близким, известным, тогда как внутренний наш мір уходит от нас вдаль, покрывается для нас туманом, его интересы, его требования становятся для нас малопонятными и как бы чужими.

Как же снова приблизиться к нашему внутреннему міру? Нужна постепенность. Нужно начинать с более известного и затем переходить к менее известному. Мір внешний нам хорошо известен. С него-то и нужно начинать, ибо он служит, как говорит преп. Макарий, тенью вещей невидимых[927]. Есть сходство между действиями законов міра внешнего и нашего внутреннего. Там существует изменение, переходы одного к другому, развитие, соединение, колебания; и в міре духовном происходит также развитие (нравственный рост), колебание (движение воли) и т. п.

Возьмем пример с видимого, говорит в одном месте наш Авва, потому что есть сходство между телом и душею, между телесным и душевным, видимым и сокровенным[928]. Отсюда, пользуясь образами и сравнениями из міра внешнего, можно доводить слушателей до уразумения перемен и изменений в области духа. И такой прием весьма рационален. Человек, слушая понятное и наглядное, в то же время может вызывать и вспоминать забытые им перемены души. Пользуясь сравнениями, наш отец как бы так говорил своим слушателям: вот вы живете в условиях земной жизни, жизнь духовная, законы которой подобны законам міровым, но только здесь материи нет, а остается один дух; здесь то же развитие, движение, та же целесообразность.

Вследствие употребления преп. Макарием сравнений, его беседы удобопонятны, несмотря на то, что он касается тайников души человеческой, касается того же, о чем говорят и другие аскеты писатели, но уже не так понятно.

Возьмем, например, творения преп. Исаака Сирина. Отчего у него много трудного для понимания простому читателю? Оттого, что у него прямо описывается жизнь нашего духа, а где преп. Исаак прибегает к сравнениям, так сразу мысль проясняется.

Употребление преп. Макарием в своих беседах сравнений не было только свойством его ума, но оно выходило, главным образом, из его убеждения, что этим способом легче и скорее можно внедрить слушателям явления жизни нашего духа. Наш отец, как говорится, старался употреблять все средства, только бы быть понятным слушателям.

С целию оживить речь, преп. Макарий, далее, прибегал в своих беседах к следующим приемам:

a) Он употреблял однозначущие слова и выражения: «если не имеешь духовного блага, то нужно тебе скорбеть, плакать и болезновать непрестанно»[929].

b) Выяснял свои положения посредством противоположений, например, «как ветхий человек весь погрузился в грех хулы, неверия, тщеславия и т. п., так новый человек во храме весь сделался чистым»[930].

c) Прибегал к картинному способу выражения. Так, желая доказать слушателям, что каждый по своей вине, по своей воле лишается Царства Божия и погружается в грех, наш отец говорит: «Представь себе, что горит какой-нибудь дом; один, вознамерившись спасти себя, как скоро узнал о пожаре, бежит вон и, оставив все, решившись же позаботиться только о душе своей, он спасается; другой, вознамерившись взять с собою некоторые домашние утвари или иное что, вошел в дом, чтобы забрать это, и пока забирал, огонь взял силу над домом и его захватил в доме и сожег. Видишь ли, что этот человек погиб в огне по собственной своей воле... подобно сему и те, которые не следуют заповедям Господним... сами себя делают пленниками греха»[931].

d) Чтобы поддержать внимание преп. Макарий во время своих бесед привлекал слушателей к самодеятельности; с этою целию он часто употреблял такие выражения: «повторяю»[932], «слушай»[933], без сомнения скажешь «да»[934], рассматривай, рассуждай, дознавайся[935]. Это так называемая настойчивость проповедника. 48-я беседа есть образец, где особенно часто встречаются указанные выражения настойчивости нашего Аввы.

С целию привлечь к этой же самодеятельности слушателей преп. Макарий, далее, часто вместо косвенной употреблял прямую речь в своих беседах, а также любил прибегать к диалогической форме выражения. Так, в

третьей его беседе мы читаем: «Кто работает, да не осуждает молящегося, говоря: он продолжает молитву, а я работаю» или еще: если говоришь: «видимым образом я не блудник, не прелюбодей, не сребролюбец – следовательно праведен», то мы обольщаемся». Прямая речь и диалогическая форма выражения, мы сказали, привлекают слушателей к самостоятельности.

Помимо этого такой способ речи в проповедях хорошо может действовать на совесть. Таким путем можно растрогать, расшевелить, заставить смутиться и устыдиться. Мы уже и не говорим о том, что прямою речью и диалогической формой выражения достигаются конкретность изложения мыслей. Например, когда преп. Макарий говорит: если разбойника берут в суд и начинают судить, то Князь спрашивает его: «Когда делал ты зло – ужели не знал, что будешь пойман и предан смерти»[936], слушатели как бы на самом деле присутствуют на суде и видят спрашивающего судью и разбойника. Здесь конкретность речи, которая в беседах преп. Макария составляет, как мы уже выше сказали, выдающуюся особенность. И эта особенность делает беседы его интересными, увлекательными. Несомненно, когда говорил наш авва, его беседами, как говорят, «заслушивались».

Встречаемся мы, далее, в беседах преподобного Макария и с приемами чисто ораторской речи. – Так он, например, повторяет одну и ту же форму выражения подряд несколько раз. «Там (в небесном Иерусалиме) живет и слышит (душа), там гражданствует, разглагольствует и беседует, там совершает дела духовные и достойные Бога»[937].

Или вот, например, прием чисто ораторской речи: «Распространились мы о сем, возлюбленные, из Писания почерпнутыми мыслями подтверждая, что как можно скорее нам должно обратиться и поспешить к Господу, Который милостив к нам… распространились, говорим о сем для того, чтобы со дня на день не возрастало наше пренебрежение и т. п.»[938]

И еще: «Если ищешь Господа в глубине, то найдешь, что творит Он там знамения. Если ищешь Его во рве – найдешь, что там Он среди львов охраняет праведного Даниила. Если ищешь Его на горе, Он там с Илией и Моисеем. Господь повсюду и под землею и превыше небес и в нас и везде. Так и душа близ тебя; она и внутри тебя и вне тебя». Вообще, нужно сказать, преподобный Макарий любил в своих беседах делать перечисления при помощи различных союзов и местоимений «или», «там», «иной» и др.

Такой прием речи весьма оживляет ее и заставляет слушателей все более и более соглашаться и убеждаться в том, о чем говорит проповедник. Преподобный Макарий едва ли задавался целию искусственно построять свои речи, но при раскрытии своих мыслей, обладая от природы ораторским талантом, он, естественно, иногда ораторски выражался и, так как это выходило у него само собой, то через это его речь получает необходимую прелесть.

К приемам ораторским нужно отнести и употребление нашим отцом периодической речи. У него встречается масса сравнительных периодов, затем изъяснительных и др. Вот пример последнего: «Кто питательность пяти хлебов претворил в питательность множества хлебов, ослице, по природе безсловесной, дал глас, блудницу обратил к целомудрию, сделал, что огонь, по природе сожигающий, орошал ввержённых в пещь... Тот может и душу, запустевшую и одичавшую от греха, претворить в свою благость, кротость и мир – святым и благим Духом обетования»[939].

Наконец, по местам беседы преподобного Макария исполнены помазания, воодушевления и не лишены даже патетического чувства. 25-я беседа вся отличается этим. «Как достаточно, – читаем мы здесь, – оплакать мне бедствие (души), не нахожу. Как со слезами воззвать мне к Могущему изгнать из меня водворяющееся во мне обольщение, не знаю. Как оплачу Иерусалим? Как избегну тяжкой фараоновой работы?»[940]

Говоря, далее, о значении слез и, приводя в пример Марию, которая сидела у ног Спасителя и плакала, преподобный Макарий восклицает: «О, какие многоценные это бисеры в излиянии блаженных слез! О, какой это правый и благопокорный слух! Какой мужественный и мудрый ум! Какое проникновение Господним Духом, какая любовь, так сильно влекшая к Пречистому жениху! Какое острое жало душевного стремления к Богу Слову! Какое тесное общение невесты с небесным Женихом»[941].

Или вот пример той же теплоты чувства нашего отца... «Вникни, – говорит он, – возлюбленный, в чистую сущность души и вникни не слегка. Безсмертная душа есть драгоценный некий сосуд. Смотри, как велики небо и земля и не о них благоволил Бог, а только о тебе. Воззри на свое достоинство и благородство, потому что не Ангелов послал, но Сам Господь пришел ходатаем за тебя, чтобы воззвать погибшего, изъязвленного, возвратить тебе первоначальный образ чистого Адама. Человек был владыка всего, начиная с неба и до земли, умел различать страсти, чужд был демонам, чист от греха или от пороков, Божиим был подобием, но погиб за преступление, стал язвлен и мертв»[942].

С особым воодушевлением говорит преподобный Макарий, когда касается благ, дарованных душе Христом. «О неизреченное Божие благоутробие! Бог туне дарует Себя верующим, в краткое время делается наследником Божиим, Бог вселяется в теле человека и Господь имеет у Себя прекрасную обитель человека!»[943] При таких обетованиях Господних, как же не пожелать нам всецело приступить к Господу и Ему посвятить себя самих, сверх всего прочего, по евангелию: отрекшись и души своей, возлюбить Его Единого, не любя при том ничего иного?

Сколько Господних о нас смотрений со времени отцев и пророков! Сколько возвещено обетований! Сколько побуждений! Какое благосердие

Владыки было к нам от начала! Напоследок же, в пришествие Свое неизреченную к нам благость доказал Он распятием, чтобы нас, обратившихся, ввести в жизнь. А мы не расстаемся еще со своими изволениями, с любовию к міру, с худыми предубеждениями и навыками, и чрез это оказываемся маловерными и неверными![944]

Говоря о действиях Духа Святаго на душу человека, преподобный Макарий приходит в восхищение и восклицает к Святому Духу: «О, подлинно превосходный, благий, единый и истинный Браздодержец!»[945]

В беседах нашего отца нельзя встретить угроз, прещений и сурового слова. Все наставления его растворены миром, любовию и как бы слезами. «О, если бы нам, – увещевает он братию, – приобрести скорбь о нищете своей! О, если бы не проводили мы времени в беззаботности, как пресыщенные!»[946]

При исследовании проповеднической деятельности того или другого отца, обыкновенно, ставят вопрос о времени и месте произнесения им проповедей. Никаких данных о сем относительно бесед преп. Макария у нас, нет. Мы можем только констатировать тот факт, что беседы его несомненно были произнесены. Это видно, во-первых, из увещаний, рассеянных в наших беседах повсюду. Где только душа беседующего чувствовала необходимость сделать увещание братии, там он и употреблял его. Затем такие попадающиеся выражения в беседах преподобного Макария, как: «выслушай же меня, наконец»[947], «повторяю еще», «снова говорю»[948], «намереваюсь изречь»[949], «прежде сказал я»[950], «ты без сомнения скажи»[951], «и ты, слыша о сем, не давай уму своему ходить далеко»[952] и т. п. – показывают, что названные беседы произносились. О том же свидетельствуют и обращения: «возлюбленные»[953], «братия»[954].

Что касается слушателей его бесед, то они были, несомненно, иноки. Это особенно ясно видно из следующего обращения: «а ты, инок, пришедший ко Христу»[955].

Имеют ли, далее, беседы преп. Макария значение для нашего времени, или, может быть, они утратили уже свое значение? Содержание их суть внутренняя жизнь человеческого духа, как она проходит вдали от міра, в тиши уединенной иноческой жизни. Преподобный Макарий был монах, он сам проходил эту жизнь и свои беседы говорил монахам, которые были заняты тою же внутреннею работою, – отсюда выходит, что беседы нашего проповедника не были чужды слушателей, они имели для них живой интерес, были жизненными и в своем роде современными и такими его беседы остаются и доселе. Внутренняя жизнь души, возрожденной благодатию Св. Духа, что составляет содержание бесед преп. Макария, делает их никогда не стареющими, вечно современными.

Душа христианская, как она жила и росла под действием Св. Духа 1500 лет тому назад, т. е. во время преподобного Макария, или, лучше,

возникновения Церкви Христовой на земле, и доселе остается одна и та же. А потому и беседы преподобного Макария будут вечно новы, вечно интересны. Сменяется одно поколение христианское за другим, изменяются внешние условия жизни, но остается одною и тою же душа христианская, остается незыблемой истина христианская, которую душе надлежит усвоять.

Каждое новое христианское поколение проходит или, по крайней мере, должно проходить тот же путь нравственного усовершенствования, каким шли предыдущие. Предки наши читали беседы преподобного Макария и находили в них ответ на свои внутренние, душевные запросы – то же нужно сказать и о последующих читателях.

Кратко, пока существует на земле Церковь Христова, пока христиане совершают свой путь нравственного усовершенствования на земле, до тех пор беседы преподобного Макария не потеряют своей цены и интереса.

Нам остается сказать еще о том впечатлении, какое получается при чтении бесед преподобного Макария. Некоторые беседы его читаются с величайшим интересом. Какая-то сладость охватывает твое сердце при чтении их. Читаешь и чувствуешь, что твоей душе все то, о чем говорит Великий авва, небезызвестно, только оно у тебя заглушено, придавлено, находится где-то глубоко, глубоко в твоей душе.

Некоторые мысли Преподобного отца являются иной раз даже непонятными при первом чтении, как бы трудными задачами арифметическими, так что приходится, несколько раз перечитывать, задумываться. Но, вот, при новом чтении проясняется мысль и ты не столько начинаешь понимать, сколько чувствовать, что то, что казалось тебе прежде загадочным, близко касается твоего сердца, сродно тебе и трепет радости охватывает твою душу. Преподобный Макарий часто описывает духовную сладость, благодатное упокоение, какое души верные находят в единении с Богом и, вот, этого всего при чтении бесед нашего отца начинает жаждать твоя грешная душа.

Она смутно начинает чувствовать всю прелесть этого единения. Наш Авва говорил о духовных плодах, мире, радости духовной и сердце твое невольно дает отзвук: о, как это все хорошо, как отрадно! Беседы преподобного Макария, мы сказали, написаны в духе любви, кротости, смирения, нежного чувства и все эти чувства автора также невольно передаются читающему. В его беседах, говорит один немецкий гомилет, есть что-то нежное, приятное, что привлекает и питает наше чувство[956]. Словом, когда читаешь беседы преподобного Макария, то чувствуешь, что говорит любвеобильный добрый старец, который любил каждого всею душею, который готов был обнять каждого, как своего родного брата[957], – и это чувство любви начинает наполнять и твое сердце.

IV.
Творения, приписываемые Преподобному Макарию

а) Рассказ страшный и изумляющий ум

Авва Макарий сказал: Когда я пришел в Константинополь, ибо у меня явилось желание видеть его, и я гулял в одной галерее, – то вот я видел умственными (νοεροῖς) очами (истина свидетельствует мне в том, что я рассказываю), данными мне Господом к разумению чудес Его, что какой-то человек, как будто евнух[958], стоит пред дверьми обиталища блудниц, закрыв лицо свое своими обеими руками и так плачет, что можно было подумать и небо плачет вместе с ним.

Я подошел к нему и сказал: какая же причина твоего плача и почему ты печален? Почему ты не уходишь отсюда, ведь это обиталище блудниц и любострастных женщин? Скажи мне, – прошу тебя. Ибо плачь твой возбуждает сильное сострадание.

И отвечал он мне: По природе я славный раб Божий, я Ангел, назначенный для охраны и защиты находящегося здесь человека, так как все христиане в час крещения, каждый получает своего Ангела от Бога. Я сильно огорчен, видя его здесь преданного похотям и нечистотам, находящегося в этом обиталище ради похоти, как ты видишь, с этою блудницею; и как же мне не оплакивать образ Божий, низринутый в такой мрак?

Я сказал ему: Почему же ты не убеждаешь избегать мрака этого греха? И отвечал мне Ангел: Потому что я не имею места, чтобы приблизиться к нему. Ведь с тех пор, как он начал творить грех, он раб демонов, и я не имею над ним никакой власти.

– Откуда видно, что ты не имеешь над ним никакой власти, ведь Бог его вверил тебе? И отвечал мне Ангел: Бог наш, благий и человеколюбец, создал человека свободным, и позволил ему по своей собственной воле избирать путь, указав ему два пути, один узкий, а другой широкий, сказав ему о конце того и другого, что шествие по узкому и обременительному пути сопряжено с большим трудом в настоящем, но в безконечные веки веков доставляет покой, а шествие по широкому пути доставляет наказание вечное и огнь геенский и все прочие наказания. Какое же у меня остается увещание, каким же увещанием я буду пользоваться к этому человеку, которого Бог мне вручил для охранения его? Ведь Сам Господь и Бог наш Иисус Христос, Сын Бога Живого убеждает, увещевает и учит всех – воздерживаться от студных дел, и едва ли кто-нибудь соблюдает Божественные слова Его.

– Я говорю ему: Почему же ты с плачем простираешь руки твои к небу? И отвечал мне ангел: Я вижу демонов вокруг него с рукоплесканием, других, производящих крики, иных, гнусно смеющихся над ним, и потому я сокрушаюсь из-за этих победных криков, и молюсь Богу, да избавится от демонов создание Его, и да даст мне хотя в один день возрадоваться о покаянии и о возвращении его к лучшей жизни и о исповедании, и мне явиться достойным того, что мне была вверена душа его, во исповедании и покаянии не оскверненная и чистая перед Господом, оправданная благостиею Божиею.

Сказав это, Ангел скрылся от глаз моих. Я же говорю вам, братие мои, то, что хорошо знаю, что нет греха более нечистого, как прелюбодеяние и гнусный грех Содомлян. Если же вращающийся в этих грехах захочет раскаяться, то его Бог принимает благосклоннее всяких грешников, потому что из свободы происходит страсть, диавол же поспешает к нему с щекотанием. А если кто пытается умертвить страсти эти бдением и воздержанием, то Бог угашает их.

б) Его же другие рассказы

Сказал опять тот же святый Макарий: Однажды я молился Господу Богу. Вот я посмотрел на небо, и оно было отверсто, и ангелы Божии восходили и нисходили, неся души. Некоторые же черные и мрачные оказывали сильное сопротивление, чтобы похитить и увлечь души. Ангелы мужественно и сильно им противоборствовали, поражая их, и, таким образом, спасали души.

Снова я смотрю, и, вот, два ангела несут на небо душу человека. И как только они приблизились к мытарству блудодеяния и прелюбодеяния и муженеистовства, – а это самые постыдные из всех мытарств, – достигли же верха ангелы Божии, держа душу, тогда начал начальник мытарства страшно шуметь и сильно возмущаться и говорит к ангелам: каким образом вы влечете эту душу, нам принадлежащую? Отвечают ангелы ему: каким ухищрением ты владеешь ею? Ангел сатаны отвечает им: Потому что он до конца своей жизни блудодействовал и часто по своей собственной воле совершал содомский грех. Но не только это: он злословил своего ближнего; и какое же еще вы можете найти в нем преступление тяжелее этих?

Говорят ангелы: Хотя эта душа была порабощена этими страстями, однако она вырвала их из себя, прежде чем пришел конец ее.

Диавол же сказал: Нисколько, не так, как вы говорите, но она пребыла нераскаянной до последнего издыхания, и совсем не воздержалась от беззаконий. Он не отрекся от всех своих грехов, и не воздержался от злых дел, но так и умер, посему он раб греха и мой сотрудник.

Тогда говорит один из ангелов Божиих: Поистине тебе врагу, мы не верим. Ведь ты весь ложь, нечистый. Но пусть приступит Ангел, данный ему от крещения для защиты его, и он скажет истину, какова она есть.

И сей как только был призван туда, а он был занят около гроба тела его, говорят ему ангелы: Скажи нам, друг; раскаялась ли эта душа в своих грехах, или в них умерла?

И отвечал им Ангел: От того часа, как она впала в болезнь, прежде чем она отяжелела, она вспомнила о смерти, начала стенать и плакать, велела призвать пресвитера церковного, и начала особенно рыдать и сокрушаться и исповедывать свои грехи Богу пред священником, простирая руки свои к небу, горько стеная, вздыхая и плача. Итак, если Бог по Своей власти простил этот грех, и это вполне справедливо, то не слава ли Его правосудию?

Услышавши это, ангелы Света смеялись над диаволом и оставили его. Поистине душа избавилась от силков охотников.

И когда я снова взглянул, явилась другая душа. Это была по природе евнух, и его демоны сильно обвиняли, обличая в каждом отдельном грехе, указывая образ и место, и рассказывая его злые и постыдные деяния. Ангелы же Божии возражали, что он имеет некоторые добрые дела. Ведь при жизни он часто давал нечто и бедным; и хотя совершал нечто злое, но тотчас обращался к покаянию, стыдил себя самого, и порицал, и стенал со слезами. И говоря это, ангелы Божии победили, и смеялись над демонамим, что они не погубили его, возражая и утверждая, что Бог имет власть смилосердиться над душею его.

И снова говорили демоны, споря: От юности своей, говорили они, он сделал много таких злых дел, какие не приличествуют ему, как христианину и евнуху, блудодействуя, прелюбодействуя, и оскверняясь с теми, которые совершают содомский грех, и над всеми превозносясь и во гневе, нанося жестокие удары, совершил много убийств. И если этому прилично спасение, то возьмите весь мір и всех грешников на земле спасите даром. Ведь и мы не напрасно трудимся.

Тогда отвечают ему ангелы: Смотрите, несчастные, все, в чем он согрешил от юности своей, он вырвавл все это и отрекся, и Бог ему простил. И милостыни и прощения он совершил чрез священииков к Господу Богу для спасения души своей. Итак что же вам думается, смрадные звери? Прилично ли этой душе получить спасение, или нет? Ведь человеколюбец Господь судит то, что чрез исповедание не является на свет. Ибо все, что открыто, свет есть. Ибо все, что исповедуют люди священникам со многим смирением и с раскаянием от всего сердца, и воздерживаются от злых дел, милосердный Бог не вменяет это. А тех, которые скрывают грехи, чтобы они явны были Богу и че-

ловеку, всех тех судит Бог, уличает и посрамляет, и предает огню на безконечные веки.

Сказавши все это, ангелы отогнали злых духов, и удалились оттуда, и вступили во врата небесные. Эта душа освободилась от духов злобы, и оказалась причастницей спасения у Бога, спасающего создание Свое.

И вот снова несли другую душу, которая была весьма благочестива, боялась Бога и щедро раздавала милостыню при своей жизни. Она также имела любовь ко всем людям, отличалась целомудрием и святостию. Демоны же раскрывали пасть свою, скрежеща зубами не нее. Душа трепетала от свирепости их, и искала убежища в объятиях ангелов Божиих. А ангелы, снисходившие за другими душами, при встрече с ней, приветствовали ее.

И случилось, что, когда, ангелы вступили во врата небесные, держа святую эту душу, навстречу им вышли все силы небесные, и приветствовали ее с радостию, говоря: Слава Тебе, Боже, что эта душа избавилась от бездны преисподния и страшного дракона. И чем более они поднимались вверх, тем более ее приветствовали все чины духов с радостию. Ведь это свойство святых духов, что они радуются и ликуют о всякой душе, спасающейся.

Когда же они приступили к лучезарному престолу славы Божией, и объявили ее блаженной у Отца своего, тогда излилась благодать Бога и Отца и вся она исполнилась безсмертного света, благоухания и приятности. И была предана Михаилу, начальнику Завета, чтобы он отвел ее в вечный покой.

А вот другую душу демоны быстро ведут в ад. Это была душа некоего рабочего, который задушил себя веревкою. А позади следовал Ангел ее; и оплакивал погибель и с печалию говорил: Горе несчастным демонам, сие страшное содевающим.

в) Начало письма св. Макария к сынам Божиим

Если человек начнет познавать самого себя, для чего он создан и познавать своего Творца Бога, тогда он начнет раскаиваться в том, что он совершил во время небрежения своего. Вслед за этим Благий Бог даст ему печаль о грехах, а затем опять по Своей благости дает ему и изнурение тела в постах и бдениях, усиленную молитву, и презрение к міру, так чтобы он охотно переносил положенные лишения, и ненавидел всякое утешение телесное, и любил больше плач, чем смех.

После этого ему приличествует желание слез, плач, смирение и уничижение сердечное, так, чтобы он видел бревно в глазе своем, и не пытался извлечь сучек из глаза другого, и говорил всегда: «яко

беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну», – и чтобы помышлять о дне смерти своей, и о том, каким образом он должен ходить перед Богом, представляя в уме своем суд и наказания, а не только заслуженные почести, которые будут даны святым.

Итак, если Бог увидит, что все это человеку приятно, то Он оставляет его, если тот отрекается от удовольствий и сопротивляется противоборствующим Князьям міра сего, которые связали его прежде; но, вот, различные услаждения явствами, изнеживающие сердце человека, начинают искушать, чтобы его опять победить вследствие долговременного утомления тела, причем мысли ему говорят: сколько времени еще ты будешь выносить этот труд, потому что стоит тяжелого труда, чтобы кто-нибудь заслужил того, чтобы в нем пребывал Бог, в особенности ты, который много согрешил, и сколько тебе грехов должен отпустить Бог!

И если он (диавол) узнал, что сердце человека твердо в страхе Божием и не оставляет места своего, но храбро противостоит и борется, тогда приходит он к нему под видом правды: Ты согрешил, но ты принес раскаяние, потому ты уже свят; и напоминает ему о грехах некоторых людей, которые еще не принесли раскаяния, посевая в сердце его тщеславие. И не только это, но злые духи делают так, что некоторых людей начинают хвалить ему коварно, и призывают его к делам, понести которые он не может, внушая ему мысли не есть и не пить и мысли о бдениях, и многое другое, о чем долго говорить, и указывают ему легкость для совершения этого, чтобы как-нибудь соблазнить его к этому, тогда как Писание предупреждает и говорит: «Да не уклонишися ни на десно, ни на лево, но шествуй прямым путем».

Если же Благий Бог заметит, что ни на чем этом не успокоилось сердце его, как говорит Давид и обозначает искушения этого рода: «Ты испытал сердце мое и посетил нощию, огнем мя ты испытал, и не обретеся во мне неправда» *(Пс. 16, 3).* И нужно при этом заметить почему нощию сказал, а не днем; очевидно потому, что обманы врага есть ночь, как сказал блаженный Павел, что мы не сыны мрака, но света, потому что Сын Божий уподобляется дню, а диавол – ночи.

Если же душа превозможет все эти нападения вражеские, тогда они, злые духи, начинают внушать противоположные мысли, желание блудодеяния и невыразимое студодеяние. Во всем этом душа ослабевает и сердце томится, так что оно считает для себя невозможным сохранять целомудрие, а они указывают, с одной стороны, как я сказал, на продолжительность времени, тяжесть трудных добродетелей, так как велико бремя их и невыносимо, а, с другой стороны, они выставляют безсилие тела и слабость природы.

И если он не ослабеет при этих бранях, тогда благий и милосердный Бог посылает ему Свою силу, и укрепляет его сердце, и дает ему радость и утешение и возможность оказаться сильнее врагов, чтобы борьба их против него не имела силы. «Бог боящимя подает силу», как и Св. Павел говорит: «подвизайтесь, и приимите силу». Это есть та сила, о которой говорит блаженный Петр: «наследие нетленное и неувядаемое, хранящееся на небесах для вас, которые сохраняете себя в силе Божией через веру» *(1 Петр. 1, 4-5)*.

Тогда благий и милостивый Бог, если видит, что его сердце укрепилось над своими врагами, мало-помалу отвлекает силу, которая ему помогла, и попускает врагам поражать его различными вожделениями плотскими: тщеславием, гордостию, и прочими страстями, ведущими к погибели, так что человека тогда почти можно уподобить кораблю, который без руля здесь и там бьется о скалы. Когда же сердце его ослабеет от них (страстей), и начинает делаться склонным к некоторым искушениям врага, тогда человеколюбец Бог, имеющий попечение о создании Своем, подает опять ему святую силу и укрепляет, подчиняя сердце и душу и тело его и все внутренности его игу Утешителя (Параклита), как Он и Сам говорит: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем».

И тогда, наконец, благий Бог начнет открывать очи сердца его, чтобы он разумел, Кто есть Тот, Который укрепляет его, и тогда поистине начнет человек знать, что Богу нужно воздать честь со всяким смирением и благодарением, как и говорит Давид: жертва Богу – дух сокрушен *(Пс. 50)*. Ведь из этой трудной борьбы происходит смирение, сокрушение и кротость.

Итак, когда он будет испытан всем этим, тогда Дух Святый начнет ему открывать тайная, т. е. то, что принадлежит святым по праву и заслуге и тем, которые надеются на милосердие Бога, и тогда человек рассуждает сам собою, говоря словами апостолов: недостойны страсти века сего будущей славы, которая откроется в нас, или приводя слова Давида: что для меня на небе, и чего я захотел бы от Тебя на земле? Т. е., Господи, сколько Ты мне уготовал на небе, и на что же еще я буду требовать от Тебя в жизни смертной.

Тогда ему даже начнут открываться мучения, которые должны претерпеть грешники, и многое другое, что, даже и при моем молчании, понимает святый муж.

После же всего этого начнет Утешитель заключать договор с чистотою сердца его, и крепостию души, и святостию тела, и смирением духа, и будет помогать ему превзойти всякое создание, так, чтобы не говорили уста его о делах человеческих, и чтобы он видел правду глазами своими, налагал хранение на уста свои, и совершал прямой путь в

хождениях своих, и имел справедливость в руках своих, т. е. в делах, и постоянную молитву, а также и умерщвление тела и частые бдения.

И это устраивает с ним по мере, постепенно, покойно, а не в безпорядке. А если ум его станет презирать устроение Св. Духа, тогда сила, данная ему, исчезает, и, таким образом, происходит борьба в сердце его и смущения, и по временам безпокоют его телесные страсти вследствие нападений врага.

Если же обратится сердце его, и возжелает наставлений Духа Святаго, то покровительство Божие бывает на нем. И тогда человек познает, что постоянно прилепляться Богу есть благо, и что Он есть жизнь, по словам Давида: «воззвах к Тебе и исцелил мя еси»; и опять: «Яко у Тебе источник живота».

Итак, согласно моему рассуждению, если человек не будет обладать великим смирением, которое есть вершина всех добродетелей, и не будет налагать хранение на уста свои, а в сердце не иметь страха Божия, если не будет считать себя ниже прочих, не будет выставлять себя, как будто он сделал что-нибудь доброе, если он неохотно переносит наложенные на себя лишения, и ударяющему не подставляет другую ланиту, и на всякое доброе дело не быстро стремится и направляется, и душу свою в руке не носит, как-будто каждый день готовится умереть, и не считает пустым все, видимое под этим солнцем, и не говорит: хочу разрешиться и со Христом быти; и: мне еже жити – Христос, а еже мертву быти – приобретение, – то такой не может сохранить наставлений Св. Духа. Конец письма блаженного Макария к сынам.

V.

Литература о преп. Макарии Египетском

1. Patrologia cursus completus. Series Graeca. Migne. T. XXXIV. Издание 1860 г.

2. Acta Sanctorum. Collegit, digessit, notis illustravit Ioannes Bollandus. Editio novissima. M. DCCCLXIII. Jannuarius. T. 2.

3. Ecclesiae Graecae Monumenta Ioh. Bapt. Cotelerii. T. 1.

4. Церковная история Феодорита, епископа Кирского. СПб. 1852.

5. Церковная история Сократа схоластика. СПб. 1850.

6. Древний Патерик, изложенный по главам. Пер. с греч. Изд. 2-е. М. 1892.

7. Палладия, еп. Еленопольского Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных Отцев. Пер. с греч. 1850.

8. Жизнь пустынных отцев. Творения пресвитера Руфина. Пер. с лат. с объяснительными примеч. свящ. М. Хитрова. Св.-Троицкая Сергиева Лавра. 1898.

9. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных Отцев. Пер. с греч. Московской Духовной академии. Изд. 3-е. 1855.

10. Полные жития святых на славянском языке. Изд. 1789 г.

11. Рукопись № 91 Московской Духовной академии Четьи-Минеи Макария. В этой рукописной Четьи-Минеи на стр. 471-508 помещено житие и жизнь преподобного отца нашего Макария Египетского. Списано Серапионом, учеником Великого Антония.

12. Преподобного и Богоносного отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижнические слова в русском переводе. М. 1858.

13. Макария (преп. отца нашего Египетского) Духовные беседы. Вильна. 1727.

14. Макария (преп. отца нашего Египетского) Духовные преполезные беседы – перевод с еллино-греческого в Московской Духовной академии. М. 1782.

15. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Переведены с греч. при Московской Духовной академии. М. 1852.

16. Издание 3-е той же Московской Духовной академии Творений преп. Макария. М. 1880.

17. Издание 4-е той же Московской Духовной академии Творений преп. Макария. Св.-Троицкая Сергиева Лавра. 1904.

18. Новооткрытые сказания о преподобном Макарии Великом по коптскому сборнику архимандрита Палладия. Седьмой выпуск патрологического отдела журнала «Православный собеседник» за 1898 г.

19. Преподобный Макарий Египетский. Т. 1. Жизнь и творения преподобного Макария Египетского. Исследование проф. Петербургской Духовной академии Александра Бронзова. 1899 г.

20. Учение о благодати Божией в творениях древних свв. отцев и учителей Церкви до бл. Августина. Историко-догматическое исследование А. Катанского.

21. Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т. 1. Изд. 2-е Афонского Пантелеимонова монастыря. М. 1883.

22. Жизнь человека, его смерть и Воскресение по беседам, посланиям и словам преп. Макария Египетского. Н. Кратирова. «Православный собеседник» за 1899 г. Март.

23. Возрождение по учению преп. Макария Египетского. Арх. Григория. 1892 г. Отдельная брошюра.

24. Догматические основы христианского аскетизма по творениям восточных писателей-аскетов IV века. Сочинение Павла Пономарева. Казань. 1899.

25. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 6-е. М. 1899.

26. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Издание Московской Синодальной типографии. 1904.

27. Учение св. Отцев подвижников о благодати Божией спасающей человека. Д. Имшенецкого. Киев. 1853.

28. Лавсаик и история египетских монахов. Архимандрита Сергия. «Чтение в Обществе любителей духовного просвещения». 1882. Февраль.

29. Историческое учение об Отцах Церкви Филарета, архиепископа Черниговского. Т. 2. СПб. 1852.

30. «Христианское чтение» за 1821 год. Ч. 2. Краткое историческое сведение о св. Макарии Египетском и св. Макарии Александрийском (с. 3-15). Достопамятные предания о Макарии Египетском (с. 60-83).

31. История Православного монашества на Востоке. Ч. 2. Сочинение профессора Московской Духовной академии Петра Казанского. М. 1856.

32. Порядки и обычаи, соблюдавшиеся при сказании проповедей в древней Церкви (в III-V вв.). «Труды Киевской Духовной академии». 1885. Апрель.

33. Западная средневековая мистика. А. Вертеловского. Журнал «Вера и разум». 1886. Июнь.

34. Обозрение догматико-аскетического учения в творениях преп. Макария Египетского. «Воскресное чтение». 1848. №№ 36, 40 и 41.

35. Очерки из истории христианской проповеди. Представители нравственно-аскетического типа проповеди на Востоке в IV в. Н. Барсова. Журнал «Вера и разум». 1889. Т. I. Ч. 1.

36. «Ярославские епархиальные ведомости». 1884. С. 293, 301, 337, 348, 361, 401.

МОСКОВСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ КРЕМЛЬ И ЕГО СВЯТЫНИ

Спасская башня

Кто из русских не знает или не слышал о Спасских воротах Кремля? Когда мы еще были в школе, нас знакомили с ними и в истории и стихах. «Шапки кто гордец не снимает у святых Кремля ворот?» – лепечут детские уста в школах, повторяя слова одного из наших родных поэтов. На виду Спасских ворот прошла почти вся наша русская история и гражданская, и церковная. Они были свидетелями многого славного, а вместе и тяжелого, скорбного. Тут проезжали и проходили наши Цари, выступая против врагов и торжественно возвращаясь с победой. Этими воротами вошел Михаил Феодорович, и после него совершали торжественные въезды все русские Цари и Императоры для священного коронования; этими воротами были внесены в священный Кремль и все наши великие святыни: чудотворная икона – Владимирская из г. Владимира, Благовещенская из г. Устюга, Спаса Нерукотворного из Новгорода и Вятки, св. Николая из Вятки и Гостуни, а также честные мощи благоверного Князя Михаила и боярина его Феодора из Чернигова, Царевича Димитрия из Углича, Святителя Филиппа из Соловецкого монастыря.

Через Спасские ворота совершались и доселе совершаются почти все крестные ходы, из которых необыкновенной торжественностью отличалось в XVI и XVII вв. в Вербное воскресение шествие из Успенского собора на Красную площадь Патриарха на осляти, которого вел сам Царь или же первый его сановник под уздцы. Московские Первосвятители и доселе совершают свое вступление на Московскую кафедру этими же воротами. Облачившись в Казанском соборе, они отсюда с крестным ходом шествуют через Спасские ворота в Успенский собор, где совершают первое свое (Московское) служение.

Видали Спасские ворота немало и грустных исторических событий, начиная с татарского ига и до наших дней. Пред Спасскими воротами

происходило немало кровавых стычек с врагами нашего отечества: татарами, поляками и разного рода нашими бунтовщиками. Особенно сильное кровопролитие здесь произошло при нашествии хана Тохтамыша во времена Димитрия Донского и благоверной супруги его Евдокии, впоследствии преподобной Евфросинии. Против этих ворот, далее, на Лобном месте производили страшные казни. Этими воротами езжал Лжедимитрий со свитой и ими же протащен был обезображенный его труп на Лобное место после убиения. Видели Спасские ворота и Наполеона.

Спасские ворота, несомненно, существуют с самого построения Кремлевской стены, которая дважды была деревянной, а при Иоанне III в 1491 году сделана была каменная. Эти ворота поначалу носили название Фроловских, в виду близлежащей около них Фроло-Лаврской церкви. В первоначальном своем виде Фроловские ворота представляли четырехугольное здание, с узкими в два ряда окнами, верх здания был шатровым, покрытый четырехскатной крышей с вышкою, на которой висел колокол, с четырьмя фронтонами, которые увенчивались Московским гербом. Этот герб до Иоанна III представлял всадника на коне, поражающего копьем дракона (изображение Св. Георгия Победоносца). Иоанн III заменил этот герб двуглавым орлом (Византийским), а прежний велел поставить сначала на Красной площади на видном месте, а потом, когда здесь был выстроен храм в честь Св. Георгия Победоносца, прежний герб послужил здесь храмовой иконой (он был высечен на камне). По упразднении сего храма, герб был перенесен в Вознесенский монастырь и поставлен в церкви Св. Михаила Малеина, где он находится и доселе.

При Царе Михаиле Феодоровиче в 1626 г. мастером Христофором Головеем Фроловские ворота были переделаны, им был придан пирамидальный вид. Впоследствии они еще несколько раз исправлялись, ремонтировались, но общий вид их и доселе остается пирамидальным. В это же время поставлены были новые часы, которые, правда, и раньше существовали, но эти часы были особенные. О них мы находим свидетельство у одного путешественника барона Августина, который говорит, что эти часы большой величины, колокол их разносил звон на 10 верст, а время на них показывается от восхождения солнца до захода, т. е. в течение всего дня и при этом не стрелкою, а солнечным кругом, луч которого на циферблате показывает час. Эти древние часы потом сменены Петром Великим, который выписал из Голландии новые часы со стрелками, за которые заплатил 42000 рублей. Они имеют до 30 колоколов и 4 раза играют пьесы в 12 и 6 «Коль славен наш», а в 3 и 9 часов Преображенский марш. Эти часы существуют и доселе.

Во второй половине XVI в. и в первой – XVII-го Фроловские ворота назывались еще Иерусалимскими, по всей вероятности, по двум причинам: 1) через эти ворота совершалось торжественное шествие Патриарха на осляти в Вербное воскресение, которое знаменовало собою вход Господень с Иерусалим, а 2) потому, что эти ворота, подобно судным Иерусалимским воротам, выходящим на Голгофу, вели к Московскому Лобному месту; отсюда и Покровский собор (Василия Блаженного) иногда назывался Иерусалимскою церковью.

Ныне эти ворота не иначе называются как Спасскими. Это название усвоено им со времени перенесения в Москву из Вятки чудотворного образа Нерукотворного Спаса в 1645 году. Этот образ три года оставался в Кремле, а потом он был перенесен в Новоспасский монастырь, где находится и доселе. В память этого события был поставлен образ Спасителя на башне, и сама башня стала называться Спасская. К этому же времени относится обычай снимать шапку при проезде и проходе этими воротами. Благочестивый Царь Алексий Михайлович подтвердил это указом, при этом были поставлены особые сторожа – воротники и стрельцы, которые должны были следить за исполнением сего обычая. Виновные подвергались наказанию: они должны были тут же и, по всей видимости, перед образом Спасителя класть 50 поклонов.

Впоследствии сторожа эти были сняты, и, можно думать, обычай этот стал приходить в забвение, что заставило митрополита Филарета возбудить ходатайство о том, чтобы снова поставлены были сторожа, что и было приведено в исполнение. В наше время этих сторожей нет, но обычай снимать шапку существует. Правда, часто можно видеть, как некоторые с большим неудовольствием снимают шапку, в чем сказывается дух времени, но боязнь укора со стороны истовых москвичей заставляет и этих людей исполнять исконный московский обычай, ибо установилось такое мнение, что, в случае нарушения этого правила, всякий проходящий может безнаказанно сорвать шапку у нарушителя.

Интересно предание относительно въезда Спасскими воротами Наполеона. Этот гордый завоеватель, въезжая в Кремль, и не подумал о том, что нужно снять шляпу, но вот сама стихия заставила его это сделать. Подул страшный ветер и сорвал у него шляпу, а лошадь повернул назад; тогда вспомнил он о русском обычае и не только сам, но и своей свите скомандовал снять шапки...

Различно объясняют установление правила проходить и проезжать Спасскими воротами с обнаженной головой. Одни ставят это в связи с установлением на этой башне иконы Спасителя, когда благочестивый Царь Алексий Михайлович, вводя этот обычай, желал после-

довать примеру Едесского царя Авгаря, который, когда получил от Спасителя Нерукотворный образ и велел повесить его на городских воротах, то также издал указ проходить этими воротами с обнаженной головой.

В одной летописи приводится и такой мотив сего обычая. При выходе из Спасских ворот в Кремль открывались Царские терема, а в древнее время на Руси был обычай в виду не только царских палат, но даже и господских первым делом обнажать голову.

Гораздо проще то объяснение, которое указывает, что Спасские ворота считались главными, так сказать, Святыми воротами Кремля, и как таковые они были обставлены иконами, на что указывают существующие в них ниши, а Святыми воротами, как и в монастырях доселе, все проходят без шапок. Как бы то ни было этот обычай служил постоянным напоминанием древнего русского благочестия.

Весь уклад жизни русских людей близок был к монастырскому, и хотя в самом Кремле немало было дворов боярских, но тут было множество и монастырей и около 40 церквей, да на Красной площади около 15. Все Кремлевские башни имели также церковный вид; на всех их были или церкви, или часовни, или чудотворные иконы, при этом везде пред надворотными иконами горели лампады. Кремль запирался зимой в 8 часов вечера и отпирался после заутрени. В сам Кремль не позволялось въезжать обычным москвичам, а они должны были вставать из экипажей у ворот и пешком входить в Кремль.

Любопытно, как вели себя ночные кремлевские сторожа по древним описаниям. Близ Успенского собора часовой страж первый начинал протяжно и громко на распев возглашать: «Пресвятая Богородице, спаси нас», за ним второй возглашал: «Святые московские чудотворцы, молите Бога о нас», потом третий: «Святый Николае Чудотворец, моли Бога о нас», четвертый: «Вси святые, молите Бога о нас», пятый: «Славен град Москва», шестой: «Славен город Киев», седьмой: «Славен город Суздаль», и так поименовывались многие другие русские города. Затем первый страж снова восклицал: «Пресвятая Богородице, спаси нас» и т. д. После этих перекличек те же стражи начинали в полголоса петь духовные песнопения, а потом опять начиналась перекличка.

Главную святыню Спасских ворот составляет икона на воротах, именуемая «Великого Совета Ангел». Происхождение этой иконы относится к 1521 году, ко времени нашествия на Москву татарского хана Махмет Гирея. В это время одна благочестивая слепая старица, инокиня Вознесенского монастыря видела такой сон. Будто из Успенского собора направляется большой крестный ход, во главе идут святители

Петр и Алексий и износят вдвоем Владимирскую икону Божией Матери; крестный ход прошел уже Спасские ворота, но тут у Лобного места повстречали его два преподобных Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский, которые спросили Святителей о причине их исхождения из Кремля совместно с великой святыней. И когда был ответ, что они исходят по воле Божией за нечестие града, преподобные Сергий и Варлаам припали к ногам святителей и умоляли их не покидать град: «Вы убо, о святии святителие, – говорили Преподобные, – некогда в жизни сей души свои полагали за паству вашу, ныне же в великой скорби хотите оставить, но да не будет сего – прострите убо ваши молитвы к Пресвятой Богородице, да Ее предстательством отвратит Господь Свой праведный гнев на милость и да обратятся люди к покаянию и исправлению».

Припали эти Преподобные к ногам Святителей и до тех пор их умоляли, пока они не возвратились снова в Кремль. Результаты сего видения были чудесны. Враг был прогнан, а сама старица, видевшая сей сон, прозрела. В память этого чудесного события, – примирения с Богом подпавших гневу Его людей, – над воротами на образе Спаса были изображены преподобные Сергий и Варлаам, а на другом образе надворотном, обращенном к Кремлю, – святители Петр и Алексий, которые держат образ Божией Матери Печерской.

Образ Спасителя с Преподобными, известный под именем «Великого Совета Ангел», весьма чтится москвичами. Пред ним в фонаре всегда горит много свечей, приносимых богомольцами. В прежние времена молебствия совершались пред этим образом на открытом воздухе, но впоследствии построена была часовня справа и там помещена копия с надворотного образа Спасителя, который также весьма чтится и к нему, собственно, теперь и прибегают богомольцы с молитвой.

Остановим свое внимание на том обстоятельстве, что за нечестие Москва едва не лишилась великой святыни – Владимирской иконы Божией Матери. Да, нечестие может делать людей недостойными святыни, и Господь может ее, так сказать, от нас отбирать. Так было еще в Ветхом Завете. Долго хранились в храме Иерусалима святыни: ковчег Завета со скрижалями, процветшим жезлом Аарона и манной, но по мере уклонения евреев от веры, по мере их развращения, стала отходить от них и святыня. Сначала она попала в плен к язычникам и некоторое время оставалась у них, и это было как бы грозным предупреждением для евреев, а потом она была и совсем отнята от них и скрыта неизвестно куда. И среди нас наблюдается то же явление.

Великое множество святынь было собрано в Византии, но развращение греков послужило причиной падения Константинополя, с кото-

рым немало погибло и святынь: исчезла знаменитая Влахерна, погиб Живоносный Источник, утрачено великое множество других христианских святынь. От нас не так давно был отнят чудотворный образ Божией Матери Казанской в г. Казани и совсем недавно было нам грозное предостережение в Троице-Сергиевой Лавре при мощах великого заступника земли Русской преп. Сергия, который дал нам понять, что и он может нас оставить.

Господь, если и посылает нам в обладание святыню, то Он вместе с тем требует от нас, чтобы мы были и достойны ее, чтобы благоговели перед ней, охраняли ее, не забывали и своей жизнью как бы очищали для нее среди нас место. Не кладут драгоценную вещь в мусор, а в чистое место и ее оберегают. Так и христианские святыни среди нас могут находиться только под условием нашего к ним благоговейного отношения и чистоты жизни.

К сожалению, современные, потерявшие страх Божий, люди не так думают. Они смотрят на святыню, как на что-то магическое, которое помимо нашего к ней отношения может творить чудеса. Эти люди осмеливаются даже посылать упрек и самой Св. Церкви: «Почему святыня нас не спасает?» – говорят они. Или вот что пришлось нам однажды слышать: «Плохо вы, отцы святые, молитесь, когда у нас столько неудач!» Но тут презорство, нравственное отупение. Требовать от Господа Бога себе помощи, защиты и благополучия без собственного покаяния, исправления и богоугождения, – ведь это верх дерзости пред Господом Богом...

И если небрежное отношение к святыне есть признак упадка веры и развращения, то, наоборот, благоговейное отношение к ней есть признак веры и живущего в нас страха Божия, а в этом залог и нашего благополучия. В старое доброе время русские люди все это имели, вот почему они оберегали святыню и, в частности, св. Кремль и любили его. Не то теперь.

Как-то в стороне стоит наше московское общество от жизни Кремля. Оно забыло Кремль и его святыни, не дорожит ими, не оберегает их. Отсюда и получаются такие нежелательные в жизни Кремля явления, как, например, игра в футбол на площадке против памятника Александру II; безцеремонная езда на автомобилях и вообще ненужный через Кремль проезд извозчиков. Только в Царские приезды Кремль принимает свой настоящий тихий, святой порядок.

Не видно, чтобы и город принимал мер к благоустройству Кремля. Придет лето – все улицы города поливаются водой за исключением св. Кремля, где ветром подымаемый песок засыпает драгоценные священные изображения соборов. Вследствие охлаждения того же религиоз-

ного чувства объясняется появление в Кремле таких учреждений, как Окружной суд и арсенал. Место ли здесь человеческому суду, когда здесь происходит суд Божий в св. Храмах?! Место ли здесь оружию и пороху, когда в Кремле все должно напоминать о мире и Царстве Божием?

По нашим церковным законам в Алтарь воспрещено входить с оружием. Кремль есть Алтарь Св. Руси. Когда мы были в Иерусалиме, то невольно обратили внимание на то, как усердно охраняется мусульманами гора Мориа, на которой стоял древний Иерусалимский храм и где теперь находится мечеть Омара. Уже сам пропуск сюда весьма затруднен; при входе на площадь стоит много сторожей, которые вас опрашивают, за вами следят и вас сопровождают. На громадной площади, занимаемой священной горою Мориа, вы не увидите праздношатающихся, не увидите игр и безчинства, а, наоборот, вашим глазам представится картина молитвы мусульман, которые группами в известные часы собираются на площади и, стоя на коленях совместно с муллой, производят молитву. Город Иерусалим очень скученно построен, а площадь горы Мориа обширна, почему же, кажется, ее не использовать для общественных нужд помимо религиозных, но мусульмане этого не делают; они ревниво оберегают неприкосновенность своей святыни.

И наш священный Кремль стоит того, чтобы пред ним благоговеть, его оберегать, пред ним преклоняться. Сюда собрано столько христианских святынь, что если бы их показать верующему, благоговейному христианину, он пал бы в чувстве умиления ниц пред ним и подобно Моисею вопиял бы: «Господи, я грешный человек, я не достоин видеть Тебя!» Сколько в Кремлевских соборах собрано чудотворных икон: Донская, Владимирская, Корсунская, Устюжская и др. Здесь мы имеем Животворящий Крест Господень, гвоздь и хитон. А частиц честных мощей в ковчегах, крестах и других церковных предметах столько собрано, что их и не перечтешь.

Как-то мы поставили себе задачу – составить список святых, мощи которых можно найти в Кремлевских церквах и соборах, и пришли к такому заключению, что почти на каждый день есть мощи святого, так что можно составить особый Кремлевский месяцеслов с указанием, где мощи находятся в Кремле дневного святого. И выходит, таким образом, что почти каждый православный москвич имеет здесь своего Ангела. Это ли не счастье, это ли не духовное утешение! Отсюда долг каждого москвича любить, хранить Св. Кремль, беречь его!

Но возвратимся снова к Спасской башне и ее святыне, чудотворному образу «Великаго Совета Ангел». Откуда это название и какой разу-

меется Совет? Название это взято из книги пророка Исаии, который, пророчествуя о Христе Спасителе сообразно с Его мессианским делом, называет Его различными наименованиями: «Великаго Совета Ангел», «Чуден советник», «Бог Крепок», «Властелин», «Князь мира», «Отец будущаго века» (*Ис. 9, 6*).

Великаго Совета Ангел: Совет здесь разумеется Предвечный; Совет Божий во Святой Троице о сотворении міра, об искуплении грешного человечества кровию Сына Божия, Который Сам восхотел склонить небо и сойти на грешную землю, погибавшую от греха. А кто Ангел этого Великого Совета? Мессия, Христос Спаситель, Сын Божий, по причине совершенно ясной, ибо Он воплотился и вочеловечился, Он принес на землю благую весть, т. е. Евангелие о Царствии Божием, о спасении нашем, Он же нас и спас Своею честною кровию и воскресением.

Остановимся несколько на понятии Совет, и что значит в обыденной нашей жизни обращаться за советом, искать совета? Это когда человек в недоуменных случаях обращается к другому за разъяснением, указанием, и когда он поверяет свои мысли, взгляды и намерения – мыслями другого. Обыкновенно мы обращаемся за советом к тем, коих считаем опытнее нас, или в практическом отношении, если наши вопросы такого именно свойства, или же в духовном, если нас интересуют запросы духа. И советоваться с другими, особенно в духовных делах, имеет большое значение. Часто человек не видит себя, у него может заговаривать собственное самолюбие, страстность, а то и просто у него близорукость, недомыслие. Посторонний же человек может оказаться безпристрастным, спокойным и более дальновидным. А если мы к этому еще присоединим духовную опытность, чистоту души, благодатность человека, то обращение к такому лицу весьма полезно не только в том отношении, что мы поверяем свои взгляды, или получаем нужное для нас разъяснение, но и приобретаем для себя духовного друга, покровителя, молитвенника, живую благодатную силу, которая своим воздействием способна нас поддержать, отрезвить, возродить и укрепить в добре.

Русский простой человек любит обращаться за советом к старцам, духовникам, пастырям. Несколько столетий стоит Священный Кремль и, думается, много здесь перебывало духовных руководителей, много православных людей духовно окормлялось в Кремле. Но люди изменчивы, дух благочестия может падать, могут оскудевать и старцы. И вот Промыслом Божиим у самых ворот Священного Кремля, куда могут идти за советом православные люди, поставлен незыблемый, непоколебимый, вечно живой и неизменяющийся благодатный источник сове-

та – это чудотворный образ Спасителя, именуемого «Великого Совета Ангел». И действительно, кто жаждет милости Божией, духовного утешения и поддержки, тот идет в часовню «Великого Совета Ангел» и здесь изливает пред Самим Господом Богом, этим Великим и Всемогущим Советником свои скорби и нужды и получает по вере просимое, получает от Самого Господа Бога совет.

Идите же сюда супруги и Тот, Кто некогда в Кане Галилейской благословил брак, Он благословит и ваш брачный союз. Вы несчастны в супружестве, в семье у вас распри, раздоры, стремление даже к разводу... Тот, Кто заповедал соблюдать святость и нерасторжимость брака, когда сказал: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (*Мф. 19, 6*), Тот и ваш брачный союз сделает твердым, несокрушимым и даст вам семейное счастье. Идите сюда родители и молитесь о ваших детях и Тот, Кто во время земной жизни любил детей, не запрещал им приходить к Себе и благословлял их, – Тот и ваших детей благословит. Ваши дети ленивы, не успевают в науках – Он просветит их светом Своего Разума; ваши дети непокорны, своевольны и непочтительны, Он научит их быть добрыми и кроткими, как был Он Сам кроток и послушлив своему мнимому отцу – старцу Иосифу, и как Он любил Свою Мать, имея о Ней попечение даже среди тяжелых крестных страданий.

Идите сюда страждущие и обремененные всякого рода болезнями, скорбями, несчастьями, грехами и страстями, и Тот, Кто сказал: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы», – Он и вас примет и подаст упокоение. Если вы больны, исцелит вас, как Он исцелил тещу Петрову; если страждете от грехов, страстей, но каетесь и желаете исправления, Он простит и очистит вас, как Он прощал мытарей и грешников. Если одержимы духом неверия, сомнения, умножит в вас веру, как Он умножил ее у Апостолов. Идите сюда ищущие спасения души своей подвижники духа. Вы последовали стопам Христа Спасителя, взяли крест свой и пошли тесным путем, путем подвигов, поста и молитвы. Но вот вы изнемогаете на сем пути, вы готовы пасть в борьбе с прилогами міра, плоти и духа лукавого; но если вы придете сюда, вы услышите голос Спасителя: «Не бойся, Я с тобою», – и, подкрепленные благодатью Христовой, смело продолжите свой тесный, но спасительный путь.

С левой стороны Спасской башни находится вторая часовня с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери. И если одна часовня у этой башни (справа) посвящена. Спасителю и носит название: «Великого Совета Ангел», то эту часовню в честь Богоматери прилично назвать «Великаго Совета Божия Откровение», ибо впервые откровение,

через Ангела, об исполнившемся Совете Божием искупления людей, получила Пресвятая Дева Мария: «Совет превечный открывая Тебе, Отроковице, Гавриил предста Тебе, лобзая и вещая», – так воспевает в честь Богородицы Св. Церковь.

В той и другой часовне причтом собора Василия Блаженного пред чудотворными иконами служатся молебны. Часовни открыты в течение всего дня.

Св. благоверная Княгиня Московская Евфросиния и основанный ею Вознесенский женский монастырь

Бывают эпохи в жизни отдельных народов, государств, которые оставляют след на все последующие времена. В Византии такой эпохой был так называемый «Золотой век», время, когда жили Константин Великий, Юстиниан, Великие святители – Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст.

У нас в России такой эпохой было время, когда жили св. благоверная Княгиня Евфросиния, св. Алексий, преп. Сергий, основатели таких Великих обителей, как Чудов, Вознесенский монастырь, Троице-Сергиева Лавра, а также время Куликовской битвы, имевшей большое значение в деле свержения татарского ига, установление Дмитровской субботы.

Все, чем мы доселе живем, чем дорожим, что храним, чем духовно утешаемся и что доселе влияет на народную жизнь, – все это получило начало во время жизни св. благоверной Княгини Евфросинии.

Преподобная Княгиня Евфросиния, в міре Княгиня Евдокия, была дочерью Суздальского Князя Димитрия Константиновича. Свое детство она провела частью в Суздале, частью в Переяславле Залесском, затем переехала в Нижний Новгород.

То обстоятельство, что воспитание Евдокии было строго церковное, и сами княжеские терема были при храмах, вложило в ее сердце искру веры и благочестия. В это время удельные Князья часто вели между собой кровопролитную борьбу. Постоянная опасность не могла не

отразиться на ее характере. Она с детства свыклась с мыслью о непрочности земного счастья.

18 января 1367 г. в городе Коломне Княжна Евдокия сделалась супругой Великого Московского Князя Димитрия Иоанновича. Молодая Княгиня оказалась вполне достойной своего великого звания. Исполненная природного благочестия, скромности, она была примерной супругой и матерью. По своим добрым качествам она вполне отвечала самому Великому Князю Димитрию Иоанновичу, который, как видно из летописных сказаний, был также высокого религиозного настроения. Он любил посещать храмы Божии, раздавать милостыню, а молиться он любил настолько, что даже по ночам вставал для молитвенных подвигов. Впрочем и неудивительно было такое настроение Великого Князя: ведь он был воспитанником Великого святителя Алексия.

Поистине была благословенна эта княжеская чета: они жили под покровом Церкви. Будучи религиозными, они стремились входить в общение с духовными лицами высокодуховной жизни. Прежде всего, святитель Алексий был самым близким лицом княжескому семейству. Великий Князь так любил и уважал св. Алексия, что ничего не предпринимал без его благословения, его именем он скреплял даже свои договорные грамоты. Не менее был почитаем и преп. Сергий, этот Великий подвижник и молитвенник земли Русской. Он дважды приглашался быть восприемником от купели святого крещения княжеских детей. К нему Князь постоянно обращался за советом в государственных делах. Перед битвой с татарами на Куликовом поле преп. Сергий дал ему двух своих иноков Пересвета и Ослябю, которые своим присутствием поддерживали бодрость в войсках и даже сами принимали участие в битве. Духовником княжеским был св. старец-игумен Симонова монастыря Феодор, впоследствии архиепископ Ростовский.

Такое содружество Великого Князя и его супруги со святыми людьми не могло не отразиться на их жизни и деятельности. Князь, поверяя все свои начинания мнению св. Отцов, действовал всегда благоразумно, справедливо и успешно, а Княгиня через то же общение утверждалась в делании добра ближним. Все ее внимание было обращено на оказание помощи страждущим, бедным и больным. В этом отношении она поистине была избранницей Божией; а такие люди обыкновенно путем особых испытаний еще более закрепляются в добре и достигают вечной славы.

И жизненных испытаний действительно выпало немало на долю Великой Княгини Евдокии. Она жила во время татарского ига, постоянных татарских набегов на Москву. Муж ее Великий Князь постоянно был наготове, как говорится во всеоружии, дабы каждую минуту идти

на татар. Вот он идет сражаться с ними на Куликово поле и с Божией помощью побеждает их. Вот он, услышав о приближении другого хана Тохтамыша, отправляется в Кострому и Переяславль собирать рать. Что в это время должна была переживать Великая Княгиня за своего любимого мужа! Сколько тревог, сколько страданий!

Правда, после Куликовской битвы была всеобщая радость, так как татары были разбиты, и Княгиня Евдокия встретила с детьми своего мужа у Фроловских ворот (ныне Спасских) Московского Кремля, победоносно возвратившегося с поля битвы. Много было сделано Великокняжеской четой после сего. Они молились в Кремлевских соборах, ездили в обитель Живоначальной Троицы благодарить преп. Сергия за духовную поддержку. Преп. Сергий сам служил панихиду за убиенных, и решили они в память сей битвы и в память павших воинов установить так называемую «Дмитровскую субботу».

Но зато нашествие Тохтамыша принесло много скорби Великой Княгине Евдокии. Князя Димитрия не было в Москве. Без Князя в его Стольном граде сделалось страшное волнение. Начались распри, несогласия. Больше того, Тохтамыш проник в Москву, опустошил и разграбил ее. Великая Княгиня с детьми едва успела выехать из нее. Грустное было возвращение в Москву Великокняжеской четы после ухода Тохтамыша. Все здесь было разорено, уничтожено.

Вскоре Княгиню Евдокию постигло другое испытание: Тохтамыш, как победитель, требовал, чтобы Великий Князь Димитрий Иоаннович явился к нему в орду на поклонение. Невозможно было это допустить, так как его могла ожидать там смерть от диких татар. И вот на Великокняжеском совете решено было отправить старшего сына Димитрия – Василия. Прежде она страдала за мужа, теперь еще пришлось страдать и за сына. Велики были эти материнские страдания! «Буря скорбных помышлений, – говорит церковная песнь в честь Святой, – обдержала преподобную Княгиню Евдокию, егда юный Князь, сын ея, блага ради людей своих волею пойде в жилище ярящихся злонравных агарян, яко овча в ложа диких зверей, и таки, егда сын ея два лета преживе в пленении у безбожных врагов» (*Акафист. Конак 4*).

Но этим испытания Великой Княгини еще не кончились. Едва успел возвратиться из плена ее сын Василий, как тяжело заболел ее супруг Великий Князь Димитрий Иоаннович и во цвете лет (40 лет) умер. Кто опишет и это горе блаженной Евдокии! Только вера в Бога помогла ей перенести его. Чем больше выпадало на ее долю скорбей, тем более она посвящала себя на служение общему благу.

Смерть ее любимого мужа навела ее на мысль устроить женскую обитель; и в сам год его смерти, по известию Степенной (духовной)

книги, она занялась этим делом, причем мысль ее остановилась на самом Кремле.

Около теперешних Спасских ворот, на месте Вознесенского монастыря, находились великокняжеские терема, их то и решила приспособить для обители Евдокия, тем более что княжеские чертоги были перенесены в новые здания, построенные на западной стороне Успенского собора. Казалось бы, что при таком святом настроении Княгине Евдокии ничего не оставалось другого, как удалиться во св. Обитель. Но она этого сразу не делает. Перед ней оставался еще долг матери, надо было воспитать детей, и, оставаясь во дворце, она была матерью не только своих чад, но и всех подданных, проявляя милосердие к страждущим, устраивая церкви и обители.

Не касаясь дел правления своего сына Василия, она, однако, много ему помогала своими молитвами и духовными советами. Между прочим при ее участии было перенесение чудотворного образа Божией Матери Владимирской. На Россию надвигалась страшная гроза. Подходил грозный татарский завоеватель Тамерлан, который на своем пути все истреблял огнем и мечем. И вот в помощь нашему воинству был перенесен в Москву святой образ. Исстрадавшийся народ вместе с благоверной Княгиней Евдокией и Князем Василием встретили сей образ; не было человека, который бы не плакал. Упав ниц, соединяясь в одной мольбе, народ взывал: «Матерь Божия, спаси землю Русскую!» И в тот самый день и час Тамерлан, устрашенный во сне видением Грозной, Светоносной Жены в воздушном пространстве, поспешно возвратился назад.

Между тем, благочестие Княгини Евдокии возрастало. Она рвалась к подвигам, к подвижничеству. Но как было то соединить с жизнью в царском чертоге. Не скрывать своих подвигов – это значило бы сразу создать себе славу; что противно христианскому смирению и опасно для самообольщения. И вот она всячески старается скрывать их. Она одевается в царские одежды, не чуждается общества и развлечений. Это внешнее ее поведение было настолько светское, что даже появилась клевета о ее сомнительном вдовстве и т. п. Это привело в смущение ее сына Василия и всех детей. Чтобы подкрепить их дух, а, может быть, дать им и назидание, как нужно быть осторожным с клеветой, она призвала их к себе и обнаружила перед ними свое изможденное от подвигов и от ношения тяжелых вериг тело. Дети ужаснулись и возблагоговели перед подвигами матери. Однако преп. Евдокия взяла с них слово содержать в глубочайшей тайне ее подвижничество, не доверять людской клевете и главное не мстить тем, кто говорит ложно о ее поведении.

Между тем время шло; дети Евдокии все выросли, и ее обязанности как матери отходили в сторону. И вот она решается окончательно перейти на жительство в основанную ею Вознесенскую обитель. К этому шагу она была предуготовлена видением Архангела Михаила, образ которого сильно запечатлелся в ее сознании, так что она велела даже его написать по своему указанию и всегда потом благоговела перед ним.

Перешла Евдокия в обитель в 1407 году 17 мая и подъяла все иноческие подвиги, приняв ангельский образ с именем Евфросинии.

Спрашивается, зачем преп. Евфросиния прекратила свою деятельность в міру и удалилась в монастырь? Не лучше ли ей было и умереть на этом посту – служения ближним? Какой смысл удаления в монастырь? Вот что мы можем на это ответить: с одной стороны, это дальнейшая ступень духовного роста человека, а, с другой, и особый высший род служения добру, служения и ближнему.

Нужно помнить, что внешнее благотворение скоро забывается, а духовное влияние во веки живет. Сколько ни делай добра, всем не угодишь, а нареканий бывает всегда много. Сделанное добро забывается, а нарекания парализуют нравственное обаяние личности, и так живет человек и безследно умирает. В иночестве все успокаивается. Все земное отходит и выступает одно вечное. И то, что сделано было в міру доброго, является тогда фундаментом для духовной славы личности, а вместе и духовного влияния на других.

Перед нами живой пример одного старца. Он стоял во главе большой обители, был ее настоятелем. И можно было сказать, что доброе его тогда не замечалось, а все человеческое сильно подмечалось. Когда же он затворился, обаяние его личности сделалось заметным и сильным. Так было и со Св. Евфросинией. То обстоятельство, что она ушла в обитель, создало ей вечную славу и продолжает ее дело и до сего дня.

Внутренняя, духовная, сокровенная в Господе жизнь является, таким образом, завершением дела человека, посвятившего себя и всю свою жизнь Богу и ближним. И в самом деле, посмотрите, какое великое духовно-нравственное значение имеет то обстоятельство, что преп. Евфросиния облеклась в ангельский образ и окончила жизнь свою во Святой обители. Она за 500 лет явилась духовной матерью многих тысяч инокинь. Ведь каждая насельница Вознесенской обители, прежде всего, благословляется у Преподобной, ее считает своей Небесной покровительницей, от нее почерпает силы на иноческую жизнь и подвиги.

Далее, благодаря тому, что преп. Евфросиния окончила свои дни в обители и легла здесь для вечного упокоения, она как бы продолжает до сего дня то дело милосердия ближним, которое она так усердно проявляла при жизни своей. Ведь в обитель, а не куда-либо в другое место, русский народ идет за утешением, духовной поддержкой. И св. преп. Евфросиния, перейдя в обитель, как бы перенесла сюда, здесь открыла свой прием всех страждущих и болящих. Посмотрите, сколько она здесь в Вознесенской обители за те же 500 лет приняла таковых! Если мы сосчитаем по одному в день, то за 500 лет получается около 200 000 человек. А разве по одному в день она утешает! Стоит только на час остановиться у ее раки честных мощей, чтобы видеть, какой обильный приток молящихся при ее гробнице, и это, конечно, потому, что не тща ее молитва за нас пред Престолом Божиим.

Преподобная Евдокия вступила в обитель 17 мая 1407 года. Ее шествие из дворца сопровождали многие бояре, дети со многим плачем и рыданием. Собралось немалю нищих, убогих и слепых. И уже шествие Преподобной ознаменовано было проявлением милости Божией к ней и к людям. Один слепец воззвал к ней: «Боголюбивая Княгиня, нищих питательница! Ты всегда питала и одевала нас, нищих. Сделай мне и теперь милость, дай прозреть, как ты обещала. Ибо сию ночью я видел тебя во сне, и ты сказала: «Завтра дам тебе прозрение». Княгиня, как бы случайно, опустила рукав одежды, и слепец, ощутив его в руке, с верой дерзнул отереть свои глаза и прозрел к удивлению всех. Тогда же во время шествия св. Евфросинии обнаружено было еще около 30 случаев исцеления больных. Явления милости Божией при помощи преподобной Княгини Евфросинии продолжаются до сего дня.

Перед ракой Преподобной горит несколько лет неугасимая лампада. Это дар одного благоговейного Князя за чудное выздоровление сына его после возложения на последнего пелены с гробницы преп. Евфросинии. Более 500 лет существует Московский Вознесенский девичий монастырь. В течение этого времени много им пережито, много было перемен, изменений как во внешнем его устройстве, так и внутреннем. Нас интересует святыня кремлевская. В настоящее время святыни Вознесенского монастыря составляют:

I. Соборный, монастырский храм во имя Христа Спасителя, в честь и память преславного Его вознесения на небо начат построением в 1407 году, мая 20 дня на средства Великой Княгини Евдокии Димитриевны, вдовствующей супруги Великого Князя Димитрия Иоанновича Донского, во иночестве Евфросинии. В 1467 году сей храм освящен был 3 ноября Всероссийским митрополитом Филиппом I.

Этот храм служил усыпальницей многих Царственных особ женского пола с 1407 года по 1731 год.

С северной стороны к соборному Вознесенскому храму пристроен придельный храм во имя Божией Матери, в память честного и славного Ее Успения. Храм сей поставлен в 1731 году. Строителем его был родной брат Царицы Прасковьи Федоровны, действительный тайный советник, Московский Генерал-Губернатор Василий Феодорович Салтыков.

В предалтарье сего храма, с юго-восточной стороны, устроен в 1732 году придельный храм во имя Божией Матери Всех скорбящих Радости на средства Императрицы Анны Иоанновны. Пред иконостасом этого придельного храма погребена сей Государыни Императрицы родная сестра, Царевна и Великая Княгиня Параскева Иоанновна.

Из св. икон сего святого храма, прежде всего, примечательна Смоленская икона Божией Матери, почитаемая с давних пор чудотворной, к которой прибегают с молитвой многие верующие.

Смоленская икона Божией Матери, Одигитрия вышиною 2 аршина, шириною 1 аршин 10 вершков, древнего греческого писания, находится на левой стороне царских врат иконостаса соборного Вознесенского храма. В XVII веке икона эта была поднимаема в так называемые тогда большие крестные ходы 23 июня и 26 августа. На сей иконе древний венец с *городами*, убрус, *гривни* или цата богато украшены жемчугом и драгоценными камнями. Риза сребропозлащенная на сей иконе сделана тщанием игумении Трифены из монастырского серебра 1814 года. С сей святой иконы, по повелению Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны, в иконописной палате Троице-Сергиевой Лавры сделана точная копия, находящаяся в Петроградском Дворце Их Императорских Величеств.

За правым столпом при южной стене храма почивают под спудом честные мощи основательницы Московского Вознесенского монастыря Великой Княгини Евдокии, во инокинях преподобной матери Евфросинии. В 1872 г. устроена была благолепная рака с балдахином над гробницей преподобной Евфросинии. Тогда же украшен и венец у гробовой иконы преподобной Евфросинии многими драгоценными камнями и жемчугом.

Замечательные дни в жизни преподобной Княгини Московской Евфросинии:

4 августа – день ангела ее от рождения.

25 сентября – день ангела ее во иночестве.

17 мая – день вхождения ее в обитель Вознесения Господня, что в Московском Кремле.

7 июля – день преставления преподобной Княгини Евфросинии.

Преподобной Евфросинии читается в каждое воскресение после поздней Литургии акафист с умилительным пением сестер обители.

Кроме святой иконы Одигитрии в Вознесенском храме почитается чудотворною икона Богоматери Всех скорбящих Радости, находящаяся в скорбященском иконостасе в левой стороне от царских врат. Многие молящиеся прибегают в молитвах к Царице Небесной пред сей святой иконою, и священнослужители совершают молебствия во всякое время по желанию молящихся.

II. В юго-восточном углу площади Вознесенского монастыря, почти рядом со Спасскими воротами Кремля, находится каменный о двух этажах теплый храм во имя преподобного Михаила Малеина с придельным храмом во имя святого мученика Феодора, иже в Пергии.

Многие уцелевшие в архивах памятники родной старины дают основание считать строительницей сего св. храма матерь первого Царя из Дома Романовых Михаила Феодоровича – Великую старицу-инокиню Марфу Ивановну, жившую в Московском Вознесенском монастыре 18 лет после приезда ее из Костромы в Москву. О времени построения сего храма не имеется точных известий. Можно утверждать, что он был построен между 1605 и 1617 годами.

В сем святом храме имеются следующие чудотворные иконы:

1) Икона Господа Вседержителя, иконного писания XVIII века, значительной величины. В настоящее время она украшена массивною серебряною, вызолоченною ризою и помещается в трапезе храма, в киоте между дверями в храме преподобного Михаила Малеина и придельной церкви святого Феодора. К сей св. иконе многие христиане прибегают с молитвою. Основанием для такого особенного почитания сей иконы служат нередкие опыты благодатной помощи, в разное [время] явленные над лицами, с верою искавшими пред сей св. иконою духовного утешения и помощи в скорбях и печалях.

2) Икона св. Великомученика Георгия Победоносца. Это древнее изображение Великомученика на коне, во весь рост, изваянное из белого камня. На всаднике дощатая броня по колена; одной рукою он держит поводья, а копьем в другой руке поражает простертого у ног своих дракона. Сие изображение, вышиною в три аршина, находится при входе в придельный Феодоровский храм в устроенной нише. Эта каменная икона св. Георгия Победоносца находилась некогда на Спасской башне и служила гербом для Москвы.

III. Храм во имя святой Великомученицы Екатерины занимает южную часть площади, на которой построен Московский Вознесенский монастырь. Храм этот каменный, теплый, построен по повелению Им-

ператора Александра I на средства из государственной казны на месте существовавшей с XVII столетия и за ветхостью разобранной в 1808 году церкви того же наименования. Закладка этого храма совершена в 1808 году, а в 1809 году он вчерне был окончен и в таком виде оставался до 1817 года. В конце этого последнего года он был освящен.

В 1875 году в сем храме устроены два придела: один во имя Божией Матери, ради иконы ее Казанской, другой в память Рождества Иоанна Предтечи Господня.

Из святынь, принадлежащих этому храму, особенно примечателен Казанский образ Богоматери, местный, в приделе Ее имени. Издавна сия св. икона составляет украшение Вознесенского монастыря. Она была принесена в обитель в XVIII веке княжною Барятинскою Анною, бывшею в числе схимонахинь Вознесенского монастыря. Княжеский род Барятинских украсил сию святыню драгоценной золотой ризою, которой покрыта и доныне. Царица Небесная чрез сию св. Икону оказывает благодатную помощь всем христианам, прибегающим к ней с усердной молитвой.

В храме св. Великомученицы Екатерины с давних пор имеются два бронзовых аналогия прекрасной работы, в них помещаются следующие части св. мощей святых угодников Божиих:

Первый аналогий, стоящий внизу иконы преподобной Евфросинии, помещающейся у южной стены описываемого храма: Иоанна Предтечи, Тихона Чудотворца, Василия Амасийского, Князя Владимира, св. Варсонофия, св. Иоанна Златоуста, преподобного Макария, Григория Паламы, преподобного Павла послушливого, великомученицы Варвары, мученицы Иулиании, Феодора Стратилата, Нила Чудотворца, Феодора Тирона, евангелистов Матфея, Марка и Луки, апостола Андрея, Василия Великого, Григория Богослова, Сергия Чудотворца, Антония Великого, Иоанна Дамаскина, преподобного Евфимия Великого, апостола Филиппа, Иоанна Милостивого, св. Германа, мученика Димитрия, Феодора Стратилата, мученика Прокопия, Лазаря Четвородневного, св. Гурия, Ефрема Сирина, митропол. Киевского Михаила, преподобного Феодора, преподобного Николы Святоши, преподобного Василия, преподобного Исаакия Затворника, Нифонта епископа Новгородского.

Второй аналогий находится под иконой Иверской Божией Матери, которая помещается на левом столпе храма Великомученицы Екатерины.

В этом аналогии хранятся следующие св. мощи св. угодников Божиих: Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста, Николая Чудотворца, Петра и Алексия Святителей Московских, Иоанна Милостивого, Никиты

епископа Новгородского, Исаии епископа Ростовского, Игнатия Богоносца, Авраамия Ростовского, мученика Пантелеимона, св. Пафнутия, часть древа Животворящего Креста Господня, Григория Богослова, Риза Спасителя, архимандрита Поликарпа, мученика Дамиана, часть клобука преподобного Сергия Радонежского; смирна, от волхвов Христу принесенная, власы Царевича Димитрия, великомученика Георгия, великомученицы Ирины, Феодора Тирона, Князя Константина Ярославского, Князя Владимира, Гурия Казанского, Димитрия Чудотворца, Афанасия Патриарха и святых младенцев Вифлеемских*.

* Сведения о святынях Вознесенского монастыря получены от протоиерея этого монастыря о. Александра Пшеничникова.

ПЕЧАТНЫЙ АНТИМИНС 1612 ГОДА

Описываемый нами антиминс 1612 года, ныне находящийся в Патриаршей ризнице, печатан на грубом редком холсте с оловянной доски. Последнее обстоятельство подтверждается присутствием тех мелких штрихов, которые возможны лишь на таком мягком и податливом металле, как олово, где они выходят несколько расплывчато, не так тонко и отчетливо, как на меди, но и не так резко и толсто, как на дереве.

Размер антиминса 67,4х49,2 сантиметра. Средина его занята рисунком Положения Спасителя во гроб, в 10 фигур, с семистрочной славянской надписью крупной вязью; в углах четыре символа Евангелистов (тетраморф); кругом, между двух линий, кайма из травного ѕєло-образного орнамента вперемежку со звездами о восьми лучах.

Спаситель возлежит на плите гроба, головою вправо от зрителя[959]; руки протянуты вдоль тела; на крещатом нимбе, над теменем, видна одна из трех обычных букв – О. У изголовья склонившаяся к Спасителю и обнимающая Его голову Богоматерь; на нимбе буквы МР ѲѴ. Рядом с Ней три жены с печальным выражением лиц, без надписей, – очевидно (по сравнению с другими печатными антиминсами), Мария Магдалина, Мария Клеопова и Мария Иаковля. У ног Спасителя два старца, без надписей, – очевидно, Иосиф Аримафейский и Никодим; затем Иоанн Богослов с надписью над нимбом: ІѠАᴺ. За гробом семиконечный крест; по сторонам дщицы крупные буквы в размере вязи: ІС ХС. Под перекрестьем два склонившихся ангела с платами в руках; над каждым надпись скорописного характера: аг҃лъ г҃днь. Гроб в виде прямоугольного ящика; под ним панорама горной цепи. Быть может, резчик хотел изобразить здесь Голгофу и вообще прилежащие гористые окрестности Иерусалима.

В четырех квадратах по углам, как выше упомянуто, помещены тетраморфы. Каждый символ Евангелиста крылатый, в нимбе, и держит закрытую книгу (Евангелие). В верхнем левом квадрате ангел; надпись:

Антиминс 1612 г.

Матфеи. В верхнем правом – орел; надпись: **Марко.** В правом нижнем – телец; надпись: **Лоука.** В левом нижнем квадрате – лев; надпись: **Иоанъ.** Самые символы изображены правильно, согласно традиции, идущей из христианской древности; но резчик, проставляя надписи, по-видимому, увлекся современной ему практикой хождения *посолонь*, в результате чего орел оказался символом Марка, а лев – Иоанна.

На антиминсе сверху до низу, в свободных от рисунка местах, расположена славянская надпись в семь строк вязью; вышина букв (неодинаковая) приблизительно 3,3 сантиметра (3/4 вершка).

Надпись читается так*: «Освятися олтарь Великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во имя Святыя Софеи Премудрости Божия Слова Преосвященным Селивестром, епископом Корогъским [*поправлено из:* Волог] и Оресшким при державе Благоверных и Христолюбивых Князей Российския Державы. Лета 1612 месяца апрелия в 9 день. На память святаго мученика Евпсихия и святаго мученика Помплия иж с ним индикта 10».

На оборотной стороне, у средины верхнего края антиминса, пришит мощевой мешочек из коричневой холстины. В семи местах

---

* Надпись дана в современной орфографии. – *Сост.*

сохранились следы крестов от помазания св. мvром при освящении. Антиминс поступил из Вологды в девяностых годах предшествующего столетия.

Карельская и Орешская епископия была учреждена в 1593 г. в городе Карелах или Кексгольме, теперешней Выборгской губернии. Первым Карельским и Орешским епископом и был *Сильвестр* с 1593 г. В 1611 г. Карелия была завоевана шведами; в июле этого же года епископ *Сильвестр* стал управлять архиепископией Вологодской и Великопермской, а с 11 июля 1613 г. был епископом Псковским и Изборским до самой кончины своей 1 декабря 1615 г.

В 1612 г. епископ *Сильвестр*, нося титул Карельского, управлял Вологодской епархией. Этим обстоятельством вполне объясняется неудачно заглаженный промах резчика, который сначала хотел было титуловать епископа *Сильвестра* Вологодским, но, увидев ошибку, намеревался заменить титул Вологодского Карельским, но поправка эта вышла неясной.

Антиминс, как мы говорили уже, поступил в Патриаршую ризницу из Вологды. Естественно, что епископ *Сильвестр*, по занятии Карелии шведами, не мог освящать антиминсов в прежнюю свою епархию. Для какого же храма был освящен данный антиминс? Мы полагаем, что не ошибемся, если признаем его освященным для Софийского кафедрального собора города Вологды.

Трудно представить себе, к кому должен быть приложен титул «Благоверных и Христолюбивых Князей Российской державы», при *державе* которых напечатан антиминс. Два современных ему исторических документа проливают скудный свет на этот вопрос. Это, во-первых, грамота епископа *Сильвестра* из Вологды к одному из вождей народного ополчения, стольнику Князю Димитрию Михайловичу *Пожарскому*, в которой он сообщает последнему в тоне жалобы о разорении Вологды литовскими людьми (казаками *Хоткевича*) 22 сентября 1612 г., приключившимся потому, что «пропили город Вологду воеводы»[960]. Грамота эта, несомненно, свидетельствует о некоторых отношениях, существовавших между епископом *Сильвестром* и Князем *Пожарским*.

Другой документ – жалованная грамота боярину и воеводе Князю Димитрию Тимофеевичу *Трубецкому* на вотчину Вагу, данная от духовных и светских властей в январе 1613 г. В ту пору Москвой и Русью правила земщина, от имени которой и писана грамота, начинающаяся так: «Божиею милостию великих государств Российскаго царствия митрополиты и архиепископы и епископы, и весь освященный собор, и цари и царевичи разных земель, которые служат в Московском

Государстве, и бояре, и околничие, и столники, и стряпчие, и дворяне, и приказные люди, и дворяне из городов, и дети боярские, и всякие служилые, и гости, и торговые и всяких чинов люди Московскаго Государства приговорили»...[961] Ни о какой «державе» Благоверных и Христолюбивых Князей Российския державы здесь нет, да и не могло быть речи. К кому же тогда относится этот загадочный титул Вологодского антиминса? Уж не к Князьям ли *Д. М. Пожарскому* и *Д. Т. Трубецкому*, двум вождям народного ополчения, спасшим Москву и Царство Московское от окончательной гибели в год великой «разрухи»? Во всяком случае, это не более как предположение, и вопрос остается открытым.

Описанный антиминс – несомненный уник. В ряду других печатных антиминсов он представляет явление исключительное и возбуждает к себе внимание с разных сторон.

1) Это – хронологически первый отдельный гравированный лист. *Ровинский* указывает первые гравюры на отдельных листах с оловянных досок Киевской работы 1612 г.: «Смерть на бледном коне» и «Странствование св. Антония»[962]; наш антиминс опережает их на 14 лет.

2) Это доселе неизвестный, первый по времени печатный антиминс на Руси. *Ровинский*, следуя протоиерею *К. Никольскому*, древнейшим печатным антиминсом считает антиминс Киевской печати 1627 г.[963] Но в Патриаршей ризнице имеются три и более ранних антиминса южнорусского происхождения. Один из них 1620 г.; место печати определить нельзя, но характер изображения и текст надписи сближают его с двумя другими антиминсами 1622 и 1626 гг. Киевской печати. Наш антиминс опережает южнорусские на 8 лет. В Москве стали печатать антиминсы лишь при *Патриархе Никоне* в 1662 г. Наконец, в Патриаршей ризнице имеется целая серия антиминсов, печатанных в Вологде в более позднее время, в двадцатилетнее управление тамошнего епископа *Симона* (1664–1684).

3) По замыслу гравированного рисунка это, так сказать, предтеча, прототип современных антиминсов. Рисунок Киевских и вообще южнорусских антиминсов (Спаситель, восстающий из гроба) не удержался в церковном обиходе, как носивший явные следы влияния католического изображения Воскресения Христова. Рисунок Вологодских антиминсов второй половины XVII века (четвероконечный крест) возвращал наших предков к простоте рукописных антиминсов и не соответствовал возникшей потребности наглядного согласования символических действий Литургии с внешностью литургических предметов (положение Спасителя во гроб знаменует перенесение св. даров с жертвенника на престол). Ранее, когда антиминсы прибивали или пришивали к престолу под индитией и в подо-

бающее время развертывали только илитон (что с греческого – εἰλητόν – и означает развернутый плат), не чувствовалось нужды в видимом изображении воспоминаемого события; теперь, когда с эпохи Никона антиминс начинают полагать на престоле поверх одежды и развертывают его вместе с илитоном, в который он облечен, – и возникла потребность в видимом изображении положения Спасителя во гроб. Это – самое естественное для антиминса изображение. Мысль о соответствии литургических действий с символизируемым ими событием давно уже сознавалась нашими предками, которые издревле на большом воздухе, покрывающим потир и дискос вместе (и из которого впоследствии произошла наша плащаница), изображали обыкновенно Положение Спасителя во гроб (у греков то же, под названием επιταφίοσ θρῆνος).

Теперь надлежало лишь перенести на антиминс это изображение, что и было сделано в виде первого опыта неизвестным по имени граверо́м в Вологде на антиминсе 1612 г.

Известный и похвальный в церковном деле консерватизм наших предков на сорок лет задержал это нововведение, или, по тогдашнему, новшество, которое лишь с 1652 г., уже при *Никоне*, прочно установилось, вошло в церковный обиход и существует доселе в Православной Русской Церкви.

В заключение мы должны отметить, что этот антиминс был описан в числе *рукописных* (sic!) прот. *Н. А. Соловьевым* в его печатном «Описании Вологодских рукописных антиминсов» (см. отд. оттиск из IV тома «Московской церковной старины». М. 1911 г. № 9, на стр. 4-6; снимок, сильно уменьшенный на табл. 1, под № 9).

Епископ Серпуховской Арсений (Жадановский).

Иеромонах Арсений (Жадановский). *Публикуется впервые.*

Архимандрит Арсений *(слева)* с неизвестным иеромонахом.
Публикуется впервые.

Епископ Феодор (Поздеевский). Фотография А. П. Платонова. Сергиев Посад. *Публикуется впервые.*

Владыка Феодор. Последний прижизненный снимок.

Епископ Феодор (Поздеевский) и епископ Арсений (Жадановский). 1910-е годы.

Архимандрит Серафим (Звездинский) – помощник наместника Чудова монастыря.

Епископ Серафим (Звездинский) в саду Аносиной пустыни. 1926 г.

Архимандрит Чудова монастыря о. Филарет – духовник сестер Аносиной пустыни.

Иконы Спасителя и Божией Матери работы художника К. П. Степанова, пожертвованы в Гефсиманскую женскую общину Зарайского уезда Рязанской губернии Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной.

Великий Князь Сергий Александрович.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.

Игумен Герман – настоятель Зосимовой пустыни, духовный отец вл. Арсения.

Игумен Герман пишет икону. *Публикуется впервые.*

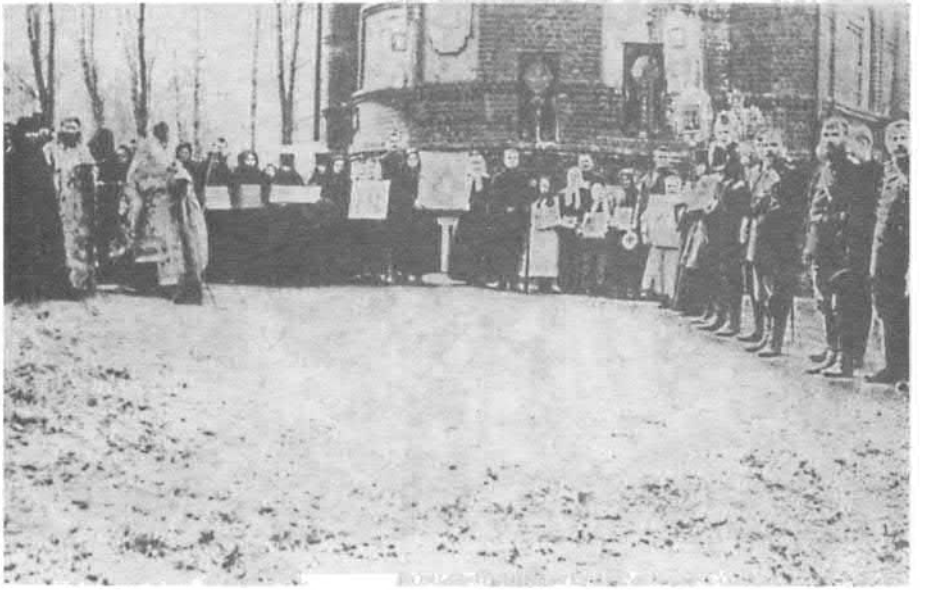
Старец Алексий Зосимовский. 1916 г. *Публикуется впервые.*

Старец о. Алексий Зосимовский. *Публикуется впервые.*

Восточная сторона каменного корпуса для сестер Гефсиманской обители. Внизу видны окна алтаря церкви, освященной в честь Успения Божией Матери. Над ним алтарь церкви в честь Вознесения Богородицы на небо.

Крестный ход со св. иконами вокруг Гефсиманского храма после Литургии

Царская Семья в Киево-Печерской Лавре в дни открытия памятника Императору Александру II. Лето 1911 г. Впереди – митрополит Киевский Флавиан (Городецкий). Фото Е. Е. фон Гана.

Высочайший выход из храма.

Митрополит Московский Макарий (Невский) среди воспитанниц Шамординского приюта. Слева от Владыки – **шамординская игумения** Валентина. **За ней** *(крайний слева)* – старец о. Анатолий (Потапов). **Справа от него – последний настоятель Оптиной пустыни** архимандрит Исаакий 2-й (Бобриков).

Митрополит Киевский Владимир (Бого явленский).

Архиепископ Вологодский Никон (Рождественский).

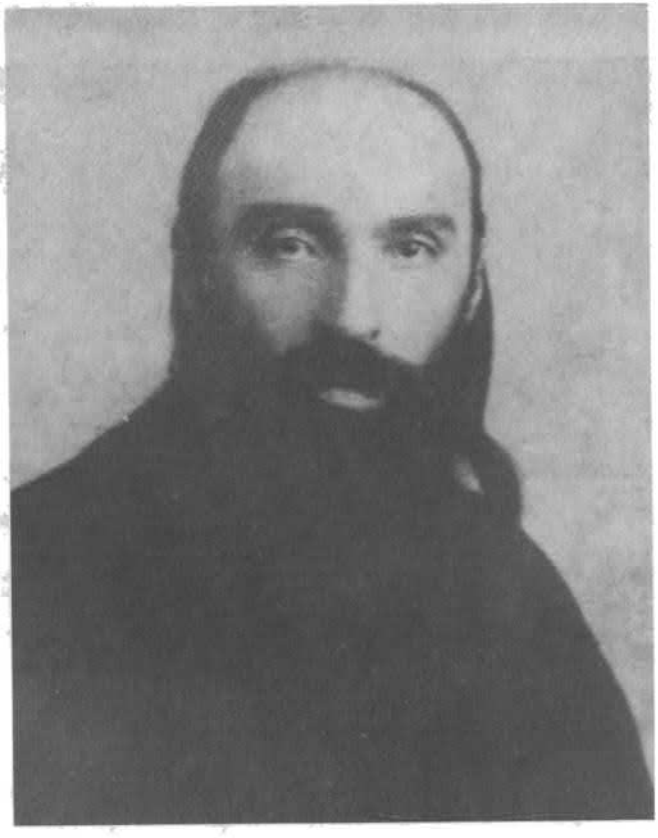
Протодиакон Константин Розов

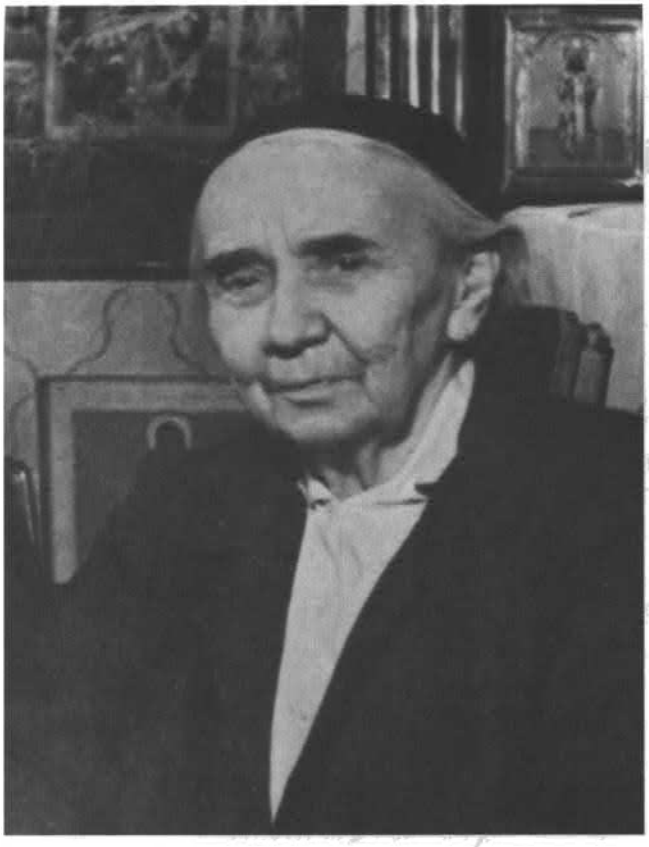
Погребение Патриарха Тихона. Донской монастырь.

Святитель Макарий и иерей Георгий Горев. Николо-Угрешский монастырь. *Архив схимонахини Анны (Тепляковой). Публикуется впервые.*

Священник Михаил Шик – расстрелян по одному делу с епископом Арсением.

Монахиня Серафима (Ольга Серафимовна Дефендова) – келейница святителя Макария.

К. К. Апушкин, автор воспоминаний о владыке Макариии, после окончания Костромской гимназии. 1918 г. *Публикуется впервые.*

Епископ Арсений (Жадановский).

ВОСПОМИНАНИЯ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК И ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ПАЛЕСТИНУ

I.

Вступление. Одесса. Константинополь. Афонские подворья и иноки их. Св. София. Храм св. Ирины и музей. Успенская церковь (Скоропослушницы). Греческие клирики. Отношение восточных людей к лицам духовного звания. Живоносный Источник. Порядок благословения. Влахернский храм. Св. Феодор Студит и бывший его монастырь. Патриархия. Хранение св. мощей. Вселенский престол (кафедра св. Иоанна Златоуста). Повешенный в 1821 г. янычарами Патриарх Григорий V. Особенности богослужебного чина в греческой церкви.

На мою долю выпал жребий быть современником в Москве различного рода событий общественной и церковной жизни, носивших часто радостный, но безпокойный характер.

В мае 1913 г. пришлось участвовать в празднествах прославления святителя Ермогена, после которого в начале июня, по возвращении от одной всенощной, у меня вдруг явилась мысль съездить в Палестину, куда давно порывалось сердце. О своем намерении я сообщил преподавателю Московской Духовной семинарии, одному студенту и двум боголюбивым чадам. Все они изъявили готовность отправиться со мною в путешествие. Через два дня, заручившись благословением угодника Божия Алексия, мы были уже на Брянском вокзале.

Немногие из моих друзей узнали о нашем паломничестве, но и те посчитали долгом проводить нас. Отъезд сопровождался благопожеланиями и слезами.

О Палестина! О град святый Иерусалим! Что-то высокое, восхитительное переживаешь, когда слушаешь рассказы о Св. Земле. На душе делается легко, отрадно, и сам начинаешь стремиться туда. Забываются и трудность пути, и слабость здоровья, и обязанности службы, и семейное положение, и материальная необезпеченность, – словом, все то, что часто действительно служит препятствием к осуществлению указанного благочестивого желания.

Двумя побуждениями, однако, руководствуются люди, направляясь во Св. Землю. Одни едут, чтобы покаяться и помолиться у самого Гроба Господня, где дарована нам вечная жизнь и Царствие Небесное, другие – лишь обозреть достопримечательности. Отсюда и настроение получается различное. Первые возвращаются домой с сильным религиозным воодушевлением, с глубоким, неизгладимым впечатлением; вторые, заметив там небрежное отношение греков к святыне, уничиженное состояние ее от турок, начинают говорить: «Лучше не видеть поругания христианской веры, дабы не смущаться и не разочаровываться!..» Но мы все же считаем каждого, съездившего в Палестину, счастливым, потому что таковой удостоился припадать к Голгофе, лобызать Живоносный Гроб Господень, омываться в струях Иорданских и ходить, где ступали Пречистые ноги Сладчайшего Спасителя.

Представьте себе: в морской пучине находится драгоценный камень, который трудно достать. Но ты, невзирая ни на какие опасности, бросаешься в воду и извлекаешь его. Не правда ли, радости твоей нет конца: понесенные невзгоды и опасности забываются, неблагоприятная внешняя обстановка, холод, сырость, грязь не вспоминаются...

Так и всякий раб Христов, достигший наивысшего сокровища, Гроба Господня, настолько преисполняется духовным утешением, что не замечает вокруг себя ничего земного, а только льет слезы умиления и не хочет расстаться со св. Местами; если уезжает, то сердцем навсегда приковывается к ним. Не потому ли у нас на Руси много лиц, по несколько раз ездивших в Палестину!..

Путь сюда из Москвы лежит через Одессу. Мы взяли билеты в поезде прямого сообщения и имели большую остановку в Киеве.

Пользуясь временем, побывали в Лавре, в златоверхом Михайловском монастыре и в некоторых церквах.

Одесса, хотя является и нашим городом, но русского в ней мало. Улицы переполняются людьми разных национальностей, магазины в руках иностранцев и т. п. Только в православных храмах наблюдается родная атмосфера. Мы заходили в собор и видели у чудотворного образа Богоматери молящихся на коленях, со слезами, как это обычно встречается в Москве. Там же священник в ризе протяжно, с умилением читал акафист. И показалось нам, что храмы на Руси являются охранителями всего национального, самобытного; особенно такая мысль озаряла, когда поклонялись праху знаменитых херсонских иерархов: Димитрия, Никанора и Иннокентия, взявших на себя как бы задачу служить здесь оплотом Православия.

Посетили, далее, женскую обитель, где постояли вечерю и утешились тихим стройным пением, благоповедением инокинь, чистотою

храма, – словом, чем украшаются наши девичьи монастыри, точно сговорившись держаться везде одинаково.

В Одессе нас задержало получение заграничного паспорта, ожидание подходящего парохода. Наконец мы сели на пароход «Иерусалим», державший рейс в Афины и Александрию. Русских пассажиров на нем оказалось мало, да к тому же они, по своей скромности, были незаметны, зато иностранцы держались развязно, предъявляя разного рода требования. В этом, отчасти, нужно винить самую команду корабля, легко уступавшую натиску иностранцев.

Через ночь показался Константинополь. Переезд сюда от Одессы легкий, непродолжительный. Подъезжая, все обыкновенно любуются Босфором – проливом в 10 верст длины, с берегами, считающимися едва ли не самыми красивыми в міре. Но наше внимание остановилось не на них. Мы с нетерпением ждали, когда покажется Св. София, с какой стороны, и скоро ли будет видна?

А вот, наконец, слева и она, окруженная четырьмя минаретами с большим куполом, венчавшимся полумесяцем, тогда как некогда на ней сиял Крест Христов. Стоявший с нами на палубе благочестивый грек, ехавший из Москвы на родину, взирал на свою прежнюю столицу, некогда украшенную множеством храмов, не выдержал и прослезился.

В Константинополе нас встретили афонские иноки. В таком большом центре, среди восточной сутолоки они для паломников являются поистине ангелами-хранителями, ибо дают приют, кормят, показывают все достопримечательности, узнают о времени отправления парохода и провожают вас. А их подворья точно оазисы в непроходимой пустыне.

Мы остановились вблизи пристани, на Пантелеимоновском [подворье], представляющем собою высокое, неширокое, подобно башне, в несколько этажей здание, с церковью наверху. Кругом него все чужое, мусульманское. Прилегающие улицы узки, постоянно кишат народом, который куда-то бежит, неистово кричит и чем-то торгует. Тут же безпрерывно проводят с музыкой и пением танцующих медведей, обезьян и т. п.

Но стоишь в подворском храме, на вышке, слушаешь Божественную литургию и думаешь: «А Господь-то везде с нами», – и как отрадно в этом, именно в этом месте, взирая на небо, уйти душою от житейской суеты и мірского развращения, так ощущаемого внизу, в толпе людской. При подобных мыслях от всего сердца благодаришь афонцев, взявших на себя великий подвиг служить и помогать собратьям-христианам среди неверных. Как если кто-либо, вышедши в бурю на дорогу, старается спасти заблудившегося путника, так и эти иноки, поселившись в мусульманской стране, являются небесными посланцами для русских странников.

По приезде первым нашим желанием было поскорее обозреть Св. Софию, куда немедленно же отправились с одним из указанных провожатых, показавшим нам все древности Царьграда.

Св. София! Сколько с нею связано воспоминаний. Сей замечательный храм, как известно, построен в VI веке греческим Императором Юстинианом, следовательно, около 15 веков тому назад. Будучи по размерам в 4 раза больше храма Христа Спасителя в Москве, он может вместить 50 тысяч человек. Несмотря на такую обширность, внутри он светлый, открытый, незагроможденный колоннами и пристройками.

Входим, и перед нами открывается целая площадь, замыкающаяся на востоке алтарной апсидой, полукруглый выступ-амвон также весьма большой, Престол, сделанный из драгоценных материалов и слоновой кости, по описанию историков, являлась верхом художественной работы. Вокруг красовалась следующая надпись: «Твоя от Твоих Тебе приносим рабы Твои, Христе, Иустин и Феодора, якоже благосердно приими, Сыне и Слове Божий, Воплотивыйся и Распныйся за ны, и нас в православной Твоей вере соблюди и град, его же нам вверил еси, во славу Твою умножь и сохрани молитвами Богородицы и Приснодевы Марии». Над престолом висел золотой крест, колебавшийся во время пресуществления Св. Даров (см. житие св. Игнатия, 23 октября).

В 1204 году латиняне, завладев Царьградом, думали увезти в Италию все святыни, но корабль их во время бури в Мраморном море потонул, а с ним и все захваченные сокровища. Предание доселе указывает место катастрофы.

В Константинопольском храме «Премудрости Божией» было до 1000 человек священнослужителей, в том числе певцов, церковников и привратников. Неудивительно, если они устраивали небесноподобную службу, приведшую наших предков – послов Князя Владимира, в неизъяснимый восторг и расположившую их к Православной вере. Как поэтому дорога нам Св. София! Осматривая, и мы, подобно многим, мечтали видеть ее в руках христиан. Но когда это будет? Теперь же она принадлежит мусульманам.

Трогательна история взятия Царьграда, павшего 30 мая 1453 года, в 6 часов утра, когда только что отошла утреня, и началась Литургия. Историк Франтц, свидетель гибели Византии, попавший в плен к туркам, следующими словами описывает ужасы и неистовства завоевателей: «Повсюду слышались крики и стенания, турки за косы извлекали молившихся в храме жен и дев, посвятивших себя Богу... Здесь же представлялась взорам Божественная кровь Спасителя, разлитая по полу. Тело Его, разбросанное по углам, очевидно, от совершавшейся везде Евхаристии. Переломанные сосуды валялись повсюду, там образы, украшенные золотом, се-

ребром и драгоценными камнями, были попираемы ногами и становились вместо столов. Священные ризы, вытканные шелком и золотом, служили попонами для лошадей или подстилались под ноги, как ковры. Многое и другое, что возмутило бы душу каждого и исторгло слезу, совершилось в этот день руками предтечей антихриста. Везде плач, страдания, стоны и рыдания, везде грабеж, плен и оскорбления». В храме Премудрости Божией (Софии) укрылись тысячи народа. Несчастные ждали чуда. По преданию, ангел должен был снизойти с неба и принести меч для защиты народа Божия, но ворвавшиеся воины перевязали всех без различия пола, возраста и сословия и стали на алтарях бражничать, предаваясь постыдным страстям (История средних веков проф. [Н. А.] Осокина. Т. II. Ч. 2).

С падением Константинополя греки соединили много преданий. В Софии все погибли от врагов, так что Магомету II пришлось по трупам въезжать в храм. Остановившись посредине, он обмакнул руку в кровь убитых христиан и приложил ее к стене как печать победы. Одна из мраморных облицовок, действительно, выявляет собою подобие ладони. Здесь же гордый завоеватель в гневе ударил саблей по колонне и надрубил ее, а конь его копытом отшиб кусок карниза.

Близ алтарной апсиды нам показывали еще 2 подсвечника с весьма толстыми свечами, сохранившимися от владычества греков. Их зажигают ежедневно только на минуту, и турки говорят: «Если они сгорят, придет конец нашему царству», – но они до сих пор большие. Существует, наконец, такое сказание. Когда воины вошли в Софию, совершалась обедня. Священник уже причастился, но не успел выйти со св. Дарами и произнести последний возглас, как расступившаяся стена скрыла его от насилия солдат. По возвращении же означенного храма христианам, что, по мнению греков, непременно будет, иерей снова появится с чашею из своего векового затвора и словами «Всегда, ныне и присно» закончит Божественную литургию.

Храм Св. Софии производит чарующее впечатление на посетителя. Хотя магометанская рука старалась изгладить в нем следы христианства, но многого не в силах была сделать. Прежде всего остается навеянный дух молитвы. И теперь хочется здесь стоять без конца, вперив ум и сердце к Создателю міра. Далее, на стенах кое-где виднеется мозаика священных изображений. Особенно явственно просвечивает лик Спасителя в алтарном куполе, над тем местом, где стоял престол. Мы долго вглядывались в Него и думали: «Очи многих великих святителей при совершении небесной Евхаристии устремлялись к Нему, подобно нашим, и скольких слезных воздыханий Он был Свидетелем».

Интересно мнение св. Нила Мvроточивого, за какую вину Бог попустил врагам овладеть Константинополем и его святынями... Последний Им-

ператор Византийский Константин, пишет преподобный, любил веселый образ жизни. Назначив однажды какое-то торжество, он, стоя на Литургии в Софии, волновался, когда иерей затягивал службу. Не вытерпев, Государь послал в алтарь сказать, чтобы тот поскорее кончал. Но благоговейный священник, имея страх Божий, не дерзнул этого сделать. Тогда разгневанный повелитель повторил свое требование с предупреждением: если ослушается, будет строго наказан. Священнослужитель, испугавшись, по немощи человеческой, царского прещения, не докончив Литургии, произнес отпуст. И за сей преждевременный отпуст по приказу Царя, замечает повествователь, сделал отпуст и сам Царь своему Царствованию».

Вообще историки ставят падение Царьграда в тесную связь с упадком нравов в Византии, развитием роскоши и изнеженности, вследствие чего там ослабел воинский дух и притупилось национальное чувство. Русь Святая! Помни это...

После обозрения Св. Софии мы проходили мимо бывшего храма св. Ирины, где собирался II Вселенский собор: в нем теперь арсенал. Зашли, далее, в музей – среди множества предметов обращают на себя внимание громадной величины мумии фараонов. При виде их невольно удивляешься умению древних египтян предохранять тела умерших от тления. Чем объясняется такая степень искусства? Думается, жаждой безсмертия, верою в загробную жизнь. Современных людей захватил интерес только временного, земного существования, развился культ плоти, вот почему ныне не дорожат останками умерших.

Из музея мы двинулись к Ак-Серою, проходили мимо Колонны Константина, около которой осматривали полузасыпанные и разоренные громаднейшие цистерны.

Пройдя, далее, ряд мечетей, устроенных по образцу Св. Софии, повернули в переулок и вошли во двор Успенской греческой церкви, где находится чудотворный образ «Скоропослушницы» в мраморном киоте, с правой стороны у среднего столба. Археология относит икону к глубокой древности: чудеса от нее описаны на бумажных листах, развешенных в рамках под стеклом по стенам. В означенном храме предложили приложиться к частицам мощей: св. мученика Трифона, св. Евстафия, св. жен-мироносиц, св. Анастасии-Узорешительницы и св. Иоанна-Златоуста. Священник, встретивший нас, был в черной рясе и такой же камилавке, что дало повод спросить его, принадлежит ли он к монашеству или же к белому духовенству. Оказалось, что он местный приходской пастырь. На Востоке священнослужители без различия чина носят одежды темного цвета, причем не стесняются своей формы и не скрываются от взоров мірских людей.

Другого головного убора, кроме камилавки, например, у греческого клирика, нет; с нею он не расстается в храме, на рынке, в пути и т. д. Того

же порядка придерживаются русские чернецы, живущие в Палестине, на Афоне, равно как и наши пустынники, которых легко узнаешь по особому покрою скуфьи (шапки), всегда ими носимой. Но чем ближе к столицам, тем большее стремление замечается у иноков – ничем не отличаться одеянием от священников. Подобное явление объясняется настроением современного общества, способного осмеять, задеть, унизить монашество, тогда как турки почтительно относятся к служителям культа даже других религий. На вопрос, почему магометане оказывают честь духовным лицам, наш проводник-араб ответил: «Они служители Бога, а Бог-то у всех Один».

После посещения Успенского храма мы проходили мимо полуразрушенных городских стен, держа путь к Живоносному Источнику. Укрепления говорили о некогда величественной греческой столице – славной Византии, а главное о непрочности могущества человека. Придет праведный гнев Божий, и в прах рассыплются все его изобретения и физическая сила.

Происхождение Живоносного Источника относят к V веку и связывают его с именем Императора Льва I Маркелла, явившегося здесь свидетелем одного поразительного чуда. В VI веке тут же получил исцеление Царь Иустиниан, построивший в благодарность храм и при нем мужскую обитель. По сказанию Синаксаря, «на этом месте совершалось такое обилие благодатных знамений», что их «ни описать, ни изрещи невозможно». Св. Православная Церковь отмечает сие, когда в пятницу на Пасхальной неделе поет особо положенную службу Пресвятой Богородице в честь Ее Живоносного Источника.

И до сих пор он привлекает множество молящихся. Внутри, где находится св. кладенец, всегда можно застать дежурного иеромонаха, отправляющего желающим молебны: тот же священнослужитель при отпуске, полагая на голову каждого епитрахиль и руку, кроме формулы благословения «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», произносит еще молитву благопожелания. Образец ее дан в Ветхом Завете: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону и сынам его: тако благословляйте сынов Израилевых, говоря им: да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир» (*Числ. 6, 22-26*).

В наших св. обителях, церквах и часовнях около чтимых святынь также стоят очередные пастыри, но они, благословляя приходящих, к сожалению, опускают напутствие, так утешительно действующее на сердца верующих. Приятно было бы, если бы греческий порядок и у нас получил распространение.

Далее мы посетили Влахерну, некогда величайший и славнейший храм Царьграда; здесь покоилась риза Богоматери и пояс Ее. Здесь было явле-

ние Преблагословенной «на воздусе» Андрею Христа ради юродивому в дни нашествия варваров, отраженных по предстательству Владычицы міра. Здесь совершилось сверхъестественное призвание четырех храмоздателей Киево-Печерской Лавры, которым Царица Небесная вручила чудотворную икону Успения. Здесь стоял образ «Одигитрии», писанный евангелистом Лукою, источавший множество чудес. Отсюда, наконец, во время тяжких испытаний и народных бедствий выходили крестные ходы, направляясь на городские стены и к морю. История при этом гласит, что Матерь Божия после подобного рода молений неоднократно спасала Константинополь от врагов, например, скифов, в память чего Церковию установлено акафистное пение в субботу пятой недели Великого Поста (Похвала Пресвятой Богородицы).

Теперь же от всего сказанного осталась лишь небольшая подземная церковь, часть доски древнего престола и целительный источник, неоднократно засыпаемый неверными, но благодатию Господнею доселе дивно сохраняемый. По взятии Царьграда, он сначала перешел к какому-то цыгану, устроившему тут кофейню, христиане, однако, продолжали ходить сюда, якобы за кофе, а на самом деле почерпать св. воду, непрестанно струившуюся из-под земли. И только спустя много времени православным грекам удалось откупить обратно свою дивную Влахерну.

Находясь у этой и других византийских чудотворных твердынь, некогда блиставших внешним величием, а ныне чуть приметных, мы невольно думали: «Господь за отступничество и развращение отнимает святыню, но верным своим рабам в утешение оставляет небольшую частицу их. Едва существуют перечисленные св. места и памятники, а как отрадно возле них чувствуется». При таких мыслях еще несомненнее показалось нам сказание Апокалипсиса, что в конце міра, когда все на земле подвергнется разрушению, бедствиям и страданиям, небольшое количество «избранников» будет особо охраняться Агнцем Божиим (*Отк. 7,3*).

Отсюда мы пришли к храму св. Феодора Студита, также обращенного в мечеть, не пользующуюся, однако, у турок почетом и известную под названием «Проклятой». Точно кто мешает им здесь молиться: то они слышат какой-то шум, то нападает страх, и все тогда спешат покинуть ее. Вследствие чего бывшая студитская церковь мало посещается мусульманами и никогда не ремонтируется, так что от времени в ней обнажилась мозаика и открылись стенные фрески с христианскими изображениями. Местный сторож-солдат, попавший в Россию в плен в освободительную войну, ломаным русским языком объяснял нам особенности этого древнего памятника. Студийская обитель! Сколько с ней связано воспоминаний!.. Вот пред нами сам руководитель ее преп. Феодор. Когда пришел сюда он, была община в 12 человек. Великий же авва устроил громадный монастырь со множеством великолепных храмов, ог-

радил ее большими стенами, увеличил братство до 1000 человек, установил строгий общежительный устав, а чтобы насельники не нуждались в городских услугах и имели необходимое, завел разного рода мастерские: портняжную, сапожную и проч. – словом, образовал в шумной столице свое особое, изолированное от суеты мірской царство, в пределах которого иноки, по вступлении, пребывали безвыходно. И была Студийская обитель, говорит история, великой лаврой, как бы неким оазисом среди житейского моря. Сам Преподобный являл собою пример подвижника-аскета, неустанно поучая братию словом и делом.

Продолжая путь, мы достигли упраздненного женского монастыря Всеблаженнейшей, ныне Патриархии, где в главном, отдельно стоящем храме во имя св. Георгия Победоносца открыто почивают мощи св. Евфимии Всехвальной, в значительной степени обнаженные. Греки, по-видимому, не стремятся покрывать останки святых пеленами, как принято у нас. Правда, при таком порядке наглядно убеждаешься в истине, что Господь дивно хранит кости праведников (*Пс. 33, 21*), но нам кажется – религиозное чувство более удовлетворяется, когда раки их украшаются одеждами. Благоговейное почитание требует этого. Ведь полагают же воздухи на лица умерших священнослужителей и монахов, дабы печать смерти не отталкивала и не ужасала окружающих. Как бы ни были нетленны тела угодников, а все же и они теряют настоящий вид, не говоря уже о том, что, находясь открытыми, могут привлекать праздных, любопытных зрителей.

Из других святынь в патриаршем храме нужно отметить следующие: части мощей св. ап. Андрея, св. Соломии и Феофании и особенно находящуюся в притворе икону «Всеблаженнейшей», чудно изображенную. Очи Богоматери взирают на тебя, с какой бы стороны ты ни стоял. Справа у иконостаса показывают столб бичевания Спасителя и тут же кафедру св. Иоанна Златоуста или так называемый «Вселенский престол», сделанный из черного дерева с резьбой и украшениями из слоновой кости. Наш спутник, большой почитатель великого проповедника покаяния, пришел в восторг при виде столь дивного памятника. Взошедши на него, он долго находился в молитвенном состоянии, очевидно, представляя себе образ Вселенского учителя, златоглаголевые речи его, толпу слушателей и т. д.

Памятны здесь еще Средние ворота, на которых в 1821 г., в светлый день Воскресения янычарами был повешен Патриарх Григорий V, тело которого 2 дня оставалось неубранным, а потом было отдано евреям на поругание. Сорвав со Святителя одежды и достаточно поглумившись, эти противники Христа, привязав большой камень, бросили мученика в море. Но Господь сотворил чудо. Несмотря на тяжелый груз, труп всплыл на поверхность воды и прибился к русскому судну,

управляемому благочестивым капитаном. В подобранном и привезенном в Одессу покойнике все узнали нового священномученика, Патриарха Григория V. Гроб с останками архиерея Божия сначала находился в греческой Троицкой церкви, причем от Святого исходило благоухание и совершалось множество знамений, а затем с подобающей честью он был переправлен в Афины, где ныне почивает в главном городском соборе, привлекая много православных поклонников.

В Константинополе пришлось пробыть пять дней. Кроме афонского подворья, мы несколько раз молились в соседнем греческом Николаевском храме.

Подводя итоги наших наблюдений церковного чина на Востоке, можно отметить следующее: богослужебные книги, порядок служб почти одинаковы с русскими. Разница замечается лишь в большем или меньшем соблюдении устава. Такое сходство приятно поражало нас, давая чувствовать единство и несокрушимость Православия. А в Вифлееме, помню, иерей-араб в нашем присутствии постарался отправить полунощницу и утреню не только по точному московскому порядку, но и на славянском языке.

Обращает на себя внимание любовь греков к антифонному, простому унисонному, пению и непременно на 2 клироса, хотя бы на каждом было по одному человеку. Так, между прочим, у них выполняются каноны с тропарями, обыкновенно читаемыми у нас. Партесной гармонизации они не признают, считая ее латинством и большим грехом, в который, по их мнению, так сильно теперь впадает Русская Церковь. Некоторые распевы напоминают наши обиходные, только, к сожалению, восточные клирики поют, как говорится, «в нос», что производит неприятное впечатление.

Греки не любят проповедывать, зато на Слово Божие у них обращено большое внимание. В каждом храме имеется у столба кафедра. Входя сюда, диакон полагает святое Евангелие на крылья устроенного здесь золотого орла, и читает его каждый раз отчетливо, громкогласно, благоговейно, словом, как только можно лучше. Когда же служит один иерей, он благовествует на солее, обратившись лицом к народу, причем молящиеся подходят ближе к алтарю и выслушивают, преклонив главы. На воскресной утрени священник, вынося св. Евангелие для лобызания, не оставляет Его на аналое, а держит в руках, пока присутствующие прикладываются.

На Литургии особенности следующие:

В некоторых служебниках, например, иерусалимских, первая частица в девятичинной просфоре вынимается в честь безплотных сил, чего у нас нет, на том основании, что ангелы, как безгрешные существа, искуплению Спасителем не подлежали. Проскомидия часто совершается на одном

хлебе, но тогда на нем делается пять печатей креста + + + +, причем из средней вынимается Агнец, из правого в память Божией Матери; левого – 9-и чинов; сверху – за живых; снизу – за умерших. Пекут и с одной печатью, из которой вынимается Агнец, а из боков просфоры – остальные части. Перед Литургией часы нередко опускаются, вероятно, потому, что они прочитываются отдельно.

Малый выход со св. Евангелием, знаменующий собою вступление Спасителя в мір на проповедь, происходит через северные двери не по солее только, а по всей церкви, как в Москве в Большом Успенском соборе. Молящиеся при этом, преклонив главы, с благоговением встречают шествие, стараясь на ходу коснуться одежды проходящих священнослужителей, лобызая и отирая ими свои лица. Особое же внимание обращается на «трисвятое», поемое трижды по трижды, сначала в алтаре, а потом на клиросах. К сожалению, в России это упущено, тогда как, согласно указанию служебников старинных изданий, следовало бы держаться означенного порядка.

Кроме того, в Константинополе «Святый Боже» часто исполняется всенародно при большом подъеме духа присутствующих. Означенная ангельская песнь по своему происхождению считается здесь местною, вот почему и уделяется ей такое внимание.

После чтения св. Евангелия часто следует пение «Херувимской» с опущением ектений; сугубой, об оглашенных и верных, а вместо отдельных заздравных и заупокойных греки вставляют имена нуждающихся в молитве в положенные на ряду прошения; например, за живых: «еще молимся о милости, жизни, здравии» (*имя рек*); об умерших: «еще молимся о прежде почивших отцех и братиях» (*имя рек*).

При сокращении ектений «Херувимская» обыкновенно затягивается, так как служащий иерей тогда вычитывает тайно все пропущенное. К тому же в это время совершает каждение не диакон, а сам предстоятель; при архиерейском же служении – святитель.

На Литургии пред пресуществлением хлеба и вина в св. Таины опускаются слова призывания Св. Духа: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа», равно как, приступая к причащению, священнослужители не повторяют положенной в правиле молитвы «Верую, Господи», а благоговейно, незаметно получают св. Тело и немедленно потребляют. В таком порядке есть глубокий смысл. Св. Церковь старается хранить св. Дары от взора людей. С этой целью она ввела в употребление воздухи для прикрытия дискоса и чаши, особенно на Преждеосвященной. Рассматривание здесь неудобно, ибо существо Божественной Евхаристии велико и ослепительно для человека, продолжительное же держание в грешных руках св. Таин идет в разрез с сим.

Во время архиерейского служения диаконы говорят ектении с трикирием или дикирием. При возгласе «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами» – святитель благословляет народ крестом, а священники воздухом. Антидор освящается над св. Тайнами после «Изрядно о Пресвятей» и непременно раздается молящимся при каждом служении Литургии.

По своему внешнему и внутреннему виду греческие храмы напоминают базилики (вытянутое прямоугольное здание, разделенное внутри рядом колонн). В каждом находится кафедра Патриарха, амвон для настоятеля, сидения для богомольцев и клироса, устрояемые довольно высоко, по всей вероятности, для большего резонанса пения и чтения.

Предстоятель, если не служит, всегда стоит на своем месте и, согласно уставу, читает на вечерне «Ныне отпущаеши» на всенощном бдении; «Приидите поклонимся», шестопсалмие – на утрене; на Литургии – «Верую», «Отче наш» и проч., а носящий архиерейский сан еще произносит «мир всем», когда положено.

Церкви освящаются люстрами, число которых, сообразно с материальным достатком, бывает различно. Некоторые отличаются обилием их.

Во время так называемых «входных молитв» священнослужители, приложившись к местным иконам, непременно делают еще земной поклон по направлению к кафедре Патриарха, как бы испрашивая у него благословения.

Колокольни при церквах незаметные, звонят, раскачивая самые колокола, которые, кстати сказать, небольшие, мелкие. Покрой священнических риз напоминает древний, с завязками внутри, дабы они не спускались набок.

Престолы в алтарях часто остаются не освященными, вследствие чего к ним нет благоговейного отношения, служат нередко местом для уборки риз и т. п. Необходимая же принадлежность св. Трапезы – св. Антиминс полагается только на служение Литургии, а потом убирается в ризницу. То же нужно сказать и относительно Царских врат, не составляющих для греков неприкосновенной святыни, так как у нас на Руси, их свободно отворяют пономари, алтарные прислужники и даже мальчики.

Кроме завесы, они имеют еще рамы, которые то отодвигаются, например, при возгласе «мир всем», то закрываются. Иконостасы везде многоярусные, высокие. Ко всему сказанному нужно прибавить следующее: турецкое иго во многом наложило печать на жизнь восточных христиан и их церковные порядки; так в константинопольских храмах можно видеть молящихся в фесках, носимых прежде в столице ислама всеми по приказу (принуждению) завоевателей и т. п.

II.

Смирна. Характеристика арабов. Гора Пагус. Св. Поликарп Смирнский. Монастырь св. Фотинии. Храмы свв. Космы и Дамиана и апостола Иоанна Богослова. Часовня Божией Матери Млекопитательницы. Мусульманские кладбища в Смирне. Остров Патмос. Св. Иоанн Богослов и его Апокалипсис. Афины. Гора Акрополь. Пантеон. Храмы Тезея, Бахуса. Темница Сократа. Остатки Ареопага. Музей. Русская посольская церковь. Остров Крит и его святитель св. Андрей, составитель покаянного канона. Александрия. Каир. Молитва мусульман. Пирамиды. Древнехристианские египетские подвижники. Коптский храм на месте пребывания св. Семейства. Дерево Пресвятой Богородицы в Матория. Переезд в Порт-Саид. Суэцкий канал.

Из Константинополя мы направились в Смирну. Пришлось проезжать Дарданеллы, которые охранялись военными судами иностранных держав вследствие войны Турции с Грецией и Болгарией. Путь оказался не безопасным, так как на всем протяжении Смирнского залива заложены были мины. Нас сопровождал небольшой турецкий катер. У самого города виднелись в воде мачты затонувших судов. Каждую минуту и нам угрожала та же участь. Но Господь помог благополучно добраться до места и остановиться на рейде. И не только здесь, а почти во всех портах наш «Иерусалим» бросал якорь в море, так что к пристани приходилось приплывать на лодках.

Обыкновенно к прибытию парохода появляется масса арабов-перевозчиков, равно как и других посторонних лиц: носильщиков, проводников. Отличаясь горячим темпераментом, эти восточные люди в одну минуту окружают корабль и, прежде чем спустят мостик, пробираются на палубу и подымают необыкновенную беготню и шум: один схватывает багаж, чтобы нести, другой устраивается доставить на берег, а иной предлагает быть проводником.

С подобного рода господами, однако, следует держать себя осторожно. Лучше всего не показывать виду, что нуждаешься в их услугах, а выждать, пока пройдет первая суматоха. Если же сразу возьмешь, например, носильщика, то рискуешь остаться без вещей, так как араб, забрав их, быстро мчится вперед и быстро теряется в публике. Мы несколько раз оказывались в таком неприятном положении. Проводника же нужно брать по рекомендации капитана судна, а переправляться в большой лодке с компанией.

Подобный переезд все же опасное дело. Тут приходится отдавать себя на произвол лиц, не всегда благонадежных, что и было нами испытано в Бейруте, где при возвращении из города перевозчик, пользуясь вечерним полумраком, отвез нас порядочно в сторону и стал вымогать кошельки, грозя в противном случае сбросить в воду. Слава Богу, мы не потеряли

присутствия духа и повели с морским разбойником бурную перепалку, помня предупреждение, что арабов нужно отражать их же оружием – смелостью и криком. От такой неожиданности лодочник несколько стушевался и начал требовать лишь прибавки сверх условленной платы.

Главным же образом в нашем затруднительном положении помогло следующее обстоятельство. Незаметно мы приблизились к французскому громаднейшему пароходу, около которого в волнах качалась небольшая ладья с турецкой полицией, чего, очевидно, не подозревал везший нас незнакомец. Ибо сидел к ней спиной. Почувствовав защиту, мы стали махать платками и звать на помощь. Перевозчик понял свое невыгодное положение и сам направился к охране. При встрече произошло бурное объяснение. Араб вдался в обман и горячо доказывал, что мы не соглашаемся отдать следуемые ему деньги, а наша компания, в свою очередь, возбужденно жаловалась на насилие. К счастью, стража взяла примирительную позицию и определила так: немного прибавить лодочнику, с тем, однако, чтобы уплату произвести по исполнении взятого им на себя обязательства, причем исполнить это согласилась та же полиция, которой мы и вручили необходимую сумму. С этим переездом пришлось испытать большой страх. По рассказам, бывали и несчастные случаи: азиаты обирали пассажиров, грозясь потопить в море.

Интересен казус (случай) с одним русским протодиаконом, подвергшимся, подобно нам, опасности, но спасшимся благодаря своему голосу. В критическую минуту он, поднявшись на ноги, стал произносить наивысшим басом многолетие, чем привел в замешательство пирата, отказавшегося от своего злого умысла и благополучно доставившего редкого туриста к месту назначения.

Насколько арабы горячи и темпераментны, можно судить из следующего. Мы стояли около Мерсины на рейде, а они грузили муку, подвозимую на баржах. Дело не всегда обходилось благополучно – иногда мешки подавались неудачно и падали в море, и нужно было тогда видеть досаду восточных людей, топавших ногами, танцевавших и неистово кричавших. По возвращении из путешествия наши соотечественники сравнительно с ними казались точно морёными мухами.

В Смирне попался нам ловкий проводник-поляк. Он быстро и удачно провел нас повсюду и показал все достопримечательности. Прежде всего побывали с ним на вершине Пагуса, где находился полуразрушенный языческий цирк.

Отсюда на далекое расстояние видно море и самый город, расположенный у подошвы горы. Осматривая развалины и особенно интересуясь какими-то затворами в стенах и ямами на площадках, служивших, по всей вероятности, логовищами для ристалищных зверей, мы умственно пред-

ставляли себе первохристианскую эру. Здесь пострадали целые полки мучеников во главе с великим Поликарпом Смирнским.

Вот страничка из его дивной жизни. За ним, уже 85-летним старцем, приезжают воины, чтобы схватить и доставить на суд народа. Святитель в это время совершает на крыше дома очередную молитву. Узнав о цели прибытия, он не сразу отдается и умоляет разрешить ему несколько помолиться. О чем же в столь исключительный момент служитель Божий просит Отца Небесного?! Несомненно, о Церкви, о пастве, о врагах, а может быть, и о том, чтобы Спаситель подкрепил его в предстоящих страданиях. Человеку свойственно страшиться телесных пыток и болезней.

Если бы не Господь, никто не выдержал бы их, с Ним же легко идти на мучения, ибо тогда всем существом познаешь истину, что нечего бояться «убивающих тело, души же не могущих убить» (*Мф. 10, 28*). Тогда сердце от переполняющих чувств любви к сладчайшему Искупителю горит желанием скорее разрешиться от скорбей, мятежной и многотрудной плоти и быть со Христом (*Филип. 1, 23*). Рано или поздно всем предлежит смерть, так не лучше ли умереть за святую идею, высшее благо, добро, как и говорит св. ап. Петр: Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас как убийца или вор, или злодей, или посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (*1 Петр. 4, 14-16*). О, если бы Господь помогал каждому из нас воодушевляться такими чувствами – не страшно было бы тогда жить и терпеть...

После некоторого промедления воины, наконец, забирают св. Поликарпа. Начальник усаживает его на свою колесницу и везет по направлению к цирку. Но и по дороге святитель не расстается с Распятым, поя гимны и проповедуя о Нем, что приводит воеводу в бешенство. Он сначала приказывает замолчать, а когда тот не слушается, сталкивает старца с сидения и повреждает ему руку...

Наконец и ристалище... Народ по своему сатанинскому настроению, почуяв кровь и увидев в лице привезенного епископа противника богов, неистово кричит: «Ad leonos» – «Ко львам». Требование рассвирепевшей толпы немедленно же исполняется. Выпускаются звери, которые, однако, облизав жертву, не трогают его...Тогда решают сжечь святого на костре, но и огонь не в силах попалить! Вокруг мученика образовывается как бы беседка, дающая возможность архиерею Божию воздеть руки и славить Безсмертного Царя Христа.

И только копье палача прекращает жизнь Великого пастыря, и опять не без чуда... Хлынувшая кровь на глазах у всех загасила пламень. «Священномучениче Поликарпе, моли Бога о нас, грешных», – взывали мы,

стоя на месте его честных страданий. Мощи угодника почивают в Смирнском католическом монастыре, куда мы, хотя и заходили, но не удостоились приложиться к гробнице, открываемой, по словам нашего проводника, только на Пасху.

Тут же рядом посетили греческую обитель, посвященную св. Фотинии – жене-самарянке, беседовавшей при колодце патриарха Иакова в Сихеме с Господом и уверовавшей в Него.

Этой святой дарована от Бога благодать исцеления от лихорадочных болезней. Обитель ее своим благоустройством, уютностью и чистотою произвела на нас светлое впечатление. При главных входных воротах, подобно русскому порядку, устроена лавочка с продажей иконок, крестиков, книг и листков религиозно-нравственного содержания.

Недалеко отсюда находится церковь свв. Космы и Дамиана. Здесь нам предложили для поклонения и лобызания часть мощей св. Георгия Победоносца (честную ногу), а посредине церковного двора показали многовековое дерево, к которому, по преданию, в первые века христианства привязывали мучеников и потом пронзали стрелами.

Заходили, далее, в Иоанно-Богословский храм, имеющий довольно значительную колокольню, расположенную на возвышенности. Получив разрешение войти в нее, мы обозрели окрестности.

Последним святым местом в Смирне, где пришлось помолиться, была часовня с чудотворным образом Божией Матери «Млекопитательница», помещающаяся при древних небольших катакомбах. Когда мы затем проходили по улицам, около одного дома наше внимание привлекли некие восточные женщины, кланявшиеся и ласково говорившие: «И мы христиане». Чем-то неземным, небесным повеяло на нас при таком приветствии. Нужно побывать в самой гуще мусульманского населения, чтобы понять радость, испытываемую при встрече с родными по вере братьями.

Встретившееся вслед за этим турецкое кладбище вызвало тяжелое, безотрадное чувство своею пустотою, холодностью, а еще более неумолкаемым чириканьем каких-то птиц, во множестве здесь привитающихся. Проводник нам объяснил, что указанные пернатые вьют себе гнезда исключительно на деревьях, окаймляющих магометанские погосты, с тою, очевидно, целью, чтобы надрывающим душу криком оплакивать судьбу мусульман, несомненно находящихся в скорбях.

В Смирне имеется достаточное количество храмов, которые нам были видны с палубы парохода. Мы смотрели на них и утешались при мысли, что христианство здесь не принижено, а до некоторой степени пользуется внешним благополучием. При входе в церковные ограды нас везде приветливо встречали, особенно дети местного духовенства, сбегавшиеся отовсюду и старавшиеся все показать и объяснить, а мальчики тут же входи-

ли в алтарь и сами отворяли для нас царские врата. При таком дружественном обхождении совершенно незнакомых людей делалось ясным, что Православная вера всех нас роднит, сближает и объединяет. Иной раз даже казалось, будто мы не в Турции, а в Москве на так называемом монастыре (дворе при церкви). Только среди мусульманского царства эти оазисы выступают рельефнее и кажутся еще драгоценнее для христианского сердца.

Из Смирны наш путь в Афины определился мимо острова Патмоса – пустынного, малообитаемого, не имеющего по берегам селений. Сюда был сослан св. ап. Иоанн Богослов, здесь он написал и свой Апокалипсис. Однажды нам пришлось видеть изображение евангелиста, сидящего на скале при море, пишущего книгу «о судьбах міра и человека». Чудился и теперь такой именно образ его.

Невольно, под впечатлением, мы раскрыли «Откровение» и стали с трепетом читать, поражаясь исполнению пророчества в наше время. Да, взвешивая все ныне происходящее, думаешь – вот-вот придет Агнец Божий на суд міра. И как бы хотелось тогда находиться в рядах тех рабов Господних, которые будут выделены от среды живущих на земле *(7, 3)*. Как бы хотелось избежать соблазнов и искушений и не принять печати антихристовой *(13, 16-17)*. Как бы хотелось засвидетельствовать свою веру и любовь к Богу исповеданием, чтобы восполнить число пострадавших за Христа и тем ускорить конец вселенной, а вместе и бедствий *(6, 10-11)*. Как бы хотелось проводить внимательную жизнь, всегда бороться со грехом и каяться, ибо таких не оставляет Спаситель, а подкрепляет и спасает. «Будь ревностен и покайся. Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мной. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем» *(3, 9-12)*. Как бы хотелось не ходить по стезям міра сего, развращенного и пагубного, а всецело предаться душевному спасению, чтобы потом стать у престола Агнца и петь там Ему вечную песнь хвалы и благодарения *(7, 9-10)*. Как бы хотелось существовать уже не для себя и своего удовольствия, а для Одного Господа, с постоянным ожиданием Его славного пришествия, имеющего, быть может, скоро явиться, ибо вот Его глас: «Ей, гряду скоро! Аминь! Ей, гряди, Господи Иисусе!»

Если когда [и необходимо], то в настоящее тяжелое, исключительное время, в особенности, нужно читать великую книгу «Откровение», правда таинственную, но духом понимаемую. Польза от нее велика. Она воодушевляет на терпение, подвиги и страдания, она воспламеняет ревность – служить только Богу, остерегаться всего сатанинского, она заставляет всегда готовиться к встрече Небесного Жениха Христа. Молитвами св.

апостола и евангелиста Иоанна Богослова да поможет Господь всем нам быть истинными христианами!

После Смирны пароход наш имел остановку в Пири, откуда до Афин трамваем 14 верст. В столице Греции удалось побывать на горе Акрополь. Сюда ведет довольно длинная, удобная и широкая проезжая дорога, по сторонам которой кое-где на столбах прибиты дощечки с надписью.

По пути находятся: 1) языческий храм Тезея, ныне обращенный в музей, где собраны старинные иконы, статуи и т. п., лежащие, впрочем, без системы и порядка, очевидно, они помещены случайно, а, может быть, даже временно; 2) темница Сократа, славного философа древности, изрекшего безсмертные слова: «познай самого себя», и еще: «я знаю только то, что ничего не знаю». Она представляет собой жалкое, мрачное небольшое сооружение, одной стороной врезавшееся в холм, с железными решетками на окнах. На вершине Акрополя расположен Пантеон – собрание полуразрушенных храмов в честь эллинских богов. Вокруг и внутри лежат целые груды мраморных обломков, колонн и т. п. Попадаются еще громадные чугунные ядра от стенобитных машин, являющиеся показателями места, не раз подвергавшегося бомбардировке со стороны. По изображениям на стенах и другим признакам можно думать – некоторые части Пантеона были приспособлены первыми христианами под храмы. Тут же видны развалины афинского ареопага.

Часть уцелевшей каменной площадки с ведущими на нее ступеньками признают за ту именно кафедру, с которой греческие ораторы произносили речи, а с ними, по сказанию книги св. Деяний, и ап. Павел, говоривший: «Афиняне! По всему вижу я , что вы как бы особенно набожны, ибо проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (*Деян. 17, 22-23*).

Мы взошли на возвышение, молитвенно призывая великого апостола языков. Среди разбросанного всюду строительного материала стоит едва приметное одноэтажное низенькое здание, где хранятся найденные тут ценные для истории предметы. Побывали мы и в нем, удивляясь искусству древних греков, достигших в области скульптуры и пластики наивысшего совершенства. К сожалению, Пантеон – забытый памятник. Правда, в одном месте начаты работы по его реставрации, но успеха еще не видно.

Осмотр Акрополя мы закончили храмом в честь языческого бога Бахуса, в котором прекрасно сохранился амфитеатр, с двумя мраморными креслами посредине, очевидно, для царских особ. Пребывание тут особенно запечатлелось благодаря курьезной наивности, проявленной нашим проводником-малороссом. Желая угодить нам как духовным особам, он постарался остановить свое внимание на указанных

креслах, заявив: «Здесь в древности сидели игумен и игуменья». «Вот тебе и раз, – подумали мы, – игумен и игуменья в языческом храме, да еще в честь бога пьянства!..»

Но если афинский вожатый оказался малосведущим в области истории, зато он, как украинец, с увлечением показывал красоты южной природы и ее флору. Проходя с нами по городскому дивному скверу, обсаженному аллеями олеандров, апельсинов, персиков, лимонов, миндаля, перца и т. п., он одно только и твердил: «Посмотрите, полюбуйтесь, какая благодать, как рясно (много) всего на деревьях – ничего подобного у нас в России нет».

Почти рядом находится «Амфитеатр» на 60 тысяч человек, устроенный каким-то купцом на месте и по образцу древнего, знаменитого. Мы поглядели издали на него с грустною мыслею. Первые наши братья христиане боялись смотреть на все языческое, а современные люди даже восстанавливают его.

Свой осмотр Афин мы закончили посещением настоятеля русской посольской церкви о. Леонтия, любезно принявшего нас, а главное, «напоившего чаем», что при страшной там жаре является лучшим угощением. Я подчеркнул «напоил чаем», так как это удовольствие редко можно получать в путешествии по Востоку, где в гостиницах, ресторанах и т. п. подают почти исключительно кофе в маленьких чашечках с холодною водою. Архимандрит показал переустроенный им древний храм с сохранившимися по стенам старинными греческими надписями, из коих некоторые перевел на русский язык и выставил в рамках для осведомления туристов. Он был рад нашему приезду, так как чувствовал на чужбине одиночество. Проводив нас до самого парохода, о Леонтий проявил этим верх любезности к своим собратьям-землякам.

Направляясь, далее, к Египту, мы довольно долго проезжали мимо длинного острова Крита, где некогда епископствовал св. Андрей, проповедник и учитель покаяния. Припомнился и нам сей св. отец Церкви. Кто из православных не знает его канона, читаемого на первой неделе Великого Поста? Как известно, наша душа удовлетворяется при излиянии полноты чувств: если у кого горе, нужно его выплакать, если радость – поделиться с другими, а если пробудится сокрушение – успокоиться лишь при полном сознании греховности. И вот, творение св. Андрея Критского как раз отвечает последнему запросу души. Слушая так называемые «мефимоны» внимательно со множеством припевов «помилуй мя, Боже, помилуй мя» и с положенными поклонами, кающийся грешник начинает изливать токи покаянных слез и получает умиротворение совести.

Когда мы подъезжали к Александрии, в воздухе чувствовалась какая-то горячая влажность, а над морем стоял туман, похожий на пар в бане.

Здесь пароходы приходится подтаскивать к берегу, чем занимаются целые артели людей, которые, схватив спущенные с судна канаты, с шумом и криком выполняют свое дело. Интересно наблюдать с палубы «египетских бурлаков» – тут попадаются чернокожие негры, желтолицые индийцы и белые европейцы.

По приезде мы взяли опытного проводника – араба Ахмета, быстро и удачно все показавшего, а главное, согласившегося сопровождать нас в Каир, куда поезд должен был отправляться в 11 часов вечера. В ожидании его, пользуясь временем, мы прошли по набережной канала «Махмудис», проведенного из реки Нил для снабжения города водою, и осмотрели некоторые улицы. В одном переулке купили у разносчика арбуз и тут же, мучимые жаждою, без стеснения скушали. Когда же стемнело, зашли в сквер вблизи вокзала и уселись у одного из столиков, расставленных там, потребовав себе из ближайшего павильона чаю и кофе.

В такой обстановке мы стали «благодушествовать», к чему все располагало: в воздухе ощущалась умеренная теплота, ниоткуда не холодило, а ласкающая температура равномерно с ног до головы охватывала тело, что, кстати сказать, редко бывает в России. Какой бы хороший ни случился летний вечер, а вдруг и повеет холодком. Недалеко на эстраде играл английский оркестр, исполнявший иногда к нашему удовольствию русские музыкальные вещи. Приятно поражала нас еще нравственная выдержка восточных людей. Среди массы проходящих мы не видели женщин, не встречали праздношатающихся, а тем более пьяных, ввиду положительной трезвости мусульман. Но утешительнее всего было, что никто нас не безпокоил. Находясь в иноземном шумном африканском городе, чувствовали себя, однако, хорошо.

Удивительная черта арабов – знать себя и не оглядывать, не замечать других. «А как бы отнеслись к нам в Москве – задал я вопрос спутникам, – если бы в праздник вышли на бульвар в рясе и среди народа стали бы прохаживаться?»

Явившись в 11 вечера на вокзал, мы без затруднения сели в вагон отходящего в Каир поезда. Сначала было тепло, но к 3 часам утра сделалось весьма прохладно. Пришлось кутаться, так как холод пробирал изрядно. Такова уж особенность местного климата!.. Ехали с нами только мужчины-арабы. Все они весьма оживленно говорили между собой и опять, к нашему благополучию, не замечали нас.

На место прибыли ранним утром и на извозчиках добрались к остановке трамваев, отправляющихся к пирамидам, расположенным от города в 15 верстах. Сюда идет довольно широкая дорога, обсаженная деревьями.

Проезжая по мосту через Нил, мы заметили на берегу реки группу мусульман, усердно молившихся на коленях с воздетыми руками, обратив-

шись к востоку. И такую умилительную картину нам приходилось наблюдать при путешествии неоднократно. Помню, проезжали по Галилее. Был вечер. Заходило солнце. Путник-араб, оставив в стороне своего осла, на коврике совершал ту же молитву, а немного подальше на поле поселяне, окончив дневную работу, воссылали хвалу Богу.

При осмотре мечети Омара в Иерусалиме нас сопровождал страж миссийской церкви св. Марии Магдалины с Елеонской горы Измаил – набожный последователь Магомета. Проходя с нами по площади Мориа, он, увидев собратьев по вере, в разных местах исполнявших очередное моление, не утерпел, быстро побежал и пристал к одной из групп. Мы видели их действия, похожие на гимнастику: по указке старшего, очевидно, муллы, занимавшего почетное место впереди подобно командиру в войске, они все вместе то кланялись, то воздевали руки кверху, то приподнимались и некоторое время стояли неподвижно. Через пять минут вернулся к нам Измаил, довольный, что исполнил свой долг.

По-видимому, восточные народы твердо держатся ислама. Во всех религиозных обрядах принимает участие и государство. Так, например, в течение Рамазана, состоящего в том, что турки до захода солнца не вкушают пищи, час окончания поста ежедневно объявляется в городах сигналом из пушки. А однажды пришлось нам наблюдать молитву матросов на военном пароходе.

Но возвратимся к описанию поездки к пирамидам. Путь сюда, как сказано, лежит по довольно широкой и удобной дороге. По сторонам от трамвайной линии тянутся безпрерывной цепью караваны верблюдов с вожатыми в восточных костюмах, а вдали виднеются зеленеющие долины и кое-где высоко растущие пальмы. В воздухе почти всегда стоит какая-то таинственная тишина. Все это в реальных красках воспроизводило пред нами ту сказочную египетскую страну, о которой приходилось только читать.

От остановки трамвая до пирамид расстояние с полверсты. Хотя было утро, но южное солнце быстро вступало в свои права. Нужно было спешить с осмотром, а интересного оставалось еще много. Около часу пришлось употребить на поверхностный обзор одного лишь Хеопса, самой величайшей пирамида, устроенной евреями во время египетского рабства; прошли затем к Сфинксу, особого рода памятнику, и осмотрели фараоновы гробницы, остающиеся теперь пустыми, так как все мумии перевезены в музеи. Вдали виднелся еще целый ряд таких же сооружений, а с африканской стороны к ним примыкала безконечная песчаная пустыня. Арабы предлагали нам на верблюдах совершить объезд вокруг, но мы предпочли ограничиться обозрением самого существенного пешим хождением.

Итак, мы на том месте, где некогда Израиль был томим тяжелыми строительными работами. Здесь Моисей воспылал гневом на египтянина-

притеснителя и, убив его, закопал в песке, теперь уже и по нашему наблюдению, глубоком, непроходимом. Здесь, по преданию, имело остановку Святое Семейство во время бегства из Вифлеема, причем Божия Матерь с Богомладенцем отдыхала на каменном уступе Сфинкса. Здесь спасались первые христианские подвижники. Судя по их жизнеописаниям, они часто бывали вблизи гробниц-пирамид, куда по пути заходили, скрываясь от дневного зноя и темной ночи. Мысленно мы представили себе и ту тропочку, идущую вглубь к югу, по которой хаживали эти св. отцы-аскеты в город продавать свои рукоделия с тем, чтобы потом запастись насущным хлебом.

Что влекло их в такую суровую пустыню? – невольно задали мы себе вопрос. Несомненно, стремление уйти от развращенного шумного міра и соединиться душой с Богом. Впрочем, этого можно достичь разными путями: одни ищут красот природы, поселяются там, где леса, луга, долины, горы, и при виде их прославляют Творца и Промыслителя всего, созерцают Вечную Красоту; другие же избегают наслаждения видимым міром, боясь развить в себе, по слову Божию, «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». Некоторым нужна такая суровая обстановка, при которой внешним чувствам не оставалось бы ничего для питания, а душа всецело отдавалась бы Господу, ища в Нем опору и успокоение.

Последние и выбирали себе для подвигов и спасения непроходимые однообразные равнины, как египетские подвижники, или голые дикие скалы, как насельники обители преп. Саввы Освященного, Георгия Хозевита и др. А некий афонский инок, например, поселился в гроте при следующей страшной обстановке: с одной стороны было бушующее море, своими волнами постоянно грозившее смыть его обиталище, а с другой – нависшая сверху скала давала всегда ощущение, что вот-вот оборвется и под собою все раздавит, кругом ни кустика, ни деревца, ласкающего взор. На кого сей подвижник мог надеяться, чем еще наслаждаться и утешаться – кроме Единого Бога, с Которым душе человеческой везде хорошо и отрадно.

Название «Каир» носят два города, отстоящие не в далеком расстоянии друг от друга. Новый большой Каир, нынешняя столица Египта, построенный по европейскому образцу, и старый к югу от первого, где мы остановились на обратном пути от пирамид. Эта часть населена арабской беднотой и представляет собою остатки прежнего Мемфиса. Улицы здесь узкие, грязные, дома полуразрушены, зато окрестности прославлены пребыванием Святого Семейства, скрывавшегося от преследования Ирода. Тут теперь христианский коптский монастырь. Сюда мы и направили свои стопы. Был праздник св. ап. Петра и Павла. В храме совершалась Литургия,

пели «Святый Боже» на греческом наречии. Молящихся стояло несколько человек. Священник служил без диакона. Внутри церковь устроена по православному порядку: те же иконостас, алтарь, царские врата, престол, жертвенник, клироса и т. д., только все от времени в темном, закоптелом виде. При входе довольно большой притвор под железной крышей, без потолка, вроде двора при нашей деревенской крестьянской избе или же какой-нибудь мастерской.

Под передней частью есть подвальное помещение, куда нужно спускаться по лестнице, со свечею. На это место именно и указывают как на пребывание Святого Семейства. В нем сохраняются стол, седалище, в нише круглое ложе, заменявшее колыбель Богомладенцу Иисусу, а близ него ванна, служившая Богоматери для омовения Спасителя. Все высечено из камня. Помолившись в столь убогом жилище нашего Христа и Господа, мы вышли на улицу, где встретили несколько сидящих нищих – слепых, с воспаленными глазами. Христианский храм и нищие! По всей вероятности, так будет, доколе стоит вселенная и существует на земле вера Христова! Ничто не уничтожит бедность, а так как смиренная, незаметная нищета пренебрегается и забывается гордым міром, то она всегда и привитает у порога дома Божия, где пребывающая там любовь во Христе никогда не отказывает ей.

Между другими святыми местами в Египте замечательно еще недалеко находящееся от Большого Каира к северу село Матория, или, вернее сказать, при входе в него – дерево, именуемое Персея, под тенью которого, по преданию, покоилась Пресвятая Дева с Предвечным Богомладенцем, пока св. Иосиф отыскивал помещение для Них. Здесь же протекает ручей, из коего утрудившиеся Святые Путники утоляли жажду.

Мы спешили к отходившему в Порт-Саид поезду, а потому многое в Каире осталось неосмотренным, например, зоологический сад, куда советовали нам зайти. Переезд оказался для нас необычайной пыткой. Стоял африканский летний полдень с невыносимой жарой. Мы чувствовали себя в вагоне, как в настоящей бане. К тому же, со стороны Сахары дул горячий ветер, набивавший в щели, даже при закрытых особыми затворами окнах, песчаную пыль, проникавшую затем во все поры наших потных тел, испытывавших от всего сказанного невыносимое страдание. В довершение всего поезд шел неимоверно быстро, вследствие чего нас сильно качало, и получалось такое ощущение, что вот-вот он разлетится вдребезги, а с ним и мы обратимся в песчинку.

Путь лежал почти все время вдоль Суэцкого канала, на котором видели множество непрестанно работающих землечерпальных машин, очищающих дно от наносного сахарского песка. Наблюдали и то, как проходили океанские пароходы. Порт-Саид – портовый город.

Вокзал железной дороги находится вблизи морской пристани, так что не приходится брать извозчиков, а вещи сюда обыкновенно переносят носильщики. Тут же контора Русского пароходного общества, куда поспешили зайти за билетами.

Сесть пришлось на весьма старый и неудобный пароход «Адмирал Корнилов». Но как он ни был плох, а все же, с Божией помощью, доставил нас к утру в приморский порт Палестины Яффу, где по телеграмме начальника нашей миссии архимандрита Леонида нас встретил драгоман русского консула, старый черногорец Марко, знакомый многим православным паломникам. Несмотря на то, что подъезд в Яффе к берегу не безопасен ввиду множества подводных камней и скал, ловкие арабы-перевозчики обыкновенно благополучно доставляют пассажиров на пристань, лавируя так, что лодку направляют через опасное место с проходящей волной.

На Св. Землю, после скитания по чужим сторонам, мы вышли уже как бы на родину благодаря привету русских людей, которые, живя подолгу в Палестине, привыкают к ней и это свое чувство передают приезжающим сюда паломникам.

III.

Яффа. Сад Русской миссии. Иерусалим. Гроб Господень и Голгофа. Храм Воскресения. Сила Православия в Палестине. Судные ворота и Крестный путь. Гроб Пресвятой Богородицы. Место убиения св. архидиакона Стефана. Гефсиманский сад и площадка, где молился Спаситель о чаше. Елеон. Женская русская обитель. Католический монастырь кармелиток. Храм Вознесения Господня – ныне мечеть, и стопа в ней Иисуса Христа. Гробницы пророков. Церковь св. Марии Магдалины. Иосафатова долина. Гора Мориа. Мечеть Омара, бывший храм Соломонов. Стена плача иудеев. Иерусалим вокруг своих стен. Ворота: 1) Яффские и башня Давидова. 2) Дамаские. 3) Иродовы и пещера пророка Иеремии. 4) Св. Стефана и Овчая купель. 5) Золотые – Кедронский поток. 6) Навозные – источники Силоамский и Марии. Гора соблазна Акелдама. Селение прокаженных. 7) Сионские ворота. Немецкая кирха. Армянские монастыри. Христианское кладбище. Сионская горница и гробница царя Давида.

По прибытии в Яффу мы направились в довольно большой сад Православной Русской миссии, устроенный там, где жила некогда Тавифа, которую воскресил из мертвых св. Петр (*Деян. 9, 40*). По сказанию книги Деяний, сия раба Господня творила милостыню и была исполнена многих добрых дел *(Деян. 9, 36)*, а дом ее служил гостеприимным приютом для учеников Христовых. Последняя особенность, вероятно, навсегда запечатлелась на месте земного пребывания св. Тавифы (Серны), ибо и мы после

утомительной дороги нашли здесь, поистине, родной кров. При саде имеется подворье с храмом, помещение паломников и бассейн с чистой водой, куда наша компания прежде всего направилась, чтобы смыть африканскую сахарскую пыль и всю ту грязь, которой изрядно набралось в течение почти месячного путешествия.

Восточное омовение дало нам почувствовать необыкновенную легкость во всем теле. Затем гостеприимные монахи повели нас отдохнуть под тенистые деревья. Скоро появилось угощенье. Прошло несколько часов в кругу своих собратьев, и забылись все трудности пути. Нам тут же предложили осмотреть достопримечательности: показали пещеру, где похоронена св. Тавифа, и ввели в храм – уютный, светлый, чистый. Но особенно здесь заслуживает внимания колокольня, весьма высокая, красивая. С самого верхнего яруса ее открывается прекрасная панорама: вся Яффа утопает в зелени, вдали видно безбрежное море, а воздухом дышишь необыкновенно теплым, приятным, прозрачным. Благоустроенный заботами архимандрита Леонида, миссийский сад показался зеленым раем, с которым не хотелось расставаться. Но нас ожидало впереди лучшее – небесное сокровище, Живоносный Гроб Господень.

Не замедлив, мы скоро выехали туда по железной дороге. В прежнее время путь этот паломники совершали пешком, что, говорят, доставляло духовное наслаждение, несмотря на всю тяжесть перехода. Завидя издали Святый Град, все исполнились чувства умиления и радости, и, падая ниц, одни проливали слезы, другие вслух молились, иные же тихо, в глубине сердца, проникались неизреченным благодарением к Господу, давшему силы достигнуть и узреть заветную святыню христиан – Иерусалим. С проведением же так называемой «чугунки» указанный «штрих» паломничества во Св. Землю отошел в область предания. Но и приезжая в поезде, когда встречаются станции с евангельскими названиями Рама, Лидда и проч., в сердце испытываешь благоговейный трепет...

По приезде нас любезно встретили на вокзале посланные от о. Леонида. Русская Православная миссия, куда мы прибыли, занимает довольно большое пространство. Рядом с ее постройками – собором, гостиницей, настоятельским корпусом с церковью и помещением для братии – расположены здания Палестинского общества.

День клонился к вечеру. О. архимандрит с великою любовью принял гостей и прежде всего повел усталых путников по восточному обычаю на кровлю дома прохладиться от дневного жара и подышать свежим воздухом. Здесь же, за чаепитием и разговорами, незаметно наступила полночь, а с нею подкрался предательский иерусалимский холод, согнавший нас вниз в помещение. Да, климат во Святом Граде нельзя похвалить. Гористая местность делает его непостоянным и резко изменчивым. Ощущая

свежесть, мы невольно припомнили и «зиму» во время суда над Спасителем во дворе первосвященника, когда «стояху раби и слуги, огнь сотвориша, яко зима бе и греяхуся, бе же с ними Петр стоя и греяся» (*Ин 18, 18*).

Ночь нами была проведена почти без сна вследствие волновавшего чувства поскорее побывать в храме Воскресения.

Цель нами, наконец, достигнута. Мы с благоговейным трепетом и слезами прикладываемся к Живоносному Гробу Господню, находящемуся в особой палатке, по-гречески «кувуклии», обложенной желтым мрамором, с разнообразными украшениями и куполом посередине. При входе стоят в два ряда огромные подсвечники и теплится вне и внутри множество лампад, число коих в праздники увеличивается. Сзади находится небольшая коптская часовня, в коей совершается богослужение по воскресным дням.

Кувуклия разделена на два отделения: первое именуется приделом Ангела, благовестника радостного воскресения Христова – на средине стоит мраморная ваза с частью камня, отваленного Небожителем от дверей Гроба. Во время служения на него возлагается серебряная доска, заменяющая престол. В самую пещеру проходят непременно согнувшись ввиду небольшого отверстия; поместиться внутрь также можно только немногим. Три стороны гроба прислонены к скале, а четвертая открыта, сверху мраморная облицовка, как бы разделенная посредине. Весь он по частям принадлежит православным, грекам, армянам и католикам, по очереди совершающим здесь Литургию. Господь привел и нам послужить две обедни: одну на Гробе Господнем, а другую на Голгофе, причем так называемые разрешительные.

Кстати, несколько слов о сих последних. Еще на родине мы слышали нечто необыкновенное – будто им усвояется сила католических индульгенций. Однако здесь непонимание дела русскими людьми. Особенность их состоит в следующем: на великом входе предстоятель, стоя с чашей в руках на амвоне, обратившись к народу, предлагает чин исповеди с разрешительной формулой, причем поминает тех, за коих приносится Литургия. На заупокойных же в это время испрашивается прощение грехов всем нашим усопшим сродникам, с произнесением молитв, положенных на вечерне в Троицын день. Таким образом, сверх обычного разрешения, получаемого в таинстве покаяния и ходатайств за умерших, мы тут ничего другого не имеем. Однако понятно, почему паломники дорожат вышеприведенною богослужебною особенностью греков. Здесь исповедь и молитва у самого Живоносного Гроба Господня и на Голгофе, и хочется каждому верить, что на св. местах, где Спаситель принес за нас искупительную жертву, по преимуществу принимаются слезы покаяния и предстательство за других. Тяжко, однако, погрешит тот, кто думает без собственного исправления получить прощение. Такой попирает, по слову апостола, Сына

Божия и не почитает за святыню Кровь Завета, которою освящен, и тем готовит себе вящее осуждение (*Евр. 10, 23*).

Согласно существующему порядку, первенствуют при вышеозначенном служении греческие клирики: с нами совершал Божественную Евхаристию их епископ. Пели наши богомольцы почти все на славянском языке и только Апостол и Св. Евангелие прочитаны были и по-гречески. В праздничные дни правый клирос составляют греки, а левый – паломники.

Облик проживающих в Иерусалиме благочестивых молившихся с нами женщин, кстати сказать, по нашему наблюдению, ничем не отличается от московских: то же усердие к храму, та же преданность и любовь к пастырям, то же гостеприимство и стремление чем-либо наделить духовного отца. Из них во Св. Граде образовалась колония человек в 300. Указывают, впрочем, много отрицательных сторон в том обстоятельстве, что русские паломницы остаются в Палестине надолго, а то и навсегда. Прежде всего, некоторые впадают в бедность и нищету. Другие не выносят тамошнего климата и начинают страдать лихорадкой, а еще хуже, когда они поступают в услужение грекам. Католический папский престол, как нам передавали, строго следит за своими верующими и, ввиду указанных неблагополучных условий, не позволяет постоянно жить в Иерусалиме и Св. Земле.

Но возвратимся к храму Воскресения. Он ежедневно после вечерни в 6 часов запирается и открывается к началу утрени, которую греки совершают в 12 часов ночи в главном принадлежащем им среднем алтаре; христиане же других исповеданий: католики, армяне, копты – в своих небольших приделах. Впрочем, можно оставаться в нем при закрытых дверях, дабы помолиться, кому и как внушает Господь. Прослушав на Голгофе греческое повечерие с каноном и акафистом Божией Матери, желающие провести ночь в храме выбирают себе уголок, где было бы поуютнее и незаметнее.

Трудно изобразить всю глубину душевных переживаний этих уединенников!.. Гроб Жизнодавца постоянно умащается ароматами и окропляется благоуханиями, но еще больше слезами покаяния, обильно проливаемыми в ночной тишине пришедшими сюда благочестивыми поклонниками! Веяние сугубой благодати Божией ощущается здесь реально, приводя сердце в особенное, так сказать, «любвеобильное состояние», при котором хочется для Господа все оставить, от всего отказаться. И сколько бы ты ни стоял около «Первой Христианской Святыни», всегда чувство умиления наполняет душу, по сказанному «вкусите и видите, яко благ Господь!»

Уходящие же на ночлег домой должны утром поджидать, пока отопрут храм, ибо ключи от него ежедневно относят куда-то на сторону одному турецкому семейству. По местному закону вся площадь под Иерусалимом,

независимо от зданий, разделена между частными владельцами, преимущество коих состоит не только во взимании арендной платы за землю, но даже в некоторых случаях в хранении ключей от находящихся на ней помещений, как это и случилось с храмом Воскресения.

Мы приходили заблаговременно, а потому и оказывались всегда в числе чающих открытия дверей, вопрошая мысленно, подобно св. женам-мироносицам: «кто отвалит нам камень гроба, бе бо великий зело» (*Мк. 16, 4*). Да, поистине то обстоятельство, что означенным пропуском заведует мусульманин, представлялось для нашего христианского сознания большою нравственною тяжестью. После благодатной Православной Литургии, на которой человеческая душа поет и молится, начинается армянская, а потом католическая, отличающаяся пустотою и безжизненностью, благодаря мертвым звукам органа. Долго мы, пришедши в первый раз, стояли у Гроба Господня, духовно утешаясь неоцененным сокровищем и наблюдая приходящих к нему людей самых разнообразных национальностей и исповеданий: греков, арабов, абиссинцев, армян, коптов, негров и пр., думали: «Вот единственной святое место, где все христиане сходятся!..» И хотелось задержать на минуту этих пилигримов, чтобы сказать им: «Братья, довольно нам разделяться и враждовать. Вспомним завет нашего общего Христа Спасителя: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Подадим руку взаимного общения, облобызаемся, возлюбим друг друга, дабы едиными устами и сердцем исповедывать Отца, и Сына, и Святаго Духа!..»

Действительность же говорит совсем иное – на расстоянии лишь нескольких шагов, а на Гробе Господнем даже рядом, находятся алтари различных народов, но посмотрите, какие распри господствуют среди них. Нам передавали, что всякого рода столкновениям не было бы конца, если бы не вмешивалась турецкая охрана. Кстати, о сей последней. Она помещается при входе на особом большом помосте, где солдаты располагаются, как им угодно: одни сидят поджавши ноги, в фесках и курят, другие ведут оживленные разговоры, третьи спят и т. д. Все это часто приводит благочестивых поклонников в скорбь и огорчение. И зачем только, недоумевают некоторые, Господь допускает неверным владеть нашей величайшей Святыней?.. Тяжело смотреть на мусульманскую стражу, но лучше ли было, если бы Палестиной владели христиане? Нужно верить, все делается по Промыслу Божию, благому и спасительному для нас!

Голгофа находится выше Живоносного Гроба, вправо от св. врат, и представляет собою площадку, облицованную мрамором для защиты от богомольцев, откалывавших прежде кусочки скалы и уносивших домой на память. Алтарь здесь открыт, в знамение призвания всего міра в церковь Христову. Сзади стоит величественное во весь рост распятие Спасителя,

причем Животворящая Кровь Господня струится из Пресвятых Язв; предстоящие – Пречистая Матерь и возлюбленный ученик Иоанн изображены с глубокой печалью в лицах. Взирая на сей крест, христианин как бы видит Самого Спасителя и слышит вещающий Его глас: «Велика жертва, принесенная за спасение ваше, не златом тленным вы искуплены, а Моею кровью; не распинайте же Меня вторично вашими грехами, несите безропотно и вы жизненные скорби свои, да со Мною наследуйте и вечное блаженство».

Престол Голгофский осеняет то самое небольшое круглое отверстие, в которое водружен был Животворящий Крест Господень; оно обложено серебряным окладом с надписью. Кресты же разбойников обозначены черными кругами на плитах пола. Тут же видна глубокая трещина, образовавшаяся при землетрясении в момент, когда Богочеловек предал Дух Свой Богу Отцу. Патриархи и архиереи служат на Голгофе Божественную литургию без митр в воспоминание уничижения Христова.

Место распятия Господа полностью принадлежит православным грекам, и только в Великую Пятницу на два часа для совершения обряда снятия с Креста Спасителя оно предоставляется католикам. Престол последних устроен в правой стороне, где по преданию совершилось «пригвождение» и где стояла Божия Матерь при страданиях возлюбленного Своего Сына.

Уходя домой, мы заметили здесь среди молящихся русских престарелых женщин, остающихся после службы. Как нам сообщили, они, по данному обету, все время проводят у Креста Господня. Душевное состояние их понятно. Представьте себе: на Голгофу попадает человек, испытавший в жизни множество скорбей, для которого мір уже не существует, не пожелает ли душа такого безысходно пребывать там, где нет уже греха и печали и одно всепрощение, а вместе и нравственное отдохновение.

Впрочем, Лобное место приковывает к себе не только страдальца, но и всякого христианина: больного и здорового, грешника и праведника, ибо крест для всех спасение, отрада и успокоение.

Удивительное чувство переживается на Голгофе: часы здесь кажутся одним мгновением. Да это так и должно быть: где уничтожена смерть, там нет времени, а есть только молитва, безконечная молитва...

Храм Воскресения хотелось нам осмотреть всесторонне, а потому мы приходили сюда неоднократно. Прежде всего – снаружи, близ св. врат, на левой стороне стоит мраморная колонна с трещиной, из которой изошла благодать, т. е. Святый Свет, когда турки однажды в Великую Субботу не пустили православных к Живоносному Гробу.

Все христиане перед Нею благоговеют. Самое здание величественно и обширно, основано Царицей Еленой в IV в. по Р. Х. на месте, называемом

прежде юдолью мертвых. Благолепие соответствует высокому его значению; образа в иконостасе украшены ризами, пожертвованными из России; пол выстлан мраморными плитами; посредине стоит урна с крестом, обозначающая в духовном смысле «центр земли» по реченному: «спасение соделал еси посреди земли, Боже». Алтарь довольно возвышен; большой престол осенен вызолоченным балдахином; направо вверх ход на Голгофу, а налево – в ризницу, где хранится часть Древа Животворящего Креста Господня. Внизу устроена церковь во имя св. Иоанна Крестителя; за св. трапезой, сквозь железную решетку, при свете неугасимой теплящейся лампады видно продолжение вышеуказанной трещины; здесь, по общему на Востоке преданию, погребена глава праотца Адама. Где было начало смерти, там последовала и жизнь. «Яко же бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут» (*1 Кор. 15, 22*).

В воспоминание этого с древних времен вошло в обычай изображать под крестом череп человека. В притворе, по тому же верованию, погребен священник Бога Вышняго Мелхиседек, Царь Салимский. Тут же помещается довольно просторная дежурная комната – палатка, куда обыкновенно по приглашению заходят после службы почетные духовные гости передохнуть и выпить кофе, чего удостоились и мы. Против Голгофы в 60-ти шагах от нее находится за решеткой камень, именуемый «Узы Спасителя» с иссеченными в нем двумя отверстиями, в которые были заключены Пресвятые Ноги Христовы во время мучений Его в претории.

В близлежащем углублении устроен придел, посвященный Богоматери. В бывшей здесь пещере Божественного Страдальца стерегли воины во время приготовления орудий для казни, а когда повели Его на вольное распятие, то в ней оставалась Пренепорочная со св. женами и взирала, как Сладчайшего Ее Сына и Господа нечестивые мучители пригвождали ко Кресту.

Недалеко от Голгофы почти против входа показывают на небольшом возвышении продолговатый желто-розовый «камень мvропомазания», обставленный огромной величины подсвечниками и теплящимися над ними лампадами. Это тот самый камень, на котором по снятии со креста Иосиф с Никодимом возложили Пречистое Тело Господне для намащения ароматами и приготовления к погребению.

С левой стороны на полу изображен мраморный круг, огражденный железным сетчатым колпаком и освещаемый лампадою сверху – следы, где стояла Пресвятая Дева Богоматерь при опрятывании Умершего Христа Спасителя.

В западной части храма имеется придел сириан с гробницами Иосифа и Никодима, приснопамятных учеников Господа Иисуса.

Направо к северу от Кувуклии, шагах в 20-ти, обозначено место явления Спасителя по Воскресении св. Марии Магдалине. Недалеко отсюда, в

бывшем вертограде Иосифа, устроен католический храм, в коем хранится за решеткой часть каменного столба бичевания Божественного Страдальца, здесь же узнан был из трех Крест Христов.

Направляясь далее, вступаем в греческую церковь св. Лонгина сотника, уверовавшего в момент смерти Богочеловека при виде дивных знамений, причем предание говорит, что во время обретения главы св. мученика прозрела слепая женщина.

За сим следует придел «разделения воинами риз Господних».

Наконец, спускаясь вниз на 28 ступеней, сначала приходим в армянский храм, а еще ниже на 12 – в подземелье, где св. Еленой обретен был Животворящий Крест Господень в 326 г. по Р. Х.

В самом углублении пещеры устроен греческий алтарь, в нем видны огромные камни природной скалы, оставшиеся после землетрясения, бывшего во время страданий Христовых. Здесь же есть и католический престол, а вверху проделано окно, из которого, по преданию, св. Царица смотрела на работавших при отыскании «Спасительного Древа», глубоко закопанного врагами в лощине, именуемой «юдолью мертвых», куда повергали тела распятых с их крестами.

Поднявшись обратно, приходим в греческий придел «поругания и тернового Венца», так называемый по хранящейся в нем части камня, принесенного из претории, на коем сидел Господь во время возложения на Него багряницы и тернового венца; подобие их находится тут же в стене за решеткой. Две неугасимые лампады освещают сумрак этого священного места.

Поклонившись всем дорогим нашему сердцу памятникам Страстей Христовых, находящимся в храме Воскресения, мы со св. Церковью воспели: «Днесь Владыка твари и Господь Славы на кресте пригвождается и в ребра прободается, желчи и оцта вкушает, сладость церковная, венцем от терния облагается, покрываяй небо облаки, одеждою облачится поругания и заушается бренною рукою, рукою Создавый человека, по плещема биен бывает, заплевания и раны приемлет, поношения и заушения; и вся терпит мене ради осужденнаго, Избавитель мой и Бог, да спасет мір от прелести, яко благоутробен».

После осмотра храма Воскресения у нас составилось представление, что он почти весь в руках греков, и только небольшая часть принадлежит другим. Да и по всей Палестине главные святыни находятся в ведении их, а, следовательно, Восточно-Кафолической Церкви. Это впечатление еще больше усиливается, когда вспоминаешь владения Русской миссии. Имущественная, так сказать, сила Православия в Св. Земле несомненна. Таково значение его и нравственное. Когда приходит наша Пасха, Рождество Христово, Успение Божией Матери, весь Св. Град, как говорится, потряса-

ется. И чему, нужно верить, способствует не столько торжественная обстановка богослужения и массы присутствующих на нем паломников, сколько благодать Божия, дающая величие Истине.

Туземцы также сие чувствуют, оказывая внимание Православным торжествам, а государственная турецкая власть в день Рождества Христова в Вифлееме расставляет даже войска шпалерами при приезде Патриарха на служение.

По тем же внутренним побуждениям в день Успения Божией Матери инстинкт влечет многих магометанских женщин, почитающих гробницу Пречистой, на крестный ход, совершаемый сюда греческим духовенством, тогда как празднества христиан других исповеданий проходят сравнительно незаметно, в особенности у лютеран, как бы не имеющих части с нами на Св. Земле.

Обращает на себя внимание, далее, отношение евреев к храму Воскресения. По мусульманскому закону они не могут проходить мимо него, ибо всякий «правоверный» (магометанин), заметивший здесь иудея, имеет право безнаказанно убить его. Такое распоряжение, несомненно, было вызвано в свое время стремлением Израиля нанести вред святому месту, и указанная мера достигает цели. Евреи не только не пытаются подходить к «святилищу» христиан, но вообще живут в Иерусалиме обособленно, конечно, к своему же благополучию.

Близ храма Воскресения находится Патриархия и Авраамлевский греческий монастырь. Мы побывали в том и другом. К сожалению, святейшего Дамиана не застали дома. Он в это время проживал в Кесарии Палестинской, поручив исполнение своих обязанностей наместнику Лиддскому, архиепископу Мелетию, любезно принявшему нас и благословившему иконой с камешком от Гроба Господня.

Выходя из Авраамлевской обители, можно попасть на площадку, прилегающую к большому металлическому куполу Воскресенского храма, устроенному, как нам объяснили, иждивением русских. Прежде его не было, и тогда Живоносный Гроб Господень и Голгофа увенчивались сводом небесным, что имело свою духовную красоту.

С указанной площадки открывается вид на Святый Град и, в частности, на Крестный путь. Недалеко отсюда показывают так называемые «русские раскопки», где недавно нашим Палестинским обществом устроено большое здание, в котором можно видеть остатки древней стены времен Спасителя и, главное, порог «Судных врат», именуемых так потому, что тут по выходе из Иерусалима на Лобное место читался приговор преступникам. Теперь храм Воскресения застроен со всех сторон зданиями и стоит внутри стен. Последнее обстоятельство прежде многих смущало. На каком основании, говорили ученые исследователи, нынешний Гроб Госпо-

день и Голгофу считать подлинными, когда они находятся в городе, тогда как по сказаниям св. евангелистов Христос пострадал «вне града». Это недоумение и разрешили указанные «русские раскопки», открыв древнюю стену и порог «Судных врат», проходивших вблизи нынешнего храма Воскресения, оставляя место, им занимаемое за городской чертой. Что касается современной Иерусалимской ограды, включающей в себя и названные христианские святыни, то она устроена лишь в VI веке по Рождестве Христовом.

Проходить крестный путь паломникам лучше с «Судных врат», так как они по отношению к Голгофе, при жизни Спасителя, были конечным пунктом. По средине их стоит столик с Распятием, у которого мы отслужили панихиду по членам Русского Православного Палестинского Общества. Во время молитвы нашему умственному взору представился Божественный Крестоносец, Выслушивающий от Своих тварей смертный приговор.

На Страстном пути в принятом нами направлении нужно отметить следующие священные остановки:

1) Третье Христово падение под крестом.

2) Место плача жен иерусалимских.

3) Судные врата.

4) Второе Христово падение.

5) Дом Вероники, теперь католическую часовню, устроенную там, где изнемогающему Спасителю блаженная жена подала плат отереть кровавый пот с лица. Здесь нам разрешили приложиться к чтимому образу страждущего Христа.

6) Место появления Симона Киринейского.

7) Дом евангельского богача.

8) Переулок, коим вышла Божия Матерь навстречу Спасителю.

9) Первое Христово падение под крестом.

10) Пилатова площадка, куда игемон выводил Иисуса Христа к народу и говорил: «Се царь ваш» (*Ин. 19, 14*). Она представляет собой перекинутую через улицу арку, на которой прежде были надписи «Се Человек», «Возьми, возьми, распни Его», ныне их нет. Налево показывают небольшое углубление в стене, где, по преданию, Пресвятая Божия Матерь ожидала окончания суда.

11) Темница, недавно открытая греками; место бичевания Господа. Она находится гораздо ниже уровня земли и представляет собою подвальное помещение с устроенной здесь церковью. В ней сохранились каменные места, как бы своего рода кандалы для заковывания рук и ног преступников.

12) Крестный путь замыкается дворцом Пилата и преторией.

Проходя далее, отрадно побывать в доме, по преданию принадлежавшем родителям Пречистой Девы Марии.

Таким путем мы доходим до Стефановых ворот, а отсюда в Гефсиманию, к гробнице Богоматери, куда ведет широкая лестница с 48-ю ступенями вниз. Спустившись на 15-ю, видим в углублении места погребений: направо свв. правв. Иоакима и Анны, а слева св. Иосифа Обручника. В самой пещере открывается дивная картина: по всему своду обширной галереи блистают гирлянды зажженных лампад, мерцающих во мраке, точно яркие звезды на небе ночью.

Посреди стоит небольшая часовня с низенькой дверцей. Это усыпальница Приснодевы, иссеченная в природной скале. Гроб Богоматери, покрытый мраморной плитой, является престолом при совершении Божественной Литургии. Здесь и мы удостоились священнодействовать, причем, казалось, Пресвятая Владычица вручила нам Свою Гефсиманию в полное распоряжение, так как мы служили одни без участия греческих клириков: пели полным хором наши сестры с Елеонской горы, наполняли храм только русские богомольцы, словом, все было родное. Любит Царица Небесная православных, что и дала почувствовать при Своей гробнице во всей силе. Молиться тут необыкновенно утешительно. По выходе из пещеры приятно постоять на площадке, где было явление св. апостолам Богородицы, изрекшей им: «Аз буду с вами во вся дни».

В некотором отдалении отсюда показывают место присутствия Божией Матери во время побивания камнями св. архидиакона Стефана, мученическая кончина которого заставила нас о многом поразмыслить. Представилась такая картина:

Евреи совершают гнусное дело, они как бы продолжают гнать и распинать Христа, предают смерти Его ученика; юноша Савл, также иудей, сочувствует им, ибо спокойно смотрит на совершаемое преступление и даже сторожит одежды убийц. Пресвятая Дева стоит вдали и, несомненно, по Своему материнскому любящему сердцу, молится Сыну и Богу, чтобы Он укротил жестоких людей, не дал бы им власти и силы умерщвлять невинных, чистых рабов Христовых, направил бы гонителей на путь покаяния и исправления. А сам святой, виновник всего происходящего, возводит очи свои кверху и видит на небе Славу Божию, зрит небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (*Деян. 7, 55-56*) и далее, преклонив колена, умирает, восклицая громким голосом: «Господи! Не вмени им греха сего» (*Деян. 7, 60*). В страдальческой кончине св. Стефана, последовавшей вскоре после Воскресения Господня, в 34 году, как бы уже осуществилось Евангелие. Здесь на небе явление Прославленного Христа, здесь смерть за Него, здесь молитва за врагов, здесь проповедь о Спасителе міра, здесь участие Богоматери в деле спасения людей, здесь перерож-

дение при помощи благодати Божией жестокосердца Савла – словом, здесь все, все христианство.

После служения в Гефсимании нас пригласил настоятель оной, архимандрит Пантелеимон, зайти к нему в келию в здании Патриархии; предварительно же мы побывали на греческом подворье, устроенном как раз там, где пролил кровь свою св. архидиакон Стефан. После понесенных трудов приятно было отдохнуть и подкрепиться трапезой, приготовленной нам здесь русскими богомольцами, везде одинаково сердобольными, гостеприимными и приветливыми! Но в данном случае чувствовалось еще покровительство самого св. Первомученика.

Немного повыше гробницы Богоматери находятся остатки Гефсиманского сада, куда Господь любил уединяться на молитву и откуда Его взяли воины на распятие (*Мф. 26, 36-50*). Это место с 6-ю весьма древними масличными деревьями, относимыми естествоиспытателями к жизни Спасителя, в настоящее время принадлежит католикам. Маслины бережно охраняются: каждая из них в отдельности и затем все вместе огорожены, так что на них можно смотреть только с дорожки, проложенной вокруг.

По выходе из садика около стены указывают пространство, где Христос в ночь предания скорбел и тужил, даже до кровавого пота, а на расстоянии вержения камня лежат большие кремни, на которых почивали апостолы. Тут мы встретили абиссинских монахов, прислонившихся лицом к ограде и с великим усердием и жаром молившихся. За все время нашего пребывания они не оглянулись и, видимо, ничего не замечали, что вокруг происходило. Ум и сердце их, несомненно, слились с Тем, Кто во дни плоти Своей с сильным воплем и слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти и услышан был за Свое благоговение (*Евр. 5, 7*).

Мы еще раз посетили Гефсиманию и опять застали тех же абиссинцев. Говорят, последние – большие молитвенники, а потому им лучшего уголка для духовных подвигов нельзя и найти, как именно этот: они, очевидно, знают, что выбирают. Дух молитвы Спасителя, запечатлевшийся здесь навсегда, затем передается всякому приходящему сюда верующему христианину. Особенно хорошо тут под вечер, когда лучи заходящего солнца, освещая святую площадку, ласкают взор, а умеренная теплота и благорастворение воздуха бодрят тело: тогда можно пережить все плоды благодатного состояния – и сладость, и мир душевный, и радостнотворный плач и умиление. Кажется, ради только этого места никогда бы не расстался со Святым Градом Иерусалимом.

Что касается того, кому оно принадлежит, то, как нам объяснили, им все свободно пользуются. В Палестине христиане разных исповеданий друг перед другом стремятся захватить ту или иную святыню. И, говорят,

нет уже ни одного участка, ознаменованного евангельским событием, который бы кем-либо не был приобретен. Почему же сей, хотя и небольшой, но столь памятный для нас кусочек земли остается незанятым? Оказывается, по турецкому закону, всякий владелец должен огородить свое имение, и только тогда никто не имеет права на него посягать, и, наоборот, пока оно открыто, считается как бы общественным. И вот тут то бывает беда: не всегда удается сделать загородку. Указанный св. уголок пытались несколько раз покупать различные христиане, но никому не удается обнести его оградой. Нередко дело доходило до ссоры и побоев. Часто случалось так, что днем одни загородят, но ночью другие снесут, вследствие чего означенное св. местечко и до сих пор остается свободным, а вместе и во всеобщем пользовании.

После Гефсимании мы посетили Елеон. Он имеет три вершины: из них южная называется горой Соблазна, оттого что там в период заблуждений Соломона совершались языческие жертвоприношения; северная именуется Малой Галилеей, в отличие от Большой, по бывшему здесь при жизни Спасителя подворью галилеян, останавливающихся во время праздника пасхи. Она представляет собою сад с красивой поляной и есть, по мнению некоторых богословов, та гора, куда Господь повелел идти Своим ученикам по воскресении (*Мф. 28, 7-10*). Третья, восточная и самая высокая, – холм Вознесения. Тут в IV в. воздвигнут был св. Царицей Еленой великолепный и обширный храм без купола, как о том пишет блаж. Иероним и др.; ибо издревле утвердилось мнение, что нельзя устроить свод там, где вознесся на небо Спаситель міра.

Теперь здесь стоит турецкая молельня – небольшое восьмиугольное здание из белого мрамора. Посредине ее на природном каменном полу показывают стопу Господа Иисуса Христа, отображенную при взятии Его «от земли на небо». Приходящие с благоговением лобызают ее, чему не препятствуют турки, пропускающие сюда всех желающих за так называемый «бакшиш» (денежный подарок).

Кстати сказать, бакшиш на Востоке в большом ходу. Только благодаря ему можно получать там доступ ко многим св. местам, находящимся в руках мусульман. Это нужно знать, дабы заблаговременно запасаться мелкими деньгами.

К стенам, коими обнесено указанное место, прислонено несколько открытых каменных престолов, на которых христиане разных исповеданий ежегодно в праздник Вознесения совершают богослужения во временно устраиваемых церквах.

По свидетельству того же блаж. Иеронима, гора Елеонская в древности переполнялась отшельниками, селившимися в расселинах. Памятником этого служит оставшаяся здесь пещера преп. Пелагии Антиохийской,

проведшей более 30 лет в суровых аскетических подвигах. Память ее совершается Церковью 8 октября.

По преданию, Господь на Елеоне научил апостолов и молитве, дав им образец в «Отче наш». Наш паломник XII века игумен Даниил пишет, что тут при его посещении был храм, под алтарем которого находилось большое иссеченное в скале углубление. Ныне на этом месте католический монастырь кармелиток, инокинь, давших обет постоянного молчания. В воспоминание упомянутого евангельского события стены галерей, расположенных вокруг двора, расписаны молитвой Господней на многих языках, между прочим, встречается и на славянском.

Когда мы вошли сюда, нас поразила мертвая тишина, безмолвие и отсутствие живых существ; однако, за нами незаметно наблюдали. Вообще, в католических обителях в Иерусалиме и Палестине церковные служители, сторожа и монахи не стремятся с посетителями заговаривать и объяснять достопримечательности. Все они держатся в стороне и как бы стараются не безпокоить входящих богомольцев.

О кармелитках нам, далее, передавали следующее: каждая из них имеет отдельное помещение, устроенное так, что, пребывая в нем безвыходно, можно слышать совершаемое в храме богослужение. Указанный монастырь, действительно, производит впечатление дома, жительницы которого порвали всякую связь с людьми и міром и занялись таинственным делом, в данном случае внутренним единением со сладчайшим Спасителем. Дай только Бог, чтобы эта задача свято ими выполнялась!

Русской Церкви на Елеоне принадлежат:

1) Женская община, в коей мы нашли храм, несколько корпусов для сестер, дом начальника миссии с террасой, заложенный большой собор, а главное, весьма высокую колокольню, сооруженную еще покойным архимандритом Антонином и являющуюся как бы «маяком», свидетельствующим о силе Православия, особенно когда могучий ее звон разносится далеко по округе. Однако для насельниц Елеонского монастыря большой подвиг жить в нем по двум причинам: с одной стороны, по скудости материальной, а с другой, вследствие неблагоприятного климата, в частности, сильного ветра, доходящего в осеннее и зимнее время до жестокости; к тому же гористая местность, покрытая мелким камнем, летом превращает здесь все в пустыню.

В одно из воскресений, проведенных нами в Иерусалиме, мы служили в означенной обители. Помню, в утешение сестер назвали их счастливыми, ввиду их жительства там, где Господь при Своем вознесении обещал вечно пребывать с христианами. «У кого из вас в сердце не иссякла любовь к Небесному Жениху, та, – говорили мы, – всегда может созерцать и чувствовать Его благость на Елеоне; а с кем Христос, тому не страшны

никакие невзгоды и лишения. У нас на родине найдется много добрых людей, которые сочли бы за великое благо спасаться здесь, но они лишены этой возможности. И вот вы как бы взяли на себя задачу служить и молиться Господу за всех стремящихся сюда православных. Не посрамите же себя пред соотечественниками, ожидающими от вас подвигов благочестия».

С великой европейской войной, как нам передавали, насельницы Елеонского монастыря оказались в весьма бедственном положении: многие из них разбежались, а матушка-игумения, чудная старица Евпраксия, не вынесла и отошла в загробную жизнь одновременно с получением приказания от турецкого правительства удалиться с сестрами из обители.

2) Гробницы пророков, недавно приобретенные архимандритом Леонидом, внутри коих находятся низкие коридоры с нишами. Начаты раскопки, но, чтобы привести их в порядок, требуется много труда и материальных затрат.

3) Церковь в честь св. Марии Магдалины, устроенная на месте беседы Спасителя с учениками о разрушении храма и последних судьбах міра.

Весь Святый Град прекрасно виден с этого пункта (*Мф. 24, 3; Мк. 13, 3*). На паперти мы долго сидели, рассматривая Иерусалим и прочитывая из св. Евангелия пророчества. Две мысли, два предупреждения Божественного Учителя волновали нашу душу: первое – Страшный Суд совершится внезапно: «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого (*Мф. 24, 27*); второе – христианам всегда надо готовиться к нему. «Бодрствуйте, – убеждает Спаситель, – потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет». «Будьте готовы, ибо в который час не думаете, приидет Сын Человеческий» (*Мф. 24, 42-44*). «Бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время (последнее)» (*Мк. 13, 13*). «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером или в полночь, или в пение петухов, или поутру, чтобы, пришед внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (*Мк. 13, 35-37*). «Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались и объядением, и пьянством, и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте во всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (*Лк. 21, 34-36*).

Но скажут, если внезапно придет Христос, то зачем указаны признаки Его пришествия? Опять-таки с целью убедить апостолов, а в лице их всех христиан в возможности скорого явления Господа, ибо мір всегда грешен и достоин суда. Неожиданность и готовность – вот на чем нужно нам сосредотачивать свои мысли и чувства. Рассуждать же, все ли осуществи-

лось и исполнилось, значит успокаивать себя, усыплять нечистую совесть. «Бодрствуйте, – говорит Спаситель, – ибо каждую минуту может быть пришествие Сына Человеческого».

В нашей жизни много бывает случайностей: вдруг умирает близкий человек, нечаянно приезжает гость, незаметно подкрадывается болезнь – неожиданно придет и Господь... И счастливы те христиане, которые живут с постоянным ожиданием Всеобщего Судии. Одни из них стараются не спать в полночь, другие никогда не снимают верхнюю одежду, как о. Иоанн Кронштадтский, третьи всегда творят молитву Иисусову и т. д. Все же они бывают благонастроенными и радостными. Вот и ты, пред отходом ко сну думай: хотя ложусь отдохнуть, но не уверен – может быть, в эту ночь явится Христос, и меня позовут к ответу. Встаешь, опять мысли: слава Богу, выхожу на работу, ибо необходимо себе и ближним снискать пропитание, но не загадываю вперед и не знаю, проживу ли весь нынешний день. А вдруг в полдень да и придет Спаситель! Пошли же, Господи, всем нам не забывать Твоего внезапного пришествия, ибо это заставит нас духовно трезвиться, молиться и не грешить!

При храме св. Марии Магдалины находится несколько могил членов Православной миссии и Русского Палестинского общества. Уголок этот весьма уютен и благодатен, и мы невольно позавидовали лежащим в земле на столь святом месте, освященном божественными стопами Спасителя, где и самый воздух оглашался Его пророческой речью о судьбах міра. Названная церковь расположена недалеко от Иосафатовой долины, на которой не только по верованию евреев, но и мусульман, и других народов, будет суд и воскресение мертвых. Иудеи, например, говорят, что сюда тела всех их умерших перекатятся чудесным образом. А магометане думают, будто от горы Мориа проложится мост из паутины, по которому праведники свободно пройдут, а грешники провалятся и погибнут.

Иосафатова долина лежит у подножия Елеонской горы, вдоль потока Кедронского и представляет собою еврейское кладбище со множеством каменных могильных плит и памятниками, между коими высится столп Авессалома, гробницы Иосафата, Захарии, Иакова и др. Земля здесь переполнена человеческими костями, а местность печальным своим видом располагает к грусти: на ней всюду проглядывает безжизненность; поток Кедронский иссох, окружающие горы обнажены и покрыты развалинами, скалы, составляющие бока ее, изрыты и обожжены, надгробия, большею частью, сокрушены, несколько растущих деревьев опалены солнечным зноем, все мертво, печально. Поистине, названная долина – юдоль смерти!

С Елеона мы любовались Иерусалимом, в частности, вершиной Мориа, каковую поставили себе задачей осмотреть. Однако, это дается нелег-

ко: нужно сначала запастись пропуском. Получив его при помощи о. архимандрита, наша компания скоро оказалась у подножия священной горы...

При входе стоит стража, которая всех опрашивает и затем зорко следит. Здесь не встретишь праздношатающихся, а только мусульман, собирающихся в известный час на молитву. Мориа занимает довольно большое пространство, и, казалось, ее можно было бы использовать для общественных построек, как сделали русские в Москве с Кремлем, где рядом с великими народными святынями нагромождена масса других зданий: казармы, арсенал и др. Но магометане ревниво оберегают свою священную гору, и она у них неприкосновенна. Мы осмотрели прежде всего мечеть Омарову, находящуюся на месте ветхозаветного Иерусалимского храма. При входе в нее прежде всего внимание останавливается на внутреннем освещении предметов: свет, проходя через разноцветные стекла окон, покрывает все какой-то таинственностью. Два круга колонн из мрамора поддерживают арки потолка: первый идет вокруг стен, а второй расположен под основанием купола. В середине находится огромная скала или камень темно-серого цвета, огражденный вызолоченной решеткой.

По одному преданию, на нем Авраам приносил в жертву Исаака; по иному, он перевезен из Вефиля при построении храма Иродова, существовавшего при Спасителе, и есть тот самый, на котором почивал Иаков, когда видел во сне небесную лестницу. Во время крестоносцев, завладевших названной мечетью, священный камень служил престолом при совершении Литургии. Весь Восток благоговейно чтит ее.

Показывая все это, наш проводник, набожный мусульманин Измаил, сторож церкви св. Марии Магдалины, умилялся и нежно говорил: «Посмотрите, какая небесная красота, как велик Бог и пророк Магомет!» Вот был бы ревностный христианин, говорили мы, слушая благонастроенного араба, а вместе думали, что Господу приятен во всяком языке почитающий Его.

В Южной стороне двора стоит мечеть Эль-Акса («Отдаленная») – бывшая христианская базилика, построенная на месте «Святая Святых» Св. Константином и Еленой в честь Введения во храм Божией Матери. С левой стороны горы, обращенной к Елеону, сохранились подвальные помещения, так называемые конюшни Соломоновы, весьма громадные по своим размерам. По всей вероятности, над ними сверху существовал притвор с тем же именем, где любил ходить Спаситель и апостолы (*Ин. 10, 23; Деян. 3,11*).

Итак мы там, где находился второй храм, украшенный Иродом, слава коего, как говорили пророки, превзойдет славу первого, ибо в нем явился Мессия-Христос. По описанию Иосифа Флавия, иудейского историка, он при жизни Спасителя, действительно, отличался великолепием. Собствен-

но, здание было невелико, но изобиловало множеством пристроек с дворами для язычников, женщин, израильтян и священников. Все это, обнесенное стеной с несколькими воротами, ведущими к центру, имело восхитительный вид, особенно с вершины близлежащего Елеона (*Мк. 13, 1*), откуда священные сооружения необычайной белизны, вследствие массы в них мрамора, казались снежной горой и блестели при солнечном свете так сильно, что глаз с трудом выносил их (см. Историю Иосифа Флавия). Неудивительны поэтому вопросы св. апостолов Божественному Учителю, какая судьба ожидает святилище, столь дорогое сердцу каждого еврея. Понятны смущение и слезы по человечеству Самого Господа (*Лк. 19, 41*), когда Он, предвидя его гибель, говорил со скорбию о сем Своим ученикам.

Пророчество Спасителя, как нам известно, исполнилось: храм Иродов был уничтожен до основания римлянами при императоре Веспасиане. Юлиан Отступник пытался восстановить его, но, по сказанию историка Аммиана Марцеллина, постройка не увенчалась успехом, будучи чудесным образом несколько раз разрушаема. Нам же дороги и те камни, на которых стоял второй храм, где совершилось множество знаменательных библейских событий. Тут Господь Саваоф являл Славу Свою, здесь находился кивот с манной, скрижалями Завета и прозябший жезл Аарона; в указанном святилище воспиталась Пренепорочная Богоотроковица Мария, но важнее всего то, что Спаситель міра часто бывал в нем, ибо, как Он сам говорил, «Ему надлежало быть в дому Отца Его Небесного» (*Лк. 2,49; 19, 47; 21, 37-38; Мк. 11, 27*).

Здесь встретил Его праведный Симеон, поднявши на руки при вдохновенных словах: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему с миром!» Сюда Христос в детстве приходил на праздник Пасхи с родителями по плоти; здесь Он, будучи 12-летним отроком, удивил мудростию еврейских законоучителей, сюда на кровлю Он был перенесен при искушении от диавола; отсюда Он изгнал бичом торжников; здесь избавил от осуждения жену-блудницу и ублажил вдовицу, принесшую две лепты; сюда Он при кликах народа «Осанна! Благословен Грядый во имя Господне, Царь Израилев!» торжественно вступил за несколько дней до вольного страдания; здесь Он многократно учил народ, обличал книжников, фарисеев и саддукеев, а главное, словом и чудесами утвердил истину Своего Божества (*Ин. 7, 8 и 10 гл.*).

Нигде так ясно и подробно Спаситель не объяснял, что Он Бог, как в храме. Вот Его речи: «Тогда (евреи) сказали Ему: Кто же Ты? Иисус сказал: от начала Сущий. Как и говорю вам» (*Ин. 8, 25*). Иисус сказал им: «Истинно, истинно говорю вам, прежде, нежели был Авраам, Я есмь» (*Ин. 8, 58*). «Я и Отец Одно» (*Ин. 10, 30*). Тут иудеи схватили каменья, чтобы побить Его... за то, что Ты, говорили они Спасителю, будучи человек, де-

лаешь Себя Богом (*Ин. 12, 31-33*). Иисус отвечал им: «Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мір, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: «Я – Сын Божий» (*ст.36*), верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем».

Такие слова Господа для евреев, строивших храм и хорошо знавших, Кому он принадлежит, являлись камнем преткновения. Они должны были или признать Его за Мессию или отвергнуть. Сыны Израиля, к собственному несчастью и гибели, избрали последнее. Мы же с тобой, читатель, по милости Божией христиане, и нас приведенные речи непременно убеждают в Богочеловечестве Христа. В самом деле, мог ли Всемірный Проповедник истины присваивать Себе Божеское достоинство, не будучи таковым, и говорить об этом в храме, где и люди, отлагая всякую житейскую ложь, стремятся к правде?! А потому, когда ты сомневаешься в Сыне Божием, читай вышеуказанные места св. Евангелия: они дадут тебе восчувствовать Иисуса Христа как Бога и помогут понять, почему Он раскрывал догматическую сторону Своего учения именно в церкви. Так мы размышляли, когда ходили на месте современного Спасителю второго храма.

С одной площадки Мориа виден небольшой остаток древней каменной ограды, окружавшей некогда всю Священную гору. Это – стена плача иудеев. Около нее можно постоянно наблюдать молящихся со слезами евреев: последние, обратившись лицом вплотную к камням, целуя и касаясь их лбом, подолгу стоят здесь, бия себя в грудь с воплем и рыданием. Картина трогательная, а вместе и поучительная.

Смотря на указанных людей, невольно думаешь: да, есть о чем им плакать. В самом деле, если вспомнить, с одной стороны, все благодеяния и милости, какими Иегова наделил избранный народ, а с другой – неблагодарность, измену, упорство последнего согласно свидетельству самого пророка Моисея (*Исх. 32, 9*), или, наконец, приведешь себе на память, что жестоковыйность довела иудеев до безмерного преступления – распятия общего всем Христа и Бога, то скажешь: «Им надо сокрушаться». И Спаситель говорил: «Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших (*Лк. 23, 28*).

Они должны рыдать о своей вине перед Господом и просить Божественной помощи восчувствовать и понять Мессию, умолять Иегову снять с них проклятие, которое навлекли на них отцы, когда кричали: «Кровь Его на нас и на чадах наших» (*Мф. 27, 25*). Им нужно заботиться о примирении с Богом.

Но не о том, к сожалению, сыны Израиля терзаются сердцем у стены. Они, несомненно, плачут об обиде, о потере храма и отечества, о возвращении прежней славы и могущества, о покорении народов земли, об от-

мщении и наказании последних за гонения, якобы претерпеваемые ими везде и ото всех и т. д.

Но такой молитвой евреи еще больше прогневляют и отдаляют от себя Бога, ибо просят не о должном, слезы их – порождение безпримерной гордости (*Лк. 13, 34*). О, если бы они умоляли о прощении ими богоубийства, тогда бы уже не стояли у стены плача, а в храме Воскресения у Живоносного Гроба Господня! Теперь же являются отверженными. На них в точности исполняется то, о чем говорил Иегова еще через Моисея: «Если будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли и придут на тебя все благословения... Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего, то придут на тебя все проклятия. И рассеет тебя Господь по всем народам от края земли до края земли... но и между народами не успокоишься и не будет места покоя для ноги твоей, и Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаевание очей и изнывание души» (*Втор. 28, 1-2; 15, 64-65*).

Но сказанное Господом по отношению к иудеям и осуществившееся в их жизни можно отнести и ко всякому «языку и племени», ибо Бог – Один у всех. Особенно в данном случае приходится бояться за русских, взявших на себя задачу хранить Православие, ныне же развратившихся и отступивших от Христа... Как бы и над нами не повторилась судьба евреев, ибо вот грозное слово Спасителя: «Если не покаетесь, все так же погибнете» (*Лк.13, 5*).

Побывши и помолившись в храме Воскресения, в Гефсимании, на Елеоне, прошедши Крестный путь и осмотревши гору Мориа, мы решились, далее, обойти Иерусалим вокруг стен, начиная от Яффских ворот, являющихся въездными в город от станции железной дороги и выделяющихся по башне Давидовой, от которой идет к центру улица того же названия.

Между Дамасскими и Иродовыми воротами показывают ров, куда был брошен пророк Иеремия за правдивое слово к своим соотечественникам. Вот его речи: «Так говорит Господь: непременно предан будет город сей в руки царя Вавилонского, и он возьмет его». Тогда князья сказали царю: «да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов, которые остаются в этом городе, и руки всего народа, говоря к ним такие слова, ибо этот человек не благоденствия желает народу сему, а бедствия». И сказал царь Седекия: «Вот он в ваших руках, потому что царь ничего не может делать вопреки вам». Тогда взяли Иеремию и бросили его в яму Малхии, сына царя, которая была во дворе стражи, и опустили Иеремию на веревках: в яме той не было воды, а только грязь, и погрузился Иеремия в грязь» (*Иер. 38, 3-6*). Еврейскому народу никогда не нравилась правда: они и святых пророков, обличавших и проповедывавших истину, гнали, убивали и подвергали поношениям. Указанный ров, по всей

вероятности, в свое время был большой цистерной – хранилищем для воды. Мы же нашли его в печальном состоянии.

У ворот св. Стефана сохранились остатки Овчей купели (Вифезды). Еще и доселе видны здесь притворы, упоминаемые в св. Евангелии (*Ин. 5, 2*). В общем, этот памятник теперь также производит впечатление заброшенного места, куда свозят всякий мусор.

Против Елеона находятся всегда запертые Золотые ворота, ведущие на гору Мориа. По преданию и верованию турок, ими войдет в Иерусалим новый завоеватель.

Внизу, вдоль стены, по долине обозначается русло Кедронского потока, наполняющегося водой только в дождливое осеннее и зимнее время.

Далее идут Навозные ворота, именуемые так потому, что ими вывозили из города нечистоты. Против них вдали видно селение прокаженных, мимо которого лежит дорога в монастырь св. Саввы Освященного. Прокаженные! Как они известны всем из Библии и св. Евангелия. И теперь сия болезнь не исчезла в Палестине. Когда мы проходили близ места убиения св. первомученика Стефана, нам попадались люди, похожие на названных страдальцев; вообще, нищие на Востоке поражают путешественников своим несчастным видом: между ними много слепых, с воспаленными глазами, хромых, а главное, полураздетых и крайне грязных.

От Навозных ворот видны гора Соблазна, а ближе к городу село Крови (Акелдама), здесь теперь устроен греческий монастырь св. Онуфрия. Внизу, между Иерусалимом и Кедронской долиной расположены источники Силоамский и св. Марии. Первый находится в ущелье, при соединении Мориа с Сионом. Сюда был послан Христом слепорожденный умыться после исцеления. Воздвигнутый на этом месте св. Царицей Еленой храм во имя Христа Просветителя ныне не существует. При жизни Спасителя тут стояла башня, или столп, убивший при случайном падении 18 человек, по поводу чего Господь, будучи извещен, сказал в назидание грядущим поколениям следующее предостережение: «Или вы думаете, что те осьмнадцать, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете» (*Лк. 13, 4-5*).

Недалеко отсюда показывают гроб пророка Исаии с растущим тут же шелковичным деревом, тень коего до половины раздвоена, как бы в напоминание о мученической смерти великого праведника, распиленного деревянною пилою по повелению царя Манассии.

Когда мы подошли к источнику св. Марии, стало темнеть, так что пришлось спускаться к нему довольно порядочно по лестнице с зажженными восковыми свечами. Посещение этого св. места осталось особенно у нас в памяти. Вокруг царила мертвая тишина, посторонних ни души... В самом

низу на каменных плитах приятно было стоять и вслушиваться в журчание ручейка, вытекавшего из-под горы. Освежившись водой, мы просили Господа, предстательством Царицы Небесной, просветить и наши очи сердечные. Несмотря на сумрак и безлюдье, нами не овладевала робость. Потеряло силу и предупреждение об опасном хождении поздно вечером около Иерусалима, ибо духовный восторг от счастья находиться у святынь подавлял в нас всякий страх.

Возвращаясь домой в темноте с тем же воодушевлением, мы утешали себя воспоминанием, что и Сам Спаситель с учениками часто совершал путешествие в ночной тиши, незаметно для людей и городского шума. Обход Иерусалима мы закончили на другой день Сионом, где находится драгоценнейшая сердцу христианина святыня «Сионская горница», или дом Тайной Вечери. В ней свв. Константин и Елена устроили храм-базилику, обращенный теперь в мусульманскую мечеть. Посередине продолговатого помещения сохранились круглые мраморные столбы. Будучи в турецких руках, означенный памятник запущен и мрачен, но остается чувство и доселе, что здесь некогда было помещение «большое, убранное и постланное» (Лк. 22, 12). Незабвенно оно для всех верующих, ибо тут открылся и забил благодатный источник св. Евхаристии.

Представьте себе – странник в изнеможении остановился на пути и невыносимо страдает от жажды. Вдруг соседняя скала разверзается и исторгает струи чистой холодной живительной воды, напившись которой умирающий не только избавляется от смерти, но и получает оздоровление всего организма, как памятно и дорого навсегда остается для него это место. Такое же значение имеет для христианина и Сионская горница. В ней Христос впервые преподал в снедь Свои Пречистое Тело и Кровь, Коими насыщаются теперь во спасение не только души, но и тела людей всех стран, народов и времен. Вот уже, поистине, по слову Спасителя, отсюда потекли целые реки воды живой, божественной и обтекли весь мір (*Ин. 7, 38*).

Погрузившись мыслию, сколько за 20 почти веков христианства принесено Безкровной Жертвы, сколько вместе с этим оживотворено живущих на земле, и вы от духовного восхищения падете ниц там, где совершилась Тайная Вечеря, и станете лобызать пол и камни, освященные стопами Господа. Хотелось бы видеть здесь православный христианский храм, в котором могли бы верующие сподобляться Св. Животворящих Таин Христовых и, таким образом, присоединяться к числу причастившихся в присутствии Самого Господа. Но сия радость отнята от нас и, несомненно, по особому Промыслу Божию.

Необычайно дорога указанная святыня и как ознаменованная Сошествием Св. Духа на апостолов. В воспоминание сего величайшего события ежегодно в праздник Св. Троицы греческое духовенство с богомольцами

приходит сюда и вблизи читает молитвы о ниспослании Св. Духа. И опять мы лишены возможности молиться на месте явления Утешителя в міре. Какое печальное положение, какое унижение, несмотря на видимое могущество христианских народов, составляющих первые «величайшие государства в міре!..

Сионская горница принадлежит, как я сказал, мусульманам. В ней хранится гробница царя Давида, куда турки не пропускают для осмотра никого. Тут же высится громадный немецкий храм, устроенный на месте дома св. Иоанна Богослова, куда он, по заповеди Спасителя, взял на жительство Пречистую Деву Марию.

Вдали видна гора «Злого совещания», где беззаконный Иуда уговаривался о предательстве Господа. При входе на Сион находится дом первосвященника Анны, на суд которого прежде всего приводился Верховный Судия міра вертограда Гефсиманского; ныне здесь армянский женский монастырь в честь свв. ангелов. Против алтаря показывают отрасль древней маслины – свидетельницы указанного евангельского события. Недалеко и владение Каиафы, где теперь мужской монастырь, тоже армянский. На небольшом мощеном дворике его растет толстая виноградная лоза, у коей св. ап. Петр грелся и потом отрекся от своего Божественного Учителя.

К ограде обители прилегает кладбище христиан всех исповеданий, на нем погребают и русских богомольцев. К сожалению, оно производит тяжелое впечатление запущенностью и безпорядочностью в расположении могил.

Наконец, в Сионе мы заходили в дом евангелиста Марка, куда пришел св. ап. Петр, чудесно изведенный ангелом из темницы.

IV.

Окрестности Иерусалима. Вифлеем. Развалины древней Рамы. Пещера Рождества Христова. Придел блаж. Иеронима. Письмо Публия Лентула цезарю о Спасителе. Долина пастырей. Селение Беджалы. Горнее. Женская Русская обитель. Францисканский монастырь. Древний источник. Место свидания свв. жен. Пещера Крестителя. Патриаршая дача. Поездка на осликах. Крестный монастырь. Абиссинский храм. Царские гробницы. Вифания. Пещера Лазаря. Поездка в Хеврон. Соломоновы пруды. Беф-Захария. Мамврийский дуб. Служение под ним Литургии. Пещера Махпелы. Путешествие на Иордан. Монастырь Георгия Хозевита. Иерихон. Подворье и миссийский сад. Мертвое море. Река Иордан. Встреча с богомольцами. Монастырь св. Иоанна Предтечи. Сорокодневная гора. Источник преп. Елисея. Греческое подворье. Возвращение с горы и нападение собак. Возвращение в Иерусалим.

Мы обошли Иерусалим кругом. Господь помог нам осмотреть и окрестности: Вифлеем, Горнее, Патриаршую дачу, Крестный монастырь,

Абиссинскую церковь и Вифанию. В Вифлеем отправились к вечеру, имея намерение прослушать в пещере Рождества Христова утреню и Божественную Литургию, каковые службы там бывают ночью.

Он расположен на горном хребте, спускающемся в долину, около которой стоит мусульманская часовня – гробница Рахили, жены патриарха Иакова, а неподалеку раскинулось арабское селение, близ развалин древней Рамы, напоминающей о грустном событии – избиении младенцев Иродом, надеявшимся в числе их умертвить и Богомладенца Иисуса, о чем в Священном Писании упоминается в раздирающих сердце словах: «Глас в Раме слышан бысть, плач, и рыдание и вопль многих. Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть» (*Мф. 2, 18*).

Высокие стены монастыря, имеющего вид укрепления, первые являются взорам путешественника при въезде в Вифлеем. Храм Рождества Христова, начатый св. Царицей Еленой и оконченный при Иустиниане, принадлежит греческому духовенству, и есть один из самых величественных в Палестине: он поражает своим великолепием и изящной архитектурой; вход в него идет чрез обширную и длинную галерею, лежащую сводами на колоссальных колоннах, уставленных в 4 ряда. С обеих сторон главного алтаря, по 15-ти ступеням сходят в подземную церковь или собственно в «вертеп Рождества Христова», состоящий из природной скалы, обложенной белым мрамором: таинственный мрак этого святилища вызывает сердечное умиление и теплые мольбы Благоизволившему воплотится ради спасения нашего.

Самое место явления во плоти Спасителя заключается в полукруглой нише, обозначено большою серебряною звездою с латинской надписью вокруг: «Здесь родился Иисус Христос от Девы Марии». Каменная доска сверху служит престолом для совершения Божественной Литургии. В нескольких шагах, на правой стороне есть углубление на две или три ступени: тут были ясли, принявшие повитого Богомладенца, и здесь же совершилось поклонение пастырей и волхвов, принесших в дар Рождшемуся Владыке: злато, смирну и ливан. То и другое в руках католиков. К верхнему прилегают пещеры с престолами во имя св. Иосифа Обручника и св. младенцев-мучеников, от Ирода избиенных, коих свв. останки хранятся за железной решеткой; мирная колыбель Небесного Младенца взяла их под свой кров.

В Вифлееме между армянами и греками и особенно арабами постоянно бывают столкновения, ввиду чего сюда введена турецкая стража, неотлучно находящаяся на том месте, где кончается собственность греков и начинается армян. Литургию мы служили с арабским духовенством. Пели наши богомольцы на славянском языке, а Апостол и Евангелие были прочитаны еще по гречески и сирийски. Кроме русских, присутствовали

туземные женщины, молившиеся с необыкновенным энтузиазмом. Оказывается жители Вифлеема почти все христиане, только, к прискорбию, они поделились надвое: одни из них православные, а другие – католики.

Великое счастье совершать Божественную Евхаристию в вертепе Рождества Господа нашего Иисуса Христа, куда стекаются к Нему на поклонение люди всех времен и народов. И думается, здесь особенно Спаситель принимает с верою и любовию достигающих Его яслей. Вот и мы удостоились сего утешения. Приими же, Господи, и от нас молитву и усердие. Некогда в Вифлееме, а, может быть, и в самой этой пещере, слуги Иродовы искали убить Тебя, Младенца. Свирепствуют они и ныне в лице всех отвергающих Твое Божество, свирепствуют во всем мiре. Нас же, смиренно пришедших к Тебе, освяти, вразуми и настави на путь правый и спасительный!

После Божественной Литургии мы с благоговением постояли около яслей и прошли в пристройку блаж. Иеронима, где ксендз, жестикулируя пред престолом, совершал немую мессу, а присутствующие старались как бы подражать ему во внешних приемах богослужения. Между нами опять были арабские женщины, молившиеся с большим жаром. Какое прискорбное разъединение между христианами! – подумали мы, – живут люди в одном месте и семействе и делятся между собой, говоря: мы – православные, мы – католики, мы – армяне... Родившийся в вертепе и в яслях возлегший, Господи, совокупи всех нас в одно стадо, как и Ты молился Небесному Отцу: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (*Ин. 17, 21*).

Блаженны удостоившиеся видеть Христа во плоти на земле, но мы счастливы по описаниям знать Его Божественный лик. Вот пред нами найденный в библиотеке лазаристов в Риме документ – частное письмо римского правителя Иудеи Публия Лентула, написанное на латинском языке и помеченное Indict 7 в 11 месяце, т. е. около 30 г. по Р. Х., присланное цезарю, желающему, очевидно, иметь представление о Мудреце, слухи о Котором доходили до него. Оно гласит:

«Я слышал, о Цезарь, что ты пожелал узнать о том благочестивом Человеке, Которого зовут Иисусом Христом и которого народ почитает пророком и Богом и о Котором ученики Его говорят, что Он – Сын Божий и Творец неба и земли. На самом деле, Цезарь, об этом Муже ежедневно слышны чудеснейшие дела. Буду краток: Он воскрешает мертвых и исцеляет больных. Он среднего роста, добродушного, но в то же время царственного вида, что сразу заметно по чертам Его лица, так что когда всмотришься в него, то невольно проникаешься чувством и боязни, и любви к Нему. Волосы на голове до ушей цвета зрелых греческих орехов, ниже до

плеч они блестяще светлого цвета. Пробор Он носит по середине, по обычаю жителей Назарета. Лоб гладкий и лицо без морщин и пятен. Борода одинакового с волосами цвета, курчавая, не особенно длинная и разделяющаяся посередине. Взор Его строг и такой силы, как луч солнца. Никто не в состоянии твердо смотреть Ему в (лицо) глаза; когда Он поучает, то внушает боязнь, но когда Он кончает поучение Свое, то плачет. Хотя Он строг, но в то же время чрезвычайно добр и приветлив. Говорят, что никто Его не видел смеющимся, но зато часто плачущим. Кисти Его прекрасны, так же и руки. Публично Его видят редко, и когда Он появляется, то выступает чрезвычайно скромно. При этом осанка Его величественна. Он прекрасен, впрочем. И Мать Его – красивейшая Женщина, когда-либо виденная в этой стране. Если пожелаешь, Цезарь, как ты однажды выразился, то дай мне знать, и я тотчас вышлю Его тебе. Хотя Он никогда не обучался, но знает все науки. Он ходит босым и с непокрытой головой. Многие смеются, когда увидят Его издали, но лишь только Он приблизится, они начинают трепетать и удивляться Ему. Говорят, что такого Мужа никогда не видали в этой стране. Евреи утверждают, что ни от кого никогда еще не слышали таких поучений, как от Него. Многие говорят, что Он – Бог, другие, что Он, о Цезарь, твой враг. Злые евреи стараются причинить Ему всякие неприятности. Говорят, что Он никогда не возбуждал неудовольствия в других, напротив, Он старается удовлетворить желание каждого. Во всяком случае, я готов, о Цезарь, исполнять всякое твое повеление, относящееся к Нему.

Публий Лентул,
правитель Иудеи».

Иерусалим.

Приятно христианину читать подобного рода свидетельство о нашем Спасителе, но еще отраднее зреть в глубину Его духовного облика и ходить по стопам Божественного учения...

Вифлеем в большом уважении и у магометан. К востоку от него, на расстоянии получаса ходьбы, лежит прекрасная равнина, именуемая «Долиною пастырей», усаженная масличными, фиговыми и другими деревьями – здесь блаженные пастухи первые сподобились видеть и слышать явление и славословие небожителей, возвестивших земнородным о всерадостном Рождестве Спасителя міра.

Окруженная невысокою каменною стеною, означенная местность принадлежит грекам, устроившим здесь небольшую подземную церковь. На пути к Иерусалиму, от дороги вправо, указывают поляну, где всегда находят круглые, как горошинки, камешки. Происхождение их, по местному преданию, следующее: Господь однажды, идя из Вифлеема во Св. Град, спросил у земледельца, что он сеет. «Камни, – с гневом отвечал тот, и все

зерна, брошенные им для всходов, действительно, обратились в таковые. Последние постоянно паломниками собираются, и они не оскудевают – факт, достойный замечания.

Неподалеку от Вифлеема находится еще селение Беджалы, или дом Ефрафа, т. е. веселия, так названный потому, что жители его, оставаясь доселе христианами, первые приняли с верою извещение о Рождестве Христовом и возрадовались. Тут нашим Палестинским обществом основана женская учительская семинария.

Горнее – местечко на склоне горы в нескольких верстах от Св. Града. По преданию, здесь находился дом праведных Захарии и Елисаветы, в котором родился св. Иоанн Предтеча. Сюда поспешила Пресвятая Дева Мария поделиться со Своею родственницей великим благовестием, полученным от архангела Гавриила, а вместе узнать о состоянии ее здоровья, будучи от того же небожителя извещена о зачатии Елисаветою сына. «И целовастася обе матери», – поется в церковных песнопениях. Божественною радостию исполнились при встрече сердца двух святых Жен. Такое же чувство они вселяют и в души всех, посещающих Горнее, где ныне устроен Русский женский монастырь, раскинувший свои маленькие домики на значительные пространства.

Климат здесь, сравнительно с Елеоном, мягкий, приятный, миром и уютностью дышит все тут. Привет, оказанный праведной Елисаветой Пречистой Деве Марии, запечатлелся как бы на самой той земле. Господь привел нам 8 июля, когда празднуется святое свидание, совершить в Горнем Божественную Литургию, причем мы обратились к насельницам обители со следующими словами назидания:

«Никогда не забывайте, сестры, где вы находитесь. Если стремление всех вступивших в иночество – воспитывать любовь к Господу и ближним, если мы должны подавлять зависть, злобу, ревность и недоброжелательство, то для вас, насельницы Горнего, указанная задача облегчается. Пред вами всегда не только святой пример «братского лобзания» Пречистой Девы и праведной Елисаветы, но вашему месту присуща и особая благодать Божия утешать и успокаивать всякого обитающего на нем. Восчувствуйте же это и возблагодарите Господа и Богоматерь за то, что Они удостоили вас жить и спасаться здесь».

В Горнем мы посетили матушку-игумению старицу Валентину и многих сестер. Заходили затем в трапезную и в помещение, где гонят деревянное масло, осмотрели и воздвигающийся большой собор. Постройка последнего, к сожалению, по недостатку средств, была приостановлена. Рядом высится францисканский монастырь, а при выезде из селения показывают древний источник, из которого почерпала воду Пресвятая Дева во время трехмесячного пребывания у «южики».

У крыльца бывшего жилища правв. Захарии и Елисаветы намечают самое свидание Св. Жен; в расстоянии одного часа пути отсюда сохраняется в скале пещера, где св. Иоанн Креститель проводил в подвигах дни своей юности.

На Патриаршую дачу и Крестный монастырь мы отправились на осликах. Впервые пришлось нам передвигаться подобным образом. В Палестине, и особенно в Иерусалимской области, во многих местах по причине гор и массы мелких камней, как бы нарочно разбросанных на большие пространства, нет проезжих дорог. И вот ослики незаменимы: они легко подымаются на высоты и крутизны, тихо спускаются вниз, а главное, не спотыкаются среди каменистого грунта, одно неприятно – любят идти над обрывами. По весьма узким восточным улицам также можно проезжать только названным способом, к коему прибегает сам Патриарх. Мы, однако, на первых порах долго не решались садиться на маленьких животных, считая это безжалостным и жестоким. Указанное средство передвижения в Палестине существует с древних времен. По всей вероятности, и Господь Спаситель пользовался им, почему в Его входе в Иерусалим не то удивительно, что Он ехал на осляти, а сама обстановка являлась торжественной и исключительной по своему значению.

Патриаршая загородная дача с аллеями и постройками занимает довольно большое пространство и служит летней резиденцией Святейшему.

Крестный монастырь называется так потому, что в нем намечают место произрастания древа Живоносного Креста Господня. Оно приходится в главном алтаре под престолом. Чтобы приложиться, нужно отворить специально устроенную дверку. В этой обители помещается Православная греческая Духовная семинария.

Абиссинский храм, расположен за городом, недалеко от Русской миссии. Особенностью его является круглая форма и алтарь посередине. При входе по примеру мусульманских мечетей посетители снимают обувь, но не все обязательно, а только желающие и непременно абиссинцы. Во всем остальном церкви их не отличаются от наших: те же иконостасы, образа, царские врата, облачения священнослужителей и т. д. Нас они встретили приветливо, дав возможность все осмотреть. В Иерусалиме среди христиан эта народность известна своею подвижническою жизнию.

Царские гробницы представляют заброшенное большое каменное сооружение на довольно значительной глубине от поверхности земли. В настоящее время они свободны от погребенных и залиты водой, набирающейся сюда после осенних и зимних дождей. Особенно полна средняя, открытая площадка, похожая скорее на бассейн. В расстоянии одного часа на запад от Иерусалима находятся подобные же «гроба судей Израильских».

Вифания, расположенная за горой Елеонской на пути в Иерихон, как селение теперь не существует. Сохранилась, однако, пещера, где был похоронен Лазарь. В нее ведет довольно крутая лестница. Внизу, на левой стороне, видна ниша, близ которой благочестивые поклонники читают евангелие, повествующее о происшедшем тут событии, заключая свои молитвы пением тропаря Вербной недели.

Недавние раскопки обнаружили еще одно св. место с надписью на сиро-халдейском языке: «Здесь сестры Марфа и Мария встретили Господа».

Вифания дорога христианину по своим воспоминаниям. В ней Спаситель, так сказать, освятил и благословил христианскую дружбу, столь необходимую в жизни. Бывают моменты, когда человек теряет все: честь, славу, могущество, богатство и телесное здоровье. И как тогда ценен искренний друг, не изменяющий своих отношений ни при каких обстоятельствах. Его сочувствие и поддержка часто являются светлым лучом для несчастного. Есть личности, добрые сердцем, не противники Бога, но слабохарактерные, легко поддающиеся вредному влиянию, склонные к дурным привычкам и падениям. Как и для таких необходим настоящий друг, крепкий верою и духом, могущий предохранить от увлечений. Он же не возгнушается твоим нравственным безобразием, если будешь иметь несчастие впасть в какой-либо порок, но еще настойчивее усилит наблюдение за тобою и никогда не перестанет быть для тебя ангелом-хранителем.

А некоторые оказывают сердечное расположение и приют служителям Христовым и проповедникам истины. Тут доброе отношение часто бывает небезопасно для спокойствия принимающих, давая повод к подозрению и презрению их міром, как скрывался Никодим, Иосиф и др. «страха ради иудейского».

В Вифании перед нами гонимый Христос, нашедший дружеский прием в самый острый момент ненависти к Себе всего правящего Иерусалима. Блаженны же вы, сестры Марфа и Мария, потому что не убоялись міра и не прекратили общения со Спасителем, когда все Его оставили и бежали. Блаженны вы, так как были с Ним в последние дни Его жизни на земле, ибо Он говорил: «Взыщут Меня после и не обрящут». Блаженны и те, которые, следуя примеру Лазаря и его сестер, не страшатся поддерживать пастырей Церкви, велика награда их у Господа! Он простит им множество грехов их и близко поставит у престола Славы Своея!

После осмотра окрестностей Иерусалима мы совершили поездку в Хеврон и на Иордан.

По пути в первый встречаются:

1) Соломоновы пруды – большие каменные водовместилища, снабжающие отчасти водой Св. Град посредством водопровода. Сооружения эти приписывают царю Соломону.

2) На половине дороги между Иерусалимом и Хевроном на довольно возвышенном месте расположен Беф-Захария, удел прав. Захарии, отца св. Иоанна Крестителя, принадлежащий Русской Православной миссии, устроившей прекрасный странноприимный дом для отдыха паломникам, идущим к Мамврийскому дубу. Приготовлено в нем помещение и для храма, пожертвован уже колокол. Тут же производятся раскопки. Найдены следы древней христианской церкви. И не только здесь, но и всюду, где происходили евангельские события, благочестивыми Царями Константином и Еленой воздвигнуты были базилики, впоследствии смешавшиеся с землей от разрушающего времени.

Нынешнее усердие христиан, скорее любовь к археологии, извлекает многое наружу. В Беф-Захарии Русской миссией приобретен большой участок земли, на котором разведен прекрасный сад. При нашем посещении в нем жили два монаха, из них один, любитель отшельничества, вырыл себе под горою пещеру с длинными подземными ходами, куда иногда уединялся на молитву и подвиги. С террасы подворья открывается далеко вид на окрестные долины, где можно всюду наблюдать пастухов со стадами овец, разводимых в Палестине во множестве. Не потому ли Господь Спаситель в притчах часто брал пример с этой сельской идиллии? На вопрос, не обижают ли соседние жители-арабы монахов, охраняющих подворье миссии в Беф-Захарии, нам ответили, что, в общем, жить спокойно, и только изредка набегают дети в сад за фруктами, но стоит только попугать, как они быстро ускользают и долго потом не показываются. Отдохнувши хорошо у правв. Захарии и Елисаветы, мы продолжали свой путь к дубу Мамврийскому, куда прибыли к вечеру.

Русской миссией и здесь приобретен участок земли, рассажен сад, построено подворье и сооружен обширный храм, готовый к освящению. С его паперти к западу, несмотря на расстояние около 60 верст, видна береговая полоса Средиземного моря. Чистый прозрачный воздух Палестины расширяет поле зрения и как бы приближает предметы. Взирая на морской песок, мы невольно вспомнили обетования, данные Господом патриарху Аврааму: «Я благословляя, благословлю тебя и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря» (*Быт. 22, 17*). Но наше внимание, главным образом, останавливалось на дубе Мамврийском, поражающем своей толщиной при корне (около 5 сажен), от которого идут три разветвления со свежими живыми ветвями. Впечатление таково, что этот великан охраняется только силой Божией. Все естествоиспытатели приписывают ему глубокую древность. Кругом по равнине растет много еще маленьких дубков, как бы получивших начало от главного своего праотца.

Под священным деревом паломникам служится Литургия. Престолом тогда бывает сделанный вокруг ствола помост. От непогоды молящихся

защищает навес, а напор богомольцев сдерживается обнесенной вокруг решеткой. Совершая тут Божественную евхаристию, мы переживали такие чувства и мысли: Авраам у дуба телесными очами видел Господа, а мы здесь даже вкушали Его пречистое Тело и Кровь; Авраам раз принял Небесного Гостя и обрадовался (*Быт. 18, 1-9*). А что было бы с ним теперь, когда Христос под тем же дубом является всякий раз при Литургии, и не только является, но и соединяется со всем нашим существом. Зная это, Спаситель говорил; «Авраам, отец ваш рад бы увидеть день Мой и увидел, и возрадовался» (*Ин. 8, 56*).

Хотелось нам побывать еще в пещере Махпела, где похоронены патриархи, но местные мусульмане настолько фанатичны, что не пускают туда посторонних посетителей и не разрешают христианам селиться в Хевроне и его окрестностях. Исключение они делают только русским, позволяя владеть дубравой Мамвре.

Кроме расположения, здесь играет роль «бакшиш». Не успели мы приехать, как явился к архимандриту, начальнику миссии, местный староста, якобы с деловыми вопросами, а в действительности за получкой золотых. И хорошо, что этим все обходится. Деньги всегда можно достать и уплатить, а упустить такую величайшую святыню, как дуб Мамврийский, было бы невознаградимой потерей.

Путешествие на Иордан мы совершили так же благополучно, хотя и с большими трудностями. Ехать нужно мимо селения Вифания по весьма гористой дикой местности. На середине пути встречается постоялый двор, хозяин которого, православный грек, оказал нам радушный прием. Недалеко от спуска в Иерихонскую долину в стороне, в ущельях, приютился монастырь преп. Георгия Хозевита, куда удобнее всего пройти пешком, оставив возницу при дороге.

Подошли мы к обители, а ее не видно, вся она в скалах, разрезываемых весьма глубоким обрывом, через него переброшен мост. Внизу протекает с приятным журчаньем ручеек холодной, чистой как слеза воды. По берегу раскинулись зеленые кусты растений, а выше одни только утесы, охватывающие сколько видно глазу пространства. В одном месте в горе заметна одинокая келлия, куда проникают лишь в корзине, спускаемой на веревках. Здесь, говорили нам, спасаются отшельники. Монастырскими воротами служит простая калитка, ведущая в деревянную пристройку, заграждающую вход в обитель. Мы позвонили, послышались шаги, и монах грек, посмотрев предварительно в отверстие, приветливо впустил нас, причем, прежде чем что-либо показать, предложил выпить содовой воды с кислотой, что является лучшим угощением для путешественников на Востоке в летнюю нестерпимую жару.

Зашли потом в храм. Было, по-нашему, 3 часа дня, а по церковному – девять. Вошел инок и начал читать 9-й час, предварительно сказав: «Мо-

литвами св. отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». Обстановка убогая, простая, да иначе хозевитам-инокам нельзя было бы жить и спасаться ввиду постоянных грабежей бедуинов. Вообще, греческие монастыри отличаются малочисленностью. На первый взгляд, они даже кажутся отжившими свой век. Но не надо забывать, что сила монашества не в количестве, а в качестве. Многолюдство в общежитии часто создает суету, разделение, интриги, безделье и т. п., тогда как воодушевление одними стремлениями и духом скорее происходит при авве-отце, объединяющем вокруг себя только преданных чад, каковых, нужно сказать, всегда бывает немного.

В Иерихон приехали к вечеру и остановились на русском подворье, устроенном там, где, по преданию, находился дом Закхея. Как бы в память этого среди двора растет ветвистая старая ягодичина. Произведенные раскопки во владении обнаружили древнехристианский храм и могилы похороненных, судя по надписям, каких-то блаженных людей.

Иерихон расположен в большой котловине, здесь не бывает ниже + 14° тепла даже в зимние месяцы, а летом стоит невыносимый зной. Днем невозможно оставаться в помещении, обливаешься весь потом. Как в бане, не лучше, конечно, и на воздухе. Ночью тоже задыхаешься от духоты. Чтобы несколько облегчить себя, мы поместились на террасе и в полночь оказались слушателями безплатного концерта, устрояемого еженощно зверями в камышах Иордана и в прилегающих к нему пустынных местах. Слышался вой, свист, лай, писк, мяуканье шакалов, гиен, диких кошек и т. п.

Рано утром, едва рассвело, отправились к Мертвому морю, стараясь до наступления жары побывать здесь. На берегу устроен плетеный шалаш из хвороста. Когда подъехали сюда, из него вышел сторож-араб темно-коричневого цвета. Пристально посмотревши на нас, он возвратился в свое жилище, не надеясь, очевидно, иметь от приехавших какую-либо материальную выгоду. Один из наших спутников, студент, выкупался. По его словам, вода настолько плотная, что нельзя утонуть.

Мертвое море производит тягостное впечатление своею безжизненностью. Проклятие Божие ясно отобразилось на нем.. Оно печально для зрения, ибо кругом пустыня и нет никакой растительности, неприятно для осязания, так как все смежное покрыто каким-то липким составом, невыносимо для обоняния вследствие сильного запаха асфальта, серы и других каких-то веществ.

Путь отсюда на Иордан, где было Крещение Господне, идет по песчаной равнине. Здесь также высится одинокий небольшой сторожевой домик, а около него помост, на котором совершается греческим Патриархом водосвятие в праздник Богоявления. Выбрав себе подходящее местечко (а это необходимо, потому что не везде доступен берег), мы сначала

отслужили великое водоосвящение, а затем при пении «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи» вошли в воду, продолжая много раз повторять тропарь с кондаком: «Явился еси днесь вселенней». Погружаться принято в рубашках, оставляемых паломниками на смерть. Великое духовное счастье составляет омываться в Святой реке. В это время пред сознанием проходит все христианское богословие, а сердце испытывает отраду, мир, свежесть – словом, все, чем только может утешать верующего благодать Божия.

Впрочем, зачем говорить о значении благословения Иорданова, столь известного каждому по празднику Богоявления, когда всякая темная сила отходит не только от человека, но и от того места, где совершается великое водоосвящение. Не правда ли, душа в тот момент переживает чистое, святое, высокое настроение, а со вне бывает какая-то таинственная тишина и светлость? Только наша безпечность, рассеянность часто служит причиной забвения и непонимания указанной благодатной обстановки и пользы от св. воды Иорданской. Но положи себе всегда иметь ее около себя, и ты предохранишься ею от многих бед. В особенности же не забывай пользоваться ею при греховном борении. Как регулярное употребление лекарства прекращает боль, так частое приобщение св. водой прогоняет всякую скверну, таящуюся в нашем сердце. Ах, как, в самом деле, спасительно постоянное питье св. воды. Если ты истинный христианин, то непременно сие испытал!

После молитвы и Иорданского купанья мы решились несколько пройти по берегу реки, заросшей мерсиной, камышом и т. п. Идем и слышим в кустах шорох. Наверное, зверьки ползают, думаем. Но движение усиливается. Подходим ближе и видим: разбит из простыни, самым примитивным способом, шалаш, а около него две женщины кипятят в чайнике воду. Интересуемся, что за люди, и узнаем наших русских богомолок. Пришедши во Св. Град из Костромской губернии, они задумали в подражание преп. Марии Египетской пожить здесь и вот, уже две недели здесь спасаются. На наш вопрос, не боятся ли дикой пустыни, не безпокоят ли звери, вой которых так поражал нас в прошедшую ночь, благочестивые странницы ответили: «Мы ограждаемся молитвой, крестным знамением, пением, св. водой и никакого страха не испытываем». Попивши с ними чайку, помолившись и благословивши их, мы направились в близлежащий монастырь св. Иоанна Предтечи, оказавшийся, как и Георгие-Хозевитский, малолюдным и пустынным.

По возвращении в Иерихон нам предстояло, далее, совершить путешествие на Сорокодневную гору, называемую иначе горой Искушения, куда, по причине неимоверного зноя днем, паломники обыкновенно направляются к вечеру. Тем временем приятно побывать в нашем прекрасном ми-

сийском саду, орошаемом, как и весь город, самым простым способом из Елисеева источника: вода течет по проделанным сбоку улиц канавкам, заходя во двор каждого домовладельца. Благодаря обилию влаги, жизнь в Иерихоне, несмотря на тропическую жару, терпима. Орошение умеряет температуру и способствует земле в изобилии производить всякого рода овощи и фрукты, величине коих приходится удивляться, особенно винограда, напоминающего библейскую ветвь с одною кистью (*Числ. 13, 24*).

После трех часов дня мы отправились на лошадях к Сорокодневной горе. У подошвы ее находится источник пророка Елисея. Он весьма большой чистой живительной струей вытекает из-под камней и наполняет смежный с ним бассейн, в котором весьма приятно выкупаться ввиду предстоящего подвига восхождения на гору. Тут же приютилось греческое подворье Сорокодневной пустыни, а самый монастырь нашел себе место в скалах. В нем паломники обыкновенно делают привал. Как и у преп. Георгия Хозевита, нас здесь иноки угостили содовой водой.

Вершины мы достигли уже поздно вечером. Луна на ясном небосклоне освещала Мертвое море, Иордан и прочие окрестности на далекое расстояние. Днем получается еще более восхитительная картина, открывающая отсюда как бы весь мір, все царства, о которых искуситель говорил Спасителю. А далее вглубь, в сторону Иерусалима, простирается самая пустыня, усыпанная по поверхности земли голыми каменными глыбами с таящимися в них разными зверями (*Мк. 1, 13*).

На этом месте Господу угодно было принять искушение от диавола и тем проложить путь всем верующим во имя Его препобеждать всякие вражеские напасти. Никогда с такою ясностью не представляли мы себе значения сорокодневного поста Спасителя как здесь. «Христос, – говорит св. ап. Павел, – Сам претерпел, быв искушен, может и искушаемым помочь» (*Евр. 2, 18*). Понятным показалось нам и то, почему именно три искушения понес Господь. Ими охватывается наше падшее естество:

1) Алчба, т. е., все плотское, материальное, чем только может обуреваться человек от немощного тела. «Скажи, чтобы камни сделались хлебами» (*Мф. 4, 3*).

2) Духовная прелесть, мечтание о своей святости, безгрешности, словом, грехи нашего духа. «Бросься вниз, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Своею» (*Мф. 4, 6*).

3) Забвение Бога, неверие, богоборство, человекобожие, сатанизм, сдружение с диаволом и подчинение ему. «Все дам Тебе, если, падши, поклонишься мне» (*Мф. 4, 9*).

Почувствовали мы и неимоверную силу ответов Господа, пользуясь которыми, легко и удобно, при помощи Божией, побеждать врага.

На возвратном пути, почти ночью, близ упомянутого греческого подворья у подошвы горы мы едва не подверглись опасности быть растерзанными злыми собаками, выбежавшими со двора. Привлеченные, очевидно, нашим громким разговором, они подстерегли и неожиданно напали. Опасность была велика. Бросание камней не помогало. Спасла нас только сообразительность одного из спутников. Он предложил всем нам шестерым распустить зонтики, встать в ряд и, закрывая лица, с шумом броситься вперед. Такая атака привела собак в большое замешательство: они с визгом разбежались в разные стороны и уже более не показывались.

Благополучно добравшись до своего извозчика, в полночь вернулись домой, а на другой день отбыли во Св. Град. Дорога из Иерихона все время идет в гору. Так что становилось понятным выражение Спасителя апостолам: «Се восходим во Иерусалим», когда Он по этому направлению совершал Свое последнее путешествие (*Мф. 20, 18*).

Поездкой на Иордан закончилось наше паломничество по Иудее.

V.

Поездка в Галилею. Сихем. Колодец Иакова (самарянки). Самария. Гора Гаризим. Селение 10 прокаженных мужей. Эздрелонская долина. Подъем на Назаретскую гору. Гора свержения. Назарет. Подворье Палестинского общества. Храм Благовещения (католический). Древняя синагога, где Христос читал и исцелил в субботу. Арабский храм близ источника Марии. Гора Фавор. Греческий монастырь. Кана Галилейская. Храм с водоносами. Путь к Тивериадскому озеру. Гора блаженств. Место насыщения пятью хлебами 5000 человек. Тивериада. Подворье Русской миссии. Тивериадское озеро. Магдала. Капернаум. Развалины синагоги. Современная Спасителю Вифсаида. Гадаринская страна. Станция железной дороги у Тивериадского озера. Кайфа. Гора Кармил. Владения в Палестине Русской миссии и начальник ее архимандрит Леонид. Возвращение домой. Бейрут. Подворье Афонского монастыря. Александрета. Мерсина. Миры-Ликийские. Родос. Солунь. Афон.

С болью в сердце мы расставались со Святым Градом Иерусалимом. Пред самым отъездом еще раз ходили помолиться у Живоносного Гроба Господня и на Голгофе. Не одна слеза скатилась с наших глаз при прощании с этими величайшими Святынями. Придется ли еще когда-либо побывать здесь? А как бы хотелось никогда не расставаться с Тем, Кто дает христианину жизнь и духовное благо.

Отслуживши напутственный молебен в домовой церкви миссии, утром рано мы выехали в Галилею. Архимандрит Леонид провожал нас до того места, где окончательно скрывается Св. Град с окрестностями. Это та высшая точка горы, через которую лежит путь к Назарету. Остановив из-

возчика, долго все смотрели на Иерусалим, лежавший внизу перед нами. Несколько шагов пройти или проехать, и его уже не видно. Как при прощании с любимым человеком испытываешь тяжелое чувство разлуки, и тогда каждая минута, проведенная с ним, незабвенна; подобное же переживание овладело нами и при последних наших взорах на Св. Град. Казалось, все дорогое христианскому сердцу там нами покидалось, оставлялось, хоронилось...

Но, вот, мы двинулись. Дорога сначала идет по пустынным, гористым пространствам. Селения встречаются редко. Ночлег нам предстоял у колодца самарянки, куда благополучно добрались к вечеру. Означенное место принадлежит грекам, которые устроили здесь подворье. Настоятелем его в то время был епископ Софроний. Он любезно встретил нас и показал все, заслуживающее внимания, прежде всего колодец, высеченный в каменистом грунте на довольно большую глубину, как о нем говорится во св. Евангелии (*Ин. 4, 11*), теперь он находится внутри храма, где обыкновенно совершается водоосвящение. Наступили сумерки, когда мы здесь молились. Свет от лампад и свечей создавал таинственную обстановку, каждый из нас старался почерпнуть св. воды и с верою выпить, вспоминая воду живую, обещанную Господом Спасителем всем приходящим к Нему.

На другой день, едва занялась утренняя заря, я вышел за ворота подворья, в ожидании извозчика, и стал осматривать окрестность. Самый колодец расположен у подошвы большой холмистой местности, а вдоль нее идут хлебные поля; на них-то, очевидно, указывал Христос, когда говорил: «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (*Ин. 4, 35*). В отдалении высится гора Гаризим, а сбоку виднеется селение Самарянское, через которое лежит путь в Галилею. «Иудеи с самарянами не сообщаются» (*Ин. 4, 9*). И еще: «Они (Спаситель и Его ученики) пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него, но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего во Иерусалим» (*Лк. 9, 52-53*). И доселе замечается не только обособленность самарян от других жителей Палестины, но и их неприветливость и суровость. Так, они не всегда охотно пропускают паломников, направляющихся в Назарет, так что наши кавасы часто бывают принуждены вести караваны ночью окольными путями. Мы, слава Богу, проехали благополучно.

От Сихема до Назарета приходится двигаться уже по более живописной и удобной местности, сначала, правда, гористой, покрытой масличными лесами, а потом ровной низменной Эздрелонской долине, особенно после Дженина, где произошло исцеление десяти прокаженных мужей. Находясь на средине пути, это селение служит обыкновенно отдыхом для пу-

тешественников. Мы же имели остановку в кактусовой аллее, уже миновав означенный пункт.

Замечательно растение кактус, разводимое у нас только в помещениях, в горшках. На Востоке оно встречается повсюду, как и всякое дерево, и служит обыкновенно изгородью. Рост его достигает сажени и более, а толщина с нашу среднюю березу. Из старых высохших кустов получаются обычные дрова, годные для топки печей. На кактусах бывают плоды стручковатой формы, сладкие на вкус. Польстившись отведать, мы испытали опасность от прикосновения к ним. Оказывается, они имеют тонкие иглы, которые незаметно входят в тело, причиняют нестерпимую боль. Ввиду этого их рвут щипцами и кушают, предварительно очистив. Не будучи предупреждены, мы голыми руками потянулись за неведомыми фруктами и попали в большую беду. Недаром кактусы служат защитой в садах от воров.

При спуске в Эздрелонскую долину открывается местность, похожая на нашу русскую равнину. Только здесь красота ландшафта выигрывает от высящихся в стороне от них хребтов. Видны Фавор, Ермон и Назаретские высоты.

В долине кое-где встречаются озерца и зеленые луговины, около которых туристы останавливаются для отдыха. Припоминается один наш привал. Сойдя с фургона, мы прохаживались по поросшей муравой полянке, прилегающей к небольшому источнику. Слышим, сзади по дороге доносится приятное пение духовных гимнов. Скоро нас опередил отряд католических монахов-миссионеров. Пожилые ехали на лошадях, а молодые шли пешком, причем все имели в руках св. Евангелие. При встрече эти пилигримы оказали нам приветствие. Позавидовали мы тогда энергии католического духовенства, всегда и во всем поддерживавшего религиозное воодушевление, церковную дисциплину и порядок.

Незаметно затем добрались к большой Назаретской возвышенности. Пришлось, в облегчение лошадкам, подниматься на нее пешком. С правой стороны от дороги видна «Гора свержения» с громадным обрывом, откуда местные жители думали низвергнуть Спасителя после Его проповеди в синагоге, но «Он прошед посреди их, удалился» (*Лк. 4, 30*). На этом месте теперь греческий монастырь. В Назарет прибыли к вечеру и остановились в гостинице Палестинского общества, тогда как доселе нам приходилось иметь приют в помещениях миссии. Здесь сразу почувствовали чужое, не свое; хотя Общество существует и под русскою духовною вывескою, но оно не оказывает привета, простоты, а главное, не имеет церковной обстановки.

Пришлось пожалеть, что в Назарете нет нашего подворья. Впрочем, о. архимандрит уже приобрел участок земли против строений Палестинского

общества. Мы, однако, слышали о препятствиях со стороны последнего к осуществлению намерений миссии устроить здесь свой пункт.

В Назарете самая важная святыня, куда стремится всякий христианин, это место Благовещения, ныне католический храм, главный алтарь коего значительно возвышен; под ним в нижней природной пещере указывают жилище Пресвятой Богородицы; спускаться сюда нужно по мраморным ступеням. Евангельское событие, бывшее тут, обозначено кругом с крестом, а предстояние небесного вестника архангела Гавриила – колонной, средина коей выпилена. Отсюда, с правой стороны, каменная лестница ведет в верхние две комнаты, сохраняющиеся в первобытном своем виде. В одной из них, по преданию, Богоматерь воспитывала Младенца Иисуса; углубление в стене служило для Него колыбелью. В другой жил св. прав. Иосиф, хранитель Пречистой Девы и Ее Божественного Сына.

У места Благовещения католики разрешают православным молиться только про себя. Нам удалось прочитать здесь акафист Божией Матери и сердечно к ней взывать: «Пресвятая Владычице, Ты Первая между женами, какие были, есть и будут в мiре, Ты, как поет св. Церковь «Избранная от всех родов». В Тебе – все наивысшие качества женщины: чистота, материнская любовь, милосердие – дающее в жизни утешение и радость. Сколь велико же счастие христианина иметь Небесную Мать, равно и независтно всех нас Опекающую! Приими же и меня, Владычице Пресвятая, под свой покров! Наставь в чистоте и целомудрии, будь моей, в этом отношении, вразумительницей, хранительницей и, если следует, грозной обличительницей. Поддержи в борьбе со грехом, со страстьми и похотьми, пошли слезы умиления, покаяния, удали искушения и соблазны и, при нежелании греха, при страдании от него, предстани милосердной Заступницей на суде Сына Твоего. Не забудь меня и во время гонений и притеснений от людей, при болезнях и других человеческих скорбях, яви и тогда надо мной Свою Материнскую помощь!»

Иосиф, как известно, занимался плотничеством. И теперь оно является главным занятием назаретян. Проходя по городу, мы видели немало столярных мастерских с открытыми на улицу помещениями, устроенными, следовательно, так, как бондарные в наших деревнях. Говорят, местные жители снабжают деревянными изделиями всю Палестину.

Христианские плотники и столяры, помните – ваша работа освящена примером Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который, несомненно, помогал мнимому отцу Своему – старцу Иосифу в его деле. Восчувствуйте это сердцем и полюбите ваше ремесло, дабы иметь вам от него утешение и счастье.

После храма Благовещения показывают католическую церковь с небольшим гранитным камнем посредине, на коем Божественный Учитель трапезовал со Своими апостолами во время пребывания в Назарете.

Замечательна также синагога, где, по преданию, Спаситель читал закон и откуда Его повели к горе, дабы низвергнуть (*Лк. 4, 29*). Она производит впечатление весьма древнего сооружения. Обращает на себя внимание арабский православный храм вблизи Палестинского подворья, с колодцем внутри, куда Божия Матерь ходила за водой, так как сей источник являлся единственным в Назарете. В настоящее время он выведен еще на площадь для общественного пользования.

В недалеком расстоянии от Назарета находится Фавор. Поездка сюда возможна только на осликах. Мы выехали после обеда, когда жар дневной стал спадать. Весьма приятно и утешительно путешествовать на указанную Св. гору. Вся она зеленеет от растущих на ней кустарников дубового дерева. Чем выше поднимаешься, тем все более и более взору открывается окрестность. Видна почти вся Эздрелонская долина, и на ней кое где города и селения – Наин, Аэндор и др. Рядом высится Ермон, а на востоке блестит Тивериадское озеро с каменистыми берегами. Свежий чистый горный воздух бодрит тело и облегчает труд паломников.

На Фаворе есть православный греческий монастырь, куда прибыли к 8 часам вечера при восхитительном заходе солнца. Мы на горе, а яркое, как золото, солнце светит далеко внизу, что создавало чудную картину. Настоятель обители отвел нам приличное помещение и предоставил для молитвы храм. Накануне мы отслужили по минее всенощную, положенную в праздник Преображения. Нужно заметить, что и повсюду в Палестине на св. местах принято для паломников отправлять службы сообразно с воспоминаемыми евангельскими событиями. На другой день рано утром была Божественная Литургия. Пели мои спутники.

Кстати, замечу, нам пришлось совершать здесь Св. Евхаристию на просфорах из весьма темной муки. Невольно вспомнили тогда нашу матушку-Россию, ее хлебные богатства и подумали: «Какой бы ни случился неурожай, а для такого святого дела у русского человека всегда найдется чистая пшеница». Но, представляя так, забывали Бога, подающего нам пищу по молитве Господней «хлеб наш насущный даждь нам днесь» и Могущего в наказание во всякое время лишить ее нас. Еще в Ветхом Завете Иегова через пророков предупреждал евреев помнить и бояться этого Божия посещения: «Если не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей, то хлеб, подкрепляющий человека, истреблю у вас: десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи и будут отдавать ваш хлеб весом; вы будете есть и не будете сыты» (*Лев. 26; 14, 26*). От Него же зависит внезапно насытить и дать снедь всякой плоти. «И сказал Елисей: послушайте слово Господне: так говорит Господь – завтра в это время (а перед этим был голод) мера муки лучшей будет по сиклю (80 коп.) и две меры ячменя по сиклю у ворот Самарии» (*4 Цар. 7, 1*). Так, не столько от плодородия зем-

ли бывает недостаток в хлебе, как от произволения Господа, посылающего сие бедствие как грозное наказание людям за грехи.

Отслуживши Литургию, мы обозрели вершину горы. Рядом с греческим монастырем находится католический, занимающий довольно большую площадь. В одном месте производятся раскопки древних сооружений. Благодатно на Фаворе, чувствуется близость к Небу и какая-то отрешенность от всего міра. Понятно, почему и св. апостол Петр говорил: «Хорошо нам здесь быть» (*Мф. 17, 4*).

Но ему сугубо было отрадно, потому что с ним не только был Спаситель, но он созерцал и Славу Его, слышал голос Отца Небесного, видел великих всемірных пророков! Впрочем, с воскресшим Христом, Даровавшим нам вечную жизнь и спасение, везде легко и спокойно, а без Него тяжело, ужасно, губительно. Прииди же, Господи, ко всем нам, верующим в Тебя и не на Фаворе сущим и соедини нас с Тобою навеки.

С горы на тех же осликах мы направились в Кану Галилейскую, где нас ожидал извозчик, выехавший за нами из Назарета. Кана, хотя и небольшое местечко, но известное всем христианам по первому чуду Господа, претворившего воду в вино (*Ин. 2, 1-2*). Предание не умолчало, чей предполагался здесь брак: по одному – св. Иоанна Богослова, по другому – Симона Кананита, окончившийся, однако, тем, что жених, пораженный могуществом Божественного Учителя, отказался от личного счастья и последовал за Великим Чудотворцем. И в означенном поступке нет ничего невероятного. Наше сердце приятно соглашается с этим. В дальнейшей христианской истории были подобные примеры: преп. Алексий, человек Божий, ушел с брачного пира и принял подвиг юродства. Такие евангельские события, как внезапное презрение апостолами ради Христа всего земного благополучия (*Мф. 4, 18-22; 19, 27*) и проповедь Спасителя, что, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего и Евангелия, получит во сто крат (*Мф. 19, 29; Мк. 10, 29-30*), также подтверждают достоверность указанного предания. За то же говорит и самая обстановка брака.

Очевидно, он был особенный, коль скоро его благоволил посетить Сам Христос с Пречистой Своей Матерью (*Ин. 2, 1-2*). Здесь видно исключительное расположение Господа к виновнику торжества. А так как ближе других к Спасителю считался св. ап. Иоанн Богослов, удостоившийся возлежать на персях Его на Тайной Вечере и затем, по заповеди, принявший к себе в дом на жительство Пресвятую Богородицу (*Ин. 19, 26-27*), то и возможно, что здесь предполагался брак именно «возлюбленного ученика». Приняв предание в вышеуказанной передаче, возблагодарим Господа, дивно направляющего в жизни стопы человеку (*Пс. 23, 36*). В Кане ныне арабский православный храм, в нем близ солеи стоят шесть боль-

ших каменных водоносов как памятник бывшего здесь чудесного события – претворения воды в вино.

Помолившись тут, мы двинулись далее к Тивериаде. С половины пути, по левую сторону начинает вырисовываться гора Блаженства, расположенная на равнине. Вследствие особенности прозрачного палестинского воздуха приближать предметы она кажется находящейся недалеко, на самом же деле до нее несколько верст. Это обстоятельство, а главное, неудобство пути по полю, поросшему тернием, заставляет многих паломников ограничиваться созерцанием священного холма с дороги, тем более, что как раз на этом месте бывает привал. Мы же решили добраться до него, несмотря ни на какие трудности. А последние, действительно, оказались великими. В легкой обуви невозможно было идти: два наших путника так и застряли. Мы же с Божией помощью достигли цели, и первое, что пришлось сделать, это присесть, дабы успокоить сильно бьющееся сердце и дать отдых дрожавшим ногам. Но как тяжело переходить, так, наоборот, приятно побывать на Св. горе. Ведь и спасение, по слову Господа, совершается с большим трудом: «Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (*Мф. 11, 12*). Зато какое утешение и счастие доставляет христианину духовное благо!

Смотрели мы на пройденное пространство, усеянное колючками, и не хотелось шествовать по нему обратно. Истинно: вкусив сладкого, не захочешь горького. Когда испытаешь отраду от добродетели, познаешь благодать Божию, отвратительными покажутся и все грехи, пороки и несовершенства. Да они таковы и есть, но несчастное существо человек: как пес возвращается на свою блевотину (*2 Пет. 2, 22*), так и он, зная всю гнусность и пагубу беззакония, не расстается с ним и погибает...

Долго не хотелось нам подыматься и уходить с горы Блаженств; раскрыв Новый Завет, мы стали читать Нагорную проповедь. Какое счастье! Некогда речениями Спасителя оглашался здесь воздух, а ныне наши бренные уста повторяют их.

Св. Евангелие – вечный наш наставник! По нему прежде всяких книг нужно учиться жить и спасаться! В Отечнике есть такой рассказ. Один старец из св. Евангелия задавал уроки своему ученику, изучавшему их месяцами. Но вот, получив однажды наставление, брат возвратился к духовному отцу только через десять лет. И когда авва спросил его о причине замедления, тот ответил: «Трудную ты дал мне на этот раз задачу, много времени прошло, а не знаю, выполнил ли я ее хотя отчасти. И в самом деле, перед нами заповеди блаженства. Скоро ли проведешь их в жизнь? Не хватит ли одной, хотя бы первой, требующей нищеты духовной, т. е. смирения, до самой смерти. Да, глубоки, велики и вечны заветы, данные нам Господом Иисусом Христом!

Обозревая гору, мы усмотрели на ней развалины какого-то древнего каменного сооружения, наполовину засыпанного землей. По всей вероятности, здесь был христианский храм – памятник христолюбия блаженных Царей Константина и Елены. По тому же пути к Тивериаде, в левой стороне от дороги, не доезжая до Магдалы, показывают место чудесного насыщения Спасителем 5000 человек пятью хлебами. Это покатая площадь, круглый год покрытая зеленой травой, как и в момент евангельского события (*Мф. 14, 19*). Но еще более поражают паломника разбросанные повсюду камешки, имеющие форму хлебцев, опять как бы в ознаменование того же чуда, совершенного Господом, в прообразование Божественной Евхаристии! Пятью хлебами подкрепилось телесно 5000 человек. И при Литургии, по св. апостолу, христиане вкушают от одного хлеба (*1 Кор. 10, 17*). Там все ели и ублаготворились; и приходящие к трапезе Господней бывают насыщены. Там осталось еще 12 коробов хлеба...

И при каждой Евхаристии не только желающие причащаются, но если бы приступили к чаше Господней христиане всех стран и народов, и тогда бы Христос напитал всех Своим Божественным Телом и Кровью, для всех бы у него хватило благодати и небесной пищи!

В Тивериаду мы приехали к вечеру и остановились на миссийском подворье. В этом городе почти половина построек своими передними частями стоит в море, так что волны его во время бури ударяют прямо в наружные стены. Таково и наше здание. Внизу сделан выход на площадку, где берут воду и купаются, а наверху устроена терраса, с которой открывается вид на всю окрестность.

Тивериадское озеро по своим природным свойствам таково, что не изменяется от времени. Оно заковано в каменистые неподвижные берега, вдоль которых тянутся горные хребты с отдельными, в некоторых местах, возвышенностями. На противоположной от Тивериады стороне виден высокий и длинный Гадаринский обрыв. Обозревая все это, мы думали: несомненно, и при Спасителе природа здесь оставалась та же самая. По берегам Он ходил, учил и был Свидетелем рыболовного промысла Своих учеников, а на высоты часто уединялся и проводил ночи в молитве (*Мф. 14, 23*).

В довершение всего, нам даже вода казалась всегда одинаковой: вечно чистой, прозрачной, со множеством плавающих в ней рыб «больших и малых». Одного не достает здесь – бывших по берегу городов: Магдалы, Вифсаиды, Капернаума и др., погибших, несомненно, по пророчеству Спасителя, говорившего: «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня (*Мф. 11, 21-23*).

Стоит лишь Тивериада – небольшая и мрачная, представляющая собой как бы нагроможденную массу огромных камней – построек без всякой системы, порядка и вкуса. В одном месте видны развалины древней стены и при ней башен, называемых Иродовыми. Недалеко от города есть прекрасные минеральные источники с купальнями. Здешняя природа богата, но человек мало ею пользуется. Видна во всем какая-то печать отвержения.

Вспоминая жизнь Спасителя (*Мф. 11, 20*), грустно становилось за людей и весь грешный мір. И эту грусть еще более навевает тут пение в известные часы мулл, призывающих с минаретов заунывными голосами мусульман на молитву, думающих плачем угодить Богу. А нам казалось совсем иное: душа человеческая, по природе – христианка, и у них тоскует по Христу. Да, великую печаль наводит ислам. Несомненно, последователи его не могут отделаться от указанного чувства, несмотря на все блага, обещанные им кораном Магомета в сей и будущей жизни. Без благодати Христовой, видно, все пусто, мрачно и уныло. Ислам и христианство – как бы две лампады пред Господом Богом. Первая – мертвая, потухшая, вторая – полная елея, ярко горящая.

Мы были в Тивериаде летом и почти никого из богомольцев не встретили, так что даже почувствовали оставленность Христа людьми. Не то переживается на берегах Галилейского моря в зимнее и весеннее время при массе прибывающих сюда паломников. Тогда поистине воскресают времена Спасителя: во дни Его земной жизни тысячами ходили за Ним иудеи, и в эту пору молитвенно настроенный народ, переходя с одного св. места на другое, мысленно следует за Воскресшим, ибо Он вчера и днесь Тот же и во веки (*Евр. 13, 8*).

Особенно же приятно совершать плавание по Генисаретскому озеру, освященному путешествием Сына Божия, когда невольно вспоминаются апостолы, обуреваемые волнами, усиливающимися здесь после полудня и ночью от движения воздуха с горных долин.

Мы ездили прежде всего в Магдалу. Это чудный уголок, недавно приобретенный о. архимандритом. О некогда существовавшем тут городе и помину нет. Он весь погребен в земле. Если сильно ударят по грунту, то в некоторых местах раздается большой гул, свидетельствующий о пустых подземных пространствах. Магдала ожидает раскопок и исследования. В настоящее же время Миссией разведен на нескольких десятинах сад с лимонами, апельсинами, гранатовыми яблоками, а главное, бананами. Устроены сторожевой домик и беседка. Ближе к берегу найден минеральный содовый источник, неизвестно когда заключенный в круглый мраморный бассейн, откуда вода сильной струей стекает в море. К западу идет горная долина, открывающая для

глаз место чудесного насыщения Спасителем пятью хлебами 5000 человек.

Хорошо, думали мы, в Магдале основать женский монастырь. Св. Мария была избавлена Спасителем от семи страстей (бесов), и все бы насельницы предполагаемой обители, по молитвам своей небесной покровительницы, также получали бы душевное здравие и спасение и неустанно прославляли бы Сладчайшего Господа, освятившего Божественными стопами берега Галилейского моря.

На другой день на маленьком катере предприняли поездки в Капернаум и Вифсаиду, где иностранными духовными миссиями производятся раскопки: в первом, между прочим, открыта оставшаяся в целости нижняя часть или собственно пол синагоги, сооруженной богобоязненным сотником (*Лк. 7, 4-15*), в которой Спаситель произнес великую беседу о св. Причащении (*Ин. 6, 45-67*). О сем в св. Евангелии читаем следующее: «Иудеи стали спорить между собой, говоря, как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: «Истинно, истинно говорю вам, если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Кровь Его, то не будете иметь в себе жизни» *(53 ст.)*. Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме (*59 ст.*). Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать (*60 ст.*). Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: это ли соблазняет вас? (*61 ст.*). Есть из вас некоторые неверующие? (*64 ст.*). С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним (*66 ст.*). Что может быть яснее приведенных слов Господа о действительности таинства Причащения Тела и Крови Его?

Самое насыщение пятью хлебами 5000 человек предваряло вышеприведенную речь для большего внедрения в умы и сердца учеников истины чудесного вкушения верующими Плоти и Крови Господних для получения жизни вечной (*54 ст.*). Но как тогда не все приняли слова Спасителя и ушли от Него, так и теперь среди христиан много уклоняющихся от св. Причащения! Зная это, Иисус сказал двенадцати: «Не хотите ли и вы отойти? (*67 ст.*). Симон Петр отвечал Ему: «Господи, к кому нам идти? (*68 ст.*). Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (*68-69 ст.*).

Ступая по мраморному полу Капернаумской синагоги, освященной стопами Господа и Его Божественными глаголами о св. Евхаристии, наше сердце от такого счастья духовно ликовало, и мы молились: «Сладчайший Спаситель, дай и нам ревность Петрову, дабы с момента посещения сего св. места иметь постоянную живую и непоколебимую веру в Тебя и в Пречистые Тело и Кровь Твои, Которыми Ты дивно нас питаешь!»

Осмотревши со вниманием производимые в Капернауме раскопки, мы подошли к берегу моря и, взирая на него, говорили: это – тот берег, куда Господь наш Иисус Христос часто выходил и учил народ из лодки (*Лк. 5, 3*). Это – тот берег, где было призвание св. апостолов (*Лк. 5*). Это – тот берег, в недалеком расстоянии от которого Спаситель ходил по водам и укротил бурю морскую. И хотелось стоять здесь без конца и взывать: «Господи, приими и меня в число Твоих учеников, как Ты некогда тут Иоанна Богослова, Симона Петра и проч. Ведь у Тебя нет ни времени, ни пространства. Ты всегда Тот же и лета Твоя не оскудеют. Прошу же Тебя, Господи, помоги мне идти по стопам Твоим, как шли за Тобою при Твоей жизни многие из народа, слушали Твое Божественное учение, созерцали Твой Небесный Лик, воспринимали от Твоего гласа благодатное утешение, да будет сие и со мною, хотя и грешным, но всей душой стремящимся к Тебе, Господи! Войди в мое сердце, Сладчайший Иисусе, дабы не было уже разобщения с Тобою, воодушеви, обнови, очисти и просвети меня, да не на йоту не отступлю от Твоих повелений. Пусть всегда проходит предо мною Твоя спасительная земная жизнь, пусть чувствуют, что она и сейчас продолжается, и я, как один из многих, следую всюду за Тобою. Вот Ты учишь на горе: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное», – и я у Твоих ног внимаю Божественному голосу и поучаюсь. Вот Ты насыщаешь 5000 пятью хлебами, насыти и меня, алчущего духовно, правдой и истиной. Вот Ты с учениками на озере Тивериадском. Поднялась буря, и от лица всех бывших с Тобою ап. Петр взывает: «Господи, спаси нас, погибаем», – и я, недостойный, как бы с Твоими учениками находясь в одной лодке, а вместе в море житейском, обуреваемый страстями и земными попечениями, вопию: Господи, утиши бурю страстей моих, да восстановится в сердце моем благодатный мир, да будет мне счастьем, отрадой знать Тебя Одного и Тебе Единому служить. Вот Ты в Капернауме в синагоге говоришь о хлебе жизни и затем на Тайной Вечере преподаешь Самое Пречистое Тело и Кровь Твою со словами: «Приидите, ядите, сие есть тело Мое», – и взяв чашу и благодарив, подаешь и говоришь: «Пейте из нея вси, ибо сия есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (*Мф. 26, 26-28*). О сладчайший Твой глас! О Божественная Трапеза! Пусть я постоянно с горячей верой и любовью даже до последнего моего издыхания вкушаю Ее!»

В Тивериаде мы пробыли несколько дней. Заведующий подворьем, монах Русской миссии о. Иоанн весьма любезно принял нас и постарался все показать. Время, проведенное здесь, вспоминается с приятностью. Одно только обстоятельство обезпокоило! Болезнь нашего спутника, захворавшего местною, так называемою солнечною лихорадкою, которая повергает на Востоке человека в полное изнеможение. Смотришь на страждущего

и думаешь: вот-вот он умрет. Так казалось и относительно нашего спутника. Не хотелось, однако, оставлять собрата в мусульманской Тивериаде, и я, как старший между спутниками, строил уже планы: во что бы то ни стало в случае смерти перевезти его тело в Иерусалим с тем, чтобы похоронить на Елеоне, близ русской церкви св. Марии Магдалины.

Но, Слава Богу, недугующий, к великому нашему утешению, поправился, и мы продолжили путь, сначала по Галилейскому морю, а затем по железной дороге в Кайфу. В ней для русского паломника интересна гора Кармил по воспоминанию о св. пророке Илии (*3 Цар. 18 гл.*). На самой вершине Русской миссией приобретено несколько десятин земли с растущим сосновым и кедровым лесом. Уголок весьма уютный, тихий и благодатный. Здоровый горный воздух увеличивает прелесть. Здесь устроен скиток, заведующий которого скромный иеромонах Виктор. 20 июля мы служили Литургию в храме и весьма утешились. Приятно обозревать с Кармила окрестности: видны город, море и горы с ущельями; в одном из последних находится высохший поток Киссон, связанный с тем же пророком (*3 Цар. 18 гл.*)

Кайфа – гавань, откуда мы выехали обратно в Россию.

Оканчивая воспоминания о Палестине, хочу добрым словом помянуть начальника миссии архимандрита Леонида, постаравшегося обставить наше путешествие так, что мы совершили его легко, без трудностей и лишений. О. Леонид, в міру Михаил Иванович, окончив высшее Московское техническое училище, долго служил инженером на фабрике в Орехово-Зуеве. От природы религиозно настроенный, он любил бывать в храме и интересовался жизнью Церкви. Та же набожность побудила его поступить в Духовную академию. Несмотря на 40-летний возраст, он с большим усердием изучал богословские науки. Когда ректор, еп. Арсений, со студентами путешествовал в Палестину, он принимал участие в экскурсии. Св. Земля приковала к себе сердце М. И., и он по возвращении постригся в монахи с намерением послужить Православному делу во Св. Граде, что вскоре и исполнилось. Назначенный по окончании академии начальником Иерусалимской миссии, о. Леонид проявил плодотворную деятельность. От бывших почитателей приходилось слышать много лестных отзывов о неустанных трудах о. Леонида.

На возвратном пути в Россию наш пароход держал рейс около малоазийских берегов. Мы проезжали мимо Бейрута, Александрии, Тарса, родины св. ап. Павла, Мир Ликийских, знаменитых епископством св. Николая: Мерсины, Родоса, Афона и Солуни. В последней в это время греки праздновали победу над турками. Нас приятно поразили выставленные знамена с крестами на бывших христианских храмах, обращенных в мечети, например, на древнейшем соборе св. Димитрия Солунского.

К Афону пристали вечером и простояли всю ночь. К сожалению, нам не пришлось здесь высадиться, и только издали взирали на афонские святыни. Пред нашим взором прошли Пантелеимонов монастырь, Андреевский и Ильинский скиты и др. обители.

Через Константинополь, Одессу и Киев мы, наконец, вернулись в Москву. Так, с Божией помощью, нам благополучно удалось совершить путешествие во Св. Землю. Долго мы потом находились под впечатлением поездки, что заставляло нас всем рассказывать о виденном и пережитом. Да, такова уже особенность всякого паломника, удостоившегося поклониться Живоносному Гробу Господню и св. местам Палестины – испытывать особенную радость при воспоминаниях о них. Некоторые из паломников передавали нам следующее: «Как только посетит нас какая-либо скорбь, уныние, жизненное испытание, перенесешься мыслию ко Св. Гробу и на Голгофу, и на душе станет легче». Очевидно, тому, кто с верою путешествует во Св. Землю, Господь посылает особую благодать утешения и мира душевного, чего не лиши и нас, Сладчайший!

Богу нашему слава. Аминь!

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Когда Христос с учениками
На тайной вечере сидел,
В раздумье грустными очами
Он на апостолов глядел.

Он знал, что близко день страданья,
Что скоро Он на смерть пойдет
И что врагам для поруганья
Его предаст Искариот.

И вот, над чашею склоняя
Свое чело, скорбя глубоко,
Он только молвил без упрека:
«Один из вас предаст Меня».

И вот с предательством, с любовью,
Делил Свой хлеб и пил вино.

ПСАЛОМ О КРЕСТЕ

Не ропщи на суровую долю,
Крест тяжелый покорно неси,
Полагайся на Божию волю,
Лишь терпенья и силы проси.

Бог послал тебе все испытанья,
Чтобы крепнуть в суровой борьбе.
Эти муки и сердцу страданья
В этой жизни полезны тебе.

Так не вздумай в тяжелое время
Передать свое горе кому.
Один Бог облегчит твою долю,
Доверяйся Ему Одному.

Не ищи ты в людях сожаленья
И отрады от них ты не жди.
Если хочешь себе ты спасенья,
В Божий храм помолиться сходи.

Пред иконой склонивши колени,
Помолися в ночной тишине,
И Господь помогать тебе будет,
Скорый Врач – исцеленье тебе.

И в молитве ночной и смиренной
Перед Господом слезы пролей.
Он невидимо будет с тобою,
Он поймет твои слезы скорей.

Он и Сам на земле между нами
Жил когда-то и тяжко страдал,
Был невинно распят Он врагами,
На страданья Свои не роптал.

Он и нам заповедует также
Никогда ни на что не роптать.
Если Богом дано нам страданье,
Мы должны без роптанья страдать.

Так иди же путем ты тернистым
И широкий ты путь забывай,
И Господь помогать тебе будет,
Лишь на помощь Его призывай.

СТИХ НИКОЛАЮ ЧУДОТВОРЦУ

О, блаженная обитель,
Как прекрасен Божий рай.
Насадил тебя святитель
Чудотворец Николай.

Он как пастырь собирает
Из далеких стран овец,
Тихим голосом взывает
И питает как отец.

Столпом огненным сияет
Как в пустыне Моисей.
«Насладитесь, кто желает
Быть в обители моей».

Много иноков скорбящих
Воздержанием цветут.
Образ кротости духовной
Плод молитвы принесут.

И блаженны эти люди,
Кто работает ему.
Его меч в руке огненный
Посекает сатану.

Ты всю землю преисполнил
Твоих славных всех чудес
И на море помогаешь,
Утираешь токи слез.

Ты, орел высокопарный,
Собери свои птенцы
И сподоби нас, святитель,
Получить себе венцы.

Где небесная обитель
Святых иноков твоих,
Кто усердно потрудился,
Водворил давно ты их.

Когда дух мой прекратится,
Ты, святитель Николай,
По воздушным по мытарствам
Руку помощи подай.

СТИХ ПРОРОКУ ИОАННУ КРЕСТИТЕЛЮ

В далекой стране Палестине
Струится река Иордан.
На берег реки той восходит
Креститель Святой Иоанн.
Он с виду суровый и строгий,
Одежду верблюжью носил,
Был послан от Бога в пустыню
И громко он там возгласил:
«Покайтеся, люди, покайтесь,
Очистите ваши сердца,
И грешную душу исправьте,
Чтоб встретить Мессию Христа.
Грехи предо мной открывайте,
Омойте водою тела,
Плоды покаянья творите,
Любовь и святые дела.
Идет вслед за мною Сильнейший,
Божественный свет от Него,
А я для Него лишь предтеча,
И я перед Ним лишь ничто».
И шли к нему люди толпою
На берег пустынной реки,
Несли покаянье слезами,
В водах омывали грехи.
Однажды толпа расступилась,
Как будто бы кто-то пришел,
Как будто бы кто-то разделся
И с берега в воду сошел.
И видит Креститель, дивится:

Пришел для крещения Тот,
О Ком говорили пророки,
Кого ожидал весь народ.
«Зачем Ты приходишь креститься? –
Христу так сказал Иоанн.
Волнуется Мертвое море,
Назад побежал Иордан. –
Крестить я Тебя недостоин.
Владыко Ты мой, я Твой раб.
Я сам, пред Тобою склоняся,
Крещенье принять был бы рад».
Христос не велел прекословить,
Главу пред Иоанном склонил,
Креститель дрожащей рукою
Христа в Иордане крестил.
И вот совершилося чудо:
Отверзлося небо в тот час,
Из облака вдруг под рукою
Как гром прогремел Отчий глас:
«Сей Сын Мой возлюбленный Божий,
Он в мір Мою волю несет,
Он род человеческий грешный
От гибели вечной спасет».
И видит Креститель, дивится,
Слетел на Христа голубок.
Не просто была это птица,
А Дух Святой, Истинный Бог.
По этому знаку Предтеча
Христа Сына Божья узнал,
И людям, пришедшим на берег,
Рукой на Христа указал:
«Вся Троица ныне явилась,
Отец Христа Сыном назвал,
Дух Божий как голубь спустился,
Сын Божий крещенье принял».

ЖЕРТВА МЩЕНИЯ

Под кровом тихой южной ночи
Забылся сном Иерусалим,
А высоко, как будто очи,
Сияла звездочка над ним.
И величавая природа
Была гармонии полна.
В ней было все, порой свобода
Дышала негою полна.
Но ни садов благоуханье,
Ни звезд небесных тихий свет,
Ни ночи теплое дыханье,
Ни сон, ни нега, ни привет
Не достигают до темницы
Подземной, мрачной и глухой,
Где веет холодом гробницы
С ее таинственною мглой,
Где в одиноком заключеньи
Пророк великий и святой
Томился жертвой жажды мщенья
Тщеславной женщины пустой.
Томился тот, о ком Спаситель
Сказал: «Он больше, чем пророк».
И был Предтеча и Креститель
Пред Богом праведен, высок.
Он на земле одной святыне,
Одной лишь Истине служил!
Громя людской порок в пустыне,
В ней проповедывал и жил.
Когда царь Ирод своенравный,
Переступая всяк закон,
Свершил свой замысел коварный
(Жену у брата отнял он),
Тогда святой Христов Креститель
Перед царем не умолчал,
Великой Истины ревнитель
Его пред всеми обличал.
Он говорил: «Царь Иудейский
Рабом стал женской красоты,
Поступок низкий и злодейский

В угоду ей свершаешь ты».
Узнав о том Иродиада,
Преступной мыслью полна,
Дохнула всею злобой ада,
Как ею дышит сатана.
Порочной страсти обличенья
Простить Пророку не могла,
И жажда пламенная мщенья
В ней сердце злобное зажгла.
Она клялася в исступленьи
Пророка смертию казнить,
Но Ирод в новом преступленье
Страшился руки обагрить.
В нем голос грозного пророка
Невольно ум его смутил,
Но силе страсти и порока
Он малодушно уступия.
Недолго властная десница
Грозила праведным перстом,
Пророка мрачная темница
Сокрыла в сумраке густом.
Умолкнул голос вдохновенный
Предтечи Господа Христа,
Отныне женщины надменной
Не обличат его уста.
Под кровом тихой южной ночи
В палатах царских слышен смех.
Пирует царь, весельем очи
И страстью светятся у всех.
Сегодня день его рожденья,
Преступный царь повеселел:
Довольством жизнью, наслажденьем
Блестящий взор его горел.
Но вот среди палаты шумной
Явилась дева. Красотой
И страсти негою безумной
Дышали дивные черты.
Иродиады злой и властной
Она была родная дочь
И также взор ее прекрасный
Порой был мрачен, словно ночь.

На миг она остановилась,
Окинув взором все вокруг,
Слегка всем корпусом склонилась
И все пред ней замолкло вдруг.
Она, то тихо выступая,
То словно бешенно кружась,
Красою страстною блистая,
Безумной пляской увлеклась.
И царь тут замер в восхищеньи,
Он глаз не может отвести
И в страстном трепетном смущеньи
Не в силах слов произнести.
Но вот она остановилась
У трона пышного царя
И скромно взором потупилась,
Лицом пылая как заря.
Взглянул ей в очи царь смущенный
И мог лишь только прошептать:
«Твоею пляскою прельщенный,
Я все готов тебе отдать,
Полцарства даже, не жалея,
Отдать, волшебница моя.
Скажи, скажи же мне скорее,
Чего ты хочешь от меня?» –
«О, царь, я не могу решиться
О чем и как тебя просить.
Позволь на миг мне удалиться,
Пойти у матери спросить».
Услыша то, Иродиада
Метнула молнией очей,
Промолвив: «Мне одна награда
Дороже царства и милей.
Иди же, дочь моя, живее,
Главу Иоаннову проси,
И мне сюда сама скорее
Ко мне на блюде принеси».
Смутился Ирод малодушный,
Но в просьбе он не отказал,
И, слову царскому послушный,
Казнить Иоанна приказал.
Гремит, скрепит тяжеловесный,

Давно заржавленный, замок.
Во тьме, в углу, в темнице тесной
Молился пламенно пророк.
Но вот палач среди темницы
Поставил на землю фонарь
И молвил: «Ныне до денницы
Тебя казнить велел мне царь».
Иоанн вздохнул в ответ глубоко,
Безмолвно голову склонил
И кровью праведной пророка
Топор темницу обагрил.
Угасла жизнь его святая
И в міре суетном пустом
Глава великая честная
Лежит на блюде золотом,
Застыв с суровым выраженьем,
И тайной вечной мертвеца,
Казалось даже без движенья,
Грозил укор с его лица.
И вздронул Ирод. Он в смущеньи
Взглянуть на блюдо не посмел.
О клятве, данной в увлеченьи,
Теперь он тяжко сожалел.
Рука красавицы прекрасной
Главу священную берет
И с этой ношею ужасной
Спокойно к матери идет.
Навстречу ей Иродиада
Со злобным смехом подошла.
Какая дикая отрада
В ней в этот миг отозвалась.
Она смотрела в восхищеньи
В сурово-строгие черты
И наслаждалась жертвой мщенья
Ее свершившейся мечты.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МОЛИТВЫ «ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗИ МИ ДВЕРИ...»

Жизни податель, мой Бог и Господь!
Ныне отверзи мне дверь покаянья,
Ибо душа, нося грешную плоть,
К храму святому уж шлет упованья;
Ты ж, Милосердый и Мудрый Владыко,
Храм мой очисти властью великой!

Вышняго Мати, Царица небес!
Путь укажи мне к святому спасенью:
Грех осквернил мою душу, я весь
Лености предан и близок к паденью.
Ты же молитвой, Владычица Славы,
Дух мой от скверны порочной избави!

О, я – несчастный!.. Как вспомню о всем,
Что я соделал греховного прежде,
Весь трепещу пред Твоим судным днем;
Но, как Давид, лишь прошу по надежде:
«Суд Свой на щедрую милость сменя,
Господи Боже, помилуй меня!»

МИНУТЫ ПОКАЯНЬЯ

Объятый страхом, трепетал
Я пред минутой покаянья:
Свои грехи я увидал
И убоялся наказанья:
Где добрые мои дела?
Где час, безгрешно проведенный?
Что сотворил я, кроме зла?
Во тьму пороков погруженный,
Тебя, мой Бог, я забывал.
Святой любви Твоей чуждался,
Я счастья тленного искал,
В блаженстве вечном не нуждался.
В душе порочной у меня
Теснились пагубные страсти,
Великим грешником был я:

Я был противник Божией власти.
Как в море капли, так мои
Неисчислимы прегрешенья...
О, Боже праведный, вонми
Ты гласу моего моленья!
Среди пороков и страстей
Я, многогрешный, погибаю,
Но Ты десницею Своей
Меня спаси, к Тебе взываю!
Молюсь Тебе, Спаситель мой,
Прости достойного проклятья!
Ты, полон милости, открой
Мне, сыну блудному, объятья.
Помилуй, Господи, меня,
Рассей души моей тревогу –
Так перед исповедью я
Молился со слезами Богу.
Но вот и мой черед настал,
И я, грехами удрученный,
Перед священником предстал,
Стыдливый, робкий и смущенный.
«Покайся, – кротко молвил он, –
И не таи грехов от Бога.
Ты преступил Его закон,
Но милосердия в Нем много».
С объятой ужасом душой
И со слезами покаянья
Я пред Небесным Судией
Открыл греховные деянья.
Свершилась исповедь моя –
И к недостойному прощенья
Мой Милосердый Судия
Явил Свое благоволенье.
Из тьмы грехов меня изъял
Спаситель мой Своей рукою
И в те минуты как кристалл
Был чист я сердцем и душою.
О, сколько радости святой
Переживал я в то мгновенье,
Когда священник надо мной
Провозгласил грехов прощенье!

ПОХВАЛА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Радуйся, радости вечной вкусившая,
Радуйся, Бога во чреве носившая,
Дева Пречистая – Чудо чудес!
Радуйся, девство Свое сохранившая,
Радуйся, всяких нас бед свободившая –
Перл драгоценный земли и небес!
Радуйся, странников добрая Спутница,
Радуйся, сирых и грешных Заступница –
Нищих, бездомных Надежда и кров!
Радуйся, плоть, не познавшая тления,
Радуйся, немощных нас исцеление,
Всем христианам нетленный покров!
Радуйся, скверны греховной не знавшая,
Радуйся, к жизни погибших воззвавшая,
Скоро смирившая бури сердец!
Радуйся, злобы врага сокрушение,
Радуйся, ангельских сил утешение,
Радуйся, благих начинаний венец!

МОЛИТВА

О, Боже! дай слабому силы
Безропотно крест свой нести,
Чтоб он под тяжелою ношей
Не пал малодушно в пути;
Пошли беднякам Ты терпенье
Бороться с тяжелой нуждой,
Смири сердце тех, кто пылает
Безумною к братьям враждой;
Скорбящим пошли утешенье,
Надежду – кто духом упал,
Несчастным дай тихую радость,
Страдальцам – целебный фиал;
Гонимым дай тихую пристань
И гордым смиренье пошли,
Дай міру плодов изобилье, –
В нем мир и любовь посели;

Кто мучится в пытках сомненья
На трудном житейском пути –
Ты, Господи, разум и очи
Страдальца того просвети;
Отраду пошли угнетенным,
Пошли одеянье нагим,
Дай пить тому *воду живую,*
Кто жаждой духовной томим;
Приют дай и пищу бездомным,
Обиженных Ты защити,
Пролей на того милосердье,
Кто сбился с прямого пути, –
Направи стопы его к свету...
О, Боже, будь милостив к нам!
Прости, Всеблагий, прегрешенья
Твоим недостойным сынам!
Воззри с высоты милосердно
На бедных, заблудших овец!
Горячую нашу молитву
Услыши, Небесный Отец.

ВИФЛЕЕМСКИЕ ПУТНИКИ

(Легенда, распространенная на Востоке)

Палящий зной в египетской пустыне.
Трава лучами солнца сожжена.
Безлюдна даль; на мертвенной равнине
Окрестность в вечный сон погружена.
Вокруг ни дерева, ни холмика, ни тени,
Повсюду гладь, безжизненная гладь.
Здесь птицам нет пристанища и сени,
Здесь людям нечем жажду утолять.
Темнеет даль; густеет тьма ночная.
Вдруг показались путники вдали!
Осел усталый, медленно ступая,
Бредет, склоняясь чуть не до земли.
На нем печально Матерь молодая
Сидит, поникнув девственным лицем;

У Ней Дитя, а рядом, чуть шагая,
Идет старик с задумчивым челом.
Печальны их потупленные очи,
На лицах жажды тягостной следы.
Хоть приютиться бы где к ночи!
Хоть проглотить по капле бы воды!
Младая Мать, душей Своей болея,
Не в силах Сына грудью накормить...
Но кто ж Они? – От Ирода-злодея
Бегут, Христа-Младенца сохранить.
Сочтя Христа властителем престола,
Тиран сгубить Невинного хотел
И всех младенцев мужеского пола
Избить в стране Иудиной велел.
Тогда, покинув Вифлеем родимый,
Скитальцы в путь безрадостный пошли, –
И вот идут пустыней нелюдимой
В далекий край Египетской земли...
Настала ночь, глухая ночь Востока.
Все дико, жутко в окресте степей.
Вдруг показался, высясь одиноко,
Гранитный сфинкс над грудою камней.
И, камни добрым вестником считая,
Скитальцы стали, спутали осла...
О, радость, радость! – влага дорогая,
Вода, в сосуде сфинксовом была:
Здесь караван полуденной порою
Вчера на отдых мирный заходил,
И щедрый путник набожной рукою
Воды в сосуд для странников налил...
И влага жажду бедным утоляет...
Старик прилег на землю отдохнуть,
С Младенцем Мать у сфинкса отдыхает,
Склонясь к нему на каменную грудь.
Мертво, нигде ни звука, ни движенья...
Чу, шорох!.. Два разбойника пришли.
Корысть, нужда иль голод и лишенья
Их в этот край безплодный привлекли? –
Бог весть! Один осла уже хватает...
Другой сказал товарищу: «Постой!
На камне Мать с Младенцем отдыхает,

Быть может, из страны из дальней и чужой.
Осел у них – и все-то достоянье,
Пожитков тут не видно и следа, –
Оставим Им осла из состраданья,
Знать, гонит вдаль Их горе и нужда...
Не тронем Их!» – И втайне сострадая,
На сфинкс он тихо хлеба положил,
Вздохнул и, будто что-то вспоминая,
Печально, грустно взгляд свой потупил...

Десятки лет мятежных миновали.
Царь Ирод тлел, став жертвою земли.
Слова ж Христа спасительно вещали
О мире, братстве, дружбе и любви.
Но ко кресту Спаситель, осужденный,
Был между двух злодеев пригвожден.
Один из них, свирепый, дерзновенный,
Был на добро и зло ожесточен.
Он поносил Спасителя, сливая
Слова хулы в проклятия и стон;
Другой злодей, не ведая, не зная,
Кому в пустыне подал хлеба он, –
Прервал хулу, в мучении тяжелом
Вознес Христу моления свои.
И рекл ему Господь Божественным глаголом:
«Ты днесь со Мною будеши в раи!»

ПРЕД ОБРАЗОМ УСПЕНИЯ

В сиянии лучей покорно догорая,
Безмолвно угасает ясный день...
И, крылья мрачные над нами простирая,
Грядущей ночи реет тень.

Она уже, таясь, склонилась над лощиной;
Как зверь, в лесной берлоге залегла, –
И свет дневной закрыть прозрачной паутиной
Мнит угрожающая мгла.

А здесь, под сводами темнеющего храма,
Христова стада овцы собрались:
Блестит лампады луч – и волны фимиама
С молитвой их струятся ввысь.

Царице-Матери, от всех родов избранной,
Взирающей на них в снопах лучей,
Песнь клирная звучит хвалой сердец желанной
И к Ней стремится, как ручей –

К Ней, не покинувшей в успении нетленном
Их без надежды посреди волков,
Собравшей ныне в милосердье вожделенном
Их под державный Свой покров!..

Пусть тени вечера упорней и сильнее,
Сгущаясь, заклубятся по стенам –
Тем ярче свет лампад, тем пение слышнее,
Сердца тем ближе к небесам!

15 марта 1911 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЕФСИМАНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА

1910 г. – Пострижена в монашество основательница вновь открытой женской общины под названием «Гефсимания» при сельце Воронине, Зарайского уезда, лебедянская мещанка Параскева Кузнецова, с наречением ей имени Поликсения.

Начальницей женской общины «Гефсимания» назначена м. Поликсения.

Его Преосвященством, Преосвященнейшим Никодимом, епископом Рязанским и Зарайским, **21-го** минувшего **декабря 1910 г.** освящена новоустроенная церковь в честь Успения Божией Матери при женской общине «Гефсимания», что при сельце Воронине Зарайского уезда[964].

Состоят праздными священническое и диаконское места при церкви женской общины «Гефсимания»[965].

Всемилостивейше пожалована Ее Императорским Величеством Государынею Императрицей Александрой Феодоровной для церкви женской общины «Гефсимания» плащаница с изображением Успения Пресвятыя Богородицы на голубом бархате[966].

1911 г. – Начальнице женской Гефсиманской общины Зарайского уезда монахине Поликсении дозволено построить, на средства благотворителей, деревянные здания для прачечной и бани, дом для приезда духовных особ и странноприимный дом[967].

1913 г. – Состоят праздными места диаконские при церкви Гефсиманской женской общины с **30 июня 1909 г.** – дня ее учреждения[968].

«ДОМ БОГОРОДИЦЫ»

Веселися, Гефсимание, Богородичен святый доме!..
Девы с Материю Царевою, на высоту вознеситеся!

Гефсиманская женская община находится в пустоши Лариной, при сельце Воронине, в 2-х верстах от Зарайска, уездного города Рязанской губернии. На пути между общиной и Зарайском лежит деревня Безпятово.

Все это известные уже в старину местности. Сельцо Воронино упоминается в выписи с писцовых книг 1629 года, где владельцем его значится Михаил Зачесломский. Деревня Безпятово упоминается в платежных Рязанских книгах «письма и меры Василья Яковлевича Волынскаго, да Ивана Афонасьевича Нащокина, да подьячих Второва Ильина, да Алексея Малахова, лета 7103, 7104 и 7105» (т. е. 1595 – 1596 – 1597): «Город Николы Зараскаго посад... У Николы ж за острогом на Безпятовской земле, что дал в дом Николе чудотворцу Михайло Назарьев сын Глебов вотчину свою слободку Назарьевскую». В выписи из книг Рязанского уезда «письма и меры Кирилла Воронцова-Вельяминова 137 и 138 лет» (т. е. 1629 и 1630 годов) Безпятово значится в числе вотчин Зарайского Николаевского собора: «сельцо Безпятово на речке Истопке, что дал в дом к Николе чудотворцу Михайло Назарьев сын Глебов; слободка Назарьевская, что дал Михайло же Глебов». С 1764 года деревня Безпятово, вместе с сельцом Ворониным, состоит в приходе Троицкой церкви гор. Зарайска.

Владения общины занимают площадь в 89 десятин 360 сажен удобной и неудобной земли; из них около 7 десятин приходится на усадьбу, огород и выгон.

Возникла она в начале текущего столетия и обязана своим существованием усердию и многолетним трудам своей основательницы, ныне здравствующей досточтимой монахини Поликсении (в міре Параскевы Михайловны Кузнецовой). 14 мая 1908 года, в день священного коронования Их Императорских Величеств, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, было избрано место для теперешней обительской церкви и на нем водружен крест. Постройка каменного корпуса началась в том же году.

Открыта община более года тому назад, согласно определению Св. Синода, состоявшемуся 12-21 мая 1909 года за № 4091.

Основана Гефсиманская община на твердых правилах общежития, заповеданного древними Отцами.

В ней существует обязательное положение, что сестры пользуются от монастыря не только трапезой, как в большинстве женских монастырей, но также одеждой, обувью и вообще всем необходимым для жизни в рамках иноческого быта.

Зато, в свою очередь, они должны посвящать свои труды всецело и исключительно на пользу и благолепие обители, их содержащей и облегчающей им путь к спасению. Не имея, благодаря этому, нужды в непосредственных сношениях с мірскими людьми, они ничем не отвлекаются от своей коренной цели, ради которой собрались в обитель; внимание их к своему духовному возрождению ничем не рассеивается – и они трудятся непрерывно, действительно во славу Божию...

Побудительной причиной к основанию обители явилось ревностное желание учредительницы, благословленной на это дело несколькими ныне в Бозе почивающими старцами, послужить созданием монастыря спасению многих. Промыслу Божию было угодно, чтобы на этом месте непрестанно возносились к Богу похвалы, священные песни моления в честь Приснодевы Марии от лика иночествующих дев.

Много значительных трудов положила здесь мать Поликсения, много сердечных воздыханий возлетело из груди ее к Всещедрому Богу, много слезных молитв, никому, кроме Единого Сердцеведца, неизвестных, пролито ею в пустынном уединении, много тяжких борений, неотступных скорбей и безвестных страданий довелось испытать ей прежде, чем, по милости Божией, исполнилось ее заветное, пламенное желание – прежде, чем создалось то, чего с таким упованием и столько лет жаждала ее душа...

И вот, наконец, 21 декабря 1909 года была освящена Преосвященным Никодимом, епископом Рязанским и Зарайским, в полуподвальном этаже еще недостроенного и теперь каменного корпуса небольшая домовая церковь в честь Успения Божией Матери.

Эта церковь, единственное утешение насельниц общины – плод их непрестанных трудов, слез и молитв к Единому Прибежищу и Утешителю скорбящих и к Заступнице рода христианского.

Удивительно прекрасен и привлекателен этот, почти подземный, храм Царицы Небесной, при всей своей тесноте и бедности! Благодать Божия, очевидно, почила на нем.

Входишь в него с истерзанным сердцем, измученный безтолковой сутолокой быстробегущей жизни, взволнованный и надорванный тревожной суетой, шумом и гамом современного города – и сразу начинаешь чувствовать веяние Божественной благодати. Тает лед равнодушия и безчувствия, спадает чешуя наслоений мірской суеты – и священный трепет безраздельно овладевает душой, преклоненной к смиренной и тихой молитве...

Взор невольно приковывается со странным умилением к трепещущему сиянию лампад пред запрестольным образом Триединого Бога, проходящему сквозь прозрачную голубую завесу царских врат – и хочешь видеть в нем отражение или символ того Света жизни, который с благожелательной и всепрощающей любовью зовет нас с всемірной Голгофы к Себе, чрез голубую даль минующих веков...

Внимаешь простому обиходному напеву священных канонов, псалмов и молитв, неспешно, медленно распеваемых без иноземных вычур и диких выкриков благоговейными, сосредоточенно молящимися в то же время внутри себя насельницами благословенной обители – и явственно ощуща-

ешь в самом себе духовное единение всех предстоящих в храме в общем молитвенном подвиге. Чувствуешь реально, что ты здесь – не лишний, не случайный посетитель, не одинокий богомолец, со своим горем, со своими скорбями и нуждами прибегающий к Богу... Нет! Ты – одно из неразрывных звеньев этой молящейся общины верных, ты – полноправная часть целого, скрепленного между собой цементом христианской братской любви.

Ты молишься не столько о себе, сколько за них, и они молятся не за себя лишь, но от имени всех и за всех. Молясь с ними, понимаешь и чувствуешь, что такая-то общецерковная, безкорыстная и любвеобильная молитва действительно может восходить к Богу, как дым кадила, благоухающего пред Отцом нашим Небесным верою и любовию...

Лучшее украшение храма составляет деревянный белый иконостас на 12 колонках, устроенный наподобие мраморного, имеющегося от лет древних в Риме, в катакомбах св. Агнесы. Он скопирован с иконостаса в церкви-усыпальнице при Московском Чудовом монастыре, где погребен Великий Князь Сергий Александрович.

По колонкам бежит и вьется виноградная лоза, эмблема Евхаристии, а на капителях – голуби, души верных, жаждущие прильнуть к Источнику воды живой, текущему в жизнь вечную.

Внизу – местные иконы Спасителя и Богоматери, а над ними – сложные композиции Распятия и Сошествия во ад. Все эти четыре иконы – работы скончавшегося в прошлом году художника К. П. Степанова. Вместе с тремя другими (а также с престолом и жертвенником с подобающей одеждой) они пожертвованы в общину из церкви-усыпальницы Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной.

В середине иконостаса вставлены деревянные же, вызолоченные резные царские врата. Над ними в серебряном золоченом сиянии с лучами парит иерусалимский образ Успения (шитое изображение нетленно почивающей Богоматери), пред которым горит неугасимая лампада. Каждую среду после часов образ спускается – и пред ним, по киевскому обычаю, поется молебен с каноном Успению. Акафист же Успению читается по воскресениям, на повечерии, по шестой песни трех канонов.

Праздничный образ Успения находится на алтарной стене, видимой в пролете южной арки иконостаса. Пред местной иконой Богоматери временно, в виду неокончательной отделки церкви по неимению средств, помещена шитая золотом по голубому бархату плащаница с изображением почивающей во гробе Богоматери; кругом в кайме – величание Успению: *Величаем Тя, Пренепорочная...* Плащаница эта пожертвована в 1910 году в «Гефсиманию» Ее Императорским Величеством Государыней Императрицей Александрой Феодоровной.

У южной стены церкви, в углу, пред живописным Распятием с предстоящими, происходит «неусыпаемое» чтение псалтири по преставившимся ко Господу.

Вот кончилось повечерие. Сумрак и безмолвие воцарились в храме...

Только теплится красноватым лучом лампада пред святыней обители, образом Пречистой над св. вратами, да двигается свечечка в руках монахини, стоящей посреди церкви пред аналоем.

Начинается «пятисотница».

– *Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!...*

Тридцать раз звучит этот одинокий молитвенный вопль смиренного покаяния, произносимый среди полной тишины тонким голоском чтицы. И тридцать «метаний» творят сестры.

Затем следуют сто молитв. Безмолвие ничем уже не нарушается. Каждая про себя, считая по четкам, шепчет с мытаревым смирением молитву Иисусову: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную.*

Снова тридцать поклонов с произносимой вслух молитвой и – сто безмолвных молитв.

За ними идут двадцать поклонов с той же молитвой и опять сто безмолвных молитв.

Наконец, чтица еще двадцать раз произносит с поклонами молитву: *Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!* И сестры обращают последнюю сотню молитв к Богоматери, говоря про себя: *Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грешную.*

Теперь они берут благословение у начальницы и покидают до утра храм. Им предстоит закончить некоторые послушания, и тогда они после вечерней трапезы прочтут молитвы на сон грядущий с положенным в данный день акафистом Спасителю и Богоматери.

Но недолго им придется отдыхать во сне после трудового дня.

В половине четвертого часа утра будильщица, позванивая колокольчиком, уже обходит их помещения, возглашая:

– Пению время, молитве час!..

И в четыре часа с обительской колокольни несутся уже среди полумрака и предрассветной тишины тающие в воздухе настойчивые звонкие призывы в храм...

Бодро звучит колокол в упругом мглистом воздухе. Свежесть и утренний холодок отрадно действует на душу, гармонирует с ясным настроением ее, готовым на труд, на подвиг, на безпрерывную, долгую молитву...

На рассвете наступающего дня, при бледном свете немногих мерцающих там и сям лампад, начинается полунощница. За ней следует утреня, оканчивающаяся к семи часам. Здесь заметим, что в общине, согласно ус-

таву, к тропарям канонов круглый год неупустительно стихологисуются по псалтири песни.

К особенностям богослужения в общине надо несомненно отнести празднование службы на погребение Богоматери, отправляемое накануне 16 августа, по благословению Преосвященного Никодима, епископа Рязанского и Зарайского, по особому чинопоследованию.

В день Успения Богоматери, в четыре часа вечера, по звону «во вся» с обительской колокольни, начинается торжественная вечерня. В конце ее, по Трисвятом, при пении тропарей – *Благообразных ученик лик* и *Священным учеником* – плащаница Богоматери выносится из алтаря северной дверью и полагается на особо уготованном месте в трапезной части храма. После обычного отпуста поется пред ней молебен с каноном – *Скорбных наведения*. Затем, вплоть до глубокого вечера, медленно читается в церкви в поучение сестрам и богомольцам житие Пресвятой Богородицы и описание безчисленных чудес от Ее св. икон, чтимых повсюду на необозримом пространстве Святой Руси.

В 11 часов ночи сестры все уже в сборе в храме. По обычном благословении пред плащаницей начинается утреня с включенным в нее «чином двунадесяти псалмов». На хвалитнах плащаница переносится в алтарь и полагается на св. престоле. По великом славословии, при пении Трисвятого, плащаница выносится из алтаря северной дверью, обносится вокруг храма и при пении тропаря *Благообразных ученик лик* снова полагается на гробнице в средней арке посреди храма.

Непосредственно по окончании утрени и первого часа читаются часы третий и шестой, и, по звоне «во вся», начинается Божественная литургия св. Иоанна Златоустого.

Воистину такое празднование можно назвать «второй Пасхой», как именуют греки Успение Богоматери.

Накануне 17 августа служба восшествия Богоматери на небо совершается сполна по иерусалимскому последованию.

После Литургии бывает крестный ход вокруг обители.

Строгим соблюдением церковного устава, включительно до положенных на службах чтений из толкового евангелия, творений св. Отцов, пролога, синаксарей и праздничных слов, точным выполнением всех церковных служб, иноческого правила и «пятисотницы», обиходным распевом, неутомимыми трудами и непрестанными молитвами своих насельниц и теперь уже славится в окрестности юная обитель. О ней нередко можно слышать от посещавших ее богомольцев:

– Там Бог всем управляет!

Часто называют нашу новую Гефсиманию по-старинному «Домом Богородицы».

Все в этой юной обители основано на благословении Божием и молитве. Вся она поддерживается молитвой. Все с молитвой в сердце и на устах делают сестры: и пашут, и сеют, и жнут, и молотят, и косят...

Молитва является для них неизменной спутницей их жизни и трудов, дыханием их чистых душ, посвятивших себя безраздельному служению Богу.

Своими руками устроили они вокруг своей милой пустыньки простую убогую ограду из кольев – и белеет теперь она своими решеточками посреди зелени окружающих обитель лесов и полей.

На границе владений общины, у векового дуба, на северной стороне, при въезде взору богомольца предстают решетчатые железные св. врата с восьмиконечным крестом наверху, увенчанные образом Успения, который вставлен в середину поперечного бруса, поддерживаемого воротными столбами.

В 33 саженях к востоку от алтаря начинается монастырское кладбище, место вечного упокоения потрудившихся ради Бога.

К югу от каменного корпуса с домовой церковью лежит небольшой пруд и вблизи его артезианский колодезь с водокачкой и конным приводом для молотьбы обительского хлеба.

Вправо от него, недалеко от огорода, по направлению к Зарайску, который видно благодаря открытой равнине, к лету текущего года будет выстроен деревянный странноприимный дом.

А вот и будущая реликвия Гефсимании – домик первоначальницы, в котором она прожила семь долгих трудных лет, да живет еще и теперь. Деревянный, одноэтажный, крытый соломой, обложенный по наружным стенам «для тепла» толстой броней сухих листьев – как живо воскрешает он в памяти сердца убогие келлии, хижины и землянки многих первоначальников ныне цветущих обителей. Да поможет Бог и новой Гефсимании расти и крепнуть, и возрасти в Лавру на славу Церкви Православной и на благо всем ищущим спасения!

Взойдемте с вами, благосклонный читатель, в сбегающий к соседнему оврагу монастырский сад, остаток былого помещичьего хозяйства. Там вы увидите груши, яблони, вишни и малину; посреди сада островерхий шатер для караульщицы.

Между садом и огородом, на небольшой луговинке, среди деревьев приютился начаток пасеки с Божиими работницами – пчелками...

Повернемте налево по дороге из сада, пройдемте между огородом и пашней – и вы остановитесь в изумлении перед роскошной столетней липовой аллеей, примыкающей к обительскому лесу. Липы-гиганты осеняют дорогу своим густым зеленым шатром; в самый яркий солнечный день, когда глаза режут сверкающие на соседней поляне лучи, здесь – сумрак, тишь и прохлада, благодетельно действующие на душу...

Из кратких строк, посвященных новой «Гефсимании» и ее духовному облику, становится понятным, почему при начале своего бытия она была осенена сиянием Божественной благодати. Велением вседействующего Промысла в самый день освящения Успенского храма произошли там три знаменательные события.

Во-первых, по освящении храма на только что освященном престоле епископ Никодим освятил несколько антиминсов для Рязанской епархии.

Затем при совершении первой в обители Божественной литургии соборный священник г. Ряжска о. Алексий был возведен в сан протоиерея. И возглашаемое архиерейским хором как благовест разносилось в храме торжественное троекратное «аксиос».

Наконец, более тридцати монашествующих и мірян удостоились в этот день принять св. Таины Христовы и этим явили верным новый родник благодати, заструившийся в только что открытой обители.

Здесь не место распространяться (да и *не у прииде час!*) о тех особенных знамениях, которые предшествовали возникновению «Гефсимании»; но не можем не указать, что создалась она, подобно множеству древнерусских иноческих обителей, по воле и при помощи Божией, а не по человеческому себялюбивому и пристрастному желанию...

Сея искренние слезы, труды и молитвы, возрастит она – верим – *плод мног* и явится, когда захочет Бог, во славе.

А ныне *да исполнятся уста наша хваления Твоего Господи*, о судьбах «Гефсимании», *яко да поем славу Твою во веки!*

Иеромонах АРСЕНИЙ

Москва. Кремль. 9 марта 1911 года.
Память св. 40 мучеников, иже в Севастии.

ВСТРЕЧА ИКОН В ГЕФСИМАНИИ

Бог Господь явися нам, составите праздник, и веселящеся придите, возвеличим Христа, с ваиами и ветвьми, песньми зовуще: благословен грядый во имя Господа Спаса нашего.

Пишу эти строки, и вновь переживаю неизгладимые в душе моей впечатления светлой радости по поводу торжества Гефсиманской обители.

В этот навеки памятный для обители и знаменательный день поступило в благословение юной общине безценное сокровище. Я разумею здесь: дар Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны – икон Спасителя, Богоматери, Распятия Господня, Сошествия во

ад и Тайной вечери – все пять – из церкви-усыпальницы при Московском Чудовом монастыре; затем икону Успения Богоматери от настоятельницы Московского Вознесенского монастыря игумении Евгении, и, наконец, икону Успения Божией Матери с частицею камня от гроба Богородицы и другими святынями – от С. Г. Булгакова.

Я сопровождал св. иконы от Москвы. По приходе поезда в Зарайск, вагоны обыкновенно пустеют; все пассажиры выходят, а поезд готовится к обратному следованию в Москву. И вот великое множество народа, выйдя из вагонов, было поражено, увидев инокинь с вербами в руках, пришедших в крестном ходу с хоругвями, для встречи чего-то грядущего во имя Господне...

Все остановились тут же у станции, близ пришедших с крестным ходом насельниц «Гефсимании» и собравшихся на торжество жителей Зарайска.

Вот вынесли из вагона св. иконы, и все присутствующие мысленно «прияша ваиа от финик» и стали восхвалять Господа о всем видимом:

– Радуйся и веселися, мирный наш граде! Красуйся и радуйся, Богородичная обитель Гефсимания! Осанна в вышних!

При колокольном звоне Зарайских церквей, блестя хоругвями, крестный ход со св. иконами, возглавляемый благочинным г. Зарайска протоиереем Н. И. Зиминым, тронулся по направлению к Гефсимании. Неоднократно останавливался он по дороге для совершения литий.

Чувство духовной радости наполняло сердца участников этого шествия, и от полноты сердец само собою поднималось волною восторга и вырывалось из уст знакомое песнопение:

– Ужасеся о сем небо и земли удивишася концы...

Сама природа, казалось, согласовывалась в этот памятный день с радостным чувством богомольцев, радуя нас теплым и ярким солнечным светом.

Проходим городом. В раскрытые окна видны головки детей при матерях, крестящихся на св. иконы и протягивающих к ним своих первенцев. И напомнило это нам историческое былое, когда сбывалось пророчество:

– Из уст младенцев и ссущих совершил еси хвалу.

У заставы мы расстались с протоиереем Зиминым, возвратившимся в свою церковь для совершения Литургии, а сами отправились далее.

Едва миновали Безпятово, услыхали мы с радостию нежный звон с колокольни юной Гефсимании. Подвигаясь к обители, мы стали различать сопровождающие звон токующие удары била*.

---

* *Било* давно известно в Греции, откуда оно перешло в Россию вместе с принятием христианства. Доныне оно употребляется вместо колоколов на Афоне. В России, наряду с принятым позднее колокольным звоном, оно употребительно в некоторых монастырях, например, в Гефсиманском мужском ските, близ Троице-Сергиевой Лавры.

И вспомнился нам ответ Сладчайшего Учителя фарисеям на требование их запретить ученикам прославлять Бога:

– Аще сие умолчат, камение возопиет.

С умилением внимая бездушным предметам, славящим Господа, вседеятельною силою Его мы озарились светом торжества, и вот уже видим: на границе Гефсимании, у столетнего дуба встречают наше шествие во главе со священником оставшиеся в обители сестры и богомольцы с ваими в руках, радуясь и веселясь: се бо Царь грядет в правде, кроток и спасаяй.

– Господи Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли. Яко взятся великолепие Твое превыше небес. Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу. Врагов Твоих ради разрушиши врага и местника. Господь в Сионе велик и высок есть над всеми людьми. Хвала Его пребывает в век и в век века...

– Якоже слышахом, тако и видехом. – И из переполненных духовною радостию сердец лились и лились через наши уста звуки церковного ликования:

«Днесь святая святых радуется... Возсия день радостен и праздник всечестен... Радуйтеся, людие, и веселитеся, – радуется небо и земля, яко уже избавление прииде...

Днесь собори верных сошедшеся духовно да торжествуим; восприяхом, Боже, милость Твою посреде людей Твоих.

По совершении литии, взойдя в церковь, мы установили на временно приготовленных местах св. иконы, – и началась Божественная литургия.

Сестры были сильно утомлены предшествовавшими службами, долгим ожиданием на вокзале и медленным шествием крестного хода.

Казалось бы, у них не хватит сил на пение Литургии. А день так радостен, а праздник так светел!..

Но вот смиренным возгласом иерея прославлено святое царство благодати. Вот вознеслись молитвы верных о мире всех. Настают антифоны. И скорбные в умилении души покорно склоняются, прося Бога ниспослать силы сестрам.

И вдруг зазвучала полная радостного единения с Богом песнь:

Било – узкая деревянная доска (например, из сосны), длиной около 3 аршин, с овальными выемками с обеих сторон; держат его левой рукой за рукоятку на тыльной стороне, а правой ударяют по нему деревянным молотком, отчего получаются своеобразные звуки, похожие на токование дятла.

В Гефсиманской женской обители ударяют в било: 1) за полчаса до колокольного звона к службам, кроме утрени; 2) вместо задостойного звона на Литургии; 3) перед повечерием, после отпуста вечерни; 4) на утрени и на всенощном бдении по восьмой песни канона, на «Честнейшей»; 5) при крестных ходах одновременно с трезвоном.

– Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего... Скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах. Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас.

Первый антифон пропет. Слух отказывается верить: такая сила, такое упование звучат в голосах сестер. Благодать Божия явно для всех здесь помогла немощным!

А дальше, дальше!.. Какая вера, какая любовь к Господу и Матери Его и к этому бедному храму, селению Его Божественные славы, движет их сердцами и управляет голосами их!

– Веровах, тем же возглаголах: аз же смирихся зело... Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?.. Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его... Спаси ны, Сыне Божий, возседый на жребя, поющия Ти: аллилуиа!..

Смирение помогло в скорби обратиться к вере. Вера родила молитву. И вот уже звучит молитва исповедания Божия и твердого упования на Него, как предвкушение небесных благ!

– Исповедайтеся Господеви, яко благ яко в век милость Его. Да рекут убо вси боящиися Господа, яко благ, яко в век милость Его. Осанна, осанна, осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!

Чудное молитвенное настроение владело всеми, кто слышал эту незабвенную Литургию.

На молебне было провозглашено многолетие Государю, Государыням, Наследнику Цесаревичу, Великой Княгине Елисавете Феодоровне и всему Царствующему Дому.

После молебна обнесли святые иконы вокруг церкви и установили их на своем месте в иконостасе. Там они находятся и теперь. Пред местной иконой Богоматери временно помещена плащаница с изображением Успения Богородицы, – дар Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Богомольцы стали расходиться. Покидаем и мы наш полуподземный храм, с жалостию в сердце расставаясь с ним. Здесь, поклоняясь святыням его, а среди них, камню от гроба Богородицы, так легко представляешь себе, будто находишься в пещерном храме Гефсимании на Елеоне.

И, удаляясь отсюда, молитвенно шепчешь, крестясь на этот святой храм:

– Бог основа и в век. Освятил есть селение Свое Вышний. Да будут же, Господи, очи Твои отверсты день и ночь на храм сей, обитель сию и живущих в ней! Боже сил, призри с небеси и виждь и укрепи виноград сей, и соверши и, его же насади десница Твоя. Аминь.

Обозрев кратко настоящее торжество, припомним при сем слова Господа:

– Блажен муж, творяй сия, и человек, держайся сего, и храняй праздники не осквеняти. – И изберут содержать завет Мой, еже Аз хощу. Дам им в дому Моем и в ограде Моей место именито, введу я в гору святую Мою, и возвеселю я в дому молитвы Моея...

Припомним также повеление блюсти вся, елика заповедах, и совет аввы Дорофея не пренебрегать даже и малою заповедью, но исполнять в точности и со страхом Божиим, как дело Божие.

Итак, православные, не только благоговейно исполняйте и свято чтите и высоко цените все крестные ходы, как знак победного знамения и торжества Православия, но и выносы Плащаницы, и поклонения Честному Кресту, и хождения с артосом вокруг церкви на Святой неделе, и раздаяние его в Светлую субботу, и в праздник Святыя Троицы храните обычай украшать не только храмы, но свои жилища, и даже могилы усопших древесными ветвями, и устилать помост церковный свежею душистою травою, и присутствовать при богослужении с благоухающими цветами – начатками обновляющейся и расцветающей природы – в сретение праздника в честь Всеоживотворяющего и Обновляющего Духа-Утешителя. И все, что установлено Святою Церковью, нерушимо исполняйте и трепетно благоговейте пред всяким делом Божиим, ибо да благоговеет вся земля от лица Его и да вопиет: благословите вся дела Господня Господа!

Матери и сестры святой обители сия! Неленостно подвизайтесь в иноческих трудах и понуждайте себя на все доброе. Стремитесь стяжать благодать Святаго Духа, ибо без благодати человек мертв: *зане всяка плоть яко трава.* Старайтесь все дни вашей жизни содержать в устах, уме и сердце молитву Иисусову. Будьте смиренны, кротки, молчаливы, благоговейте пред Богом, – и очи Его будут отверсты на вас, живущих в сей святой обители, и по слову Его: *вселюся в них и похожду и буду им в Бога,* – подаст Он вам силу отвергнуть всякое житейское попечение. Знайте, сестры, что без борьбы и принуждения ничего ни дается, тем более душевное спасение, к которому должны мы всеми силами стремиться, чтобы быть монашествующими не по одежде и внешности только, но по духу и сердцу. И тогда ваша добрая, благочестивая христианская жизнь будет поистине светом для всех приходящих сюда, для всех ищущих и жаждущих спасения, и путеводною звездою, роняющю лучи свои на дно совести заблуждающихся и малодушных.

Иеродиакон ЕВСТРАТИЙ

ВЫСТАВКА ИКОНОПИСИ

Недавно закрыта выставка работ учащихся в иконописной палате Донского монастыря, помещающейся на Остоженке, рядом с храмом Успения. На выставке выставлены до 200 икон, исполненных учениками палаты для вновь сооруженных церквей на кладбище Донского монастыря и Гефсиманской общины, близ Зарайска, и в другие места. Выставка открылась еще в конце мая [1912 г.].

Она представляет громадный интерес для художников-иконописцев и вообще для лиц, интересующихся древней иконописью, и наглядно свидетельствует о благих результатах, достигнутых учащимися в палате под руководством ее директора Н. И. Пашкова, вложившего массу труда и энергии в это дело. Очень приятно засвидетельствовать, что его труды не пропали даром, и учащиеся в палате в непродолжительном будущем будут хорошими художниками-иконописцами, которые украсят своими произведениями православные храмы. [...] Из выставленных работ усматривается, что учащиеся в палате ознакомлены с историей св. Церкви, иконографией, археологией, патристикой и другими науками в достаточной степени. Оригиналы для икон взяты с древних иконописных подлинников, но при этом исключены все детали, не соответствующие эпохе события, что очень важно с исторической точки зрения. [...]

Иконы, изготовленные для Гефсиманской общины, написаны таким образом, что на каждой из них помещено изображение Божией Матери. Особое внимание обращает на себя икона Божией Матери, именуемая «Спорительница хлебов»[969]. Подлинник этой иконы находится в Оптиной пустыни, где эта святыня постоянно находилась в келлии известного оптинского подвижника старца иеросхимонаха Амвросия. Списки с этой иконы распространены во множестве по всей России. Богоматерь изображена в облаках из радуги над хлебными полями, на которых стоят на молитве крестьяне...

Иконы для царских врат Гефсиманской общины замечательны по оригинальности изображений, взятых с древнейших рисунков. Божия Матерь изображена с веретеном, как это встречается всегда на иконах XV и XVI веков.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ГОЛОС ЦЕРКВИ»,

издававшегося при Московском в Кремле Чудовом монастыре под редакцией владыки Арсения

О МИРЕ БЛАГОДАТНОМ

(Письмо Старца духовным детям)

Мир убо желаю Вам! мир Христов призываю на Вас! Буди мир в силе Твоей, и обилие в столпо-стенах Твоих! Сам Господь мира да даст Вам мир всегда во всяком образе *(2 Сол. 3,6)*. Блюдите мир, не только блюдите, но и ищите тщательно, по сказанному: «взыщи мира, и пожени и!» *(Пс. 33, 15)*. Это есть драгоценный дар Божий. Ибо часто бывает, к сожалению, что мир, даримый Богом нам, и сокровенный от нас, – презираемый нами и убегает от нас, гонимый людьми, ненавидящими мира, и страстями нашими.

Ищите же мира и поженитеего, да будет он всегда с вами. – «Блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей!» *(Фил. 3, 2)*, творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже Вы научистеся, и уклонитеся от них: таковии со Господеви нашим И[исусом] Х[ристом] не работают, но своему чреву (самолюбию), иже благими словесы и благословениями прельщают сердца незлобивых *(Рим. 16, 17-18)*.

Мир! – великое сие слово: «Мир вам!..» Мир есть союз рода человеческого и основание благополучия его. «Мир Божий да водворяется в сердцах Ваших» *(Кол. 3, 15)*. Без него ничего доброго и святого быть не может. Где мира нет, там всеобщее помешательство... Сего ради, Св. Церковь, при всех своих молениях, и молится «о мире всего міра, благостоянии святых Божиих церквей, и соединении всех», и призывает нас: «Господу помолимся», – помолимся иметь живой союз о Христе, в согласии, и быть, так сказать, друзьями о Христе. О таких-то друзьях сказал Христос: «нет больше сея любви, разве кто душу свою положит за други своя» *(Ин. 15, 13)*.

Великий это подвиг – полагать душу свою за других, – если принять во внимание внутреннее чувство человека, который полагает душу свою за

других... Но судить об этом может только тот, кто трудился над этим по своему внутреннему чувству, примиряясь в совести с Богом и людьми, и умом своим царствовал над движениями своей плоти и хотениями своего сердца, в борьбе самоотвержения для других спасающихся.

Ведь не одно и то же, что отдать все то, что имеешь, т. е. лишиться видимого всего; нет к этому нужно еще прибавить спокойствие духа. Да и этого мало: нужно при этом не быть снедаемому завистию к другим, а еще радоваться за их благополучие и скорбеть за недостаток власти царствующего их ума над самими собою, о неимении оного мира в себе и любви к другим. – Тут уже руководящий разум – не простое чувство желать быть спокойным только себе одному, – это нечто большее! И недаром Апостол это чувство мира назвал «Миром Божиим, превосходящим всяк ум» *(Фил. 4, 7)*.

Мир этот есть союз с Богом и человеки, верность св. Церкви, мир совести ко всему видимому, – земному на земле, и к невидимому – небесному на небеси, чистота души и сердца! ибо только чистое сердце Бога зрит, имеет дары от Бога, превосходящие всяк ум.

Нет ничего союза сего святее и нужнее к благополучию человеческому, к облегчению нужд житейских; это – наибольшее утешение!

А без сего мира всякое основание колеблется: общества развращаются, обители лишаются благословения Божия и общего покоя среди насельников.

Душевный мир наипаче в том состоит, чтобы общую пользу наблюдать, и хранить ее, как собственную свою. Где такого мира нет, там уже разделение, там все приходит в упадок и скудость; там лучшие разоряются дома, и города падают, и целые голые государства разрушаются.

Где же есть согласие и мир, там все процветает, ибо мир есть основание и источник всякого блага. Сей мир есть мир и чистота совести, которая не имеет в чем себя зазирать, – сама собою довольна, страсти умирены и не воюют. Таковый человек наслаждается миром Божиим, «превосходящим всяк ум»; таковый спокоен, радостен, ибо никакие міра сего мірские выгоды и увеселения такого спокойствия духу не могут дать, а только – Один Бог! – «миром, превосходящим всяк ум».

Сладость сего Божественного мира человек может чувствовать в своем сердце, но разумом своим совершенно объять, тем паче словом изъяснить – не может.

И сколько бы кто о нем ни говорил что, но никто его разъяснить или понять – как он есть, – не может, разве сам кто его в себе ощутил и чувствует! Но: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»!

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей»! *(Пс. 50, 12)*.

Сего-то мира мы и просим у Бога. И кто внутреннее сие сокровище стяжает, тот благодушен и радостен всегда бывает: в счастии не надмевается, несчастием не ослабевает, смертию не смущается, ибо с Богом и человеки примирен; суда Божия ожидает, но чувствует в себе благословение Божие.

Состояние души его есть единое свойство с небесными райскими утехами, ибо уже есть начало – предвкушение мира, называемого «миром, превосходящим всяк ум».

От всего усердия сего-то мира всем и желаю! – мир старым и малым! мир мужескому полу и женскому! мир всякому возрасту, и чину и состоянию! Да соединимся друг с другом священным союзом любви, мира и радости! отклоним от себя всякое несогласие, раздоры и ненависти, – они не от Бога, но от врага рода человеческого происходят. Сохраним между собою мир и радость о Духе Святе, да возможем «Святое возношение в мире Богу приносити», – и «Бог мира всегда будет с нами»! *(Фил. 4, 5).*

С[хи]а[рхимандрит] ГАВРИИЛ (Зырянов)

1913 г.

РУССКАЯ ПРАВДА

(К выборам в IV Государственную Думу)

I.

Православные Русские люди должны объединяться на началах Православия, неограниченного Самодержавия и Русской Народности, отложив частные определения своей «Платформы», дабы общностью своих принципов объединить возможно большее количество русских граждан, которые, быть может, и не будут между собою вполне согласны в частностях своего политико-социального воззрения, но зато останутся единодушны в том, что гораздо важнее частности политических воззрений, – сойдутся в единогласном признании той нравственной атмосферы, которою мы должны неуклонно окружать русскую жизнь.

Среди нас не должны найти себе места самые строгие монархисты, но отрицающие нашу Святую Веру, формальные, черствые консерваторы и даже крепостники, надеющиеся обезпечить общественный порядок только усилением карательной власти без Веры и Церкви, или допускающие последнюю только в качестве пугала для простого народа.

Среди нас не будет места и моралистам-гуманистам, даже благоговеющим перед Евангелием, но космополитам, не понимающим России, считающим Царскую Власть, во всей ее неограниченной силе, носительницей только грубого произвола и не могущим ни разделять, ни даже понимать беззаветной любви Русских к своему Неограниченному Государю.

Среди нас не будет места и тем верующим в Бога и верным законной власти лицам, которые захвачены западничеством, англоманией или галломанией, которые полагают задачу России и Русского правительства только в том, чтобы пересаждать к нам западноевропейские порядки, и глубоко презирают наш народ, взирая на него как на tabula rasa, как на безвольный материал для всяких административных и мнимопросветительных упражнений интеллигентных фантазеров.

Третий принцип нашей «платформы» требует, чтобы работа и правителей, и «представителей» народных, и всех вообще общественных деятелей, была бы не насилием над Русской народной жизнью, а развитием и пробуждением таких учреждений и такого направления последней, которое бы вполне соответствовало внутренним расположениям народной души и тем общественно-бытовым и семейным началам, которые были бы сродны историческому прошлому нашего народа, т. е. началам действительно народным, русским.

Таков смысл платформы, установленной на Киевском собрании волынских деятелей в конце марта этого года. Далее, уже лично от себя, позволю себе разъяснить, что, по моему мнению, потребно знать и понимать тем русским гражданам, которые с искренним сочувствием принимают эти три начала общественной и государственной жизни нашей страны как главные лозунги и своей собственной деятельности.

Обыкновенно бывает так, что в жизни государственной и даже во в всех сферах общественной деятельности либерализм и христианство встречаются как две враждебные силы, хотя первый официально провозглашает такие начала, которые своим происхождением всецело обязаны христианству, Христу: попечение о народе, борьбу с угнетателями, обидчиками, вымогателями, лжецами и честолюбцами. Но все подобные типы весьма резко осуждены Спасителем в Нагорной проповеди и в других местах Евангелия, а служение меньшей братии и жестокая кара ее соблазнителям высказана Господом с достаточной определенностью.

Откуда же явилась вековая вражда между двумя учениями, утверждающими, по-видимому, одно и то же? Быть может, это недоразумение? Быть может, как теперь многие говорят, христианство выяснило только нравственную жизнь отдельных личностей, а не установило никаких определенных начал для жизни общественной и потому не могло дать последней твердых и разумных устоев, но только навредило ей своим индивидуа-

лизмом? И это совершенно неверно! Если Новый Завет и не продиктовал каких-либо законодательных формул для христианского государства и даже не установил теократического царства подобно боговдохновенному Моисею и мнимовдохновенному Магомету, то все же главное руководящее правило взаимных отношений христианского общества, а следовательно и всякого христианского государства, указано Спасителем со всею определенностью.

Когда апостолы пред Тайной Вечерей спорили, кто из них больший, и, видимо, никто не желал исполнить обязанностей низшего члена общества и умыть другим ноги, то Господь сказал: «цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий. Ибо кто больше – возлежащий или служащий? А Я посреди вас как служащий» (*Лк. 22, 25-27*). Служение Христово выразилось в то время омовением ног Своим ученикам. Не однажды говорил Господь подобные слова: за немного дней до Тайной Вечери, когда Иоанн и Иаков просили у Него первенства в Его будущем царстве, Он ответил теми же словами и заключил их еще более точным определением христианской общественности: «кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою, и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (*Мк. 10, 43-45*).

Из этих и многих других подобных слов Христовых и апостольских ясно то, что *полного равенства между людьми на земле никогда не будет,* но что превосходство одних людей над другими может выражаться в двух совершенно противоположных картинах или явлениях: в виде порабощения слабого сильными и наслаждения жизнью со стороны последних в ущерб первым, – или, напротив, в таком строе, чтобы сильнейшие посвящали избыток своих сил, талантов и других преимуществ на служение слабейшим, на попечение об их духовных и телесных нуждах.

История христианской церкви показала, что слова Господни не утопия, а истинная правда; о том же свидетельствует самая природа людей и даже животных, предъявляя нам основную ячейку общественности, т. е. семью, где сильнейшие, т. е. родители, посвящают свои силы, свой ум и свою власть на попечение о своих детях или детенышах и требуют от них послушания не для своей пользы, а для пользы тех самих. Возьмите другие благороднейшие отрасли жизни – деятельность хорошего учителя, священника, доктора, писателя, ученого, художника, певца, изобретателя: не то же ли самое мы видим?

Почему же государство не должно проникаться тем же началом христианской жизни, и почему современные государственные умы либераль-

ного лагеря не желают принять христианского принципа жизни, а стараются опираться на себялюбивые стремления слабейших сословий, но не пробуждать самоотверженных начал человеколюбия в сильнейших? Имеем ли мы здесь дело с неискренностью или с недоразумением? Думается, что, к сожалению, здесь больше сознательной лжи, чем недомыслия.

II.

Если бы так называемые либералы искренно желали благоденствия для всех, а не мести только своим врагам, то могли ли бы они искренно надеяться на общее благополучие, посеяв ожесточенную вражду между классами и основав все свои надежды на такой вражде.

«Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?.. Не может дерево доброе приносить плоды худые, или дерево худое приносить плоды добрые» (*Мф. 7,18).* Общественный строй, созданный на зависти, злобе и мщении, на себялюбивой борьбе, может ли нравственно переродить победителей – озлобленных пролетариев, если бы им только удалось сделаться победителями?

Проповедники правого либерализма достигли в тех странах, где имели успех, только одного: они посредством озлобленных их же проповедью пролетариев вырывали власть у королей и родовой аристократии и отдавали ее в руки наиболее сильных себялюбцев, а сила борцов измеряется внутренними качествами – хитростью, и внешними – богатством; первое свойство – свойство личностей, а второе – родовое (ибо переходит от отцов к детям), а потому и более прочное, – и вот природную аристократию в Европе заменила плутократия, и сила ее власти тем сильнее, тем несокрушимее, чем радикальнее порядки данной страны: всего сильнее она в Америке, а затем в республиканской Франции и в ультраконституционной Англии. Так независимый европейский либерализм, восстающий против авторитета религиозного, монархического и родового, есть, в сущности, скрытая проповедь плутократии, а воздыхания его о служении народу, о равенстве, братстве и свободе – суть словеса лукавые, повторяемые только для того, чтобы держать на своей стороне пролетариев, и искренности этих слов из образованного общества верят только студенты и гимназисты, не имеющие жизненного опыта.

Кто не знает, что главным представителем пролетарского социализма в Германии является миллионер еврей Бебель, – что и в прочих странах ораторы социалистических митингов посещают последние «в специальных костюмах», т. е. имеют у себя обтрепанную бедную одежду, которую надевают только на эти митинги, чтобы дурачить простодушный народ.

Понятно теперь, почему подобные ораторы, писатели, публицисты и профессора так настойчиво стараются не только отмежевать свои демократические симпатии от христианства, но и противопоставить их последнему: они вовсе не желают, чтобы их заставили умывать ноги своим ученикам и посвящать свое время на действительное служение братии; они себе желают прав и власти, для себя хотят вырвать ее у правительств и королей, а вовсе не для бедного народа, который они в душе презирают и который ненавидят, как и высказался один русский революционер, созерцая молящийся народ:

О чем эти молятся жалкие люди?
Покорностью дышат их впалые груди:
О, как ненавистны вы мне.

Впрочем, не всегда политические борцы считают нужным прикрывать свои аппетиты ссылкой на свое мнимое попечение о народных правах. По крайней мере, у нас на Руси наиболее либеральные элементы общества, например, университетские корпорации, совершенно-таки безцеремонно «потребовали» полной автономии и даже экстерриториальности (чего не знало ни одно европейское государство) себе и только себе. Народ простой и честный быстро опознал их как своих главных врагов, и они, не сумев на этот раз слукавить, назвали своих противников самым демократическим, и в то же время историческим на Руси, термином *черносотенцев*.

Но не о профессорской среде наша речь: у нас ее нет на Волыни. У нас есть отголоски старой польской конституции, конституции при господстве феодалов, жестоких крепостников, обходившихся с крестьянами-католиками как с рабами, а с крестьянами-православными как с быдлом. Они в свое время свели власть короля до ничтожества, но народ они держали в самом безпросветном рабстве: конституция существовала только для них, а из них каждый был неограниченный деспот над своими крепостными, которых они официально называли подданными вплоть до самого раздела Польши, да и потом не переставали называть так же в неофициальной беседе вплоть до 1861 г. Оттуда, а не от Самодержавия, глубокая приниженность нашего крестьянина, его недоверчивость, его неискренность, его вялость и неподатливость на улучшение даже собственного быта, его привычка целовать левую руку у всякого подпанка, а у настоящего пана – ногу, чему поверить не хотят крестьяне-великороссы, когда начнешь им рассказывать о наших волынских обычаях.

Отражается ли этот дух прежней польской конституции на русских интеллигентах? К счастью, пока не очень сильно! Но все же нужно сознать-

ся, что все голоса, раздающиеся на Волыни в направлении так называемом либеральном, все элементы общества, враждебно настроенные патриотическому духу и исполненные вожделений конституционных, имеют в виду именно конституцию для людей привилегированных, в духе прежних польских феодалов, с той, впрочем, одной разницей, что они стараются не об аристократии, а о плутократии.

Личина либерализма им пристала всего менее: им пристало известное саркастическое четверостишие, которое Достоевский вкладывает в уста русских либералов-западников:

Конституцию мы эту
Из Европы переймем.
Поведем Царя к ответу,
А народ опять скуем.

Стремясь к усилению прав «представительных» учреждений, местных и общегосударственных, иногда громко выражая пожелание о введении у нас конституции, многие из таких господ еще более были бы довольны, если бы к конституции присоединено было и восстановление крепостного права. Безцеремонность подобных заявлений в левых частях нашего русского общества, не решающегося произнести ни одного слова без немецкой или французской указки, усилилась с тех пор, как у нас распространилось сочинение Ницше, провозгласившего Дарвинову борьбу за существование и естественный отбор и для человеческого общества. «Для прогресса, – гласит это учение, – нужны только сильные личности, а слабые все равно не имеют родовой будущности; пусть же первые без церемонии давят последних и навсегда отрекутся от христианского предрассудка о сострадании и служении меньшей братии, да здравствует только большая братия, а меньшая пропадай пропадом. Теория эта пришлась по вкусу нравственно расшатанному обществу: и либерально, и ни к чему не обязывает!

Вот и у нас на Волыни против Русского объединения восстали поборники такой философии и, на удивление всем, как это, впрочем, и повсюду в России, поборники интересов крестьянства оказались в правом лагере, а в левом остались их антагонисты, обвиняющие первых одновременно и в черносотенстве, и в демократическом социализме. Вот и рассудите, читатель, кто ж у нас либерален в истинном благородном смысле этого слова, а кто псевдолиберал (как выражался покойный Аксаков)?

Рассудите, похож ли на социалиста тот, кто не в пролетариях пробуждает зависть и злобу, а сильных богатых и знатных призывает во имя Евангелия, во имя любви к родине, во исполнение заявленной воли Цар-

ской, поставить целью своей общественной деятельности и признать главным делом государства и Государственной Думы попечение о народе, о землепашце, о переселенце, о фабричном, о солдате, о детях, об арестантах, о больных, о безграмотных? Для этого не нужно расширения «парламентских» прав; нужно доброе участие и внимательное изучение нужд народных.

Дознай их и разъясни. Когда увидят, что ты в Думе не лукавые замыслы прикрываешь братолюбием, но жалеешь людей и знаешь, в чем они нуждаются, тогда за твоим «думским» советом пойдет и Самодержавная власть, и не о чем будет Думе спорить и нечего опасаться, потому-то тогда государственное тело свяжется крепкими и живыми узами взаимообщения друзей народных и Божия Помазанника – Царя Русского народа, и все составят одно дружное братство, как было сто лет тому назад, и возродят Россию от того духовного разорения, которое хотели снова внести в нее дванадесять языков не через воинское в нее вторжение, а через внутреннее ее растление. Его поборют те, кто станет на путь самоотвержения, чтобы, подобно Спасителю, сказать: «не да послужат ему, но послужити»!..

Архиепископ АНТОНИЙ (Храповицкий),
Волынский и Житомирский.

МОЕ ДОБРОЕ СЛОВО К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ

«Время всякой вещи под небесем, сказал премудрый, время молчати и время глаголати».

Настало время, когда нам, пастырям Церкви, предстоит великое дело – послужить нашей Православной Руси и нашему Богом избранному Самодержцу Царю верою и правдою. В нынешнем году предстоят выборы в четвертую Государственную Думу. Воля Самодержавнейшего Государя нашего нам хорошо известна. Он хочет, чтобы в это высокое государственное учреждение были избраны лучшие Русские люди, русские по духу, чтобы здесь работали богатыри русской мысли, носители родных заветов Русского народного духа, люди дела и опыта не только житейского, но и государственного. Им поручается рассмотрение, исправление и даже составление новых законов; они отвечают и пред Богом, и пред Царем, и

пред народом за то, хороши или плохи будут эти законы, худо или хорошо будет Русскому православному человеку жить под этими законами.

Отцы и братия, сослужители и соработники на ниве сердца народного! Вы знаете, что творится на нашей когда-то Святой, а ныне столь грешной Руси! Вы знаете, сколько развелось у нее врагов внутренних, врагов святой матери нашей Церкви Православной, врагов заветных наших святынь и родных преданий. Они и сейчас всюду работают, подкапываясь под самые устои нашей народно-государственной жизни. Нужно ли называть их сообщества или партии по именам? Народ в массе своей мало знаком с этими прозвищами, дикими для его слуха; зато он отлично умеет различать их по их деяниям, по их пропаганде: кто идет против матери-Церкви, не слушая ее внушений, ее голоса; кто хочет ограничить Царское Самодержавие; кто навязывает Русскому народу братство и равенство с иудеями и другими, враждебными Вере Православной, иноплеменниками, отнимая у нашего народа право быть хозяином в родной земле, всех таковых народ считает врагами своими, все равно, как бы их ни называли: кадеты ли, эсэры ли, эсдеки ли, или еще какие политические сектанты...

Вспомните, отцы и братия, с какой непримиримой злобой все эти господа относились в Государственной Думе именно к Церкви Православной. Вспомните, какие вероисповедные законы проводили они и кто своим большинством помогал им в этом. Вспомните, как они отнеслись к нашему родному детищу – церковно-приходским школам, глубоко оскорбив не только память в Бозе почившего незабвенного их воскресителя Императора Александра III, но и милостию Божиею ныне царствующего Его Державного Сына, Который назвал эти школы дорогим Его сердцу наследием от Державного Отца.

Вспомните, с какой желчью отзывались они о наших святынях, о нашем церковном управлении, с каким презорством трактовали больной вопрос об обеспечении духовенства. Зато с какой нежностью отстаивали они интересы сектантов и раскольников, разных иноверцев и иноплеменников!... Сердце изболелось за эти пять-шесть лет; будто кошмар какой давил душу...

Но зато мы многому и научились за это время. Мы научились распознавать врагов от друзей, какими в первые дни третьей Думы притворялись, например, так называемые *октябристы*[*]. Не захотели они в думском адресе назвать нашего возлюбленного Отца народа Самодержцем, и тут

---

[*] А ныне такими «лжебратиями» и лжедрузьями являются пресловутые Столыпинские «националисты»... И как больно видеть, когда они пожинают лавры среди духовенства..; как преступно поступают те из имущих в Церкви власть и положение, кои толкают духовенство в Тушинские объятия «националистов»... – *Ред. «Г. Ц.»*

открылось, что они враги Царского Самодержавия. Ясно стало, что на таких друзей полагаться нельзя, что и доверять их обещаниям не следует. Дело показало, что они явились врагами и церковной школы, да и во всех вопросах, касавшихся пользы и нужд Церкви, они становились на сторону так называемых кадетов. Такие друзья хуже открытых врагов.

С детства, от отцов своих мы приняли как неоспоримую истину, что ум и совесть не измеряются как величины арифметические, что истина и добро не расцениваются по большинству голосов их оценщиков. «Большинство голосов есть великая ложь нашего времени», сказал один умный государственный муж. Но опыт последних лет показал, что приходится считаться и с этой ложью, иначе ложь возьмет верх в законодательстве над истиной, зло – над добром. Ясно, что в законосоставительные учреждения надо собирать побольше людей умных и честных, чтобы и большинством голосов они брали верх над людьми неумными и нечестными.

Понятно, что если бы в Государственной Думе составилось большинство из людей, преданных Церкви, беззаветно любящих Самодержца и Родину-мать, то и смуте давно был бы положен конец, и пьянству народному – должные пределы, и школьное дело процветало бы в истинно-народном, православном духе, и Церковь Божия стояла бы на высоте, ей подобающей, да и духовенство наше не нуждалось бы в куске насущного хлеба.

Видите, как ни противно нашему нравственному чувству признавать в жизни принцип решений столь важных вопросов большинством голосов, но раз этот принцип допущен в законы, нам необходимо противопоставить ему такое же, но совершенно нравственное средство – тоже большинство голосов, но подаваемых людьми достойными, разумными, честными, а, следовательно, только таких и избирать в будущую Государственную Думу. Русский народ искони жил в любви к Церкви, всегда прислушивался к ее материнском у голосу, к ней обращался в своих нуждах и невзгодах политических.

Грешно нам, пастырям Церкви, оставить его без руководства и в настоящую трудную для него историческую минуту. Наш долг указывать ему грозящие опасности, разъяснять, что такое все эти политические партии, все эти кадеты, октябристы, эсэры и эсдеки, обличать лживость их обещаний, их тайные замыслы.

Например: партия кадетов назвала себя «партией народной свободы», а когда и эта лживая кличка была разоблачена, теперь называют себя «беспартийными»... А на деле их стремления ясны как Божий день; они хотят лишить Помазанника Божия Его Самодержавия, сделать Его игрушкой в своих руках, чтобы Он не мог распоряжаться на Руси яко Самодержец, по велению Своей Царской совести, а только подписывал бы то, что Ему подложат эти господа кадеты. Захватить Державную Власть в свои нечистые

руки – вот их цель! Понятно, что с негодованием следует отвергать всякую мысль о выборе в Государственную Думу каких бы то ни было лиц, принадлежащих к этой изменнической партии, которую было бы справедливо называть, как и называют умные люди, «партией народного обмана», а не «народной свободы»*.

Наш пастырский долг и пред Богом и пред Отечеством предостерегать народ от всякой возможности выбора таких представителей в Государственную Думу. Само собою понятно, что и все духовенство должно всенепременно использовать свои права так, чтобы ни одной десятины земли не осталось без представительства на выборах. Смотрите, как заботятся наши враги, враги Церкви Божией, заботятся о том, чтобы всячески отвести глаза нам, духовенству, от выборов, от участия в них. Они нарочито и газету затеяли, якобы церковную, для недалеких батюшек, и назвали ее именем когда-то, лет 30 назад существовавшего «Церковно-общественного вестника», издававшегося г. Поповицким; им страстно хочется внушить всем нам мысль, будто участие духовенства в выборах в Государственную Думу и в ее трудах – есть вмешательство Церкви в политику. Они и слова Спасителя не прочь привести: *воздадите убо кесарева кесареви, а Божия Богови*. Но как раз эти-то слова и обличают их. Ведь и сказаны-то они были не апостолам, а вот таким же, как наши кадеты, лицемерам, которые хотели уловить Господа, обвинив Его в политике. Господь и разъяснил, что все мы должны исполнять свой долг как по отношению к Богу, в исполнении Его заповедей, так и в отношении к Государю в исполнении Его законов и повелений.

Знают иудеи и их приспешники, разные кадеты и прочая челядь иудейская, что печать способна перевоспитывать неглубоких людей, что она может гипнотизировать массы, внушать им то, что хотят внушить руководители печати: и, вот, денег не жалеют, чтобы воздействовать на духовенство через печать, чтобы внушить ему, если не прямо революционные мысли, то хотя бы только вот эту мысль: «политика – не дело духовенства»... Да скажите же, наконец, Бога ради: что такое «политика»? Ужели проповедь любви к Отечеству – политика? Ужели горячий призыв к защите родных святынь от поругания их иудеями и изменниками – политика? Ужели истолкование идеала Царского Самодержавия по разуму Православной Церкви – политика? Ужели твердое и решительное требование – да, требование! – чтобы театры не строились, например, рядом с храмами Божиими, чтоб под великие праздники, по крайней мере, вблизи храмов Божиих молчала плясовая жидовская музыка, чтоб детям в школах не смели да-

---

* Умные люди и Столыпинский «Союз националистов» называют «союзом национального подлога». – *Ред. «Г. Ц.»*

рить толстовские богохульные книжонки, чтоб в Великие праздники, как Богоявление Господне, Вход в Иерусалим да и в воскресные иудеи-профессора не назначали для православных детей экзаменов, а гг. земские начальники, мировые судьи и другие служители Фемиды не назначали по праздникам заседаний своих в часы Богослужения*, да мало ли еще что – ужели все это политика?

Ведь выходит, что все, что не нравится иудеям и нашим изменникам – их союзникам, все это политика? Вот и теперь мы, пастыри, должны открыто и повсюду призывать Русский народ выбирать в Царскую Думу лучших Православных Русских людей и не давать своих голосов тем, кто не хочет служить верой и правдой, по совести и присяге, Царю Самодержавному, Церкви Православной и родной Русской земле, – что же, гг. кадеты, и это, по вашему, будет тоже политика?

О, если бы мы отдали теперь все силы ума и сердца, призвав Бога на помощь, такой политике!.. Если бы Бог вразумил Русских людей собрать Царю такую Думу, какою Он представлял ее Себе, когда писал Свой манифест о первой Думе! Если бы эта Дума думала с Царем своим воедино, как бывало когда-то встарь, при Царях Московских!...

Помолимся, отцы и братия, пастыри Русской Церкви, да поможет Господь народу нашему, исстрадавшемуся за последние шесть-семь лет от всяческих смут, встать на старый, славный исторический путь единения и в мысли, и в деле, и в государственной жизни с Царем своим Божиим Помазанником!

Ей, буди, буди!!!..

Епископ НИКОН (Рождественский),
Вологодский и Тотемский.

ОТЧЕСТВО ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

(Из дневника епископа)

Сегодня открыл «Московские Церковные ведомости» и сразу прочитал слова в записках архиепископа Леонида: «Русские смотрят на государство патриархально: государство – семья, Царь – Отец».

---

* Да и выборы в Государственную Думу чтоб не назначались на день Покрова Пресвятыя Богородицы. – *Ред. «Г. Ц.»*

Я прибыл в родную Лавру, когда она была полна светлых воспоминаний о посещении ее Царской Семьей. Иноки с умилением рассказывали разные подробности этого посещения. Более десяти лет прошло с того дня, как Государь посещал обитель преподобного Сергия: много скорбей пережила бедная Русь за это время, а с нею скорбела и Святая Лавра. Ведь если Москва есть сердце России, то обитель Сергиева есть один из жизненных нервов этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена той проклятой революцией, которая пыталась убить нашу мать – Русь Православную... Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!.. И горячо молились иноки о мире всего міра, о Царе своем, о родной земле, молились и у гроба Чудотворца, и во всех храмах, и по келлиям своим... «Как будто наступило затишье, – говорят они, – дай-то, Господи! Пошли мир людям Твоим!»...

Не стану повторять то, что в свое время описано в газетах. Отмечу лишь то, что ускользает обыкновенно от зорких глаз газетных описателей.

Говорят, были предприняты некоторые меры, чтобы массы народные не переполняли улиц Посада. Но народ проник в Посад такими путями, о коих полиция не думала: через посадские лощины или овраги, – и все улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь перед Лаврой пестрела от головных уборов крестьянок, у вокзала всюду, где только было возможно, теснился народ.

Когда Цесаревич показался из вагона и направился прямо в Царскую коляску, то буря народного восторга не поддавалась никакому описанию. Государь в эту минуту находился в царском павильоне: Он взглянул в открытое окно павильона и радостным чувством озарилось Его лицо...

Восторженными громовыми перекатами гремело «ура» по всему пути до Лавры, а лаврская колокольня приветствовала Царя чудными звуками тысячепудового царя-колокола и его сорока медных детей.

С крестным ходом Лавра встретила Помазанника Божия у св. ворот, Митрополит приветствовал Его сердечным словом. И вот Государь в древнем соборе Живоначальной Троицы, у нетленных мощей великого печальника Русской земли, преподобного Сергия. Он, Самодержавный обладатель шестой части света, как один из простых богомольцев, смиренно склоняет венчанную главу Свою пред гробом смиренного отшельника лесов Радонежских, молитвенно поручает ему Своего Сына-Наследника и всю Свою Царственную Семью.

Торжественно идет молебен Преподобному, и горячо молится Царь, молится Царица, молятся их Дети у гроба Чудотворцева. Говорят, трогательно было видеть, как Государь Цесаревич благоговейно принял икону из рук Митрополита и поцеловал ее, истово оградив Себя крестным знамением.

Государь с Царевнами посетил келлии Митрополита, а Государыня со Своим Царственным Отроком изволила оставаться в это время в притворе, именуемом келлией преподобного Сергия. Здесь Царица земная горячо молилась Царице Небесной, явившейся некогда на сем месте преподобному Сергию и рекшей: «Неотступна пребуду от места сего». Государь еще раз посетил эту молитвенную келейку, милостиво и просто беседовал с братией, расспрашивая об иконах и иконописной школе. С умилением поведают иноки, как Государь Наследник, выходя из келлии Преподобного, еще раз обратился назад и протянул ручки, чтобы принять благословение Владыки митрополита. Невольно хотелось сказать Царственному Дитяти: «Ты испрошен у Бога молитвами новоявленного чудотворца, преподобного Серафима: да будут же всегда, во все дни жизни Твоей угодники Божии с Тобою, и Божие благословение да будет над Тобой!»...

Государь со Своей Царственной Семьей отбыл из Святой обители: праздник кончился, но светлые воспоминания о Его пребывании здесь живы и надолго будут одушевлять сердца, Ему преданные, горячей любовию к Божию Помазаннику и всему Дому Его.

Вот телеграмма, которой Государь порадовал обитель и всех жителей Посада после Своего отъезда. Она прислана на имя губернатора и в ответ на телеграмму жителей Посада:

«Вместе с Моей Семьей сохраню радостные чувства от посещения святой обители и совместной молитвы с жителями Сергиева Посада, которым поручаю передать Мою благодарность за выраженные чувства преданности.

НИКОЛАЙ».

Каждый раз, когда мне приводил Бог быть свидетелем и участником встречи Государя, я переживал какое-то особое чувство, особое, так сказать, мистическое настроение... Думаю, меня поймут Православные Русские люди, сердцем преданные заветам родной земли. Как выразить словами это чувство?.. Я сказал бы: это ощущение всем существом русской души того *отчества* Верховной власти, которое выражается в беззаветной, а, следовательно, и безусловной любви и преданности народа к своему Царю и такой же любви Царя-отца к народу, **когда всякая мысль о какой-то конституции, о каком-то договоре Царя с народом** является кощунством, непростительным оскорблением не только Царя, но и Бога, Которым Царь царствует.

Наше Русское Самодержавие носит характер чисто религиозный: «Бог, по образу Своего Вседержительства, дал нам Царя Самодержавного», говорит великий учитель Русской Церкви митрополит Филарет, и Царь наш

царствует по образу Божия о нас промышления, как слуга Божий, как уполномоченный Им, Царем Небесным, и только Им Единым: Он – наш беззаветно любимый, наш родной Отец, и никогда, пока Русь стоит, пока она Русь ***Православная***, народ Русский не допустит и мысли о каком-либо ограничении его Самодержавной власти, ибо не может допустить и той мысли, чтобы Благочестивейший Божий Помазанник когда-либо позволил себе поступить вопреки велениям своей царской совести, руководимой благодатию Духа Божия, дарованной ему в священном таинстве мvропомазания.

Пожелает ли отец недоброго своим детям? Мыслимо ли от отца требовать отчета в его делах? Возможно ли, не будет ли нарушением всяких законов и Божеских и человеческих вторгаться в права отца, ограничивать их, ставить ему какие-то условия, кроме тех, в какие он поставлен Богом в его совести? Народ есть единый целый организм, организм живой, возглавляемый Царем, как главою своею: что тело без головы, то государство без Царя, что семья без отца, то и Царство без Царя.

Когда была наша Русь наиболее сильна и славна и могущественна среди народов земных? Тогда, когда наиболее сознавала эту истину: пример – царствование незабвенного носителя идеала Царя-Миротворца Александра III. Он воплотил в Себе, в Своем царствовании, в Своей личной жизни народный идеал Царя, и никогда Россия не стояла так высоко в глазах всего міра, как во дни – благословенные дни Его царствования.

Мы переживаем иные дни, когда идеал наш тускнеет, меркнет в нашем сознании и вот – плоды этого на наших глазах. Но в душе народной он, этот идеал, жив: народ беззаветно любит самое имя Царя, чтит в Нем Божия Помазанника и беззаветно предан Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговейное отношение к Царской власти, к Личности Царя и всех членов Его Августейшей Семьи, Бог даст, спасет Россию, если только врагам ее не удастся поколебать самой основы отчества Царской Власти.

И они, наши супостаты, видят это, сознают, быть может, лучше многих из нас, отлично понимают и то, на чем все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни – в Церкви, в Вере Православной, и посмотрите, как они стараются расшатать эти основы! Ни иудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никаких сект не трогают, напротив, готовы всеми мерами им содействовать в укреплении и расширении, – на одно только Православие устремлены все их нападения, против него всюду и везде строятся козни, ведутся подкопы, составляются «блоки» и – какой позор! – в этом всеобщем походе врагов наших против Церкви Православной принимают едва ли не главное участие, по крайней мере по количеству чле-

нов этого «блока», люди, именующие себя русскими, даже православными! Что за ослепление! Что за безумие, граничащее с самоубийством! Уж пусть бы прежде совсем отреклись от Православия, от Русской народности, открыто заявили, что перешли... ну, хотя бы в иудейство, магометанство, буддизм, во что угодно, только бы не обманывали народа маской и именем *русских* людей! Но – увы! Им эта-то маска и нужна: без нее они безсильны, они знают это и только под маской благодетелей народа надеются достигнуть своих преступных целей. Верится, что народ своим здравым умом сумеет, наконец, распознать их и с чувством грозного для них негодования отвернется от них, заклеймив их именами, им свойственными...

Все міросозерцание нашего народа построено на началах нравственных, церковно-религиозных, в противоположность міросозерцанию народов западных. Там, напротив, все строится на началах правовых, юридических. Если мы хотим, чтобы наш народ занимал подобающее ему место в среде народов земных, то мы не должны насиловать его міросозерцание, а все законы строить в народном духе. И если бы наши образованные классы усвоили себе это основное начало русской жизни, то не наделали бы тех ошибок, в коих – увы – они и теперь не каются. Призвание Царем «лучших людей», народом избранных, они поняли как открытие «парламента», тогда как Царь-Отец хотел видеть при Себе советниками детей, а не парламентских говорунов, людей дела, людей опыта жизненного и, по возможности, разума государственного. А Ему в первую же думу послали большинство самых негодных людей – разных «эсэров» и «эсдеков». Кто послал? Конечно, не народ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вот эта «интеллигенция», которая, пропитавшись западной отравой масонских учений, хотела и Русь переделать на западный шаблон.

Царь распустил негодную думу. Собралась вторая, но не лучше первой. Тогда Царь изменил выборный закон, и получилась дума... сносная. По крайней мере, ее терпели до конца срока ее существования. Желательна ли 4-я дума такая же? Конечно, нет. Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям – мы не знаем; знаем одно: Царь есть высший источник законов, и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо.

Отец устанавливает порядки в семье, и если эти порядки оказываются непригодными, отменяет их.

Закон может быть хорош по идее, но не отвечать жизни; ужели следует держаться его неотменно, хотя бы он оказался вредным для государст-

ва? Да, наконец, дети не исполняют воли отца: присылают ему не «лучших», а худших избранников: ужели нельзя лишить таких детей (для их же пользы, как неразумных, непонимающих намерений отца) и того права, какое подарил им отец?

Бог – источник благости, но и Он карает грешников, лишая их Своей милости. Раскройте страницы всемірной истории, читайте историю избранного народа. Мы, христиане, веруем слову Божию и видим из него, видим из нашей родной истории, как Бог лишал народы Своей милости, когда они переставали быть верными исполнителями Его святой воли...

Даже с юридической точки зрения, когда одна сторона, заключившая условие, бывает не верна своим обязанностям, то другая освобождается от принятых ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и верной им...

В самом деле: Царь хочет, чтобы Ему выбрали в Его Думу «лучших», а Ему присылают худших людей, что же, разве Он не в праве сказать: «такие Мне не нужны?» И мы признали бы только делом мудрой справедливости, если бы те области, те учреждения, которые и в 4-ю Думу прислали бы «эсэров» и «эсдеков», были лишены, впредь до новой думы, на пять лет права иметь своих избранников в Государственной Думе или Государственном Совете, а эти негодные люди были изгнаны из сих почтенных учреждений немедленно.

Худая трава из поля вон: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будет только благодарна, если ее прополят в этом смысле, если среди нее не окажется открытых врагов Церкви и отечества. И при нравственных основах государственной жизни это было бы только естественным явлением, и народ, верный этим началам, только горячо поблагодарил бы Верховную Власть за такую прочистку...

В истории бывают моменты, когда люди, понимающие смысл совершающихся событий, должны всячески прояснять в сознании народном те жизненные начала, которые заложены в духовный облик народа, и к таким святым началам в церковной жизни нашего народа должно отнести общение наше с Церковью небесной, с Церковью веков минувших – общение в мысли, в вере и жизни, а в государственной жизни – сознание *отчества* Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а с нами и все просвещенные Русские люди, верные этим началам, должны стоять на страже их, зорко следя за всеми покушениями на них со стороны наших врагов...

Епископ НИКОН,
Член Св. Синода и Государственного Совета.

ВЛАСТЬ РУССКОГО ЦАРЯ

I.

Наша передовая Русь – ученая, дворянская и ранговая en masse уже двести лет играет роль глины в руках западно-европейских горшечников, двести лет послушно идет на буксире Запада, без малейшей *попытки поработать своим колесом, своей головой.* Питаясь сама исключительно плодами немецких, английских и других иноземных рынков и оранжерей, она к тому же тянет и всю Россию. Нисколько не считаясь с «нутром» Русского Рода, отрицая за Россией «особенную стать», брезгуя всем, что только «Русью пахнет», все эти доморощенные у нас передовые, как говорил И. С. Аксаков, «*попугаи» западно-европейского политического и экономического* либерализма с рвением, достойным лучшей доли, заняты теперь одной мыслью – силой внедрить в жизнь стомилионного Русского народа иноземные «*правовые нормы*» В пылу работы дарвиновской «*прапрабабушки*», они нисколько не задумываются над тем, что эти «правовые нормы» уже признаны лучшими государствоведами того же обожаемого ими Запада товаром заплесневелым, негодным для здорового питания Государства, что рекламируемые ими свежесть и новизна этих продуктов – «правовых» норм – не только сомнительна, но и несет отраву для России.

По мнению безспорно лучшего государствоведа проф. Гейдельбергского университета д-ра Георга Еллинека, господствующая ныне повсюду договорно-правовая теория, положенная в основу «правового» современного государства, доведенная до ее логических последствий, «*не обосновывает, а разрушает государство*» («Общее учение о государстве». С. 137; русск. перев. СПб. 1903). Она сама покоится не на доказанной, а на наивно принятой на веру догме об абсолютно обязательной силе договоров, тогда как такой силы за договорами никогда исторически не было, да и психологически не может быть. Свободный индивид не может отречься от своей свободы и абсолютно связать себя раз данным согласием. И Руссо блестяще доказал, что во всякое время индивид может разрушить договор, а с разрывом договора, по справедливому заключению Фихте, теряется и взаимоотношение между индивидом и государством.

Поэтому вполне справедливо утверждение, что от «правового строя» до социалистического всего один шаг и что в деле разрушения государства социализм имеет своих союзников в лице сторонников «норм правового порядка»!.. Оттого наши «правопорядцы» разных названий – одни, как кадеты, открыто блокируют с социалистами, объясняя политическим невеждам свой блок с социалистами не принципиальным согласием общих у них конечных

целей, а лишь тактическими-де соображениями; другие, как октябристы, инстинктивно играют в ту же социалистическую трубочку, то тихо, то громко, как заиграл, было, г. М. Стахович на Москвовском земском съезде по вопросу о политическом терроре.

К сожалению, русские ученые люди, а тем более политические деятели, давно уже разучились смотреть в корень вещей. Не сознавая принципиальной нелепости строить жизнь государства на разрушающем государство «правовом начале», они, как мотыльки огнем, ослеплены исторической ролью договорно-правовой теории на Западе. Там, под влиянием этой теории, сложился весь строй современной государственной жизни, выработались принципы политико-экономической либеральщины, возникло в значительной доле учение о народном суверенитете и т. п.

Пораженные внешним величием этого здания, наши государственные мужи безсильны взглянуть на его фундамент, который весь сложен из глиняных глыб и постоянно грозит крахом всего здания...

Между тем, на том же Западе лучшие умы уже сдали «правовое государство» в архив и признали его «достоянием истории», не обольщаясь его фактическим существованием!..

Не то у нас. С яростью индийского факира и с грубой слепотой фетишиста наши заядлые западники, обоготворив «правовой строй», с неимоверными усилиями натягивают на Русь иноземный «правовой» или «конституционный» фрак. Им нет дела до того, что и фрак трещит по всем швам и Русский человек, как деревенская баба от корсета, стонет, бледнеет!..

Они толпой пустились рыскать по России, навязывая всем мысль, что, со времени ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных 23 апреля 1906 г. «Основных Государственных Законов», у нас наступила благодатная «конституция», что с этого же времени у нас введен новый государственный строй – «конституционно-самодержавный» (?!)... Им так хотелось конституции, так хотелось быть «западниками», что в угоду своего желания они охотно жертвовали всем, и даже здравым смыслом, во внимание к которому хваленый ими Запад все же не видывал такого нелепо-юридического дива, как «*конституционное самодержавие*»!.. От слов наши конституционалисты перешли, по нужде, к доказательствам и стали утверждать, что «в прежних-де Основных Законах Император Российский являлся с властью верховной, самодержавной и неограниченной (ст. 1-я); теперь же, по новым ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 23 апреля 1906 г. Основным Законам, ему принадлежит власть только верховная и самодержавная (ст. 4-я). Неограниченность, таким образом, перестала быть свойством власти Русского Монарха. Поэтому Русский Монарх и является ныне ограниченным».

Сделав такое заключение, наши конституционалисты на шумном собрании в Петербурге в 1906 г. поспешили приветствовать Русского Царя кликом:

«ура конституционный Монарх!» Но, к немалому их удивлению и горькому разочарованию, ответа на это их приветствие доселе нет...

Да его и не может быть, потому что доселе, к счастью, **на Руси нет конституционного Монарха**.

II.

В самом деле, возможно ли заключать об ограниченности власти Русского Монарха из того, что в 4-й ст. «новых Основных Законов», соответствующей ст. 1-й прежних, опущено слово: «неограниченный?».

Нет! И это вот почему: слово – «неограниченный» появилось у нас впервые только в самом конце XVIII столетия, в «Учреждении Императорской Фамилии» 1797 года 5 апреля (П. С. З. 17906. § 71. С. 535). Доселе мы его не находим в каком-либо другом акте, даже из послуживших законодательным источником для наших «Основных Законов». Но кто же на этом основании станет утверждать, что власть Русских Царей и Цариц до 5 апреля 1797 г. была ограниченной?!.. Уже Иоанн Грозный признавал, что в руках Русского Царя сосредоточена вся полнота государственной власти. Только эту полноту власти он характеризовал иным словом – *самодержавием*: «Како и самодержец наречется, когда не сам строит?» – замечает Грозный Курбскому.

В «Утвержденной Грамоте» Московского великого земского собора 1613 года, вручившего всю полноту Верховной власти в России Дому Романовых, читаем:

«*Послал Господь Бог Свой Святый праведный Дух* в сердца всех православных хрестьян, яко едиными усты вопияху, *что быти на Владимерском и на Московском, и на всех государствах Российскаго Царствия государем, царем и великим князем*, **всеа Русии Самодержцем**... тебе великому государю Михайлу Федоровичу.

Целовали есмя животворный крест и обет дали..., что за великаго государя, *Богом почтеннаго, и Богом избраннаго и Богом возлюбленнаго*, царя и великаго князя Михайла Федоровича, **всеа Русии самодержца**, и за его благоверную царицу и великую княгиню, *и за их царские дети, которых им, государем, вперед Бог даст*, души свои и головы положити, и **служити им**, государем нашим, *верою и правдою, всем душами своими и головами*... И иного государя, мимо государя, царя и великаго князя Михайла Федоровича, **всеа Русии самодержца**, *и их царских детей, которых им, великим государем, вперед Бог даст*... не искати и не хотети. А хто похочет мимо государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Русии самодержца, *и их царских детей, которых им, государем, вперед Бог даст*, искати и хотети иного государя ис каких людей ни буди, или *какое лихо похочет учинити*, и нам

боярам, и окольничим, и дворянам, и приказным людем, и гостем, и детем боярским и всяким людем, **на того изменника стояти всею землею за один**».

«Прочтоша эту *Утвержденную Грамоту* на *Вселенском Соборе*, и выслушав на большое во веки укрепление... быти так во всем по тому, как в сей Утвержденной Грамоте написано. А кто убо не похощет послушати сего *Соборнаго Уложения, его же Бог благослови*, и начнет глаголати ина, и молву в людех чинити, и таковый, аще от священных чину, и от бояр царских сигклит и воинственных, или ин, хто от простых людей, и в каком чину ни будит, *по священным правилом святых апостол и вселенских седми соборов святых отец и поместных, и по Соборному Уложению всего Освещеннаго собора, чину своего извержен будет, и от церкви Божии отлучен и святых Христовых Таин приобщения, яко раскольник Церкви Божия, и всего православнаго хрестьянства мятежник и разоритель закону Божию*, а по царским законом месть воспримет, и нашего смирения и *всего Освященнаго Собора* не буди на нем благословения *от ныне и до века... Да будет твердо и неразрушимо в предъидущия лета, в роды и роды, и не прейдет ни едина черта или ота едина от написанных в ней, ни чесоже.* И тако вси вкупе совещавшеся, и твердым *согласием Святаго Духа*, положиша ю в хранила царские, к доконча́льным и утвержденным грамотам».

«А на соборе были Московскаго государства изо всех городов Российскаго Царствия власти: митрополиты, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и *весь Освященный Собор*, и бояре, и окольничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и думные дворяне, и дияки, и жильцы, и дворяне большие, и дворяне из городов, и дияки ис приказов, и головы стрелецкие, и всякие приказные и дворовые люди, и гости, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и стрельцы, и казаки, и торговые, и посадцкие, и всяких чинов всякие служилые и жилетцкие люди, и изо всех городов всего Российскаго Царствия выборные люди, которые присланы с выборы за всяких людей руками о государском обиранье».

«А уложена была и написана сия *Утвержденная Грамота*, за руками и за печатми, великаго государя нашего Царя и великого князя Михайла Федоровича, всеа Русии Самодержца, в царствующем граде Москве, в первое лето царства Его, а от создания міру 7121-го»*.

Так в этом основном государственном акте вся полнота неограниченной верховной власти Русского Царя выражена наименованием Его: «*всеа Русии Самодержца*». Впоследствии, в Воинском артикуле 1716 года и Морском уставе 1720 года та же полнота власти характеризуется другим словом: *самовластие*. В этих актах, бывших источниками для 1 ст. прежних «Основных Зако-

---

* См. изд. 1906 г., под ред С. А. Белокурова. С. 4.

нов», читаем: «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». В манифесте Анны Иоановны 1730 года, в котором она защищала всю полноту своей государственной власти от попыток верховников ограничить ее, мы встречаемся уже с словом: *«самодержавство»*, которым она точно обозначала неограниченность своей власти в Русской Империи. Екатерининский наказ также пользуется словом *«самодержавный»* для обозначения всей полноты власти, принадлежащей Русскому Государю в Империи (ст. 9-я).

Понятно, что слово *«неограниченный»*, появившееся впервые в «Учреждении Императорской Фамилии» 1797 г., ничего нового не привнесло в существо власти Русского Царя, полнота которой до того уже точно обозначалась словом: «самодержавный» как наиболее употребительным и знакомым русской *церковной* старине. Русские церковные люди, а такими были и Цари, особенно в до-Петровское время, хорошо знали, что и *церковные каноны* именуют царей, «благочестивейшими самодержцами» (Карфаг. соб. 104 прав.).

Достойно внимания, что и после 1797 г., а также во все время действия у нас 1-й ст. прежних Основных Законов слово – «неограниченный» совершенно не пользуется популярностью даже в важнейших государственных актах. В полной, сокращенной и краткой форме, *титула* Русских Государей употреблялось всегда одно слово «Самодержец», как точно обозначающее существо власти Государя, и никто не был настолько наивен, чтобы толковать в титуле «Самодержца» ограниченным!.. И новые Основные Законы сохранили титул Государей неизменным, чем ясно засвидетельствовали неизменяемость существа титулованной власти (ст. 59-я). Прежняя и настоящая форма всенародной *присяги* на верность подданства также говорит только о «Самодержце» Всероссийском и о «высоком Его Императорского Величества Самодержавстве». Тоже, только о «Самодержавии Государя, мы читаем и в *формах присяги* для Наследника Престола и для членов Императорского Дома, оставшихся неизменными (см. Прилож. III-е и IV-е нов. «Осн. Зак.»).

В торжественном обещании членов Государственной Думы, учрежденной ВЫСОЧАЙШИМ манифестом *6 августа 1905 года*, т. е. когда даже сами конституционалисты не признавали еще и тени конституционного Монарха в России, говорится, однако, о верности только *«Самодержцу»* Всероссийскому (Прилож. к 13 ст. Учрежд. Госуд. Думы). То же торжественное обещание без всякого изменения осталось в полной силе и для членов Государственной Думы 20 февраля 1906 года и с изданием новых «Основных Законов» оно не изменено. Сказанное относительно торжествен-

ного обещания членов Государственной Думы вполне применимо и к форме присяги членов Государственного Совета, которые доселе неизменно исповедуют верность только «Самодержцу» Всероссийскому.

Ясно, что термин: «*самодержавие*» – всегда понимался в смысле всей полноты государственной власти, сосредоточенной в руках Монарха. Всякая мысль о каком-либо ограничении власти Монарха со стороны его подданных чужда понятию «Самодержец». Поэтому-то и в самом «Учреждении» Государственной Думы 6 августа 1905 года, как и в «Учреждении» той же Думы 20 февраля 1906 г., а равно и в «Учреждении Государственного Совета» всегда говорится только о верховной «самодержавной» власти (ст. 1-я), чем свидетельствуется неизменяемость существа власти Русского Монарха.

Что словом «самодержавный» точно обозначается вся полнота государственной власти, нераздельно сосредоточенная в руках Русских Монархов, – это как нельзя лучше доказывается еще и тем, что и в прежних «Основных Законах» в ст. 2-й, где говорится о наследстве престола женским лицом, читаем: «Та же верховная самодержавная власть» принадлежит «Государыне Императрице»... Здесь нет слова «неограниченная», но, тем не менее, власть Императрицы признается «той же», какой ст. 1-я «Основных Законов» признает власть Императора, т. е. верховной, «самодержавной» и, следовательно, «неограниченной». Опущение во 2-й ст. Основных Законов слова «неограниченная» не сделало власти Императрицы ограниченной, так как и без этого слова выражаемое им понятие о существе власти Государыни достаточно исчерпано свойствами: «верховная» и «самодержавная». И никто на том основании, что при определении власти Государыни в прежних Основных Законах (ст. 2-я) выпущено слово «неограниченная», не понимал этой власти в качестве ограниченной и сама власть проявляла себя также неограниченной.

Мы видели, что и сами «Основные Законы» в их прежней редакции не особенно дорожили словом «неограниченный», считая достаточными для обозначения всей полноты государственной власти Русских Монархов слова «верховный» и особенно «самодержавный». Поэтому, если в новых «Основных Законах» опущено в 4-й ст. слово «неограниченный», и существо власти Русских Монархов выражено такими словами, какими и в прежних «Основных Законах» определялась власть Императрицы, вследствие чего ст. 2-я и вошла полностью в ст. 6-ю новых «Основных Законов», то такой точности, чуждой набора однозначущих слов, можно только порадоваться, тем более, что сохранено слово «самодержавный», освященное нашей национальной и церковной древностью.

Но в том месте, откуда слово «неограниченный» занесено в подстатейную ссылку ст. 1-й прежних Основных Законов, т. е. в «Учреждении Им-

ператорской Фамилии», мы и в новых Основных Законах по-прежнему читаем: «Царствующий Император, как *неограниченный* Самодержец» (ст. 222-я нов. Осн. Зак.)... Следовательно, здесь оставлены, в уважение к первоначальному акту Павла I, два рядом стоящие однозначущие слова. Причем ими характеризуется власть Монарха в Империи, как лица «царствующего» и «неограниченного самодержца». Отюда уже вытекают и его права, как «Главы Дома» Императорского. Свойствами его власти в Империи обладает и его главенство в Императорском доме. И здесь он является «*неограниченным* Самодержцем».

Таким образом, стоя на юридической почве, нельзя не признать, что всякие попытки истолковать власть Русского Монарха, и после издания новых «Основных Законов», в качестве ограниченной или конституционной напрасны. Это походило бы на то, как если бы кто, пользуясь выражениями новых «Основных Законов»: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами» (ст. 12-я), или еще: «Государь Император есть державный вождь Российской армии и флота» (ст. 14-я), – стал бы доказывать, что в том и другом случае Государь не является *самодержавным*, потому что ни в 12-й, ни в 14-й стт. этого слова нет, а стоят только: «державный» и «верховный»!.. Конечно, даже конституционалисты усмотрели бы в данном случае своего рода «юридическую эквилибристику»...

Когда в Бозе почивший Государь Император Александр III в своем манифесте 29 апреля 1881 г. провозгласил: «Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления с верой в *истину самодержавной* власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений», – то даже завзятые конституционалисты не решались видеть в пропуске здесь слова «неограниченной» дачи России конституции!.. Но что считалось в 80-х годах наивностью, то теперь выдается за последнее слово «науки»!.. Так сильно мы шагнули в «научном отношении!..

И ныне царствующий Император, после всевозможных толков о конституции и о введении у нас нового «*ограниченного Самодержавия*» (абсурд!..), громко заявил: «Самодержавие Мое останется таким, каким оно было встарь»... «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что Русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом». Вводя манифестом 20 февраля 1906 года новое «учреждение Государственной думы» и обновляя тем же словом Государственный Совет, Император нисколько не изменил самого существа Своей самодержавной власти, а установил только «*новые пути*», по которым дальше будет проявляться самодержавная власть Всероссийских Монархов в делах законодательства (Высоч. Маниф. 23 апр. 1906 г.). Собственной властью, как Самодержец, наметив «новые пути», Государь, в

случае надобности, для пользы людей Царства Российского может также собственной властью и упразднить их, или заменить другими. По этим «новым путям», конечно, будет идти Сам Монарх, пока они не отменены Им.

Так всегда первыми блюстителями и исполнителями законов были у нас Сами Монархи, поэтому Русская Монархия и признавалась всегда «правомерной» (ст. 47-я прежн. Осн. Зак.). Этой правомерностью русский государственный строй и отличается от форм произвольных, деспотических (*Проф. Градовский.* Начала. Т. 1. С. 3). Если же названными «новыми путями» Государь Сам и ограничил Себя в области законодательства, то такое самоограничение и не только в законодательной сфере, но и в области управления у нас было и до издания новых «Основных Законов» 23 апр. 1906 г., причем это самоограничение осуществлялось через Государственный Совет. Так, в «*Образовании Государственного Совета*», изданном 1 янв. 1810 г., читаем: «Все законы, уставы и учреждения, в первообразном их начертании, предлагаются на рассмотрение в Государственный Совет, а потом действием Самодержавной Власти поступают к предназначенному совершению», причем «никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения Верховной Власти». И в «Своде Основных Государственных Законов», появившемся в 1832 г., также занесено: «Все предначертания закона рассматриваютя в Государственном Совете, потом восходят на Высочайшее утверждение и не иначе поступают к предназначенному им совершению, как действием Самодержавной Власти» (ст. 50-я).

Все эти полномочия Государственного Совета, тождественные с нынешними полномочиями Государственной Думы и Государственного Совета, по вполне справедливому заявлению гр. Сперанского, указывают лишь на тот «порядок, которым Власть Верховная действует в законодательстве и в управлении», или, как читаем в Высочайшем Указе 23 апр. 1906 г., на те «*новые пути*», по которым будет проявляться Самодержавная Власть Всероссийских Монархов в делах законодательства». И такое самоограничение никогда и нигде не уничтожает самодержавия и неограниченности Верховной Власти, потому что оно введено неограниченной и самодержавной Верховной Властью, а не навязано ей сторонней силой, борющейся с Верховной Властью, почему и может быть в любое время изменено или совершенно уничтожено той же неограниченной Верховной Властью (см. и у *гр. Сперанского*. О законах // Сборник Русского исторического общества. Т. XXX. С. 371).

И эта *неограниченность* Верховной власти ярко сказалась уже на следующий за утверждением новых «Основных Законов» день 24 апреля 1906 г., когда единоличной Волей Монарха было утверждено «Учреждение Государственного Совета».

Однако, не смотря на неоспоримые свидетельства о неограниченности Верховной Самодержавной Власти, и после издания новых «Основных Зако-

нов» 23 апр. 1906 г., наши конституционалисты все же уверовали в появление у нас с 23 апр. 1906 г. «молодой конституции», которую они и возмечтали упрочить и расширить через Государственную Думу, выданную ими для этого за «русский парламент». Уже в первой Думе они потребовали «парламентарной конституции» с ответственным перед Государственной Думой министерством или правительством. На это им 9 июля 1906 г. указали на дверь!.. Они несколько остепенились. Во время второй Думы уже сам Милюков рекомендовал спасать хоть «дуалистическую конституцию». Но «тактика» кадетов не выдержала, их прорвало, а с ними канула в Лету и 2-я Дума. Однако не в этом была беда для наших конституционалистов. Они положительно остолбенели, когда 3 июня 1907 г. в Манифесте «конституционного» Монарха прочли о «даровании России нового избирательного закона» без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы. Очнувшись, они в один голос завопили: «неконституционно», «противоречит Основным Законам»!..

Все это святая правда! Акт 3-го июня 1907 г. сверх-антиконституционный, потому что у нас и самой «конституции»-то нет. Он, далее, противоречит ст. 86-й и 87-й действующих «Основных Законов», но это потому, что самоограничение, введенное Государем в область Своей законодательной власти, никогда не уничтожает неограниченности этой Его власти, почему он в любое время может или приостановить на известный срок действие той или другой статьи законов, или совершенно отменить или изменить какой-либо закон, лишь бы не пострадало само существо неограниченной власти Русского Монарха. В акте 3 июня и произошло временное, на срок «дарования нового избирательного закона», прекращение действия ст. 86-й и 87-й «Основных Законов», каковые статьи затем оставлены в силе и регулируют «обычный законодательный путь».

Но если наши конституционалисты растерялись от «дарования нового избирательного закона», то от дальнейших слов манифеста 3 июня, мотивирующих право Монарха на издание этого закона, они совсем потеряли голову. В словах: «*только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти Русского Царя довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам власть Царская над народом Нашим. Перед Престолом Его Мы дадим отчет за судьбы Державы Российской*», – конституционалисты ясно увидели торжественное *аутодафе* горячо любимой ими конституции. Снова Русское Государство в мощном Царском слове явило воочию всех свою религиозно-богословскую, а не договорно-правовую основу. Сам Монарх, как солнце из-за туч, осветил перед лицом всей России полноту и неизменяемость Своей самодержавной и неограниченной власти, которую и он, подобно Своим предкам, призван лишь охранять от всяких на нее поползновений. В силу этой *неограниченности* Своей власти Государь *единолично* издал: 20 мая 1908 г. указ о порядке финляндских дел, 24 ав-

густа 1909 г. – «правила о применении 96 ст.»; 14 марта 1910 г. – манифест о новом порядке общеимперского законодательства и т. д...

Казалось бы, что наши конституционалисты, получив Высочайший урок, хотя и с грустью, но все же скажут: «В России нет конституции»! Однако, как преданные сыны Хилона-Хилонида, они и на этот раз пустились в софизмы. С плохо скрытой дрожью в голос они заявили, что и после 3-го июня в России правление – «самодержавная конституция»!..

Раньше они пришли к одной нелепости – к «конституционному самодержавию», а теперь повторили то же, но только наоборот: «самодержавная конституция»!.. Что это за «самодержавная конституция» – один аллах ведает!.. Принимая во внимание, что на юридическом языке (у Сперанского, Романовича-Славатинского, Градовского, Коркунова и пр.) понятие самодержавия тожественно с понятием неограниченности, а конституция в существе своем является ограничением, получится по юридическим соображениям наших конституционалистов, что с 23 апреля 1906 г. и до 3 июня 1907 г. в России было правление – «ограниченная неограниченность» («конституционное самодержавие»), а с 3-го июня 1907 г. наступило правление – «неограниченная ограниченность» («самодержавная конституция»)!..

До таких «юридических» нелепостей могли договориться только «русские конституционалисты»!.. Дальше, кажется, идти уже некуда!.. А, впрочем, поживем – увидим: какою еще конституцией подарит нас 4-я Дума!...

* * *

Если теперь мы из области государственных актов перейдем в сферу *научных мнений,* то и здесь ясно видим, что даже граф Сперанский, Романович-Славатинский и Градовский, которые старались отыскать какое-либо различие по содержанию между понятиями *«самодержавный»* и *«неограниченный»,* вынуждены были определить эти понятия так, что они различаются только по внешней форме изложения, но совершенно совпадают по содержанию. Сперанский в своем руководстве под самодержавием, когда оно прилагается к особе Государя, *разумел «соединение всех стихий державного права во всей полноте их без всякого участия и разделения».* Понятно, что здесь не остается места какой-либо другой власти, которая бы ограничивала власть Монарха. Романович-Славатинский вторил Сперанскому. Градовский понимал самодержавие в том смысле, что «Русский Император не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве». Известный доктор государственного права Н. М. Коркунов замечает: «Следует признать, что понятие самодержавия объемлет собою понятие неограниченности, в смысле сосредоточения в руках Монарха всей полноты государственной власти. Если Осн. Зак. наряду с самодержавием упоминают еще о неограниченности власти, то только для большей ясности».

Конечно, понятие ясности – условное. Если прежний законодатель нашел нужным пояснить, то нынешний имел также Самодержавное право признать пояснение лишним, тем более, что понятие самодержавия действительно «объемлет» или поглощает собой понятие неограниченности. Ограниченный Самодержец – это такой абсурд, до которого может договорится только лишенный здравого и исторически-юридического смысла человек.

Итак, власть Русского Царя по-прежнему осталась верховной, самодержавной или неограниченной. Ни единоличная, ни коллективная воля подданных Российской Империи не может ни одной йотой ограничить власть Русского Монарха. Такого ограничения не допустит и *национальный фундамент,* на котором покоится у нас Царская власть. «Установление единодержавия, – говорил проф. Сергеевич, – было актом народной воли. Народ сам избрал для всей Руси одного Государя и это всенародное избрание навсегда закрепило мысль об едином государстве и едином Царе». Замечательно, что и здесь народ отнюдь не признал себя властью, от которой зависит Царь, а назвал Царя «Богом избранным». Действует Царь также «Божиею поспешествующею милостью» и отчитывается только перед Богом. Идея народовластия или народоправства, как лицемерно нелепая, выдуманная, чтобы дать высшим сословиям незаметно держать в своих руках народ, чужда душе Русского народа, – этого «Богоносца».

Поэтому, если самодержавная власть Русского Царя в своем происхождении и содержании поставлена народом через Церковь в зависимость только от Бога, то и *Сам Монарх не может поставить эту власть в зависимость от чьей-либо другой воли, кроме Божией.* Иначе такая власть перестанет быть властью Русского Царя, так как перестанет быть отражением души и клятвенных заветов Русского народа.

И Церковь в своем священном обряде венчания Русских Царей на царство свидетельствует, что Русский Монарх «приял с небесе к правлению и правосудию силу и премудрость», что Его «венчает невидимо Царь славы Христос», Который и «утверждает» Ему «владычественную власть над людьми Своими». Посему митрополит далее читает: «О, Богом венчаный, и Богом дарованный, и Богом преукрашенный, благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Приими скипетр и державу, еже есть видимый образ даннаго Тебе от Вышняго над людьми Своими самодержавия к управлению их, и ко устроению всякаго желаемаго им благополучия». Здесь слово «самодержавие» устраняет всякую возможность ограничения власти Государя кем-либо, кроме Бога. Таков церковный взгляд на власть Самодержавного Русского Царя. И без слова «неограниченный» Русский Самодержец мыслится Церковью с полнотой государственной власти, нераздельно сосредоточенной в Его руках Богом.

Таким образом, с законодательной, научно-юридической, историко-национальной и церковной точек зрения власть Русского Царя не претерпела доселе никакого изменения в своем существе, по-прежнему оставаясь верховной, самодержавной или неограниченной, или просто самодержавной, так как понятие самодержавия содержит два других понятия: верховный и неограниченный, и более сродно нашей церковно-национальной старине.

А если так, то несомненно, что истинно русским людям надлежит мужественно работать на пользу родины под сенью и новых «Основных Законов», оставив праздные мечты об ограниченности власти Русского Монарха, или упреки в «революционерстве» тех, кто открыто и сейчас стоит за неограниченное самодержавие, т. е. за то, что есть на самом деле.

И в новых «Основных Законах» нет ни звука о «конституции» или о «конституционном строе», нет даже и намека на одну из главных или основных «конституционных гарантий», – какими служат: право судебной отмены неконституционных законов, ответственность министров пред парламентом, присяга Монарха на верность конституции или «Основным Законам», присяга должностных и гражданских лиц на верность также «Основным Законам», а не Монарху. У нас же все присягают Самодержавной Власти, все подчинены «действующим от Царя законам», все соподчинены и подчинены друг другу, но над всеми и надо всем, как и над самими «Основными Законами» стоит *ничем и никем неограниченная Воля Русского Самодержца,* имеющего Своим «крайним Судьею» только Бога. И как в старину земские соборы, так и ныне Госуд. Дума и Госуд. Совет должны своей деятельностью в сфере законов всегда подводить один итог: *«во всем воля твоя, Государь»!..* То же должна говорить и русская администрация в сфере управления, и русский суд – в области судебной... Словом, все учреждения осуществляют функции, лишь указанные им неоганиченным Самодержцем Русской Земли.

Справедливо о таком государственном распорядке говорил известный немецкий юрист Роберт Моль: «В едином государстве может быть только *единая* Верховная Власть: разделение ее на части было бы разрушением государственного целого и нарушением единой цели, воли и деятельности этой власти. Для осуществления своих задач Верховная Власть учреждает отдельные органы, которым поручает различные функции. Чем развитей государство, тем шире разветвления и искусственные градации его органов, постепенность их подчинения. Все отдельные члены и органы государственной власти пользуются самостоятельностью относительно друг друга, но не в отношении Верховной Власти, *от которой все должны зависеть и которая служит первоисточником их прав*».

И ели мы глянем на судьбы неограниченной Верховной Власти в разных странах, то увидим, что идея этой власти коренится в самых недрах жизни обществ и государств, что она переживает самые яркие нападки на нее, что, ус-

нув, она вновь пробуждается с удвоенной силой, крепнет среди самой ожесточенной против нее борьбы и неуклонно идет к победе и обновлению в нравственном сознании обществ и государств. Таков приговор и переживаемого нами времени, – времени полного кризиса идей народоправства и парламентаризма, когда лучшие умы вторят Гейне, воспевая с ним *«единую личность во главе государства»*.

Иван АЙВАЗОВ

К ЗАКОНОПРОЕКТУ О РАСШИРЕНИИ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ

Законопроект о расширении прав женщины в том виде, как он внесен на уважение законодательных палат Министром юстиции*, я нахожу пагубным для семейной жизни. Этот законопроект, если он будет принят палатами и войдет в силу, внесет анархию в семью, приведет ее к совершенному распаду. Для меня был бы понятен этот законопроект, *если бы в России существовал гражданский брак вместо церковного*, – если бы государство открыто объявило себя безконфессиональным государством – государством исключительно правовым, вне всяких христианских обязательств... Но там, где в основе всех взаимных отношений членов семьи,

---

* См. проект о этом Министра юстиции... «Замужние женщины могут давать на себя векселя, а равно принимать по ним ответственность и без согласия своих мужей, хотя бы они не производили торговли от собственного имени».

«Замужние женщины, независимо от их возраста, вправе просить о выдаче им отдельных видов на жительство, не спрашивая на то согласия своих мужей».

«Замужние женщины могут быть включены в виды своих мужей лишь по ходатайству последних, и притом не иначе, как с их согласия».

«Замужним женщинам, проживающим отдельно от своих мужей, отдельные виды на жительство могут быть выдаваемы не только установлениями, указанными в ст. 41 и 45 устава о паспортах, но и от полиции, в месте временного их пребывания, притом без предъявления общего вида (уст. пасп., ст. 11 прим.)».

«Замужние женщины, хотя бы и несовершеннолетние, при найме на работу, а равно поступлении на частную, общественную и правительственную службу, а также в учебные заведения, не обязаны спрашивать на это согласие своих мужей».

общества и государства лежит Библия во всей ее совокупности, закон Божий, воля Божественная, церковные правила, там не должны быть вводимы подобные законы.

Раскройте Библию и вы увидите на первых же ее страницах такой закон Божий, данный всем людям и на все времена: *И рече* (Господь Бог) *женам: умножая умножу печали твои и воздыхания твои: в болезнех родивши чада, к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. 3, 16). Вот закон, положенный Господом Богом для всех времен и всех народов, – закон непререкаемый. Глава семьи – муж; жена ему подчиненная подруга. *Тот тобой обладать будет и к мужу твое обращение.* Не жена обладать будет мужем, а муж; не мужа обращение к жене, а жены к мужу. Отсюда ясно, как дважды два четыре, что жена без воли мужа не должна ничего самостоятельно предпринимать: *она должна быть в послушании у мужа...*

В Новом Завете – в послании к Ефесянам, из которого читается отрывок при бракосочетании мужа и жены, эта подчиненность жены мужу особенно подчеркивается в словах: *а жена да боится своего мужа* (Ефес. 5, 22-23). К. П. Победоносцев перевел эту фразу: *а жена да чтит своего мужа;* но в подлинном тексте эта мысль выражается сильнее и глубже. Почему же жена должна так относиться к своему мужу? Потому, объясняет апостол, что *муж есть глава жены, якоже и Христос глава Церкви; но как Церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем.* В знак подчинения мужу, ей заповедано быть с покрывалом на голове – не с обнаженной головой и не стриженой, а с покрывалом (1 Кор. 11, 3-15). Жене не позволено в Церкви и говорить: *она должна молчать,* в знак своей подчиненности мужу. Если же она хочет чему-то научиться, спрашивает о том дома у своего мужа, ибо неприлично жене говорить в церкви (1 Кор. 14, 34-35). Ибо прежде создан Адам, а потом – Ева, и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление, – еще раз объясняет различие мужа и жены ап. Павел (1 Тим. 2, 13-14). Главной обязанностью жены должно быть *материнство, чадородие.* За это преимущественно ей обещается и спасение: *спасется же чадородия ради,* говорит апостол, *аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием* (15)... Крепость брачного союза Сам Христос Спаситель определяет так: *еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. 12, 3-9).

Бывают браки неудачные; но тогда сторона страждущая должна смотреть на свой союз как на крест, посланный ей от Господа, – *как на подвиг крестоношения,* и с верой и упованием, а также с молитвою нести свой крест до конца. *Только претерпевый до конца спасен будет* (Мф. 10, 22; Лк. 21, 19): это может быть усвоено и страждущей жене.

Вот в кратких чертах учение о браке, как таинстве, и о семейном союзе. Женщина, не желающая нести на себе иго брачной жизни, может оставаться девой; такое состояние не осуждается христианством (1 Кор. 7, 25-40).

Теперь хотят развалить этот союз, освященный Самим Богом, упразднить само таинство брака *и ввести какое-то равноправие и почти совершенную независимость жены от мужа...* И теперь житья нет мужьям от эмансипированных жен, а что же будет дальше, когда произвол жены будет легализован еще и Верховной властью?! Теперь есть поговорка: «Муж – в дверь, жена – в Тверь», указывающая на произвол жены, прикрываемый однако же хитростью. Но когда войдет в силу закона право жены действовать без согласия мужа, тогда уже будут жены не только в Тверь, но и прямо во все города Российской Империи уходить, не спрашиваясь у мужа. А что же тогда будет делать муж, оставаясь дома на хозяйстве? Богатые будут, конечно, ездить по увеселительным учреждениям, а победнее – ходить в публичные дома средней руки, а бедные – те и просто будут пользоваться уличной проституцией. И как результат всего этого – появятся всякого рода и вида болезни от такой «свободной любви». А дети?.. О них-то, бедных, никто не думает... Останутся на попечении у прислуги... А всегда ли прислуга бывает способна дать надлежащее воспитание детям – не своим, а чужим?! И теперь консистории и Св. Синод завалены бракоразводными делами; что же будет при введении этого закона? Брак, как таинство, совсем упразднится. Если семья есть основа государства, как его ячейка, то, понятно, с развалом семьи может выйти нечто пагубное и для государства.

Сколько вижу, в данном случае не справляются и с мнением Церкви, отзыв которой был бы полезен в этом случае.

В виду всего изложенного, я нахожу закон об эмансипации женщины в том виде, в каком он изложен нам Министром – *неприемлемым.*

Архиепископ НИКОЛАЙ,
Варшавский и Привислинский.

ПОЧЕМУ НЕ СОЗЫВАЕТСЯ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР?

«Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления».

Высочайшая Государя Императора резолюция.
«Церковные ведомости». 1905. № 14. С. 99.

Вот семь лет как длится ожидание созыва Всероссийского Церковного Собора. В злополучный для Русской Церкви и Государства «полусахалинский» 1905 год тогдашний Комитет Министров, руководимый Серг. Витте, вторгся из области государственной в область религиозную, церковную и в гражданском Особом своем Совещании внезапно проектировал желательные преобразования в Православной Русской Церкви. Возбуждено это специально-религиозное церковное дело именно С. Витте, который, после патетической речи в Комитете Министров об обездолении и стеснении Православной Церкви светской властью, – поехал к митрополиту С.-Петербургскому и предложил ему представить в Комитет Министров записку о желательных преобразованиях в Русской Православной Церкви. Затем представленную Митрополитом записку об этом в 7 пунктах[970] Витте признал *«слишком скромною»*, ввиду чего он сам составил записку о современном положении Православной Русской Церкви, в которой изложил мнения о неканоническом характере церковной реформы Императора Петра I и констатировал неблагоприятное влияние ее на последующую жизнь Русской Церкви. Главная же мысль Виттевской записки состояла в том, что со времени упомянутой насильственной Петровской реформы, совершенной по немецким протестантским образцам, Церковь Русская якобы порвала связь с каноническим церковным преданием Вселенской Православной Церкви и от этого глохнет в ней религиозная жизнь... Поэтому Витте *настаивал на безотлагательном тогда же созыве Поместного Собора Всероссийской Церкви.* Эту свою записку Витте разослал в напечатанном виде членам Комитета Министров и заседание по этому вопросу назначил на 17 марта.

Тогдашний Обер Прокурор Св. Синода, незабвенный К. П. Победоносцев, неожиданно узнав о такой, без его ведома предпринятой, церковной реформе, нашел ее отнюдь неподведомой мірскому Совещанию Комитета Министров как учреждению нецерковному и, во имя внутренней само-

стоятельности Русской Церкви, исходатайствовал пред Верховным Защитником Церкви об изъятии вопроса о реформе Церкви из ведения министерской власти для передачи его в Святейший Синод.

Государь Император 13 марта Высочайше повелел: **«изъять вопрос из совещания** (Министров) **и передать на рассмотрение Святейшего Синода»**[971].

Святейший Синод, обсудив величайшей важности вопрос о желательных преобразованиях в Православной Русской Церкви, признал существенно необходимым пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России и преобразовать ее управление ввиду новых прав и свобод, дарованных инославным исповеданиям, «старообрядцам» и всяким сектантам. Повергая свои соображения на благоусмотрение Государя Императора, Святейший Синод испрашивал Высочайшего соизволения **на созвание в Москве Поместного Собора** всех епархиальных епископов Православной Российской Церкви для лучшего устроения Синодального управления, для избрания Всероссийского Патриарха и разрешения других вопросов, имеющих быть предварительно разобранными в Святейшем Синоде. И на собрании Св. Синода 18 марта в квартире Митрополита С.-Петербургского, решено было ходатайствовать о созыве Собора в лето 1905 г.

Время же то было такое, когда все враги и предатели России, внешние и внутренние, с яростью и лукавством нападали на отечество наше. На войне Японской подготовлялся разгром всех морских сил России, а на суше терпелись страшные поражения в Манчжурии и шли позорные отступления... Внутри России происходили грозные явления смуты и подпольной крамолы, разражавшиеся разными революционными демонстрациями, аграрными безпорядками, буйными постановлениями на повсеместных всяких съездах (даже медицинских), которые довели до вооруженного восстания в Москве и до гражданской войны в Прибалтийском крае и на Кавказе...

В такое-то страшное бурное время Витте стремился провести важные церковные реформы с особенной поспешностью, наподобие политического переворота, совсем изолированно от православно-русского народа и без опроса даже епископов Церкви Русской, игнорируя тяготу и разбитость смутного общественного положения православных Русских граждан в то время...

И вот Православный Верховный Защитник христианской Церкви в России явился спасителем от великой разрушительной опасности, которая грозила Русской Церкви, подобно Дальне-Восточным и земско-аграрным Витевским замыслам: 31 марта Государь ИМПЕРАТОР положил на упомянутый доклад Св. Синода о Созыве Собора такое решение: *«Признаю невозможным совершить в переживаемое нынче тревожное время столь великое дело,*

требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»[972].

Такая Высочайшая отсрочка важнейших преобразований в Православной Русской Церкви должна была бы побудить Комитет Министров приостановить свои работы по дарованию неправославным религиозным общинам новых вероисповедных свобод, касающихся существенных интересов и Православной Церкви в России. Но, руководимый Витте, Комитет Министров не пожелал согласовать свои вожделения и «освободительные» религиозные реформы с высшими соображениями и с интересами Православной Русской Церкви. Всем и всяким религиозным общинам, исключая только православных, проектирована была по бурному духу времени и дарована самая широкая разносторонняя свобода не только исповедания, но и публичного проявления, в практической жизни всегда тожественного с пропагандой.

Изолированно от работ по преобразованиям в Православной Церкви и вопреки законам, не спросив мнения Святейшего Синода, внесены были в Комитет Министров и в Думу проекты преобразований, подрывающие в корне значение Православной Церкви, а современная Дума третьего созыва еще и своими проектами довершала подрыв государственного значения и прав господствующей Православной Церкви, вопреки даже Основным Законам Российской Империи!.. Все это, естественно, много способствовало обострению не только религиозных, а и государственных смут, и тем усиливало мятежные действия революционеров и всяких врагов Православия и Самодержавия...

Упомянутая же благодетельная отсрочка созыва Всероссийского Церковного Собора не исключала, – как не исключает и доныне, – полезности подготовительных к Собору работ, которые и начаты были тогда по указанию Св. Синода. Для этого по всем епархиям образованы были разные церковные Совещания при местных епископах, в некоторых епархиях имевшие форму даже небольших «Соборико́в» с участием и мірян, как, например, в Курской, Могилевской, Рижской и прочих епархиях[973]. Результатом этих Совещаний явились *три объемистые тома «Отзывов епархиальных епископов по вопросу о церковных преобразованиях»*[974].

В том же 1905 году, 17 декабря, Государю ИМПЕРАТОРУ благоугодно было призвать к Себе в Царское Село митрополитов: С.-Петербургского Антония, Московского Владимира и Киевского Флавиана для непосредственного осведомления о положении предпринятых к успешному созванию Всероссийского Собора подготовительных работ, требующих большого труда и времени. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО повелел

приложить особое старание к исполнению всего, что требуется для созвания Собора в ближайшее по возможности время, поручив митрополитам определить и время созвания этого Собора, ожидаемого всеми верными сынами Церкви[975].

Согласно этому для предварительного обсуждения, на основании всех имеющихся данных, вопросов, намеченных к соборному рассмотрению, учреждено было при Св. Синоде *«Особое Присутствие»* из представителей церковной иерархии и других духовных и светских лиц, известных своими учеными трудами и познаниями в богословии, церковной истории, каноническом праве и церковной практике. В этом «Предсоборном Присутствии» работали на правах членов и сведущих лиц свыше семидесяти человек, из коих две трети были назначены по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, а прочие были вызваны членами-епископами и председателями отделов этого Присутствия. Начало свои занятия Присутствие 8 марта и закончило 15 декабря 1906 года, заслужив выражение ВЫСОЧАЙШЕГО удовольствия по поводу успешного исполнения своих задач[976]. Изданы были труды этого «Предсоборного Присутствия» *в четырех томах* под названием*: «Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия».*

Предсоборным Присутствием разработаны, казалось, достаточно обстоятельно все вопросы благоустройства церковной жизни, миссии, церковного управления, также и вопрос о составе и организации Всероссийского Собора Православной Церкви, но Собор ни в последующем 1907 году, ни *доныне не созывается...*

Были еще созваны, после Предсоборного Присутствия, Всероссийские миссионерские съезды в 1908 году в Киеве, в Казани и в Иркутске в 1910 году, которые в прессе назывались «Собориками» и которые еще разработали много новых жизненных вопросов Православной Церкви в России. Но, после всех этих и еще частных Синодальных дополнительных трудов, все-таки *и ныне Св. Правительствующий Синод находит недостаточными все бывшие доселе подготовительные работы к Поместному Собору Всероссийской Церкви.* «Принимая во внимание, что в работах Особого Присутствия содержится большое количество разнообразного характера материалов, Святейший Синод находит, что предварительно внесения постановлений и суждений Особого Присутствия и его Отделов на рассмотрение Собора, необходимо подвергнуть их подготовительному рассмотрению для сопоставления и согласования предположений разных Отделов по вопросам соприкосновенным как между собой, так и с суждениями общих собраний Присутствия, а равно и с изменившимися после того условиями церковной и гражданской жизни; для каковой цели, а равно для дополнения в иных случаях докладов, представленных Отделами, выделения

из них предметов, могущих быть разрешенными властью Синода, подготовительного обсуждения вопросов, подлежащих разрешению Собора, но не бывших на рассмотрении Присутствия, и вообще всякого рода подготовительных к Собору работ, в коих может оказаться необходимость, полезно было бы образовать при Святейшем Синоде постоянное, впредь до созыва Собора, Предсоборное Совещание, под председательством одного из членов Синода. Ввиду сего и предварительно дальнейших по сему суждений, Святейший Синод определяет: всеподданнейше испросить Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение на учреждение при Святейшем Синоде *постоянного, впредь до созыва Собора*, Предсоборного Совещания под председательством одного из членов Синода, о чем и представить г. Синодальному Обер-Прокурору всеподданнейше доложить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ».

И 28 февраля текущего 1912 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР соизволил утвердить учреждение этого *«Постоянного Предсоборного Совещания»* при Св. Синоде впредь до созыва Всероссийского Собора[977].

Таким образом, несмотря на то, что все верные сыны Православной Церкви искренно желают и Верховный Защитник и хранитель Церкви неоднократно выразил дозволение созвать Собор Всероссийской Церкви и, несмотря на то, что несколько подготовительных Совещаний и съездов разработали вопрос о церковной реформе подробно и обстоятельно, издав уже много томов предсоборных своих трудов, а созвание Всероссийского Собора все остается во времени неопределенным, – *Собор не созывается...*

Такое явление нельзя объяснять лишь влиянием отдельных лиц или мелких частных обстоятельств. Причины его следует искать в более сложных и более глубоких основаниях.

И прежде всего здесь сделаю небольшое отступление в общую область разрешения важных жизненных вопросов, припоминая такой характерный случай, который показывает, какое, между прочим, назначение имеют подготовительные труды Совещаний, Присутствий или Комиссий, учреждаемых перед разрешением особенно важного общественного вопроса. Факт относится ко времени царствования Императора Александра II и к государственной деятельности министра внутренних дел П. А. Валуева. В один из перерывов его министерской деятельности он был назначен председателем Комиссии, или Совещания, по весьма важному вопросу русской общественной жизни... Является с докладом к П. А. Валуеву делопроизводитель этой комиссии, из молодых штатских генералов, полный рвения и готовности служить отечеству в трудном деле, порученном той комиссии... П. А. Валуев выслушал терпеливо его прекрасный доклад, походил по комнате взад и вперед и сказал: «Видите ли, ваше превосходительство,

по этому делу *надо еще заняться* собранием и напечатанием материалов»... – «Смею доложить вашему высокопревосходительству, – отвечал ему на это генерал-делопроизводитель, – что комиссия по этому вопросу образуется уже не первая. Было уже несколько комиссий, рассматривавших этот вопрос с разных сторон, и каждая из них напечатала по несколько томов материалов, так что всех томов напечатано уже 12»... – Валуев продолжал ходить по комнате и ничего не говорил: наконец, остановился и начал убеждать своего горячего сотрудника, между прочим, так: – «Вы, ваше превосходительство, человек молодой. Вы наших высших государственных порядков еще не знаете... Собственно говоря, в интересующем нас с вами случае вы совершенно правы. Материалы по вопросу давно собраны и никаких более не нужно. Но, изволите ли видеть, на всякое высшее государственное дело следует смотреть с двух точек зрения: с логической и тактической. С первой-то вы и правы. Но со второй нам неудобно приступить теперь к разрешению вопроса по существу его. Надо разрешение дела продлить, выиграть время, а потом и наступит счастливый момент, когда для нас представится возможность и самым существом вопроса заняться... Если напечатана материалов одна дюжина томов, то отпечатайте еще и другую»...

Переходя от соображений высшей государственной тактики графа Валуева к обстоятельствам желаемого созыва Всероссийского Церковного Собора, очевидно, находишь в них большую аналогичность. И там и здесь желание дать разрешение важному вопросу, осуществить требуемое дело, – и там и здесь большие многотомные подготовительные труды по разработке предмета и, при всем этом, все повторение учреждения дополнительных по предмету комиссий или Особых Совещаний...

Это побуждает нас в великом деле созыва Всероссийского Церковного Собора для коренных церковных преобразований поглубже подумать, всесторонне отнестись к предмету, и тогда очевидное применение высшей государственной тактики, высказанной графом Валуевым, окажется во многом правильным и должным в обстоятельстве созыва Собора.

Во-первых, Собор Церкви Всероссийской не был созываем уже долее 250 лет и в эти 250 лет православные русские люди навыкли обходиться без Собора. Прежние же Русские, как и древние Соборы Православной Церкви не имели таких многовековых перерывов, и древняя Церковь непрерывно соборовала повсеместно до того жизненно, что определения ее больших соборов охотно принимаемы были Царями и свободно включаемы были и в гражданские законы для всего государственного строя.

Теперь же, после несоборования в Русской Церкви в продолжение нескольких столетий *вдруг созвать* ее собор, который должен быть

плодом или венцом постоянного соборования поместных православных общин, – вряд ли было бы благотворно. Ныне по приказу можно скоро созвать *формальный* Собор *несоборующей* Церкви Российской, – можно формально разрешить на таком Соборе предвзятые вопросы, заготовленные в разных присутствиях и совещаниях, и можно предписать их исполнение... Но будут ли такие предписания такого Собора применимы и исполнимы, и одних ли их требует жизнь великой, обширной Русской Церкви? – это является большим и спорным вопросом, особенно без наличия поместного постоянного соборования епархиальных Русских церквей.

Далее, основательной и важной причиной несозыва Всероссийского Церковного Собора является ненаступление до сих пор успокоения от внутренней смуты, возбужденной еврейско-инородческой революцией вместе с предательским освободительством от прежних русско-народных, церковно-государственных устоев. Какой мог или может быть Собор, когда буйные требования даже и православных членов Государственных Дум доходили до гласного призыва Выборгским воззванием народа русского к мятежу и доходили затем до заговора на жизнь Священной Особы Русского Православного Царя!.. А члены православного общества Думы и третьего созыва, при поддержке и даже по почину правительственных проектов, проявили свои буйные отношения к Православной Церкви постановлением произвести разрушительный Церковный переворот, уничтожить права Православной Церкви, которые искони даны ей великим земским Собором и Основными Государственными Законами!..

Правда, характер и задачи Церковного Собора не одинаковы с задачами Государственной Думы, но ведь люди, составляющие современные Думы и имеющие составить ожидаемый Собор, очень близки между собою и действия их естественно находятся под влиянием общего духа времени. Это свидетельствуется не только революционными действиями священников, как Гапон, Петров и др., и даже некоторых епископов, но и таких священников, которые являлись выборными в Думу в качестве «лучших»... А ведь бывало в жизни Православной Церкви и то, что не вовремя созванный Собор, даже Вселенский, после открытия первого его заседания, был на очень долгое время закрыт, чтобы успокоить волнение, вызванное «подстрекательством некоторых из явившихся на Собор злоумышленных епископов»; а на другой год даже место собрания Собора было удалено от столицы. Так было с седьмым Вселенским Собором.

Документы вышеприведенной справки возникновения вопроса *«о безотлагательности»* созыва Всероссийского Церковного Собора сви-

детельствуют еще и о том, что возник этот вопрос в 1905 году не из сознания не терпящих отлагательства запросов жизни Православной Русской Церкви, а вследствие посторонних, именно нецерковных причин и лукавых действий нецерковных людей. Возбужден он был многовластным тогда, но злосчастным мірским реформатором Витте, который в понятиях о жизни Вселенской и Русской Церкви, конечно, был дилетант, дерзающий, однако, самочинно браться за великое дело Церковной реформы по соображениям, ничего общего не имеющим с благом Церкви...

И гражданские-то преобразования по Виттевским проектам дали России не благоденствие, а лишь смуту, расстройство, ухудшение, а не улучшение жизни!.. Витте покушался ограничить Царскую власть, жестоко надул пролетариат и буржуазию, а дворянство и крестьянство игнорировал, считая их мертвецами... Для него идеалом была только «биржа»...

Мог ли проект такого «реформатора» внушить доверие и быть полезным для действительного улучшения жизни Православной Русской Церкви?.. – Разумеется, нет! А между тем, конечно, г. Витте и его присные мечтают не только войти в члены *«безотлагательного»* Церковного Собора, но и властно там вершить делами, тем более, что Витте до того мастер «обвораживать» некоторых иерархов и священников Русской Церкви, что они гласно выражали сочувствие проекту Виттевских Церковных реформ и в благодарность ему обещали «всю жизнь молить за него Бога»!..

Итак, в каком же положении находятся в настоящее время вышеупомянутые обстоятельства Русской жизни, прекословящие *«безотлагательности»* созыва Всероссийского Церковного Собора?.. – Разъяснялось ли недоверие к внезапности его инициативы и к инициаторам, настаивавшим на *«безотлагательности»* Церковного Собора?.. – Восстановлено ли в достаточной мере обоюдное доверие между пасомыми и пастырями? Сознано ли, усвоено ли и в должной ли степени проявляется соборование членов приходов и епархий Русской Церкви?.. – Наступило ли успокоение между русскими людьми, которые через своих уполномоченных имеют составить теперь Всероссийский Церковный Собор?..

Нет, нет и нет!.. К глубокому сожалению должно признать, что все эти и прочие обстоятельства, прекословящие *«безотлагательности»* созыва Церковного Собора, остаются почти такими же. И потому *не* Виттевская тактика стремительной ломки сложившегося к нашему времени строя Русской Церкви, а высшая государственная тактика графа Валуева теперь взяла верх, почему и учреждаются дополнительные по созыву Собора «Особые Совещания». Вот поэтому же и не созывается до сих пор Всероссий-

ский Церковный Собор, молитвенно, *в терпении*, с верою и надеждой, ожидаемый всеми верными сынами Церкви. И это, полагаю, должно признать правильным и полезным для жизни Православной Русской Церкви, потому что задачей настоящего времени по отношению к созыву Всероссийского Церковного Собора должна быть *повсеместная подготовка* к Всероссийскому Церковному Собору.

Подготовка эта должна состоять главным образом *в соборовании* во всех епархиальных и приходских церквах. Ведь Церковь Российская, в современном положении ее жизни, вовсе еще не готова к сознательному восприятию, усвоению и к деятельному проявлению всеобщей глубокой реформы, которую, предполагается, даст ей Всероссийский Собор. Изменить это положение бумажными постановлениями *образованного вдруг*, без надлежащей подготовки, большого Всероссийского Собора нельзя, без подготовительного поместного, – в приходах и епархиях, духовного оживления всех членов Церкви, без искреннего соборного объединения иерархии и всего священства с мірянами. Это же объединение в мыслях, желаниях и делах всех членов Российской Церкви явится соборованием не в единовременном только учреждении Собора, а в постоянной жизни Церкви, не в кратковременном соборовании только немногих представителей Церкви, а в самом многочисленнейшем, полнейшем, постоянном великом Соборе, в деятельной жизни всех членов Православной Русской Церкви...

Когда же встретятся в соборном делании епархиальных церквей затруднения, препятствия, вопросы, которые не могут быть устранены и разрешены единодушием и компетентностью местных архипастырей, пастырей и пасомых, то такие предметы составят действительно жизненный материал для обсуждения и разрешения на единовременном Соборе Всероссийской Русской Церкви. Когда проявится соборование в Церкви Русской приходское, епархиальное, тогда потребность созыва единовременного Всероссийского Собора Церкви окажется фактическая, не по теоретичным измышлениям, желаниям и видам каких- либо «обновителей» Церкви, а по насущным потребностям жизни Православной Церкви приходской и епархиальной. Тогда не будет недоверия и к инициаторам созыва Собора и не опасны будут никакие настроения нецерковного духа времени.

Евстафий ВОРОНЕЦ

О ПРАВЕ ЦЕРКОВНОГО ОТЛУЧЕНИЯ ИЛИ АНАФЕМАТСТВОВАНИЯ

Ни одно из действий церковной власти не порождало и не порождает в христианском обществе столько недоразумений, ропота и недовольства и не подвергалось и не подвергается таким нападкам со стороны свободно, но неправомыслящих людей, как наложение отлучения от Церкви, произнесение анафемы. Одни, не имея правильного понятия о значении, духе и характере церковного отлучения, смотрят на него как на действие, не соответствующее духу христианской любви, и возмущаются мнимою жестокостью, которую Церковь в данном случае доводит будто бы до крайности[978]; а другие, хотя и отдают ему справедливость как внешней дисциплинарной мере, но отрицают в нем то, что составляет существенную принадлежность его, отрицают внутреннюю силу и действенность отлучения; некоторые же до того простирают посягательство свое на церковное отлучение, что, отвергая богооткровенное происхождение церковного отлучения, называют его изобретением средних веков, порождением варварского времени, самовольно захваченным духовенством в свои руки оружием, служащим опорою для иерархического деспотизма, который якобы не хочет признавать никаких прав за подчиненными[979].

Но говорить так – значит допускать такую несправедливость, больше которой трудно себе что-нибудь и представлять. Ибо наказание церковного отлучения так же древне, как и сама Церковь. Существенные элементы его в нашей Восточной Православной Церкви[980] были одни и те же во все времена, а если где и были изменения и добавления, то это не более как неизбежные результаты, с внутренней необходимостью вытекающие из первоначальных принципов и воззрений. Равным образом, при ближайшем исследовании дела не оказывается здесь ни малейшего следа жестокости, злобы и иерархического деспотизма; напротив, нигде не ограничивается так произвол и своеволие церковной власти, как в том пункте законоположения, где идет дело о применении отлучения – этого самого тяжкого из всех церковных наказаний, и ничто не совершается церковным начальством с такой скорбью, как отлучение.

В предлагаемом исследовании мы намерены раскрыть истинный смысл и значение отлучения и, вопреки тех предубеждений против церковной власти и кривотолкам, которые так громко раздаются особенно после послания Св.Синода о графе Льве Толстом, доказать божественную инициативу этого наказания, его необходимость и целесообразность и показать, что оно проистекает не из чувства ненависти и злобы, а из христианской любви, сострадания и милосердия, и в отно-

шении гуманности стоит несравненно выше всех постановлений новейшего уголовного уложения.

Понятие о церковном отлучении

Всякое человеческое общество, установившееся с какой-нибудь внешней целью, имеет полное право исключать из среды своей тех из своих сочленов, которые не только не исполняют принятых на себя обязанностей, но и противодействуют стремлениям общества, задерживая таким образом достижение намеченных целей. Изъятие подобных членов из общества и лишение их тех выгод и преимуществ, какие доставляет оно своим соучастникам, отнюдь, конечно, не безчестное дело. Оно не противно ни справедливости, ни правосудию и служит необходимым для общества средством к его благосостоянию и самосохранению. И нет маломальски благоустроенного общества, которое не пользовалось бы этим правом и при своем основании не уполномочивало бы своих представителей и руководителей делать из него в подобных случаях надлежащее употребление. Им пользуются не только одни небольшие кружки, но и целые государства, когда настает нужда освободиться от вредных сочленов посредством ссылки, заточения и, в крайних случаях, посредством даже смертной казни.

Если же, таким образом, право изъятия или отлучения есть естественное, в самой природе вещей лежащее, право, если оно существует и у внешних союзных обществ, преследующих только внешние, материальные интересы и располагающих вдобавок другими действенными мерами к достижению их, – то тем более уместно и необходимо право отлучения в религиозных обществах, которые зиждутся единственно на нравственных началах, имеют высшие нравственные задачи, для достижения которых употребляют только нравственные средства. Право исключать из среды своей тех из членов, которые своим неблагоповедением, несоблюдением общественных правил и законов являются соблазном для других и наносят вред религии, служит в таких обществах главным условием их благосостояния, единственным средством сохранить свою честь и достоинство, а изверженных привести к раскаянию и исправлению. Поэтому, если не во всех, то, по крайней мере, в очень многих из древних языческих религий существовали такие учреждения и обряды, которые тесно связаны с этим правом отлучения, как свидетельствует об этом история.

У египтян, например, не позволялось входить в храмы пастухам свиней[981]. У персов маги не допускали к участию в жертвоприношениях людей, покрытых струпьями или имевших на лице сыпь и какие-нибудь бо-

лезненные проявления, равно как и тех, над которыми, еще при жизни их, совершен был погребальный обряд[982]. У скифов не принимались жертвоприношения от тех, которые не убили ни одного из своих неприятелей[983]. У греков отлучение налагалось на важных преступников с общего согласия народа и совершаемо было жрецами самым торжественным образом, после чего имя отлученного вырезывалось на каменных столбах и таким образом передавалось потомству как самое страшное и омерзительное[984]. О галлах Юлий Цезарь замечает, что если кто не подчинялся у них распоряжениям и постановлениям их жрецов, друидов, того устраняли они от участия в богослужениях, и это почиталось у них величайшим из всех наказаний. На такого человека смотрели как на отъявленного злодея и нечестивца. Его все избегали; никто не вступал с ним ни в какое общение, боясь подвергнуть себя через это какой-либо опасности. Ему отказывали в суде и не удостаивали никакими почестями. Особенно же так поступали с людьми упорными, не поддававшимися никаким мерам исправления[985]. У древних германцев трусость на войне признавалась за великий позор и самое тяжкое преступление. Кто, оставляя меч на поле битвы и бросая оружие, обращался в бегство, на того смотрели как на самого безчестного человека – его отлучали как преступника от всех богослужебных действий и жертвоприношений и не допускали ни к каким публичным собраниям. Он был предметом всеобщего презрения, и нередко такие люди, чтобы положить конец своему тяжелому положению, решались на самоубийство[986]. Существовало подобного рода отлучение от религиозного и политического общения и в Римском государстве. Известно, что отношения между патроном и клиентом у римлян почитались священными: тот и другой взаимно предохраняли себя во всех обстоятельствах жизни и оказывали друг другу взаимную помощь; никто из них не смел приносить на другого жалобу или давать на суде показания не в его пользу и вообще становиться на сторону его противника. А кто нарушал это право, того по закону признавали у них за изменника – его назначали в жертву подземным богам, исключали, как беззаконника, из общества, и каждый мог убить его безнаказанно[987]. Если автор, сообщающий это, вслед за сим присовокупляет, что посвящать тела безнаказанно убиваемых преступников, в смысле жертвы, подземным богам[988] было обычаем римлян, то этот обычай мы находим вторично в позднейшей истории Рима. *Divis devovere,* посвящение фуриям, было ни что иное, как торжественное изъятие преступника из человеческого общества. Можно бы представить и еще несколько исторических доказательств на это[989], но и приведенных достаточно, чтобы видеть, что отлучение от религиозного общения преступников и нарушителей божественного закона уже и в языческих религиях почиталось естественным и необходимым правом. И если мы не хотим утверждать, что это

учреждение имело одну только нравственную сторону, без всякого политического характера и везде существовало в определенной и постоянной форме, то никто, равным образом, не будет отвергать в нем ближайшего сходства с церковным отлучением.

Это отлучение ведет свое начало от самых первых времен человеческого рода. Первообразом его является грозное осуждение с его роковыми последствиями, которое произнес Сам Творец на наших прародителей по их грехопадении. *И изгна его Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости* (*Быт. 3, 23-24*). Это изгнание из рая есть первое отлучение человека от непосредственного общения с Богом, сопровождавшееся для человека тяжелыми последствиями. Близкий доселе к Богу, он стал далеким от Него, чуждым Ему, рабом Его. Он лишился прежних своих преимуществ, и проклятие (что равносильно отлучению человека от Бога) отселе тяготеет над всей землей. Лишившись непосредственного руководства Божия, он чаще и чаще нарушал теперь волю Божию, глубже и глубже падал нравственно; а чем глубже были эти падения, тем грознее раздавался голос Владыки-Бога, подвергавшего человека наказанию за всякое преступление против Его закона.

Ветхозаветная история немало дает нам примеров таких наказаний или отлучений, совершаемых Самим Богом. Так, после проклятия, бывшего еще в раю в наказание за первое грехопадение прародителей *(Быт. 3, 14-24),* Он изрекает проклятие на первого сына прародителей, на братоубийцу Каина: *и ныне*, – говорит Он ему, – *проклят ты на земли, яже разверзе уста своя прияти кровь брата твоего от руки твоея... Стеня и трясыйся будеши на земли (Быт. 4, 11-12).* А затем во всемірном потопе истреблено было, как недостойное милости Божией, все развращенное человечество, за исключением Ноя с семейством. После потопа, когда вновь размножившееся человечество не оказалось лучше, мы снова видим целый ряд отлучений, исходивших от Самого Бога, а позже произносимых от Его имени верными рабами Его в лице первосвященников, пророков и благочестивых царей. Эти отлучения были или общие, каковы, например, проклятие, произнесенное Моисеем на преступников закона *(проклят всяк, иже не пребудет во всех словесех закона, еже творити я.* Втор. 27, 26; ср. 28, 15-68), а также Иисусом Навином на Иерихон *(И. Нав. 1, 16),* или частные, в отношении к определенному лицу, каковы, напр., отлучение и казнь Корея, Дафана и Авирона *(Числ. 16, 1-40),* отвержение Саула *(1 Цар. 15, 10-33)* и др. Эти-то и другие подобные им непререкаемые в своем божественном характере и действенном значении примеры отдельных и как бы случайных отлучений и положены были в основу того обряда от-

лучения от религиозного общения, какой существовал у иудеев послепленного периода.

Уже Ездра[990] ясно упоминает об этом учреждении, как о действительно существующем, а позднейшие раввины во многих местах талмуда сообщают о нем подробные и обстоятельные сведения. Иудейское отлучение, по свидетельству талмуда, имело три степени. Самая низшая из них называлась «нидуи» (nidui от nidoa – отделять, исключать, выгонять, αφορίζειν *Лк. 6, 22*) и состояла в том, что подвергшийся этому наказанию отлучался на 30 дней от сообщения с другими, и никто, кроме жены и детей, не смел подходить к нему ближе, чем на 4 фута. Ему не дозволяли ни стричься, ни бриться, ни мыться и вместе с тем обязывали носить траурную одежду. Кто умирал в отлучении, на гроб того суд повелевал бросать тяжелые камни в знак того, что он достоин побиения камнями. Никто не смел ни сопровождать прах его на могилу, ни оплакивать его смерть. Посещение храма отлученными этой степени хотя и дозволялось, но существовали особенные ворота, через которые они должны были входить в храм и выходить из него. Принимать и оказывать услуги, давать наставления и выслушивать ответы отлученному хотя не воспрещалось, но с непременным соблюдением узаконенного правила, т. е. на расстоянии четырех локтей. Раввины насчитывают 24 греха, за которые подвергали малому отлучению, например: сопротивление мірскому или духовному начальству, богохульство, клятвопреступление, свидетельство против единоверцев перед языческими судьями, продажа язычникам недвижимого имущества и т. д.[991]

Каждое частное лицо имело право подвергнуть этому наказанию другое, только при этом оно обязано было представить достаточно уважительную причину. Если же оно не было в состоянии сделать этого, то само подвергаемо было подобному наказанию. Если это отлучение налагало не частное лицо, а суд, то при этом делалось всегда предостережение и особый вызов в суд. Отлученный освобождаем был от наказания только тогда, когда обнаруживал искреннее раскаяние и решительное обещание исправиться. Если же он не делал этого в продолжение 30 дней, то срок отлучения увеличивали иногда на 60, а иногда на 90 дней; а если и после этого он продолжал упорствовать, то его подвергали великому отлучению, которое называлось «херем» (cherem от charam – выбрасывать, извергать, по-гречески εχβάλλειν, *Лк. 6, 22*).

На этой второй степени отлучение всегда соединяемо было со многими и ужасными проклятиями, причем всегда публично обнародовался приговор с обозначением его оснований. Произносил этот приговор суд; но когда какие-либо обстоятельства не позволяли суду довести дело до конца, то для продолжения его нужно было соединиться, по крайней мере,

10 членам общества. Действия *херем* состояли в совершенном исключении осужденного из общества, в совершенном устранении от религиозного общения, в строжайшем запрете всякого сношения с ним, а иногда и в конфисковании его имущества. Отлученный не имел права ни учить, ни учиться, ни принимать услуг, ни оказывать их другим. Никто не смел подходить к нему, за исключением только тех случаев, когда нужно было доставлять ему необходимые средства к жизни. Кто осмеливался вступить с отлученным в общение, тот сам подвергался такому же наказанию.

В случае исправления и чистосердечного раскаяния отлученного, его разрешали от наказания, и это разрешение совершалось той же высшей властью, или тем же самым лицом, которое и определяло наказание. Разрешительная формула очень краткая и простая: «absolutio tibi est et remittitur»[992].

Если же и после этого отлученный оставался непреклонным, то следовало третье и самое тяжкое отлучение – «шаммата», которое совершалось публично и торжественно, при соблюдении определенных церемоний и сопровождалось еще более запальчивыми проклятиями[993]. Отлучение в этой последней степени имело такое значение, что отлучаемому, во имя Божие, воспрещалось возвращение в общество верующих навсегда, и он представлялся уже суду Божию. Действительно ли словом *шаммата* обозначается последняя и самая тяжелая ступень отлучения, или же это наказание тождественно с «нидуи» – вопрос этот, бывший долгое время предметом спора ученых, не приведен к окончательному решению, но для нашей цели это и не существенно важно. Нам довольно знать, что отлучение у иудеев существовало, и существовало в определенной форме, и что это наказание вызывалось обстоятельствами и внутренней необходимостью, как неизбежное средство для поддержания общественной дисциплины и порядка.

Если таким образом все вообще нехристианские религии, не только языческие, а и богооткровенная иудейская ветхозаветная, в интересах самой чести и достоинства и в видах исправления порочных членов своих, находили нужным исторгать их из среды своей – отлучать; то точно так же и христианская Церковь как общество верующих должна пользоваться этим средством, и пользоваться тем в больших размерах, чем труднее исполнение ее нравственных требований для естественного человека и чем менее присущи ей как чисто духовной власти внешние, принудительные, насильственные меры.

Уже в том обстоятельстве, что она, посредством крещения, свободно принимает в свои недра всякого, кто исповедует ее учение и обещает исполнять ее заповеди, заключается вместе и естественное для нее право, полномочие – отторгать от недр своих тех из сочленов, которые

ниспровергают ее учение и вредят ее дисциплине; так что, если бы Божественный Основатель Церкви и не сделал в этом отношении никакого особого постановления, то обстоятельства религиозной жизни сами собой вынудили бы церковную власть сделать из этого естественного права практическое употребление, и это было бы вполне законно и справедливо.

Но как ясно вручил Господь апостолам и их преемникам право и власть крестить и, таким образом, вводить в Церковь достойных, так точно ясно же уполномочил Он их и отлучать от нее недостойных. Ясное указание на дарование Господом Церкви этого последнего полномочия находится в заповеди Его, записанной в Евангелии от Матфея (*18, 15-18*): *Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем: аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего.* Таковы первые слова этой заповеди; они означают, что если ближний твой обидит тебя словом или делом, или причинит какой-нибудь вред, то не переноси этого дела в суд тотчас же, но стань прежде глаз на глаз с обидчиком, объясни ему его неправоту и постарайся сам лично склонить его к миру, раскаянию и исправлению. Если успеешь в этом, то ты спас его, произвел в нем нравственный переворот и возвратил на путь добра; ибо, как говорит св. ап. Иаков, *обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покрыет множество грехов (Иак. 5, 20).*

Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единаго или два; да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол, продолжает Господь; т. е. если первая попытка твоя к обращению грешника останется без последствий, то усугуби свои увещания, поставь дело гласно, сделай обидчику наставление при свидетелях, чтобы слова твои, в их присутствии, имели более силы, и он, видя их единомыслие с тобою, тем скорее пришел к сознанию своего греха и исправлению; ибо «Спаситель, – как говорит св. Иоанн Златоуст, – ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего».

Аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь; т. е. если он настолько окажется закоснелым в своем порочным направлении, что пренебрежет и священный авторитет церковных представителей, окажет и им явное и упорное сопротивление, тогда уже представители Церкви в праве отлучить его, как упорного и неисправимого, от своего общества и низвести его на степень таких людей, которые совсем не принадлежат к Церкви.

Что в таком именно, а не в другом каком-нибудь смысле нужно понимать приведенные слова Христовы: ἔστω σοὶ ὥσπερ ὁ ἐθνηχός καὶ ὁ τελώνης – *буди тебе, якоже язычник и мытарь,* – это не подлежит со-

мнению. По связи речи, их нельзя понимать в том смысле, что если согрешивший брат не послушает и Церкви, ты, обиженный, в праве смотреть на него как на безчестного человека и, прервав с ним всякое общение, оставить его на его нечестивом пути, как это утверждают протестанты. Здесь Господь говорит о решении дела Церковью; следовательно, о деятельности пострадавшего истца тут не должно быть и речи. Представители Церкви, долгом служения своего призванные к обращению грешника на путь спасения, делают ему наставления – напоминания о его обязанностях и предостережения от опасности, стараясь склонить его к раскаянию. Если же он на все это отвечает упорством и сопротивлением, то *они* именно и имеют право в деле сопротивляющегося их власти и авторитету идти далее и произносить окончательный судебный над ним приговор: ἔστω σοὶ ὥσπερ ὁ ἐθνηχός καὶ ὁ τελώνης. Что в данном случае имеются в виду действительно представители Церкви, как действующие лица, это ясно вытекает и из непосредственно следующих за этим слов Спасителя, в которых Он, обращаясь к *апостолам*, говорит: *Аминь бо глаголю вам* (ὑμεῖς), *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси:* слово ὑμεῖς стоящее здесь параллельно предыдущему слову ἐκκλησια (Церковь), ясно указывает на одинаковую деятельность как для этой (Церкви), так и для тех (апостолов). Если при настоящем *вязании* действующими лиами и судьями, решающими дело и определяющими наказание, являются апостолы, то то же самое содержится и в более общем выражении ἐκκλησια.

Что же касается до самого судебного решения или приговора, то несомненно. Что под ним разумеется отлучение от Церкви, анафема, и слова: ἔστω σοὶ ὥσπερ ὁ ἐθνηχός καὶ ὁ τελώνης суть не что иное, как прямая заповедь Спасителя об отлучении.

В самом деле, если мы поближе рассмотрим политическое и религиозное отношение, в каком находились иудеи к язычникам и мытарям, то нас поразит здесь резкий рубеж разобщения и взаимного исключения. Иудеи в высшей степени ненавидели и презирали язычников как не принадлежащих к избранному народу Божию[994], а язычники, в свою очередь, совершенно уклонялись от внешних сношений с иудеями, как с враждебным им племенем человеческого рода, и эта неприязнь их была так велика, что язычник в случаях даже самой крайней нужды не решался не только просить каких-нибудь услуг у своего соседа-иудея, но и принимать их, хотя бы они предлагаемы были ему без всяких с его стороны домогательств. Он готов был скорее, в совершенной безпомощности, предать себя воле судеб, чем нарушить заветный обычай своей нации.

Точно так же и мытари были предметом всеобщей ненависти и презрения *(Мф. 9, 10; Лк. 7, 34)*, часто по причине тех несправедливостей и притеснений, какие делали они при взимании пошлин, частью же, а пожалуй, и главным образом, потому, что они прямо передавались на сторону римского правительства и соблюдали только его интересы. Поэтому они, как нечестные люди и вымогатели, с одной стороны, и как изменники своего народа и религии – с другой, настолько были ненавистны для всех, что считалось за грех иметь с ними какое-либо общение. Иногда их даже подвергали, как врагов своей религии и своего племени, формальному отлучению от религиозного общения в синагогах.

Если же такие именно, а не другие были во времена Христа отношения между иудеями и язычниками и мытарями, то что другое Спаситель мог выразить словами: ἔστω σοὶ ὥσπερ ὁ ἐθνηχος καὶ ὁ τελώνης, как не уполномочение представителей общества отлучать от Церкви отъявленных и закоснелых грешников, нарушителей ее законов, и ставить их в такое же отношение к верующим, в каком находились язычники и мытари к иудеям, так чтобы все избегали сближения с ними и смотрели на них уже не как на своих собратий по вере, а как на чужих?

Справедливость такого понимания приведенных слов Господа явствует и из того, что данное место Евангелия понимаемо было в смысле заповеди об отлучении (анафематствовании) всей древней Церковью[995], но самым непререкаемым даже для протестантствующих свидетелем того, что Христос в этих словах действительно разумеет отлучение от Церкви и преподает особенное на это право апостолам и их преемникам, конечно, должен быть назван св. апостол Павел. Строгой речью упрекает он коринфское общество и его представителей в своем послании к этой Церкви (*1 Кор. 5, 1-5*), за то, что они так долго терпели в своей среде кровосмесника и не удаляли его от своего общества. Что же касается его самого, то он, хотя и заочно, но давно уже определил предать преступника сатане во изможднение плоти. Если выражение αἴρειν ἐκ μεσου ὑμῶν (изъять из среды) и однозначащее с ним παραδοῦναι τῷ σατανᾷ (предать сатане) могут быть понимаемы не иначе, как в смысле отлучения церковного, и если апостол говорит затем, что он определяет это наказание во имя и силою Иисуса Христа (ἐν τῷ ονοματι,.. σύν τῇ δυνάμει τοῦ Κυρίου ἡμῶν'Ιήσου Χριστοῦ), то это, несомненно, указывает на его убеждение в том, что право отлучения от Церкви имеет свое основание в божественном учреждении и даровано Христом Его апостолам[996].

Эта же мысль руководит им и в действиях его относительно Именея и Александра, о которых он говорит: *их же предах сатане, да накажутся не хулити (1 Тим. 1, 20)*. Ибо здесь он, хотя прямо и не говорит, что он

действует именем и силою Христа, но та уверенность, та смелая решительность, с какой он совершает это дело, совершенно ясно показывают, что он вполне убежден в своем божественном полномочии на это дело и смотрел на свое определение наказания как на нечто понятное само собою и непререкаемое.

На свое высокое полномочие отлучать от общения с Церковью он довольно прозрачный намек дает еще, когда обращается к коринфянам с властным словом: *что хощете? С палицею ли приижду к вам, или с любовию и духом кротости? (1 Кор. 4, 21).* Наконец, когда после самого строгого и настоятельного убеждения коринфян к покаянию и исправлению своей порочной жизни вообще и к воздержанию от нецеломудрия и разврата в частности, он высказывает им угрозу: *не сый у вас сие пишу, да не пришед безщадно сотворю по власти, юже Господь дал ми есть в созидание, а не в разорение (2 Кор. 13, 10);* то в этом опять заключается ясное указание на дарованную Христом ему, а следовательно, и другим апостолам и их преемникам власть отлучать упорных и неисправимых сынов Церкви от общения с нею.

Согласно этим изречениям Священного Писания, наша Православная Церковь с самого начала существования держалась и держится того убеждения, что отлучение есть божественное учреждение и что епископы, определяя такое наказание, действуют во имя и по поручению Бога. Св. Киприан не раз высказывался, что епископы имеют право и обязаны отлучать от Церкви нарушителей божественного закона, еретиков и соблазнителей верных именем Христа и по Его повелению, что они не должны обращать ни малейшего внимания ни на угрозы, ни на ненависть, ни на преследования со стороны отлучаемых и ни под каким предлогом не должны поступаться своими правами, так как они действуют в данном случае властью Христа. «Бог, – говорит он, – посредниками и служителями Которого они при этом являются, сохранит их»[997].

Блаженный Августин епископу Авксинию, отлучившему от Церкви известного Фелициссима со всем его семейством без достаточных оснований, пишет, что «он должен отменить свой приговор, потому что отлучение его противно как правосудию и справедливости, так и христианскому смирению и кротости, ибо он невинных подверг такому наказанию, которое, будучи *божественным установлением*, влечет за собой самые тяжкие последствия, касаясь не одного только тела, но и души, делая для последней сомнительной возможность спасения».

Блаженный Иероним, с употреблением буквального выражения ап. Павла, говорит: «Мне не подобает сидеть прежде пресвитера, ибо он может *предать меня сатане, во измождение плоти, чтобы дух спасти.* Как в Ветхом Завете не повиновавшийся левитам изгонялся из стана и побива-

ем был камнями, так и теперь подобного рода противник усекается мечом духовным, т. е., извергаемый из недр церковных, предается во власть и на истязание злого духа». Это место дает ясный намек на учрежденное Самим Богом (*Втор. 17, 12*) наказание смертью. Иероним ставит это наказание, по его происхождению и цели, на одну ступень с новозаветным отлучением, и это последнее понимается, следовательно, как божественное учреждение.

Прекрасно и недвусмысленно выражает эту мысль и св. Златоуст, когда, рисуя тяжелые последствия отлучения, говорит: «Пусть никто не презирает узы Церкви, ибо вяжущий здесь не человек, но Христос, даровавший нам эту власть, и Господь, сподобивший людей такой высокой чести».

Так как Церковь право отлучения всегда понимала как право, дарованное ей Самим Христом, то она, следуя примеру апостолов, с самого основания своего, делала из этого права практическое употребление. Папа Виктор отлучил еретика Феодота-священника[998]. Монтан и его приверженцы были подвергнуты запрещению малоазийскими соборами[999], а Маркион, сын понтийского епископа, за тяжкий грех нецеломудрия отлучен был от церковного общения отцом своим. Все эти факты относятся ко II веку, и едва ли нужно замечать, что впоследствии времени, когда все более и более росло число верующих членов, все более и более ослабевала ревность по вере и упадала первоначальная нравственная чистота в их жизни, употребление этого наказания становилось все чаще и чаще.

Хотя невольное, но несомненное доказательство того, что церковное отлучение есть божественное учреждение, дает, наконец, и протестантская церковь. Исходя из того положения, что в учении и практике церковной можно принимать и оправдывать только то, что основано на Священном Писании, она употребляет отлучение как живую часть церковной дисциплины, как средство к сохранению последней. Как сам Лютер[1000], так и Кальвин[1001], на основании приведенных нами мест Св. Писания, также признавали божественную инициативу отлучения, как и наша Православная, а затем и католическая Церковь. Согласно с последними и они приписывали ему те же самые действия, свойства и силу[1002].

Символические книги протестантской церкви также высказываются за соблюдение отлучения, а в церковных постановлениях различных стран встречаются нередко предписания даже и о том, как, каким способом и порядком оно должно совершаться, и какими словами должен произноситься приговор о нем.

Если все, сказанное нами доселе, приводит нас к заключению, что отлучение состоит в совершенном устранении от Церкви, что оно основывается не на естественном только праве, но учреждено Самим Христом, то

этим далеко не исчерпывается понятие и содержание этого наказания. Оно состоит не в одном только внешнем изъятии или отделении от общества верующих, но сопровождается несравненно более важными последствиями и действиями – последствиями духовно-нравственного свойства.

Установив отлучение словами: *аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь,* Господь наш Иисус Христос присоединяет к этому такие знаменательные слова: *аминь бо глаголю вам, елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси* (Мф. 12, 18). Таким образом, здесь идет дело о таком приговоре церковного суда, о таком наказании, действие и границы которого шире, чем судебные решения мірских властей, – наказании, переходящем за пределы земного бытия, наказании, касающемся души, которое, будучи произнесено на земле, имеет подтвердиться, остаться в своей силе и на небе.

Внутренняя действенность отлучения не такова, конечно, чтобы оно само по себе, независимо от нравственного состояния отлучаемого, отделяло от Бога и лишало божественной благодати. Грех и произведенное им разобщение с Богом есть необходимое предположение действительного отлучения.

Внутренняя сущность последнего состоит в том, что оно подвергает грешника, и без того разобщенного с Богом, еще большей опасности и к одному его несчастью прилагает новое несчастье. Ибо оно лишает человека той помощи и благодати, которые Церковь предлагает всем своим собратьям. Оно отнимает у него те блага и преимущества, которые приобретены им в таинстве св. крещения. Оно совсем отсекает его от церковного организма. Для отлученного чужды и не действительны уже заслуги и ходатайства святых, молитвы и добрые дела верующих. Ему недоступно принятие Св. Таин, он лишен и тех благ, которые отсюда изливаются на верующих чад Церкви. Он оторван от Христа и Его живого тела, от Его искупительных заслуг и тех благодатных средств, какие доставляют они человеку.

Грешник и безбожный нечестивец, пока его не коснулось еще отлучение, все еще член Церкви, и хотя он сам по себе уже не участвует в ее благодати, но молитвы, нравственные заслуги и добродетели его собратий могут исходатайствовать ему снова Божию милость и благоволение; отлученному же недоступна и эта косвенная помощь, он исключительно предоставлен самому себе и, лишенный благодатных средств, всегда присущих Церкви, без опоры и помощи, без защиты и обороны предан во власть лукавого. Таково, по своему свойству, наказание отлучения, – наказание, поистине, тяжкое и страшное. Будучи наложено на земле, оно не слагается и на небе; начавшись во времени, оно продолжается вечно.

С такой, а не с другой точки зрения рассматривала Церковь всегда сущность отлучения; такие, а не иные она всегда признавала за ним действия и характеристические свойства. Уже апостол Павел прекрасно выражает это как παραδοῦναι τῷ σατανᾷ, как передача, вручение сатане; ибо как внутри Церкви господствует Христос, и верующие члены ее находятся под Его покровительством, так и вне ее – царство лукавого, где господствует сатана. Изверженный из Церкви подпадает его жестокому господству без высшей помощи и защиты, как некогда дохристианское человечество, испытывает его козни и искушения и все более и более опутывается узами греха.

Не менее удачно и метко сравнивают Св. Отцы[1003] наказание церковного отлучения с изгнанием Адама и Евы из рая. Как прародители наши, преступлением заповеди навлекшие на себя гнев Божий, изгнаны были из того места, где доселе беседовал с ними Бог, и, лишенные божественной благодати, предоставлены были во всех жизненных приключениях и вражеских искушениях исключительно своим собственным силам, так и изверженный из Церкви, где он находился в живом общении с Богом, безпомощный, обезоруженный передается во власть темных враждебных сил диаволу.

Далее, наказание отлучения у Св. Отцов Церкви нередко называется духовной смертью, по сравнению его со смертью телесной. Когда так называют они отлучение, то в основании этого выражения лежит то представление, что душа, лишенная церковной благодати, высшей помощи и божественной защиты, постепенно изнемогает в борьбе со злом и, в случае закоснения в состоянии греха и нераскаянности, лишается возможности исправиться или, что то же, нравственно умирает; что, как меч, полагает конец телесной жизни, так исторжение из Церкви в последней инстанции влечет за собой смерть духовную[1004].

Ту же самую мысль хотят, наконец, выразить отцы Церкви, когда представляют отлучение от Церкви как первообраз, как начало будущего страшного суда Божия[1005]. Ибо когда отлученный коснеет в своей нераскаянности и без помощи благодати все дальше и дальше удаляется от Бога, все глубже и глубже погружается в бездну греха, то это может кончиться только совершенной и вечной погибелью, и наказание отлучения действительно является здесь началом и, так сказать, приступом божественного суда.

Кто в состоянии понять, что значит быть членом Церкви, находиться в живой, органической связи с телом Христа и участвовать через это во всех благодатных дарах и благах Его искупления, тому само собой будет понятно, почему отлучение от этого спасительного общения Церковь во все времена понимала как самое большое и самое тяжкое

наказание. Святой Иоанн Златоуст кратко обозначает его как τιμωρία πασῶν τιμωριῶν χαλεπωτέρα, а Августин называет его damnatio, qua poena in ecclesia nulla major est[1006], т. е. таким наказанием церковным, более которого не может быть.

Сообразно такому воззрению на сущность и значение отлучения, Церковь, прибегая к этому тягчайшему из всех наказаний (poenarum omnium gravissima) только в самой крайней нужде, когда не виделось уже никакого другого исхода, всегда действовала, по слову св. апостола, с великой скорбью, *с тугою сердца и многими слезами (2 Кор. 2, 4)*. Как некогда оглашенного, по принятии им св. крещения – этого величайшего из всех благ Церкви, – братия встречали с радостью и ликованием и благожелательно приветствовали как нового друга и сотоварища, так, напротив, отлучение от Церкви, лишающее права на общение с отлучаемым, совершалось всегда с глубокой скорбью и слезами[1007].

Из многих фактов, слу́жащих подтверждением этой мысли, мы приведем здесь следующие два. Собор Ефесский в приговоре своем против Нестория говорит: «Вынужденные правилами и посланием св. отца нашего и сослужителя Келестина, епископа Римской Церкви, с великими слезами приступаем к этому печальному против него решению. Поносимый Несторием Господь Иисус Христос, в лице настоящего собора, определяет, чтобы он (Несторий) лишен был епископского сана и всякого священнического сообщества».

Таков же по внутреннему своему содержанию и характеру и приговор Константинопольского собора, произнесенный над Евтихием. Он гласит: «Того ради, скорбя и оплакивая его полное заблуждение и непокорность, мы, во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которого хулит он (Евтихий), определили отрешить его от всех священнических прав и обязанностей, отлучить его от нашего общества и лишить должности монастырского настоятеля. Всякий, кто будет иметь с ним сношение, пусть знает, что и он подвергнется такому же отлучению» (Harduin. 11. P. 163).

Но хотя отлучение, как видно и сказанного, есть самое большое и самое тяжкое из всех церковных наказаний, хотя оно отнимает у отлученного закоснелого грешника все духовные блага, приобретенные им через святое крещение, однако Церковь, подвергая его этому наказанию, отнюдь не имеет целью отрезать ему, так сказать, путь к спасению и причинить верную погибель, но, наоборот, хочет привести его к этому спасению, возвратив на истинный путь. Церковь, скажем словами апостола, получила право отлучения *для назидания, а не для разорения (2 Кор. 13, 10)*. В этом случае она действует как наместница Того, Который приходил не погубить души человеческие, но спасти их[1008]. Что Церковь при отлучении

имеет своей целью прежде всего исправление и спасение отлучаемого, это не раз и весьма ясно засвидетельствовано в Священном Писании. Так, апостол Павел предал коринфского кровосмесника сатане в изможднение плоти, *чтобы спасти дух его.*

Каким же образом может совершиться это спасительное действие отлучения? Каким образом изможднением плоти можно спасти душу? В ответ на этот неизбежный и насущный вопрос нужно помнить, что грешник, отлученный от Церкви, вообразив всю великость наказания и несчастия, постигшего его, представив себе ту страшную бездну, в которую низринут он, те опасности, которыми угрожает ему отторжение от недр Церкви и тела Христова, не может не отрезвиться и не придти к сознанию своего печального положения и не восчувствовать глубокой скорби. А эта скорбь, это сознание, естественно, должны подавить в нем те страсти и порочные чувственные наклонности (изможднение плоти), коими он навлек на себя это наказание, должны переломить его упорство и сопротивление, которым он отвечал на все требования Церкви. В этом случае он, так сказать, вынужден бывает переменить превратный образ своей жизни и мыслей и в чувствах раскаяния возвратиться в недра Церкви, чтобы испросить прощение, сделаться снова участником благодати и таким образом спасти свою душу, как это действительно и было с коринфским кровосмесителем, который, принесши чистосердечное раскаяние, снова был принят в общение с Церковью.

В таком же точно смысле говорит апостол и об Именее и Александре, что он предал их сатане, *дабы научились они не богохульствовать (1 Тим. 1, 20);* т. е. он при отлучении их имел в виду привести их к сознанию своей вины и заставить изменить свой преступный образ мыслей, выражавшийся преимущественно в хуле на Христа и христианскую веру, – словом, отлучить их с тем, чтобы, подобно коринфянину, спасти их души. Наконец, когда апостол Павел пишет к солунянам: *аще же кто не послушает словесе нашего, посланием его назнаменуйте, и не примешайтеся ему, да посрамится (2 Сол. 3, 14),* то этим хочет сказать, что противящихся его постановлениям должно отлучать от Церкви и прерывать с ними всякое общение, дабы они пришли к сознанию своего беззакония и подчинились его требованиям.

Так как в Священном Писании отлучение везде представляется как средство исключительно исправительное, то и Церковь во все времена признавала за ним то же самое значение и применяла его к делу с той же самой целью. Рассуждая о цели отлучения, Иоанн Златоуст, между прочим, замечает, что апостол Павел не всецело отдал кровосмесника во власть сатаны (последнего он употребил как орудие для достижения своей

цели – исправления грешника), т. е. чтобы отлученный под властью врага человеческого рода очнулся, пришел в себя и, по принесении покаяния, снова был принят в Церковь как живой член ее. «Велико наказание отлучения, но еще больше его польза: то – только временное и мимолетное, а это – простирается в вечность». Равно и блаж. Августин не раз и самым явственным образом отмечает исправление виновного как самую главную цель отлучения. Оно есть самое тяжелое наказание, какое только может касаться христиан; однако, употребляя его, Церковь действует отнюдь не по страсти гнева и мести, но проникаясь той любовью и жалостью, какая присуща бывает сердцу пастыря при похищении из его стада овцы. Ее деятельность в этом случае, как справедливо замечает Августин, есть «misericors severitas».

Впрочем, при определении наказания отлучения внимание церковной власти обращается не на одно только лицо отлучаемого, но также и на честь Церкви и благо ее членов. Так как честь и достоинство Церкви первее всего состоит в том, чтобы члены ее чистотой своих нравов, высоконравственным, безупречным образом жизни доказывали истинность своей религии и божественность ее происхождения, то, по мере развития между ними беззаконий и порока, она теряла бы свой авторитет и уважение, и тем более унизила бы свое достоинство, если бы стала держать в своих недрах или, по крайней мере, оставлять безнаказанными отъявленных и грубых грешников. Вот почему, не желая ронять своего достоинства и давать лишнее против себя оружие в руки врагам своим, Церковь всегда считала и считает своим долгом упорных и неисправимых грешников подвергать формальному отлучению. Этот мотив для определения отлучения весьма естествен и понятен для каждого. Хотя он и не в такой мере, как другие, обезпечивается и подтверждается историческими данными, однако ж не может подлежать никакому сомнению то, что он во многих случаях был главным и решительным основанием при определении этого наказания; ибо кому не известно, с какой неослабной заботливостью Церковь, вопреки язычникам, старалась сохранить доброе о себе мнение и как высоко она держала знамя своей чести во всех отношениях?

В подтверждение этой мысли можно указать на один исторический факт. Когда епископ Евкратий обратился к св. Киприану с вопросом: должно ли некоего лицедея, учившего своему искусству детей, терпеть в обществе и иметь с ним сношение, то последний отвечал, что это не согласно ни с величием Божиим, ни с требованием Евангелия, так как через такое сношение *страдает честь Церкви.* Епископ должен всячески убеждать его оставить такое занятие. Если же он, прекратив это занятие, впадет в бедность, то христианское общество доставит ему необходимые средства к жизни. Буде же для него это невозможно,

то пусть идет он в Карфаген для пропитания, дабы вместо того, чтобы учить других греховному делу, он сам научился здесь тому, что служит к его спасению[1009].

Третья цель, преследуемая Церковью при отлучении от общения с собою публичных грешников, есть благополучие и предохранение от опасности заразы остальных членов ее. Как в каждом обществе пороки и преступления одного, при их безнаказанности, легко делаются предметом соблазна и подражания и для других и, распространяясь более и более, наносят существенный вред целому, так и в Церкви дурной пример одного может заражать и распространяться и на других. Общественный порядок и дисциплина легко могли бы поколебаться, и нравственно-религиозная жизнь более слабых чад ее могла бы подвергнуться большой опасности, если бы она не стала отсекать вредных и зараженных нравственной болезнью членов своих и не предохраняла от нее здоровых.

Эту мысль выразил еще апостол, когда он коринфскому обществу и его представителям, которых побуждал он к отлучению кровосмесника, поставил такой вопрос: *ужели не знаете вы, что малая закваска квасит все тесто (1 Кор. 5, 6);* т. е. я настаиваю, как бы так говорит он, отделить преступника от вашей среды потому, что грех одного, как свидетельствует опыт, слишком легко переходит и к другому, – он, как язва заражает и других, когда не бывает удаляем от соприкосновения с ними.

Эту мысль повторяют затем и отцы Церкви. Св. Иоанн Златоуст, объясняя настоящее место послания к Коринфянам, замечает, что при отлучении имеется в виду не одна только личность отлучаемого, но и вся Церковь: ибо только таким образом можно предотвратить от нее опасность заразы; так как преступление одного, в случае безнаказанности, тотчас же передается и всей Церкви и подвергает ее разрушению[1010].

Св. Киприан пишет епископу Помпонию[1011], чтобы он отлучил от Церкви девиц, нарушивших обет целомудрия, равно как и их соблазнителей, и никогда не принимал бы их обратно, если они не исправятся, ne exemplum, продолжает он, exeteris ad ruinam delictis suis facere ibcipiant, т. е. чтобы они дурным своим примером не вовлекли в подобное преступление и других.

Блаженный Августин говорит[1012] также, что на пастырях Церкви лежит обязанность отделять больных овец от здоровых, чтобы яд заразы не перешел и на здоровых. «Тот, – говорит он, – для Которого нет ничего невозможного, исцелит через это отделение и больных».

Папа Иннокентий I, одобрив и подтвердив решение африканских епископов, которым отлучены были от церковного общения пелагиане, прибавляет: «Если бы они еще надолго оставались в Церкви безнаказанными, то неизбежным следствием этого было бы то, что они вовлекли бы в свое

заблуждение многих невинных и неосторожных членов ее. Последние могли бы думать, что проповедуемое ими учение – православное, так как они были еще членами Церкви. Потому-то больной член и отсекается от здорового тела, чтобы сохранить то, чего еще не коснулась зараза».

А в постановлениях апостольских (*кн. II, 7*) говорится: «Овца шелудивая, если не отлучена от здоровых овец, передает болезнь свою другим, и человек, зараженный язвой, страшен для многих... Посему, если и мы не отлучим беззаконного человека от Церкви Божией, то сделаем дом Господень вертепом разбойников». И церковное законодательство, таким образом, понимает отлучение как средство сохранять членов ее, еще не поврежденных заразой, и путем страха, возбуждаемого в них тяжестью этого наказания, удерживать их от тех преступлений и пороков, которые навлекают его. Это точка зрения дает себя здесь замечать самым ощутительным образом.

Все эти указанные мотивы и соображения, руководящие Церковью при определении наказания отлучения, в большинстве случаев соединяются между собою и все вместе действуют на волю отлучающего. Но обстоятельства иногда слагаются так, что одна цель берет перевес над другой, причем эта последняя отступает на задний план, так что из двух или трех целей достигается только одна[1013].

В заключение всего сказанного нами сделаем общий вывод и дадим общее понятие о церковном отлучении. Соединив все, что доселе сказали мы о сущности и значении отлучения, в одно общее представление, мы получим такое определение его: Оно есть *отторжение от внешнего и внутреннего общения с Церковью,* основанное на естественном и божественном праве, *совершенное лишение всех средств к спасению, приобретенных в св. крещении, отсечение* от живого тела Иисуса Христа и *низведение отлученного в состояние неискупленного человека;* оно есть *самое тяжкое из всех церковных наказаний, употребляемое с целью исправить виновного, поддержать честь и достоинство церковного общества и предотвратить от прочих членов его опасность соблазна и заразы.*

Митрополит ВЛАДИМИР,
Московский и Коломенский

ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО «ПОСТАНОВЛЕНИЯМ АПОСТОЛЬСКИМ»

Книга «Постановлений Апостольских» по характеру и составу содержания представляет собой сборник наставлений, обнимающих собою все стороны христианской религиозно-нравственной жизни. Она дает подробные наставления (διδασκαλια) и предписания (διατάγαι) относительно благоповедения христиан вообще, об их обязанностях сообразно их положению в Церкви, дает наставления относительно богослужения, церковного управления и пр. Словом, из этой книги можно почерпнуть очень подробные сведения, как вообще о состоянии христианской Церкви в эпоху появления самой книги, так, в частности, и об отдельных сторонах церковной жизни того времени. Что касается самой эпохи, к которой относится «книга Постановлений Апостольских», то на основании некоторых внешних свидетельств, а также на основании ее содержания, можно сделать довольно основательное заключение, что «Постановления Апостольские» очень древний памятник христианской письменности, и церковная жизнь изображается в них так, как она слагалась к концу III века. Вот почему книга «Постановлений Апостольских» является для христианской богословской науки очень важным источником, из которого можно заимствовать ценные сведения по вопросам чисто догматического, нравоучительного, канонического и литургического характера.

Оставляя в настоящее время в стороне другие предметы и вопросы, которые затрагиваются в этой книге, мы обратимся к рассмотрению и изложению ее только чисто литургического содержания.

Если принять во внимание свидетельства некоторых отцов и учителей IV века, например, Епифания[1014], который пользовался этой книгой в своем сочинении о ересях, Евсевия[1015], Афанасия Великого[1016] и еще 85 пр. Апостольского, которое упоминает об этой книге, как о «*почтенной и святой*» (βίβλια σαίβασμία και ἅγια), то можно сделать естественное заключение, что литургическое содержание этой книги характеризует нам церковно-богослужебную практику, как она сложилась к началу IV века. В этом отношении книга Постановлений Апостольских, знакомящая с богослужением столь древнего времени, получает для нас особенный интерес. Теперь очень часто со стороны сектантов и лиц, враждебно настроенных к Церкви, приходится слышать упреки по адресу богослужебного строя Православной Церкви, будто бы он чрезвычайно осложнился совершенно ненужной и скрупулезной регламентацией и необходима большая свобода в этой стороне церковной жизни ради самого духа и настроения христианского.

Вот эти-то упреки и оказываются совершенно несправедливыми, если сделаем исторические справки из области христианского богослужения; оказывается, Церковь с первых же времен своего существования всегда стремилась к развитию и строгой регламентации богослужебной стороны своей жизни, и наш богослужебный строй весь покоится на древнем. Памятником такой регламентации богослужебного строя и служат 8 книг «Постановлений Апостольских». В них говорится не только о составе общественного богослужения, но изображается решительно вся церковно-богослужебная практика, и при том очень подробно. Священные времена, места, лица, виды общественного и частного богослужения, состав, чинопоследование и самые образцы молитв, все это описывается и излагается в разных книгах этого памятника с большей или меньшей подробностью.

При этом первые шесть книг, несомненно, изображают церковно-богослужебную жизнь, как она является постепенно с начала III века до его половины, так как образ богослужения в них тот же самый, какой можно встречать в свидетельствах Иустина, Тертуллиана, Киприана и др. Вообще, состояние Церкви и христианства здесь такое, как оно известно к этому времени по другим памятникам.

Особенность литургического содержания первых шести книг Постановлений Апостольских та, что писатель, изложив подробно христианскую «πολιτεία»[1017], относительно священнодействий описал только внешний вид их и порядок, таинственную же сторону, например, молитвенные образцы для литургий и других служб, обошел молчанием. Седьмая книга, подтверждая литургическое содержание первых шести книг, точнее определяет некоторые литургические пункты, приводя образцы литургических и других молитв (7 кн. Глл. 25, 26, 27, 30 и пр.) и подробное чинопоследование некоторых таинств. Что касается восьмой книги, то по характеру своего литургического содержания она представляет собой как бы служебник, предназначенный для священнослужителя в руководство при совершении богослужения. В ней излагается не только уже порядок и состав богослужения, но молитвенные образцы для литургий и других священнодействий, и она является как бы завершением богослужебной практики III века, так как и самое ее происхождение вместе с седьмой книгой вернее всего относить к началу уже IV века.

Что же говорят эти книги Постановлений Апостольских о церковно-богослужебной стороне жизни христиан той эпохи.

Основная точка зрения Постановлений Апостольских на христианское богослужение та, что в нем именно осуществляется основная идея Церкви как тела Христова (**2 кн.** 59 гл.). Отсюда общественное богослужение делается обязательным для всех христиан, так как через удаление от него *«увечится Церковь» и тело Христово делается без члена*; вот почему вто-

рая книга Постановлений Апостольских предписывает совершать богослужения и собираться на молитву ежедневно утром и вечером (**2**; 36, 59 и 60). Восьмая книга Постановлений Апостольских точнее и подробнее определяет этот круг обыкновенных ежедневных или суточных времен общих богослужебных собраний. Здесь временем для молитвенных богослужебных собраний назначается не только утро и вечер каждого дня, но часы: третий, шестой и девятый, время «петлоглашения», причем указываются и сами основания для молитвы в это именно, а не в другое время, основания те же самые, которые представляет Церковь и теперь (**8**; 34). Кроме этого ежедневного или суточного круга священных, богослужебных времен Постановления Апостольские назначают для богослужебных собраний еще особые времена, известные дни недели и года. Они, таким образом, устанавливают особый недельный и годичный круг священных времен, или церковных праздников, которые особенно должно посвящать богослужению. Из дней недели суббота и воскресенье, в силу соединенных с ними особенно важных для человека воспоминаний, должны быть преимущественно посвящаемы богослужению (**2**; 59) с «большим тщанием», нежели другие дни недели (**5**, 20; **7**, 23 и **8**, 33). «Особенно же сходитесь туда (в церковь) с большим тщанием в день субботний и в день воскресения Господня, т. е. в день Господень» (**2**, 59) – предписывают Постановления Апостольские верующим.

Среди годичных священных времен, или праздников, первое место в Постановлениях Апостольских отводится празднику Рождества Христова в 25-й день девятого месяца (декабря) и Богоявлению в 6-й день десятого месяца (января) (**5**, 13; **8**, 33). Подобное разделение во времени этих двух праздников, составлявших сначала один, может служить подтверждением, что указанная богослужебная практика Постановлений Апостольских относится не ранее как к III веку. На это же самое время указывает предписание Постановлений Апостольских о времени и образе празднования особенно важного для христиан праздника Пасхи. Праздновать Пасху предписывается «с точностью и со всем рачением после весеннего равноденствия» (**5**, 17), бывающего «в двадцать второй день двенадцатого месяца, дистроса (марта)» так, чтобы день воскресения Господа праздновался не в иной день, а в день Господень (Там же). Самое празднование должно происходить так: «На рассвете первого дня после субботы, который есть день Господень, оставляйте пост, с вечера до пения петухов бодрствуя, и собравшись вместе в церкви пребывайте во время обнощевания вашего в бдении, молитвах и прошениях к Богу, читая до пения петухов закон, пророков, псалмы и крестя оглашенных своих и, прочитав евангелие и предложив беседу народу об относящемся к спасению, прекращайте сетование и молитесь Богу... приносите жертву, оставьте пост, веселясь и празд-

нуя...» (**5**, 19). Всенощное бдение, о котором здесь говорится, было еще во времена Тертуллиана.

Пасха является как бы средоточием праздников, и от нее высчитывается в Постановлениях Апостольских время для новых праздников, как то: спустя 8 дней – Фомино Воскресенье (**5**, 19), через сорок дней от Пасхи – Вознесение (**5**, 19; **8**, 33), через десять дней от Вознесения – Пятидесятница и седмица, следующая за Пятидесятницей (**5**, 20; **8**, 33). Восьмая книга Постановлений Апостольских упоминает еще о «днях апостолов» и о дне первомученика Стефана и прочих святых мучеников (**8**, 33). «Во дни апостолов, – говорится здесь, – да не работают. В день Стефана первомученика и прочих св. мучеников, предпочетших Христа своей жизни, да не работают» (**8**, 33).

Все указанные священные времена круга недельного и годового являются по Постановлениям Апостольским днями духовного торжества и радости, и в них запрещается работать и поститься (**8**, 33; **5**, 17-20). Но, кроме этих священных времен торжества и радости, в Постановлениях Апостольских указываются еще также недельные и годовые времена сетования и поста. Сюда относятся: среда и пяток каждой недели, так как в первую «последовало осуждение Господа», а во вторую «Господь потерпел страдание» (**7**, 23; **5**, 20); святая четыредесятница (**5**, 13), страстная седмица, иначе «седмица Пасхи» (**5**, 13), вторая по счету седмица после Пятидесятницы (**5**, 20), причем делаются подробные указания о самом образе поста (**5**, 18-19). В таком виде представляется по Постановлениям Апостольским круг ежедневных, недельных и годовых священных времен.

К этому нужно еще прибавить указание Постановлений Апостольских на дни поминовения усопших: 3-й, 9-й и 40-й, годичный день смерти, посвящаемые молитвам и благотворению. «Совершайте же третины почивших в псалмах, чтениях и молитвах ради Воскресшего в 3-й день, и девятины... и сорочины... и годины о памяти почившего», так указывают Постановления Апостольские (**8**, 42). Что касается места, куда должны были собираться верующие для богослужения, то из Постановлений Апостольских видно, что для этого специально предназначены были особые молитвенные здания «церкви» (**2**, 57; **6**, 30; **8**, 34).

Вторая книга Постановлений Апостольских подробно описывает самый внешний вид и внутреннее устройство, какое должны иметь здания, предназначенные для богослужения. Своим устройством молитвенное здание должно представлять подобие корабля, соответственно взгляду на самое общество христиан как на корабль, управляемый епископом (**2**, 57). Внутреннее устройство храма применялось к потребностям богослужения и к существующему разделению членов церкви на

клир и мірян (2, 25, 27). «Прежде всего, говорится в Постановлениях Апостольских, здание да будет продолговато, обращено на восток, с притворами по обеим сторонам к востоку, подобно кораблю». Под притворами, очевидно, разумеются отделения для жертвенника и для ризницы – диаконник (διακονικόν). Насколько можно заключать из дальнейшего описания устройства церкви, внутри она разделялась на две части. В первой находился за богослужением клир, причем для епископа престол был поставлен на середине, а по обеим сторонам его сидели пресвитеры и стояли диаконы. «По их же (диаконов) распоряжению в другой части здания пусть сядут міряне со всем безмолвием, а женщины отдельно..; «в середине же чтец, став на некотором возвышении» для чтения книг Св. Писания (2, 57). План и устройство храма, указанный Постановлениями Апостольскими, тот же самый, какой указывается Тертуллианом и Киприаном для храма их времени и, очевидно, указывает на литургическую практику начала III века, так как не указывается еще определенного места для оглашенных и кающихся разных степеней.

Впрочем, церковь, как здание нарочито устроенное и приспособленное к общественному богослужению, не была единственным и исключительным местом богослужебных собраний. «Если, – говорится в 8-й книге, – по причине неверных невозможно идти в церковь, то ты, епископ, сделай собрание в доме» (8, 34). Очевидно, здесь имеется в виду простой, обыкновенный жилой дом, в отличие от церкви как здания, специально назначенного для богослужения. Кроме того, местом богослужебных собраний служили по Постановлениям Апостольским еще усыпальницы – места погребения усопших, где можно было совершать то же самое, что и в церкви (6, 30).

В чем же выражалось и из чего состояло общественное богослужение, для которого верующие по Постановлениям Апостольским должны были в указанное время собираться в церковь?

Общие составные части общественного богослужения были определены уже в век апостольский и они же указываются и Постановлениями Апостольскими, а именно: чтение Св. Писания, толкование его и поучение, молитвы, песнопения и совершение таинства евхаристии (2, 39, 57-59; 6, 30; 8, 35). Но так как Постановления Апостольские относятся уже по своему литургическому содержанию к III веку, то вполне естественно поэтому находить в них и более точное и подробное определение литургического состава различных видов богослужения, а равно и порядка, в котором следовали составные части богослужения, т. е. чина богослужебного.

Первоначальная основа и состав утреннего и вечернего богослужения, для которого верующие должны собираться в церковь ежедневно, указы-

ваются во второй книге Постановлений Апостольских и заключаются в чтении утром псалма 82-го, а вечером 140-го. «Собирайтесь утром и вечером на пение и молитву в зданиях Господних – утром говоря псалом 82-й, а вечером 140-й», – говорится в Постановлениях Апостольских (**2,** 59). В седьмой книге помещены уже два особых славословия, из которых одно, по всей вероятности, было утреннее, а другое вечернее. Славословие, находящееся в 47 гл. 7 кн., очень похоже на наше великое славословие и могло быть читаемо утром; в состав другого (**7,** 48) входит молитва «Ныне отпущаеши», и оно могло читаться вечером, как и теперь эта молитва читается тоже вечером.

Эта первоначальная простота состава вечернего и утреннего богослужения с течением времени значительно осложнилась и приняла более развитую форму, доказательством чего служит восьмая книга Постановлений Апостольских. Здесь вечернее и утреннее богослужение излагается с большей подробностью и представляет более полный и образованный литургический состав. «Когда настанет вечер, – говорится здесь, – ты, епископ, собери церковь и после того как скажут светильный псалом (140), диакон пусть возгласит об оглашенных, и обуреваемых, и просвещаемых, и кающихся». По отпусте этих последних совершается молитва верных: диакон произносит особую ектению, а после него епископ читает особую молитву, содержание которой, а равно и ектении изложено в 36-37 глл. 8 кн. После молитвы епископа диакон делает возглас: «Приклонитеся к руковозложению», а епископ читает новую молитву «Боже отцев»... по окончании которой диакон говорит «Изыдите в мире» и после заканчивает вечернее богослужение (**8,** 35-37). Точно такой же состав и порядок указывается и для утреннего богослужения, с тем только различием, что содержание молитв другое, приспособленное ко времени дня (**8,** 37-39). Нельзя не заметить, что богослужение вечернее и утреннее, как оно изложено в 8-й книге приспособлено к дисциплине III века, когда установлены разные степени оглашенных и кающихся: оно делится на две части и только за первой из них присутствуют оглашенные и кающиеся, а потом после молитвы уходят.

Из указанного в Постановлениях Апостольских состава вечернего и утреннего ежедневного богослужения видно, что совершение евхаристии как будто не было составной частью ежедневного богослужения, а является, как это можно видеть из **5,** 17, 19; **7,** 30; **2,** 59, принадлежностью только субботы, дня воскресного и других Господских и Богородичных праздников. «Особенно же сходитесь туда (в церковь) в день субботний и в день воскресения Господня, – говорится в Постановлениях Апостольских, – ибо чем оправдается перед Богом тот, кто не хо-

дит... в такой день, когда и три моления совершаем, и когда бывают чтения пророков, и проповедь Евангелия, и приношения жертвы, и дары священной снеди» (**2**, 59). Как принадлежность дней праздничных, совершение евхаристии или литургия, получило более торжественную форму и определенное, подробное чинопоследование.

Чин литургии излагается в Постановлениях Апостольских два раза. В первый раз он встречается в 57 гл. второй книги, где представлен только самый общий состав и порядок различных частей литургии. В восьмой книге представлен не только состав и порядок, но полные формулы молитв литургии. Но при различии в полноте чинопоследования литургии Постановлений Апостольских, как во второй книге, так и в восьмой представляется одинаково состоящей из двух частей: общей, или литургии оглашенных, и частной, или литургии верных.

Состав первой, литургии оглашенных, представляется в обеих книгах одинаковым и начинается она как в той, так и в другой книге чтением Св. Писания. Читаются сначала книги Ветхого Завета в количестве двух чтений из закона и пророков (**2**, 30, 57; **8**, 5), а потом уже книги новозаветные. При этом между чтением ветхозаветных и новозаветных книг полагается еще пение псалмов Давида в ипофонной форме. «Когда совершается два чтения (из Ветхого Завета), – говорится в Постовлениях Апостольских, – другой кто-либо пусть поет песни Давидовы, а народ пусть подпевает последние слова стихов. После этого пусть читают Деяния наши и послания Павла, сотрудника нашего; а после этого диакон или пресвитер пусть читает Евангелия» (**2**, 57). После чтений из ветхозаветных и новозаветных книг, разделяемых пением псалмов, в обеих книгах Постановлений Апостольских указывается произносить поучение на писания (**2**, 54, 57) или проповедь-назидание (**8**, 5). Произносят проповедь сначала пресвитеры поодиночке, а потом уже епископ (**2**, 57). Во второй книге Постовлений Апостольских это поучение следует непосредственно после чтения Евангелия: «Затем (после Евангелия) пресвитеры, поодиночке, и не все вдруг, пусть увещевают народ, а после всех их епископ» (**2**, 57). Между тем восьмая книга указывает еще, чтобы новорукоположенный епископ[1018], который должен первый говорить поучение: сначала сказал приветствие церкви: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа»... и после этого уже говорил «назидание» (**8**, 5). Проповедью и заканчивается во второй книге Постановлений Апостольских литургия оглашенных.

«После этого, все вместе встав и смотря на восток, по выходе оглашенных и кающихся, пусть молятся Богу, возшедшему на небеса небес, на восток» (**2**, 57): этой молитвой и начинается литургия верных[1019]. «После молитвы одни из диаконов занимаются приношением евхаристическим, служа телу Господню со страхом; другие следят за народом. Диакон же,

стоящий около первосвященника, говорить народу: «Да никто на кого, да никто в лицемерии». После сего следует взаимное лобзание верующих, молитва (ектения) диакона о всей Церкви и міре, о плодах земли; первосвященник, испрашивая народу мир, благословляет его словами из книги Чисел (*6, 24 - 26*) «да благословит тебя Господь»... и молится говоря: «спаси люди Твоя, Господи»...и след. слова (*Пс. 27, 8; Деян. 20, 28; 1 Петр. 2, 9*), после чего возносится самая жертва при стоянии и безмолвном молении всего народа». А когда принесут ее (жертву), каждый член особо пусть причащается тела Господня и драгоценной крови в порядке с почтением и благоговением» (**2**, 57). Этим и заканчивается во второй книге Постановлений Апостольских чин литургии.

Он совершенно согласен с тем описанием литургии, какое делает в своей апологии Иустин-мученик[1020], но некоторые частности, например, ипофонная форма пения псалмов, на которую есть указание у Тертуллиана, указывают на более позднейшее, сравнительно с Иустином, время, по всей вероятности на первую половину III века.

Чин и последование литургии верных в восьмой книге Постановлений Апостольских значительно отличается от литургии второй книги и большей сложностью, и подробностью, и прибавлением новых возглашений.

Различие от литургии второй книги замечается еще в окончании литургии оглашенных по восьмой книге. В то время как во второй книге после проповеди прямо начинается общей молитвой литургия верных по выходе оглашенных и кающихся (**2**, 57), в восьмой книге Постановлений Апостольских следует еще целый ряд действий и молитв, соответствующих вполне развитому состоянию катехумената. По окончании учительного слова происходит постепенное высылание из храма лиц, которые не могли присутствовать при совершении евхаристии, и прежде всего высылаются кающиеся низшей степени – слушающие и соответствующие этой степени разряд оглашенных – неверные. «Диакон, – говорится в восьмой книге, – после поучений, взошед на возвышение, пусть возглашает: «да никто от послушающих, да никто от неверных» (**8**, 5). «Когда же наступит тишина, пусть говорить он: «помолитеся оглашенные» и все верующие пусть молятся о них говоря: «Господи помилуй» (**8**, 6). Диакон продолжает возглашать прошения об оглашенных, по окончании которых «епископ пусть благословит их таким благословением: «Боже Вседержителю»... (**8**, 6), после него диакон снова произносит: «изыдите оглашенные в мире». По их выходе точно таким же порядком происходит высылание «одержимых нечистыми духами», «просвещаемых» и кающихся (**8**, 6, 7, 8). Высыланию предшествует молитва за них, произносимая диаконом, на которую верующие отвечают: «Господи, помилуй» и молитвенное благословение епископа (**8**, 6-9).

После того как по особому чину будут высланы все, не имевшие права присутствовать при совершении евхаристии, начинается литургия верных и тоже общей молитвою верующих, как и во второй книге. Но тогда как во второй книге содержание этой общей молитвы не приводится, а только упомянуто, что все должны молиться, в восьмой книге она излагается целиком. По своему содержанию она обнимает собою все состояния и классы людей, а по форме представляет ектению, разделенную на прошения, которые произносит диакон (**8**, 10). Этой молитве предшествует возглас диакона: «Да никто от не могущих изыдет» (**8**, 9), который, по мнению некоторых[1021], относится к верующим, которые, хотя и имели право, но почему-либо не хотели участвовать в евхаристии, но от молитвы не могли отказаться и уходили только после этой молитвы. «Иже первую молитву сотворили, изыдите», – так указывается возглашать диакону в восьмой книге (**8**, 12). Но делают и другое толкование возгласа диакона (**8**, 9), предшествующего общей молитве верных, что он относится к лицам, не имевшим права присутствовать за евхаристией и только что высланным, и теперь им запрещается входить в церковь. Это предположение основывается на двояком чтении греческого текста этого возгласа: в одних «μήτις τῶν δυναμέων προελδετο», в других «μή προσελθέτο». Отсюда и возглас: «молившиеся первою молитвою, изыдите» (**8**, 12) – получает другой смысл, именно под «первой молитвой», по мнению Августи (Denkw. 8, 3), разумеется литургия оглашенных. Но если взять контекст речи, в котором находятся указанные возгласы, то первое мнение, по-видимому, имеет более оснований. В восьмой книге (**8**, 9) читаем: «Диакон пусть говорит: «отыдите иже в покаянии» и присовокупляет: «да никто от немогущих изыдет»... В 12-й главе восьмой книги говорится: «Диакон тотчас пусть говорит: да никто от оглашенных, да никто от послушающих, да никто от неверных, да никто от инославных. Иже первую молитву изыдите» (**8**, 12). В обоих случаях имеются в виду как будто совершенно особые классы людей. Ектения диакона, которой начинается литургия верных по восьмой книге, заключается особой молитвой епископа «Господи Вседержителю»... (**8**, 11).

Переход к самому совершению священнодействия по восьмой книге сопровождается большим количеством возглашений и действий, нежели как это излагается во второй книге. «Диакон» после указанной молитвы епископа «Господи Вседержителю»... пусть говорит: «вонмем», а епископ приветствует церковь словами: «мир Божий со всеми вами», а народ отвечает на это: «и со духом твоим». Диакон пусть скажет: «лобзайте друг друга лобзанием святым»; происходит взаимное лобзание клира, мужчин с мужчинами, женщин с женщинами: диаконы наблюдают за порядком, а иподиакон подает священникам омовение рук – знак душевной чистоты

(**8**, 11). После этого следует приношение даров к жертвеннику, как только еще приготовительный акт к самому священнодействию возношению великой жертвы. Диакон говорит: «да никто на кого, да никто в лицемерии; прости ко Господу со страхом и трепетом стояще, станем приносити». По совершении сего, диаконы пусть приносят дары епископу к жертвеннику», пресвитеры стоят по обе стороны его, двое же диаконов отгоняют рипидами насекомых, чтобы они не попали в чаши (**8**, 12).

После этого следует ряд возгласов, которые вводят в самое священнодействие таинства. Архиерей, помолившись про себя вместе со священниками и облачившись в светлую одежду, становится пред жертвенником и, сделав на челе знамение креста, возглашает: «Благодать Вседержителя Бога и любовь Господа нашего Иисуса Христа и общение Св. Духа – со всеми вами», на что верующие отвечают «и со духом твоим». Архиерей снова возглашает: «горе́ ум», ему отвечают «имамы ко Господу». После следующего возгласа «благодарим Господа» и ответа всех «достойно и праведно», первосвященник читает длинную молитву, в которой прославляет Господа за дела творения и промышления о міре вообще и о человеке в частности, окончание же этой молитвы: «Свят, Свят, Свят Господь Савао́ф»... произносит весь народ вместе (Там же). За этой молитвой читается новая, в которой первосвященник прославляет Бога за дело искупления людей, воспоминает установление Иисусом Христом таинства евхаристии, Его страдания, смерть и воскресение и молит Бога ниспослать на предложенную жертву Св. Духа, «Яко да покажет хлеб сей тело Христа Твоего и чашу сию кровь Христа Твоего», молит, далее, о церкви, о клире, о людях разного состояния и пр. (кон. 13 гл. 8 кн.), а народ заканчивает эту молитву общим: «аминь».

Так совершается освящение евхаристических даров.

После следующего за этим возгласа епископа: «мир Божий буди со всеми вами» и ответа всех: «и со духом твоим» диакон произносит ектению, в которой между прочим молится о принесенных дарах (**8**, 13), а епископ после нее читает молитву, начинающуюся словами: «Боже Великий»... Теперь сами верующие приготовляются к причащению, именно диакон возглашает: «вонмем», а епископ, обращаясь к народу, говорит: «святая святым», на что народ отвечает: «един свят, един Господь».

Самое причащение, следующее непосредственно за этим, совершается в строгом порядке, причем епископ, преподавая приношение, говорит: «тело Христово», а диакон, подавая чашу, говорит: «кровь Христова, чаша жизни» и принимающий в обоих случаях говорить: «Аминь». Во время причащения читается псалом 33-й (**8**, 13), после него благодарственная ектения диакона и благодарственная молитва епископа, после которой верующие принимают молитвенное благословение от епископа и отходят домой (**8**, 14-15).

Таково чинопоследование литургии по восьмой книге Постановлений Апостольских. Если литургия оглашенных по восьмой книге и не представляет еще особенно резкого различия с литургией оглашенных второй книги, исключая окончания, которое указывает на полное развитие катехумената и на церковную дисциплину, как она изображается у Тертуллиана, Киприана и особенно у Григория Чудотворца, то таинственная часть литургии несравненно обширнее и сложнее. Впрочем, как обширность евхаристических молитв, так и их содержание вполне согласно с тем, какое указывается у Иустина, Тертуллиана и это дает основание относить литургию восьмой книги тоже не позднее как к III веку, но только уже не к началу его, как литургию второй книги, а к концу, как более развитую и совершенную по своей форме сравнительно с литургией второй книги.

К области церковно-богослужебной практики относится еще, кроме евхаристии, совершение других таинств, как благодатных средств освящения верующих, и разного рода обрядов.

Из таинств наиболее полные сведения можно находить в Постановлениях Апостольских относительно крещения и мvропомазания и не только о чинопоследовании самого таинства, но и о приготовлении ко крещению желавших принять оное. Крещение указывается совершать не только над взрослыми, но и над младенцами (**6**, 15). Крещению взрослых должно было предшествовать оглашение их в продолжение трех лет, каковой срок, правда, мог быть сокращаем смотря по состоянию оглашаемого (**8**, 32). Состав оглашения указывается подробно в седьмой книге и заключается в изучении основных истин христианства, священной истории и особенно в учении о вочеловечении Сына Божия и искуплении, Им совершенном (**7**, 39). «Когда же приблизится время крестить оглашенного, пусть научат его тому, что касается отречения от диавола и сочетания со Христом» (**7**, 40); кроме того, пред крещением еще полагается пост (**7**, 22). Временем для крещения оглашенных указывается в Постановлениях Апостольских праздник Пасхи (**5**, 19).

В священнодействии самого таинства крещения по Постановлениям Апостольским можно различать две главных части: действия приготовительные ко крещению и потом самое священнодействие таинства. Первая, приготовительная, часть ко крещению начинается отречением от сатаны, сочетанием Христу и чтением исповедания веры. «Крещаемый пусть говорит: «отрицаюся сатаны и дел его...», а после отречения и во время сочетания говорит: «и сочетаваюся Христу, и верую, и крещаюся во Единаго, нерожденнаго...» (**7**, 41). После этого бывает помазание крещаемого освященным елеем (**7**, 22, 42), причем епископ или пресвитер помазует только главу, а остальные части тела у мужчин помазует диакон, а у женщин диаконисса (**7**, 22; **3**, 15, 16). После следую-

щего за помазанием освящения воды чрез особое моление: «призри с небесе и освяти воду сию...» (7, 43) начинается самое священнодействие крещения. Совершающий таинство епископ или пресвитер погружает крещаемого в воду во имя Пресвятой Троицы (7, 22, 43). «Ты, епископ, или подчиненный тебе пресвитер, – указывают Постановления Апостольские, – произнося поимянно священное призывание Отца и Сына и Св. Духа, погрузи их в воде; причем мужчину пусть воспринимает диакон, а женщину – диаконисса» (3, 16). Непосредственно после выхода из воды совершается мvропомазание (3, 16; 7, 12, 43), во время которого читается особая молитва, начинающаяся словами: «Господи Боже...», в которой священнодействующий молит Господа дать «мvро сие действенно быти в крещающемся, яко да твердо и неколеблемо пребудет в нем благоухание Христа Твоего, и соумершу Ему совоскреснути и сожити Ему» (7, 44). Крещение заканчивается двумя молитвами, которые читает сам крестившийся, стоя, обратившись на восток: сначала читает молитву Господню (*Мф. 6, 9 - 13; Лук. 11, 2 - 4*), а после нее другую молитву: «Боже Вседержителю, Отче Христа Твоего...», в которой просит Бога дать ему «тело нескверно», «сердце чисто», «ум бодр» и пр. (7, 45 и 44). В третьей книге (3, 17) находится еще объяснение символического значения всех обрядов, употребляемых при таинстве крещения; объяснение то же самое, какое дает Церковь и теперь.

Такое же и во всяком случае не менее определенное литургическое образование представляет собою в Постановлениях Апостольских и таинство священства. Церковная организация по Постановлениям Апостольским представляет собою строгое различие паствы от клира, который утверждается во главе Церкви и священнодействует (3, 10), а равно различие и степеней клира, во главе которого стоит епископ (2, 25).

Каноническая сторона священства, т. е. правила относительно избрания и посвящения в клир, права и обязанности членов клира излагаются подробно во второй, третьей и шестой книгах, а собственно литургическая сторона священства описывается главным образом в восьмой книге. Здесь в отдельности представлены: чин посвящения во епископа, пресвитера, диакона, поставление в чтеца и диакониссу. «После того как на троекратный вопрос старейшего епископа о достоинстве вновь избранного все священное собрание ответит утвердительно и настанет молчание, – говорится в Постановлениях Апост, о посвящении во епископа, – один из первых епископов вместе с другими двумя, став подле жертвенника, между тем как другие епископы и пресвитеры молятся тайно, а диаконы держат над главою рукополагаемого раскрытые божественные Евангелия, пусть говорит к Богу: «Сый Владыко Господи Боже...» и след. 4, 5 глл. 8 кн. В этой молитве испрашивается для рукополагаемого «сила владычественного Ду-

ха», чтобы он мог безпорочно исполнять свое служение. После этого моления священники и весь народ говорят «аминь» и рукоположенному дается в руки жертва. «А наутро прочие епископы пусть помещают его на предлежащий ему престол и все приветствуют его целованием о Господе и он совершает литургию (**8**, 5).

Относительно посвящения во пресвитера Постановления Апостольские указывают следующее: «Рукополагая пресвитера, ты епископ, сам возложи на главу его руку в предстоянии тебе пресвитерства и диаконов и молясь говори: «Господи Вседержителю Боже наш...» и след. В этой молитве тоже испрашивается на пресвитера благодать Св. Духа к безпорочному отправлению им своих обязанностей (**8**, 16).

Те же самые действия – руковозложение и молитва, приспособленная по своему содержанию к служению рукополагаемого, бывают и при посвящении во диакона (**8**, 17, 18) и иподиакона (**8**, 21). Поставление в чтеца и диакониссу, так как и эти последние должности причислялись к клиру, тоже должно совершаться чрез возложение руки епископа с особой молитвой, в которой и для них испрашивается благодать Св. Духа в помощь при отправлении ими своих обязанностей (**8**, 19, 20, 22).

Богослужебная практика и чинопоследование других таинств церковных в Постановлениях Апостольских совсем почти не указывается, а относительно елеосвящения нет даже и совсем сведений. Покаяние ставится здесь в связь с отлучением от Церкви за преступления (**2**, 8, 16). Самое отлучение, суд и обратное принятие принадлежит по праву епископу (**2**, 12, 14, 16) и совершается следующим образом: епископ в общем собрании верующих повелевает удалить преступника из церкви, диаконы держат его вне церкви, подвергая его допросу и ходатайствуют за него пред епископом. Последний, в случае раскаяния грешника, назначает ему пост соразмерно греху и дает наставление молить Бога о прощении грехов. После поста и сокрушении грешника о своем падении епископ принимает его опять в Церковь при общественном собрании чрез руковозложение (**2**, 16, 18, 43). Во всем этом порядке церковного покаяния нельзя усматривать той формы таинства покаяния, какую оно имеет теперь, хотя некоторые частные моменты, например, возложение руки, остались и теперь.

Что касается таинства брака, то в Постановлениях Апостольских есть только нравственные наставления о взаимном отношении супругов и каноническое постановление запрещающее вступать в брак более трех раз (**3**, 2).

Из священных обрядов в Постановлениях Апостольских можно находить указание на погребение и поминовение усопших, хотя и не указывается строго определенного чинопоследования этих обрядов. Указывается только собираться в усыпальницах, «совершая чтение Св. книг и поя псалмы по почившим мученикам и по братиям своим, почившим о Господе».

«И вместообразную приятную евхаристию приносите в усыпальницах; а когда выносите почивших, то провожайте их с псалмопением» (**6**, 30). Восьмая книга указывает еще диакону произносить за богослужением[1022] после первой молитвы особую молитву за почивших: «о почивших во Христе братиях помолимся»... (**8**, 41), а после этой молитвы епископ должен читать тоже особую молитву за усопшего, в которой молит Бога простить грехи усопшего и «вчинить его в недре святых» (Там же).

Есть еще в Постановлениях Апостольских обряд освящения воды и елея и особая молитва пред начатками плодов, потребность в которых, очевидно, определялась благочестивой настроенностью верующих и их глубокой религиозностью. «А о воде и елее поставляю я, Матфей, – читаем в Постановлениях Апостольских (**8**, 29). – Воду и елей пусть благословляет епископ, а если он в отсутствии, пусть благословляет пресвитер, в предстоянии диакона. Когда же епископ налицо, то пусть присутствуют пресвитер и диакон, и говорит он пусть так: «Господи Саваоф, Боже сил»... и т. д. В молитве испрашивается у Бога освятить воду и елей «о имени принесшаго или принесшей» и дать им «силу здравия содетельну, болезней отгнательну, бесов прогнательну, всякаго навета гонительну»... и пр. (**8**, 29).

«Над принесенными же начатками пусть благодарит епископ так: «благодарю Тебе, Господи Вседержителю... над принесенными Тебе начатки, не елико должны есмы, но елико можем»... (**8**, 40).

Можно находить в Постановлениях Апостольских еще молитвы, которые, правда, прямо не относятся к общественной церковно-богослужебной практике того времени, а даются для домашнего, частного употребления верующими, например, молитва обеденная (**7**, 49).

Из приведенного литургического содержания Постановлений Апостольских можно видеть, как полно в этой книге очерчена церковно-богослужебная практика того времени и как хорошо она может уяснить вопросы-недоумения из области Православной литургики и оправдать наличную богослужебную практику Православной Церкви. Если Литургика как наука имеет своей задачей не только выяснение самых основ или происхождения разных форм и обрядов богослужения, но еще исторический обзор постепенного развития христианской церковно-богослужебной практики – и ее окончательную установку в ее настоящем виде, то Постановления Апостольские представляют богатый материал для выполнения этой исторической части задачи Литургики. С одной стороны, в литургическом содержании Постановлений Апостольских, относящемся к III веку, можно узнавать ту самую церковно-богослужебную практику, которая в большей или меньшей степени отражается в писаниях отцов и учителей II и начала III века; с другой стороны, эта церковно-богослужебная прак-

тика представляется уже значительно развившейся и осложненной сравнительно с прежней практикой. Важно, главным образом, и то, что в восьми книгах Постановлений Апостольских эта церковно-богослужебная практика представляется в самом процессе ее образования и развития от начала III века к его концу и дается таким образом возможность проследить развитие формы христианского богослужения в пространстве целого века. Можно видеть, хотя бы из шести первых книг, как церковно-богослужебная практика, недостаточно подробно и строго определенная в начале III века, по требованию обстоятельств ко второй половине III века значительно осложняется, а к концу этого века достигает уже более и менее вполне определенных форм. Многие из этих форм, как например, чин литургии восьмой книги, чин крещения, рукоположения, очень близки не только в основном, но и в частностях и к *теперешним формам* церковно-богослужебной практики.

В виду этого Постановления Апостольские приобретают особую важность как памятник верности нашей Православной Церкви в своей богослужебной практике первым векам христианства.

Епископ ФЕОДОР (Поздеевский),
Волоколамский.

«НА ВСЯКОЕ ВРЕМЯ И НА ВСЯКИЙ ЧАС»

(Краткие размышления на «молитвы молебныя, числом двадесятим четырем, часом дневным и нощным, святаго Иоанна Златоустого»)

‡

Непрестанно молитеся (1 Сол. 5, 17), завещал нам св. Апостол Павел. Памятуя сие, великий святитель Христов Иоанн Златоуст, сам непрестанно пламеневший духом и выну имевший очи свои ко Господу, излил молитвенные воздыхания души своей в двадцати четырех кратких молитвах, определив их на каждый час дня и ночи. Последуем и мы за Святителем, и потщимся вникнуть в смысл и значение сих воздыханий ко Господу, кратких с внешней стороны, но богатых внутренним содержанием и много-

значительных по силе и глубине покаянного в них чувства, исходящего от сердца сокрушенного и смиренного, взывающего к Творцу своему: *из глубины воззвах к Тебе, Господи!*

Дневи:

1.

Господи, не лиши мене небесных Твоих благ.

О едином на потребу надлежит нам более всего помышлять, и поэтому в первый час дня, в начале поприща дневного, всего приличнее, всего нужнее воздыхать о благах небесных, о Царствии небесном, сем неоцененном сокровище, ради приобретения которого христианин все прочее «яко уметь» изменяет. Итак *во главу угла,* в твердое основание нашего земного делания положим заботу о вечном, и тогда воистину в день он не лишимся небесных благ, уготованных всем любящим Господа, творящим святую волю Его. И се – *главная* наша забота; прочее же все – приложится нам.

2.

Господи, избави мя вечных мук.

Противоположность благам небесным – *вечные муки,* прямое последствие греховной жизни, бежать которой научает страх Господень – сие истинное начало премудрости. Действительно, премудр тот, кто со страхом совершает свое спасение, – чая и желая радостей небесных и в то же время страшась мук вечных, уготованных за грехи людские. Воистину премудр тот, кто между страхом и надеждой пребывает! Страшится грешник, как предстанет Господу, как воззрит на Праведного Судию: *суда Твоего, Господи, боюся, и муки безконечныя, злое же творя не престаю; но, Господи, или хощу, или не хощу, спаси мя.* Если так будем вопиять, то не далече будем от Господа!

3.

Господи, умом ли или помышлением,
словом или делом согреших, прости мя.

Одно всего слово – *прости,* а много оно значит, какие важные имеет последствия: избавляет от вечных мук! Есть о чем подумать, и серьезно подумать!

Умом согреших. Все направление ума гордого грешника далеко отстоит от помышления о Божественном, и посему холодом веет от такого ума, который день и ночь поучается не в законе Господнем, а руководствуется лишь земным и тленным. Великий грех – отметать Божественные и ставить превыше всего измышления суетного ума человеческого! Не на правом пути стоит

человек, полагающийся исключительно на собственный разум. *Согреших, Господи, согреших, и несмь достоин воззрети на высоту небесную от множества неправд моих*, – так надлежит вопиять такому грешнику!

Помышлением согреших. Кто в этом не грешен? И великие праведники, и мы грешные – все в этом повинны. Но разница в том, что некоторые всепобедительным оружием креста и молитвою тщатся немедленно отгонять от себя всякое помышление греховное, и с помощью Божиею в этом успевают; другие же, напротив, услаждаются помыслами злыми, суетными, страстными, – дают им, так сказать, расшириться, разрастись. А от помыслов недалеко и до слов, и дел греховных. Сего да избавит нас Господь!

Словом согреших. Небольшая часть тела человеческого – язык, но как мы не умеем с ним справиться, как не умеем его обуздать, как много все им согрешаем! Часто одно слово злое, соблазнительное или просто суетное, имеет громадные последствия – влечет за собой дела такого же свойства. О, как надобно взвешивать слова свои, как твердо содержать в уме и сердце евангельское изречение: *от словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (Мф. 12, 37).

Делом согреших. От помыслов и слов греховных родятся такие же дела, часто совершенно расстраивающие даже доброе доселе настроение христианское и отвращающие душу нашу от спасительного пути хождения в страхе Божием. И много, много надо потрудиться, чтобы вновь стать в прежний чин!

Дабы избежать всех сих *лютых* – ибо что лютее, что страшнее греха? – будем усердно, в покаянии, из глубины души взывать: *лютыми недуги, и болезненными страстьми истязаему, Дево, Ты ми помози!*

4.

Господи, избави мя всякаго неведения, и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия.

Не ведевый, сотворив же достойная ранам, биен будет мало (Лк. 12, 48)... Мало, все-таки *биен* будет, т. е. и грех, совершенный невольно, по неведению, осужден будет. Но есть еще неведение, так сказать, *вольное,* когда мы не хотим изучать, *ведать* слово Божие и правила церковные, во многом предохраняющие от греха. И в законе гражданском сказано: неведением закона никто отговариваться не может. Кольми паче это применимо к закону Божественному! Если мы закрываем очи свои от зрения словес закона, начертанных в Священном Писании, если отвращаем слух от слышания глаголов Божиих, то сугубо согрешаем! Не вздумай оправдываться неведением: *всякое* неведение не простится тебе, тем паче – вольное неведение воли Божией о нем!

И *забвение* вменится нам в грех: во-первых, забвение о грехопадениях наших; во-вторых, забвение об обязанностях наших к Богу и к ближнему, и, в-третьих, забвение о необходимости очищать душу покаянием, – короче сказать, забвение о всем том, что, с одной стороны, оскверняет, омрачает душу, и, с другой стороны, о том, что может ее очистить, обелить, избавить от мрака греховного.

Малодушием много мы грешим. Во-первых, жалеем себя, жалеем свое тело, чрезмерно питаем, греем его, часто в ущерб душе. Во-вторых, вследствие какой-то ложной стыдливости, часто боимся, стыдимся, уж не говорю, являться исповедниками имени Христова, – куда нам грешным до того – а просто нам иной раз даже стыдно бывает, например, перекреститься в присутствии других, и т. п. Не надо ничего делать напоказ, но и ложного стыда надо всячески бегать: *иже аще постыдится Мене и Моих словес, сего Сын человеческий постыдится, егда приидет во славе Своей и Отчей, и святых Ангел* (Лк. 9, 26). Потщимся чаще приводить себе на память сии слова Господа и Владыки нашего!

Окамененное нечувствие! Какое ужасное состояние! Воистину – духовное омертвение! Отчего оно происходит? Во-первых, от удаления нашего от св. Церкви и всего церковного, – наипаче же от удаления от св. Таинств, обновляющих, освежающих, оживляющих душу, отягченную страстьми, и тело, оструплennое грехами. Без благодатного освящения св. Таинствами душа покрывается толстою корою греховною, которая, все тверже делаясь, обращается наконец в камень, приводящий к окамененному нечувствию. Во-вторых, это тяжелое душевное состояние происходит от уныния, – когда мы начинаем сомневаться в милости и правосудии Божием, и наконец доходим до отчаяния. Но не к Богу прибегаем, а мучаемся сомнениями, – и в конце концов впадаем в уныние – делаемся какими-то нечувствительными ко всему Божественному, святому, перестаем молиться... И сие окамененное нечувствие часто бывает причиною духовной смерти, чего да избавит нас милость Божия!

5.

Господи, избави мя от всякаго искушения.

Случается слышать иногда мнение, что Бог искушает; но это мнение неправое, греховное: *никто же искушаемь да глаголет, яко от Бога искушаемь есть: Бог бо несть искуситель злым, не искушает же Той никого же* (Иак. 1, 13). Искушения приходят от *плоти* нашей, от *міра* и от *диавола,* и многоразличны виды этих искушений, почему св. Златоуст и говорит: «Избави же от *всякаго* искушения». Под этим разуметь надо, что мы не только просим, чтобы Господь не допустил нас до искушения, оградил святыми Своими Ангелами, но и при нашедшем на ны искушении Он,

Многомилостивый, не допустил нас до падения и дал бы возможность, без душевного вреда, снова стать в прежний чин – явиться победителями греха. Памятовать надо, что *верен Бог, иже не оставит нас искуситися паче, еже можем* (1 Кор. 10, 13) и что *блажен муж, иже претерпит искушение* (Иак. 1, 12) – но посылается нам победа над искушением только милостию Божией, вымоленною усердною нашею молитвою или молитвенным за нас ходатайством верных рабов Божиих, молящихся о спасении нашем и вообще о всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, милости Божией и помощи требующей.

6.

Господи, просвети мое сердце, еже помрачи лукавое похотение.

От сердца, омраченного лукавыми похотениями – страстьми, *исходят помышления злыя* (Мф. 15, 19), греховные. Посему и молился св. Пророк Давид: *сердце чисто созижди во мне Боже.* Ибо только в чистое сердце проникают лучи Божественного света, просвещающего и освещающего всякого человека, грядущего в мір! И тогда на таком человеке знаменается свет Лица Божия, – и верный раб Христов еще на земли начинает зреть Свет неприступный: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят.*

7.

Господи, аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр помилуй мя, видя немощь души моея.

Я грешный, немощный, слабый человек, ежедневно ежечасно согрешаю и падаю, – и сил не имею встать, воспрянуть духом. Ты же, яко Бог всемогущий, всещедрый, помоги мне, подыми раба Твоего из рова греховного, помилуй мя по велицей Твоей милости, на которую только и есть надежда, ибо не имею дел, оправдывающих меня! Итак, вся надежда на милость Божию и на милостивое заступление святых Божиих и Матери Божией: *вся Ангелов воинства, Предтече Господень, Апостолов двоенадесятице, Святии вси с Богородицею, сотворите молитву, во еже спастися нам.*

8.

Господи, посли благодать Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое святое.

Прославлять имя Божие надо не только словами, но главным образом – делами. *Приближаются Мне людии сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф. 15, 8), изрек Спаситель.

Прославите Бога в телесех ваших, и в душах ваших (1 Кор. 6, 20), – сказано св. Апостолом Павлом. Если же действительно от всего сердца, от всей души и всего помышления будем славить Господа, то несомненно, что это отобразится на жизни нашей, которая будет тогда воистину тихим и безмолвным житием во всяком благочестии и чистоте. Но чтобы проводить истинное христианское *жительство,* необходима, как во всяком добром деле, благодатная помощь свыше: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), сказал Господь. О ниспослании нам сей Божественной благодати, всегда немощная врачующей и оскудевающая восполняющей, надо немолчно вопиять ко Господу, веруя слову Спасителя: *просите и дастся вам* (Мф. 7, 7). Но в особенности важно освящаться благодатными таинствами св Церкви, приближающими нас ко Господу, очищающими, подкрепляющими и отверзающими нам двери милосердия Божия!

9.

Господи, Иисусе Христе, напиши мя раба Твоего в книзе животней, и даруй ми конец благий.

Конец благий, т. е. христианская кончина живота нашего – се залог доброго ответа на страшном судище Христове, се – верное основание к тому, чтобы имена наши были *написаны на небесах* (Лк. 10, 20), сей воистину *книзе животней,* в которую вносятся только те, кто сподобляется *живота вечнаго* в обителях Отца Небесного. А обители сии уготованы лишь тем, кто главною целью земного своего делания поставляет стремление в *селения небесная.* Итак, венец желаний христианских, желаний край – добрый ответ в день он, *егда сядет Судия на престоле страшном – книги разгибаются, и деяния обличаются*[*]... О, да услышим тогда оный блаженный глас: *приидите благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения міра* (Мф. 25, 34)!

10.

Господи Боже мой, аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми, по благодати Твоей, положити начало благое.

Согрешихом, беззаконновахом, – грехи наши *превзыдоша главу нашу,* и не имеем дел, оправдывающих нас. Но если до сего времени мы так беспечно жили, то по крайней мере теперь, с сего часа, потщимся изменить свою суетную жизнь на житие христианское, и будем просить безмерную благость Божию, да ниспослана нам будет Божественная благость и дар

---

[*] Неделя мясопустная, стихира на хвалитех.

Святаго Духа, – ибо без благодатной помощи свыше мы безсильны и положить начало благое, и провести это начало в последующую свою жизнь. *Скорый в заступление и Крепкий в помощь, предстани благодатию силы Твоея ныне, и благословив укрепи, и в совершение намерения благаго дела рабов Твоих производи!*

11.

Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея.

Как капля дождевая, как роса утернняя освежает, оживляет зелень травную, так и душу нашу, иссохшую в суете мірской, умерщвленную страстьми, освящает, оживляет благодать, сообщаемая нам во святых Таинах. Какой-то свежестью, силою исполняется душа, удостоившаяся принятия святых, Божественных, безсмертных, животворящих Христовых Таин, и се воистину – *роса благодати Божией,* без коей мы спастись не можем: *аще не снесте плоти Сына человеческаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 54).

12.

Господи небесе и земли, помяни мя грешнаго раба Твоего, студнаго и нечистаго, во Царствии Твоем. Аминь.

Вспомним разбойника благоразумного, в предсмертном борении из глубины воззвавшего ко Господу и услышавшего тут же, на кресте, обетование Спасителя: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Как отягчен грехами, как нечист был сей разбойник, но и он, великого ради покаяния своего, сподобился величайшей милости Божией – Царствия небесного, сего воистину безценного бисера. Приложим и мы все усилия к обретению этого сокровища, но не будем отлагать покаяния, ибо не знаем, будет ли нам дано пред самою кончиною сподобиться напутствия христианского в таинствах св. покаяния и св. причащения. Потщимся всегда быть готовыми предстать пред Господа, ибо не знаем ни дня, ни часа, когда позваны будем. Помяни нас, Господи, во Царствии Твоем!

Нощи:

1.

Господи, в покаянии прими мя.

Нощное поприще начиная, всего естественнее помышлять о даровании нам сна мирного и безмятежного, который в особенности посылается тем, кто с совестью, очищенной покаянием, отходит ко сну: не знаем бо, что день грядуший нам готовит, – просветит ли Господь окаянную душу нашу

днем, или же одр наш гроб нам будет. Каяться в душе и молить Человеколюбца надо, да дарует нам прощение, еже согрешихом в день минувший словом, делом, помышлением; при первой же возможности надо спешить принести и церковное покаяние пред отцом духовным, и чем чаще мы будем это творить, тем чище станем, тем и день, и ночь безгрешнее проводить будем, тем более надежды будем иметь спасение вечное получить!

2.

Господи, не остави меня.

Господь никогда нас не оставит, если только мы сами Его не оставим, или не удалимся от Него грехами своими на *страну далече,* на путь служения не Богу, а мамоне. И это забвение о Боге приводит к безпросветной тьме, в коей становится погруженной душа наша, лишенная по своей собственной вине Света Божественного. И извести из темницы душу нашу может только особое чудо милости Божией, по молитвам св. Церкви, ежедневно молящейся о спасении нашем. О, да не будет же множество грехов наших средостением между Господом и нами, да не лишимся Его благодатной помощи, – ибо предоставленные сами себе, мы ни на что доброе не способны!

3.

Господи, не введи мене в напасть.

Самая ужасная напасть – во грехах пребывание. Как же избавиться от сей напасти? *Молитеся, да не внидите в напасть* (Лк. 22, 40), изрек Спаситель. И памятовать надо, что не Господь вводит в напасть, а мы сами впадаем в различные напасти: Бог же силен, по молитвам рабов Своих, отвратить от нас всякую напасть, – другими словами, не допустить, чтобы мы были введены в напасть: *весть Господь благочестивыя от напасти избавляти* (2 Петр. 2, 9). Значит, основание для избавления от напастей – благочестие, т. е. усердное в молитве пребывание и хождение по воле Господней. Значит, от нас самих все зависит. Но мы слабы, немощны, подобны трости, ветром колеблемой. Посему и устоять на камени заповедей Господних можем только по милости Божией, в особенности молитвенным заступлением Матери Божией: *многими содержимь напастьми, к Тебе прибегаю, спасения иский: о Мати Слова! от тяжких и лютых мя спаси.*

4.

Господи, даждь ми мысль благу.

Все благое – от Господа. Поэтому чем более мы будем пребывать с Господом, чем усерднее прибегать к Его Божественной помощи, тем и

мысли наши будут ближе к Богу, Его же премудрому водительству самих себя, друг друга и всю жизнь нашу предадим. И если так будем поступать, то не отринет нас Господь – помышления исправит, мысли очистит и все ко благому концу направит. Конец же – венчает все дело! Не тот славен в вечности, кто начало положит благое, а тот лишь, кто кончит хорошо, кто до конца дней своих пребыл верен Господу! Души лишь таковых верных и благих рабов – *во благих* водворятся!

5.

Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление.

Иногда скорбь нас обдержит, терпеть не можем демонского стреляния, – слез желаем, и слезы к нам не приходят! Тяжелое душевное состояние! И как земля, не напоенная дождем, сохнет и не дает плода во время свое, так и скорбь, не растворенная слезами, все тяжелее переносится и приводит иной раз к унынию. Напротив, благоданые слезы умиления погашают все разжженные стрелы лукавого, и мрак уныния и скорби, облежащий нас, далече отгоняют. И слезы сии – дар Божий, ниспосылаемый сердцу сокрушенному и смиренному, непрестанно духовным оком взирающему на скончание жительства и неотходно содержащему в уме памятование о добром ответе на страшном судище Христовом. Сего да сподобит нас милость Божия.

6.

Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих.

Грешить мы умеем и, ох, как часто и много грешим; каяться же в грехах не хотим, и все отлагаем начало покаяния. А между тем, как нужно нам многогрешным возможно частое исповедание грехов пред духовником, как необходимо это врачевство духовное душевных ран наших! К сожалению, часто и совсем не думаем о покаянии, а если и приходит иногда мысль о сем, то не спешим привести ее в исполнение, рассчитывая, что время еще есть, успеем, причем забываем, что никто не знает ни дня, ни часа, когда позван будет предстать пред Господа – дать ответ во всех своих словах, делах и помышлениях. Подателю всякого блага надо усердно молиться, да утвердит нас в благом намерении приносить возможно частое исповедание грехов своих. Второе, о чем надо от всей души и от всего помышления молить Господа, да будет исповедание наше возможно полным, да не забудем чего, да не устрашимся или убоимся открыть что-либо отцу духовному, который только свидетель, – покаяние же наше, надо верить, приемлет Сам Христос Бог наш, Его же святому водительству всецело себя предадим и Он научит, наставит, поможет нам!

7.

Господи, даждь ми смирение, целомудрие, и послушание.

Основание нашего спасения – смирение, т. е. искренное, от сердца, сознание своих немощей, своей никуда негожести, и отсюда покаянный глас: *«Боже, милостив буди мне грешному!»* Больше всего препятствует принести истинное покаяние – это гордость: гордым Бог противится, т. е. не приемлет покаяния, основанного не на смирении, – покаяния человека, высоко ставящего дела свои и если якобы кающегося, то в глубине души считающего себя выше других человек-грешников. Это именно и есть покаяние фарисейское. Нам же даруй, Господи, мытарево смиренное покаяние! *Фарисеева убежим высокоглаголания, и мытареве научимся высоте глагол смиренных!*

Вслед за смирением, помолимся о ниспослании нам духа целомудрия*: даждь нам целомудренна пожити делы и словесы!* Так всем молиться надо, и инокам, и мірянам, и безбрачным, и в браке живущим, – ибо всем подвизаться в целомудрии необходимо, коемуждо по его потребе, по его мере: можно и делом, и словом не согрешать, а в глубине души быть великим в этом отношении грешником. Посему и молился св. Пророк Давид: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13).

Вообще же для успеха в деле нравственного очищения необходимо *послушание* воле Божией, изложенной в святом Евангелии и изъясненной в учении св. Церкви. Уклонение от этого послушания приводит к тому пагубному, если не с внешней стороны, то для души, состоянию, в которое впал блудный сын, захотевший жить по своей самочинной воле. Но евангельский блудный сын все-таки, наконец, раскаялся и удостоился прощения. Удостоимся ли мы сего, не найдет ли на нас внезапно *день той* – день преставления от сей временной жизни в жизнь безконечную?

8.

Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

Терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21, 19), заповедано нам Господом. *Терпение нужно, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное* (Евр. 10, 36), т. е. Царствие небесное, которое от века *нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12), – или другими словами, – многими трудами, усилиями достигается Царствие небесное, и только добро потрудившихся *здесь* на земле получат блага вечные *там,* в обителях Отца Небесного. Для постоянства же и успеха в трудах необходимо терпение, ибо множество препятствий, скорбей, злоключений, искушений в жизни сей, – и все надо тепеливо переносить, не падая духом, а закаляя оный, – все преодолеть, дабы явиться победителями греха!

Великодушие – одна из величайших добродетелей, где зло побеждается добром. Прости врага, благотвори ему, старайся и в сердце не иметь про-

тив досадившего тебя никакого злого чувства, – поработай над собой в этом отношении, и воспитаешь в себе великодушие. С другой стороны, нужда общественная, нужда частная требуют какой-нибудь с твоей стороны жертвы, принесением которой ты потерпишь некоторое стеснение, ущерб, неудобство, – откажись от благ *твоих* ради блага *ближнего,* и будешь воистину великодушен!

Близко к великодушию стоит *кротость,* т. е. такое благостное настроение сердца, когда в нем нет места никакому злому чувству, когда никакие неприятности не могут вынудить нас нарушить наше душевное равновесие, когда ничто не может заставить нас быть резким, гневливым, мстительным. И памятовать надо, что только тот, кто кроток и смирен, тот ученик Христов, и что кроткие наследят *землю живых*, т. е. Царствие небесное. Есть из-за чего потрудиться – стяжать дух кротости!

9.

Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое.

Корень благих, т. е. основание всякого доброделания, начало премудрости – это страх Господень, и тот только истинно премудр, кто страшится праведного за грехи осуждения, страшится обнаженным добрых дел предстать пред Праведного Судию. И этот спасительный страх, овладевая человеком, изменяет всю жизнь его, и часто легкомысленного грешника превращает в послушного *раба Божия.* Все – искра Божия, которая благотатию Божиею, многими молитвенными и постническими трудами, обращается в пламень огненный, попаляющий все в нас плевелы греховные. Станем же добре, станем со страхом земное течение совершати! Страх Твой, Господи, всади в сердце мое!

10.

Господи, сподоби мя любити Тя от всея души моея, и помышления, и творити во всем волю Твою.

Возлюби Господа – первая и бóльшая заповедь. И как широка заповедь эта!

Возлюби Господа *всем сердцем, всею душою и всем разумением твоим,* т. е. докажи свою любовь *делом,* не ограничиваясь при этом одностороннею какою-либо добродетелью, но *во всем* твори святую волю Его. А воля Божия начертана в св. Евангелии, в заповедях, и истолкована св. Церковью, сею верною хранительницею Божественного откровения. Приди же и поучайся закону Господню, поучайся познать священную волю Божию, и познав, усердно прилагай ее к жизни. Но при этом памятуй, что одна внешняя исправность не спасет. Надо *всю* душу, *все* помышление вло-

жить в дело, надо *горячим сердцем* творить благо, – и если так поживешь, то будешь не *слышателем* только, а истинным *творцом* закона, т. е. исполнителем во всем святой воли Божией!

11.

Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов, и страстей, и от всякия иныя неподобныя вещи.

Тлят обычаи благи беседы злы (1 Кор. 15, 33), т. е. доброе течение жизни нарушается речами людей злонамеренных, неверующих, суетных, и советы, внушения, а равно мнения таких людей смущают верующую душу, рассматривают ее, а иногда и совсем совращают с пути истинного. Посему, как осмотрительным надо быть в выборе знакомств! И усердно надо просить Господа, избавить нас от общения с людьми, близость к которым может принести душевный вред! И от сетей князя міра сего, от действия *бесов* надо усердно ограждаться молитвою, – ибо ничему так легко не поддается слабый человек, как искушению бесовскому, которое иногда по виду кажется невинным, и даже как будто клонящимся к душевной пользе человека, но внутри полно всякой злобы к людям и влечет к падению, к измене Христу. Особенно пользуется в данном случае диавол *страстями* нашими, удобопреклонностию нашею на всякий грех. Вовремя не остановленная склонность к какой-нибудь греховной привычке, все разростаясь, обращается в страсть, рабом которой становится бедный человек и служение которой ставит на первом плане, а о спасении все меньше помышляет, и наконец совсем поступает во власть князя тьмы. Поэтому надо тщательно избегать всего того, что может смутить нашу душу, – надо, по возможности, избегать посещения тех мест и лиц, где можно встретить искушение, избегать и занятий суетных, исполненных духом мірским, который всегда был противник Христу. И как преподобием называется приближение, подражение, *уподобление* Христу, так наоборот, *неподобною вещью* именуется еще то, что не имеет ничего общего с Христом, что противно учению Христову. Дабы избавиться *всех сих,* будем усердно взывать: *Затупник души моея буди, Боже, яко посреди хожду сетей многих.*

12.

Господи, веси яко твориши, якоже Ты волиши, да будет воля Твоя и во мне грешнем: яко благословен еси во веки. Аминь.

Пути Господни неисповедимы, и все, что творит Господь, все премудростию исполнено. Посему не надо смущаться, если иногда даже усердно

просимое нами – не бывает исполнено. Как часто потом приходится убеждаться, что то, о чем мы так усердно молились, не на пользу нам было бы. А потому, если и просим у Господа ниспослания какого-нибудь блага, то добавлять все-таки нужно: но не моя, а Твоя да будет воля, святая и праведная! И если так поживем, то воистину благословит душа наша Господа не словом одним, но и всем своим настроением, и всеми делами нашими! Благослови же, душе моя, Господа!

А. З.

У ПРЕЧИСТОЙ В ЧЕНСТОХОВЕ И ВИЛЬНЕ

I.

Возвращаясь в августе 1911 г. из заграничной поездки, я, по данному заранее обещанию, заехал сперва в Ченстохов, а затем в Вильно. В обоих городах мое внимание привлекли две древние чудотворные иконы Божией Матери, известные среди верующих по именам городов, где они, в разное время появившись в России, оказались с течением своей долгой истории. Еще будучи студентом в Петербургском университете, я занялся вопросом, который быстро разрешился: «Имеются ли в католичестве, как находящемся вне Православной Восточной, по месту своего главного распространения, но Вселенской по существу, Церкви, – видимые знаки Божественной благодати, как, например, чудотворные иконы? Появлялись ли они в католичестве после его отделения от Православия, в котором оно (католичество) до той поры открыто находилось (исповедание папы Льва, современника Карла Великого); появлялись ли такие чудотворные иконы, чтобы своей благодатной силой поражали бы всех христиан?» – Легко достав сырой исторический материал, без всякого освещения, летописные цитаты, я узнал то, что давно известно специалистам богословам. Мне достаточно указать на такие общедоступные источники, как Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, где желающие могут узнать краткие сведения по этому вопросу: «Остробрамская, или Остовратная икона», том XXII, полутом 43, стр. 346; «Ченстоховская икона», том XXXVIII, полутом 76, стр. 499. Читатель узнает, что обе эти иконы по своему историческому происхождению *православные*. Одна прославилась сперва на св. горе Афон, а обе в России появились в разное время. Иконы были привезены на нашу родину

среди тех не прекращавшихся сношений со св. Горой, которые выразились, главным образом, в постоянном массовом приливе богомольцев из России. Эти безвестные богомольцы поддерживали ту связь, которая должна постоянно существовать среди отдельных частей Единой Спасающей Христовой Церкви. Эта связь то ослабевала, то усиливалась во внешних признаках. Известно, что эти паломники приносили домой иконы, книжные списки и оригиналы. У Пыпина в его «Истории русской литературы», т. 1, – сообщается, что и на Афоне и в Константинополе жили в монастырях постоянно переписчики книг, а также и иконописцы из числа русских, как и из греков. Этим путем пришли многие иконы в Россию, вступая в пределы тогдашней Русской страны через г. Корсунь в Крыму, почему некоторые из них и называются Корсунскими. Иконы передвигались постепенно вглубь страны, или в центр, или на наши окраины в Западной России.

С такими воспоминаниями я ехал в Ченстохов. Утром я уже шагал по улице Девы Марии, в конце которой возвышается знаменитая Ясная Гора. Здесь прославился монастырь-крепость тяжелой осадой 1665 г., когда шведы долго и безуспешно старались взять приступом стены, находившиеся под защитой неравных сил; это талантливо изобразил Генрик Сенкевич в одном из своих исторических романов («Потоп»). В этих же стенах нашлись такие насельники, среди которых разыгралась всем отныне известная драма, поколебавшая устои католицизма своей неслыханной преступностью. И это рядом с такой святыней, которую многие поляки, не зная исторических фактов, считают ошибочно национальной. Некоторые называют Ченстохов польским Иерусалимом.

Мне пришлось подыматься на гору сперва по тенистой аллее, а выше по сыпучему песку. Эта упраздненная в 1813 г. крепость находится в весьма выгодном военном положении. С вершины горы открывается вид, как говорят, верст на 60 в окружности. За своими рвами и стенами она скрывает монастырь Паулинского ордена. У входа толпа разносчиков, которые предлагают народу неприхотливый съестной товар. В стороне ряд лавок, где продаются четки, молитвенники и типичные по своей сентиментальности католические священные изображения. Нищие самого ужасного вида стараются всякими возгласами привлечь внимание богомольца и за мелкую монету провожают громким призыванием благословения на его главу. Один подросток, полузакрыв глаза и нервно передергиваясь, кричал: «Oi panowe!»; его соседи, сидя на земле, подобрав ноги, унылыми голосами просили милостыню, сливая просьбы и молитвы в одну тягучую речитативную мелодию. Монастырские стены окружают несколькими концентрическими рядами внутренний двор, где находится старинный костел с двумя башнями над входом. Под куполом этого храма находится

древняя святыня, столь почитаемая народом, незнакомым с ее православным происхождением.

Я у входа. От наружной стены до внутренней идут перекинутые через рвы каменные мосты. В каждой стене ворота с гербами разных знаменитых родов, когда-то потрясавших Речь Посполитую своей междоусобной борьбой. Хвастливые гербы, урны на стенах, по мнению многих, очень безвкусные, лепные украшения в стиле Возрождения, – все это носит на себе печать постигшего политического упадка и кажется каким-то неуместным. Над воротами иконы; одна из них – копия Ченстоховской, находящейся внутри костела. Последний обращает внимание своим богатым внешним видом и внутренней отделкой; но, как и всегда это наблюдается в католических храмах, – поражает запущенностью и неопрятностью, допускаемой в столь чтимом месте. Быстро миновав вереницу исповедников, стоявшую у исповедальни, где тяжело дышал от августовской жары полный ксендз, накрыв платком свое лицо и прислонившись ухом к окошечку исповедальни, где что-то шептала ему бедная крестьянка, я вышел в средний неф. Передо мной открывался алтарь, который бывает у католиков, как известно, без иконостаса. Над алтарем наклонился ксендз, совершая так называемую «немую» мессу. Рядом с ним стоял, опустившись на колени, пожилой лысый причетник в каком-то фантастическом белом одеянии, которое ему спускалось ниже пояса. Он поглядывал апатично по сторонам и изредка вскидывал дребезжащим колокольчиком, когда это полагалось по ходу молчаливого чина. Дамы, крестьяне, крестьянки, все стояли на коленях. Некоторые женщины, пав на лицо, шептали про себя. Другие быстро скользили взором по молитвеннику. Я не стал на колени, а, сделав земной поклон Пречистой Владычице, начал изучать икону; и здесь воочию я мог убедиться в совершенно православном письме иконы.

Типические признаки православной живописи сразу давали себя знать; несмотря на позднейшие попытки изменить подробности в рисунке металлической ризы, св. Лик глядел на зрителя, являя все правила византийского канона в письме. Темный Лик с строгими чертами; плат на голове, какой у собственно католических икон редко можно видеть; складки условного типа и в большом изобилии: вот некоторые наблюдения, которые сразу намечаются.

На голове у Пречистой корона. Правая рука положена на грудь – знак смирения, отличительная черта Божией Матери, по свидетельству св. Дионисия Ареопагита, который сподобился Ее видеть при жизни. Левая рука держит Божественного Младенца, сидящего на ней. У Младенца правая рука благословляющая, а левая держит дощечку. На голове у Него также корона. Лики у Пречистой и Ее Сына окружены ним-

бом. Св. икона была принесена из Константинополя в Галицию русским Великим Князем Львом, основателем гор. Львова (XIV век), в Белзский замок. При Владиславе Польском татары осадили замок. По приказанию Владислава икона была поставлена на стенах согласно известному обычаю. Враги попали стрелою в Лик Пречистой, и из язвины истекла кровь, как это и сейчас заметно. В то же время на врагов опустилась вредоносная мгла, от которой они погибли во множестве. После их отступления Владислав принес икону, согласно указанию, полученному во сне, на Ясную Гору в Ченстохове, где и основал монастырь, поместив в нем икону.

Это было в 1382 году. Монастырь стал принадлежать Паулинскому ордену. В 1430 г. на обитель напали представители одной из реформационных сект, чешские гуситы, и желали увезти икону. Возок, в котором была помещена икона, не трогался; тогда один из гуситов ударил мечем по лику Пречистой. Его тут же разорвало, а его спутники получили чудесное наказание. В 1813 г. список с иконы был поднесен братией монастыря нашему генералу Ф. В. Сакену [(1752–1837)]. Император Александр I украсил икону ризой с драгоценными камнями и приказал поставить ее в правом (южном) приделе Петербургского Казанского собора, где эту икону-список можно видеть и сейчас. На этом списке имеется соответствующая надпись.

Мне не пришлось долго оставаться в костеле. Поклонившись еще несколько раз св. чудотворной *нашей* иконе, я должен был уже уйти к близкому отходу Варшавского поезда. Опять промелькнули мимо меня фигуры крестьянок, когда я проходил через их толпу по костелу. С тупым взором бродили они от алтаря к алтарю. Быстро миновав монастырские коридоры, неширокий двор и целый ряд ворот, я вышел на вольный простор. Был как раз полдень, и подымавшиеся от земли испарения заставляли колебаться линию горизонта. С этой Ясной Горы так далеко и хорошо видно. Впереди расстилались поля с пожелтевшими хлебами, а здесь – крик нищих, споры торговцев, озабоченные лица богомольцев. «Не ведают, не разумеют, во тьме ходят», вспоминаются слова псалма, глядя на эти лица. Люди стремятся к Той, икону Которой они чтут с пламенной верой; но эта вера слепа, ничего не знающая; ей запрещено читать Слово Божие, чтобы она не научилась думать, умея теперь только чувствовать. Вера приводит их к этому св. дару Православной Церкви, которая, благодаря Пречистой, имеет многие сотни Ее прославленных чудесами изображений; а мощей, а живых «угодников» ведомых и неизвестных? Нет у католиков преп. Серафима, св. Иоасафа, чтобы назвать примеры почти нашей эпохи. Вера есть? Но и бесы веруют и трепещут, по слову ап. Иакова. Знают эти факты руководители этой народной толпы, которая веками льется волной во двор

Ченстоховского монастыря. Знают, что обе иконы, Ченстоховская и Виленская Остробрамская – православные. Но разве пожелают они разглашать эти сведения; не постараются ли, что они и делают, давать народу изображения этих св. икон в католической трактовке, с польскими стихами и надписями, желая воспитывать ту мысль, что будто бы обе иконы являются национальными польскими святынями. Ведь только такие изображения и можно достать, и на них сразу видишь, как далек строгий православный Лик иконы от этих едва узнаваемых католических переделок, где почему-то приделаны на рисунке гирлянды безвкусных цветов. Бедный и несчастный в своем религиозном невежестве народ, принужденный пользоваться такими и подобными переделками!

II.

На другой день в 3 часа пополудни я был уже в Вильне. Остробрамская, или Островратная икона (brama по-польски – ворота) находится недалеко от вокзала. Она помещается над Острыми Воротами, которые с давних пор (XIV–XV вв.) были воздвигнуты на «остром», т. е. возвышенном конце города, тогда заселенном преимущественно русскими. Касательно долгой и сложной истории св. иконы имеется специальная литература на русском и польском языках. Население Западной России относится с великим уважением к св. иконе. Целые толпы крестьян приходят ежедневно на поклонение; многие приезжают из отдаленных местностей. И православные русские, и католики-литовцы и поляки вполне сходятся в своем религиозном уважении к св. иконе. Местные обыватели прекрасно помнят, что икона по своему происхождению – православная, или «русская», как они ее называют*. В этом я живо убедился путем собственных расспросов на месте.

Самые разнообразные представители труда, умственного и физического, утвердительно отвечали на мой вопрос: «Вы знаете, что икона не католическая?» Такое наблюдение показывает, что до сих пор сохраняется предание о православном происхождении св. иконы, которая оказалась, Божиим попущением, в руках католиков в половине XVI века. Этот факт имеет громадное принципиальное значение как для местного населения, так и для повсюду происходящей борьбы католицизма с Православием. Только через гордое самовнушение и фанатизм, через нежелание узнать факты из истории станет утверждать рядовой католик противное вышеизложенному.

---

* В начале XIX в. был произведен ремонт ризы, причем она была снята. Внизу иконы обнаружилась надпись с молитвой на *церковнославянском языке:* «***Честнейшую Херувим***». Конечно эту надпись поторопились закрыть.

Об этом нам приходится говорить потому, что многие совершенно не знают всех преимуществ Православия и ошибок католицизма. Между тем, едва грамотный человек, и тот может научить католика истине, с которой ознакомиться тому невозможно в силу запрещения читать св. Библию. Такие примеры блестящей победы Православия на основе Священного Писания, без пользования другими источниками, подвергались не раз моему наблюдению. Результаты бывали поразительные. Да и что может сказать такой человек, который Слова Божия не смеет читать? Нашим делом остается только учиться во славу Божию и потом успешно бороться. Религиозное невежество католиков бывает поразительным: например, многие не знают, что апостол Павел говорит о духовенстве, состоящем в браке, и думают, что оно должно быть безбрачно, по примеру католиков.

Католики скрывают от народа многое. Вот, возвращаясь к св. иконе, укажем на тот факт, что сияние, сделанное из золотых лучей, а особенно корона, были сильно и намеренно переделаны. Корона же получила древний вид былых польских корон. Политическая тенденция, которая вызвала и восстание 1863 г. и столько других событий, вполне ясна. Лик Пречистой на иконе наклонен; руки сложены на груди – знак смирения; так изобразил Ее в момент Благовещения безыменный благочестивый православный художник. Эта дивная икона оказалась в XVII столетии в руках католиков. Но это случилось не сразу. Православный Виленский монастырь, в котором она находилась, перешел в 1609 г. в руки униатов, а с тех пор он подпал под влияние католиков, которые поселили в 1671 г. в нем кармелитов; до сего дня монастырь остается в руках католиков.

Островратная икона называется также Корсунской, так как она появилась в пределах России сперва в г. Корсуне, в Крыму (Херсонес Таврический). Св. икона очень больших размеров, написана на двух дубовых досках. На голове корона, на которой помещена другая. Вокруг Лика венчик и золотые лучи. Риза и короны усыпаны камнями. На венчике надето много бус, которые спускаются вниз. На одной нитке бус висит крест. По сторонам св. икона поставлены статуи из золота, изображающие свв. праведных Иоакима и Анну. Это, конечно, позднейшее, католическое изменение. Св. икона празднуется нами 26 декабря и 14 апреля.

По местному обычаю я прошел под воротами, сняв шапку. Передо мною открывалась узкая улица, спускавшаяся вниз, в город. Обернувшись назад, я увидел святую икону в часовне, устроенной над воротами. Лик Пречистой был задернут занавеской, по заведенному католиками обыкновению. Занавес редко отодвигается. Рядом со мною стояли на коленях на панели и посреди улицы, отдельно или парами, женщины. Взяв направо, я вошел в двери этого древнего монастыря. Пройдя мимо католического распятия, занявшего на Западе место православного с XII и XIII вв., я под-

нялся по внутреннему ходу в просторную комнату, где причетник надел свой фантастический костюм и повел меня в часовню. Сейчас же за дверью комнаты я оказался над воротами; за католическим престолом на стене была св. икона, еще закрытая белым кружевным покрывалом. Причетник потянул шнурок, и тогда наконец я увидел Лик Пречистой, к которому я так стремился издалека.

Множество приношений привешено по низу иконы. Я поклонился несколько раз *нашей* иконе и помолился. Кто-то около меня плакал, и здесь слышалось быстрое монотонное чтение молитвенника, и опять четки, все стояли на коленях, на их лица было тяжело смотреть. Все пришли в движение, когда завеса открылась и икона стала всем видна. Когда я уходил от этого торжества Православия, от благодатной, исторически Православной святыни, причетник опять закрыл завесой Лик иконы.

Позднее я узнал, что католики позволяют себе так поступать, когда под воротами проходит крестный ход православных или везут покойника.

Еще раз с улицы увидел я уже закрытый Лик и покинул эти женские фигуры, молящиеся с тихим шепотом на устах. Так молились их бабушки, не зная, не понимая, только веруя. Их не займет вопрос о благодати. Они не станут узнавать, кто св. Николай Чудотворец, почивающий с XI в. в ныне католическом Бари, когда-то находившемся под управлением Константинопольского Патриарха. Они не знают, что Остробрамская икона также принадлежит не католикам, как Гроб Господень – туркам, так как обе святыни находятся только в политическом, так сказать, владении у неправославных людей.

Нет, зато у нас в Православной Церкви «благодать возблагодать». Нужно только работать, служить Церкви, проповедывать Ее непобедимость *(Мф. 16, 17)*.

Какое счастье в этом заключается! Вне Церкви люди работают только для Ее разрушения; внутри Церкви работа созидательная, плоды этой работы вечны и спасительны для христиан.

В. Ш.,
лектор Петербургской Духовной академии

АСКЕТИЗМ КАК ОСНОВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы уже перестали удивляться тем жестокостям, ни с чем не сравнимым зверствам немцев, о которых теперь документально засвидетельствовано и голосом военачальников, и воззваниями ученых, и протоколами целых комиссий, и протестами правительств всех воюющих с немцами держав. Ма-

ло того, путем многочисленных справок теперь доказано, что такое поведение немецких солдат, от низшего и до высшего, является не какой-нибудь случайностью, аффектом, а сознательной, планомерной, заранее принятой в расчет тактикой. Оказывается, что эти зверства коренятся на философских предпосылках самых блестящих представителей немецкой мысли и науки, оправдываются немецкими и учеными, и богословами, и моралистами, предписываются, и уже давно, самыми выдающимися их государственными деятелями и полководцами. А посему не только у нас в России, но и в других культурных странах очень удивляются, как могла развиться такая планомерная жестокость, такая сознательная грубость нравов. Ведь Германия – культурнейшая страна, ведь немцы – одни из передовых, образованнейших, культурнейших, просвещеннейших народов. Естественно, посему, что удивительные, потрясающие, кошмаром давящие факты последней войны поставили под сильное подозрение саму культуру немецкого народа. Ведь, если русский народ, далеко не славившийся своим образованием, наполовину даже и неграмотный, малокультурный, показывает на тех же полях сражений дивные, чисто евангельские подвиги любви и сострадания даже к жесточайшему, озлобленному врагу, то уж, действительно, не виновата ли в сплошных фактах немецкой жестокости и зверствах именно их культура? Уж не разница ли в культуре между немцами и русскими и сказывается в разнице поведения немецкого и русского солдата? Вот почему в последнее время начали так настойчиво говорить об особенностях культуры у немцев и у русских. Вот почему теперь настойчиво и всюду говорят о необходимости пересмотра взглядов на образование, культуру, проповедуют о ценности самобытной русской культуры, о необходимости тщательного изучения особенностей и основ последней. Действительно, дерево познается по плодам своим (*Лк. 6, 44*), не собирают на репейник смоквы, и на терновник – винограда (*Мф. 7, 16*). Итак, постараемся и мы разобраться, в чем заключаются основные черты различия меду немецкой и русской культурами, давшими столь различные плоды при испытании, постигшем тот и другой народ.

Под именем немецкой культуры обыкновенно разумеется т. н. Западная культура, что, как увидим, имеет свои серьезные причины. Основным элементом того, что именуется западной культурой, является, несомненно, европейское просвещение. Основными же чертами европейского просвещения, как известно, является рационализм, индивидуализм и материализм.

Еще с начала эпохи возрождения наук и искусств, когда даже в келлии монаха на Западе затеплилась лампада пред статуей Аристотеля, дерзкий разум человеческий, противоборствовавший смиренной вере, стал быстро входить в свои мнимые исключительные права в деле руководства жиз-

нью человечества. И вот, через несколько столетий, в храме Богоматери, в столице тогдашнего культурного міра торжественно провозглашается культ разума! А разум уже в первое время своего господства смело заявляет устами Декарта, что истинным можно признать только то, что ясно для него – разума. А посему вскоре единственно реальными фактами стали признавать только явления, подлежащие наблюдению наших внешних чувств, отвергнув все, что лежит за пределами нашего эмпирического познания[1023]. А т. к. идея Бога и большинство истин религиозного ведения наблюдениям внешних чувств не подлежат, то отрицание бытия Бога и, вообще, духовного міра стало обычным фактом на Западе. Но если нет Бога, то, значит, Бог – это я; так неизбежно должен умозаключить гордый разум человека. И вот человек становится мерою всех вещей. И действительно, на Западе уже давно, следом за рационализмом, стал развиваться крайний индивидуализм.

Личность, поставившая себя на место Бога, должна была, конечно, требовать полной независимости от кого бы то ни было, полной свободы. Поэтому поднялась на Западе многовековая борьба за всевозможные права личности, свободы. И доселе там всюду говорят и требуют всевозможных прав, но совсем мало говорят и проповедуют об обязанностях к другим ли, к себе ли самому, а тем более – к Богу. Многовековая борьба за всевозможные свободы дала на Западе в области религиозной – протестантство, в области государственной – длинную и широкую волну революций, государственных переворотов и всевозможных систем устроения государственной жизни, вплоть до анархизма. В области личной жизни эта борьба привела ко всем известному учению Фридриха Ницше и многочисленных его последователей о т. н. сверхчеловеке или, как теперь всем стало ясным, о человеке-звере.

С другой стороны, крайности рационализма привели Запад к самому широкому и всестороннему материализму, определившему все области его жизни. Не только отрицание, но даже одно сомнение в бытии духовного міра производит полный переворот в жизни человека. Действительно, если жизнь человека ограничивается только земным пребыванием, то, прежде всего, должно резко измениться представление о жизни человека. Все интересы его тогда ограничиваются землей и периодом в несколько десятков лет, характер этих интересов поэтому станет исключительно материальным. Ведь, коль скоро со смертью уничтожается человек, то цель земной жизни можно находить только в земном счастье, под которым, в таком случае, будут разуметься, прежде всего, материальные, плотские удовольствия: они ведь особенной яркостью и привлекательностью отмечаются. «Тело, в таком случае, относится к самой сущности человека – мало того: тело во всей его целостности и есть сама сущность человека.

Это тело ощущает и размышляет, желает и любит»[1024]. Как же относиться к его запросам? «Пользуйтесь, – говорит Фейербах, – благом жизни и, по мере сил и возможности, уменьшайте ее зло (материальное)». Ярко эту мысль рисует Гейне. Вместо песни:

«... о юдоли земной, о счастии, всегда скоротечном,
о міре загробном, где дух просветлен, в блаженстве купается вечном», – эта песнь ему не по душе. Нет, – говорит он:

«... Новую песнь, о друзьях, пропою для вас я, песнь лучшего склада:
Устроить небесное царство себе нам здесь, на земле, уже надо.
Уже здесь, на земле, будем счастливы мы.
Про голод – ни слуху, ни духу!
Того, что добыто прилежной рукой,
Не жрать уж ленивому брюху!»[1025].

«Назначение человека, – говорят социалисты, – быть счастливым, но счастлив только тот, кто имеет возможность удовлетворить свои потребности и в этом удовлетворении находит наслаждение. Чем больше наслаждений и чем разнообразнее потребности, тем больше счастья»[1026]. А т. к. Для удовлетворения потребностей нужны деньги, деньги же для большинства приобретаются тяжким трудом, то вся Европа постепенно погрузилась в труд чрезмерный, поистине каторжный, подрывающий силы, здоровье, сокращающий жизнь.

С другой стороны, потворство потребностям развивает и умножает их. Они обращаются в страсти, которым и предела нет на земле. Так, постепенно, освободив себя от власти Бога, человек западной культуры подчинился грубой природе и при том – ее худшей стороне. Законы природы стали считать обязательным законом для человека[1027]. А т. к. основной закон природы – борьба за существование, то поэтому основой жизни человека стали считать не любовь, а эгоизм. Сверхчеловек Ницше ненавидит любовь и сострадание, не признает никого достойным своего внимания, кроме своего «я». Итак, по мнению западной культуры, «у человека нет другого Бога для поклонения, кроме самого себя; нет другой души для облагорожения, кроме мозга; нет другой религии, кроме той, к которой склоняется капризный человеческий вкус; нет другого различия между добром и злом, как то, которое ему угодно выбрать; нет будущей жизни, кроме воспоминания в потомстве; нет другого Промысла, кроме роковых законов необходимости»[1028].

Итак, рационализм, враждующий против Бога и религии, индивидуализм, возводящий человека на место Бога и освобождающий его от всяких законов и обязанностей, и материализм, погружающий человека в заботы об удовлетворении плотских потребностей и страстей, – вот те основы, на

которых зиждется образование на Западе. Можно ли на таком «древе» ожидать «плода добра»?

Но нам скажут, что таково образование не в Германии только, но и везде на Западе, даже и у нас, в России; однако ужасные результаты его мы видим только у немцев. Действительно, это так. Но это свидетельствует только о том, что культура не исчерпывается одним образованием: оно только один из составных элементов культуры, правда, элемент самый важный и устойчивый. Содержание и характер культуры зависит еще и от природных дарований и, особенно – от религии каждого народа. Ведь в одной школе у одного же учителя каждый ученик имеет свою индивидуальность; то же наблюдается и среди народов, подлежащих одной и той же системе образования. И вот, оказывается, что западное образование особенно благоприятную почву нашло у немцев, в природных особенностях их характера, а особенно – в их религии.

Немцы издревле отличались своей грубостью, эгоизмом, жестокостью, разбоями, грабительством, гордостью, высокомерием. Изучающий немецкую мифологию, в коей несомненно выявились национальные особенности характера немецкого народа, невольно убеждается, что западное, материалистическое, индивидуалистическое образование как бы нарочито выработано для немцев. По немецкой мифологии, мір создан на убийстве: из трупа и крови великана Имира, убитого богом Одином. Вся загробная жизнь, по этой мифологии, протекает в ожесточенной борьбе ради самой борьбы, ради как бы кровожадных зверских инстинктов. Души умерших героев стекаются в чертоги бога Одина и каждое утро выезжают в сопровождении Одина на бой; они делятся на партии и рубят друг друга, сколько хватит сил. К вечеру отрубленные части срастаются, раны заживают с тем, чтобы назавтра опять можно было заняться тем же упражнением, той же резней: в ней, очевидно, содержится весь смысл их жизни, все их блаженства. Эта безумная, хуже, чем зверская, борьба самоистребления закончится борьбой всех стихий міра, в которой погибнет все: и мір, и души, и сам Один[1029]. Конечно, только такому народу, с таким преданием прошлого, с такими национальными особенностями характера, особенно близок принцип борьбы за существование, эгоизм, гордость, самомнение.

С другой стороны, немецкому усвоению принципов западного образования способствует и религия немцев. Дело в том, что образование далеко не всей массе народа доступно. Если человек прошел школу среднюю, а то и высшую, но по условиям своей жизни не имеет возможности продолжать своего развития путем самообразования, то он, в конце концов, не выработает самостоятельного цельного міровоззрения, живет уже готовым, наполняющим всю окружающую его сферу міровоззрением. Боль-

шинство же, особенно простого народа, будучи совсем лишено возможности самостоятельно вырабатывать свое міровоззрение, живет міровоззрением религиозным, доступным всякому, самому простому, необразованному человеку. Поэтом всюду народные массы и даже в большинстве низшие слои интеллигенции живут міровоззрением не господствующих по преимуществу философских и научных систем, а скорее міровоззрением их религий. Религия – это могучая сила в созидании культуры. Она могуче влияет даже на людей, ее отрицающих. И вот, оказывается, что религия немцев – протестантизм как нельзя лучше соответствует началам именно западного образования. Рационализм, на котором выросло это образование, – лежит в основе и протестантизма. Индивидуализм – отличительная черта характера этого образования – является основной чертой и протестантизма: последний, как мы сказали, и вырос в борьбе религиозной личности за свободу. Личность в протестантизме не имеет никаких ограничений. Ведь в протестантизме Слово Божие, почитаемое за основу религии и культа, истолковывается разумом каждого, а потому каждый имеет право видеть и находить там все, что ему заблагорассудится. Церкви, как среды, ограничивающей религиозный произвол личности, в протестантизме нет: там каждый спасается сам собой. С такими основными чертами протестантизм явился самой благоприятной почвой для произрастания и расцвета материалистического и индивидуалистического направления науки и образования в немецком народе.

Итак, мы видим, что именно у немцев западная культура могла найти свое полное воплощение. Поэтому вполне справедливо принято в последнее время именовать западную культуру культурой немецкой. Упомянутые же факты настоящей войны наглядно показывают, какова эта культура, куда она ведет, что она может сделать не только с отдельным человеком, но даже с целым народом при благоприятных для нее условиях. Имя немцев стало синонимом варварства. А меду тем, весь культурный мір и теперь следует тому же образованию, видя в нем последнее слово истины. Правда, это образование только у немцев дало такие горькие плоды, но это не значит, что подобных же плодов оно не может принести у других народов. Если у других народов отрицательное его влияние встречает препятствие со стороны природных особенностей национального характера, то ведь известно, что у человека бывает и другая природа: привычка, говорят, вторая природа; известно, что продолжительным, настойчивым и сильным влиянием можно и природные наклонности и задатки изменить, извратить или растерять. Если у других народов западное образование встретило противодействие со стороны религии, то мы видели, что это образование очень усиленно борется с религией, ведет к ее уничтожению, а образованный класс всего культурного міра достаточно ясно говорит, что

делается с религиозными убеждениями под влиянием такого образования. Значит, немецкая культура – зло, угрожающее всему міру. А между тем, так недавно весь мір, а мы, русские, особенно, преклонялись пред этой культурой. Мы все так искренне скорбели о своей русской отсталости, некультурности. Теперь, с наступлением отрезвления от этого упоения немецкой культурой, на обязанности каждого образованного русского человека лежит не только себе самому уяснить идеалы нашей родной русской культуры, ее основ и особенностей, но настойчиво проповедовать об этом всюду и всегда.

Конечно, основы и особенности нашей родной культуры мы не должны искать у образованного нашего класса, в достаточной мере и степени уже зараженного немецкой культурой. Мы должны обратиться к простому русскому народу. Это уже давно лучшими русскими людьми славянофилами не только сознано, но и смело высказано в печати. А если так, то нам нет нужды доказывать, что в основе русской культуры лежит не рационализм, а вера, и при том в самой чистой, в самой истинной форме Православия. Всем ведь известно, что почти единственной культивирующей силой для всего русского народа в допетровское время и для всего простого народа до последних дней была и есть Православная Церковь. И Русское христолюбивое воинство в настоящее время всему міру доказало, насколько глубоки корни этой силы в русском сердце и до сего дня. А если так, то наша задача упрощается: коль скоро русская культура – культура Православного Христианства, многое становится понятным. Нет нужды, например, говорить подробно о полной противоположности русской культуры культуре немецкой. В ее основах нельзя искать немецкой гордости индивидуалиста, сверхчеловека, в ней заложено смирение, самоуничижение, любовь к ближнему; нет в ней того обмірщения, материализма, эвдемонизма, каким пропитана немецкая культура, – в основе ее заложено учение о загробной жизни, как последней цели человека, о ничтожности, бренности и преходящем характере всех земных благ, удовольствий и радостей, учение о культуре не плоти, а духа своего. Все это становится само собой понятным, коль скоро признано, что русская культура есть культура Православной Церкви.

Но нам хотелось остановить ваше благосклонное внимание на одной основной черте русской культуры, которая является самой характерной чертой, отличающей ее от культуры немецкой. Эта черта стала изглаживаться не только в нашем образованном классе, но отчасти и в простом народе, но она является самой яркой, самой естественной, можно сказать, – единственной формой воплощения начал христианской культуры в личной жизни каждого, а поскольку личность влияет на общество, и в жизни общества и государства. Мы хотим говорить об

аскетизме, как основной черте русской культуры, поскольку эта последняя является культурой православной. В последнее время об аскетизме говорят и пишут много и нередко относятся к нему отрицательно, но если мы дадим правильное понятие об аскетизме и заглянем в основы, на которых он коренится, то для нас станет ясным, что подобные речи вытекают из неправильного понятия о нем или из недостаточно отчетливого представления о его основах.

Слово аскетизм происходит от греческого глагола ἀσκέω – старательно, искусно обрабатываю, обделываю, прилежно занимаюсь, упражняюсь, особенно гимнастикой, приучаю себя, привыкаю делать, вообще – упражняюсь, стараюсь, занимаюсь.

Аскетизм в широком смысле означает основной закон жизни христианина, определяющий его отношение к себе самому и повелевающий ему путем постоянной борьбы с искушениями от міра, плоти и диявола приходящими, побеждать, с помощью Божией, господствующие в нем страсти и наклонности, приобретать и развивать в себе силы для достижения нравственного христианского совершенства, для уподобления Христу, для воплощения в себе закона евангельского.

Аскетизм в узком смысле означает известную форму жизни христианина в отречении от міра, внешних благ, собственности, от воли своей, от брака – ради всецелого посвящения себя на служение Богу. Это всем известная форма жизни – монашество.

Поскольку мы взялись говорить об аскетизме, как основе русской культуры, мы берем аскетизм в широком смысле. Именно в таком смысле аскетизм требуется от каждого христианина, кто бы он ни был. Эта общеобязательность аскетизма особенно наглядно выступает при уяснении основ, на которых базируется аскетизм христианский: он неразрывно связан, он логически вытекает из самых основных положений христианского міровоззрения.

Бог, по учению христианскому, не только Творец, но и Промыслитель и Спаситель міра. Ни один волос на голове человека не падает без Его благой воли, и воля эта направляет все в міре к добру, а посему человек должен всецело подчинять свою волю благой воле Божией, должен всячески ограничивать свою волю на каждом шагу. Не гордость, а смирение, самоуничижение – вот идеал христианина в таком случае. «Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли», или как взывал Богочеловек к Отцу Своему: «Не Моя, но Твоя воля да будет» – вот постоянная арена обязательной для каждого христианина работы над своим своеволием, над своей свободой. Эта работа, это постоянное самоограничение и есть аскетизм, обязательный для каждого. Понятие о Боге Промыслителе и Спасителе, таким образом, требует от каждого христианина аскетизма.

Мір, по учению христианскому, – творение Божие, о котором он Сам сказал: «Добро зело!» Но грех человека повредил всю природу. Мір весь во зле *(Ин. 5, 19)*, а посему целью жизни человека на земле должны быть не земные радости, услады, а вечная, загробная жизнь. Земная жизнь – это школа для подготовки к жизни вечной, и потому она имеет ценность только постольку, поскольку благоприятствует этой подготовке. Правда, христианство не отрицает и земных радостей: царство Божие, мир, радость о Дусе Свяге начинается уже здесь, на земле, поскольку это возможно среди земных условий жизни. Но т. к. многие земные удовольствия, радости и наслаждения удаляют человека от Бога, от главной цели жизни, то христианин обязан ограничивать свои привязанности к этому міру со всеми его радостями и наслаждениями. Христианин имеет право и есть, и пить, и иное что делать, но так, чтобы все это было во славу Божию *(1 Кор. 10, 13)*. Значит, в своих отношениях к міру каждый христианин должен быть настороже, должен заботиться не о расширении земных радостей и удовольствий, как учит немецкая культура, а об их сокращении, о воздержании. А это и есть основной принцип аскетизма.

Но особенно ясно выступает общеобязательность аскетизма в христианстве из учения о природе человека. Человек, по слову Божию, создан по образу и подобию Божию и есть венец всех творений Божиих; но грех прародителей извратил природу человека, помрачил в ней образ Божий, хотя, правда, и не уничтожил его. После этого человек всегда чувствует в себе два закона: один – влечет его к Богу и ко всему, в чем выражаются свойства Божии, – к истине, к добру, к красоте, а другой закон влечет человека к міру, во зле лежащему, ко злу, к плоти. Эти два закона жизни личности постоянно противоборствуют за обладание всем человеком, и перевес одного влечет за собой ослабление другого. Трогательно изображает безпомощность человека в этой борьбе св. апостол Павел. *«Знаю, что не живет во мне, то есть, в плоти моей, доброе; потому что желание есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Итак, я нахожу, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек!»* (Рим. 7, 18 - 19; 21 - 24). Борьба этих двух законов идет не в душе только, но и в теле; но т. к. тело больше склонно к подчинению закону греха, но на богословском языке все в природе человека, что влечет его к греху, исходит ли оно от тела или от души его, именуется плотью; высшая же сторона души человека, влекущая его к Богу, именуется духом. Итак, в человеке всегда идет борьба между духом и плотью. Само собой разумеет-

ся, что на обязанности каждого христианина лежит поэтому быть всегда настороже в этой брани, всегда бороться с законом греха, всегда поддерживать, укреплять и развивать закон духа. А это и есть аскетизм. Мало того, о той же необходимости и общеобязательности аскетизма говорят сами законы психической жизни человека, законы его духовного умирания или возрастания.

Известно, что всякая, самая естественная потребность, даже высшие наши стремления, при постоянном, настойчивом их удовлетворении, развиваются, переходят в навыки, а навыки переходят в страсти, страсти же в своем развитии не имеют границ. Самая естественная потребность в пище переходит в чревоугодие; потребность в питье рождает пьянство; потребность в одежде и жилище ведет к безумной роскоши, расточительности; инстинкт к продолжению рода переходит в мерзкое распутство; даже стремление к истине переходит часто в сатанинскую гордость, вражду к вере; стремление к любви – в злобную ревность; стремление к красоте – к уродству футуристов и т. п. Поэтому христианин обязан заботиться не о развитии, а о воздержании, об ограничении, об отсечении страстей, о борьбе с ними, о направлении их на путь к Христу. С другой стороны, и на пути нравственного совершенства человек может двигаться только постепенно, только путем постоянного, настойчивого упражнения в добре, путем созидания в себе добрых навыков, наклонностей, а все это опять требует от человека постоянной борьбы с косностью, с леностью, с инертностью. Итак, христианское понятие о природе человека ясно говорит, насколько общеобязателен аскетизм в христианской культуре. Считаем возможным упомянуть при этом, что эта психологическая сторона аскетизма так настойчиво говорит о его необходимости для нравственной жизни каждого человека, что, выходя из этой основы, все религии и даже лучшие философские системы, имевшие в виду нравственное развитие человека, проповедовали и проповедуют аскетизм, конечно, своеобразный. Так было у греков, евреев, индусов, буддистов, магометан и древних философов. Итак, аскетизм, как основной принцип нравственной жизни человека, есть обязанность каждого христианина.

Со стороны своего воплощения этот принцип жизни христианской представляет собой весьма разнообразные виды, формы упражнения в духовной жизни по заповедям Божиим, в зависимости от индивидуальности каждого христианина. С одной стороны, мы видим здесь целые системы духовной, так сказать, медицины, исследующей и врачующей болезни духа человеческого, а с другой стороны, – это целая сложная школа, система воспитания человека во Христе, возрастания его в жизни духовной, святой; здесь мы видим целую длинную «лествицу восхождения к небеси».

Теперь, если мы сравним аскетические начала и основы христианской культуры с началами культуры немецкой, то мы увидим, насколько эти культуры противоположны одна другой. Немецкая культура основана на рационализме, борьбе с религией; она отрицает Бога, загробную жизнь, ограничивает интересы человека земными радостями и наслаждениями, ревнуя об их умножении и расширении, проповедует крайний эгоизм, индивидуализм, неограниченную никакими нравственными законами свободу. Христианская же культура основана на вере, коренится в религии, целью своей имеет служение человека Богу, вводит аскетическое отношение к міру, к себе самому, ведет борьбу с греховными наклонностями, страстями, видит назначение человека в загробной жизни, вечном блаженстве, проповедует смирение, самоотречение, самоотверженное служение Богу и ближнему. Таково міровоззрение, лежащее в основе христианской культуры.

Теперь, если мы обратимся к русскому народу, то легко убедимся, что он по самим природным особенностям своего характера представляет собой самую благоприятную почву для наслаждения именно такой культуры; что со времени просвещения русского народа светом веры Христовой именно эта культура насаждалась в сердцах и умах русских людей; что она именно вошла в плоть и кровь русского народа и принесла достойные себя богатые плоды на Русской земле» что эта культура сохранилась в глубине души русского народа и до сих пор.

Еще до принятия христианства, русские славяне обнаружили черты характера наиболее благоприятные для восприятия христианской культуры. Их отличительной чертой, по свидетельству и иноземных историков, и древних русских былин, были смирение, терпение, кротость, доброжелательство, миролюбие, чувства, как видим, совершенно противоположные тому, что восхваляются в немецкой мифологии. По словам Прокопия, у славян не было «ни зложелательства, ни коварства». Император Маврикий подчеркивает их благосклонность и гостеприимство к чужестранцам, сердечное отношение к бедным, к нищим, к родным, к пленным, к рабам, их миролюбие, отвращение к войне. О том же говорят раскопки в древних славянских курганах, где находятся почти исключительно предметы мирной жизни и весьма редко – оружие. Те же самые черты народного характера ярко выразились в былинном образе Ильи Муромца, которому отец не дает благословения на худые дела и внушает: «Не помысли злом на татарина, не убей в чистом поле христианина», или Добрыни Никитича, скорбящего о том, что ему по обязанности хранителя Руси приходится «убивать неповинные души, проливать кровь напрасную, слезить отцов, матерей, вдовить молодых жен, пускать (по міру) сирот малых детушек». Если и мечтает русский богатырь Микула Селянинович о радостях зем-

ных, то он понимает веселие это в очень скромных, благородных и мирных формах: только в обществе других, после тяжелых мирных трудов, за чарой домашнего пива[1030].

Когда же русский народ принял христианство, то на целый ряд веков укрепилась на Руси проповедь строго аскетического святоотеческого міровоззрения, принесенного к нам из Византии, где это міровоззрение к этому времени достигло наивысшего развития. Аскетическими идеалами пропитана вся древнерусская, переводная и оригинальная литература. Из святоотеческой литературы переводились почти исключительно только аскетические и нравоучительные творения; любимым чтением были жития святых, главным образом, подвижников и мучеников, особенно ярко воплотивших в себе аскетический идеал; таковым же содержанием наполнены и Прологи. Эта богатая литература очень усердно читалась в храмах во время богослужения, где, например, на утрени полагалось по три объяснительных чтения из св. Отцов и «чтений от бытия» – житий святых, коими заменялось чтение паремий. Чтения эти были очень продолжительны, по полтора-два часа. Эта же литература была домашним любимым и единственным чтением русского народа[1031]. Даже все летописи наши пропитаны глубоким аскетическим духом. Нет нужды говорить о том, что само богослужение Православной Церкви, вполне понятное в то время в своей нравоучительной части русскому человеку, также целиком пропитано теми же аскетическими идеями. Міровоззрение, проводимое всей этой литературой и просветительной деятельностью Церкви, отличается необыкновенной целостностью, стройностью, единством и величайшей авторитетностью. Все оно говорит настойчиво об аскетизме в строгом смысле, о подвижничестве, о монашестве, об отречении от міра, о жизни вечной.

Здесь самыми яркими чертами изображается контраст между «будущими благами непреходимыми и вечными, «Царствием небесным безконечным» и «прелестью жития сего суетного, в нем же вся мимо текут и мимо ходят». Служение міру – это рабство диаволу[1032]. «Не возлюбите от сего ничего же: вся бо сия, яко дым, исчезают, и яко прах от ветра разметаются, и яко цвет и злак травный увядают и в персть вселяются»[1033]. «Аще ли любо мудрец желает быти, не веселися о красных жития, о безумии міра сего прелеснаго»[1034]. «Мерзка есть жизнь сия и тяжка, Божия же служба и работа легка и сладка»[1035]. Чисто аскетический взгляд приводится здесь и на природу человека: она грехом растлена, падкая до греха, нет места чистого в ней, «дела человека – бездна отчаяния», сама правда человеческая – «тина злосмрадная», сама любовь мірская – не любовь[1036]. Очень настойчиво поэтому проповедуется здесь предпочтение духовных благ мірским, телесным. «Да оставим, братие, телесныя похоти, но, духовных дел плоды творяще, будем подобни ангелом»[1037]. Тело поучает на гре-

хи, а душа – на добродетель... Не на сию бо жизнь сотворени быхом, но на райскую»[1038]. «Предпочитай путь узкий, трудный, острый, иже скорбен греха ради, весел же о Бозе»[1039]. Да и вообще всюду здесь проповедуются, как идеал, жизнь монашеская, отшельническая. «Даже худая монашеская жизнь, – по словам Кирилла Туровского, – несравненно честней и блаженней светлой жизни мірской»[1040]. И этот идеал считается здесь обязательным не для монахов только, но и для в міре живущих: «Не мнихом токмо, и молчальное, и пустынное житие держащим, но и всем сущим в городах и селах живущим и с женами, и чады». «И в міру сый, подвигнися угодити Богу! Мощно бо и в міру сущу каждому творити заповеди Божии... а не творим, то о том нам будет лют ответ». «Не место спасает, ни ризы черные, ни монастырь, ни пустыня» сами по себе, «а дела»! Правда, мірян «не погубят ризы белые»; правда, заботы о жене, о детях, о родных не только не греховны, наоборот, обязательны для семейного человека; правда, даже «и богатство несть зло, аще добре строим»[1041], но всем этим можно пользоваться только под тем условием, чтобы в отношении ко всему этому лежал аскетический принцип воздержания, смирения, милосердия, постоянное убеждение, что все это не самодовлеющие блага, а средства приобретения благ вечных, при пользовании ими во славу Божию. Эта настойчивая широкая проповедь аскетизма наложила глубокий отпечаток на всю жизнь русского народа. Аскетическим идеалом пропитаны были все слои русского народа. История ясно говорит об этом. Русский витязь, князь, равно как и крестьянин, мечтали о монашестве, как о самом лучшем образе жизни, и хоть пред смертью принимали пострижение. Монастыри на Руси умножились до того, что им, как известно, принадлежала 1/3 всей территории Русского государства. Да и мірская жизнь на Руси сложилась по монашескому уставу: отрицательное отношение к забавам и развлечениям, похвала слез и безмолвия; воздержание, простота в пище, питье, жилище и обстановке, любовь к богослужению, строжайшее соблюдение постов, домовые храмы, ежедневные домашние церковные службы с многочисленными поклонами – вот обычная черта жизни русского народа, как воплощение аскетического идеала, настойчиво внушавшегося литературой и Церковью[1042].

Конечно, нет нужды говорить и об отрицательных явлениях в жизни русского народа. Эти явления еще ярче подчеркивают высоту аскетического идеала жизни русского народа, ибо эти отрицательные явления находили самое смелое и строгое обличение не только в устах проповедников, пастырей церковных, но и в народном самосознании, в народной литературе и поэзии. В ответ на проповедь Церковью аскетического идеала, русское общество дало чудный памятник того, насколько этот идеал вошел в плоть и кровь русского народа. Мы говорим о «Домострое» – этом

мірском уставе частной, семейной и общественной жизни русского человека. Здесь мы читаем тот же, что и в духовной литературе, призыв «уцеломудритися, живя по заповедем Господним и отеческому преданию, дабы в покаяние и в чувство и в страх внити.. путем узким и прискорбным, широкий и просторный вводяй бо в пагубу»[1043]. Вся домашняя обстановка жизни здесь построяется по образу монастырской жизни, приближается к храму[1044]. Здесь рекомендуется совершать ежедневно дома со всей семьей, с женой, детьми и домочадцами, службы церковные[1045]. Словом, настойчиво регламентируется все то, что веками внушалось русскому человеку духовной письменностью и Церковью Русской.

Нет нужды говорить о том, что этот идеал нашел на Руси целый сонм самых ярких воплощений в лице сотен великих русских подвижников из всех классов общества: из крестьян, и из духовенства, и из бояр, и из ратных людей, и из Князей[1046]. Их святое семя, им же стоит Русская земля, не прекратилось и доселе на Св. Руси. Мы уверены в этом, мы знаем это! Так глубоко запал в душу русского народа аскетический идеал!

Но не только лучшие люди на Руси воплощали в себе этот идеал. Нет, к нему стремились всегда и при первой возможности воплощали в своей жизни и самые последние люди на Руси, изгои общества. Замечательно трогательно об этом свидетельствует один памятник XVII в.: «История об Азовском осадном сидении донских казаков». До 14 тысячи казаков были осаждены целой армией турок в 240 тысяч. С целой сотней пушек. Надежды на спасение человеческими силами не было никакой. Да и сами казаки считали себя последними людьми, никому ненужными, не годными. Это ведь были беглецы из Русской земли, нередко – преступники, бежавшие от суда и виселицы. «Мы сами знаем, – говорят они, – какие мы люди на Руси, очередь свою мы сами ведаем... Нас на Руси не почитают и за пса смердящего». При таком смирении одна у них надежда: на Господа и св. угодников Божиих. И вот, готовясь к вылазке, как к смерти, они держат «пост и чистоту душевную», обращаются к Богу с горячей трогательной молитвой пред иконами Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи. Горячая молитва их утешает, ободряет: «Люди видели ясно, что от образа св. Иоанна Предтечи, от суха дерева, течаху многи слезы, аки струя». И вот, взяв с собой дорогие для них св. иконы, они делают такую смелую, стремительную вылазку, что турки в страхе разбегаются. Что же казаки? При своем величайшем смирении они не себе приписывают эту блестящую победу. «Милостью Божией, – говорят они, – и молитвами Пречистой Богородицы и заступлением небесных сил и помощию их угодников Предтечи Иоанна и Николая Чудотворца мы на вылазке бусурманов побили и в море потопили». Их подвиг покрыл Русского Царя и государство великой славой, а им самим «остальцам», которых «осталось

всего полчетверти тысячи», славы земной не нужно: они «взяли икону свв. Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца... и пошли на свой Тихий Дон и там сотворили обитель св. Иоанна Предтечи, атамана поставили игуменом и в монастыре учали жить и Богу молиться»[1047]. Вот чудный образ русского человека, вот дивные плоды многовековой аскетической русской культуры!

Но мы с великой радостью свидетельствуем, что этот дивный идеал русской культуры, проникнутой аскетическими началами, не забыт и до сих пор русским народом, несмотря на тот страшный переворот, который совершили в русской жизни грубые реформы Петра I. Нужно ли нам говорить о том, как и теперь простой русский народ любит монастыри, св. места. Десятки тысяч простого народа ежегодно пешком проходят тысячи верст, лишь бы своими глазами полюбоваться на идеал, радость своей жизни, услышать слово из уст какого-нибудь чтимого схимника или отшельника. Нужно ли говорить, как русский народ любит длинные монастырские службы, как строго он соблюдает посты, как скромен он и прост в своей жизни, и в пище, и в одежде, и в жилище, как неохотно он умножает свои потребности, как он вообще нетребователен, терпелив, выносливь, каким смирением, самоуничижением, любовью к страждущему он отличается! Не сотни, а тысячи примеров всего этого теперь на полях сражений удивляют весь мір! Весь мір заговорил о русском мужике, как поразительном подвижнике-христианине. Когда читаешь многочисленные письма наших солдат, невольно чувствуешь родство их с героями «Азовского осадного сидения»: те же мысли, те же чувства, то же настроение, и иногда те же выражения! Но этого мало. Мы с радостью убедились теперь, что и наша интеллигенция, несмотря на все язвы немецкой культуры, сплошным слоем покрывшие жизнь ее, в глубине души не забыла начал русской культуры: религиозность, смирение, самоотречение, выносливость, самоотверженная любовь явлены многими членами нашей интеллигенции, подвизающимися на поле бранном. Впрочем, мы и раньше должны были знать, что русская интеллигенция никогда не могла удовлетворяться слишком плотскими, земными идеалами немецкой культуры. Она всегда стремилась к чему-то высшему, небесному, чувствуя неудовлетворенность среди житейской суеты. Об этом ясно говорят и лучшие наши поэты, и классические наши писатели, и наши философы, и наши художники, и наши композиторы. Об этом же свидетельствовали издавна, да и теперь свидетельствуют, даже иностранцы. Вильям Палмер, например, ознакомившись с русским народом, говорит: «Я был очень удивлен в первое время моего пребывания в России, насколько значительнее характер носит (здесь) отпечаток смирения, братской доброжелательности, теплого чувства и почитания к святым вещам и вере, чем у нас, в Англии. Я знал и пре-

жде, что нас справедливо обвиняют в гордости и эгоизме, но раньше, чем я увидел здесь противоположное, я не имел представления о степени зла».

Еще Ренан, признав славян людьми «полными первобытных соков», которые «в одно время и новы в жизни, и древни по своему существованию», преклонялся пред «изумительным славянским духом с его пламенной верой, с его глубокой проницательностью, с его особенным понятием жизни и смерти, с его потребностью мученичества, с его жаждой идеализма, с его упорным оптимизмом, с непоколебимой верой в будущее человечества». Еще недавно французский общественный деятель Клемансо указывал на Россию, как на страну, где хранятся «непочатые залежи идеализма, открывающие для человечества необъятные перспективы». Наконец, на днях опубликованные адрес английских писателей к русским и речи в клубе путешественников в Лондоне, самыми яркими штрихами рисуют тот же чудный образ русского народа. Тогда как «материалистическая европейская цивилизация, – по словам английских писателей, подписавших адрес, – обнаруживает лживость своей сердцевины, России суждено внести в эту работу нечто свое», ибо об этом свидетельствует факт, что русская «литература для англичан последних двух поколений» была «источником неиссякаемого вдохновения» своим «неизменным тяготением к ценностям духовным в обход материальных», своим «неизменно присущим духу русского народа глубоко человечным, что запечатлелось в произведениях его искусства, литературы и науки». Русский народ, по словам членов лондонского клуба путешественников, «самый сердечный народ в мiре», «благороднейший народ». Особенно ценно свидетельство члена клуба, знаменитого путешественника Макензи Уоэллесса, несколько лет нарочито жившего в разных слоях русского народа и написавшего капитальный труд «Россия»: «Как у вас, в России, все стильно: жил я у священника, обстановки почти никакой, но внутренняя семейная жизнь чудная! Навещал крестьян – избы почти голые, но недовольства этим не заметил. Зашел к студенту – повернуться негде! Только в церквах у вас благолепие! И ни в ком из вас не видно огорчения от отсутствия комфорта в жилище, нет этой рабской погони за роскошью. Вы все в каком-то созерцании чего-то высшего, духовного. Величие вам готовит история!»[1048]

Итак, основной яркой отличительной и драгоценной чертой самобытной русской культуры является аскетический принцип, настойчиво проводимый в жизни и деятельности. Значит, теперь, когда мы воочию увидели ужасные плоды немецкой культуры, когда весь мiр убедился в лживости материалистической европейской цивилизации и с упованием ждет «света с Востока», на нашей обязанности лежит сосредоточить свое внимание на особенностях родной культуры, изучать их, проповедовать о них, вопло-

щать их и в личной, и в семейной, и в общественной, и в государственной жизни. Правда, часто раздаются голоса против аскетизма и в светской, и даже в богословской литературе. Говорят, что аскетизм ведет к умерщвлению тела, к уничтожению радостей земных, к гордости, к эгоизму, что он несовместим с общественным служением, требует обязательного удаления из міра в пустыню и т. п. Нам нет возможности разбираться в настоящее время во всех этих возражениях. Они только доказывают, насколько мало у нас знают истинный, христианский, православный аскетизм, насколько поверхностно иные о нем трактуют. Здесь же мы скажем только, что всем известные примеры аскетов даже наших современников опровергают все эти возражения. Разве не известно, какой радостью всегда было переполнено сердце преп. Серафима Саровского, всегда напевавшего в этой радости Пасхальный канон? Разве не известно, какой радостью всегда светилось лицо приснопамятного Амвросия Оптинского, прикованного многолетней болезнью к одру, и какую радость вливало в сердце богомольцев каждое слово этого старца? Разве о гордости, об эгоизме, об удалении от міра, разве о несовместимости аскетизма с общественным служением говорит пример дивного св. праведного Иоанна Кронштадтского? Нет, мы должны говорить только о том, что, конечно, нелегко проводить принцип аскетизма в теперешний строй жизни русского интеллигентного и вообще городского общества, почти насквозь пропитанного немецкой культурой. Но трудно – не есть невозможно, тем более, что теперь уже многие сознали, насколько этот принцип необходим во всех сферах и формах жизни. Каждый должен, изучая аскетизм, брать из него то, что соответствует форме и обстоятельствам его жизни. Ты человек весьма богатый, разве тебе не нужен аскетизм? Разве он несовместим с твоим богатством? Нет, если ты не будешь прилагать сердце свое к богатству своему, если ты, умножая богатство, не будешь употреблять его только на умножение своих прихотей, если ты будешь стыдиться утопать в роскоши, в то время, когда тысячи голодных просят куска хлеба, то ты будешь проводить в своей жизни принцип аскетизма, ты будешь воздержан и в пище, и в питье, и в одежде, и в жилище, и, зная, что дающего рука не оскудеет, то будешь жить так, что избытки твоего богатства осушат тысячи плачущих глаз, накормят тысячи голодных, оденут тысячи нагих, приютят тысячи безприютных. Примеры этому бывают даже в наше время! Ты – общественный деятель, ты ратуешь об упорядочении общественной и государственной жизни, разве тебе и твоей проповеди нет дела до аскетизма? Но как же ты можешь править общественными делами, когда ты, пренебрегая аскетизмом, сам раб своих страстей; как же ты можешь надеяться на введение порядка в том обществе, где господствует разнузданность, эгоизм, гордость, безнравственность – плоды пренебрежения аскетизмом. Ты – крупный предприни-

матель, фабрикант, купец и т. п. У тебя тысячи рабочих. Разве аскетизм заставит тебя обязательно бросить свое дело? Нет, смотри на свое дело, как на общественное служение, а не как на предмет своей личной наживы, позаботься о душевном и телесном міре своих рабочих, служащих, дай им возможность жить по-человечески, постарайся видеть в них своих братьев, и ты будешь проводить в своем важном общественном служении принцип аскетизма.

Ты – ученый деятель, вечно занят наукой. О, тебе знаком аскетизм: ты прикован к своему ученому кабинету, тебе нет времени на удовольствия, ты блюдешь диету в пище, знаком ты и с другими формами воздержания, но тебе нужен и христианский аскетизм: если ты видишь, что твоя ученая мысль работает во зло ближнему, во зло вере, религии, оскорбляет святыню, идет против Бога, останови ее, воздержись, одумайся, смирись... и ты будешь истинным христианским аскетом.

Ты – педагог, если ты правильно понимаешь задачи своей деятельности, то нет нужды доказывать тебе, как полезен тебе принцип аскетизма: ведь ты должен не только научить, но и сотворить, ты должен не только сообщать известный круг сведений своим питомцам, но и быть из воспитателем; а воспитание совершается не словами, а личным примером, а потому тебе особенно нужно быть строгим к себе самому, ты должен быть строгим аскетом.

Ты – бедный человек, рабочий, труженик... Нужно ли говорить, как полезен для тебя аскетизм. Он тебе скажет, что не твоя воля, а воля Божия совершается в твоей бедности, что не в земных удовольствиях и радостях счастье человека, что «претерпевый до конца, той спасется», что «блажени плачущии ныне, яко тии утешатся», и ты в бедности своей не только будешь счастлив, доволен, но и будешь щедрить совсем неимущему.

Ты – семьянин... О, как драгоценен аскетизм для тебя: он внесет довольство, мир, упорядоченность, стройность в семью твою; твоя семья будет тогда малой церковью, на которой явно будет пребывать благодать Божия; из твоей семьи будут тогда выходить чудные труженики, полезнейшие работники, дивные чада Церкви, слуги Царю и Отечеству, и слава их будет твоей славой! Но, довольно! Нет такого человека, нет такого положения, где бы неуместен, безполезен был аскетизм!

Итак, современные события призывают нас к аскетизму. Школа аскетизма известна и доступна русскому народу: это – чудное церковное богослужение, это – дивная духовная литература. Аскетическая литература у нас богата трудами даже современников наших: какое чудное чтение для развития духа аскетизма представляют собой творения недавно почивших Феофана Затворника или Иоанна Кронштадтского! А какое чудное наставление в аскетизме представляют и доселе дивные жития св. угодников Бо-

жиих, в издании хотя бы Св. Синода или Поселянина! Но вот наступает Великий пост, время особенно благоприятное для аскетических подвигов, когда Церковь особенно настойчиво призывает к воздержанию телесному и духовному. Кто хочет постигнуть всю пользу христианского аскетизма, воспользуйся всецело этим временем. Посещай неуклонно чудные великолепные службы, прислушивайся, вникай в каждое слово, чтомое и поемое там, и ты постигнешь глубины христианского аскетизма. Одни чудные мефимоны сколько скажут твоему сердцу и уму! А чудные воспоминания страдальцев за веру Христову, поклонение Кресту Животворящему, прославление преп. Иоанна Лествичника, преп. Марии Египетской и прочее, о, какое во всем этом богатство уроков в аскетизме. Можно решительно утверждать, что если бы кто из нас решился всецело предаться водительству Церкви, хотя бы на один Великий пост, он вышел бы из него перерожденным, он постиг бы великую пользу, увлекательность, сладостность христианского аскетизма и, как наши предки, сказал бы: вкусивши сладко, не хочу горького. Он стал бы ревностным проповедником аскетизма, а с ним и самобытной русской культуры. О, если бы больше было таких людей: жатвы много, делателей же мало! Весь мір ждет света с Востока, зари новой культуры. Молитесь же Господину жатвы, да пошлет Он делателей на ниву Свою!

Архимандрит ТИХОН (Тихомиров),
профессор.

ПРИМЕЧАНИЯ
И
КОММЕНТАРИИ

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ЕПИСКОПА АРСЕНИЯ (ЖАДАНОВСКОГО)

Родитель

Печатается по: *Б.* Протоиерей о. Иоанн Жадановский (Некролог). Харьков. Тип. Губернского правления. 1907. 11 с. (оттиск из журн. «Вера и разум» за 1907 г.).

Послужной список наместника Московского кафедрального Чудова монастыря архимандрита Арсения за 1906 год

Печатается по: Клирные ведомости. Монашествующие по г. Москве и уездам за 1906 г. // ЦГИА. Ф. 203. Св. 760. № 2644. Оп. 744. Л. 1 об.-3.

Братия Московского кафедрального Чудова монастыря

Печатается по: Клирные ведомости. Монашествующие по г. Москве и уездам за 1906 г. // ЦГИА. Ф. 203. Св. 760. № 2644. Оп. 744.

Предсказание

Печатается по: *Монахиня Сергия (Клименко).* «Минувшее развертывает свиток...» Издательство Московской Патриархии «Благо». 1998. С. 104-105.

Автор книги – *монахиня Сергия* (Клименко, 2.1.1905 ‡ 24.9/7.10.1994).

Что касается года посещения Чудова монастыря Императором Николаем II, то здесь, вероятно, имеет место неточность. Во-первых, в Царском дневнике 1904 г. нет на это указаний. Во-вторых, знакомство Е. Л. Четверухиной с о. Герасимом относится к 1906 г. (См. об этом в приложении к 1-му т. наст. Изд.). Государь не раз бывал в Чудовом: в 1912, 1913 годах. Другое такое посещение зафиксировано в дневнике 1914 г. (к тому времени о. Герасим уже скончался), причем упоминается и Вел. Кн. Елизавета Феодоровна, тогда уже настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве: «5-го августа. Вторник. Утро было солнечное и теплое. В 11 час. начался выход в Успенский собор и после молебна – в Чудов монастырь, откуда мы вернулись в экипажах». См. ранее не публиковавшиеся воспоминания об этом дне ниже – в отрывке, озаглавленном «Владыка Арсений и архимандрит Серафим (Звездинский)».

Храм-усыпальница Великого Князя Сергия Александровича

Печатается по: *Лобашкова Т. А.* Храм-усыпальница в Чудовом монастыре // Московский журнал. М. 1998. № 4. С. 52-55.

1. Приводим рассказ одного из сотрудников музеев Московского Кремля писателю П. П. Паламарчуку: «В 1985 г. при рытье траншеи на Ивановской площади случайно наткнулись на уцелевший склеп Вел. Князя Сергея Александровича, находившийся в подклете Алексиевского собора Чудова монастыря. Откопали две камеры, во второй из которых стоял гроб с серебряными накладками. Вскрыли его и обнаружили облаченные в полуистлевший мундир останки тела, собранного из кусков после убийства. Взявши в музей только серебро, остальное все-таки не стали окончательно нарушать, а вновь закрыли и засыпали землей – до будущих поколений» (*Паламарчук П. П.* Сорок сороков. Т. 1. М. 1992. С. 118).

Освящение памятника и усыпальницы

Печатается по: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. I. М. Издательство имени Сабашниковых. 1997. С. 296-297

Автор воспоминаний – *Владимир Федорович Джунковский* (1865-1938) – генерал-адъютант, генерал-майор; адъютант при Великом Князе Сергее Александровиче. Московский вице-губернатор (с 12.8.1905), губернатор (с 11.11.1905). Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1913). Масон. За фабрикацию заведомо лживых материалов, компрометирующих Г. Е. Распутина, отправлен на фронт. Клеветой на Распутина настраивал Вел. Кн. Елизавету Феодоровну, к которой вошел в доверие, против ее сестры – Императрицы Александры Феодоровны и самого Государя Императора. Командир 8-й (1915), а потом 15-я стрелковой Сибирской дивизии. После революции многократно арестовывался. В 1918 г. в тюрьме принял предложение о сотрудничестве с ЧК. Участвовал в чекистской провокации – операции «Трест», направленной против зарубежных и внутренних монархистов. Работал учителем физкультуры в Москве. Расстрелян.

2. *Великий Князь Владимир Александрович* (1847 ‡ 1909) – сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1884-1905). Член Государственного совета, член Комитета министров. Президент Академии художеств.

3. См. прим. 38 в 1-м т.

4. *Митрополит Трифон* (кн. Борис Петрович Туркестанов, 29.11.1861 ‡ 1/14.7.1934). По окончании гимназии в Москве (1883) назначен учителем Александровского Осетинского училища. Пострижен в монашество (31.12.1889); рукоположен во иеромонахи (6.1.1890). Окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1895) и назначен смотрителем Донского Духовного училища. Ректор Вифанской Духовной семинарии в сане архимандрита (1897); ректор Московской Духовной семинарии (1899). Хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии (1.7.1901). С началом Германской войны был полковым священником на передовых позициях. Награжден панагией на Георгиевской ленте (26.2.1915). По болезни уволен на покой с пребыванием в Ново-Иерусалимском монастыре (2.6.1916). С 1918 г. проживал в Москве. В 1923 г. возведен в сан архиеписко-

па, 14.7.1931 – в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре по случаю 30-летия архиерейского служения. Скончался в Москве. Погребен на Введенском кладбище. Составитель благодарственного акафиста «Слава Богу за все».

5. См. прим. 15 в 1-м т.

6. См. прим. 35 в 1-м т.

7. *Митрофорный протоиерей Константин Петрович Зверев* († 28.10.1912 на 67-м году жизни) – с 1890 г. был настоятелем Александро-Сергиевской церкви при доме генерал-губернатора Москвы. Духовник Великого Князя Сергия Александровича. При оставлении Великим Князем должности генерал-губернатора и переезде его в Николаевский дворец вместе со всем причтом церкви переведен в дворцовую Петропавловскую церковь. Принимал участие в работе кружка «Детская лепта» Марфо-Мариинской обители. «Отец Константин Зверев, – писал один из его духовных сыновей, – был прекрасной жизни человек, поразительной скромности, все, знавшие его, глубоко его уважали и почитали. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна в течение последних 10 дней его тяжелой болезни (у него сделалось кровоизлияние в спинном мозгу, последствием чего у него отнялись руки и ноги) почти не отходила от его кровати. Он лежал в лазарете Марфо-Мариинской обители. 31 октября его хоронили на Даниловском кладбище. Мне лично глубоко было жаль потерять такого духовного отца с такой светлой чистой душой» (*Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. II. М. Издательство имени Сабашниковых. 1997. С. 82).

8. *Великий герцог Гессен-Дармштадтский Эрнст*-Людвиг (1868-1937) – брат Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны. *Великая герцогиня Гессенская Элеонора* (1871-1837), урожденная Сольмс-Гогенсольмс-Лих – вторая его супруга.

9. *Великий Князь Димитрий Павлович* (1891 † 1942) – сын Великого Князя Павла Александровича (1860 † 1919) и Великой Княгини Александры Георгиевны (1870 † 1891), урожденной Королевы Греческой. Флигель-адъютант. Штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. Один из убийц Г. Е. Распутина (см. прим. 107 к 1-му т.).

10. *Великая Княжна Мария Павловна (Младшая)* (1890 † 1958) – дочь Великого Князя Павла Александровича и Великой Княгини Александры Георгиевны. В первом браке за принцем Шведским Вильгельмом; во втором – за князем Сергеем Путятиным. Во время Германской войны – сестра милосердия в военном лазарете.

Воспоминания о Владыке

Печатаются впервые по машинописи (название в оригинале «Воспоминания о епископе Арсении») из архива Е. В. Апушкиной (Москва). Автор неизвестен.

Освящение храма в Марфо-Мариинской обители

Печатается по: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. I. С. 640.

О связях вл. Арсения с Марфо-Мариинской обителью и ее настоятельницей прпмц. Вел. Кн. Елизаветой Феодоровной см. в 1-м т. на с. 402-404.

«Всегда после вечерни»

Печатается впервые по машинописи из архива Кориных* «Выписка из записной книги кн. Александра Михайловича Голицына (1838 ‡ 1919), имеющая отношение к наместнику Чудова монастыря архимандриту Арсению (Жадановскому), впоследствии епископу Серпуховскому».

Князь А. М. Голицын был погребен у церкви (1684–1688) под «деревянным некрашеным крестом без всякой надписи» в своей усадьбе Петровское (нынешний Красногорский район), в 1720 г. перешедшей в род Голицыных. Храм являлся прообразом московского нарышкинского барокко. «...Эту прекрасную церковь, со всем благолепием икон, с великолепием деревянной резьбы, с безценными рукописными книгами, в 1934 году безжалостно – за три дня! – снесли только из-за того, что укрывшийся невдалеке в зубаловской крепости Сталин как-то, прогуливаясь по саду, мимоходом заметил, что ему надоело видеть торчащий из-за леса купол» (*Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М. «Орбита». 1990. С. 180). См. также: *Голицын С. М.* Петровское. СПб. 1912.

ВЛАДЫКА АРСЕНИЙ – РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ГОЛОС ЦЕРКВИ» 1912-1917 гг.

Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода

Печатается по: Голос Церкви. М. 1912. № 1. С. III-IV.

От редакции

Печатается по: Голос Церкви. М. 1912. № 1. С. V, VII-VIII.

Иван Георгиевич Айвазов – и. д. доцента Санкт-Петербургской Духовной академии, Московский (позже – Санкт-Петербургский) епархиальный миссионер, соредактор журнала «Голос Церкви». Активный деятель правых партий. Участник Монархического съезда Русских людей в Москве 1909 года. Среди прочих, автор статей: «Православная Церковь и высшие государственные учреждения в России»; «Власть Русского Царя»; «Религиозная правда Русского Самодержавия в связи с воцерковлением человеческой жизни», помещенных в 1912 г. в журнале «Голос Церкви» (№ 9. С. 142-181; № 10. С. 150-166; № 12. С. 157-190). Схимонах Симон (Кожухов, 23.12.1859 ‡ 10/23.4.1928) из Зосимовой пустыни в письме о. Илье Четверухину от 4.1.1917 г. приводит интересные сведения об отношении известного старца Алексия Зосимовского к писаниям И. Г. Айвазова: «Послал я Вам брошюру Айвазова «Баптизм – орудие германизации России». Книжечка эта должна Вас заинтересовать, к тому же считайте, что Вы получили ее из ручек самого старца, пожелавшего остаться в тени. По мнению о. Алексия, означенная брошюра (открою Вам секрет – она издана на

---

* Елены, надежды и Ольги Александровны. Ранее бумаги эти принадлежали сестрам А. Н. и Т. Н. Протасьевым, которым, в свою очередь, были переданы духовной дочерью вл. Арсения и матушки Фамари – монахиней Арсенией (Татьяной Сергеевной Волковой). Далее при ссылках на это собрание – *архив Кориных*.

средства, добытые старцем) подлежит широкому распространению» (*Четверухина Е. Л.* «Удалился от міра...» Воспоминания о схимонахе Симоне (Сергее Евгеньевиче Кожухове). Письма отца Симона. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1997. С. 207-208). Участник Собора 1917-1918 гг. Из дневника протопресвитера Успенского Собора Московского Кремля Н. А. Любимова узнаем некоторые подробности деятельности Айвазова на Соборе. 2 июня 1917 года «в пятницу вечером произошел целый скандал. Приехавший из Петрограда наш делегат от Чрезвычайного Петроградского собора – И. Г. Айвазов выступил с речью, в которой в очень резких выражениях предупреждал съезд от раболепного поклонения перед демократией, которая не имеет ничего общего с христианством. Речь эта вызвала протесты. Но еще более подлило масла в огонь ответное выступление обер-прокурора [В. Н. Львова], который заявил, что он – представитель демократической власти, и поэтому не может оставить без ответа возмутительную речь петроградского миссионера Айвазова. И началась прямая перебранка; обер-прокурор не говорил, а прямо кричал, что «миссионеры теперь вот раскрывают рот, а раньше раболепно молчали». Но Айвазов с места кричал ему: «Вы – лжец». И началась, говорят, ужасная суматоха: одни (большинство) аплодируют В. Н. Львову и кричат: «Вон, долой Айвазова!» Другие шикают и требуют, чтобы дали слово и Айвазову. Но среди этой неразберихи и сумятицы Боголюбский закрывает заседание» (Российская Церковь в годы революции. (1917-1918). Сборник. М. Крутицкое Патриаршее подворье. 1995. С. 97).

Привет «Голосу Церкви»

Печатается по: *Епископ Никон, Вологодский и Тотемский.* Привет «Голосу Церкви» // Голос Церкви. М. 1912. № 1. С. 9-10.

Об авторе см. прим. 14 к 1-му т.

Торжества в Московском Кремле

Печатается по: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. I. М. С. 654-655, 657-658.

Государь приехал в Москву на открытие памятника Императору Александру III.

Призыв к жизни во Христе

Печатается впервые по списку в общей тетради, принадлежавшей одной из духовных чад вл. Арсения, хранящейся ныне у прот. Валериана Кречетова. См. также т. 1 наст. изд. С. 410-411.

Прославление священномученика Ермогена

Печатается по кн.: *Игумен Серафим (Кузнецов).* Торжество долга. (Прославление Святейшего Патриарха-патриота Ермогена и майские торжества в 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых). Кунгур. 1914. В недавно изданном сборнике, включающем обширный фрагмент этой книги, авторство ее ошибочно приписано игумену Серафиму *(Курчинскому),* а место издания обозначено как некий фантастический город *Кутур* (Патриарх Ермоген. Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прослав-

ление. М. Церковно-Научный центр «Православная энциклопедия». Братство св. Ермогена, Патриарха Московского. 1997. С. 389).

Игумен Серафим (Кузнецов, 1873 ‡ 22.2.1959) – в описываемое время начальник Серафимовского скита в Пермской епархии. Автор множества книг. Духовно близок был Великой Княгине Елизавете Феодоровне, мощи которой во время гражданской войны сподобился он перевезти из Алапаевска в Святую Землю, где впоследствии и скончался. См. о нем подробнее в кн.: *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. «Паломник». 1997.

«Прощеное Воскресение»

Печатается по: *Дементьев И.* «Прощеное Воскресение» // Душеполезное чтение. 1915. № 1-2. Январь-февраль. С. 67-76.

Хиротония

11. Церковные ведомости. СПб. 1914. 31 мая. № 22. С. 257.

12. Там же. С. 261.

13. Прибавления к Церковным ведомостям. СПб. 1914. № 24. 14 июня. С. 1096.

Достопамтные сказания

Печатаются впервые по рукописному списку в общей тетради, сделанному одной из духовных дочерей Владыки. Опущены речь архимандрита Арсения при его хиротонии и слово Митрополита Макария при вручении ему жезла, публикуемые ниже.

Новый викарий Московской епархии

Печатается по: *Чудовский богомолец.* Новый викарий Московской епархии епископ Серпуховский Арсений // Голос Церкви. М. 1914. № 6. С. 213-215.

Наречение и хиротония архимандрита Арсения во епископа

Печатается по: Московские церковные ведомости. М. 1914. № 24-25. 18 июня. С. 460-462.

Речь, сказанная наместником Чудова монастыря архимандритом Арсением, при наречении его во епископа Серпуховского, викария Московской епархии

Печатается по: Речь, сказанная наместником Чудова монастыря архимандритом Арсением, при наречении его во епископа Серпуховского, викария Московской епархии // Голос Церкви. М. 1914. № 9. С. 19-26.

14. Ср. с предсказаниями преп. Памвы (IV в) Нитрийского, пустынника (память 18/31 июля) из Пролога. Ввиду малодоступности источника и высокой значимости всего сказанного приводим это чтение целиком:

В 16-й день ноября «слово святаго отца Памвы Поучение ко ученику своему.

Авва Памв посла ученика своего во Александрию град потребы ради некоея и продати ручное его дело. Сотвори же дний 15 во граде, якоже глаголаше нам. Яко в нощи седяше в паперте церковней святаго Марка, и видев чин церковныи, и возвратися к старцу. Изучиже и тропари. Рече же старец ему: «Вижу тя, чадо, смущена, еда кая напасть прилучися ти во граде?» И глагола брат старцу: «Естеством, отче, в небрежении кончаем дни своя в пустыни сей, да ни каноном учимся, ни тропарем. Шедшу ми убо во Александрию, видех чин церковныи, како поют, и в печали бых велицей, что ради и мы не поем канона, или тропарев». Глагола старец ему: «Горе нам, чадо, яко приспеют дние, егда оставят мниси твердую пищу, реченную Святым Духом, и вследуют пением и гласом. Кое убо умиление или слезы ражаются от тропарев? Кое убо умиление мнихом, егда стоят в келии или в церкви, и возвышают гласы своя, аки волове? Но аще пред Богом стоим, во мнозе умилении подобает ны стояти, а не глумящеся. Ибо не изыдоша мниси из міра, да глумятся и красят пение, и состроюют гласы, и трясут руками, и митушают ногами. Но подобает нам в страсе мнозе и трепете, со слезами Бога молити и со умилением, с воздыханием же и с благобоязньством, тихим и смиренным гласом молитвы Богу приносити. Се убо, чядо, яко приидут дние, и расказят мниси книги, загладят отеческая жития, и преподобных муж предания пишуще тропари, и еллиньская писания. Сего ради отцы наши реша: не пишите доброю грамотою в пустыни живущи словес на кожаных хартиях. Хощет бо последнии род гладити жития святых отец и писати по хотению своему». Рече ему брат, что убо пременятся обычаи предания християньска. Не будут ли и ереи в церквах, да сия будут?» И рече старец: «В таковая времена иссякнет любы многим. И будет скорбь немала, поганых нашествие, пагубная язя. Царем неустроение, Князем неуправление и безчиние; святитель ласкосердие; мнихом небрежение; игумени небрещи имут своего спасения, ни стада своего; любезниви вси тщиви на пиры, и сварливы; и ленивы на молитву, готовы на оклеветание, и еже осужати. Житию старец и словес не уподобятся ни послушают. Но паче блядуще глаголати имут, аще быхом и мы во дни тех были, подвизалися быхом. Епископи же времен тех будут стыдящеся лиц силных и судяще суды по мзде, не заступающе убогих на суде, оскорбляюще вдовиц и насилие деюще сиротам. К сему же внидет в люди безверие и ненависть, зависть и вражда, рать, татбы и игры, пияньства и хищения». И рече убо брат, что сотворит кто в таковая лета. И рече старец: «В та времена и лета, спасаяй спасет душу свою, велик будет в Царствии Небеснем».

Речь
Высокопреосвященнейшего Макария,
Митрополита Московского и Коломенского
при вручении жезла
Преосвященному Арсению,
новопоставленному во епископа Серпуховского,
пятого викария Московской епархии,
8 июня 1914 г.

Печатается по: Московские церковные ведомости. М. 1914. № 26. 28 июня. С. 478.

Митрополит Макарий (Парвицкий, 1.10.1835 ‡16.2.1926), *Московский и Коломенский* – старец-митрополит, выдающийся святитель, миссионер, просветитель алтайского народа; в наро-

де его называли «Сибирским столпом Православия», «Апостолом Алтая». Родился в с. Шапкине Ковровского уезда Владимирской губ. в семье пономаря. После окончания Тобольской Духовной семинарии (1854), в которой получил прозвание «Невский», поступил в состав Алтайской духовной миссии. Приняв монашество и будучи рукоположен во иеромонаха (1861), трудился над устроением Чулышманского монастыря (1861–1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868–1869). Начальник Алтайской духовной миссии, архимандрит (1883), хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (1884). Епископ Томский и Семипалатинский (26.5.1891), с 1905 г. – епископ Томский и Барнаульский (с 1906 – архиепископ), с 1908 г. – архиепископ Томский и Алтайский. Митрополит Московский и Коломенский, член Св. Синода (1912), почетный член С.-Петербургской Духовной академии (1913). Незаконно уволен на покой (20.3.1917), местом пребывания определен Николо-Угрешский монастырь. Святителем Тихоном митрополиту Макарию дарован почетный пожизненный титул митрополита Алтайского (авг. 1920). Скончался в пос. Котельники Московской губ. В 1956 г. останки Святителя (по свидетельству очевидцев – нетленные) были перенесены в Сергиев Посад и упокоены под Успенским собором Троице-Сергиевой Лавры.

15. *Епископ Арсений (Жадановский).* Воспоминания. М. 1995. С. 285.

На архиерейской даче в Черкизове

Печатается по: На Архиерейской даче в Черкизове // Душеполезное чтение. 1915. № 1. Январь-февраль. С. 81-82.

Историю Митрополичьей дачи в Черкизове см. в прим. 195 к 1-му т. наст. изд. В 1980-е гг. здание дачи занимала строительная организация; в 1989-1992 гг. принадлежала Издательскому отделу Московской Патриархии. После пожара на втором этаже (в марте 1992 г.) полуразрушенное здание передали (1994) Отделу по церковной благотворительности и социальному служению, возглавляемому викарием Московской епархии, архепископом Солнечногорским Сергием (Фоминым). При содействии президента Якутии М. Е. Николаева Отдел собирается отремонтировать Митрополичью дачу и создать здесь братство святителя Иннокентия (*Чижов А. Б.* Деревянные храмы Москвы и Подмосковья // Московский журнал. М. 1998. № 1. С. 55).

В Главном Церковном доме Москвы

Печатается по: *Козлов В. Ф.* Главный Церковный Дом Москвы // Московский журнал. М. 1998. № 6. С. 37-40.

16. См. прим. 208 к 1-му т. наст. изд.

17. *Алексий Александрович Ширинский-Шихматов* (6.11.1862, Вильна ‡ 9/22.12.1930, Севр, Франция) – Князь. По окончании Императорского Училища правоведения (1884) чиновник особых поручений при Эстляндском губернаторе кн. С. В. Шаховском. Прокурор Московской Синодальной конторы (1894–1903), Тверской губернатор (1903), сенатор (1904), товарищ обер-прокурора Св. Синода (апр.–окт. 1905), уполномоченный Красного Креста в Манчжурии, обер-прокурор Св. Сино-

да (26.4.–9.7.1906), член Государственного совета (с 9.7.1906), гофмейстер. Член Русского собрания, вице-председатель (после гибели Вел. Кн. Сергия Александровича – председатель) Императорского Православного Палестинского общества, основатель Общества возрождения художественной Руси (1915). После революции переехал в Москву, где создал тайную группу монархистов для материальной поддержки Царской Семьи (см. запись в дневнике Государя 12/25.3.1918). Выехал в Литву по подложным документам (1.9.1918), оттуда в Польшу, Чехословакию, обосновался в Берлине (1920). На Общероссийском монархическом съезде в Рейхенгале (Бавария) в 1921 г. избран членом Высшего Монархического Совета. Последние годы жизни посвятил делам Палестинского общества.

Владыка Арсений и архимандрит Серафим (Звездинский)

Печатается впервые по машинописи из архива Е. В. Апушкиной (Москва) «Жизнь архиепископа Серафима (Звездинского)». Автор неизвестен.

Епископ Серафим (Звездинский, 7.4.1883 ‡26.8.1937) – родился в Москве в семье единоверческого священника (выходца из секты безпоповцев-раскольников) о. Иоанна (‡6.1.1908), написавшего службу преп. Серафиму. Окончил Московскую Духовную академию (1909), принял постриг (26.9.1908), преподавал церковную историю в Вифанской Духовной семинарии. Помощник наместника Чудова монастыря (1914–1918), 21.12.1919 хиротонисан во епископа Димитровского. Арестован и сослан в с. Визиги Зырянского края (1922–1925). Помощник сщмч. Митрополита Петра (Полянского) (осень 1925). Уволен на покой (1926), проживал в Дивееве. Арестовывался. Жил в Меленках. Арестован (1932). Сослан в Казахстан (Уральск, Ишим). Вновь арестован в Ишиме (24.6.1937). Расстрелян в Омске.

18. См. т. 1. С. 357-378.

19. *Богоявленский 1-го класса необщежительный мужской монастырь* – основан в 1296 г. Московским Князем Даниилом Александровичем. Одним из первых игуменов монастыря был Стефан, брат прп. Сергия Радонежского. В монастыре принял постриг свт. Алексий, митрополит Московский. На кладбище обители были погребены Князья Голицыны, Долгорукие, графы Шереметевы. Богоявленский собор был закрыт в июле 1929 г. Большая часть строений монастыря при советской власти была уничтожена. В последние годы собор возвращен верующим.

20. *Покровский миссионерский заштатный необщежительный мужской монастырь* – основан в 1635 г. по воле Царя Михаила Феодоровича «на Убогих домех». Сюда на 7-й неделе по Пасхе совершался крестный ход, служилась соборная панихида над умершими внезапною и насильственною смертию. Храмы: Собор во имя Воскресения Словущего (1792) и церковь Покрова Божией Матери (1814). В годы пребывания на Московской кафедре (1868-1879) святителя Иннокентия (Попова-Вениаминова) монастырь превращен в миссионерский. В 1916 г. в обители был открыт лазарет для больных и раненых нижних чинов на 300 человек. В 1926 г. монастырь был закрыт. Возобновлен как женский монастырь в наше время.

21. Душеполезное чтение. Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1914. Декабрь. 3-я стр. обл.

22. *И*[*ван*] *А*[*йвазов*]. Некролог. Преосвященный Василий, епископ Можайский // Душеполезное чтение. 1915. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 11-112.

Детский привет Архипастырю

Печатается по: Детский привет Архипастырю // Душеполезное чтение. 1917. № 1. Январь-февраль. С. 82-83. В примеч. к стихам говорится: «Дети, посещающие Чудовский (в Москве) храм, прислали Преосвященному Арсению, епископу Серпуховскому, наместнику Чудова мон., это стихотворное приветствие, полное детской простоты и задушевности».

Владыка Арсений и имяславие

Материал написан специально для наст. изд.

23. Начала. Религиозно-философский журнал. № 1-4. Имяславие. М. 1995; «Царю Небесному и земному верный». Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий-«Невский»). 1835 ✝ 1926. Автор-составитель Т. Гроян. М. «Паломник». 1996; Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). Сост. Г. П. Чинякова. М. 1996; «Вменихомся яко овцы заколения» (Пс. 43, 23) // Православная Абхазия. 1996. № 21. Май. С. 4-5; Истинно-православные в Воронежской епархии. Публ. М. В. Шкаровского // Минувшее. Вып. 19. М.-СПб. 1996; *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М. «Молодая гвардия». 1997 (серия «Жизнь замечательных людей»). С. 106-127, 138-161; *Лосев А. Ф.* Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. Сост. А. А. Тахо-Годи. СПб. «Алетейя». 1997; *Прот. Сергий Булгаков.* Философия имени. Изд. «КаИр». 1997; *Епископ Василий (Зеленцов), Прилукский.* Общая картина отношений Русской высшей Церковной власти к имябожникам в связи с вероучением об имени Божием. С предисл. «К истории спора о почитании имени Божия» и прим. А. Г. Кравецкого // Богословские труды. Сб. 33. М. Изд. Московской Патриархии. 1997. С. 155-205; *Протопресвитер Иоанн Мейендорф.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. «Византинороссика». 1997. [Послесловие и комментарии В. М. Лурье. С. 340-344, 394-395]; *Монахиня Сергия (Клименко).* «Минувшее развертывает свиток...» Издательство Московской Патриархии. «Благо». 1998. С. 6-12; *Бычков С. С.* Русская Церковь и Императорская власть. (Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900-1917 годов). Т. 1. М. 1998 (XIII. Афонская смута). С. 263-282, 305-308; *Священник Павел Флоренский.* Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова с присоединением писем иеросхимонаха Германа Зосимовского, иеросхимонаха Антония (Булатовича), иеромонаха Пантелеимона (Успенского), В. М. Васнецова, Ф. Д. Самарина, Ф. К. Андреева, С. Н. Дурылина, И. П. Щербова. Сост. игумен Андроник (Трубачев) и С. М. Половинкин. Томск. 1998; *Схимонах Иларион.* На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынников. Изд. 4-е, испр. СПб. «Воскресение». 1998.

[*Данилушкин М. Б.* Послесловие. Краткий очерк жизни старца Илариона и история имяславия в России. С. 901-930.]; *Шкаровский М. В.* Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М. Крутицкое Патриаршее Подворье. 1999.

24. *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-мученик. Сост. С. В. Фомин. М. «Паломник». 1997. С. 504-507.

25. Богословские труды. Сб. 33. С. 160-161.

26. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 212.

27. Яркие примеры этого запечатлены в кн.: «Царю Небесному и земному верный».

28. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 217.

29. Письма от 8.9.1915 и 9.9.1915.

30. Богословские труды. Сб. 33. С. 161-162.

31. *Бычков С. С.* Русская Церковь и Императорская власть. Т. 1. С. 269.

32. Богословские труды. Сб. 33. С. 161.

33. *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. С. 23.

34. *Капитанчук В.* Имяславие. // Царь-колокол. № 7. М. 1990. С. 55. Вообще эта работа В. Капитанчука, напечатанная в №№ 6-7 малотиражного альманаха «Царь-колокол», первая, после более чем 70-летнего перерыва, посвященная имяславию, всесторонне и добросовестно излагающая ход, причины и последствия споров, возникших в начале века вокруг Имени Божия.

35. *Лосев А. Ф.* Имя. С. 518.

36. *Тахо-Годи А. А.* Лосев. С. 117-118.

37. Богословские труды. Сб. 33. С. 167-168.

38. Дневники Императора Николая II. М. «Орбита». 1991. С. 447.

39. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 220; Богословские труды. Сб. 33. С. 205. Фотография старцев была помещена в ст.: *Львов А.* Что это значит? // Дым Отечества. 27.2.1914. С. 10.

40. Кроме приводимого ниже свидетельства С. П. Белецкого, см., например, заметку в газете «Русское слово» (М. 3.7.1914): «Сумы, Харьк. губ. 2 июля. Полученное здесь вечером известие о покушении на Григория Распутина срочно было передано в Луцыковку, Лебединского уезда, в колонию «имяславцев», куда только вчера утром выехал возвратившийся из Москвы иеросхимонах Антоний (Булатович). Как известно, в деле «имяславцев» Распутин сыграл весьма значительную роль. Будучи подробно осведомлен о всей афонской эпопее издателем «Дыма Отечества» Гарязиным, Распутин предпринял энергичные попытки с целью смягчения участи афонских монахов. После его заступничества, намеченные по отношению к «имяславцам» репрессии были отменены». При всем явном преувеличении роли Распутина, как и во всех прочих случаях, нельзя, все же, видимо, отрицать какое-то его участие в деле уврачевания афонской

смуты. См. также заметку в том же «Русском слове» от 1.4.1914. *Капитанчук В.* Имяславие. // Царь-колокол. № 6. М. 1990. С. 38.

41. *Белецкий С. П.* Воспоминания // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. XII. Берлин. 1923. С. 23. Перепечатано из выходившего в Петрограде журнала «Былое». Собственно эта часть «воспоминаний» является показаниями Белецкого Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Ср.: Падение Царского режима. Стенографические отчеты вопросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. IV. Л. 1925. С. 165-166.

42. *Данилушкин М. Б.* Послесловие. Краткий очерк жизни старца Илариона и история имяславия в России. С. 915.

43. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 254.

44. Богословские труды. Сб. 33. С. 166.

45. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 220-221.

46. Неизвестный Нилус. Сост. Р. Багдасаров и С. Фомин. Т. 2. М. «Православный паломник». 1995. С. 532.

47. См. т. 3 наст. изд.

48. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 224.

49. См. т. 3 наст. изд.

50. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 224-225.

51. Там же. С. 225.

52. См. т. 1 наст. изд. С. 314.

53. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 227.

54. Там же. С. 225.

55. Богословские труды. Сб. 33. С. 174.

56. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 227.

57. Там же. С. 226.

58. *Капитанчук В.* Имяславие. // Царь-колокол. № 6. М. 1990. С. 30.

59. Богословские труды. Сб. 33. С. 174.

60. Там же. С. 176, 167, 182. Такое непонимание места Царя в Церкви очень характерно, в том числе, конечно, и для нашего времени. См. об этой проблеме в кн.: Россия перед Вторым пришествием. Изд. 3-е. Т. 1.

61. См. т. 1 наст. изд. С. 315-316.

62. Богословские труды. Сб. 33. С. 174.

63. Начала. Религиозно-философский журнал. № 1-4. Имяславие. М. 1995. С. 193.

64. Там же. С. 198.

65. См. т. 1 наст. изд. С. 180.

66. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова. Т. 1. М. 1993. С. 284-285.

67. Там же. С. 288-289.

68. Там же. Т. 2. С. 191.

69. См. предисловие Т. Гроян к кн.: Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский.

70. Начала. Религиозно-философский журнал. № 1-4. С. 180-182.

71. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль. 1988. С. 90, 96.

72. См. т. 1 наст. изд. С. 321.

73. См. т. 3 наст. изд.

74. *Данилушкин М. Б.* Послесловие. Краткий очерк жизни старца Илариона и история имяславия в России. С. 903-904. Сам митрополит Вениамин, относившийся к имяславию весьма сочувственно, отвел разбору этой проблемы целую главу («Имяславие») в своем обширном труде «Протоиерей Иоанн Сергиев. (Отец Иоанн Кронштадтский)» (Машинопись. Т. 2. Ч. 2. Б. м. и г. С. 225-248). Этому же вопросу посвящена отдельная 25-страничная работа Владыки, в которой он разбирает некоторые положения книги «На горах Кавказа» и «Оправдание веры» иеросхимонаха Антония (Булатовича) (*Митрополит Вениамин (Федченков)*. Божии люди. Мои духовные встречи. Сост. А. К. и Н. В. Светозарские. М. «Отчий дом». 1997. С. 391).

75. Переписка священника Павла Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 203-204.

76. Там же. С. 87.

77. См. т. 3 наст. изд.

78. См. т. 1 наст. изд. С. 459.

79. *Тахо-Годи А. А.* Лосев. С. 118.

80. *Данилушкин М. Б.* Послесловие. Краткий очерк жизни старца Илариона и история имяславия в России. С. 929-930.

Постриг духовного отца

Подробнее см. в т. 3 наст. изд.

Тихая молитва

Печатается по: *Дурылин С. Н.* Отец Иосиф Фудель. Публикация Н. С. Фуделя и С. В. Фомина // Литературная учеба. М. 1996. Кн. 3. Май-июнь. С. 185.

Автор публикуемого отрывка из очерка – *Сергей Николаевич Дурылин* (1886 ✝ 1954) – литературной деятельностью занялся еще в годы учебы в IV Московской мужской гимназии в 1902 г., сотрудничал в издательствах «Посредник» (1905-1913) и «Мусагет» (1910-1916). Еще будучи студентом Московского археологического института, который он окончил в 1914 г., стал секретарем Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (1912-1918). На закрытом заседании Общества 13.11.1906, посвященном

К. Н. Леонтьеву, Дурылин выступил с речью «Писатель-послушник». Рукоположен во священники (2.3.1920); служил в храме Свт. Николая в Кленниках на Маросейке, в приходе своего духовного отца – о. Алексия Мечева. После ареста и ссылки – внештатный сотрудник Государственной Академии художественных наук (1924-1928). Член Союза писателей СССР (1934). Составил комментарий к кн.: *Леонтьев К. Н.* Моя литературная судьба // Литературное наследство. Т. 22-24. М. 1935. С. 470-496. Доктор филолгических наук (1943). Профессор, старший научный сотрудник Института истории искусств Академии наук СССР (с 1945). Преподавал в Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского.

81. *Протоиерей Иосиф Иванович Фудель* (1864 ‡ 1918) – священник московского храма Николы Явленного на Арбате. Рукоположен по благословению преп. Амвросия Оптинского епископом Алексием Литовским в 1889 г. Консервативный публицист. Издатель Собрания сочинений К. Н. Леонтьева (Тт. I-IX. СПб. 1912-1913). С Леонтьевым о. Иосиф познакомился в 1887 г., пронеся дружбу через всю жизнь. Кроме незавершенного из-за финансовых затруднений собрания сочинений К. Н. Леонтьева (вышло 9 из намеченных 12 томов), о. Иосиф был автором нескольких статей, разъясняющих міровоззрение своего старшего друга. Многочисленные письма Леонтьева последнего периода его жизни хранились в семейном архиве Фуделей. Только часть из них была передана в фонды Государственного литературного музея. См. публикацию некоторых из них: Литературная учеба. М. 1996. Кн. 3. Май-июнь. С. 148-173.

82. *Константин Николаевич Леонтьев* (13.1.1831 ‡ 12.11.1891) – выдающийся русский мыслитель, публицист, писатель и дипломат. Духовный сын преп. Амвросия Оптинского. В монашеском постриге – *Климент.*

83. *Архиепископ Димитрий* (Добросердов, ‡ 1937) – в описываемое время епископ Можайский, викарий Московской епархии.

84. *Архиепископ Серафим* (Остроумов, 1880 ‡ 1937), *Смоленский и Дорогобужский* – в описываемое время епископ Бельский (хиротония 3.4.1916).

85. *Григорий Александрович Рачинский* (1859 ‡ 1939) – писатель и переводчик.

86. *Сергей Николаевич Булгаков* (1871 ‡ 1944) – религиозный философ. Впоследствии священник (1918).

87. *Павел Борисович Мансуров* (1860 ‡ 1932) – дипломат, духовный писатель. Знаток Православного Востока. Директор Московского главного архива иностранных дел. Сенатор.

Высочайшее повеление

Печатается по: Церковные ведомости. СПб. 1916. 10 декабря. № 50. С. 434.

СЛУЖБА С АКАФИСТОМ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЕ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЕ В ЧЕСТЬ И ПАМЯТЬ СВ. ИКОНЫ ЕЯ «ПОКРЫВАЮЩАЯ»

Печатается впервые по списку, переписанному в школьной тетради, принадлежавшей духовным чадам владыки Арсения (архив Кориных), с исправлением некоторых неточностей.

Икона Божией Матери «Покрывающая» принадлежала схиигумении Фамари. Божия Матерь на ней правой рукой поддерживает и как бы покрывает мафорием сидящего на бархатной подушечке Богомладенца. В левой руке у Пресвятой Богородицы гроздь винограда. Праздник иконы приходится на 6/19 марта – день рождения владыки Арсения. После смерти духовных чад владыки Арсения и м. Фамари икона была передана в Ново-Спасский монастырь в Москве.

АКАФИСТ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»

Печатается впервые по списку, переписанному в школьной тетради, принадлежавшей духовным чадам владыки Арсения (архив Кориных), с исправлением некоторых неточностей.

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ АРСЕНИЮ ВЕЛИКОМУ

Печатается впервые по списку, переписанному в школьной тетради, принадлежавшей духовным чадам владыки Арсения (архив Кориных), с исправлением некоторых неточностей.

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ 22 ИЮЛЯ 1914 г. ПРЕД МОЛЕБНОМ О ДАРОВАНИИ ПОБЕДЫ

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь, сказанная в Московской городской Думе 22 июля 1914 г. пред молебном о даровании победы // Голос Церкви. М. 1914. № 10. С. 22-23. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 76-77.

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ 24 АВГУСТА 1914 г. ПРЕД ОТКРЫТИЕМ ЧТЕНИЙ ДЛЯ РАБОЧИХ

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь, сказанная в Московском Политехническом музее пред открытием чтений для рабочих // Голос Церкви. М. 1914. № 10. С. 24-27. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 77-79.

РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ АЛЕКСЕЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ 22 ОКТЯБРЯ В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь в Московском Алексеевском военном училище 22 октября в день храмового праздника // Голос Церкви. М. 1914. № 12. С. 37-38. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 80-81.

Церковь Казанской иконы Божией Матери (Москва, ул. Красноказарменная, 2) – устроена в 1833 г. в Красных казармах (названы так по цвету здания), построенных в к. XVIII–н. XIX вв., в которых в 1866-1917 гг. размещалось Алексеевское военное училище. В настоящее время принадлежит Военной академии бронетанковых войск.

РЕЧЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МОЛЕБНА НА ВВЕДЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь при совершении общественного молебна на Введенской площади в Москве // Голос Церкви. М. 1914. № 12. С. 39-40. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 81-83.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ЛАЗАРЕТА ДЛЯ РАНЕНЫХ ВОИНОВ МОСКОВСКИМ ДВОРЯНСКИМ СОБРАНИЕМ

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь при открытии лазарета для раненых воинов московским Дворянским собранием // Голос Церкви. М. 1914. № 12. С. 41-42. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 83-84.

РЕЧЬ ВО II КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 8 НОЯБРЯ

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь во II Кадетском корпусе в день храмового праздника 8 ноября // Голос Церкви. М. 1915. № 1. С. 60-62. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 83-84.

Церковь Архангела Михаила (Москва, 1-й Краснокурсантский проезд, 3/5) – размещалась в северной части Екатерининского (Головинского) дворца, построенного к 1796 г. по проекту Антонио Ринальди. Второй Кадетский корпус имени Императора Николая I был размещен во дворце в 1849 году. Храм был освящен 6.12.1849. С этим храмом связывают следующий случай, рассказанный преп. Варсонофием Оптинским: «Когда я был еще офицером, мне, по службе, надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что о. Иоанн [Кронштадтский] служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время о. Иоанн переносил св. Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он, вдруг, подходит ко мне, целует мою руку, и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись, и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над этим потешался, т. к. у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь, видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах» (*О. Василий Шустин.* Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М. 1991. С. 14). В настоящее время во дворце располагается Военная академия бронетанковых войск.

РЕЧЬ В ЗЛАТОУСТОВСКОМ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ КРУЖКЕ УЧАЩИХСЯ г. МОСКВЫ ПРЕД МОЛЕБНОМ НЕБЕСНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ КРУЖКА

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь в Златоустовском религиозно-философском кружке учащихся г. Москвы пред молебном Небесному Покровителю кружка // Голос Церкви. М. 1915. № 1. С. 62-64. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 86-88.

Златоустовский религиозно-философский кружок учащихся г. Москвы – этот официально зарегистрированный, в основном, молодежный кружок возглавляли московские викарии: сначала епископ Анастасий (Грибановский), а затем епископ Арсений (Жадановский). Кружок (иногда в количестве до 300 человек) собирался в находившемся напротив церкви Александровском (в честь Императора Александра III) коммерческом училище. Практически Кружком руководил протоиерей Николай Гаврилович Соколов – настоятель храма Никиты Мученика на Старой Басманной. Председателем Златоустовского кружка был Вячеслав Сергеевич Занков (1892 ‡ 13.10.1937). «Около 1920 г., – сообщают о нем, – рукоположен во священники. Служил в Троицкой церкви то ли на Пречистенке, то ли на Остоженке. [Вероятно перед этим служил в церкви с. Котельники Ухтомского района Московской области, месте пребывания митрополита Московского Макария.] Человек, как вспоминают о нем, правых взглядов. Законник. Не любил всякого рода новаций. Когда был председателем кружка, звонок в его руках не безмолвствовал. Человек энергичный, хороший организатор. На своем священническом поприще был чрезвычайно активен, так что знавшие его люди предполагают, что он был репрессирован». Предположения эти недавно подтвердились. Будучи арестованным 16.9.1937, он был осужден тройкой при УНКВД по Московской области к расстрелу. Место захоронения – Бутово (В поисках Святой Руси. Из писем А. Н. Руднева к В. И. Леоновой // Надежда. Вып. 6. Франкфурт-на-Майне. 1981. Комм. Б. Селиверстова. С. 353, 361; За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917-1956. Биографический справочник. Кн. 1. М. 1997. С. 448).

88. *Союз Христианских Молодых Людей* (Young Man Christian Association, YMCA) – одна из зарубежных парамасонских организаций, основанная в 1844 г. английским евреем Вильямсоном. Знак YMCA представляет из себя перевернутый треугольник красного цвета (оккультный триангль диавола) перечеркнутый наверху черной полосой с инициалами союза (сочетание черного цвета с красным – ведущий мотив жреческого облачения сатанистов). В Россию это движение было внесено Джоном Моттом (1865-1955), основателем и генеральным секретарем *Всемірной студенческой христианской федерации,* стоявшим также у истоков масонского общества «Маяк». Первый его приезд в Россию в 1899 г. позволил ему решить некоторые организационные вопросы. В Петербурге лютеранином бароном Павлом Николаевичем Николаи, оставившим службу в Государственном совете, и А. И. Пекер был основан Русский филиал Всемірного христианского студенческого союза. Заседания кружка проходили в квартире на Мойке. В 1903 г. Николаи привлек к «союзной» работе В. Ф. Марцинковского (1884-9.9.1971). Последний преподавал в гимназии и руководил студенческим кружком по изучению Библии. Работа шла успешно. Кружки по изучению Священного Писания были открыты в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Риге, Дерпте, Томске. По свидетельству одного из адептов этого движения, это «студенческое движение носило протестантский характер, но принимало и членов Православной Церкви, уважая их вероисповедание. [...] Несмотря на ограниченные строгими полицейскими правилами возможности, дореволюционное Русское студенческое христианское движение было прекрасной школой воспитания вселенски мыслящих христиан и познакомило некоторых русских с проблематикой западных вероисповеданий» (*Зернов Н. М.* Русское религиозное

возрождение XX века. Париж. 1991. С. 256, 260). Во время своего второго посещения России в 1909 г. Дж. Мотту был оказан уже иной прием: «громадные аудитории в Петербурге и Москве были переполнены студентами, желавшими послушать знаменитого американского евангелиста» (Там же. С. 256). Между прочим, с тем же Моттом обычно связывают начало экуменического движения. В его выступлении на съезде Международного миссионерского совета, состоявшемся в 1910 г. в Эдинбурге, прозвучало слово «экуменизм», нарочито предпочтенное латинскому «универсализм» для введения в заблуждение именно православных. В 1913 г. Русский филиал вошел во Всемірную христианскую студенческую федерацию. В том же году барон Николаи пригласил Марцинковского посвятить его жизнь работе среди студенчества; последний стал секретарем Христианского студенческого движения. По его словам, оно объединяло «в своей среде студентов, верующих во Христа – представителей различных церквей и даже не причисляющих себя ни к какой церкви. (Большинство принадлежало к Православной Церкви, но были также баптисты, евангельские христиане и лютеране)». С тех пор Марцинковский часто читал лекции в университетах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Самары и других городов, повсюду насаждая «группы любителей изучения Слова Божия».

В 1917-1918 гг. протестант Марцинковский присутствовал на Соборе Русской Православной Церкви. В октябре 1919 г. барон Николаи скончался в Монрепо от последствий паратифа и Марциновский становится единственным руководителем движения в России. «К этому времени, т. е. к периоду 1919-1920 гг., – откровенничал он позднее, – относится мой усиленный интерес к вопросу о возрождении Православной Церкви. Были разоблачены многие неправды официального христианства. Народ стал массами уходить из Церкви. Духовенство редко решалось поднять голос в защиту Евангелия, перед лицом воинствующего атеизма». В конце 1919 г. им был составлен доклад, основная идея которого заключалась в том, что Православная Церковь должна обратиться к практике крещения взрослых. С этим докладом, по его словам, он, по приглашению священников, выступал в храмах Москвы, Самары и некоторых сел, причем иногда в стихаре (!), по благословению местных батюшек. Обращался с «Запиской» он и к Патриарху Тихону, но Святитель, хотя и в мягкой форме, отклонил предложенные новшевства. Зимой 1922 г. Марцинковский обращался в Кремль, попытавшись легализовать свой Христианский студенческий союз. «Комиссар Отдела, – вспоминал он позднее, – бывший православный священник, сидит перед нами. Лет пять тому назад он принадлежал к группе молодых пастырей-идеалистов, издавал духовный журнал с широкой христианской программой. Теперь он сидит, как «спец», в вероисповедном отделе. На нем простая суконная куртка. Говорит он с нами вежливо, обещает все устроить, предлагая подать заявление. На его бледном лице какая-то мертвенность и грусть – не то от переутомления, не то от внутренних, более глубоких причин. Он беседует с нами по поводу предполагающегося изъятия церковных ценностей для помощи голодным». В 1923 г. Марцинковский был выслан из СССР (отъезд состоялся 20 апреля) и поселился в Праге. Читал лекции в университетах и церквах Европы, писал книги, «проверял» переводы Библии на украинский и русский языки. В 1930 г. переехал в Палестину, женившись там на дочери известного археолога из США Готлиба Шумахера, раскопавшего в

1903 г. Мегиддо (Армагеддон). Поселился в г. Кармель. После образования государства Израиль принял его гражданство. Проповедовал Евангелие, долгие годы руководил общиной в г. Хайфе. Записывал на магнитофон евангельские проповеди, которые долгие годы передавала радиостанция в Монте-Карло. (См.: *Марцинковский В. Ф.* Записки верующего. Новосибирское христианское издательство «Посох». 1994. (Прага. 1929). С. 238).

Участники движения приветствовали революцию. Приведем два образчика идеологии «студентов». Первый – выдержка из статьи в журнале «Русский солдат-гражданин» (№ 239. 1918), издававшемся «при поддержке американского христианского общества молодых людей»: «Из России пришло известие: бывший царь, бывший самодержец, расстрелян в Екатеринбурге по постановлению местного Совета. [...] Николай был не на своем месте. Поэтому его и выгнали. И зато теперь-то он на своем месте. Так исчез человек, царствование которого переполнило чашу страданий русского [?] народа...» Другая цитата из книги одного из русских «студентов», профессора Оксфордского университета Н. М. Зернова (1898-1980): «Победа русской интеллигенции над императорской Россией в 1917 году – поворотное событие в истории двадцатого столетия. Низвергнув самодержавие, интеллигенция дала свободу общественному брожению и недовольству...» В годы гражданской войны Россия оказалась буквально наводненной зарубежными адептами студенческого христианского движения. «Вся Сибирь покрылась сетью организации YMCA, – сообщалось 1.6.1921 в журнале «Двуглавый Орел» (вып. 9), – состоявшей почти исключительно из американских и русских евреев, снабженных громадными денежными средствами, ведущими деятельную социалистическую, сионистскую, антиправительственную пропаганду в самой толще войск и населения. Тот же союз, имея свои отделения в советской России, с ними сносился через фронт, причем часто его агенты оказывались военными шпионами и почти всегда экономическими». В начале 1920-х гг. Русское студенческое христианское движение было воссоздано среди эмигрантов при активной, прежде всего финансовой, поддержке зарубежных братьев. Начало ему было положено на съезде в Пшерове (Чехословакия) 1-8 октября 1923 г. Издательство ИМКА-Пресс (YMCA-Press) было основано председателем общества Дж. Моттом в Праге (1921, переведено в Берлин (1923), в Париж (1925)) с целью издания и последующей пересылки книг в Россию. Издательством руководили П. Ф. Андерсон, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев. С самого начала книги набирались в новой (советской) орфографии, что негативно расценивалось консервативными кругами русской эмиграции и во многом способствовало переходу на новую орфографию части русских людей, живших за границей.

Духовная сущность этого движения определена, помимо разного рода церковных постановлений, православными духоносцами. Приведем два свидетельства. Преп. Нектарий Оптинский передал вл. Вениамину (Федченкову): «В таких обществах (как христианское движение) вырабатывается философия, православному духу неприемлемая». (*Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль. 1970. С. 515). Известно также мнение архиепископа Феофана (Быстрова, 1874 ‡ 1940), Полтавского. Во время пребывания во Франции «к Владыке просился приходить о. протоиерей Сергий Четвериков [1867 ‡ 1947], чтобы беседовать на тему об Иисусовой молитве. Но ему было поставлено условие прекратить всякое

общение с «Христианским Союзом молодых людей». О. протоиерей не согласился» (Неизвестный Нилус. Т. 2. М. «Православный паломник». 1995. С. 338).

О связях «движения» с масонством см.: *Назаров М.* Миссия Русской эмиграции. Изд. 2-е. Т. I. М. «Родник». 1994. С. 205-212. См. также: *Иванов В. Ф.* Православный мір и масонство. Харбин. 1935. С. 39-51, 89-97; *его же.* Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М. 1997. С. 441-447.

РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ ПОДМОСКОВНОГО СЕЛА ЧЕРКИЗОВА 16 АВГУСТА 1914 г.

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь при служении в Ильинской церкви подмосковного села Черкизова 16 августа 1914 г. // Голос Церкви. М. 1915. № 2. С. 48-50. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 88-90.

Церковь пророка Илии в Черкизове (см. прим. 195 в 1-м т.) на р. Сосенке (ул. Штатная горка, 17, близ б. Черкизовской, 95 (каменная), была сооружена на месте деревянной в 1690 году. Главным впоследствии стал престол в честь Воздвижения Креста Господня. Южный придел Прор. Илии, северный (древнейший – 1690, перестроен в 1856) – Святителя Алексия. При храме – кладбище, при входе на которое горит неугасимая лампада на могилах известного московского юродивого XIX в. Ивана Яковлевича Корейши (1783 ‡ 1866) и диакона Никифора. Храм действующий, после революции не закрывался.

РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ЗА КРЕСТОВСКОЙ ЗАСТАВОЙ В МОСКВЕ 9 НОЯБРЯ 1914 г.

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь при служении в Троицкой церкви за Крестовской заставой в Москве 9 ноября 1914 г. // Голос Церкви. М. 1915. № 2. С. 50-53. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 90-92.

Храм Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище (Дроболитейный пер., 5). Кладбище, основанное во время эпидемии чумы 1771 г., названо так по приделу Троицкой церкви, сооруженной здесь в к. XVII в. на месте еще более древнего храма. Нынешний каменный храм был построен по проекту архитектора А. Г. Григорьева в 1830-1835 гг. (северный придел – преп. Сергия Радонежского – 1874; южный – перенесения мощей преп. Параскевы Пятницы Сербской – 1774). В 1911 г. храм был великолепно отделан усердием Е. Нос. Близ южной стены была погребена мать Святителя Филарета, Митрополита Московского – Евдокия Никитична Дроздова (‡ 20.3.1853). См.: *Апушкина Е. В.* Забота о могиле матери // К свету. № 9-10. [М. 1993. Сост. С. В. Фомин.] С. 35-37. Храм после революции не закрывался, однако долгое время оставался в руках обновленцев.

РЕЧЬ В III КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 23 НОЯБРЯ 1914 г.

Печатается по: *Епископ Арсений.* Речь в III Кадетском корпусе в день храмового праздника 23 ноября 1914 г. // Голос Церкви. М. 1915. № 2. С. 53-55. Переиздана: *Епископ Арсений.* Духовный дневник. Вып. 6. 1914 год. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1915. С. 92-94.

Церковь Св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского при III Кадетском корпусе (ул. Красноказарменная, 4, угол 1-го Краснокурсантского проезда, 1) была освящена 23.11.1879. Ныне в здании корпуса располагается Московский окружной дом офицеров.

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА

Печатается по: *Епископ Арсений Серпуховский.* Духовная беседа // Душеполезное чтение. М. 1916. № 4. Июль-август. С. 24-37; № 5. Сентябрь-октябрь. С. 20-26; № 6. Ноябрь-декабрь. С. 24-29.

ГРАФ ТОЛСТОЙ И НАШЕ НЕВЕРИЕ

Печатается по: *Архим. Арсений.* Граф Толстой и наше неверие. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1911. 16 с. Цензурное разрешение 13.3.1911.

89. В одном из выпусков «Моих дневников» архиепископа Никона (Рождественского) за 1912 г. содержатся любопытные сведения о ближайшем сотруднике вл. Арсения по журналу «Голос Церкви» И. Г. Айвазове в связи с обличениями кощунств Л. Н. Толстого: «...Мне невольно припомнился наш безбожник граф Толстой; никакая цензура не могла пропустить его богохульных выходок в печать; мы, верные сыны Церкви, читая их в подпольных изданиях, возмущались ими, ужасались, страшась гнева Божия не только на богохульника, но и на тех, кто имеет у себя его богохульные писания, а большинство русских людей, слепо покланяющихся его художественному таланту, вовсе не зная о его богохульствах, удивлялись нам, за что мы его осуждаем, за что Церковь отлучила его от общения с собою. Когда же мы указывали им, в словесных объяснениях, на богохульные выходки изувера-графа, нам не верили, готовы были обозвать нас клеветниками на графа. Явилась, наконец, известная брошюра миссионера И. Г. Айвазова «Кто такое граф Толстой?» Но цензура ее конфисковала и сожгла, как содержащую в себе богохульства, а автора едва не сослали в Сибирь... Спасло его, кажется, только то, что брошюра предварительно напечатана была в «Церковных ведомостях»: для мірских представителей правосудия стало ясным, что повторение некоторых – и то только некоторых – хулений Толстого с целию их изобличения, не есть богохульство. Тем не менее брошюра и теперь запрещена, хотя лучшего, отрезвляющего поклонников Толстого средства едва ли можно найти...» (*Архиепископ Никон (Рождественский).* Православие и грядущие судьбы России. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1995. С. 253). Позволим себе заметить, что сейчас все эти произведения Л. Н. Толстого выходят исключительно со всеми этими изъятыми богохульными цитатами. Судя по всему, никого это не возмущает. У людей же православных эти кощунственные произведения писателя стоят нередко на одной полке с книгами, обличающими все эти невозможные безобразия.

90. Л. Н. Толстой посещал Оптину Пустынь 3.8.1841 (в детстве на похороны тетки А. И. фон-дер Остен-Сакен), 22.7.1877, 14.6.1881, 22.2.1890 (посещал преп. Амвросия).

5-й и 6-й разы писателя принимал старец Иосиф. Последний визит, без захода к старцам – 28–29.10.1910. Возможны и другие неучтенные приезды.

91. См. прим. 146 к 1-му т. наст. изд.

92. Речь идет об о. Ерасте (в міру Эразме Козьмиче Вытропском, 1829 ‡17.7.1913) – заведующем Оптинской канцелярией, письмоводителе преп. Амвросия Оптинского, «правой руке о. архимандрита Ксенофонта» (С. А. Нилус), принимавшем участие во многих оптинских изданиях. Титулярный советник, служил в Тверской удельной конторе, овдовел по первому браку. Поступил в Оптину пустынь 28.5.1886. Находился на добровольном послушании в Скиту (с 1889), вступил в братство 5.4.1899, долго не постригался в мантию. На его кресте была надпись: «27 лет жизни проводил в сокровенных подвигах и молитве». Автор первого жизнеописания преп. Амвросия Оптинского: «Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия. С приложением избранных поучений его» (М. 1893; 3-е изд. Сергиев Посад. 1908); изданной в 1902 г. в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре книги «Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Вновь составленное Е. В.» (Переиздана в кн.: Неизвестная Оптина. СПб. Изд. «Знамение». 1998. С. 5-314). Письмо, о котором пишет вл. Арсений, в то время было перепечатано во всех газетах. С о. Ерастом встречался «серьезный, вдумчивый и правдивый» корреспондент А. Ксюнин, автор книги «Уход Толстого» (1-е изд. СПб. 1911; 2-е изд. Берлин. 1935). Тотчас после смерти Толстого он посетил Ясную Поляну, Телятники, Оптину и Шамордино. «Сам о. Эраст, – пишет Ксюнин, – который, кстати сказать, не старец в монастырском смысле и в скиту не живет, с Толстым не виделся, не говорил и свое письмо с сообщением, что Толстой будто хотел «одеть подряснию», составлял со слов третьих лиц, а, может, и по подсказке... С первых же слов, вместо Толстого о. Эраст заговорил со мною о Гоголе и Пушкине... С Пушкина разговор перешел на Салтыкова, на его остроумные ревизии, на то, как он заставлял советников переделывать толстые журналы, на Лажечникова, на о. Матвея, «смущавшего Гоголя»... А о Толстом так я ничего и не узнал от суетливого и многоглаголивого о. Эраста» (*Проф. И. М. Андреев.* Очерки по истории Русской литературы XIX века. (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии). Сб. 1. Джорданвилль. 1968. С. 234). Сохранились сведения о семи письмах (1886-1890) о. Ерасту К. Н. Леонтьева (1831 ‡ 1891).

93. См. отзывы св. прав. о. Иоанна Кронштадтского о Толстом в кн.: Приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой. Джорданвилль. 1960.

94. Собственно это прозвучало в словах Императора Николая II, начертанных им на докладе о кончине Толстого: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего, *во времена расцвета своего дарования*, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь да будет ему Милостивым Судьей». Примечательно, что Император после смерти Толстого «приказал уничтожить некоторые компрометировавшие документы, спасая таким образом доброе имя своего заклятого врага, в котором он ценил и берег частицу Русской Славы» (*Винберг Ф. В.* Крестный путь. Ч. I. Мюнхен. 1922. С. 227). О духовной сущности толстовства см.: *Проф. И. М. Андреев.* Очерки по истории Русской литературы XIX века. С. 209-277; Россия перед Вторым пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Изд. 3-е. Т. 2. СПб. 1998. С. 108, 123-124;

Духовная трагедия Льва Толстого. Сост. А. Н. Стрижев. М. Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1995.

95. См. прим. 144 к 1-му тому наст. изд.

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ ПРАКТИКА ПРИЧАЩЕНИЯ СВ. ТАИН

Печатается по: *Архим. Арсений.* Древнехристианская практика причащения Св. Таин, в связи с современной – в Православной Церкви // Голос Церкви. М. 1914. № 2. С. 131-147; № 3. С. 104-113; № 4. С. 87-91. В последнем четвертом номере журнала было заявлено о том, что «продолжение следует». Однако публикация на этом по каким-то обстоятельствам прервалась. На причину этого указывает, по-видимому, различие в названиии работы в журнале и последующем отдельном оттиске (*Епископ Арсений, Серпуховский.* Древнехристианская практика причащения Св. Таин. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1914. 31 с.). Подтверждение этому мы находим и в двух последних абзацах работы, воспроизводимых нами по отдельному оттиску: «Насколько древне-христианская практика причащения Св. Таин согласна с настоящею, – об этом каждый может судить сам».

Все ссылки к наст. работе принадлежат автору – владыке Арсению.

96. Comment. in Matth. T. X. § 25 // *Migne P.* P. G. XIII. Col. 902 sg.

97. См.: Деян. 2, 42 и 46; 20, 7; Учение 12 апостолов и послания св. Игнатия Богоносца.

98. Вып. 1. С. 189-192.

99. Вып. 4. С. 26-30.

100. 1-я апология. С. 97.

101. Вып. 1. С. 189-192.

102. Луг Духовный. Гл. 48 и 49.

103. Вып. 1. С. 133-135.

104. Вып. 3. С. 110.

105. Вып. 4. С. 111-113.

106. Книга о падших. С. 161.

107. Луг Духовный. Гл. 118.

108. Вып. 2. С. 225-229.

109. О церковной иерархии. Гл. III. С. 72 // Писания Св. отцев... Т. I.

110. De corona militis. Cap. III et IV; Вып. 1. С. 54-54.

111. Вып. 2. С. 41-43.

112. Письмо 89-е к Кесарии.

113. Шест. Пр. 23-е.

114. См. *Августина.* Serm 142 – de temporе и правило 42-е Антисидорского собора – Луг Духовный. С. 40.

115. *Siegel.* S. 23.

116. *Chardon.* P. 261.

117. Строматы. Кн. 1. Гл. 1.

118. De oratione. Cap. VI; Вып. 1. С. 59-60. Также см. о идолопоклонстве. Гл. 7.

119. In Exod hom. XIII. Cap. 3. Вып. 1. С. 61.

120. Книга о падших. С. 162. Также 56-е письмо.

121. *Евсевий.* Церковная история. Кн. VI. Гл. 43; Кн. VII. Гл. 9.

122. Пятое тайноводственное слово.

123. *Феодорит.* Кн. V. Гл. 18.

124. Contra Parmen. 1, 11. С. 7.

125. Беседа 21-я к Антиох. народу. Беседа 6-я против иудеев. Беседа 3-я на послание к Ефесян. Беседа 24-я на 1 Кор.

126. Творения *Феодорита.* Ч. 7. С. 249.

127. Точное изложение Православной веры. С. 223.

128. *Бердников.* С. 348.

129. О Божественном священнодействии. С. 270. // Писания св. Отцев. Т. 1.

130. *Corblet.* P. 278.

131. *Corblet.* P. 178.

132. Вып. 2. С. 42-43.

133. *Димитревский.* С. 99. § 87. Предуведение.

134. Кн. 13. Гл. 7.

135. *Corblet.* P. 278, 280.

136. *Chardon.* P. 260.

137. *Chardon.* P. 261

138. Вып. 3. С. 30.

139. Вып. 1. С. 189-192.

140. Вып. 2. С. 78, 131-132.

141. *Chardon.* P. 264.

142. Догмат. Сильв. Т. IV. С. 537.

143. Вып. 1. С. 133-135.

144. *Chardon.* P. 253.

145. Вып. 1. С. 133-135. Постановл. апост.

146. Из послания Корнелия, епископа Римского к епископу Антиохийскому Фабию. *Евсевий.* Церковная история. Кн. VI. Гл. 43.

147. *Siegel.* S. 12.

148. Гл. 7. § 11. С. 235 // Писания Отцев... Т. I.

149. Вып. 1. С. 133-135.

150. Книга о падших. С. 160-161.

151. H. E. IV. P. 36.

152. *Chardon.* P. 255.

153. Луг Духовный. Гл. 196.

154. Догмат. Сильв. Т. IV. С. 527.

155. См.: Ordo Romanis, составленный в IX в.

156. Догмат. Сильв. Т. IV. С. 527.

157. De corona militis. Cap. III et IV; Вып. 1. С. 53-54.

158. In Exod hom. XIII. Cap. 3. Вып. 1. С. 61.

159. Вып. 1. С. 93.

160. Вып. 2. С. 225-229.

161. Дионисий Ал. в кн.: *Евсевий.* Церковная история. Кн. VII. Гл. 9.

162. *Св. Кирилл Иерусалимский.* Пятое тайноводственное слово.

163. *Иоанн Златоуст.* Беседа 31-я на Рождество Христово.

164. *Chardon.* P. 259.

165. Церковная история. Кн. VII. Гл. 9.

166. Вып. 1. С. 69.

167. Церковная история. Кн. X. Гл. 4.

168. Церковная история *Феодорита.* IV. 18; *Созомена.* VII. 27.

169. *Димитриевский.* & 64. С. 71.

170. *Chardon.* P. 257.

171. *Martigny.* P. 167.

172. *Chardon.* P. 257.

173. См. чины литургий Иакова (Вып. 1. С. 189-192), Василия Великого (Вып. 2. С. 57), Иоанна Златоустого (Вып. 2. С. 131-132), св. Марка (Вып. 3. С. 30), Эфиопскую литургию (Вып. 3. С. 110), Галликанскую (Вып. 4. С. 111-113), Масарабскую (Вып. 5. С. 31-32).

174. Вып. 2. С. 225-229.

175. Последовательное изложение церковных служб // Писания Отцев... Т. 1. С. 423.

176. *Martigny.* P. 248.

177. «Труды Археологического съезда». *Проф. Покровского.*

178. Там же.

179. De oratione. Cap. VI. XI-XIX // Вып. 1. С. 59-60.

180. Книга о молитве Господней. С. 205.

181. Беседа 3-я на посл. к Ефес.

182. Там же.

183. Письмо 118-е. Слово 26-е на Иоанна.

184. Письмо 50-е к Паммахею.

185. *Димитриевский.* § 52. С. 55-56.

186. Письмо к Кесарии.

187. Творения *Нила Синайского.* Ч. 2. С. 242.

188. Собор. Ник. 11 и 13 пр.

189. Апост. пр. 8-е и 9-е.

190. Аполог. I. С. 92.

191. Беседа 5-я о воскресении.

192. См. глл. 86, 106 и 161.

193. *Ветринский.* С. 264.

194. Письмо к Кесарии 89-е *Василия Великого.*

195. Беседа 5-я на 1-е посл. к Тимоф.

196. См. кн. 5-ю о таинствах. Гл. 4.

197. Дион. Алек. 4, Тимоф. 12.

198. См. правила Анкирского собора 5, 6, 7, 8, 9, 16. 21. Василия 61, 64, 82, 73. Первого Всел. собора 12. Петра Ал. 8. Дионисия 2 и 4. Тимофея 5 и 7.

199. См. прав. 13 Первого собора; Карфагенского 7; Григория Нисского 5 и 2 пр. и рассказ о старце Серапионе (Церковная история *Евсевия.* Кн. VI. Гл. 44).

200. Васил. 32, 51.

201. Канон. послание св. Дионисия Алек. к епископу Василиду, пр. 2; Тимоф., пр.7.

202. Неокесар., пр. 7. Лаодик., пр. 1. Василия Великого, пр. 4.

203. Васил., пр. 38.

204. Васил., пр. 24.

205. Тимоф., пр. 3.

206. Тимоф., пр. 5.

207. Тимоф., пр. 16.

208. Шест. С. 80.

209. Письмо 63-е

210. Беседа 1-я о посте.

211. Слово 40-е

212. Epist. ad Januar. Из *Martigny.* P. 168.

213. *Martigny.* P. 168.

214. Карф. 50, 58, 48, 81.

215. См. также вышеобозначенные правила Карф. собора.

216. Карф. 8.

217. Шест., пр. 29.

218. Собор Толедский 693 г., пр. 16.

219. Аполог. I. С. 97.

220. Письмо 54-е.

221. О священстве. VI. 4.

222. Martyrol. Rom. die aug. XVIII // *Martigny.* P. 168.

223. *Св. Дионисий Алек., еп.* Из письма его к Фабию, епископу Антиохийскому // *Евсевий.* Церковная история. Кн. VI. Гл. 44.

224. К жене. Кн. 2. Гл. 5.

225. Книга о падших. С. 161.

226. Слово 11-е о Горгонии.

227. *Малиновский.* С. 17-18.

228. Письмо 50-е к Паммахию.

229. Письмо к Кесарии 81.

230. *Martigny.* P. 168.

231. К жене. 11, 5.

232. О падших. С. 161.

233. Там же.

234. Луг Духовный. Глл. 30 и 79.

235. De myster. С. 8. П. 48.

236. Собесед о жизни итал. отцев. Кн. 3. Гл. 36.

237. У Барония Dialog. III. P. 36. Annal eccl. loc. cit. Макария догматик. С. 223.

238. Луг Духовный. Гл. 29.

239. Карф. 26 и Шест. 83.

240. Карф. 26.

241. *Siegel.* S. 19.

242. Пост. ап. Кн. 8. Гл. 13.

243. Письмо к Иннокентию.

244. *Martigny.* P. 168.

245. *Малиновский.* С. 20.

246. См. выше о домашнем причащении и особенно: Луг Духовный. Гл. 79.

247. *Малиновский.* С. 17-18.

248. Epist. ad. Rustic. P. XX.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ

Печатается с исправлением опечаток по: *Архимандрит Арсений, наместник Чудова монастыря.* Преподобный Макарий Египетский. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1914. 175 с.

Первые публикации: *Жадановский А. И.* Преподобный Макарий Египетский. М. Печатня А. И. Снегиревой. 1899. VIII. 177 с.; *Архим. Арсений.* Светоч Православной Церкви – преподобный Макарий Египетский // Голос Церкви. М. 1913. № 2. С. 45-59; № 3. С. 37-60; *его же.* Творения преподобного Макария Египетского в их систематическом изложении // Голос Церкви. М. 1913. № 4. С. 28-39; № 5. С. 41-59; № 6. С. 67-90; № 7. С. 42-57; № 8-9. С. 48-70; *его же.* Обзор бесед преподобного Макария Египетского // Голос Церкви. М. 1913. № 10. С. 78-89; № 11. С. 56-81; *его же.* Творения, приписываемые преподобному Макарию // Голос Церкви. М. 1913. № 12. С. 84-92.

Настоящая работа является кандидатским сочинением вл. Арсения в годы его учебы в Московской Духовной академии.

Все ссылки к наст. сочинению принадлежат вл. Арсению.

249. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 405-410.

250. *Бронзов.* С. 361-363. Исаак Сирин.

251. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 410-442.

252. *Бронзов.* С. 365.

253. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 971-978.

254. *Бронзов.* С. 367.

255. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 222-230.

256. *Бронзов.* С. 366.

257. Кодекс под № CCXXXI, открыт Флоссом.

258. *Бронзов.* С. 338-344.

259. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 446-448.

260. Славянская рукопись. С. 472. Коптское житие. С. 48-49.

261. Сл. рук. С. 472 об.

262. Сл. рук. С. 473. Копт. житие. С. 49-50.

263. Сл. рук. С. 473. Копт. житие. С. 51.

264. Сл. рук. С. 475. Копт. житие. С. 53.

265. *Coteler.* T. I. P. 546. № 37; *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 258. № 37; Достопамятные сказания. С. 183. № 36. Новооткр. сказания. № 3. С. 8.

266. Сл. рук. С. 475. Копт. житие. С. 54. *Coteler.* T. I. P. 524-528. № 1. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 236. № 1. Достоп. сказ. С. 164. № 1. Патер. С. 286. № 37. Новооткр. сказания. № 1. С. 6.

267. Сл. рук. С. 476. Копт. житие. С. 54-55.

268. С этого времени ему было усвоено прозвище «вожатого верблюдов», по всей вероятности на том основании, что в этом путешествии ему приходилось гнать тех верблюдов, на которых предполагалось привезти домой натр (Слав. рук. С. 476. Копт. житие. С. 56).

269. Сл. рук. С. 481. Копт. житие. С. 64-65.

270. Сл. рук. С. 481-484. Копт. житие. С. 66-72. Эта история короче передается у *Coteler.* T. I. № 1; Пр. 525-526; *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 235-238. № 1. Достопамятные сказ. С. 164-165. № 1. Древний Патерик. С. 286-287. № 37. Новооткр. сказ. № 1. С. 6-7.

271. Сл. рук. С. 485. В Коптском житии передается, что по соседству с келлией преп. Макария купцы добывали натр, вследствии чего эта местность была безпокойна. Весьма возможно, что и это побудило нашего отца перейти в другую келлию. Копт. житие. С. 76.

272. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 180. Лавсаик. С. 49. История *Созомена.* Кн. III. Гл. 14.

273. *Coteler.* T. I. P. 535. № 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 247-248. № 13. Достопам. сказ. С. 173. № 13. Древний Патер. С. 114. № 15. Новооткр. сказ. № 11.

274. Здесь, говорит еп. Серапион, составитель жития преп. Макария, лежит причина того, почему преп. Макария стали называть учеником преп. Антония.

275. Сл. рук. С. 488-489. Копт. житие. С. 83-86. Принимал ли преп. Макарий участие в погребении св. Антония? По всей вероятности, принимал, ибо Серапион, сказав о том, что он и другие позаботились о св. теле Антония, непосредственно затем продолжал: и наш отец св. авва Макарий возвратился к своему жилищу в пустыню. В Славянском о кончине преп. Антония говорится: «мало время пожив, отсюду преставися, Макария святым лобзанием отечески целоваше» (Сл. рук. С. 488-489).

276. Этот рассказ передается в «Acta Sanctorum». Januar. T. I, под 5-м числом. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 157-159.

277. Лавсаик. С. 53-55. *Migne.* S. G. T. XXXIV. Hist. Laus. Cap. XIX-XX. P. 1047 – лат. P. 1049 – греч.

278. *Coteler.* T. I. P. 535. № 14. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 247-248. № 14. Достоп. сказ. С. 137. № 14. Древн. Патер. С. 384. № 9.

279. *Coteler.* T. I. P. 546-547. № 38. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 257. № 38. Достоп. сказ. С. 183-184. № 37. Древн. Патер. С. 34-35. № 18. Новоткр. сказ. С. 26. № 30.

280. *Coteler.* T. I. P. 532-534. № 7. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 243-246. № 7. Достоп. сказ. С. 170-171. № 7. Древн. Патер. С. 385-386. № 11.

281. Сл. рук. С. 494 об.-495. Новооткр. сказ. С. 27. № 31.

282. Лавсаик. С. 53.

283. Секта Иераклитов.

284. История *Созомена.* Кн. III. Гл. 14. Лавсаик. С. 53. *Руфин.* История монахов. Гл. 28. Довольно подробно сообщается об этом чуде преп. Макария в Сл. рук. С. 495-502.

285. Новооткр. сказ. С. 23. № 26.

286. Сл. рук. С. 506.

287. История *Сократа.* Кн. IV. Гл. 23. С. 354.

288. *Coteler.* T. I. P. 531. № 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 243-244. № 5. Дост. сказ. С. 170. № 5. Древн. Патер. С. 352. № 17.

289. Лавсаик. С. 49-50. Hist. Laus. Cap. XIX-XX. P. 1043, 1045-1046.

290. Сл. рук. С. 489 об. Копт. житие. С. 86-87.

291. Лавсаик. С. 49. Hist. Laus. Cap. XIX-XX. P. 1043-1045.

292. *Coteler.* T. I. P. 547-548. № 39. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 259-260. № 39. Достоп. сказ. С. 184-185. № 38. Новооткр. сказ. С. 20. № 21.

293. *Coteler.* T. I. P. 372-373 (№ 1), 443 (№ 1), 451 (№ 1). № 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 261-264. №№ 1-3. Достоп. сказ. С. 341 (№ 1), 100 (№ 1), 334 (№ 1). Древн. Патер. С. 156-157 (№ 11), 12 (№ 6), 99 (№ 7).

294. Достоп. сказ. №№ 22, 26, 27, 40.

295. История *Сократа.* С. 356.

296. Лавсаик. С. 53. Hist. Laus. Cap. XIX-XX. P. 1046-1047.

297. История *Сократа.* Кн. IV. Гл. 23. С. 356. Епископ Палладий, составитель Лавсаика, считает даже излишним говорить об аскетическом образе жизни преп. Макария, так это слишком известно всем (Лавсаик. С. 50).

298. Преп. Макария по справедливости называли «духоносцем».

299. Он был против гнева. «Если ты, – говорил он, – приходишь в гнев, то удовлетворяешь своей страсти. И ты этим не спасаешь другого, а только губишь себя» (*Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 247-248. № 17. Достоп. сказ. С. 174. № 17. Новоткр. сказ. С. 19. № 17).

300. 15 бес. 38. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 581-582.

301. Но для любви все возможно, по слову апостола *(1 Кор. 13, 4-8).*

302. 4-я беседа. 27; 23-я бес. 3; 26-я бес. 21; 38-я бес. 4-5.

303. 4-я бес. 9.

304. 26-я бес. 17.

305. 29-я бес. 6.

306. 12-я бес. 10.

307. 12-я бес. 12.

308. 16-я бес. 5.

309. 6-е слово. 28.

310. 49-я бес. 1.

311. 45-я бес. 5.

312. 49-я бес. 4.

313. 49-я бес. 5; 15-я бес. 21.

314. 46-я бес. 5.

315. 46-я бес. 5.

316. 4-я бес. 9; 1-я бес. 7.

317. 46-я бес. 6.

318. 1-я бес. 10.

319. 7-е сл. 32.

320. 1-я бес. 3; 46-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 452, 796.

321. 49-я бес. 4.

322. 1-я бес. 7.

323. 4-е сл. 18

324. 30-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 724.

325. 48-я бес. 5.

326. 49-я бес. 4.

327. 49-я бес. 4.

328. 12-я бес. 6.

329. 12-я бес. 7.

330. 12-я бес. 9-10.

331. 20-я бес. 4; 45-я бес. 1.

332. 4-е сл. 5.

333. 15-я бес. 23.

334. 26-я бес. 1.

335. 12-я бес. 6-8.

336. 4-е сл. 21.

337. 4-е сл. 3.

338. 11-я бес. 5.

339. 12-я бес. 1.

340. 15-я бес. 20, 41. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 589-592, 604.

341. 15-я бес. 23.

342. 15-я бес. 21.

343. 15-я бес. 20.

344. 1-я бес. 11.

345. 12-я бес. 8.

346. 15-я бес. 23.

347. 4-е сл. 5.

348. 12-я бес. 11-12.

349. 20-я бес. 4.

350. 45-я бес. 1.

351. 5-я бес. 1-2.

352. Там же.

353. 29-я бес. 7.

354. 21-я бес. 2.

355. Там же.

356. 47-я бес. 6.

357. 15-я бес. 51.

358. 16 бес. 6.

359. 43 бес. 7.

360. 4-я бес. 9.

361. 15-я бес. 33.

362. 4-е сл. 5.

363. 15-е бес. 31.

364. 11-я бес. 11.

365. 48-я бес. 5.

366. 7-е сл. 26.

367. 30-я бес. 7.

368. 2-я бес. 2.

369. 1-я бес. 7. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 457.

370. 2-я бес. 1.

371. 11-я бес. 11.

372. 2-я бес. 4.

373. 5-я бес. 1-3.

374. 15-я бес. 47.

375. 45-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 789.

376. 16-я бес. 6.

377. 50-я бес. 5; 41-я бес. 1; 1-я бес. 11.

378. 4-е сл. 9.

379. 30-я бес. 8; 21-я бес. 2.

380. 30-я бес. 7.

381. 5-я бес. 3.

382. 24-я бес. 2.

383. 30-я бес. 8.

384. 11-я бес. 5.

385. 11-я бес. 3.

386. 28-я бес. 1.

387. 12-я бес. 10.

388. 12-я бес. 2.

389. 30-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 724.

390. 15-я бес. 21, 38.

391. 15-я бес. 33.

392. 16-я бес. 1.

393. 2-я бес. 2.

394. 16-я бес. 2.

395. Там же.

396. 3-я бес. 6.

397. 27-я бес. 22.

398. Там же.

399. 27-я бес. 22.

400. 16-я бес. 1.

401. Там же.

402. 3-я бес. 3.

403. 20-я бес. 5.

404. 45-я бес. 3.

405. 26-я бес. 21. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 688.

406. 20-я бес. 7.

407. 25-я бес. 1.

408. 45-я бес. 2.

409. 32-я бес. 4-5.

410. 20-я бес. 6.

411. 44-я бес. 3.

412. 32-я бес. 6, 4-5.

413. 2-я бес. 3.

414. 44-я бес. 6.

415. 32-я бес. 6; 2-я бес. 3.

416. 2-я бес. 2; 20-я бес. 5.

417. 44-я бес. 3.

418. 3-я бес. 4; 17-я бес. 10.

419. 11-я бес. 12.

420. 45-я бес. 3-4.

421. 28-я бес. 3; 27-я бес. 3.

422. 15-я бес. 45; 34-я бес. 2.

423. 1-я бес. 7.

424. 6-я бес. 5.

425. 11-я бес. 6.

426. 11-я бес. 15; 34-я бес. 2; 44-я бес. 9.

427. 15-я бес. 28.

428. 7-е сл. 34.

429. 44-я бес. 1.

430. 6-я бес. 5; 15-я бес. 42. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P.521, 605.

431. 32-я бес. 6.

432. 4-е сл. 18.

433. 47-я бес. 2.

434. 4-е сл. 9.

435. 38-я бес. 3.

436. 11-я бес. 10.

437. 11-я бес. 13.

438. 7-я бес. 1. Ср.: 15-я бес. 28, 45.

439. 27-я бес. 3.

440. 7-я бес. 1; 27-я бес. 3.

441. 15-я бес. 28. Ср.: 15-я бес. 44; 26-я бес. 1.

442. 15-я бес. 42.

443. 34-я бес. 2.

444. 27-я бес. 4.

445. 27-я бес. 17. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 705.

446. 27-я бес. 17.

447. 16-я бес. 8.

448. 5-я бес. 4.

449. Там же.

450. 24-я бес. 3.

451. 32-я бес. 11.

452. 15-я бес. 29.

453. 15-я бес. 50.

454. 30-я бес. 9.

455. 37-я бес. 10. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 757.

456. 2-я бес. 7-8.

457. 46-я бес. 3.

458. 20-я бес. 7.

459. 4-я бес. 17, 27.

460. 39-я бес.

461. 27-я бес. 20.

462. Там же.

463. 44-я бес. 8.

464. 44-я бес. 9.

465. 32-я бес. 7.

466. 3-я бес. 3.

467. 8-я бес. 2.

468. 24-я бес. 3.

469. 1-я бес. 5.

470. 24-я бес. 4.

471. 47-я бес. 15. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 805.

472. 1-я бес. 6.

473. 5-я бес. 4.

474. 15-я бес. 13.

475. 26-я бес. 23.

476. 46-я бес. 2.

477. 25-я бес. 4.

478. 5-я бес. 13-14.

479. 4-я бес. 25-26.

480. 25-я бес. 4-5.

481. 28-я бес. 2; 30-я бес. 5; 33-я бес. 3.

482. 5-я бес. 7.

483. 5-я бес. 11-12.

484. 5-я бес. 8, 11; 9-я бес. 12.

485. 10-я бес. 2; 15-я бес. 14.

486. 15 бес. 45; 4-я бес. 5.

487. 4-я бес. 6.

488. 31-я бес. 6.

489. 19-я бес. 6; 27-я бес. 12; 10-я бес. 3.

490. 20-я бес. 3.

491. 27-я бес. 6.

492. 17-я бес. 14.

493. 27-я бес. 14-16.

494. 19-я бес. 6; 27-я бес. 12; 10-я бес. 3.

495. 15-я бес. 35.

496. 4-я бес. 16-23.

497. 21-я бес. 2.

498. 27-я бес. 21.

499. 4-я бес. 1-3; 7-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 472-473.

500. 4-я бес. 3-4.

501. 26-я бес. 24.

502. 15-я бес. 32.

503. 43-я бес. 7.

504. 15-я бес. 31.

505. 26-я бес. 21.

506. 15-я бес. 5; 24-я бес. 6.

507. 24-я бес. 5.

508. 4-я бес. 7-8.

509. 25 бес. 2.

510. 26-я бес. 10 и 19.

511. 37-я бес. 9; 50-я бес. 3.

512. 30-я бес. 7.

513. 32-я бес. 10.

514. 14-я бес. 2.

515. 18-я бес. 1 и 6.

516. 1-я бес. 9.

517. 9-я бес. 12. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 540.

518. 44-я бес. 6; 15-я бес. 4.

519. 1-я бес. 9.

520. 4-я бес. 12. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 481.

521. 9-я бес. 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 540.

522. 30-я бес. 5-6; 44-я бес. 1-2, 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 724, 780.

523. 9-я бес. 11.

524. 18-я бес. 6.

525. 3-я бес. 6.

526. 4-е сл. 18. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 880.

527. 19-я бес. 2.

528. 44-я бес. 7.

529. 15-я бес. 31. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 597.

530. 44-я бес. 1, 5, 8; 42-я бес. 3.

531. 15-я бес. 51.

532. 15-я бес. 7, 4, 40.

533. 42-я бес. 2.

534. 43-я бес. 5.

535. 26-я бес. 24.

536. 50-я бес. 4.

537. 16-я бес. 11.

538. 16-я бес. 12.

539. 26-я бес. 12.

540. 26-я бес. 15.

541. 27-я бес. 2.

542. 40-я бес. 5.

543. 5-я бес. 8.

544. 3-я бес. 4-5.

545. 37-я бес. 8.

546. 40-я бес. 1.

547. 17-я бес. 13.

548. 11-я бес. 14.

549. 15-я бес. 16.

550. 11-я бес. 14.

551. В русском переводе «предубеждением».

552. 4-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 477.

553. 15-я бес. 48. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 609.

554. 32-я бес. 9.

555. 1-я бес. 9; 3-я бес. 3; 15-я бес. 26.

556. 24-я бес. 1.

557. Там же.

558. 15-я бес. 48.

559. 7-е сл. 9.

560. 15-я бес. 48.

561. 40-я бес. 5.

562. 43-я бес 6, 9.

563. 38-я бес. 4.

564. 37-я бес. 1.

565. 11-я бес. 15.

566. 1-е сл. 3.

567. 26-я бес. 12.

568. 5-я бес. 9.

569. 7-е сл. 7.

570. 4-е сл. 12.

571. 7-е сл. 3.

572. 4-е сл. 2, 6, 7. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 868, 869.

573. 26-я бес. 8, 3; 4-е сл. 7.

574. 16-я бес. 3.

575. 26-я бес. 14, 9.

576. 7-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 525.

577. 7-я бес. 3; 4-е сл. 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 876.

578. 7-я бес. 3.

579. 21-я бес. 1. Ср.: 6-е сл. 20.

580. Там же.

581. 5-я бес. 9.

582. 15-я бес. 11.

583. 7-е сл. 13, 15.

584. 26-я бес. 15.

585. 27-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 697.

586. 7-е сл. 13.

587. 7-е сл. 14.

588. 15-я бес. 27.

589. 24-я бес. 2.

590. 19-я бес. 1; 44-я бес. 10; 49-я бес. 2.

591. 24-я бес. 5.

592. 37-я бес. 7.

593. 31-я бес. 2.

594. 41-я бес. 2; 44-я бес. 9.

595. 48-я бес. 1-4.

596. 48-я бес. 6.

597. 14-я бес. 1.

598. 26-я бес. 11.

599. 16-я бес. 4; 26-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 616, 680.

600. 31-я бес. 4.

601. Там же.

602. 5-я бес. 9; 43-я бес. 3.

603. 5-я бес. 7-13.

604. 27-я бес. 14-16.

605. Послание преп. Макария. С. 435-436.

606. Там же. С. 438.

607. 9-я бес. 10; 45-я бес. 1.

608. 9-я бес. 12.

609. 15-я бес. 17.

610. 9-я бес. 13; 19-я бес. 1.

611. 45-я бес. 3.

612. 4-я бес. 3.

613. 9-я бес. 10; 19-я бес. 1.

614. 31-я бес. 1.

615. 9-я бес. 13.

616. 31-я бес. 3-6.

617. 27-я бес. 19.

618. 9-я бес. 11.

619. 20-я бес. 2.

620. 26-я бес. 12.

621. 15-я бес. 49. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 612.

622. 15-я бес. 33.

623. 25-я бес. 7.

624. 16-я бес. 11.

625. 25-я бес. 8.

626. 15-я бес. 24, 34.

627. 25-я бес. 6.

628. 6-е сл. 30.

629. Там же.

630. Послание. С. 440.

631. 1-е сл. 9. Послание. С. 445.

632. 6-е сл. 29.

633. 26-я бес. 13.

634. 43-я бес. 3.

635. 1-е сл. 9.

636. 17-я бес. 13.

637. 49-я бес. 1.

638. 31-я бес. 6; 5-я бес. 4.

639. 49-я бес. 1.

640. 15-я бес. 46.

641. 38-я бес. 1.

642. 1-е сл. 9.

643. 5-я бес. 4.

644. 40-я бес. 3.

645. Послание. С. 431-432.

646. Послание. С. 432, 449, 450.

647. 6-е сл. 30.

648. 6-я бес. 1-4.

649. Послание. С. 444.

650. 15-я бес. 12.

651. 40-я бес. 7.

652. 1-я бес. 10.

653. 44-я бес. 9.

654. 2-я бес. 3.

655. 31-я бес. 5-6.

656. 2-я бес. 3.

657. 44-я бес. 9.

658. 8-я бес. 1.

659. Послание. С. 444–445.

660. 8-я бес. 1, 3.

661. 4-е сл. 8.

662. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 585. 15-я бес. 13.

663. Послание. С. 443-444.

664. Послание. С. 441.

665. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 764. 40-я бес. 2.

666. 40-я бес. 2, 6.

667. 44-я бес. 9; 30-я бес. 6; 37-я бес. 7; 19-я бес. 1; 12-я бес. 17.

668. 19-я бес. 6.

669. 4-я бес. 3; 5-я бес. 13; 6-я бес. 3; 33-я бес. 4.

670. 5-я бес. 13, 15.

671. 15-я бес.; 54-я бес. 11.; 42-я бес. 2.

672. 15-я бес. 5; 17-я бес. 7; 27-я бес. 6.

673. 6-я бес. 3.

674. 16-я бес. 9.

675. 4-я бес. 4 и 5.

676. 19-я бес. 2.

677. 41-я бес. 2; 44-я бес. 9.

678. 31-я бес. 4.

679. 27-я бес. 16.

680. 37-я бес. 1; 9-я бес. 1.

681. 15-я бес. 20.

682. 4-я бес. 27.

683. 4-я бес. 17; 14-я бес. 5.

684. 33-я бес. 4.

685. 16-я бес. 7.

686. 19-я бес. 3.

687. 26-я бес. 19; 19-я бес. 2.

688. 17-я бес. 10.

689. 25-я бес. 10; 26-я бес. 22.

690. 41-я бес. 2.

691. 16-я бес. 7.

692. 9-я бес. 7; 41-я бес. 2.

693. 50-я бес. 5.

694. 15-я бес. 18; 2-я бес. 4.

695. 8-я бес. 2.

696. 8-я бес. 2-4.

697. 26-я бес. 7.

698. 40-я бес. 8.

699. 30-я бес. 8.

700. 32-я бес. 10.

701. 9-я бес. 1. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 532.

702. 29-я бес. 1-3.

703. 37-я бес. 10.

704. 26-я бес. 4.

705. 29-я бес. 1-2.

706. 26-я бес. 6.

707. 41-я бес. 2.

708. 9-я бес. 1.

709. 27-я бес. 22; 37-я бес. 10.

710. 37-я бес. 10.

711. 15-я бес. 38; 17-я бес. 8.

712. 24-я бес. 6.

713. 16-я бес. 6; 17-я бес. 4; 26-я бес. 25.

714. 50-я бес. 4.

715. 15-я бес. 25-36.

716. 16-я бес. 5-6; 7-я бес. 2; 17-я бес. 6.

717. 11-я бес. 13.

718. 4-я бес. 13-15; 9-я бес. 8; 15-я бес. 24.

719. 1-я бес. 8.

720. 4-я бес. 4.

721. 2-я бес. 2.

722. 49-я бес. 4.

723. 21-я бес. 3-5.

724. 14-я бес. 4.

725. 28-я бес. 5.

726. 17-я бес. 4.

727. 50-я бес. 4.

728. 9-я бес. 7.

729. 16-я бес. 11.

730. 17-я бес. 2-3.

731. 18-я бес. 1-3.

732. 49-я бес. 4.

733. 9-я бес. 8.

734. 18-я бес. 4.

735. 18-я бес. 5.

736. 17-я бес. 9, 11, 12.

737. 15-я бес. 50.

738. 17-я бес. 10.

739. 43-я бес. 8.

740. 10-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 544.

741. 12-я бес. 3; 27-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 557, 696.

742. 15-я бес. 25; 41-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 593, 769.

743. 15-я бес. 35. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601.

744. 15-я бес. 35; 29-я бес. 7; 26-я бес. 20. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601, 720, 688.

745. 16-я бес. 12. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601.

746. 26-я бес. 20. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 688.

747. 32-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 740.

748. 15-я бес. 17, 34; 16-я бес. 6, 11-12. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 588, 600, 621.

749. 17-я бес. 7; 27-я бес. 17. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 628, 705.

750. 27-я бес. 18. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 705.

751. 43-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 773.

752. 10-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 544.

753. 17-я бес. 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 632.

754. 9-я бес. 9; 10-я бес. 1; 15-я бес. 18, 35. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 537, 541, 588, 600.

755. 18-я бес. 7-9. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 640.

756. 9-я бес. 12; 46-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 540.

757. 16-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 613.

758. 32-я бес. 9. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 740. См. еще о единении души с Богом под образом брачного союза: 15-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 576; 19-я бес. 9. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 649; 45-я бес. 7. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 792; 38-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 761.

759. 47-я бес. 17. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 808.

760. 4-я бес. 10. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 480.

761. 4-я бес. 11. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 480-481.

762. 6-е сл. 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 920.

763. 4-я бес. 15. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 484.

764. 25-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 669.

765. 37-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 752.

766. 37-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 752-753.

767. 15-я бес. 8. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 581.

768. 26-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 677.

769. 8-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 529.

770. 7-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 525.

771. 36-я бес. 1-2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 749.

772. 8-я бес. 4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 529.

773. 8-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 532.

774. 8-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 532.

775. 5-я бес. 7; 7-я бес. 1; 28-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 501, 524, 713.

776. 1-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 452.

777. 1-я бес. 2; 18-я бес. 10. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 452, 641.

778. 15-я бес. 37. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601-604.

779. 36-я бес. 1. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 749.

780. Безсмертие, по мнению преп. Макария, было бы не полезно и в следующем отношении. Если бы христиане по телу оставались безсмертны, то целый мір, видя необычайность дела, преклонился бы к добру по какой-то необходимости и таким образом свободное произволение человека как бы подавлялось (15-я бес. 37. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601-604).

781. 22-я бес. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 660.

782. 22-я бес.; 43-я бес. 9; 30-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 660, 777, 725.

783. 22-я бес. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 660.

784. 5-я бес. 21. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 512.

785. Там же.

786. 12-я бес. 13. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 564-565.

787. 12-я бес. 14; 29-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 565, 720.

788. 12-я бес. 13; 5-я бес. 21. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 565, 512.

789. 5-я бес. 17-19; 12-я бес. 13; 34-я бес. 2; 32-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 511, 565, 745, 733-736.

790. 5-я бес. 19; 47-я бес. 1. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 516, 797.

791. 15-я бес. 11. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 584.

792. 15-я бес. 36. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 601.

793. 12-я бес. 14. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 565.

794. 5-я бес. 18; 12-я бес. 14. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 513, 565.

795. 12-я бес. 14. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 565.

796. См. выше.

797. 5-я бес. 19, 21. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 516-517.

798. 11-я бес. 1-2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 544-545.

799. 5-я бес. 17-18. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 513.

800. 15-я бес. 10. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 581.

801. 30-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 725.

802. 34-я бес. 2-3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 745.

803. 26-я бес. 23. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 689.

804. 32-я бес. 1. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 733.

805. 32-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 736. 36-я бес. 1-2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 749.

806. 1-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 452-453.

807. 2-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 468.

808. 26-я бес. 18. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 686-688.

809. 40-я бес. 3-4. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 764-765.

810. 29-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 720.

811. Роте, Пробст, Паниль и др.

812. 4-я бес. 10; 1-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 480.

813. Паниль.

814. *Pome.* С. 44.

815. 1-я бес. 2. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 452.

816. 46-я бес. 3-4.

817. 30-я бес. 3.

818. 15-я бес. 2.

819. Отсюда нам делаются понятными благоухание тел почивших угодников Божиих, источение от них мура, останки мощей, особый цвет их костей и т. п. и т. п.

820. 5-я бес. 17-21; 4-я бес. 13.

821. 49-я бес. 4.

822. 16-я бес. 2.

823. 21-я бес. 1.

824. 12-я бес. 2.

825. 47-я бес. 6.

826. 7-я бес. 8; 12-я бес. 4; 40-я бес. 3.

827. 30-я бес. 3. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 724.

828. 4-я бес. 1.

829. 4-я бес. 9. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 480.

830. Точное изложение Православной веры. Кн. II. Гл. 3.

831. 27-я бес. 6. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P.528.

832. 7-я бес. 7. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 528.

833. 7-я бес. 5. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 525.

834. 10-я бес. 4.

835. См. пример из жизни Иакова.

836. 30-я бес. 1.

837. *Еп. Сильвестр.* Опыт Догматического Богословия. Т. III. С. 339.

838. 27-я бес. 17. *Migne.* S. G. T. XXXIV. P. 705.

839. 16-я бес. 1. Отсюда естественны и самостоятельны человеческие страсти и несправедливое раздражение, непристойный гнев и все тому подобное.

840. 16-я бес. 1.

841. Послание. С. 451.

842. 3-е сл. 12.

843. 20-я бес. 3.

844. 25-я бес. 3.

845. 16-я бес. 10; 15-я бес. 19.; 21-я бес. 4.

846. 17-я бес. 8.

847. 17-я бес. 3.

848. 1-я бес. 12; 5-я бес. 21; 10-я бес. 4; 17-я бес. 1-3.

849. 38-я бес. 4; 1-я бес. 11.

850. 8-я бес. 5.

851. 32-я бес. 5.

852. 35-я бес. 1-3.

853. 35-я бес. 2.

854. 47-я бес.

855. 47-я бес. 16.

856. 32-я бес. 6.

857. 1-я бес. 5.

858. 1-я бес. 11.

859. 5-я бес. 2.

860. 5-я бес. 17.

861. 15-я бес 3.

862. 15-я бес. 18.

863. Torzter.

864. 12-я бес. 3.

865. 25-я бес. 7; 6-я бес. 2.

866. 4-я бес. 20-22.

867. 1-я бес. 4.

868. 1-я бес. 5.

869. 1-я бес. 4.

870. 37-я бес. 8.

871. 48-я бес. 1.

872. 6-я бес. 7.

873. 12-я бес. 15.

874. 4-я бес. 6.

875. 28-я бес. 6.

876. 3-я бес. 1 и др.

877. 4-я бес. 12.

878. 19-я бес.

879. 36-я бес. 1.

880. 37-я бес. 9.

881. 11-я бес. 9, 15; 12-я бес. 15; 21-я бес. 5 и др.

882. 2-я бес. 3; 3-я бес. 5; 4-я бес. 12, 20 и др.

883. 38-я бес. 5.

884. 8-я бес. 3; 9-я бес. 1-6; 11-я бес. 4 и др.

885. 34-я бес. 1; 37-я бес. 6; 25-я бес. 7; 11-я бес. 10 и др.

886. 1-я бес. 12; 2-я бес. 5; 10-я бес. 5; 20-я бес. 8; 23-я бес. 3; 41-я бес. 3.

887. 8-я бес. 6; 36-я бес. 2.

888. 14-я бес. 7.

889. 19-я бес. 9; 39-я бес. 42.

890. 26-я бес. 26.

891. 34-я бес. 3.

892. 3-я бес. 6; 9-я бес. 13; 15-я бес. 51; 18-я бес. 11; 25-я бес. 10; 37-я бес. 11.

893. 6-я бес. 7.

894. 7-я бес. 8.

895. 11-я бес. 15.

896. 12-я бес. 18.

897. 13-я бес.

898. 16-я бес. 13.

899. 17-я бес. 15.

900. 30-я бес. 9.

901. 32-я бес. 11.

902. 33-я бес. 4.

903. 35-я бес. 3.

904. 40-я бес. 8.

905. 50-я бес. 6.

906. 4, 5, 22 и 57 беседы.

907. 1-я бес. 7.

908. 1-я бес. 12.

909. 1-я бес 3.

910. 1-я бес. 8.

911. 2-я бес. 4.

912. 4-я бес. 3.

913. 9-я бес. 10.

914. 18-я бес. 7.

915. 18-я бес. 3.

916. 4-я бес. 1

917. 1-я бес. 3.

918. 3-я бес. 4.

919. 4-я бес. 14.

920. 9-я бес. 6.

921. 2-я бес. 3.

922. 14-я бес. 1.

923. 2-я бес. 1.

924. 6-я бес. 1.

925. 16-я бес. 17.

926. 43-я бес. 7.

927. 33-я бес. 4.

928. 4-я бес. 1.

929. 1-я бес. 10; 11-я бес. 12.

930. 2-я бес. 4.

931. 5-я бес. 11.

932. 1-я бес. 11.

933. 48-я бес. 2.

934. Там же.

935. 49-я бес. 4.

936. 12-я бес. 9.

937. 1-я бес. 8; 4-я бес. 2; 5-я бес. 9; 28-я бес. 2.

938. 4-я бес. 24.

939. 44-я бес. 2.

940. 25-я бес. 6.

941. 25-я бес. 8.

942. 26-я бес. 1.

943. 49-я бес. 9.

944. 4-я бес. 18.

945. 1-я бес. 3.

946. 1-я бес. 12.

947. 3-я бес. 6.

948. 1-я бес. 11.

949. 4-я бес. 9.

950. 26-я бес. 2.

951. 48-я бес. 2.

952. 50-я бес. 3.

953. 40-я бес. 1.

954. 27-я бес. 18; 28-я бес. 19.

955. 48-я бес. 6.

956. *Pome.* С. 47.

957. 26-я бес. 1.

958. В данном случае – ангел.

МОСКОВСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ КРЕМЛЬ И ЕГО СВЯТЫНИ:

Спасская башня

Печатается по: *Епископ Арсений, Серпуховский.* Московский Священный Кремль и его святыни. [Спасская башня.] М. Печатня А. И. Снегиревой. 1917. 16 с.

Переиздание: *Епископ Арсений.* Московский Священный Кремль и его святыни. М. Православный Свято-Тихоновский институт. 1995.

Св. благоверная Княгиня Московская Евфросиния и основанный ею Вознесенский женский монастырь

Печатается по: *Епископ Арсений, Серпуховский.* Московский Священный Кремль и его святыни. Св. благоверная Княгиня Московская Евфросиния и основанный ею Вознесенский женский монастырь // Душеполезное чтение. М. 1917. №2. Март-апрель. С. 29-42.

См. прим. 211 к 1-му т. наст. изд.

ПЕЧАТНЫЙ АНТИМИНС 1612 ГОДА

Печатается по: *Архимандрит Арсений.* Печатный антиминс 1612 года. М. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 1914. 7 с.

Читано в заседании Императорского Московского археологического общества 20 января 1912 года.

Все ссылки в наст. работе принадлежат ее автору.

959. Положение необычное. Обыкновенно на иконах «Не рыдай Мене, Мати», известных с XV века, на больших воздухах и на плащаницах Спаситель изображается головою влево от зрителя.

960. См.: *Соловев С. М.* История России. Т. VIII. Кн. 2. СПб. 1894. С. 1034-1035.

961. См.: *Забелин.* Минин и Пожарский. Изд. 4. М. 1901. С. 269.

962. *Ровинский Д.* Русские народные картинки. Т. I. СПб. 1900. Стб. 4. Рис. 7 и 8.

963. Там же. Т. IV, СПб. 1881, стран. 628.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК И ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ПАЛЕСТИНУ

Печатается впервые по списку в двух общих тетрадях (архив Кориных), озаглавленных «Поездка на Ближний Восток и Палестину в 1913 году». На титульном листе имеются пометки: «Путешествие владыки Арсения (Жадановского) в Палестину, еще будучи архимандритом Чудова монастыря, его личные записки»; «Переписано Верой Сергеевной Матвеевой в Серпухове».

Озаглавлено по авторизованной авторской публикации: *Епископ Арсений Серпуховский.* Воспоминания о поездке на Восток и во Святую Землю Палестину // Душеполезное чтение. 1917. № 3-4. Май-август. С. 9-20 (обещанного продолжения из-за закрытия журнала не последовало).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Стихи владыки Арсения печатаются впервые по общей тетради, судя по записи, «переписанной Верой Сергеевной Матвеевой в Серпухове». Стихотворение «Пред образом Успения» приводится по кн.: *Иеромонах Арсений.* Гефсимания. М. 1911. С. 32.

Приложение

ГЕФСИМАНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА

964. Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 2. 15 января. Официальный отдел. С. 37, 43.

965. Там же. 1910. № 8. 15 апреля. Официальный отдел. С. 300-301.

966. Там же. 1910. № 9-10. 15 мая. Официальный отдел. С. 355.

967. Там же. 1911. № 2. 15 января. Официальный отдел. С. 63.

968. Там же. 1913. № 6. 15 марта. Официальный отдел. С. 213.

ДОМ БОГОРОДИЦЫ

Печатается по: *Иеромонах Арсений.* Гефсимания. Краткие сведения о Гефсиманской женской общине Зарайского уезда, Рязанской епархии. С 4-мя снимками. В пользу Общины издал иеродиакон Евстратий. М. Тип. Общества распр. полезн. книг. Преемн. В. И. Воронов. 1911. 32 с. Цензурное разрешение 21.3.1911.

К кн. было присовокуплено след. объявление: «Православные люди, сочувствующие развитию и укреплению на Руси иноческой жизни, этого оплота Православия, могут направлять свои добровольные жертвы по след. адресу: Зарайск, Рязанской губ. Начальнице Гефсиманской женской общины, монахине Поликсении с сестрами. К сведению посетителей-богомольцев: Самый удобный безпересадочный поезд Московско-Казанской жел. дороги отходит от Москвы в 12 час. 50 м. утра. Обратно отправляется в 10 час. 40 м. вечера и прибывает в Москву в 6 час. утра» (С. 33).

О роли вл. Арсения в основании Гефсиманской женской общины см. также на стр. 42-43 1-го т. наст. изд.

ВСТРЕЧА ИКОН В ГЕФСИМАНИИ

Печатается по: *Иеродиакон Евстратий.* Встреча икон в Гефсимании в Вербное воскресенье 11 апреля 1910 года. С 3-мя снимками. Благословение Гефсиманской женской общины юному поколению. М. Тип. Общества распр. полезн. книг. Преемн. В. И. Воронов. 1911. 16 с. Цензурное разрешение 23.5.1911.

На обложке обозначено: «Гефсиманская книжка № 1». Из объявления на обложке видно, что к этому времени были выпущены «Гефсиманские листки», №№ 1, 2, 3 и 4.

В пользу Общины, говорится в объявлении, продавалась не только напечатанная нами выше книга о. Арсения «Гефсимания», но и второй выпуск его «Духовного дневника» за 1910 год (М. 1911).

В течение года в Гефсиманской общине проходило несколько крестных ходов:

«I. Вокруг церкви: **1)** в Вербное воскресение после Литургии; **2)** во всю Светлую седмицу, кроме вторника, со св. артосом; **3)** 14 августа на литии за всенощным бдением; **4)** 15 августа после великого славословия (в полночь) с обнесением плащаницы с изображением Успения Богоматери в память погребения Ее.

II. Вокруг обители (после Литургии): **1)** во Вторник Светлой седмицы; **2)** 14 мая – в память основания «Гефсимании»; **3)** 17 августа.

III. На источник: **1)** 6 января; **2)** в Преполовение; **3)** 1 августа.

IV. На поле в Троицын день: *О благорастворении воздухов и изобилии плодов земных»* (наст. изд. С. 17).

ВЫСТАВКА ИКОНОПИСИ

Печатается по: Московские церковные ведомости. 1912. № 27. 30 июня.

969. Появление *иконы Божией Матери «Спорительница хлебов»* относится к последним годам жизни преп. Амвросия Оптинского. В 1890 г. настоятельница Болховского Богородично-Всехсвятского женского монастыря, что в Орловской губернии, м. Илария прислала Старцу необычный образ, заимствованный с иконы Всех Святых, находящейся в обители. Пресвятая Богородица изображена на нем сидящей на облаках. Руки Ее подняты в благословляющем движении. Преподобный дополнил икону изображением сжатого поля – снопы ржи среди травы и цветов. Дав образу новое название: «Спорительница хлебов», – он благословил своего духовного сына иеромонаха Даниила (Болотова, 1837 ‡ 1907), в міру известного живописца, написать икону. Своих духовных дочерей – монахинь основанной им Шамординской Казанской женской пустыни – он учил молиться перед нею; заказывал с нее фотоснимки, раздавая и рассылая своим почитателям из мірян. Незадолго до смерти преп. Амвросий составил особый припев к обычному Богородичному акафисту: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подаждь и нам недостойным росу благодати Твоея и яви милосердие Твое!» Старец положил празднование иконе совершать 15 октября. Примечательно, что именно в этот день почившего о. Амвросия опустили в могилу. Впоследствии Св. Синод, в виду нетрадиционной иконографии, запретил распространение иконы, однако образ получил уже общероссийское распространение, почитался многими богомольцами. Тогда по указу Св. Синода образ «Спорительницы хлебов» увезли из Шамордина. Празднование этой иконе установлено по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (резолюция 10.11.1993) (*Цеханская К. В.* Икона в жизни русского народа. М. «Паломник». 1998. С. 128-129).

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ГОЛОС ЦЕРКВИ», издававшегося при Московском в Кремле Чудовом монастыре под редакцией владыки Арсения

О МИРЕ БЛАГОДАТНОМ
(Письмо Старца духовным детям)

Печатается по: *С[хи]а[рхимандрит] Гавриил.* О мире благодатном. (Письмо Старца духовным детям) // Голос Церкви. М. 1913. № 10. С. 53-56.

Преподобный Гавриил (Гавриил Феодорович Зырянов, 14.3.1844 ‡ 24.9.1915), схиархимандрит – родился в семье благочестивых крестьян Пермской губернии. Поступил в братство Оптиной пустыни (1864). Перешел в Высоко-Петровский монастырь (28.12.1874). Пострижен в монашество с именем Тихон (13.8.1875). Посвящен в сан иеродиакона (1877). Перешел в Богоявленский монастырь в Москве (19.8.1880), а затем в Раифскую пустынь (29.6.1881). Посвящен в сан иеромонаха (24.1.1883). Переведен в Седмиезерную пустынь (7.11.1883). Пострижен в схиму с именем Гавриил (5.10.1892). Награжден золотым наперсным крестом от Св. Синода (1900). Утвержден Св. Синодом наместником (фев. 1902). Возведен в сан схиархимандрита (9.6.1902). Перешел в Спасо-Елеазарову пустынь под Псковом (1908). Приехал в Казань 29.8.1915, где и скончался. Был погребен в Седмиезерной пустыни. Во время послереволюционного лихолетия мощи Старца были спасены его почитателями и покоились в алтаре одного из казанских храмов. Прославлен в Казанской епархии как местночтимый святой.

РУССКАЯ ПРАВДА
(К выборам в IV Государственную Думу)

Печатается по: *Архиепископ Антоний, Волынский.* Русская правда. (К выборам в 4-ю Госуд. Думу) // Голос Церкви. М. 1912. № 10. С. 168-174.

Об авторе см. в прим. 36 в 1-м т.

МОЕ ДОБРОЕ СЛОВО К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ

Печатается по: *Епископ Никон.* Мое доброе слово к православному духовенству // Голос Церкви. М. 1912. № 10. С. 175-180.

Об авторе см. в прим. 14 в 1-м т.

ОТЧЕСТВО ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Печатается по: *Епископ Никон.* Отчество Царской власти. (Из дневника епископа) // Голос Церкви. М. 1912. № 10. С. 44-52.

ВЛАСТЬ РУССКОГО ЦАРЯ

Печатается по: *Айвазов И. Г.* Власть Русского Царя // Голос Церкви. М. 1912. № 10. С. 150-166.

Об авторе см. в прим. к Жизнеописанию вл. Арсения в наст. т.

К ЗАКОНОПРОЕКТУ О РАСШИРЕНИИ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ

Печатается по: *Архиепископ Николай, Варшавский.* К законопроекту о расширении прав женщины // Голос Церкви. М. 1912. № 11. С. 141-145.

Автор статьи – *архиепископ Николай* (Зиоров, 1850 ‡ 20.12.1915), *Варшавский и Привислинский.* Духовный писатель.

ПОЧЕМУ НЕ СОЗЫВАЕТСЯ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР?

Печатается по: *Воронец Евстафий.* Почему не созывается Всероссийский Церковный Собор? // Голос Церкви. М. 1912. № 9. С. 182-196.

Все ссылки к наст. ст. принадлежат автору.

970. См. «Миссионерское обозрение». 1905. Март. Кн. 2. С. 806-808.

971. «Церковные ведомости». 1905. № 45. С.1897. «Прибавления».

972. «Церковные ведомости» 1905. № 14. С. 99 и № 45. С. 1899. «Прибавления».

973. «Церковные ведомости». 1905. № 48. С. 2047-2062. «Миссионерское обозрение». 1905. Ноябрь. Кн. 1. С. 920-93- и пр.

974. Отзывы эти печатались в «Церковных ведомостях».

975. «Церковные ведомости». 1906. № 1. С. 1-2.

976. «Приложение» к № 51-52 и «Церковные ведомости». 1906. С. 1.

977. «Церковные ведомости». 1912. № 9. С. 53-54.

О ПРАВЕ ЦЕРКОВНОГО ОТЛУЧЕНИЯ ИЛИ АНАФЕМАТСТВОВАНИЯ

Печатается по: *Митрополит Владимир, Московский.* О праве церковного отлучения или анафематствования // Голос Церкви. М. 1912. № 11. С. 3-35.

Об авторе см. прим. 38 в 1-м т.

Все ссылки к наст. работе принадлежат ее автору.

978. Бог есть любовь, – говорят они. – *Он так возлюби мір, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк верующий в Онь не погибнет, но имать живот вечный (1 Ин. 3, 16).* Зачем же отлучение в Его Церкви? Зачем отлучение от Бога и Христа после того, как *врази бывше, примирихомся Богу смертию Сына Его* (Рим. 5, 10)? Зачем проклятие, когда Христос *искупи нас от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13; 2 Кор. 5, 17-27)? Евангелие Господа Иисуса есть весть мира и любви; нигде не завещал Он в нем ненависти или вражды, но повсюду заповедует одну *любовь всеобъемлющую* (1 Кор. 13, 7). Церковь Православная должна быть хранительницей духа евангельского, духа Христова. Зачем же в ней отсечение от Христа, анафема (см. «Христианское чтение». 1826. Ч. XXII. С. 86)? «Церковь громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, – с этой точки зрения непостижимо отлучение от Церкви по распоряжению Синода», – говорит графиня С. Толстая в недавнем письме к С.-Петербургскому митрополиту.

979. Эти мысли высказываются под влиянием сочинения «Recht Kirchenbannes» Перча, которое все от начала до конца дышит ненавистью и злобой против св. Отцов и духовенства.

980. Разумеем одну только Православную Церковь, отнюдь не защищая тех злоупотреблений правом анафематствования, какие известны нам из средневековой практики римско-католической церкви и где, заметим, заключается источник предубеждений против анафематствования и в нашем обществе.

981. *Herod.* Lib. 2

982. *Бершацкий.* «Об анафеме». 69.

983. *Alexand.* Lib. 4.

984. *Corn. Nepot.* In vita Alcib. Cap. IV.

985. De bello gallico. Lib. VI. Cap. 13.

986. См. *Taciti.* Germania. Cap. VI.

987. *Дионисий Галикарнасский.* Римские древности. Кн. II. Гл. 10.

988. Там же.

989. *Перч.* Recht Kirchenbannes.3, 4 и 5.

990. 2-я кн. Ездры, 9, 9.

991. *I. Buxtorf.* Lexicon chaldaic, talmudic et rabbinicum.

992. *Selden.* De sinedriis.

993. *Selden.* De Jure nat. et gent. P. 508-510. Хотя краткое, но исторически верное изложение всех трех видов иудейского отлучения можно читать и в книге о «чине Православия», студ. Киевской Дух. академии Стефана Семеновского. С. 13-17.

994. Вследствие этого они называли их собаками, в ненавистнейшем смысле этого слова *(Мф. 15, 26).*

995. Читай у *Златоуста* 18-ю беседу на Матфея, у *Оригена* Commentar in Evang. Mathei.; у *Августина* Contra adversar., T.1. С. 17 и др.

996. *Златоуст.* Беседа V на 1-е послание к Тимофею.

997. «О единстве Церкви».

998. См. в «Церковной истории» *Евсевия.* Кн.V. Гл. 28.

999. Там же. Кн. I. Гл. 16.

1000. Перечислив места Св. Писания, в которых говорится о церковном отлучении, Лютер говорит: «Эти и подобные места суть неизменная заповедь Великого Бога; мы не в праве отменять ее. Хотя папство и злоупотребляет правом отлучения, допуская это во вред Церкви, тем не менее не отменять, а лишь правильно и с надлежащей осторожностью употреблять его должны мы по воле и заповеди Христовой» (см. *Tischreden F.*. Frankfurt. Ausgabe 1569. S. 177).

1001. В формуле экскоммуникации, составленной Кальвином, говорится: «Мы, служители Божии, сражающиеся оружием духа, мы, которым дана власть вязать и решить, исторгли N.N. во имя и по власти Иисуса Христа из недр церковных, – отлучили и устранили его из общения с верующими; да будет он проклят между ними; да отвращаются от него все, как от язвы, и да не имеет с ним никто никакого общения и сношений. Этот приговор отлучения подтвердит и Сын Божий» (см. Leben Kalwins. 11. S. 31).

1002. «Старайся, говорю я, чтобы отлучение от Церкви совершаемо было правильно и законным образом, ибо оно влечет за собою страшный суд Божий» (*Tischreden.* S. 176).

1003. Например, Иероним, Августин.

1004. *Иероним.* Epist. XIV ad Heliodor.

1005. *Тертуллиан.* Apolog., 31.

1006. De corruptione et gratia. C. XV.

1007. *Bingam.* Origen. Кн. VII. Гл. IV. С. 5.

1008. Прекрасно развита эта мысль в сочинении Семенова, студ. Киевской академии, «О чине Православия».

1009. *Киприан.* Epist. LXI.

1010. Беседа XV на 1 Коринф. V.

1011. Epist. LXII ad Pomponium.

1012. Epist. ad Carthagen. Concili patres.

1013. Слич. Духовный Регламент. С. 38. Пункт 16.

ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО «ПОСТАНОВЛЕНИЯМ АПОСТОЛЬСКИМ»

Печатается по: *Епископ Феодор (Поздеевский).* Церковно-богослужебная практика по «Постановлениям Апостольским» // Голос Церкви. М. 1914. № 2. С. 29–48.

Архиепископ Феодор (Александр Васильевич Поздеевский, 21.3.1876 ‡ 23.10.1937), *Волоколамский,* викарий Московской епархии – родился в с. Макарьевском Ветлужского уезда Костромской губернии в семье священника. После окончания Казанской Духовной академии (1900) оставлен при ней профессорским стипендиатом. Принял монашеский постриг. Преподаватель, а затем инспектор Калужской Духовной семинарии (1901-1902). Магистр богословия (1903). Ректор Духовных семинарий: Тамбовской (1904) и Московской (1906). Ректор Московской Духовной академии (1909). Хиротонисан во епископа Волоколамского (14.9.1909). Его духовником был известный старец – схиархимандрит Гавриил (Зырянов). Управляющий Московским Даниловым монастырем (1.5.1917). Читал курс аскетики в Высшей богословской школе, открытой при Даниловом монастыре (1918). Назначен Патриархом Тихоном на Пермскую и Кунгурскую кафедру (июнь 1918). Арест, а потом ссылка (1922). Возведен в сан архиепископа с правом ношения креста на клобуке (август 1923). Назначен управляющим Петроградской епархией (октябрь 1923); от назначения отказался. Арестован (16.4.1924). Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19.6.1925 осужден по ст. 59 (сношение с иностранными государствами) и ст. 73 (измышления и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений) УК РСФСР к высылке в Киркрай на три года. Ссылка (1925-1937). Расстрелян в Ивановской тюрьме. Незадолго до кончины принял схиму с именем своего покровителя преп. Даниила Московского. Строгий монах и аскет, знаток святоотеческого богословия и канонического права, пользовался большим уважением среди архиереев. Предостерегал Патриарха Тихона против слишком больших уступок власти и против каких-либо переговоров с обновленцами. «Он считал, – вспоминал близко знавший владыку архиеп. Леонтий (Филиппович, 7.8.1907 ‡ 2.7.1971), Чилийский, – что до тех пор, пока Православная Церковь не получит право на действительно свободное существование, не может быть никаких разговоров с большевиками. Власть только обманывает, ничего из обещанного не исполняет, а, наоборот, обращает все во зло Церк-

ви. Поэтому лучше было бы Святейшему Патриарху Тихону сидеть в тюрьме и там умереть, чем вести разговоры с большевиками, потому что уступки могут привести Православную Церковь, в конце концов, к постепенной ее ликвидации и смутят всех, как в России, так и, особенно, за границей» *(Монахиня Иоанна.* Исповеднический путь владыки Феодора // Православная жизнь. Джорданвилль. 1995. № 9. С. 24). «Как-то в конце лета 1919 года, – вспоминает очевидец, – трое каменщиков, ремонтировавших колонны Троицкого (Даниловского монастыря – *С. Ф.)* собора, сели отдохнуть на лавочке у «черного хода» настоятельского дома. Среди них зашел разговор о недолговечности советской власти. Неожиданно из сеней дома вышел владыка Феодор в простом сереньком подряснике. Очевидно, он что-то мастерил в сенях. Он остановился около каменщиков и сказал: «Я невольно слышал ваш разговор. Те, кто думает, что советская власть недолговечна, – ошибаются. Эта власть – всерьез и надолго, потому что ее поддерживает большинство народа. Если вообще когда-либо произойдет замена этой власти другою, то это может случиться очень не скоро, через несколько поколений и только тогда, когда ее руководители оторвуться от народа» (*Макаров М.* Даниловцы // Московский журнал. М. 1992. № 6. С. 46). Считался главой «Даниловской» оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому).

Все ссылки к наст. работе принадлежат ее автору.

1014. «Haer». XLV. Cap. 2; Haer. LXX. Cap. 10, 11, 12 и др. Opp. T. 1. P. 836; T. 2. P. 356. 360. Paris. 1858.

1015. Ист. Церк. Кн. 3. Гл. 25. С. 156. СПб. 1848. «και τῶν ἀποστόλων αι λεγόμεναι Διαδαχαὶ».

1016. Отрыв. из 39 прав. посл. твор. Ч. 3. С. 423. М. 1853.

1017. Слово «πολιτεία» обозначало не только государственное устройство и управление, но и обязанности, образ жизни и действия гражданина, и церковные Писатели воспользовались им для обозначения как церковного устройства, так и обязанностей, образа жизни христиан.

1018. Чин литургии 8 кн. излагается в связи с рукоположением во епископа.

1019. В 59 гл. 2 кн. говорится о трех молениях за верных, разумеются молитвы за верных в начале литургии по выходе оглашенных (Прим. стр. 95 Пост. Ап.).

1020. Apol 1. 65-67.

1021. *Смирнов.* Богосл. Хр. со врем. Апост. С. 426.

1022. Какое это богослужение, не говорится; может быть самый чин отпевания.

«НА ВСЯКОЕ ВРЕМЯ И НА ВСЯКИЙ ЧАС»
(Краткие размышления на «молитвы молебныя, числом двадесятим четырем, часом дневным и нощным, святаго Иоанна Златоустаго»)

Печтается по: *А. З.* «На всякое время и на всякий час». (Краткие размышления на «молитвы молебныя, числом двадесятим четырем, часом дневным и нощным, святаго Иоанна Златоустаго») // Голос Церкви. М. 1914. № 10. С. 35-49.

У ПРЕЧИСТОЙ В ЧЕНСТОХОВЕ И ВИЛЬНЕ

Печатается по: *В. Ш.* У Пречистой в Ченстохове и Вильне // Голос Церкви. М. 1912. № 2. С. 52-62

Автор, скрывшийся под криптонимом *В. Ш.*, был лектором Петербургской Духовной академии.

АСКЕТИЗМ, КАК ОСНОВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Печатается по: *Архимандрит Тихон (Тихомиров).* Аскетизм, как основа Русской культуры // Голос Церкви. М. 1915. Переиздано: Православная жизнь. Джорданвилль. 1996. № 9. С. 9-26.

Публикуемая статья является речью, произнесенной архим. Тихоном 28.1.1915 на годичном собрании Киевского Православного религиозно-просветительного общества.

Архимандрит (впоследствии епископ) *Тихон* (Александр Львович Тихомиров, 26.8.1882 ‡ 25.3.1955) – родился в Женеве в семье публициста, в то время знаменитого революционера, позже ставшего не менее известным монархистом – Л. А. Тихомирова (1852 ‡ 1923). Крещен 25.6.1889 епископом Мисаилом (Крыловым), которого в 1920-х гг. отпел, будучи епископом. Поступил в Московскую Духовную академию (1902), где был пострижен в монашество с именем Тихон, а вскоре рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Именно в стенах Академии он начал вести подвижническую жизнь. Молчальник, делатель непрестанной Иисусовой молитвы, спал он совсем мало, да и то только сидя. Из рассказов его товарищей по Академии, будущих епископов Арсения (Жадановского) и Серафима (Звездинского), известно, что еще в ту пору о. Тихон «поражал своих товарищей своей нелюдимостью, своими странностями». Окончил Академию (1906) со степенью кандидата богословия; получил назначение преподавателем в Новгородскую Духовную семинарию. Помощник синодального ризничего; преподаватель, а затем инспектор Вифанской Духовной семинарии (1908-1913). В этот период он сближается с архимандритом Арсением (Жадановским) и иеромонахом Серафимом (Звездинским). Сотрудничал в журнале «Голос Церкви», свидетельством чего является публикуемая нами статья. Занимаясь переводами, перевел с греческого на церковнославянский кондаки преп. Романа Сладкопевца. Ректор Новгородской Духовной семинарии (1913) с возведением в сан архимандрита. После революции некоторое время жил в Сергиевом Посаде и его окрестностях. Хиротонисан во епископа Череповецкого, викария Новгородской епархии (1920). Твердо стоял на Православных позициях, против обновленцев. Написал акафист преп. Антонию Черноезерскому (1920). Назначен епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии (1924) на место расстрелянного большевиками епископа Варсонофия (Лебедева). После изгнания епархиальным съездом духовенства, как поминавший Патриарха Тихона, жил в Нило-Сорской пустыни. Служил строго по уставу, без сокращений. «Не мы эти службы составили, – говорил он, – в них каждое словечко значит многое. Духом Божиим составлены службы, как же можно опускать в них что-нибудь! Мы же не знаем, какие последствия будут от всех этих сокращений. Каяться надо тем, кто сокращает!» Духовные чада вспоминали: «Еще Владыка говорил: «Если ты пастырь, то должен жить строго». Тех, кого он рукополагал во священники, жили по три дня в алтаре. Владыка брал с них обещание, что они самовольно не будут службы сокращать – только тогда рукополагал. Это был великий молитвенник и старец, и какой строгий к себе! Он почти не спал. 15 минут подремлет сидя – и снова встает на молитву – так целыми ночами напролет молился, а мало кто знал об этом. В Рождественский

пост обязательно читал молитву преподобного Ефрема Сирина. На Великом посту в первую седмицу не вкушал пищи совсем. Со второй седмицы в понедельник и вторник не вкушал пищи, не пил воды. В среду отслужит Литургию Преждеосвященных даров, и после этого трапеза: смешает в стакане ржаные сухари, соленые грибы, немного чеснока – и все. Четверг – не вкушает. В пятницу после Литургии – снова стакан сухарей с грибами. В воскресенье пил чай. И так весь Великий пост. Если кто поел рыбы – Владыка на следующий день не причащал, нужно день подождать, потому что с кровью еда. Очень почитал Владыка святителя Николая, каждый день акафист ему читал». В 1924 г. Нило-Сорский монастырь был закрыт, но еп. Тихон некоторое время продолжал жить в нем; его постоянно вызывали в ГПУ. Служил он в храме Свв. безсребренников Космы и Дамиана в Сорове, жил в доме священника. По воспоминаниям духовных чад, «то было время огненной молитвы о России, о спасении ее от погружения во тьму и ужас безбожия. В Сорове его не видели спящим и отдыхающим». Задумав написать акафисты всем двунадесятым праздникам, в Сорове он написал акафисты: Рождеству Пресвятой Богородицы, на Преображение Господне, на Лазарево воскрешение, на Вознесение Господне. Исправил и дополнил акафист свв. безср. Косме и Дамиану, в Риме пострадавшим (1/14 июля); внес подстраничные дополнения и изменения, если акафист читается свв. безср. Косме и Дамиану Асийским (память 1/14 ноября). Арестован и заключен в лагерь на три года (1927), где, работая на лесоповале, подорвал здоровье, став неспособным к работам. После освобождения с келейницей м. Ермогеной (Телицыной), инокиней Горицкого монастыря, скрывался у родственников в Сергиевом Посаде. Уехал к духовным чадам в Ярославль, где жил в тщательно замаскированной комнате. В 1931-1932 гг. написал акафисты: Рождеству Христову, на Сретение Господне, на Богоявление Господне, на Благовещение Пресвятой Богородицы. Святейший Патриарх Алексий I хорошо его знал и почитал, писал к нему с оказией, получая ответы. Предлагал Владыке епархию, но тот отказался, сославшись на болезнь. В Ярославле же до самой смерти почти никто не знал, что в городе живет архиерей. Облачал его после смерти и отпевал иеромонах (впоследствии митрополит) Никодим (Ротов) – духовное чадо еп. Тихона. Погребли Владыку на Туговой горе в Ярославле. Семейные святыни семьи Тихомировых, фотографии и рукописи епископа Тихона находятся в настоящее время у вологодского священника Сергия Телицына. (*О. Сергий Телицин.* Новомученики Российские. Преосвященный Тихон, епископ Кирилловский // Русский Паломник. № 9. Чико (Калифорния). Валаамское общество Америки. 1994; *Мон. Иоанна.* Путем скорбным креста // Православная жизнь. Джорданвилль. 1996. № 9. С. 1-8; *Трофимов А.* Епископ Тихон (Тихомиров) // К свету. № 15. М. Б. г. С. 172-178).

Все ссылки к наст. работе принадлежат ее автору.

1023. *Бугославский П. И.* Французское общество накануне отделения церкви от государства. Чернигов. 1912. С. 3.

1024. По Фейербаху, см.: *Курявцев П. П.* Абсолютизм или релятивизм? Киев. 1908. С. 176.

1025. Там же. С. 186 – 187.

1026. *Архим. (ныне архиеп.) Платон.* Христианство и социализм. Киев. 1900. С. 4.

1027. *Знаменский С.* Современный индивидуализм в эпическом отношении // Богословский вестник. 1906. Т. 3. С. 707.

1028. *Дюпанлу.* Беседы о проповедничестве. СПб. 1899. 3-й, 1. Ср. *Бугославский.* Цит. соч. С. 3.

1029. *Завитневич В. З.* Банкротство начал германской культуры // Тр. Московской Духовной академии. 1915. 1, 49.

1030. *Завитневич В. З.* Цит. статья.

1031. *Кожевников В. А.* О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем // Хр. Чт. 1909. № 1. С. 1400.

1032. *Яковлев.* Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб. 1872. С. 100.

1033. Жития муч. Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, сент. 10; св. Софии и чад ее, сент. 17.

1034. «Пролог» на 21 сент., «Слова св. отцев како подобает жити крестьяном».

1035. «Пролог» на 31 окт., «Слово Петра Черноризца».

1036. *Епископ Евгений.* Творения свят. Кирилла Туровского. Киев. 1880. «Молитва свят. Кирилла Туровского».

1037. *Пономарев.* Памятники древнерусской учительной литературы. СПб. 1894. 3, 31. «Слово св. апостол и св. отец, како жити христианом».

1038. Там же, 3, 83. «Слово св. отец о славе міра сего».

1039. Там же, 3, 17. «Стословец св. Геннадия».

1040. «Слово о мірском сану и мнишеском чину».

1041. *Пономарев.* Памятники. 3, 42-44; ср. *Кожевников В. А.* Цит. статья. С. 1406-1407; там же. С. 1403-1405, ср. Предшествующие выдержки из древнерусской письменности.

1042. *Кожевников.* Цит. статья. С. 1409-1411, где приводятся многочисленные выдержки из древнерусской письменности, подтверждающие все эти пункты.

1043. Домострой. Издание Орлова. М. 1908. С. 6, 21, 23, 24.

1044. Там же. С. 8.

1045. Там же. С. 11.

1046. Почти все канонизированные на Руси святые были иноками (более трехсот).

1047. *Завитневич В. З.* Что следует понимать под так называемым «разрывом» русского интеллигентного общества с народом // Тр. К. Д. акад. 1907. 2, 360–361.

1048. *Завитневич В. З.* Банкротство начал германской культуры // Тр. И. К. Д. акад. 1915. 74. Газета «Киев». 1914. № 336. С. 2; «Англичанин о русских», «Седой судья» (Д. Т. Туткевич).

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ЕПИСКОПА АРСЕНИЯ (ЖАДАНОВСКОГО)

РОДИТЕЛЬ 5

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК НАМЕСТНИКА
КАФЕДРАЛЬНОГО ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ
АРХИМАНДРИТА АРСЕНИЯ 11

БРАТИЯ МОСКОВСКОГО
КАФЕДРАЛЬНОГО ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ 12

Монахиня Сергия (Клименко)

ПРЕДСКАЗАНИЕ 13

Т. Лобашкова

ХРАМ-УСЫПАЛЬНИЦА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА 15

В. Ф. Джунковский

ОСВЯЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА И УСЫПАЛЬНИЦЫ 18

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДЫКЕ 19

В. Ф. Джунковский

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА
В МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ 22

Князь А. М. Голицын

«ВСЕГДА ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ» 23

Владыка Арсений – редактор журнала «Голос Церкви»
1912-1917 гг.

УКАЗ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО,
ИЗ СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА. 25

И. Г. Айвазов

ОТ РЕДАКЦИИ. 26

Архиепископ Никон (Рождественский)

ПРИВЕТ «ГОЛОСУ ЦЕРКВИ» 27

В. Ф. Джунковский
ТОРЖЕСТВА В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ 28
Архимандрит Арсений (Жадановский)
ПРИЗЫВ К ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ. 31
Игумен Серафим (Кузнецов)
ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ЕРМОГЕНА. 34
ПАЛОМНИЧЕСТВО В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ 37
И. Дементьев
«ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ» 38
ХИРОТОНИЯ 42
Епископ Арсений (Жадановский)
ДОСТОПАМЯТНЫЕ СКАЗАНИЯ 42
Чудовский богомолец
НОВЫЙ ВИКАРИЙ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ 45
НАРЕЧЕНИЕ И ХИРОТОНИЯ
АРХИМАНДРИТА АРСЕНИЯ ВО ЕПИСКОПА 47
РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ НАМЕСТНИКОМ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ
АРХИМАНДРИТОМ АРСЕНИЕМ ПРИ НАРЕЧЕНИИИ ЕГО
ВО ЕПИСКОПА СЕРПУХОВСКОГО,
ВИКАРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ 49
РЕЧЬ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО МАКАРИЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО
ПРИ ВРУЧЕНИИ ЖЕЗЛА ПРЕОСВЯЩЕННОМУ
АРСЕНИЮ, НОВОПОСТАВЛЕННОМУ ВО ЕПИСКОПА
СЕРПУХОВСКОГО, ПЯТОГО ВИКАРИЯ МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ, 8 ИЮНЯ 1914 г. 54
НА АРХИЕРЕЙСКОЙ ДАЧЕ В ЧЕРКИЗОВЕ 55
В. Ф. Козлов
В ГЛАВНОМ ЦЕРКОВНОМ ДОМЕ МОСКВЫ 56
ВЛАДЫКА АРСЕНИЙ
И АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (ЗВЕЗДИНСКИЙ) 58
РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ»
1915-1917 гг. 64
ДЕТСКИЙ ПРИВЕТ АРХИПАСТЫРЮ 65
ВЛАДЫКА АРСЕНИЙ И ИМЯСЛАВИЕ. 66
ПОСТРИГ ДУХОВНОГО ОТЦА. 84
С. Н. Дурылин
ТИХАЯ МОЛИТВА 85
ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ 86

СЛУЖБА И АКАФИСТЫ

СЛУЖБА С АКАФИСТОМ
ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЕ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЕ
В ЧЕСТЬ И ПАМЯТЬ СВ. ИКОНЫ ЕЯ «ПОКРЫВАЮЩАЯ». 89
АКАФИСТ ИКОНЕ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»....107
АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ АРСЕНИЮ ВЕЛИКОМУ....114

СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ

I. РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОЙ
ГОРОДСКОЙ ДУМЕ 22 ИЮЛЯ 1914 г.
ПРЕД МОЛЕБНОМ О ДАРОВАНИИ ПОБЕДЫ. 125
II. РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ В МОСКОВСКОМ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ 24 АВГУСТА 1914 г.
ПРЕД ОТКРЫТИЕМ ЧТЕНИЙ ДЛЯ РАБОЧИХ....126
III. РЕЧЬ В МОСКОВСКОМ АЛЕКСЕЕВСКОМ
ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ 22 ОКТЯБРЯ 1914 г.
В ДЕНЬ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА....128
IV. РЕЧЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО
МОЛЕБНА НА ВВЕДЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ 129
V. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ЛАЗАРЕТА ДЛЯ РАНЕНЫХ
ВОИНОВ МОСКОВСКИМ ДВОРЯНСКИМ СОБРАНИЕМ....130
VI. РЕЧЬ ВО II КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ДЕНЬ
ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 8 НОЯБРЯ 1914 г. 131
VII. РЕЧЬ В ЗЛАТОУСТОВСКОМ РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКОМ КРУЖКЕ УЧАЩИХСЯ г. МОСКВЫ,
ПРЕД МОЛЕБНОМ НЕБЕСНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ КРУЖКА 133
VIII. РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ
ПОДМОСКОВНОГО СЕЛА ЧЕРКИЗОВА 16 АВГУСТА 1914 г. 134
IX. РЕЧЬ ПРИ СЛУЖЕНИИ В ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ,
ЗА КРЕСТОВСКОЙ ЗАСТАВОЙ, В МОСКВЕ 9 НОЯБРЯ 1914 г. 136
X. РЕЧЬ В III КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ, В ДЕНЬ
ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА 23 НОЯБРЯ 1914 г. 138
ДУХОВНАЯ БЕСЕДА....140
ГРАФ ТОЛСТОЙ И НАШЕ НЕВЕРИЕ. 157

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ ПРАКТИКА ПРИЧАЩЕНИЯ СВ. ТАИН 169
I. Причащение в храме 171
Кто преподавал верующим св. Дары 171
Как древние христиане принимали
Тело и Кровь Господа 172
Что произносили верующие,
получая Тело и Кровь. 176
Преподающие причастие также
произносили известную формулу 176
Причащение детей 177
С какими чувствами и в каком положении
древние христиане приступали к св. причащению 178
В каком месте храма древние христиане причащались
и когда произошло отделение причащения
священнослужителей от мірян 179
Как часто древние христиане причащались 183
Когда принимали древние христиане св. Дары:
прежде пищи или после нее? 186
Для евхаристии употреблялся
квасный хлеб, а не опресноки 187
II. Причащение вне храма 189
Хранение св. Даров 191
ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ
Вступление. 194
I. Светоч Православной Церкви Христовой
преподобный Макарий Египетский 196
II. Творения преподобного Макария Египетского
в их систематическом изложением 224
а) Невинное состояние первых людей. 225
б) Состояние человека после падения 227
*в) Падший человек не мог сам спастись: потребовалось
пришествие Господне. Величие христиан* 233
*г) Призвание людей ко Христу. Взаимоотношение
в этом акте призвания благодати Божией и свободы
человека. Остается ли грех в человеке после его
духовного возрождения в крещении?* 238
д) Порочная жизнь христиан 242

е) Процесс нравственного усовершенствования христианина.....246
1. Трудничество.....251
2. Внутренняя борьба.....254
3. Внешняя борьба.....258
4. Какими же может располагать христианин средствами в борьбе с препятствиями на пути его шествия ко Христу?.....259
5. В трудничестве христианина никогда не оставляет благодать Божия; напротив того, – она имеет особое попечение о таковом христианине и действует как бы по известным законам.....271
ж) Плоды нравственного преуспеяния христианина.....275
з) Смерть и будущая жизнь.....286
III. Обзор бесед преподобного Макария Египетского.....291
Преподобный Макарий как экзегет.....306
Преподобный Макарий как проповедник.....310
IV. Творения, приписываемые преп. Макарию.....320
а) Рассказ страшный и изумляющий ум......320
б) Его же другие рассказы......321
в) Начало письма св. Макария к сынам Божиим.....323
V. Литература о преп. Макарии Египетском.....326
МОСКОВСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ КРЕМЛЬ И ЕГО СВЯТЫНИ
Спасская башня.....329
Св. благоверная Княгиня Московская Евфросиния и основанный ею Вознесенский женский монастырь.....338
ПЕЧАТНЫЙ АНТИМИНС 1612 ГОДА.....348

ВОСПОМИНАНИЯ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК И В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ПАЛЕСТИНУ.....355
ДУХОВНЫЕ СТИХИ
Тайная вечеря.....425
Псалом о кресте.....425
Стих Николаю Чудотворцу.....427
Стих пророку Иоанну Крестителю.....428
Жертва мщения.....430

Переложение молитвы
«Покаяния отверзи ми двери.» 434
Минуты покаяния 434
Похвала Пресвятой Богородицы 436
Молитва 436
Вифлеемские путники.
(Легенда, распространенная на Востоке) 437
Пред образом Успения 439

ПРИЛОЖЕНИЯ

Гефсиманская женская община

Иеромонах Арсений
«ДОМ БОГОРОДИЦЫ» 443
Иеродиакон Евстратий
ВСТРЕЧА ИКОН В ГЕФСИМАНИИ 450
ВЫСТАВКА ИКОНОПИСИ 455

По страницам журнала «Голос Церкви»

Схиархимандрит Гавриил (Зырянов)
О МИРЕ БЛАГОДАТНОМ
(Письмо Старца духовным детям) 456
Архиепископ Антоний (Храповицкий)
РУССКАЯ ПРАВДА
(К выборам в IV Государственную Думу) 458
Епископ Никон (Рождественский)
МОЕ ДОБРОЕ СЛОВО К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ 464
Епископ Никон (Рождественский)
ОТЧЕСТВО ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ
(Из дневника епископа) 468
И. Г. Айвазов
ВЛАСТЬ РУССКОГО ЦАРЯ 474
Архиепископ Николай (Зиоров)
К ЗАКОНОПРОЕКТУ О РАСШИРЕНИИ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ 486
Евстафий Воронец
ПОЧЕМУ НЕ СОЗЫВАЕТСЯ
ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР? 489
Митрополит Владимир (Богоявленский)
О ПРАВЕ ЦЕРКОВНОГО ОТЛУЧЕНИЯ
ИЛИ АНАФЕМАТСТВОВАНИЯ 498

Епископ Феодор (Поздеевский)
ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПРАКТИКА
ПО «ПОСТАНОВЛЕНИЯМ АПОСТОЛЬСКИМ» 516
А. З.
«НА ВСЯКОЕ ВРЕМЯ И НА ВСЯКИЙ ЧАС»
(Краткие размышления на «молитвы молебныя,
числом двадесятим четырем, часом дневным
и нощным, святаго Иоанна Златоуста) 530
В. Ш.
У ПРЕЧИСТОЙ В ЧЕНСТОХОВЕ И ВИЛЬНЕ 542
Архимандрит Тихон (Тихомиров)
АСКЕТИЗМ, КАК ОСНОВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 548

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ 567

Православное издательство «Паломникъ» предлагает широкий выбор православной литературы, осуществляет отгрузку и транспортировку книг контейнером в разные концы России. Список предлагаемых книг публикуется и на странице издательства «Паломникъ» в интернете:

http://www.palomnic.ru
E-mail: palomnik@mail.ru

Адрес оптового склада: **Москва, Рубцов пер., д. 4.**
Тел./факс (095) 972-36-45. Время работы с 11.00-18.00.
Проезд: ст. м. Бауманская, далее по схеме:

Издательство «Паломникъ» предлагает жителям России и стран СНГ возможность приобретения книг по почте. Свой заказ на нужную Вам книгу необходимо отправить в отдел Книга-почтой по адресу: **119607, Москва, А/Я 53, Юдиной Н. И.**

Для получения ответа к заказу необходимо приложить чистый конверт с маркой и заполненным почтовым адресом заказчика. Книги высылаются по предоплате. Дополнительную информацию можно узнать по телефону: (095) 931-66-24.

ISBN 5-87468-175-2
© «Паломникъ», 2002.

ЛР 066242 от 25.12.98.
Издательство «Паломникъ».
Подписано к печати 10.06.2002. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «Петербург».
Объем 39 п. л. Усл.п.л. 50,31. Тир. 3000 экз. Зак.22153.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Молодая гвардия»
Адрес типографии «Молодая гвардия»:
103030, Москва, Сущевская , 21.
Адрес издательства: 103030, Москва, Сущевская, 21.